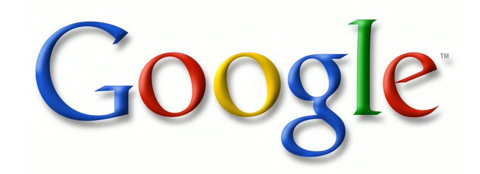
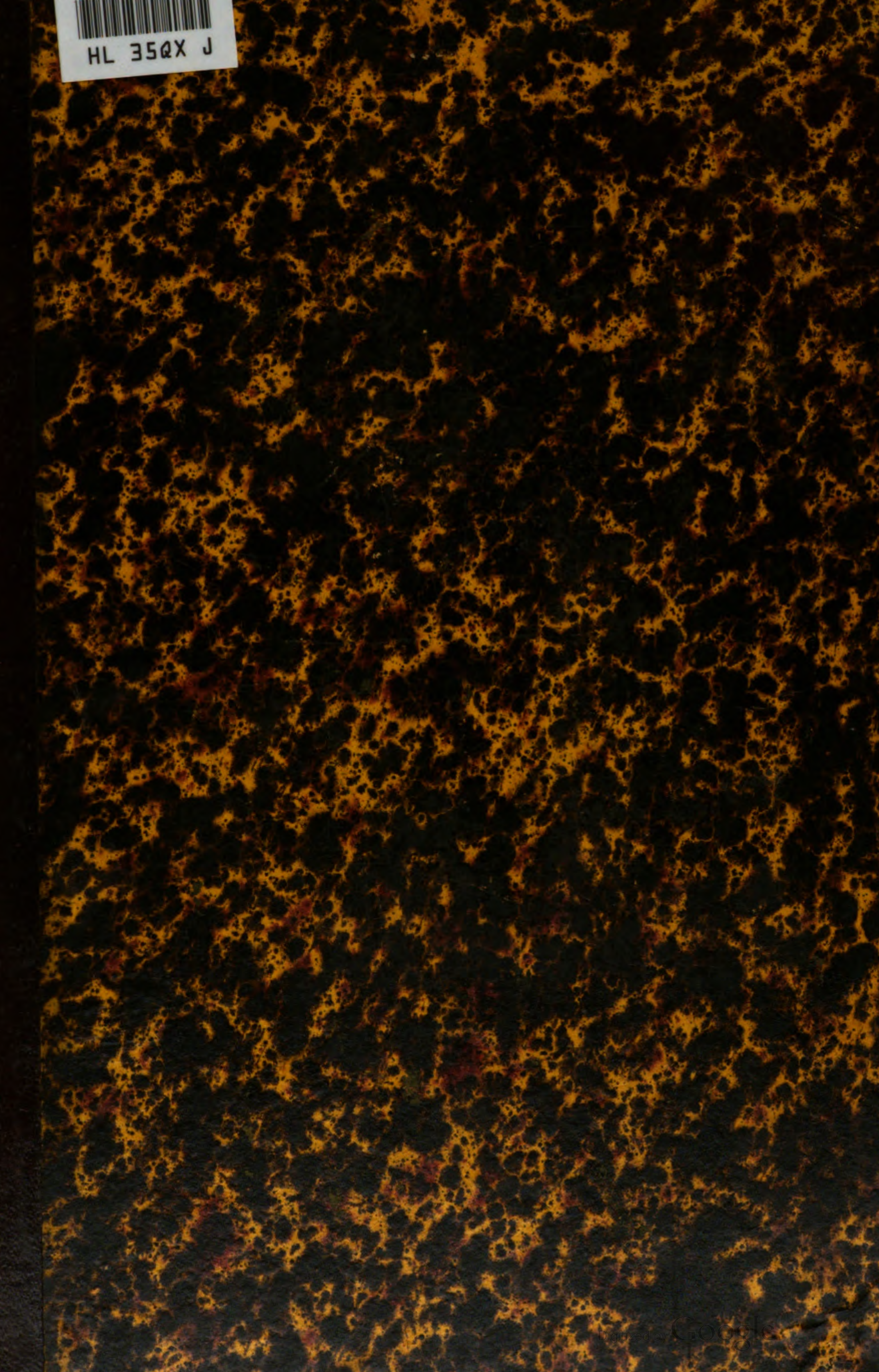
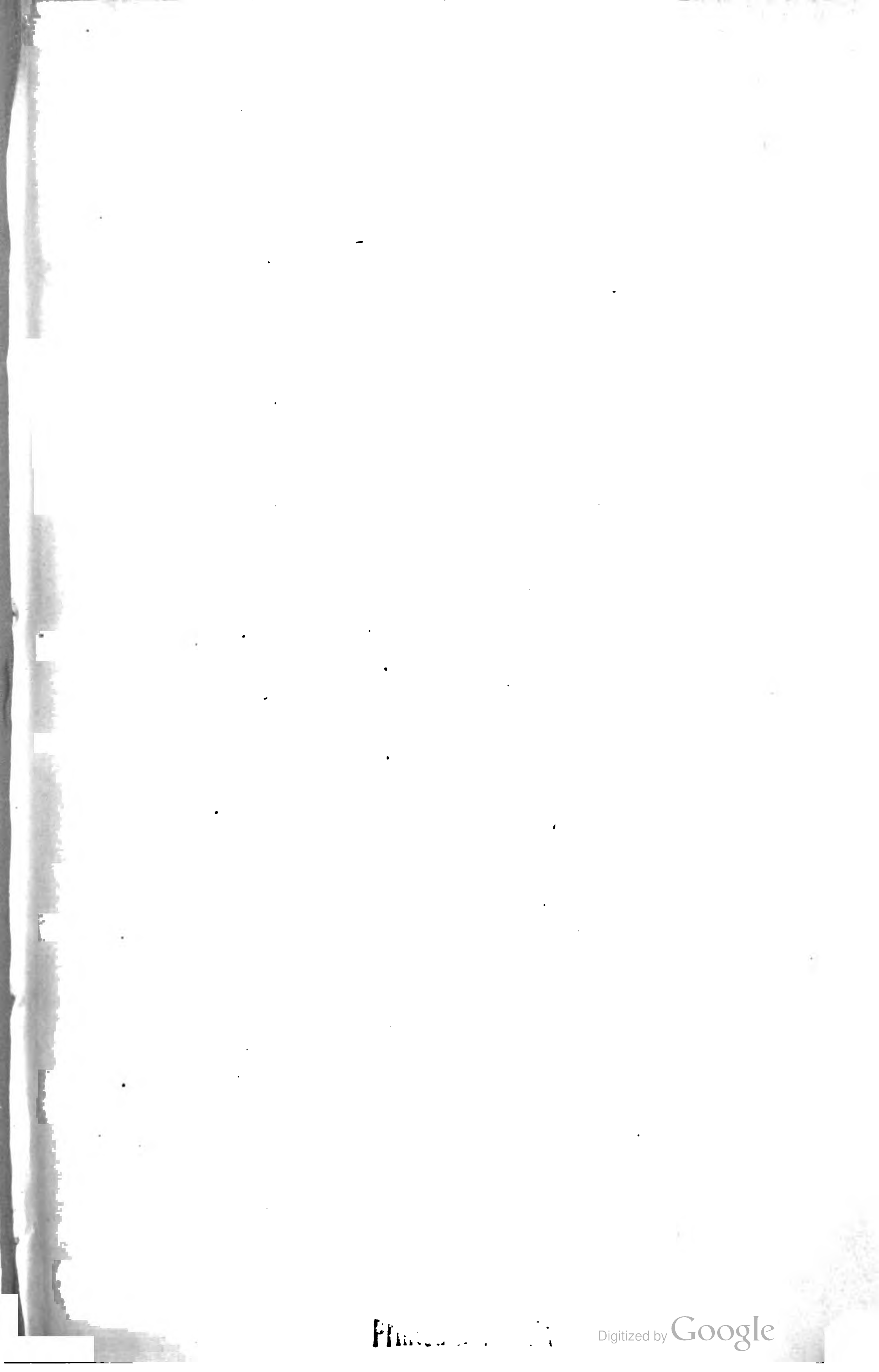

БИБЛIОТЕКИ ГОСУДАРСТВЕННАГО СОВѢТА
Шкапъ
Полка
№
2243

ВРЕМЕННИКЪ

ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ЛИЦЕЯ.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1876.

Печатано по опредѣл. Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ М. Капустинъ.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСѢДАНІЙ СОВѢТА ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ЛИЦЕЯ.

1875 года Августа 19-го дня Слушали: 1) Предложеніе г. Попечителя московскаго учебнаго округа отъ 29-го мая сего года за № 3022, слѣдующаго содержанія: По разсмотрѣніи въ Совѣтѣ Министра Народнаго Просвѣщенія донесенія одного изъ Попечителей учебныхъ округовъ объ утратѣ изъ Библіотеки Университета значительнаго числа книгъ и періодическихъ изданій, изъ коихъ нѣкоторыя весьма цѣнны, Совѣтъ Министра. во избѣжаніе повторенія подобныхъ случаевъ на будущее время, призналъ совершенно необходимымъ преподать въ руководство высшимъ учебнымъ заведеніямъ опредѣлительныя правила пріема, храненія и употребленія библіотечнаго матеріала и въ сихъ видахъ поручить означеннымъ учрежденіямъ приступить безотлагательно къ составленію проэктовъ таковыхъ правилъ и представить оныя въ Министерство Народнаго Просвѣщенія чрезъ Попечителей учебныхъ округовъ, съ заключеніями сихъ послѣднихъ. Сообщая о таковомъ постановленіи Совѣта Министра, состоявшемся въ засѣданіи онаго 10 февраля сего года. Попечитель московскаго учебнаго округа проситъ Совѣтъ Демидовскаго Юридическаго Лицея составить проэктъ библіотечныхъ правилъ и доставить таковой къ нему для представленія въ Министерство. *Опредѣлили:* Настоящее предложеніе Попечителя московскаго учебнаго

округа принять къ свѣдѣнію и исполненію и по составленіи требующагося проэкта правилъ, представить оный къ г. Попечителю Округа.

2) Предложеніе его же г. Попечителя отъ 7 іюля за № 3820, которымъ даетъ знать, къ исполненію, что, вслѣдствіе представленія его, Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, г. Товарищъ Министра, отъ 27 іюня за № 6981-мъ изъявилъ согласіе на перемѣщеніе исправляющаго должность Экстраординарнаго Профессора Демидовскаго Юридическаго лицея, по каѳедрѣ Энциклопедіи права, *Дитятина* на каѳедру исторіи Русскаго права того же лицея, о чемъ и будетъ внесено въ приказъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія. *Опредѣлили*: Настоящее предложеніе г. Попечителя московскаго учебнаго Округа принять къ свѣдѣнію, и о перемѣнѣ по службѣ г. Дитятина внести статью въ формулярный его списокъ.

3) Окончившій курсъ въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ Студентъ Иванъ Глаголевъ представилъ сочиненіе на степень кандидата «Историческое изслѣдованіе о подсудности русскаго духовенства». По одобреніи этого сочиненія, *Опредѣлили:* Утвердить Студента Ивана Глаголева въ степени Кандидата юридическихъ наукъ; письменный же отзывъ объ этомъ сочиненіи преподающаго каноническое право, Профессора Богословія Протоіерея Лаврова, напечатать во Временникѣ Лицея.

4) Ординарный Профессоръ Лицея В. В. Сокольскій, представилъ Совѣту написанную имъ рѣчь: «о значеніи вѣщателей Права въ первобытныхъ обществахъ, преимущественно у древнихъ Кельтовъ и Германцевъ», для произнесенія оной на актѣ, имѣющемъ быть 30 сего августа. Одобривъ означенную рѣчь, Совѣтъ *Опредѣлилъ:* Просить г. Сокольскаго прочесть оную на актѣ 30 сего августа.

5) Произнесеніе рѣчи на актѣ, имѣющемъ быть 30 августа 1876 года, Совѣтъ просилъ принять на себя И. И. Дитятина, который и изъявилъ на то согла-

сіе. *Опредѣлили*: Записать о семъ въ журналъ настоящаго засѣданія.

6) Составлено росписаніе экзаменовъ студентамъ Лицея, которымъ разрѣшено было Совѣтомъ держать экзамены въ августѣ мѣсяцѣ. *Опредѣлили*: Росписаніе это утвердить.

7) Составлено росписаніе лекцій на первую половину 187⁵/₆ учебнаго года. *Опредѣлили*: Утвердить это росписаніе. (Росписаніе это приложено къ оффиціальному отдѣлу X кн. Временника).

8) На основаніи Высочайше утвержденнаго, въ 25 день Декабря 1874 года, устава Демидовскаго Юридическаго Лицея, полагается въ Лицеѣ каѳедра Гражданскаго Судопроизводства и Торговаго права. Чтеніе лекцій по обоимъ этимъ предметамъ должно быть возложено на исправляющаго должность Доцента Н. А. Миловидова. Но такъ какъ Торговое право не читается почти ни въ одномъ русскомъ Университетѣ, то спеціальное изученіе новой у насъ науки возможно лишь за границею. А потому Совѣтъ Лицея постановилъ: просить ходатайства г. Попечителя московскаго учебнаго округа о командированіи исправляющаго должность Доцента Лицея Миловидова въ Германію и Францію срокомъ на одинъ годъ, считая съ 1 сентября сего года, съ сохраненіемъ получаемаго имъ содержанія. Съ другой стороны, принимая во вниманіе недостаточность доцентскаго содержанія, при необходимости значительныхъ переѣздовъ и посѣщенія нѣсколькихъ Университетовъ, Совѣтъ постановилъ: просить о пособіи г. Миловидову въ размѣрѣ трехъ сотъ рублей изъ суммъ отъ некомплекта Профессоровъ, присовокупивъ въ этомъ представленіи, что на время отсутствія исправляющаго должность Доцента Миловидова преподаваніе Гражданскаго Судопроизводства принялъ на себя безвозмездно, исправляющій должность Доцента по каѳедрѣ Гражданскаго права А. А. Борзенко.

1875 года Сентября 4 дня Слушали: 1) Опредѣленіями Совѣта Лицея, состоявшимися 5-го апрѣля, 8, 19 и 30 мая сего года дозволено сту-

дентамъ лицея держать экзаменъ по болѣзни въ августѣ мѣсяцѣ: 1-го *курса:* Мальцеву Александру, Нечаеву Ивану, Язвицкому Константину, Попову Владиміру, Ельцову Акиндину и Лебедеву Павлу; 2 *курса:* Брилліантову Алексѣю, Давидовскому Владиміру и Соловьеву Ивану; 3 *курса:* Панову Константину, Меморскому Александру, Кириллову Михаилу и Михайловскому Арсенію. Нынѣ, изъ числа означенныхъ Студентовъ держали экзаменъ: 1-го курса Поповъ Владиміръ, 2 курса Брилліантовъ Алексѣй, Давидовскій Владиміръ и Соловьевъ Иванъ и 3 курса Кирилловъ Михаилъ, и сдали оный удовлетворительно, остальные же Студенты 1-го курса Мальцевъ Александръ, Нечаевъ Иванъ, Язвицкій Константинъ, Ельцовъ Акиндинъ, Лебедевъ Павелъ и 3-го курса: Пановъ Константинъ, Меморскій Александръ и Михайловскій Арсеній экзамену неподвергались. *Опредѣлили:* Студентовъ лицея подвергавшихся экзамену въ августѣ мѣсяцѣ и выдержавшихъ оный удовлетворительно удостоить перевода на слѣдующіе курсы: Попова Владиміра съ 1-го на 2-й курсъ; со 2-го на 3-й курсъ Брилліантова Алексѣя, Давидовскаго Владиміра и Соловьева Ивана и съ 3-го на 4-й курсъ Кириллова Михаила; не державшихъ же затѣмъ экзаменъ студентовъ оставить на тѣхъ же курсахъ, а именно: Мальцева Александра, Нечаева Ивана, Язвицкаго Константина, Ельцова Акиндина и Лебедева Павла на 1-мъ курсѣ, Панова Константина, Меморскаго Александра и Михайловскаго Арсенія на 3-мъ курсѣ.

2) Разсматривали сводный списокъ балловъ за четыре года студентовъ 4 курса: Смирнова Андрея, Сперанскаго Петра, Воскресенскаго Николая, Смирнова Ивана (Псковскаго) и Баталина Сергѣя, подвергавшихся испытанію по болѣзни въ августѣ мѣсяцѣ и выдержавшихъ оное удовлетворительно. *Опредѣлили:* Вышеприсанныхъ студентовъ 4 курса: Смирнова Андрея, Сперанскаго Петра, Воскресенскаго Николая, Смирнова Ивана (Псковскаго) и Баталина Сергѣя, окончившихъ въ настоящемъ 1875 году курсъ въ лицеѣ удо-

стоить званія Дѣйствительнаго Студента и выдать имъ надлежащіе аттестаты по изготовленіи ихъ.

3) Вслѣдствіе прошеній о принятіи въ число студентовъ Лицея на 1-й курсъ и по произведеніи нѣкоторымъ изъ нихъ повѣрочнаго испытанія, *Опредѣлили:* Внести въ списокъ студентовъ всѣхъ окончившихъ курсъ въ Гимназіяхъ и удовлетворительно выдержавшихъ испытаніе изъ имѣющихъ право на поступленіе въ Лицей.

4) Окончившій курсъ въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ студентъ Николай *Мартыновъ* представилъ Кандидатское сочиненіе: «Понятіе, пріобрѣтеніе, прекращеніе и защита владѣнія». По одобрѣніи этого сочиненія *Опредѣлено:* Удостоить студента Николая Мартынова степени кандидата; письменный же отзывъ Испр. д. доцента Борзенко, разсматривавшаго сочиненіе Мартынова напечатать во Временникѣ лицея.

1875 года сентября 20 1) Разсматривали прошенія студентовъ о назначеніи стипендій и сообразивъ относительное достоинство ихъ по оказаннымъ успѣхамъ, поведенію и бѣдности, *Опредѣлили:* 1) изъ числа 20-ти казенныхъ стипендій распредѣлить 19-ть между слѣдующими студентами, назначивъ оныя: а) съ 1 іюня: 2 курса: Балутину Флорентію, Ганжѣ Никифору, Петровскому Павлу и Соколову Ильѣ, 4-го *курса:* Лебедеву Николаю, Нечаеву Лукѣ и Мелодіеву Евлогію, и б) съ 1 *Сентября:* 1 *курса:* Орлову Александру 2 *курса:* Павловскому Льву, Реутскому Митрофану и Фортунатову Гавріилу; 3 *курса:* Успенскому Алексѣю, Страхову Александру, Никольскому Петру, Крюкову Сергѣю, Козыреву Алексѣю, Соловьеву Ивану, 4 *курса:* Богданову Якову и Пригаровскому Михаилу. 2) Изъ трехъ свободныхъ стипендій Ярославскаго дворянства просить Г. Ярославскаго губернскаго Предводителя дворянства предоставить съ 1 сентября на годъ студентамъ 3 курса Казанцеву Леониду и Пѣтунину Алексѣю. 3) Стипендію Глинки просить Генерала отъ инфантеріи Б. Г. Глинку-Маврина предоставить до окончанія курса студенту 3 кур-

са Сахарову Владиміру. 4) Стипендію Болдырева, которая, на основаніи Высочайше утвержденнаго положенія объ этой стипендіи, можетъ быть выдаваема, согласно волѣ учредителя ея, потомственному дворянину среднихъ губерній православнаго исповѣданія, предоставить съ 1 сентября удовлетворяющему всѣмъ этимъ условіямъ студенту 1 курса Шелимову Алексѣю. Копію съ этого постановленія совѣта передать въ Правленіе лицея, которое и должно удовлетворять всѣхъ этихъ студентовъ помѣсячно.

2) Предложеніе г. Попечителя московскаго учебнаго Округа отъ 13 сентября за № 5397, слѣдующаго содержанія: По представленію Управляющаго московскимъ учебнымъ Округомъ, Помощника Попечителя, управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія Г. Товарищъ Министра отъ 9 сентября за № 9359 увѣдомилъ Г. Попечителя, что имъ сдѣлано распоряженіе о внесеніи въ проэктъ Высочайшаго приказа по министерству народнаго просвѣщенія командировки исправляющаго должность Доцента Демидовскаго Юридическаго лицея *Миловидова* за границу съ ученою цѣлію срокомъ на одинъ годъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Тайный Совѣтникъ князь Ширинскій-Шихматовъ разрѣшилъ, по воспослѣдованіи Высочайшаго повелѣнія на комадированіе Миловидова за границу, выдать ему, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, изъясненнаго въ предложеніи Совѣту Лицея Г. Попечителя московскаго учебнаго округа отъ 22 января текущаго года за № 389, единовременно на путевыя издержки *триста рублей* изъ суммы отъ некомплекта преподавателей Демидовскаго Юридическаго Лицея. Объ этомъ Г. Попечитель московскаго учебнаго округа сообщаетъ Совѣту Лицея къ исполненію. *Опредѣлили:* Настоящее предложеніе Г. Попечителя московскаго учебнаго округа принять къ исполненію по воспослѣдованіи Высочайшаго приказа на командированіе Г. Миловидова за границу съ ученою цѣлію; въ правленіе же лицея передать съ сего предложенія и настоящаго постановленія совѣта копію. За тѣмъ о командированіи Г. Ми-

ловидова за границу внести статью въ формуляръ его.

3) Предложеніе г. Попечителя московскаго учебнаго округа отъ 15 сентября за № 5419 слѣдующаго содержанія: Управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія Г. Товарищъ Министра въ предложеніи отъ 9 сентября за № 9358, увѣдомилъ Г. Попечителя московскаго учебнаго округа, что въ виду пріобрѣтенія исправляющимъ должность Доцента Демидовскаго Юридическаго Лицея Посниковымъ степени магистра Политической Экономіи, онъ утверждаетъ его Доцентомъ означеннаго Лицея по занимаемой имъ каѳедрѣ Политической Экономіи, о чемъ и внесено будетъ въ свое время въ приказъ по Министерству народнаго просвѣщенія. Объ этомъ Г. Попечитель московскаго учебнаго округа сообщаетъ къ исполненію. *Опредѣлили*: Слушаемое предложеніе Г. Попечителя московскаго учебнаго округа принять къ свѣдѣнію и внести статью въ формулярный Г. Постникова списокъ, объявивъ ему объ этомъ.

4) Опредѣленіемъ Совѣта, состоявшимся 30 мая сего года студенту 4 курса Николаю Яхонтову, получившему на экзаменѣ изъ всѣхъ предметовъ Лицейскаго курса очень хорошія отмѣтки (5 и 4) кромѣ уголовнаго процесса, покоторому 3, разрѣшено было передержать экзаменъ по уголовному процессу для полученія степени Кандидата. Экзаменъ этотъ г. Яхонтовъ въ настоящее время сдалъ вполнѣ удовлетворительно и получилъ отмѣтку 4, а потому Опредѣлили: Предоставить право студенту Яхонтову подать въ теченіи полугодичнаго срока сочиненіе для полученія степени Кандидата юридическихъ наукъ, о чемъ и объявить ему.

1875 года Октября 4 дня Слушали: 1) Окончившій курсъ въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ студентъ Михаилъ Орловъ представилъ въ Совѣтъ лицея сочиненіе на степень кандидата: «Ссылка и тюрьмы въ Россіи». По одобреніи этого сочиненія, *Опредѣлили*: Утвердить студента Михаила Орлова въ степени Кандидата Юридическихъ наукъ и выдать ему надлежащій аттестатъ, отзывъ же исправ. д. Доцента Лицея Сергѣев-

скаго, разсматривавшаго сочиненіе Орлова, напечатать во Временникъ лицея.

2) *Опредѣлили*: Назначить слѣдующую тему для сочиненія на золотую медаль: «Значеніе учрежденія о Губерніяхъ Екатерины II-й въ области администраціи,» о чемъ и объявить студентамъ.

1875 года Октября 18 дня Слушали: Предложеніе г. Попечителя московскаго учебнаго округа отъ 5 сего октября за № 5846, которымъ, въ дополненіе къ предложенію Управлявшаго Округомъ, г. Ректора Университета отъ 13 минувшаго сентября за № 5397-мъ, увѣдомляетъ совѣтъ лицея, что Высочайшимъ приказомъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія отъ 20 минувшаго сентября за № 11-мъ, исправ. должность Доцента Демидовскаго Юридическаго Лицея Миловидовъ командированъ съ ученою цѣлію за границу срокомъ на одинъ годъ *Опредѣлили*: Настоящее предложеніе г Попечителя московскаго учебнаго округа принять къ свѣдѣнію.

1875 года Октября 21 дня Слушали: Окончившій курсъ въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ студентъ Степанъ Соколовъ представилъ въ Совѣтъ лицея сочиненіе на степень Кандидата: «Историко-Юридическій очеркъ собственности». По одобреніи этого сочиненія *Опредѣлили*: Утвердить студента Степана Соколова въ степени Кандидата Юридическихъ наукъ и выдать ему надлежащій аттестатъ, отзывъ же Исправ. должность Экстраордирнаго Профессора Дитятина. разсматривавшаго сочиненіе Соколова, напечатать во Временникѣ лицея.

1875 года Ноября 15 дня Слушали: 1) Предложеніе г. Попечителя московскаго учебнаго округа отъ 27 минувшаго октября за № 6356, слѣдующаго содержанія: ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ 30 сентября сего года Высочайше повелѣть соизволилъ: воспретить, впредь до усмотрѣнія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, пріемъ въ Университеты и въ другія высшія учебныя заведенія воспитанниковъ Вологодской Духовной Семинаріи, въ духовныя же Академіи допускать ихъ неиначе, какъ

съ разрѣшенія каждый разъ Святѣйшаго Синода по предварительномъ удостовѣреніи отъ Преосвященнаго Вологодскаго о полной ихъ благонадежности. О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи, сообщенномъ ему г. Попечителю Управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія г. Товарищемъ Министра отъ 16 минувшаго октября за 11116, увѣдомляетъ Совѣтъ Демидовскаго Юридическаго Лицея къ исполненію. *Опредѣлили:* Настоящее предложеніе г. Попечителя московскаго учебнаго округа принять къ свѣдѣнію и исполненію.

2) Директоръ лицея заявилъ, что въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ сего года гг. Преподавателями лицея прочитанныхъ и пропущенныхъ лекцій было слѣдующее количество:

	прочитано.	пропущено.
Ординарными Профессорами:		
Капустинымъ - - -	91	0
Сокольскимъ - - -	47	11
Исправляющимъ должностьЭкстраординарнаго профессора Дитятинымъ - -	52	0
Профессоромъ Богословія о. Лавровымъ -	35	2
Доцентомъ Посниковымъ - - - -	23	3
Исправ. должность Доцентовъ:		
Борзенко - - -	26	0
Сергѣевскимъ - - -	23	0
Грегоровичемъ - -	10	16
Соболевскимъ - - -	6	24
Ковалевымъ - - -	23	3
Итого - - -	336	59

Показанное количество пропущено гг. Ординарнымъ профессоромъ Сокольскимъ, профессоромъ Бого-

словія Лавровымъ, доцентомъ Посниковымъ и исправ. должность доцента Ковалевымъ по болѣзни, исправляющими должность доцентовъ: Грегоровичемъ 11-ть по нахожденію въ отпуску и 5 по болѣзни и Соболевскимъ по нахожденію въ отпуску для излеченія болѣзни. *Опредѣлили:* Записать о семъ въ журналъ настоящаго засѣданія.

1875 года Ноября 20 дня Слушали: 1) Окончившій курсъ въ Демидовскомъ Юридическомъ лицеѣ Студентъ Николай Люминарскій представилъ въ Совѣтъ Лицея, для полученія степени Кандидата сочиненіе: «Понятіе о Государствѣ». По одобреніи этого сочиненія, Совѣтъ Лицея *Опредѣлилъ:* Утвердить студента Николая Люминарскаго въ степени Кандидата юридическихъ наукъ и снабдить его надлежащимъ аттестатомъ; отзывъ же Ординарнаго профессора Капустина, разсматривавшаго сочиненіе Люминарскаго, напечатать во Временникѣ лицея.

2) Прошеніе окончившаго въ нынѣшнемъ году Лицейскій курсъ Митрофана Матвѣевскаго, которымъ онъ проситъ Совѣтъ отсрочить ему подачу диссертаціи на степень кандидата до февраля мѣсяца будущаго 1876 года. *Опредѣлили:* Отсрочить просителю Матвѣевскому подачу диссертаціи на степень Кандидата до февраля мѣсяца будущаго 1876 года, о чемъ ему и объявить.

3) Составленъ, согласно предложенію г. Попечителя московскаго учебнаго округа отъ 29 мая сего года за № 3022, проэктъ правилъ для храненія библіотеки Демидовскаго Юридическаго лицея и пользованія оною. *Опредѣлили:* Проэктъ этотъ представить чрезъ г. Попечителя московскаго учебнаго округа на разсмотрѣніе и утвержденіе г. Министра Народнаго Просвѣщенія.

1875 года ноября 27 дня Слушали: Окончившій въ нынѣшнемъ 1875 году курсъ наукъ въ Демидовскомъ Юридическомъ лицеѣ, Дѣйствительный Студентъ Павелъ Фортунатовъ представилъ въ Совѣтъ лицея сочиненіе для полученія степени Кандидата: «О

вліяніи общественной жизни на развитіе человѣка». По признаніи этого сочиненія неудовлетворительнымъ, Совѣтъ лицея *Опредѣлилъ:* Не утверждая г Фортунатова въ степени Кандидата, предоставить ему право представить въ Совѣтъ лицея новое сочиненіе въ теченіи полугодичнаго времени, считая срокъ этотъ съ сего 27 ноября мѣсяца.

1875 года ноября 29 дня Слушали: 1) Прошеніе окончившаго курсъ въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ студента Дмитрія Волковича, которымъ онъ проситъ Совѣтъ Лицея отсрочить ему подачу диссертаціи на степень кандидата до 1 февраля будущаго 1876 г. *Опредѣлили*: Отсрочить просителю Волковичу подачу диссертаціи на степень Кандидата до 1 февраля 1876 г., о. чемъ ему и объявить.

2) Разсматривали прошенія студентовъ о назначеніи единовременныхъ пособій изъ суммы сбора за слушаніе лекцій и *Опредѣлили*: Распредѣлить триста двадцать рублей суммы сбора за слушаніе лекцій между слѣдующими студентами выдавъ оныя: 1 *курса* Мирову Алексѣю тридцать рублей и Никольскому Николаю десять руб.; 2 *курса:* Соколову Александру двадцать рублей, Приселкову Ивану пятнадцать руб., 3 *курса*: Галахову Алексѣю патнадцать руб., Никольскому Александру (Черногов.) двадцать руб., Журавченко Михаилу пятнадцать руб., Никольскому Григорію пятнадцать руб.; Виноградову Дмитрію пятнадцать руб., Миловидову Александру тридцать руб., Стратилатову Николаю тридцать руб., Пѣтунину Алексѣю тридцать руб., Казанцеву Леониду тридцать руб., Хохлову Ивану пятнадцать руб., и 4 *курса*: Александровскому Ивану пятнадцать руб. и Парнассову Петру пятнадцать руб.; Студентамъ же 1 *курса* Успенскому Алексѣю. Орлинскому Евсевію, Сеславину Михаилу, Соколову Николаю, Лихачеву Ивану, 2 *курса* Бабіевскому Ивану, 3 *курса* Меморскому Александру и Хохлову Сергѣю отказать по неимѣнію средствъ, за тѣмъ списокъ Студентовъ, которымъ назначены пособія передать для исполненія въ Правленіе Лицея.

3) Прошеніе Студента лицея 2 курса Сергѣя Ундольскаго о назначеніи ему казенной стипендіи; по разсмотрѣніи котораго *Опредѣлили*: Остающуюся не назначенною изъ числа 20 одну (свободную) казенную стипендію назначить съ 1 сентября сего года Студенту 2 курса Сергѣю Ундольскому, на выдачу каковой стипендіи по-мѣсячно и передать съ настоящей статьи журнала копію въ Правленіе лицея.

1875 года декабря 10 дня Слушали: 1) Окончившій курсъ въ Демидовскомъ Юридическомъ лицеѣ Студентъ Федоръ Дмитревскій представилъ въ Совѣтъ лицея на степень Кандидата сочиненіе: «Институтъ родовыхъ и благопріобрѣтенныхъ имуществъ по русскому праву». По одобреніи этаго сочиненія Совѣтъ *Опредѣлилъ*: Утвердить Дмитревскаго въ степени Кандидата Юридическихъ наукъ и снабдить его надлежащимъ аттестатомъ, отзывъ же Исправляющаго должность Доцента лицея Борзенко, разсматривавшаго означенное сочиненіе Дмитревскаго, напечатать во Временникѣ лицея.

2) Прошеніе окончившаго въ нынѣшнемъ году курсъ въ лицеѣ съ званіемъ Дѣйствительнаго Студента и съ правомъ на полученіе степени Кандидата Алексѣя Элпидинскаго, которымъ онъ проситъ Совѣтъ назначить ему новый срокъ для подачи сочиненія на степень Кандидата. *Опредѣлили:* Согласно настоящему прошенію студента Элпидинскаго, разрѣшить ему подачу сочиненія на степень Кандидата въ теченіи полугодичнаго времени, считая срокъ этотъ съ 1 числа сего декабря мѣсяца, о чемъ и извѣстить его по мѣсту жительства его въ Варшавѣ.

1875 года декабря 11 дня. Слушали: 1) Окончившіе въ настоящемъ 1875 году въ Демидовскомъ Юридическомъ лицеѣ курсъ Дѣйствительные Студенты Иванъ Соловьевъ и Александръ Якиманскій представили въ Совѣтъ лицея сочиненія на степень Кандидата: первый—«договоръ поставки» а послѣдній – «о родовыхъ имуществахъ». По одобреніи этихъ сочиненій Совѣтъ *Опредѣлилъ:* Утвердить Дѣйствительныхъ Студентовъ: Соловьева и Якиманскаго въ степени Конди-

дита Юридическихъ наукъ и выдать имъ надлежащіе аттестаты, письменные же отзывы Исправляющаго должность Доцента Борзенко о сочиненіяхъ Соловьева и Якиманскаго напечатать во Временникѣ лицея.

2) Кончившіе курсъ наукъ въ лицеѣ студенты Николай Беллертъ и Николай Яхонтовъ обратились въ совѣтъ Лицея съ прошеніями объ отсрочкѣ имъ подачи сочиненій на степень кандидата, по болѣзни до 1 іюня 1876 года. *Опредѣлили*: Согласно прошеніямъ студентовъ Беллертъ и Яхонтова отсрочить имъ подачу сочиненій на степень кандидата, по болѣзни, до 1-го іюня 1876 года, о чемъ имъ и объявить.

1875 года Декабря 22 дня. 1) Разсуждали о выпискѣ на будущій 1876 годъ журналовъ иностранныхъ (спеціальныхъ) и русскихъ и газетъ и составили реэстръ ихъ. *Опредѣлили:* По составленному реэстру выписать на будущій годъ для лицея журналы и газеты, для исполненія чего реэстръ этотъ сообщить г. библіотекарю.

2) Директоръ лицея заявилъ, что имъ получено извѣстіе о смерти находившагося въ отпуску въ Костромской губерніи студента лицея 2 курса Ивана Предтеченскаго, 20 минувшаго ноября. *Опредѣлили:* Исключить за смертію изъ списковъ студента демидовскаго юридическаго лицея 2 курса Ивана Предтеченскаго.

3) Директоръ лицея заявилъ, что въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ сего года количество прочитанныхъ и пропущенныхъ лекцій было слѣдующее:

Ординарными Профессорами:	прочитано.	пропущено.
Капустинымъ . . .	59	10
Сокольскимъ . . .	42	5
Исправ. д. Экстраординарнаго Профессора Дитятинымъ	40	0

Профессоромъ Богословія Протоіереемъ Лавровымъ	32	0
Доцентомъ Посниковымъ.	14	1
Исправ. д. Доцентовъ:		
Борзенко . . .	17	0
Грегоровичемъ . .	20	4
Ковалевымъ . . .	15	5
Соболевскимъ . .	0	24
Сергѣевскимъ . .	21	0
Итого . .	260	49

Показанное количество лекцій пропущено: Гг. Капустинымъ 4 по дѣламъ службы и 6 по болѣзни, Сокольскимъ, Посниковымъ, Грегоровичемъ и Ковалевымъ по болѣзни и Соболевскимъ по нахожденію въ отпуску по болѣзни. *Опредѣлили*: О семъ записать въ журналъ.

4) Составлено росписаніе лекцій на второе полугодіе $187^5/_6$ уч. года. *Опредѣлили*: Росписаніе это *утвердить.*

(*Приложеніе къ журналу Совѣта 19 августа ст. 3*).

Сочиненіе кончившаго курсъ въ истекшемъ $18^{74}/_{75}$ учебномъ году Студента Демидовскаго Юридическаго лицея *Иван Галаголева,* изъ предложенія: «Историческое изслѣдованіе о подсудности русскаго духовенства», представленное имъ на степень Кандидата Юридическихъ наукъ, вполнѣ заслуживаетъ означенной степени. Въ немъ избранная тема о подсудности русскаго духовенства разсмотрѣна отъ начала русской церкви до настоящаго времени. Въ частности въ сочиненіи разсмотрѣны слѣдующіе вопросы: во 1-хъ какія лица въ различные періоды Русской церкви, съ самаго начала ея, входили въ составъ собственно духовенства и ка-

кія изъ лицъ не духовнаго сословія причислялись къ нему въ отношеніи къ церковному суду; во 2-хъ по какимъ предметамъ означенныя лица подлежали въ различные періоды церковному суду; въ 3-хъ какими лицами и какимъ образомъ производимъ былъ этотъ судъ, и наконецъ въ 4-хъ, на основаніи истoрoческихъ данныхъ, сдѣлано краткое приложеніе означенныхъ вопросовъ къ настоящему времени. Всѣ означенные пункты разсмотрѣны въ сочиненіи на основаніи извѣстныхъ историческихъ памятниковъ и раскрыты вполнѣ удовлетворительно.

Преподаватель Каноническаго права, Профессоръ Богословія, Протоіерей *Алексѣй Лавровъ.*

1875 года
Августа. 19 дня.

(*Приложеніе къ журналу Совѣта 4 сентября ст. 4-я*).

Мартыновъ, Н. Понятіе, пріобрѣтеніе, прекращеніе и защита владѣнія вещами по русскому гражданскому праву на основаніи началъ римскаго права (?).

Разнообразныя попытки обосновать защиту владѣнія отъ произвольнаго его нарушенія нашли въ разсужденіе г. Мартынова довольно полное отраженіе. Савиньи (das Recht des Besitzes) Рудорфъ (Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft, т. VIII.) Тибо (System des Pandektenrechts т. I.) Гансъ (über die Grundlage des Rechts des Besitzes) Іерингъ (über den Grund des Besitzesschutzes) не чужды автору. Изъ отечественныхъ юристовъ мы находимъ ссылки на сочиненія Морошкина «о владѣніи», Кавелина «теорія владѣнія» Побѣдоносцева, Неволина, Энгелимана «о давности», Умова «договоръ найма имуществъ, и новѣйшее изслѣдованіе А. Попова «владѣніе и его защи-

та по русскому гражданскому праву» въ жур. гр. и и уг. и пр. 1874 г. Авторъ знакомъ съ ученіемъ объ интердиктахъ К. Малышева въ его «Курсъ гражданскаго судопроизводства». Разсужденіе г. Мартынова даетъ указаніе на ограниченное значеніе охраны владѣнія въ дѣйствующемъ русскомъ правѣ, исключительно направленномъ на защиту владѣнія недвижимостями отъ насильственнаго ихъ отнятія vinterdictum recuperandae possenionis). Къ такому же выводу приходитъ и А. Поповъ въ названномъ сочиненіи, съ которымъ разсужденіе г. Мартынова имѣетъ многія точки соприкосновенія, въ возстановленіи ученія Савиньи напримѣръ, за которое оба высказываются.

И. д. доцента *А. Борзенко.*

(*Приложеніе къ журналу Совѣта 4 октября ст. 1*).

Окончившій курсъ студентъ *Михаилъ Орловъ* представилъ для полученія степени Кандидата сочиненіе «Ссылка и тюрьмы въ Россіи». Дессертація эта представляетъ собою весьма добросовѣстную компиляцію, сдѣланную почти изъ всѣхъ сочиненій по этому вопросу въ Русской литературѣ; сверхъ того авторъ самостоятельно пользовался полнымъ собраніемъ законовъ, для историческаго очерка ссылки въ Россіи. Разобравъ обѣ формы показанія—и тюрьму и ссылку—авторъ приходитъ къ выводу, что тюремное заключеніе наиболѣе соотвѣтствуетъ назначенію всякаго уголовнаго наказанія и что ссылка можетъ быть допустима лишь въ формѣ земледѣльческихъ и ремесленныхъ колоній.

Отдавая полную справедливость значительной работѣ автора и его умѣнію обращаться съ источниками и пособіями, нельзя не указать и на весьма существенныя недостатки труда: отсутствіе надлежащей системы и недостаточности знакомства съ нѣкоторыми изъ

основныхъ вопросовъ уголовнаго права. Въ предисловіи авторъ говоритъ вообще о причинахъ преступленій и объ отношеніи государства къ преступникамъ—вся эта часть труда, незначительная по сравнительному объему, представляется въ высшей степени слабою и не продуманною; это рядъ разсужденій не подчиненныхъ общей идеѣ и неимѣющихъ никакого научнаго содержанія.

Не смотря на эти недостатки и обращая преимущественное вниманіе на полноту труда и на хорошее знакомство съ исторіей вопроса, я признаю диссертацію г. Орлова «Ссылка и тюрьмы въ Россіи» удовлетворительною для полученія степени Кандидата.

И. д. доцента Уголовнаго права и судопроизводства
Николай Сергѣевскій.

1875 года
Сентября 28 дня.

(*Приложеніе къ журналу Совѣта 20 ноября ст. 1*).

Разсужденіе дѣйст. ст. *Люминарскаго Николая* на тему «Идея Государства» хотя далеко не исчерпываетъ избраннаго имъ предмета, однако въ немъ удовлетворительно поставленъ и отчасти разрѣшенъ вопросъ объ отношеніи государства и общества. Авторъ воспользовался при этомъ основными произведеніями нѣмецкой литературы и умѣлъ обработать по нимъ существенныя стороны вопроса.

Затѣмъ менѣе удовлетворительными представляются послѣдующія части сочиненія: очеркъ государственной дѣятельности, который неправильно озаглавленъ имъ «системою права», и ученіе о государственной власти. Здѣсь авторъ видимо терялся въ подробностяхъ и, преслѣдуя ихъ, не рѣдко упускаетъ изъ виду существенное; замѣтно, что онъ писалъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ прочитаннаго имъ.

Тѣмъ не менѣе, въ виду серьезнаго труда, употребленнаго авторомъ, и доказаннаго имъ умѣнья пользоваться юридическими сочиненіями, я полагаю возможнымъ признать его разсужденіе удовлетворительнымъ для кандидатской степени.

Орд. Пр. *М. Капустинъ.*

15 ноябр. 1875.

(Приложеніе къ журналамъ Совѣта 10 и 1 декабря).

Дмитревскій, Ф. Институтъ родовыхъ и благопріобрѣтенныхъ имуществъ, по русскому дѣйствующему праву.

Якиманскій, А. О родовыхъ имуществахъ.

Только недвижимыя имущества могутъ имѣть окраску родовыхъ, противополагаемыхъ благопріобрѣтеннымъ имуществамъ. Обращеніе недвижимаго имущества въ родѣ на основаніи наслѣдства по закону устанавливаетъ родовое значеніе до того благопріобрѣтеннаго имущества, является ограниченіемъ родовымъ признаннаго отъ всякою иною наслѣдственнаго преемства. Послѣднее ограниченіе расширяется и на случаи безмезднаго отчужденія родоваго въ договорахъ, напр. даренія, обнимая сдѣлки, посредствующее положеніе между договорами и завѣщаніями занимающія, какъ выдѣлъ и приданое. Воля обладателя родоваго имущества ограничена въ правѣ распоряженія наслѣдственнымъ правомъ членовъ рода. Наслѣдство по закону устанавливаетъ родовое значеніе на этомъ основаніи доставшагося имуществе, оно становится далѣе свойствомъ родоваго, ограниченіемъ родоваго владѣльца. Не одно наслѣдство по закону но актъ личнаго произвола устанавливаетъ родовое значеніе недвижимаго имущества.

Странное противорѣчіе! Связи рода подавляютъ проявленіе личнаго усмотрѣнія, которое возвышается до установленія ограниченій будущихъ владѣльцевъ родовыми интересами. Для этого личное усмотрѣніе должно носить въ себѣ всѣ элементы родовой связи, proprio motu покрыть условія родовой преемственности. Когда завѣщатель назначаетъ надвижимое благопріобрѣтенное ближайшему родственнику онъ не только подчиняется воздѣйствію родственной связи, онъ является дѣятельнымъ ея выразителемъ.

Родовая окраска недвижимаго имущества не легко съ него сходитъ. Корыстные разсчеты по поводу родоваго имущества между родственниками, передкрѣпленіе родоваго между родственниками сохраняетъ значеніе родоваго имущества, которое исчезаетъ съ выходомъ родоваго имущества въ другой родъ, что затруднено запрещеніемъ безмезднаго отчужденія и правомъ выкупа возмездно уступленнаго.

Таково значеніе и средства удержанія въ русскомъ обществѣ родовыхъ имуществъ. Изслѣдованію связанныхъ съ этимъ учрежденіемъ вопросовъ посвятили свои труды. *гг. Дмитревскій* и *Якиманскій*. Начитанность обоихъ по разсматриваемому предмету не одинакова. Г. Дмитревскій знакомъ съ сочиненіями Побѣдоносцева, Мейера, Лакіера, Любавскаго; г. Якиманскій присоединилъ книгу Цитовича «Исходные моменты въ исторіи наслѣдованія по русскому праву» статьи изъ Архива истор. и практ. свѣдѣній, изд. Калачевымъ, обратилъ вниманіе на историческую сторону вопроса на основаніи изслѣдованій Неволина. Трудъ гг. Дмитревскаго и Якиманскаго имѣетъ догматическій характеръ. Въ установленіи понятія родоваго имущества г. Дмитревскій даетъ ему отрицательное опредѣленіе, какъ не благопріобрѣтеннаго, видя въ послѣднемъ собственнымъ трудомъ и промысломъ нажитое. Взаимно исключая другъ друга въ примѣненіи по отдѣльнымъ имуществамъ, родовое и благопріобрѣтенное—это два учрежденія съ опредѣленнымъ положительнымъ содержаніемъ, способами возникновенія и порядкомъ ограж-

денія. Мало того, указаніе на начало собственнаго труда, какъ основанія благопріобрѣтенныхъ имуществъ, не даетъ выхода предъ слѣдующими возраженіями. Родовое имущество у родственника на собственнымъ трудомъ нажитыя деньги пріобрѣтенное остается родовымъ, мало того, подаренное благопріобрѣтенное родственнику или чужеродцу не утрачиваетъ для одареннаго значенія благопріобрѣтеннаго, хотя онъ не посвятилъ никакихъ трудовъ на его пріобрѣтеніе. Исходя изъ невѣрнаго пониманія родовыхъ и благопріобрѣтенныхъ имуществъ, г. Дмитревскій относитъ къ ограниченіямъ права распоряженія родовымъ имуществомъ запрещеніе мѣны недвижимостей, возникающее изъ свойства переукрѣпленія права на недвижимость, а не родовой связи съ имуществомъ членовъ рода.—Авторъ далѣе не замѣтилъ различія въ кругѣ лицъ, призываемыхъ къ выдѣлу и приданому, для него это могутъ быть одни нисходящія лица, тогда какъ приданое обнимаетъ и боковыхъ родственницъ. Отсюда неточность въ выводахъ о продленіи и установленіи свойствъ родовыхъ имуществъ. Авторъ не указалъ на источники, изъ которыхъ заимствуетъ онъ свои выводы. Ему очевидно неизвѣстно, что указаніе противорѣчія свободы залога купленнаго и свободы выкупа родственниковъ принадлежитъ гр. Сперанскому, ссылавшемуся на этотъ случай, какъ на безвыходное положеніе законодателя узаконять сознаваемое противорѣчіе въ самыхъ началахъ закона.—Иной путь избралъ г. Якиманскій. Предпославъ краткій историческій очеркъ, авторъ переходитъ къ опредѣленію понятія изслѣдуемаго предмета. Нельзя не указать на вѣрность употребленнаго пріема: «такъ такъ опредѣленіе понятія о родовыхъ имуществахъ должно вытекать изъ ихъ свойствъ, то мы считаемъ возможнымъ дать такое опредѣленіе по изслѣдованіи случаевъ, въ которыхъ благопріобрѣтенное получаетъ родовое свойство и юридическія изъ этого послѣдствія, равно и случаевъ, въ которыхъ имущество сохраняетъ пріобрѣтенное родовое свойство». Авторъ приступаетъ къ изслѣдованію своего

предмета, не внося ничего новаго, но предлагаетъ внимательное и весьма подробное изложеніе существующихъ здѣсь ученій, близкое знакомство съ которыми вполнѣ сказывается въ послѣдовательномъ развитіи порядка установленія родоваго свойства имуществъ и содержанія связанныхъ съ нимъ ограниченій. Въ результатѣ предлагается опредѣленіе понятія родовыхъ имуществъ: «это дошедшее по законному наслѣдованію имущество, собственникъ котораго безмездно вправѣ поступаться въ пользу каждаго своимъ правомъ владѣнія и пользованія на время своей жизни, правомъ собственности вправѣ распоряжаться только въ пользу законныхъ наслѣдниковъ и въ законнонаслѣдственной ихъ долѣ, возмездно онъ вправѣ уступать право владѣнія и пользованія и не на время только своей жизни, но и далѣе, а право собственности передать можетъ, какъ въ пользу родственниковъ, такъ и въ пользу стороннихъ лицъ, представляя родственнымъ право выкупа». Противъ приведеннаго опредѣленія я считаю себя обязаннымъ представить слѣдующія возраженія. Это не опредѣленіе понятія родовыхъ имуществъ, но описательное исчисленіе ограниченій родоваго владѣльца. Въ исчисленіе этихъ ограниченій г. Якимовскій руководится ошибочнымъ началомъ составныхъ частей права собственности—владѣніе, пользованіе, распоряженіе, тогда, какъ право собственности въ широкомъ его пониманіи есть единство господства надъ совокупностью свойствъ вещи, основанное на законномъ способѣ пріобрѣтенія. Въ перечнѣ ограниченій г. Якимовскій не включаетъ права завѣщательнаго предоставленія пожизненнаго владѣнія родовымъ пережившему супругу, даже при наличности низходящихъ и право завѣщанія дальнѣйшимъ родственникомъ при отсутствіи нисходящихъ. Ограничусь этими замѣчаніями о трудахъ гг. Дмитревскаго и Якиманскаго, предлагая на усмотрѣніе совѣта лицея свое мнѣніе, а также и представленныя разсужденія, достоинства которыхъ во всякомъ случаѣ даютъ гг. Дмитревскому и Якиманскому право на степень кандидата правъ.

И. д. доцента **А. *Борзенко.***

(Приложеніе къ журналу Совѣта 11 декабря).

Соловьевъ И. Договоръ поставки.

Авторъ успѣлъ пріобрѣсти значительную начитанность не только непосредственно связанныхъ съ избраннымъ имъ предметомъ сочиненій, но и болѣе или менѣе близко сюда относящихся. Нельзя не пожалѣть, что эта начитанность ограничивается исключительно произведеніями на русскомъ языкѣ, чѣмъ, быть можетъ объясняется нѣкоторое разнообразіе матеріала, которымъ по необходимости пользовался г. Соловьевъ. Изслѣдованія *В. Умова* «договоръ найма имуществъ по римскому праву», *Окса* «виндикація» (Ж. Гр. и Уг. пр. 1874 г.), *Пестржецкаго* «о договорѣ купли» (ib. 1873) *Малышева* «о биржевыхъ фондовыхъ сдѣлкахъ на срокъ (ib. 1871 г.), *Цитовича* «лекціи по торговому праву», *Беркштейна* «ученіе о раздѣльныхъ обязательствахъ по римскому праву и новѣйшимъ законодательнымъ» *Виндшейна* «объ обязательствахъ по римскому и русскому (?) праву» въ переводѣ, при Судебномъ Журналѣ изданномъ, не говоря объ учебникѣ Мейера и книгѣ Побѣдоносцева, вся эта разнообразная литература приведена въ ссылкахъ у автора. Въ перечнѣ сочиненій, которыми пользовался г. Соловьевъ, не достаетъ сочиненія проф. *Голевинскаго* объ обязательныхъ, на равнѣ съ другими имѣвшимъ право на вниманіе автора. Авторъ знакомъ съ постановленіями и постороннихъ законодательствъ о договорѣ поставки И. Соловьевъ даетъ слѣдующее опредѣленіе договора поставки: *Подъ поставкою* (Lieferungsgeschäft), *какъ договоромъ, мы понимаемъ такую юридическую сдѣлку, въ силу которой одна сторона (поставщикъ,* Lieferant *обязывается доставить другой, къ извѣстному сроку, за опредѣленное денежное вознагражденіе, родомъ, качествомъ и количествомъ обозначаемое, замѣнимое имущество, и притомъ такое имущество, котораго въ моментъ заключенія договора поставщикъ не имѣетъ, а долженъ его пріобрѣсти отъ третьяго лица. Другая же сторона (Заказчикъ) въ срокъ должна*

принять имущество, составляющее предметъ «поставки» и уплатить условную за него цѣну.

Не имѣя никакого возраженія противъ приведеннаго опредѣленія, позволю себѣ привести ученіе германскаго писателя *Тэля* (Thöl, Handelsrecht, § 70. Tagskauf und Liferungskauf). Какая особенность отличаетъ поставку отъ купли и продажи? Различіе не указано ни въ законодательствѣ, ни въ теоріи ученыхъ. Теорія въ стремленіи отразить колебанія оборота относитъ отличія поставки отъ купли или 1) къ условленному времени доставленія вещи (срокъ) 2) къ способу означеніе вещи—родовое (in genere) или обособленное (in specie) 3) къ наличности или ненахожденію вещи у поставщика. Отвергая всѣ эти различія Тэль видитъ въ договорѣ поставки одну отличительную отъ купли продажи особенность Отличіе лежитъ въ различіи момента совершенія договора и момента исполненія, на что указываютъ особенность обстоятельствъ каждаго даннаго случая (der Unterschied liegt nämlich in einer den Umständen nach verschiedenen Zeit, und die genauere Fixirung derselben im einzelnen Fall ist eben nach dem Grund zu machen, wesshalb man auf den Unterschied, auf welhem oft wenig oder gar nichts ankommt, Gewicht liegt). И. Соловьевъ придаетъ одинаковое значеніе сроку исполненія, отсутствію вещи у поставщика, родовому ея обозначенію для отличія поставки отъ другихъ договорныхъ отношеній. Опредѣленіе, которое безспорно можно защищать, но противъ котораго я привожу возраженіе Тэля, сдѣланное относительно распространенныхъ опредѣленій договора поставки. Въ выборѣ среди этихъ опредѣленій можетъ руководить рѣшимость стать на сторону одного изъ нихъ, основанная на изученіи предмета Нельзя не признать въ трудѣ И. Соловьева весьма почтеннаго усилія разрѣшить очень трудный вопросъ, всестороннее разсмотрѣніе котораго доказываетъ представленное имъ разсужденіе и прочитанныя сочиненія.

И. д. доцента А. *Борзенко.*

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ЛЕКЦІЙ ВЪ ДЕМИДОВСКОМЪ ЮРИДИ

П Е Р В Ы

Дни.	Понедѣльникъ.	Вторникъ.	Среда.
XI.	Всеобщ. исторія права *О. П. Сокольскій.*		Богословіе *Проф. Лавро*
XII.	Тоже.	Инстит. римск. права *О. П. Капустинъ.*	Исторія римск. *О. П. Сокольск*
I.		Исторія русск. права *И. д. Э. Пр. Дитятинъ.*	Инстит. римск. *О. П. Капусти*
II.		Тоже.	Тоже.

В Т О Р О

XI.	Уголовн. судопроизв. *И. д. Д. Сергѣевскій.*		
XII	Тоже.		Исторія римск. *О. П. Сокольск*
I.	Администр. право *И. д. Д. Ковалевъ.*		Уголовное пра *И. д. Д. Сергѣевс*
II.	Тоже.		Тоже.

Т Р Е Т І

XI	Уголовн. судопроизв. *И. д. Д. Сергѣевскій.*	Римское право *И. д. Д. Грегоровичъ.*	Общее государ. *О. П. Капусти*
XII.	Тоже.	Тоже.	Междунар. пр *О. П. Капусти*
I	Римское право *И. д. Д. Грегоровичъ.*	Международн. право *О. П. Капустинъ.*	Уголовное пра *И. д. Д. Сергѣев*
II.	Тоже.	Тоже.	Тоже.

Ч Е Т В Е Р Т

XI.	Всеобщ. исторія права *О. П. Сокольскій.*	Римское право *И. д. Д. Грегоровичъ.*	Общее Государ. *О. П. Капусти*
XII.	Тоже.	Тоже.	Церковное пра *Пр. Лавровъ.*
I.	Римское право *И. д. Д. Грегоровичъ.*	Финансовое право *И. д. Д. Соболевскій.*	Тоже.
II.	Тоже.	Тоже.	

ЛИЦЕѢ НА 2-ю ПОЛОВИНУ 187⁵/₆ УЧЕБНАГО ГОДА.

КУРСЪ.

Четвергъ.	Пятница.	Суббота.
Всеобщ. истор. права *О. П. Сокольскій.*	Исторія римск. права *О. П. Сокольскій.*	Богословіе *Проф. Лавровъ.*
Тоже.	Тоже.	Тоже.
Энциклопедія права *О. П. Капустинъ.*	Энциклопедія права *О. П. Капустинъ.*	Исторія русск. права *И. д. Э. О. Пр. Дитятинъ*
Тоже.		Тоже.

КУРСЪ.

Русск. Государ. право *И. д. Э. О. Пр Дитятинъ.*	Исторія римск. права *О. П. Сокольскій.*	Уголов. судопроизв. *И. д. Д. Сергѣевскій.*
Тоже.	Тоже.	Тоже.
Уголовное право *И. д. Д. Сергѣевскій.*	Политич. экономія *Доц. Посниковъ.*	Администр. право *И. д. Д. Ковалевъ.*
Политич. экономія *Доц. Посниковъ.*	Тоже.	Тоже.

КУРСЪ.

Русск. Государ. право *И. д. Э. О. П. Дитятинъ.*	Общее государ. право *О. П. Капустинъ.*	Уголовн. судопроизв. *И. д. Д. Сергѣевскій.*
Тоже.	Тоже.	Тоже.
Уголовное право *И. д. Д. Сергѣевскій.*	Гражд. судопроизв. *И. д. Д. Борзенко.*	Гражданское право *И. д. Д. Борзенко.*
Гражданское право *И. д. Д. Борзенко.*	Тоже.	Тоже.

Й КУРСЪ.

Всеобщ. истор. права *О. П. Сокольскій.*	Общее государ. право *О. П. Капустинъ.*	
Тоже.	Тоже.	
	Гражд. судопроизв. *И. д. Д. Борзенко.*	Финансовое право *И. д. Д. Соболевскій.*
	Тоже.	Тоже.

ЗАКОННАЯ СИЛА СУДЕБНЫХЪ РѢШЕНІЙ

ПО ДѢЛАМЪ ГРАЖДАНСКИМЪ

СОЧИНЕНІЕ

Н. Миловидова

и. д. доцента Демидовскаго Юридическаго Лицея.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Въ типографіи Губернскаго Правленія.
1875.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея, 29 мая 1875 года.

Директоръ М. Капустинъ.

Предлагаемый трудъ посвященъ ученію объ объемѣ или предѣлахъ законной силы.

Въ цѣлой области гражданскаго процессуальнаго права едвали есть другой вопросъ, который, не смотря на свою великую практическую важность, представлялъ бы до сихъ поръ такое обиліе контроверсовъ, такое глубокое расхожденіе мнѣній ученыхъ авторитетовъ относительно самыхъ исходныхъ точекъ въ изложеніи его, какъ вопросъ о предѣлахъ законной силы.

Цѣль автора будетъ достигнута, если трудъ его, не исчерпывая, можетъ быть, всѣхъ частностей вопроса, послужитъ, по крайней мѣрѣ, къ выясненію принципа, который долженъ быть положенъ въ основу цѣлаго ученія о законной силѣ.

Авторъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЗАКОННАЯ СИЛА СУДЕБНЫХЪ РѢШЕНІЙ

ПО ДѢЛАМЪ ГРАЖДАНСКИМЪ.

Подъ законною силою судебнаго рѣшенія (rei judicatae auctoritas, Rechtskraft des Urtheils, l'autorite de la chose jugée) разумѣется квалификація его, какъ формальной истины [1]), исключающей возможность новаго судебнаго спора по предмету, о коемъ состоялось рѣшеніе [2]). Res judicata pro veritate accipitur. Институтъ законной силы есть одно изъ учрежденій, имѣющихъ существенную важность въ юридическомъ быту каждаго народа, въ раннія и позднія эпохи его исторической жизни. Трудно и представить себѣ такое состояніе

---

1) Savigny (Syst. t. 6 § 280) и многіе другіе нѣмецкіе писатели опредѣляютъ понятіе законной силы въ смыслѣ «фикціи истины», но едвали правильно такое опредѣленіе. Вошедшее въ законную силу рѣшеніе получаетъ непоколебимый авторитетъ, правда, независимо отъ того—совпадаетъ ли оно, или же стоитъ въ разрѣзъ съ дѣйствительнымъ правомъ тяжущихся сторонъ, но большею частію оно, конечно, согласно съ нимъ, и потому нѣтъ основанія разсматривать законную силу какъ только фикцію истины. Напротивъ, вполнѣ возможно опредѣлять ее въ смыслѣ формальной истины или формальнаго права. Формальная истина не есть непремѣнно истина фиктивная; въ отдѣльныхъ случаяхъ она можетъ совпадать съ правдою матеріальною. Особенность понятія состоитъ лишь въ томъ, что формальная истина, какъ таковая, *во всякомъ случаѣ* имѣетъ непрерѣкаемый авторитетъ (т. е. согласна она, или же противорѣчитъ истинѣ матеріальной) Ср. Möser-Patriotische Phantasien, t. 4, n- 30; Kierulff Theorie des gemeines Civilrechts, t. 1. 43 p.

2) Согласно предложенному понятію законной силы, какъ формальной истины, слѣдовало бы признавать ее за рѣшеніемъ лишь съ того момента, когда оно уже не подле-

праваго быта, гдѣ бы не существовало настоятельной нужды въ нашемъ институтѣ. Послѣдній есть уже необходимое условіе задачи, преслѣдуемой судебною властію въ государствѣ. Эта задача состоитъ въ разрѣшеніи возникающихъ споровъ о правѣ и, въ случаѣ надобности, принудительномъ исполненіи постановленнаго рѣшенія. Но если бы дозволено было возбуждать безконечное число разъ судебный споръ о томъ же предметѣ—какой смыслъ и оправданіе имѣла бы функція, выполняемая судебною властію? Судъ постановлялъ бы рѣшеніе и принималъ мѣры къ его исполненію за тѣмъ лишь, чтобы вызвать новый споръ о томъ же предметѣ (ибо побѣжденная сторона естественно будетъ стремиться, путемъ новаго процесса, къ устраненію неблагопріятнаго для нея приговора),—постановить въ послѣдствіи новое рѣшеніе, можетъ быть противоположное прежнему и точно также подлежащее исполненію.—Но еще важнѣе другое соображеніе, говорящее въ пользу нашего института. Безъ него не могло бы быть той опредѣленности, извѣстности, вѣрности въ юридическомъ быту, ко-

---

житъ пересмотру ни въ порядкѣ общемъ или обыкновенномъ (аппелляціонное производство), ни чрезвычайномъ (кассація—по нашему и Франц. праву, пересмотръ по поводу Nüllitätsbeschwerde и Sesuch um Wiedereinsetzung in den vorigen Stand—по законодательствамъ нѣмецкихъ государствъ). Однако же въ этомъ строгомъ, абсолютномъ смыслѣ выраженіе «законной силы» нигдѣ не употребляется; напротивъ, по всюду принятому словоупотребленію рѣшеніе считается уже вошедшимъ въ законную силу, едва не представляется возможности обжаловать его въ обыкновенномъ (аппелляц.) порядкѣ. Ср. Weiske, Rechtslexikon, t. 11, 788 p., Bayer-Vorträge über den ordentlichen Civilprouss, t. 1, 428 p. (8 Edit.), Toullier—Le droit civil francais, t. 5, n- 100 (6 Edit.), а также мотивы къ 892 ст. отечественнаго устава Гр. Судопроизв., 64 г. (Изданіе госуд. канцеляріи).

торыя составляютъ необходимое условіе существованія послѣдняго. Едва то или другое правоотношеніе стало предметомъ процесса, не было бы конца открывшемуся спорному состоянію его; сторона, выигравшая процессъ, не имѣла бы гарантій, что присужденное ей право не будетъ въ послѣдствіи отсуждено ея противнику; спокойное обладаніе правами было бы не возможно [3]). Вотъ почему Римскіе юристы, возводя rem judicatam на степень истины, не подлежащей оспариванію, признавали даже силу рѣшеній, состоявшихся подъ вліяніемъ ошибки или пристрастія судьи [4]). Самыя слова Ульпіана: «res judicata pro veritate accipitur» сдѣлались аксіомой и занесены въ regulae juris. L. 207. D. 50. 17.

Но насколько очевидна и безспорна необходимость института законной силы вообще, настолько же труднымъ и спорнымъ является вопросъ, отъ коего въ сущности зависитъ вся практическая важность института—вопросъ объ *объемѣ* законной силы и основаннаго на ней возраженія (exceptio rei judicatae). Послѣдній нуждается въ возможно точномъ опредѣленіи по двумъ направленіямъ: въ отношеніи *объективномъ* и *субъективномъ*. Что касается объективной стороны, то вопросъ повидимому рѣшается просто: законная сила не простирается за предѣлы предмета, о коемъ состоялось

---

3) Le repot des familles et de la societé toute entiere se fonde non seulement sur ce qui est juste, mais encore sur ce qui est fini, говоритъ Монтескьё—Esprit des lois.

4) L. 65 § 2 ad S. C. Treb.: Quum praetor cognita causa per errorem vel ambitiose juberet heriditatem ut ex fideicommisso restitui, etiam publice interest restitui propter rerum judicatarum auctoritatem.

рѣшеніе, иными словами: что́ составляетъ предметъ рѣшенія, есть вмѣстѣ и объектъ законной силы. Но извѣстно, что въ каждомъ отдѣльномъ процессѣ представляется масса вопросовъ, которые неизбѣжно подлежатъ обсужденію суда и отъ коихъ прямо или косвенно зависитъ послѣдній результатъ процесса: обвиненіе или оправданіе отвѣтчика. Положимъ, напр., А въ качествѣ наслѣдника послѣ С предъявляетъ искъ къ В объ уплатѣ извѣстной суммы, которую В получилъ заимообразно отъ наслѣдодателя С. Конкретная цѣль иска есть присужденіе истцу права на эту сумму, но оно (присужденіе) предполагаетъ признаніе А въ качествѣ наслѣдника послѣ С. Послѣднее обусловливается наличностію удовлетворяющаго всѣмъ законнымъ требованіямъ завѣщанія или ближайшимъ законнымъ родствомъ А съ наслѣдодателемъ С и смертію послѣдняго. Сверхъ того, присужденіе иска необходимо предполагаетъ самый фактъ займа, заключеннаго В у С. Наконецъ, отвѣтчикъ можетъ противопоставить иску то или другое самостоятельное возраженіе (напр. exc. compensationis), которое точно также подлежитъ судебному разсмотрѣнію. Спрашивается: рѣшеніе, состоявшееся по такому иску, относится ли ко всѣмъ означеннымъ пунктамъ, или къ нѣкоторымъ только—и гдѣ лежитъ граница? Въ болѣе общей постановкѣ настоящій вопросъ можетъ быть формулированъ такимъ образомъ: на какіе пункты простирается рѣшающая дѣятельность суда въ гражданскомъ процессѣ?—Но, допустимъ, что мы пришли къ рѣшенію настоящей проблемы,—доказали, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, при существующей въ современныхъ государствахъ организаціи гражданскаго процесса, рѣшающая дѣятельность суда должна ограничиваться вопросомъ о правѣ, которое въ данномъ случаѣ преслѣдуется истцомъ,—на этомъ еще не останавливается изслѣдованіе объ объективной сторонѣ рѣшенія и законной силы.

Необходимо ближе опредѣлить объемъ рѣшенія, точнѣе установить тѣ предѣлы, въ коихъ судъ разрѣшаетъ самый вопросъ о правѣ. Для болѣе нагляднаго изображенія нашей задачи довольно указать на то, что извѣстное правоотношеніе можетъ проистекать изъ различныхъ основаній, напр., собственность—изъ наслѣдства, даренія, купли и т. д.; если, теперь, истецъ основываетъ свой виндикаціонный искъ на одномъ какомъ либо титулѣ—рѣшаетъ ли судъ вопросъ о собственности вообще, или только въ отношеніи даннаго титула? иными словами: новый искъ о той же собственности, но основанный на иномъ титулѣ, можетъ ли быть устраненъ чрезъ exc. r. judicatae?—Менѣе трудностей представляетъ точное опредѣленіе субъективной стороны законной силы, т. е. относительно какихъ лицъ рѣшеніе входитъ въ законную силу. Этотъ послѣдній вопросъ большею частію правильно разрѣшается учеными юристами, а также и въ современныхъ положительныхъ законодательствахъ. Наша задача состоитъ здѣсь главнымъ образомъ въ принципіельной конструкціи вопроса, въ установленіи начала, съ точки зрѣнія коего вполнѣ уясняется и оправдывается господствующее воззрѣніе по настоящему предмету.

ОБЪЕКТИВНЫЙ ОБЪЕМЪ ЗАКОННОЙ СИЛЫ.

I.

Руководящій принципъ.

Рѣшеніе есть заключительный актъ судебнаго процесса и вмѣстѣ результатъ всего предшествующаго производства; всѣ процессуальныя дѣй-

ствія, изъ коихъ слагается это послѣднее, имѣютъ цѣлію подготовить и произвести рѣшеніе. Отсюда въ ученіи объ объемѣ рѣшенія и законной силы необходимо обратиться прежде всего къ характеру цѣлаго судебнаго процесса,—коренному началу, лежащему въ основѣ всей процедуры гражданской, окрашивающему цѣлую цѣпь процессуальныхъ дѣйствій, въ которой рѣшеніе является послѣднимъ, замыкающимъ ее звѣномъ. Какъ извѣстно, всѣ существующія и историческія формы процедуры— гражданской и уголовной—сводятся къ двумъ типамъ: въ основѣ процесса лежитъ или слѣдственное начало (Untersuchungs-maxime), или состязательный принципъ (Verhandlungs-maxime). Существо послѣдняго опредѣляется слѣдующими положеніями: «Nemo judex sine actore». «Judex secundum allegata et probata judicare debet». «Ne eat judex ultra petita partium». Какъ иниціатива по возбужденію процесса принадлежитъ сторонамъ, такъ и въ открывшемся процессѣ на первомъ планѣ стоитъ дѣятельность тѣхъ же сторонъ. Положеніе же суда, такъ сказать, рецептивное, выжидающее: онъ готовъ слушать, самъ же ничего не дѣлаетъ по установленію матеріала, подлежащаго его обсужденію. Стороны опредѣляютъ предметъ процесса, они же представляютъ данныя, на основаніи коихъ должно быть постановлено по этому предмету судебное рѣшеніе. Все здѣсь зависитъ отъ воли тяжущихся сторонъ; за предѣлы ея судъ не идетъ. Сторона можетъ признать существующимъ извѣстный фактъ, заявленный противникомъ, и судъ обязанъ считать его таковымъ; стороны могутъ умолчать объ извѣстномъ обстоятельствѣ, имѣющемъ рѣшающее въ дѣлѣ значеніе, и судъ, хотя бы зналъ о немъ, не въ правѣ однакоже основать на немъ свой приговоръ [5]). Совершенно противо-

5) Надо замѣтить, что состязательный характеръ процесса не исключаетъ, однакоже, такъ называемой руководя-

положными признаками конституируется понятіе слѣдственнаго начала въ процессѣ. Въ силу этого послѣдняго (слѣдств. нач.), судъ приступаетъ къ изслѣдованію юридическихъ фактовъ и отношеній *по собственной инціативѣ* и въ самомъ изслѣдованіи стремится раскрыть матеріальную истину *всѣми возможными способами, не стѣсняясь заявленіями интересованныхъ сторонъ.*

Едвали возможно сомнѣваться, что послѣднее начало (слѣдственное) противно самой природѣ предмета, о коемъ идетъ рѣчь въ гражданскомъ процессѣ и что въ основу этого послѣдняго долженъ быть положенъ состязательный принципъ. Въ самомъ дѣлѣ, если частныя гражданскія правомочія находятся въ полномъ распоряженіи ихъ носителей, которые вольны держать ихъ за собою или отказаться отъ нихъ, то таже свобода распоряженія должна быть признана и въ дѣлѣ судебной защиты частныхъ правъ,—въ гражданскомъ процессѣ, гдѣ рѣчь идетъ объ этихъ послѣднихъ. Какъ могу я подарить мою вещь всякому другому лицу, точно также могу отказаться отъ иска о правѣ собственности въ этой вещи, буде самовольно завладѣло ею другое лицо, а вчинивши искъ, могу привести или опустить то или другое доказательство моего права—это мое частное дѣло; всякое непрошенное вмѣ-

---

щей дѣятельности суда (Processleitungsamt), состоящей въ управленіи ходомъ процесса, въ наблюденіи за тѣмъ, чтобы движеніе его совершалось въ законныхъ формахъ. Ср. Wetzell, System des ordentlichen Civilprocesses, §§ 43, 45. Точно также процессъ не утрачиваетъ строго состязательнаго характера чрезъ предоставленіе суду права предлагать сторонамъ вопросы, поскольку послѣдніе имѣютъ цѣлію разъясненіе неточныхъ, сбивчивыхъ, вообще неясныхъ заявленій сторонъ, но отнюдь не количественное восполненіе предложеннаго сторонами матеріала. Ср. Renaud, Lehrbuch des gemeinen deutschen Civilprocesses, § 78.

шательство суда въ дѣло защиты моего частнаго права есть неумѣстное ограниченіе распоряженія имъ [6]). Кромѣ того, «гражданскія отношенія составляютъ ближайшую обстановку жизни каждаго лица; процессъ болѣе или менѣе разоблачаетъ этотъ сокровенный пріютъ, въ которомъ пріютилось и дѣйствуетъ лицо. Но такое разоблаченіе часто бываетъ вредно для него, подрываетъ его кредитъ, разстроиваетъ семейное согласіе, разрушаетъ хозяйственныя предпріятія и т. п.» [7]). Уже по этому одному соображенію судебная власть не должна ex officio открывать процесса, и, по начатіи его, не должна выходить за предѣлы воли и намѣренія заинтересованныхъ сторонъ. И такъ, процессъ гражданскій долженъ быть организованъ по состязательному принципу. Согласно такому требованію современныя законодательства — отечественное и иностранныя [8]) — въ основу гражданскаго судопро-

---

6) «Das Processobject ist Eigenthum der Parteien... Sind die Parteien aber Herren des Processobjectes, so sind auch sie allein berechtigt zu bestimmen, wie ihre Sache verhandelt und dem Richter vorgelegt werden soll. Das beijzt: die Parteien sind domini litis. Das ist der oberste Processgrundsatz. Mittelstaedt, Processgrundsätze, 68.

7) См. Курсъ гражданскаго судопроизводства, Малышева. Т. 1, 352 стр.

8) Исключеніе составляетъ лишь прусскій гражданскій процессъ, гдѣ до сихъ поръ является господствующимъ слѣдственный принципъ: это открывается изъ цѣлаго ряда статей, въ силу коихъ судъ въ правѣ не ограничиваться матеріаломъ предложеннымъ сторонами; онъ самъ собираетъ доказательства, можетъ ex officio потребовать выдачи отъ третьяго лица или отъ тяжущейся стороны какого угодно документа, если только онъ кажется ему имѣющимъ въ дѣлѣ значеніе,—предложить сторонамъ какой угодно вопросъ и т. п. См. Allg. Gerihtsordnung. Einleit. §§ 7, 17. Tit. 10 §§ 91, 94, 101. Tit. 13 § 26. На практикѣ, однако же, и

изводства полагаютъ состязательное начало. Это начало и должно служить руководящею нитью при разрѣшеніи проблемъ, входящихъ въ кругъ наше-

---

здѣсь положеніе суда опредѣляется согласно состязательному принципу, т. е. судъ остается въ предѣлахъ заявленій сторонъ и на основаніи этихъ послѣднихъ постановляетъ свое рѣшеніе. Ср. Buddee—Die Grundsätze des heutigen preusz. Civilprocess. und ihre Anwendung. 72 pag. Несообразность слѣдственнаго начала съ природою предмета гр. процесса и непримѣнимость этого начала къ послѣднему ясно сознана составителями новаго проэкта общегерманскаго устава гр. судопроизводства (Entwurf deutschen Civilprocessordnuug. 72 г.), въ основу коего положенъ состязательный принципъ. См. §§ 115—146. Но если по отношенію къ гражданскому процессу слѣдственное начало признано всюду непригоднымъ, то въ уголовномъ процессѣ, напротивъ, это начало по всѣмъ современнымъ законодательствамъ (за исключеніемъ развѣ Англійскаго) имѣетъ господствующее значеніе. • Правда, что и здѣсь (въ уголовн. проц.) удерживается правило: nemo judex sine actore, (хотя и не проводится со всею строгостію, такъ, напр., у насъ вопросъ о преданіи уголовному суду, слѣдовательно о самомъ открытіи судебно-уголовнаго процесса, рѣшается при участіи самого суда, именно суд. палаты— ст. 534—539 Уст. Угол. Суд.), но, затѣмъ, по открытіи процесса, судъ не связанъ заявленіями сторонъ, какъ это мы видимъ въ гр. процессѣ. Напротивъ, онъ можетъ предлагать сторонамъ какіе угодно вопросы, лишь бы уразумѣть матеріальную истину въ дѣлѣ; самое признаніе подсудимаго не исключаетъ возможности дальнѣйшаго изслѣдованія, если оно (признаніе) возбуждаетъ въ судѣ сомнѣніе. См. напр., 684 и 681 ст. нашего Уст. Угол. Суд.,—268 и 269 ст. Франц. Уст. Уг. Суд. Едвали возможно отрицать цѣлесообразность такой организаціи уголовнаго процесса и полное соотвѣтствіе ея природѣ предмета, съ коимъ имѣетъ дѣло этотъ процессъ. Если частныя гражданскія права, преслѣдуемыя въ гражданскомъ процессѣ, состоятъ въ свободномъ распоряженіи субъектовъ ихъ, то, напротивъ, право наказанія, принадлежащее государству, отъ имени коего ведется уголовный процессъ, не есть право факультативное; государство *обязано* примѣнять наказаніе ко *всѣмъ виновникамъ преступныхъ дѣяній*, произволъ здѣсь не мо-

го изслѣдованія объ объемѣ рѣшенія и законной силы. Приступаемъ къ первой изъ нихъ: на какіе вопросы простирается рѣшающая дѣятельность суда въ гражданскомъ процессѣ? При свѣтѣ указаннаго принципа, мы приходимъ къ слѣдующему рѣшенію настоящей проблемы: въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшающая дѣятельность суда имѣетъ своимъ предметомъ исключительно то право или юридическое отношеніе, которое преслѣдуетъ истецъ въ данномъ процессѣ, ибо на немъ сосредоточивается споръ сторонъ, оно представляетъ собою тотъ punctum controversiae, разрѣшеніе коего стороны ожидаютъ отъ суда и на который направлены всѣ приводимыя ими доказательства; всѣ же остальные вопросы возбуждаются въ процессѣ не сами по себѣ, а лишь по своей связи съ этимъ спорнымъ пунктомъ, а потому они не рѣшаются, а только разсматриваются судомъ. Такимъ образомъ, судъ не рѣшаетъ *о фактахъ*, изъ коихъ выводится истцомъ спорное правоотношеніе; ему необходимо, конечно, удостовѣриться въ существованіи этихъ фактовъ, но рѣшаетъ онъ только о правѣ. Точно также судъ не рѣшаетъ о *юридическомъ отношеніи, составляющемъ предположеніе права*, пре-

Приложеніе принципа.

жетъ имѣть мѣста;—съ другой стороны и обвиняемый *не можетъ добровольно*, безъ дѣйствительной вины, подвергнуть себя уголовной карѣ, самъ отказываясь отъ средствъ защиты, ибо онъ не можетъ отказаться отъ тѣхъ правъ, потеря коихъ связана съ наказаніемъ (таковы права состоянія, право на свободу, жизнь). При такомъ свойствѣ предмета уголовнаго процесса, очевидно, не возможно положить въ его основу состязательный принципъ, т. е. связать судъ волею и намѣреніемъ сторонъ; напротивъ необходимо дать ему право ex officio восполнять данныя, ими предложенныя, и идти иногда за предѣлы воли сторонъ, если того требуетъ интересъ матеріальной истины.

слѣдуемаго истцомъ [9]), а равно и о *правахъ отвѣтчика*, подлежащихъ обсужденію суда по поводу иска; [10]) всѣ эти вопросы вводятся въ процессъ не сами по себѣ, не съ цѣлію ихъ окончательнаго разрѣшенія, а лишь по поводу спора о правѣ, пре-

9) Такое условливающее значеніе имѣетъ, наприм., родство для обязательства давать алименты,—собственность для предіальнаго сервитута,—личное требованіе для залоговаго права и т. п.

10) Рѣшая вопросъ о правѣ истца, судъ не рѣшаетъ о правахъ отвѣтчика. Изъ этого положенія не составляетъ, конечно, изъятія случай встрѣчнаго иска; разрѣшая встрѣчный искъ, судъ рѣшаетъ не о правахъ отвѣтчика, а о правахъ истца, ибо прежній отвѣтчикъ выступаетъ здѣсь уже въ роли истца, первоначальный же истецъ фунгируетъ какъ отвѣтчикъ. При встрѣчномъ искѣ мы имѣемъ собственно два совершенно самостоятельныхъ спора о правѣ, которые только внѣшнимъ образомъ соединены въ одномъ производствѣ; каждая сторона является здѣсь и въ роли истца, и въ роли отвѣтчика:«... nec quisquam praecipue reus vel actor intelligitur, sed unus quisque tam rei quam actoris partes sustinet (Gai. VI. 160) Ср. также Planck, Die Mehrheit der Rechtsstreitigkeiten, 130—131 p. Напротивъ, дѣйствительное изъятіе изъ нашего положенія образуетъ, во 1-хъ, тотъ случай, когда право, преслѣдуемое истцомъ, имѣетъ исключительную природу, такъ что принадлежность его одному лицу исключаетъ возможность существованія его въ другомъ (таковы вещныя права); въ этомъ случаѣ присужденіе права истцу заключаетъ въ себѣ неизбѣжно отрицаніе его въ лицѣ отвѣтчика (подробнѣе объ этомъ см. ниже); во 2-хъ, *по искамъ отрицательнымъ* (actiones rescissoriae,—de nullitate) судъ точно также рѣшаетъ и о правѣ отвѣтчика. Отличительная черта этихъ исковъ та, что истецъ преслѣдуетъ здѣсь извѣстное правоотношеніе отрицательнымъ путемъ, т. е. домогается на судѣ, чтобы извѣстное право было *не признано* въ лицѣ отвѣтчика и тѣмъ самымъ присуждено ему—истцу. Такъ, оспаривая дѣйствительность завѣщанія, истецъ (наслѣдникъ по закону) домогается, чтобы судъ *не призналъ* отвѣтчика наслѣдникомъ и тѣмъ самымъ присудилъ наслѣдство ему—истцу.

слѣдуемомъ истцомъ [11]). Всего менѣе судъ рѣшаетъ о *доказательствахъ,* кои приводятся истцомъ для оправданія иска и отвѣтчикомъ въ пользу сдѣланныхъ имъ возраженій. Тѣже самыя доказательства могутъ быть представлены по нѣсколькимъ дѣламъ, и, отвергнутыя въ одномъ процессѣ, онѣ могутъ быть приняты въ другомъ.

Обращаясь теперь къ вышеприведенному примѣру, находимъ, что спорный пунктъ, разрѣшенія коего стороны ожидаютъ отъ суда, заключается здѣсь ни въ чемъ иномъ, какъ въ утверждаемомъ истцомъ правѣ требованія платежа извѣстной денежной суммы отъ даннаго отвѣтчика. Чтобы постановить рѣшеніе объ этомъ правѣ, судъ изслѣдуетъ многіе другіе вопросы, но только *изслѣдуетъ,* рѣшаетъ же онъ не болѣе, какъ объ указанномъ правѣ истца. Такимъ образомъ, вопросъ о наслѣдованіи А по смерти С, о фактѣ займа, сдѣланнаго В у наслѣдодателя С, и прочіе вопросы, затрогиваемые въ данномъ процессѣ, остаются от-

---

11) Иное дѣло въ уголовномъ процессѣ, гдѣ господствуетъ слѣдственный принципъ и гдѣ судъ, не будучи связанъ волею сторонъ и пополняя ex officio данныя, ими предложенныя, стремится раскрыть матеріальную истину; всѣ вопросы, которые изслѣдуются судомъ въ этомъ процессѣ, суть въ тоже время объектъ рѣшенія и законной силы. Справедливо говоритъ Zachariae: Les tribunaux criminels ont mission de decider s'il existe un corps de delit, si l'accuse ou le prevenue est auteur des faits, qui lui sont repproches, si cet faits lui sont imputables quant á l'application de la loi penale et enfin s'ils preséntent les caracteres requis pour motiver l'application d'une disposition quelconque de cette loi. L e s d e c i s i o n s q u' i l s · r e n d e n t s u r l'u n e o u l'a u t r e d e c e s q u e s t i o n s j o u i s s e n t d'u n e m a n i e r e a b s o l u e e t á l'e g a r d d e t o u t e s p e r s o n n e s i n d i s t i n c t e m e n t d e l'a u t o r i t é d e l a c h o s e j u g é e. См. Aubry et Rau, 5 t. 793 p. Cours de droit civil français.

крытыми и могутъ быть въ послѣдствіи предметомъ новаго процессуальнаго спора; возраженіе законной силы здѣсь не имѣетъ мѣста. Отвѣтчикъ можетъ въ данномъ случаѣ оспаривать всѣ означенные пункты, противопоставить иску то или другое самостоятельное возраженіе, но все это дѣлается съ цѣлію устраненія иска,—не болѣе того.

Сила мотивовъ рѣшенія. Ученіе Савиньи и критика его.

Изъ сказаннаго само собою открывается наше мнѣніе по вопросу: мотивы рѣшенія входятъ ли въ законную силу? Если подъ мотивами разумѣть всѣ тѣ соображенія суда, путемъ коихъ онъ приходитъ къ рѣшенію о подлежащемъ правѣ истца, то они конечно не причастны законной силѣ. Здѣсь мы однако встрѣчаемся съ воззрѣніемъ весьма многихъ писателей, которые распространяютъ законную силу на мотивы рѣшенія. Во главѣ ихъ стоитъ Савиньи, ученіе коего поэтому заслуживаетъ ближайшаго разсмотрѣнія (Syst. VI, § 291).—Исходною точкою для Савиньи служитъ общее соображеніе о назначеніи института законной силы. Послѣднее состоитъ въ томъ, чтобы содержаніе разъ постановленнаго приговора разсматривалось въ послѣдствіи какъ истина, неподлежащая оспариванію. Но рѣшеніе, взятое само по себѣ, безъ мотивовъ, остается совершенно темнымъ; обходя ихъ, невозможно опредѣлить—разрѣшенъ ли данный вопросъ, возбужденный въ позднѣйшемъ процессѣ, состоявшимся прежде приговоромъ. Такъ, напр., по иску о собственности судъ оправдалъ отвѣтчика. Такое рѣшеніе могло состояться или потому, что истецъ не доказалъ своей собственности, или по недостатку владѣнія у отвѣтчика, или, наконецъ, по доказанному послѣднимъ тому или другому самостоятельному возраженію, напр. что спорное имѣніе заложено, сдано въ аренду ему—отвѣтчику и т. п. Чтобы отвергнуть новый искъ о той же собственности, необходимо знать, на какомъ именно основаніи состоялся прежній оправдательный приговоръ. Точно также, буде искъ изъ обязательства

отвергнуть судомъ, остается неизвѣстнымъ—потому ли оправданъ отвѣтчикъ что онъ доказалъ уплату долга, или же по уваженной судомъ exceptio compensationis, или же въ слѣдствіе ненаступленія срока исполненія обязательства. Сомнѣніе разрѣшается только путемъ изслѣдованія мотивовъ приговора и лишь при посредствѣ этого изслѣдованія возможно въ послѣдствіи сдѣлать употребленіе изъ законной силы состоявшагося рѣшенія. Отсюда заключаетъ Савиньи, что законная сила должна обнимать и мотивы рѣшенія, т. е., что послѣднее, въ смыслѣ причастія законной силѣ. должно быть разсматриваемо не иначе, какъ въ неразрывной связи съ признанными или отвергнутыми судомъ юридическими отношеніями, отъ коихъ зависитъ чисто практическая часть рѣшенія—обвиненіе или оправданіе отвѣтчика. Въ этомъ смыслѣ взятые мотивы, Савиньи называетъ *элементами* спорнаго юридическаго отношенія и (разрѣшающаго споръ) приговора: эти элементы рѣшенія входятъ въ законную силу. Такимъ образомъ, въ вышеприведенномъ случаѣ виндикаціоннаго иска въ законную силу, по мнѣнію Савиньи, входитъ признаніе или отрицаніе судомъ собственности, владѣнія, далѣе—договора найма, залоговаго права. Принятымъ въ указанномъ смыслѣ элементамъ рѣшенія или мотивамъ *объективнымъ* Савиньи противополагаетъ мотивы *субъективные* т. е., тѣ данныя, на основаніи коихъ судъ приходитъ къ признанію или отрицанію названныхъ элементовъ. Эти послѣдніе мотивы (субъективные) не входятъ въ законную силу.

Независимо отъ приведеннаго соображенія, Савиньи, для оправданія своего мнѣнія о законной силѣ мотивовъ (объективныхъ), ссылается на самую задачу, которую призвана преслѣдовать судебная власть. Эта задача состоитъ въ томъ, чтобы, въ случаѣ возникшаго спора о томъ или другомъ правоотношеніи, опредѣлить, привести въ извѣстность, фиксировать

послѣднее, такъ чтобы оно, при содѣйствіи института законной силы, не могло уже быть предметомъ новаго судебнаго процесса. Но судъ тогда только выполняетъ указанную задачу, когда постановляетъ рѣшеніе объ элементахъ спорнаго юридическаго отношенія. Не слѣдуетъ однако же думать, прибавляетъ Савиньи, что судъ *необходимо долженъ* рѣшать о всѣхъ элементахъ спорнаго правоотношенія; онъ только *можетъ* рѣшать о нихъ, и потому все то надлежитъ считать рѣшеннымъ, о чемъ судъ *хотѣлъ* постановить рѣшеніе.

Изложенное ученіе Савиньи служитъ лучшимъ примѣромъ шаткости построеній, къ коимъ приводитъ методъ, примѣненный этимъ писателемъ и до сихъ поръ прилагаемый большинствомъ юристовъ къ ученію о предѣлахъ законной силы. Савиньи оставляетъ въ сторонѣ цѣлый характеръ современнаго гражданскаго процесса,—состязательный принципъ, лежащій въ основѣ послѣдняго; рѣшеніе вопроса онъ выводитъ a priori изъ общаго понятія о назначеніи института законной силы и задачи судебной власти. Разсматривая ближе его ученіе, мы прежде всего недоумѣваемъ, почему содержаніе «рѣшенія» сводится у него къ простому обвиненію или оправданію отвѣтчика, все же остальное отнесено къ «мотивамъ». Если слѣдовать такому разграниченію названныхъ понятій, необходимо признать, конечно, законную силу *отчасти* за мотивами, т. е., поскольку въ нихъ разрѣшается самый вопросъ объ исковомъ притязаніи, но Савиньи на этомъ не останавливается; онъ распространяетъ ее на всѣ, по его выраженію, *объективные* мотивы. Основаніе, во 1-хъ, то, что иначе не будетъ достигнуто назначеніе института законной силы—устраненіе новаго процессуальнаго спора по тому же предмету. Но если справедливо, что отвергнуть позднѣйшій искъ, какъ уже рѣшенный, возможно только подъ условіемъ изслѣдованія тѣхъ мотивовъ состоявшагося приговора, кои Савиньи называетъ

объективными, то отсюда однако не вытекаетъ, что эти мотивы должны быть причастны законной силѣ. Положимъ, что прежній искъ о собственности потому былъ отвергнутъ, что отвѣтчикъ не владѣлъ виндицируемою вещію. Чтобы судить—можетъ ли быть устраненъ новый искъ о той же собственности чрезъ exc. r. judic., конечно, необходимо знать мотивъ отказа по первому иску, но нѣтъ необходимости *ради этого только* усвоять законную силу данному мотиву (въ приведенномъ примѣрѣ—невладѣнію отвѣтчика) [12]). Столь же мало оправдываетъ мнѣніе Савиньи и другой аргументъ задачи, которую призвана преслѣдовать судебная власть. Судъ безспорно обязанъ разрѣшать возникающіе споры о частныхъ правоотношеніяхъ, но въ какомъ собственно объемѣ постановляется рѣшеніе, т. е., относится ли оно только къ вопросу о правѣ истца, или же простирается и на другіе пункты, обсуждаемые судомъ по поводу даннаго спора—это отнюдь не открывается изъ отвлеченнаго понятія о задачѣ судебной власти [13]).

Любопытно, что, выводя законную силу мотивовъ (объективныхъ) изъ понятія обязанности, которую призвана выполнять судебная власть, Савиньи въ тоже время говоритъ, что суду вовсе нѣтъ необходимости рѣшать о всѣхъ элементахъ

---

12) Такому усвоенію противорѣчило бы уже то безспорное правило, что новому иску къ тому же отвѣтчику, нынѣ владѣющему, неугрожаетъ exc. r. j.

13) Нагляднымъ доказательствомъ тому служитъ примѣръ Griolet (L'autoritè de la chose jugée, 8 p.) который, исходя изъ того же отвлеченнаго понятія задачи суда, ограничиваетъ, однако же, рѣшающую дѣятельность его вопросами права, между тѣмъ какъ Савиньи распространяетъ ее на факты (напр. владѣніе отвѣтчика при виндикаціи собственности).

спорнаго юридическаго отношенія, что онъ только *можетъ* рѣшать о нихъ. Такимъ образомъ и здѣсь замѣчается petitio principii [14]). Но станемъ на точку зрѣнія Савиньи и посмотримъ, какія послѣдствія вытекали бы для тяжущихся сторонъ изъ примѣненія его теоріи «законной силы объективныхъ мотивовъ». По иску о незначительной суммѣ %, отвѣтчикъ отрицаетъ существованіе главнаго требованія, говоритъ, что онъ не долженъ истцу и самаго капитала, но въ виду ничтожности требуемой на этотъ разъ суммы, не нашелъ нужнымъ поддерживать своего возраженія, и какъ при состязательномъ характерѣ процесса, судъ не въ правѣ самъ собирать доказательства, то возраженіе отвѣтчика признано не основательнымъ и искъ присужденъ истцу. Теперь отвѣтчикъ узнаётъ, что и вопросъ о главномъ требованіи разрѣшенъ окончательно и что онъ обязанъ уплатить и самый капиталъ. Или судъ отказалъ по иску наслѣдника, предъявленному къ должнику наслѣдодателя, признавши недоказаннымъ легитимаціонный пунктъ (что истецъ дѣйствительный наслѣдникъ умершаго кредитора). По ученію Савиньи погибаетъ теперь для истца всякій новый искъ о наслѣдствѣ. Такими послѣдствіями, о коихъ побѣжденная сторона, вступая въ процессъ, не имѣла и предчувствія, не исчерпываются практическія неудобства, вытекающія для тяжущихся сторонъ изъ примѣненія теоріи Савиньи. Если бы мотивы рѣшенія входили въ законную силу, то сторона, довольная самымъ рѣшеніемъ, состоявшимся въ низшей инстанціи, была бы вынуждена, однако же, ходатайствовать въ аппелляціонномъ судѣ объ отмѣнѣ этого рѣшенія, буде оно въ мотивахъ для нея неблагопріятно.

---

14) Ср. Krüger Processualische Consumption, 182 p.

Такъ, если бы въ процессѣ о собственности истецъ утверждался съ одной стороны на давностномъ владѣніи, съ другой—на правѣ наслѣдства въ спорномъ имѣніи, и судъ послѣднее основаніе иска отвергъ, не признавши истца въ качествѣ наслѣдника, а по первому—присудилъ искъ, истецъ все-же сталъ бы аппеллировать, дабы не утратить возможности предъявить впослѣдствіи какой либо новый искъ въ томъ же качествѣ наслѣдника [15]). Кромѣ того, съ практической стороны ученіе Савиньи представляетъ еще одно неудобство, вытекающее изъ допускаемаго имъ произвола суда по опредѣленію въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ объема элементовъ, подлежащихъ его рѣшенію. «Рѣшеннымъ надлежитъ считать все то, о чемъ судъ хотѣлъ постановить рѣшеніе»,—но по какимъ признакамъ можно опредѣлить, о чёмъ именно хотѣлъ судъ рѣшить? Савиньи предлагаетъ вносить объективные мотивы въ самое рѣшеніе, но и онъ чувствуетъ невыполнимость своего предложенія, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ сложнымъ дѣламъ (374 р.). Наконецъ, противъ Савиньи говоритъ уже и то обстоятельство, что принимая консеквенціи своего ученія, онъ становится въ противорѣчіе съ самимъ собою. Изъ теоріи его слѣдуетъ, что если судъ отказалъ по иску о собственности на томъ основаніи, что отвѣтчикъ доказалъ принадлежность ему спорнаго предмета, то означенному мотиву принадлежитъ auctoritas rei judicatae. Отвѣтчикъ можетъ впослѣдствіи, буде спорная вещь случайно перейдетъ во владѣніе истца, потребовать ее отъ послѣдняго, ссылаясь на прежнее рѣшеніе и этимъ устраняя новый споръ о ней. Такимъ образомъ, оп-

15) Ср. и Pfeiffer, Archiv für Civ. Praxis, t. XXXVII, 262 p.

равданіе отвѣтчика обращается въ обвиненіе истца. Эту консеквенцію допускаетъ и самъ Савиньи (366 р.), между тѣмъ, на стр. 320 онъ говоритъ, что оправдательный приговоръ всегда имѣетъ одно отрицательное содержаніе; положительное же признаніе права въ лицѣ отвѣтчика не можетъ заключаться въ немъ,—что, конечно, вполнѣ справедливо, ибо всѣ возраженія отвѣтчика направляются только къ *устраненію* предъявленнаго иска, и судъ, слѣдовательно, не призванъ къ тому, чтобы осудить истца [16]).

Если справедливо, что рѣшенію суда въ гражданскомъ процессѣ, при состязательномъ характерѣ его, подлежитъ только вопросъ о правѣ, которое въ данномъ случаѣ преслѣдуется истцомъ, то намъ предстоитъ теперь возможно точнымъ образомъ установить предѣлы, въ коихъ судъ разрѣшаетъ самый вопросъ объ исковомъ притязаніи. **Ближайшее опредѣленіе объективнаго объема законной силы.**

---

16) Подобно Савиньи, многіе другіе нѣмецкіе писатели, игнорируя состязательный характеръ гражданскаго процесса, распространяютъ законную силу за предѣлы судебнаго опредѣленія объ исковомъ притязаніи. Такъ Brinkmann—Ueber die richterliche Urtheilsgründe, 82 p.—говоритъ: «Установлять юридическія положенія, распространять смыслъ закона или ограничивать его—это лежитъ за предѣлами власти, предоставленной судьямъ. Послѣдніе обязаны разрѣшать всякій данный процессуальный споръ по существующимъ законамъ; отсюда, сдѣланная судомъ интерпретація законоположеній, которую приводитъ онъ въ мотивахъ и которая, можетъ быть, не отвѣчаетъ дѣйствительному смыслу ихъ (законополож.), не получаетъ законной силы. Иное дѣло, тѣ соображенія суда, кои касаются фактической стороны дѣла: онѣ точно также входятъ въ законную силу, какъ и само

Понятно само собою, что истецъ долженъ обозначить то правоотношеніе, которое онъ намѣренъ преслѣдовать въ данномъ процессѣ, т. е. указать элементы, коими оно индивидуализируется; сюда относится, во 1-хъ, природа права, во 2-хъ, физическій объектъ, на который оно направлено и въ 3-хъ (для обязательственныхъ или личныхъ

рѣшеніе, на нихъ основанное. *Отрицать это—значитъ идти противъ здраваго смысла*». Другой аргументаціи мы не находимъ у названнаго писателя. Столь же безосновательно Schäffer—Zeitschrift für Civilrecht u. Process, t. XII, 247 p.—распространяетъ законную силу рѣшенія на всѣ фактическіе моменты, служащіе опорою иска или возраженія. Въ ближайшемъ отношеніи къ изложенному ученію Савиньи стоятъ воззрѣнія писателей: Linde—Archiv fur civ. Praxis, t. XXXIII, 13 p.; Windscheid'a—Lehrbuch der Pandectenrechts, § 130; Bayer'a—Vorträge uber den gemeinen ordentlichen Civilprocess, t. 1, 439—440 p. Первый (Linde), повидимому, расходится съ Савиньи въ томъ смыслѣ, что признаетъ законную силу не за всѣми объективными мотивами, а за тѣми лишь, кои представляются въ конкретномъ случаѣ столько же мотивами, сколько и самымъ рѣшеніемъ (441 p.),—но гдѣ критерій, по коему можно было бы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ отличить мотивы, имѣющіе въ то же время значеніе самого рѣшенія, отъ другихъ (простыхъ) мотивовъ? Судя по цѣлой статьѣ Linde, нельзя придти къ иному заключенію, какъ что искомый критерій заключается во внѣшней формѣ мотива, т. е., облеченъ ли онъ въ форму децизивныхъ словъ, или значится подъ рубрикою «мотивы»,—все, слѣдовательно, зависитъ отъ усмотрѣнія суда,—но вѣдь и Савиньи говоритъ, что не всѣ объективные мотивы необходимо входятъ въ законную силу, напротивъ рѣшеннымъ, по его мнѣнію, надлежитъ считать лишь то, о чемъ судъ хотѣлъ постановить рѣшеніе (360 p.), при чемъ онъ совѣтуетъ именно включать въ самое рѣшеніе тѣ объективные мотивы, кои по намѣренію суда должны войти въ законную силу (374).—Windscheid порицаетъ самое выраженіе «законная сила мотивовъ рѣшенія», (Not. 19), но вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ возможнымъ распространить законную силу на всѣ тѣ пункты, кои Савиньи

правъ)—юридическій фактъ, изъ коего данное правоотношеніе возникло. Эти указанія и образуютъ предѣлы, внутри коихъ судъ обязанъ строго держаться, постановляя свое рѣшеніе. Такимъ образомъ по иску о *собственности*, судъ не рѣшаетъ объ *узуфруктѣ*: послѣдній можетъ быть предметомъ новаго иска; точно также по иску о *вла-*

называетъ элементами рѣшенія или мотивами объективными. Bayer отрицаетъ законную силу мотивовъ лишь въ томъ случаѣ, когда они противорѣчатъ самому оправдательному или обвинительному приговору, но при согласіи съ послѣднимъ, они, по мнѣнію этого писателя, причастны законной силѣ въ томъ объемѣ, въ какомъ признаетъ ее Савиньи, на котораго онъ въ особенности ссылается здѣсь.—На правильной точкѣ зрѣнія стоитъ Wetzell—System des ordentliche Civ. Proc. «Nach gemeinem Processrecht, говоритъ этотъ писатель, hat der Richter das Urtheil nicht aus objectiven Gründen zu schöpfen, sondern aus dem ihm von den Parteien gelieferten Material, und auf den Jnhalt des Urtheils übt daher der Wille der Parteien durch Verzicht und Geständnisz einen unbemeszbaren Einflusz. Nun ist aber für alle stadien des Processes in der L. C. zum Voraus das Ziel bezeichnet, nach welchem sich Angriff und Verteidigung richten sollen, und hinzugedacht also, dasz sich ausschlieszlich auf dieses Ziel jener Einflusz des Willens beziehen läszt, erscheint es, man möchte sagen, civilrechtlich unmoglich, dasz das Urtheil weiter wirke, als die Absicht der Parteien gegangen ist, und Folgen erzeuge, deren sich die Parteien im Lauf des Processes vielleicht gar nicht bewuszt gewesen sind». 519 р. Согласно этому, Wetzell ограничиваетъ предметъ рѣшенія и законной силы исковымъ притязаніемъ,—537 р. Та же точка зрѣнія встрѣчается и у другихъ нѣмецкихъ писателей, не будучи однако проведена съ желаемою послѣдовательностію. Такъ Unger—system des osterreichischen Privatrechts, t. II, § 132—признаетъ, что рѣшеніе не должно простираться за предѣлы *воли и намѣренія сторонъ*, но вмѣстѣ съ тѣмъ полагаетъ, что судъ рѣшаетъ и о возраженіяхъ отвѣтчика. Точно также у Stabel'я—Volträge über den bürgerlichen Process, 27, 27 и 50 р.—сильно просвѣчиваетъ мысль о связи вопроса о предметѣ рѣшенія и законной силы съ ос-

дѣніи (actio possessoria) судъ не рѣшаетъ о *собственности*,—вообще всякое *иное по своей природѣ и содержанію* право остается открытымъ для новаго иска. Далѣе, въ отношеніи *физическаго объекта*

новнымъ принципомъ гражданской процедуры, однако же и онъ распространяетъ силу рѣшенія на преюдиціальные пункты. (Такъ если судъ, разрѣшая искъ о %, призналъ несуществующимъ главное требованіе, то новому иску объ этомъ послѣднемъ требованіи угрожаетъ exc. r. j.). Съ особеннымъ удовольствіемъ можемъ указать на недавно вышедшій трудъ проф. Kleinschrod'а—Processualische consumption und Rechtskraft 75 г.—который самымъ рѣшительнымъ образомъ высказывается за проводимое нами воззрѣніе. Такъ на стр. 163, по вопросу о томъ—разрѣшаетъ ли судъ преюдиціальные въ дѣлѣ пункты, Kleinschrod даетъ отрицательный отвѣтъ и при этомъ говоритъ, что по его убѣжденію «diese ganze streitfrage ihre losung nur in der Verhandlungsmaxime finden kann und darf, hier aber acuh vollständig findet». Или по вопросу о томъ—рѣшаетъ ли судъ объ обратныхъ требованіяхъ отвѣтчика, заявленныхъ въ видѣ возраженія—Kleinschrod говоритъ: «Es ist nämlich gar nicht abzusehen, warum nicht auch hier die letzte Losung unserer Frage in der Verhandlungs—maxime zu suchen sein soll. Herrscher des gesprochenen, wie ungesprochenen Worts ist es nicht der Richter, sondern nur der Streittheil, dessen Absicht die Tragveite seines Vorbringens bestimt. Beabsichtigt die Partei, ihren Gegenanspruch nur defensiv und nur diesen Process zu verwenden, so würde es einem richterlichen Urtheil mit der Wirkung endgültiger, über vorliegenden Streitfall hinausreichender Erledigung des vorgebrachten Gegenanspruchs an aller und jeder Berechtigung fehlen». 176 p.—Изъ франц. писателей, одни, какъ Bonnier--Traité des preuves, t. 2. n. 863 (4 Edit)—являются вполнѣ сторонниками ученія Савиньи, распространяя законную силу на всѣ «объективные мотивы» его; другіе, какъ Griolet, 104—105 p., Aubry и Rau 6 t. § 769, 489--490 p.—полагаютъ, что законная сила хотя и не распространяется на вопросы факта, но ей во всякомъ случаѣ причастны опредѣленія суда, касающіяся преюдиціальныхъ въ дѣлѣ пунктовъ (т. е. юридическихъ отношеній, условливающихъ исковое притязаніе); нѣкоторые, какъ Marcadé—Ehplication theorique et pratique du Code Na

рѣшеніе точно также отнюдь не должно простираться за предѣлы указаній, сдѣланныхъ истцомъ. Такъ, разрѣшая искъ о *части* извѣстнаго цѣлаго, судъ не предрѣшаетъ иска объ *остальныхъ частяхъ* [17]), но понятно само собою, что въ рѣшеніи о цѣломъ заключается опредѣленіе и о каждой части этого цѣлаго. Отыскивая цѣлое, истецъ пре-

---

poleon t. 5, art. 1351—рѣшаютъ вопросъ съ чисто формальной точки зрѣнія, признавая законную силу за диспозитивною частію рѣшенія (le dispositif), напротивъ все, что формально отнесено судомъ къ мотивамъ (les considerans) не входитъ въ законную силу.—Въ отечественной литературѣ настоящій вопросъ впервые затронутъ Малышевымъ—Курсъ Гражданскаго Судопроизводства, 434 р.,—который склоняется къ принятому въ текстѣ воззрѣнію.—Нельзя не подивиться, что Будзинскій—въ своей спеціальной монографіи «О силѣ судебныхъ рѣшеній»—не нашелъ нужнымъ коснуться столь важнаго пункта въ матеріи, подлежавшей его изслѣдованію.

17) Естественное изъятіе образуетъ тотъ случай, когда часть, бывшая предметомъ перваго иска, составляетъ необходимый элементъ цѣлаго, такъ что послѣднее безъ нея не мыслимо (напр. если я проигралъ дѣло о возвышеніи смѣжной стѣны на 10 футовъ, то, очевидно, не могу я отыскивать права возвысить туже стѣну на 20 футовъ), или когда требуемая часть не различима съ остальными частями (напр., если первый искъ былъ направленъ на идеальную часть извѣстнаго цѣлаго: половину, треть и т. п.) или, наконецъ, когда физическій объектъ позднѣйшаго иска, по началамъ гражданскаго права, составляетъ необходимую принадлежность оьъекта прежняго иска и раздѣляетъ его юридическую судьбу (наприм. земля и ея произведенія). Напротивъ, нѣтъ основанія исключать изъ дѣйствія нашего правила случай иска изъ обязательства къ періодическимъ платежамъ (наприм. завѣщатель возложилъ на наслѣдника обязательство выдавать кому либо ежегодно опредѣленную денежную сумму), буде истецъ преслѣдуетъ какойлибо отдѣльный платежъ. Какой ни состоялся бы приговоръ (обвинительный или оправдательный) по настоящему иску,истецъ можетъ впослѣдствіи отыскивать другіе платежи.

если судъ по иску о цѣломъ оправдалъ отвѣтчика, это значитъ, что по его убѣжденію истцу не принадлежитъ и никакая часть его, ибо иначе ничто не мѣшало суду присудить ему ее. Такимъ образомъ, если мой искъ о собственности въ недвижимомъ имѣніи былъ отвергнутъ судомъ, я не могу уже искать никакой части (реальной или идеальной) того же имѣнія: мнѣ угрожаетъ exc. r. j. Или, если отвергнутъ мой искъ о 200 р., я не могу уже требовать по суду ни одного рубля [18]). На-

18) Будзинскій въ своемъ сочиненіи «О силѣ судебныхъ рѣшеній», слѣдуя франц. писателю Bonnier (Des preuves, t. 2, n. 872) различаетъ въ вопросѣ, о значеніи рѣшенія, состоявшагося по иску о цѣломъ, для послѣдующаго иска о той или другой части этого цѣлаго, слѣдующія три гипотезы: 1) въ первомъ судебномъ опредѣленіи, рѣшено о правѣ на цѣлое, не касаясь части, отдѣльной отъ него. Сюда относитъ онъ тотъ случай, когда искъ о правѣ собственности на недвижимое имѣніе признанъ неосновательнымъ, и затѣмъ отыскивается тѣмъ же истцомъ пользованіе доходами въ смыслѣ права отдѣльнаго отъ права собственности (usufructus formalis); 2) Опредѣленіе о цѣломъ предметѣ не предрѣшило вопроса о части его: я проигралъ дѣло о присужденіи мнѣ исключительнаго права собственности, однако же я могу доказывать, что я совладѣлецъ этой собственности (coproprietaire); 3) Судъ, опредѣляя о цѣломъ, предрѣшилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ о части: если А требовалъ, чтобы В выдалъ ему все стадо овецъ, и проигралъ дѣло, то уже не можетъ послѣ требовать изъ этого стада одной или нѣсколькихъ овецъ; или если судъ устранилъ мой искъ о 1,000 р., я не могу уже требовать съ того же лица 500 р.—Нетрудно замѣтить, что приведенное различіе въ настоящемъ вопросѣ трехъ гипотезъ основано на недоразумѣніи. Первая гипотеза, гдѣ сопоставляются различныя по природѣ своей права (собственность и узуфруктъ), очевидно, не можетъ быть отнесена къ настоящему вопросу, ибо эти права совсѣмъ нельзя разсматривать какъ цѣлое и часть («Die dinglichen Rechte sind nicht als Theile des Eigenthumsrechts anzusehen» Unger, Syst. t. 1, § 67 Note 7). Затѣмъ вторая гипотеза разрѣшается неправильно; невозможно

конецъ, подлежащій искъ о правѣ судъ разрѣшаетъ въ разсужденіи *даннаго юридическаго факта*, изъ коего оно выводится истцомъ. Всякій новый фактъ, изъ коего тѣмъ же истцомъ выводится право на тотъ же физическій объектъ въ другомъ позднѣйшемъ процессѣ, исключаетъ возможность примѣненія exc. r. j., ибо самое право теперь есть уже иное, не бывшее предметомъ прежняго иска. Это положеніе справедливо, однако же, лишь относительно личныхъ или обязательственныхъ исковъ. Фактъ, изъ коего возникаетъ обязательство, стоитъ съ нимъ въ неразрывной связи, индивидуализируя самое отношеніе, такъ что обязательство съ тѣмъ же самымъ физическимъ объектомъ, однако же совершенно иное, если оно инымъ образомъ возникло. Нельзя поэтому сказать, что данное обязательство возникло этимъ, но еще и другимъ путемъ, ибо въ дѣйствительности это уже два различныя обязательства, если онѣ различнымъ образомъ возник-

---

допустить, чтобы, когда мнѣ отказано въ искѣ о собственности въ данномъ имѣніи, я могъ потомъ требовать признанія за мною сособственности (т. е. какой-либо идеальной части того же имѣнія). Остается, слѣдовательно, лишь третья гипотеза, гдѣ рѣшеніе о цѣломъ преюдицируетъ иску о части. Едва ли также можно согласиться съ нѣмецкимъ писателемъ Виндшейдомъ, который по поводу настоящаго вопроса говоритъ слѣдующее: Wenn gesprochen ist: dem Kläger gebuhren die eingeklagten 10 nicht, so ist damit gesprochen, es gebühre Ihm nichts. Wenn gesprochen ist: dem Kläger gebühren nicht 10, so ist die Frage—ob Ihm nicht 9 oder 8 oder irgend eine andere Quantität unter 10 gebuhre, offen gelassen».—Lehrbuch, t. 1. § 130 Note 14. По нашему мнѣнію судья не въ правѣ постановить такое неопредѣленное рѣшеніе: «dem Kläger gebuhren nicht 10»; напротивъ, согласно самому иску онъ обязанъ явственно присудить истцу то, что онъ считаетъ ему принадлежащимъ изъ этой суммы или же совсѣмъ отказать по иску.

ли [19]). Отсюда и рѣшеніе, состоявшееся по личному иску, очевидно, не преюдицируетъ другому, позднѣйшему, коимъ преслѣдуется обязательство, возникшее изъ другаго юридическаго факта. Иное дѣло—правоотношенія вещныя. Эти послѣднія могутъ проистекать изъ различныхъ основаній, отнюдь не измѣняясь въ своемъ существѣ. Такъ, собственность не будетъ иною, по какому бы титулу она ни была пріобрѣтена (по завѣщанію, куплѣ и т. д.) Отсюда слѣдуетъ, что если судъ разъ постановилъ опредѣленіе по иску о собственности, то вопросъ о ней долженъ считаться разрѣшеннымъ окончательно, т. е., безъ отношенія къ тому или другому титулу,—что истецъ, преслѣдуя въ другомъ позднѣйшемъ процессѣ собственность въ той же вещи, по какому бы то ни было основанію, возбуждаетъ уже рѣшенный вопросъ и что слѣдовательно, ему угрожатъ exc. r. j. Отсюда слѣдуетъ далѣе, что въ искахъ вещныхъ нѣтъ собственно нужды истцу обозначать титулъ или юридическій фактъ, въ силу коего пріобрѣтено имъ право. Однимъ указаніемъ природы права и физическаго объекта, ему подлежащаго, оно уже достаточно характеризуется и опредѣляется (Unger. ibid.)

Однако же, если истецъ въ данномъ случаѣ проситъ судъ разрѣшить вопросъ о собственности не вообще, а лишь въ разсужденіи извѣстнаго титула, изъ коего она на этотъ разъ выводится имъ, то будетъ вполнѣ согласно со состязательнымъ началомъ процесса и съ требованіями самой справед-

---

19) Ср. Donellus, Comment. l. 22, c. 5 § 16. Ihering, Geist des römichen Rechts $\frac{III}{I}$ § 51, 39 p. Unger—Syst. des osterrech. Privatrechts, t. 1, 362 p., особенно Puchta—Rheinisches Musäum, II Iahrgang, 250 p. и слѣд.

ливости въ отношенiи къ истцу—признать, что вопросъ о собственности разрѣшается судомъ лишь въ разсужденiи указаннаго истцомъ титула [20]). Возможны случаи, когда лицо не въ состоянiи доказать заразъ всѣхъ основанiй, по коимъ принадлежитъ ему право собственности, и однако же настоятельная нужда побуждаетъ его вчинить не медля виндикацiонный искъ. Представимъ себѣ, что лицо, купившее вещь, не можетъ доказать собственности своего ауктора безъ его помощи, между тѣмъ, мѣсто жительства послѣдняго ему неизвѣстно, но оно надѣется, по крайней мѣрѣ, доказать истеченiе узукапiоннаго срока. Спрашивается: должна ли быть уважена просьба истца, чтобы судъ постановилъ рѣшенiе о собственности лишь въ разсужденiи давности, на которую онъ ссылается, или же должно это лицо, пока не отыщетъ ауктора, оставлять вещь въ чужихъ рукахъ съ опасностiю, что владѣлецъ не хозяйственнымъ употребленiемъ причинитъ ей вредъ, а можетъ быть (смотря, конечно, по свойству вещи) совсѣмъ уничтожить ее? Состязательный принципъ процесса и сама справедливость говорятъ несомнѣнно въ пользу первой альтернативы [21]).

---

20) Истецъ долженъ, какъ справедливо замѣчаетъ Савиньи, Syst. t. 6, 516 p., *явственно* выразить въ исковой просьбѣ свою волю о томъ, чтобы подлежащiй искъ о собственности былъ разрѣшенъ судомъ не вообще, а лишь въ разсужденiи того или другого основанiя. Одно только обозначенiе какого либо опредѣленнаго титула въ искѣ само по себѣ недостаточно для того, чтобы предположить существованiе этой воли.

21) Допущенiе новаго иска о той же собственности, буде онъ утверждается на новомъ юридическомъ фактѣ, можетъ казатися несовмѣстнымъ съ проводимымъ нами положенiемъ, что судъ рѣшаетъ только о правѣ, но не о фактахъ, изъ коихъ оно выводится истцомъ. Нѣкоторые писа-

II.

РИМСКОЕ ПРАВО.

Вопросы, подлежавшіе разрѣшенію judex'а въ гражд. процессѣ.

Установленное выше положеніе, что рѣшающая дѣятельность суда въ гражданскомъ процессѣ, при господствѣ въ немъ состязательнаго принципа, не должна простираться за предѣлы вопроса объ исковомъ притязаніи, нашло себѣ примѣненіе въ Римскомъ правѣ, въ эпоху классическихъ юрис-

---

тели, дѣйствительно, полагаютъ, что при возможности новаго иска о собственности ради новаго титула, прежнее рѣшеніе будетъ относиться уже не къ вопросу права, а къ вопросу факта или къ указанному истцомъ способу пріобрѣтенія этого права; на этомъ именно основаніи, они возстаютъ противъ самаго допущенія новаго иска, какъ противнаго природѣ процесса о собственности. «Iener auf eine Erwerbsart beschräncte Process, говоритъ Пухта, würde nämlich in der That gar kein Eigenthumsprocess, die Klage keine Eigenthumsklage genannt werden konnen». Rheinisches Musäum, II Iahrg.Но еще Hefftеr замѣтилъ, что чрезъ допущеніе новаго иска о собственности отнюдь не искажается природа процесса о таковой, ибо предметомъ процесса остается все та же собственность, только вопросъ о ней ставится не вообще, а лишь въ разсужденіи указаннаго истцомъ факта (Rheinisches Musäum, III Iahrg. 222 p.). Допущеніе новаго иска, прибавимъ мы, нимало не противорѣчитъ и нашему утвержденію, что судъ рѣшаетъ только о правѣ, ибо въ прежнемъ процессѣ судъ дѣйствительно рѣшалъ не о фактахъ, а о правѣ, но только не вообще, а лишь въ разсужденіи извѣстнаго факта. Но какъ обсуждать тотъ случай, когда истецъ проситъ судъ разрѣшить подлежащій вопросъ о правѣ не болѣе, какъ въ разсужденіи тѣхъ лишь доказательствъ, которыя онъ представляетъ на этотъ разъ въ пользу факта, изъ коего выводится преслѣдуемое имъ право?

товъ. Соотвѣтственно состязательному началу, лежащему въ основѣ Римскаго процесса, въ этотъ цвѣтущій періодъ его развитія [1]), Римскій judex рѣшалъ только о правѣ, которое въ данномъ процессѣ преслѣдовалось истцомъ. Всѣ другіе вопро—

Новыя доказательства открываютъ ли для истца возможность новаго иска? Строго слѣдуя правилу состязательнаго процесса: ne judex eat ultra petita partium, надлежало бы, конечно, дать утвердительный отвѣтъ. Но такъ далеко идти не возможно, не нарушая публичнаго интереса, ибо тогда судебнымъ спорамъ не было бы конца. Вотъ почему ни въ одномъ изъ положительныхъ законодательствъ, сколько намъ извѣстно, не содержится постановленія о томъ, чтобы при новыхъ доказательствахъ былъ возможенъ новый искъ о томъ же правѣ. Допускается лишь возможность *обжаловать* вошедшее въ законную силу рѣшеніе, на основаніи новыхъ доказательствъ, при чемъ опредѣляются различныя, вообще довольно строгія условія, при коихъ это обжалованіе можетъ имѣть мѣсто. Такъ, напр. требуется, чтобы новыя доказательства были *неизвѣстны* истцу ко времени постановленія рѣшенія, чтобы онѣ имѣли *существенную* въ дѣлѣ важность (см. нашъ Уст. Гр. Судопр. 794, 797 ст.),—требуется кромѣ того удостовѣреніе, что истецъ не могъ своевременно узнать и привести ихъ, *не смотря на все свое вниманіе къ дѣлу* (des angewendeten gröszten Fleiszes ungeachtet—Bayer. Gerichtsordnung. Cp. Zink, Sachverhalt im französischen Civilprocesse, 387 p.), или же постановляется, что новыя доказательства должны быть *письменныя*, которыя не явлены ранѣе суду единственно по винѣ противника (См. art. 488, Cod. de proc. civ.). Что же касается Римскаго права, то оно рѣшительно не допускало возможности оспариванія rei jndicatae на основаніи новыхъ доказательствъ: «Sub specie novorum instrumentorum, postea repertorum, res judicatas restavrari exemplo grave est.». L. 4 Cod. 7, 52 p.

1) Какъ извѣстно, судебное производство у Римлянъ разчленялось въ эту эпоху на двѣ стадіи: jus и judicium. Процессъ in jure (coram praetorem) имѣлъ своею задачею опредѣлить и юридически формулировать притязаніе истца, равно и возраженія отвѣтчика (exceptiones); самое же изслѣдованіе фактическихъ основаній иска и возраженій производилось in judicio; здѣсь же поставлялся и приговоръ. Въ

сы, возникавшіе въ процессѣ, только разсматривались судьею, но не рѣшались имъ. Такимъ обра-

Вопросы факта.

зомъ Римскій judex не рѣшалъ 1) о *фактахъ*, изъ коихъ истецъ выводилъ свое притязаніе или на коихъ утверждались возраженія отвѣтчика. Всѣ мѣста въ источникахъ, гдѣ рѣчь идетъ о предметѣ рѣшенія, несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что послѣднее относилось исключительно къ вопросу о правѣ и не касалось фактовъ. «...de servitutis jure pronunciatum» говоритъ юристъ—L. 5 § 9 D. 25, 3; или: «...in hoc judicio rem meam esse pronuntietur» L. 40 § 2 D. 3, 3; или: «...judex sententia declaravit fundum meum esse»— L. 35 § 1 D. 6, 1. См. также: L. 30 § 1 D. 44, 2.
L. 8 § 4 D 8, 5.
L. 50 § 1 D. 30.

обѣихъ стадіяхъ господствовалъ состязательный принципъ. Какъ in jure производство открывалось и продолжалось по иниціативѣ сторонъ—L. 4 § 8 D. 39, 2.
L. 42 D. 50, 17.
L. 56 D. 42, 1; Ср. и Bethmann-Hollweg, Civ. Proc. t. 2. § 86 такъ и во второй стадіи процесса—in judicio тѣ же стороны фигюрировали въ качествѣ главныхъ органовъ его, до самаго послѣдняго процессуальнаго акта—постановленія рѣшенія. Самъ judex не собиралъ доказательствъ; онъ только выслушивалъ доводы сторонъ и на основаніи ихъ постановлялъ свое рѣшеніе—
L. 14 § 3 D. 4, 2.
L. 25 D. 4, 3.
§ 4 de leg. 2, 20.
L. 21 in fin. D. 22, 3.
L. 15 D. 39, 1.
L. 1 D. 44, 1. Если сторона признавала факты, заявленные противникомъ, то judex не входилъ уже въ изслѣдованіе этихъ фактовъ, а прямо полагалъ ихъ въ основу своего рѣшенія—L. 1, 6 § 1, 2 D. 42, 2.
L. 25 § 1 D. 9, 2. Ср. также Maynz—Elements de droit romain t. 1, 348 p.

L. 11 § 3 D. 12, 2.
L. 3 § 3 D. 27, 9.
L. 6 § 2 D. 42, 2.

Особую важность представляетъ для насъ слѣдующее мѣсто изъ Ульпіана:

«plane, si denuntiante muliere negaverit ex se esse praegnantem, tametsi custodes non evitabit quominus quaeratur, an ex eo mulier praegnas sit. Quae causa si fuerit acta apud juricem, et pronuntiaverit cum de hoc ageretur. quod ex eo praegnas fuerit nec ne, in ea causa esse ut agnosci debeat: sive filius non fuit, sive fuit, esse suum» (L. 1 § 16 D. 25. 3).

Въ этомъ lex'ѣ ясно указывается, что вопросы факта подлежали только изслѣдованію judex'a (queratur, an ex eo mulier praegnas sit) и что окончательное рѣшеніе относилось только къ исковому притязанію (pronuntiaverit... ut, agnosci debeat). Между тѣмъ въ нѣмецкой юридической литературѣ мы встрѣчаемъ мнѣніе, что рѣшающая дѣятельность judex'a простиралась и на вопросы факта и что, поэтому, если, напр. condictio furtiva отвергнута судьею по недоказанности факта кражи, то позднѣйшей actio furti угрожаетъ exceptio rei judicatae [2]). Сторонники этого мнѣнія ссылаются на

2) Savigny, Syst. t. VI, 452 p.; Keller, Lit. Cont. u. Urtheil 281 p.; Bethmann—Hollweg, Bd. 2 Civ. Proc. 648 p. Vangerow, Handbuch der Pandecten Bd. 1 § 173 Лит. V.

признаваемую Римскимъ правомъ аналогію межъ судебнымъ рѣшеніемъ и присягою [3]), и такъ какъ, по прямому свидѣтельству источниковъ, exceptio jurisjurandi могла имѣть мѣсто въ приведенномъ случаѣ actio furti [4]), то отсюда заключаютъ, что этотъ послѣдній искъ могъ быть устраненъ и чрезъ exceptio rei judicatae. Но аналогія въ данномъ случаѣ не есть достаточный аргументъ. Извѣстно, что присяга, по произволу тяжущихся сторонъ, могла быть направлена не только на вопросъ права, но и на любой фактъ [5]). Въ послѣднемъ случаѣ и фактическій вопросъ считался окончательно разрѣшеннымъ, каковой случай содержится именно въ L. 13 § 2: «juravit furtum se non fecisse». Но могло ли, подобно присягѣ, и рѣшеніе judex'а, по его произволу, быть обращено какъ на право, такъ и на фактъ, это еще требуетъ доказательствъ. Строго держась на почвѣ источниковъ, мы въ правѣ признать лишь, что судебное рѣшеніе, какъ и присяга одинаково имѣли цѣлію—окончательное разрѣшеніе спора (см. прим. 3),—но отъ единства цѣли нельзя еще заключать къ тождеству предмета того и другой. Аналогичные въ одномъ отношеніи, они могли быть различны во всѣхъ другихъ.

---

3) «Jus jurandum vicem rei judicatae obtinet» L. 11 D. 44, 5; или: post rem judicatam vel jurejurando decisam nihil quaeritur» L. 56 D. 42, 1.

4) Iulianus scribit, cum, qui juravit jurtum se non fecisse, videri de toto jurasse, atque ideo neque condictitia tenetur, quia condictitia inquit, solus fur tenetur» L. 13 § 2. De jurejurando. См. также L. 28 § 7 eod.

5) Ср. Savigny, Syst. VII, 60 p.

2) Judex не рѣшалъ о юридическомъ отношеніи, условливающемъ исковое притязаніе; чтобы постановить рѣшеніе о послѣднемъ, онъ конечно долженъ былъ составить себѣ опредѣленный взглядъ по вопросу объ условливающемъ отношеніи, но самъ по себѣ этотъ вопросъ не разрѣшался имъ и могъ быть предметомъ новаго процессуальнаго спора. Вопросы преюдиціальные.

«Si ante viam, говоритъ юристъ Павелъ, deinde fundum Titianum petat,... non nocebit exceptio. L. 17 D. 44. 1.

Смыслъ мѣста слѣдующій: бывшій отвѣтчикъ по конфессорному иску не можетъ въ настоящемъ процессѣ о собственности въ praedium dominans сослаться на рѣшеніе, состоявшееся по тому прежнему иску,—не можетъ потому, что судья въ процессѣ о сервитутѣ рѣшаетъ только объ этомъ послѣднемъ, но ни какъ не о собственности, которая лишь въ качествѣ инцидентнаго пункта подлежала его обсужденію [6]). Наше положеніе под-

6) Brackenhöft—Identität und materielle Connexität der Rechtsverhältnisze, 389—390 p.—интерпретируя настоящее мѣсто, различаетъ два слѣдующіе случая: 1) по иску о сервитутѣ отказано на томъ основаніи, что судья призналъ недоказанною собственность истца въ praedium dominans; 2) искъ о сервитутѣ отвергнутъ по недоказанности самого сервитута, вопросъ же о собственности истца въ praedium dominans совсѣмъ не былъ возбужденъ отвѣтчикомъ. Въ первомъ случаѣ судья рѣшилъ и о собственности, такъ-что новый искъ о ней уже не возможенъ; во второмъ—вопросъ о собственности остается открытымъ. Этотъ-то послѣдній случай, по мнѣнію Brackenhöft'а и разумѣется въ 17 l. Ср. также Vangerow, Pandecten, § 173. Такое толкованіе не можетъ быть принято по слѣдующимъ основаніямъ: 1) въ приведенномъ

тверждается кромѣ того слѣдующими несомнѣнными мѣстами:

«Si in judicio actum sit, usuraeque solae petitae sint, non est verendum, ne noceat rei judicatae exceptio circa sortis petitionem: quia enim non competit, nec opposita nocet. L». 23 D. 44. 2.

Юристъ говоритъ, что рѣшеніе по иску о́ % не преюдицируетъ иску о капитальной суммѣ; эта послѣдняя еще можетъ быть предметомъ особаго процесса.

«Si vel parens neget filium, idcircoque alere se non debere contendat, vel filius neget parentem: summatim judices oportet super ea re cognoscere: si constiterit filium vel parentem esse, tunc ali jubebunt alimenta». «Meminisse autem oportet, etsi pronuntiaverint ali oportere, attamen eam rem praejudicium non facere veritati: nec enim

мѣстѣ нѣтъ и намека на то, чтобы рѣчь шла здѣсь лишь о послѣднемъ случаѣ, но чтобы первый былъ выдѣленъ Павломъ; во 2) предположеніе, что искъ о сервитутѣ отвергнутъ здѣсь по недоказанности самого сервитута, отнимаетъ всякое значеніе у приведеннаго изрѣченія юриста, ибо едва ли кто могъ и думать, чтобы въ этомъ случаѣ позднѣйшему иску о praedium dominans могла угрожать exc. r. j.

hoc pronunciatur, filium esse, sed aii debere». L. 5 §§ 8, 9. D. 25. 3.

Ульпіанъ говоритъ здѣсь, что вопросъ о родствѣ не рѣшается въ процессѣ объ алиментахъ; судьѣ конечно необходимо войти въ разсмотрѣніе этого вопроса, но рѣшаетъ онъ только объ алиментахъ: «nec hoc pronunciatur filium esse, sed ali debere» [7]).

---

7) Savigny—VI, 437 p., Bethmann—Hollweg 2 t. 647 p., и нѣкоторые другіе писатели полагаютъ, что въ данномъ случаѣ вопросъ о родствѣ потому оставался не рѣшеннымъ, что онъ разсматривался судьею, по выраженію Ульпіана, summatim, т, е. безъ надлежащаго изслѣдованія, способнаго привести къ опредѣленному представленію о дѣйствительномъ существованіи родства, но такое мнѣніе противно истинному смыслу приведенныхъ мѣстъ. Ульпіанъ хотя и говоритъ, что вопросъ о родствѣ долженъ быть изслѣдованъ summatim, но въ тоже время требуетъ, чтобы судья не прежде приступалъ къ постановленію рѣшенія объ алиментахъ, какъ когда уже будетъ установленъ вопросъ о родствѣ: «si constiterit filium vel parentem esse, tunc ali jubebunt». Притомъ самое выраженіе «summalim cognorcere», какъ доказалъ Briegleb, никогда не означало у Римлянъ *поверхностнаго* изслѣдованія предмета,—для этого понятія существовало у нихъ другое слово: leviter,—summatim же указывало на то, что изслѣдованіе должно ограничиться важнѣйшими, наиболѣе существенными моментами цѣлаго спорнаго матеріала въ процессѣ, моментами, которые такъ сказать наиболѣе выдаются изъ цѣлой массы спорной матеріи (summa rei momenta) и прежде всего должны подлежать судебному разсмотрѣнію къ такимъ спорнымъ пунктамъ принадлежитъ, конечно, и вопросъ о родствѣ въ процессѣ объ алиментахъ). Такимъ образомъ summatim означаетъ лишь ограниченіе изслѣдованія по *объекту*, но ничего не говоритъ о самомъ родѣ изслѣдованія. См. Einleitung in die Theorie der summarischen Processe § 87, 90, 86, 54.

«Adite Praesidem provinciae, et ruptum esse testamentum Fabii Praesentis, agnationt filii docete: neque enim impedie notionem ejus, quod status quaestio in cognitione vertitur, etsi super status causa cognoscere non possiti pertinet enim ad officium judicis, qui de hereditate cognoscit, universam incidentem quaestionem, quae in judicium devocatur, examinare: quoniam non de ea, sed de heriditate pronuntiat». L. 1. C. 3. 8.

Случай, о коемъ говоритъ приведенное мѣсто, долженъ быть конструированъ слѣдующимъ образомъ: мать и опекуны ребенка, родившагося по смерти отца, спрашивали совѣта у императоровъ-Антонина и Севера, какъ можетъ это дитя получить отцовское наслѣдство и устранить наслѣдниковъ тестаментарныхъ, оспаривавшихъ status этого ребенка. Сомнѣніе при этомъ состояло въ томъ, что praeses провинціи не могъ рѣшать о status ребенка, но безъ этого предположенія не возможно было рѣшить вопроса о наслѣдствѣ. Императоры отсылаютъ спрашивающихъ тѣмъ не менѣе къ praeses, объяснивши, что въ данномъ случаѣ онъ будетъ рѣшать только о наслѣдствѣ.

Если цѣлый рядъ приведенныхъ lex'овъ говоритъ въ пользу нашего положенія, то, съ другой стороны, тѣ мѣста, въ коихъ нѣкоторые писатели находятъ прямое доказательство противнаго, при безпристрастномъ отношеніи къ источникамъ, оказываются не имѣющими той доказательной силы, какая усвояется имъ Сюда относится прежде всего L. 7 § 5 D. 44. 2:».. si quis debitum petierit a debitore hereditario,

deinde hereditatem petat, vel contra, si ante hereditatem petierit et postea debitum petat; nam et hic obstabit exceptio. Nam cum hereditatem peto et corpora et actiones omnes, quae in hereditate sunt, videntur in petitionem deduci.

Savigny—VI, § 298, Keller—L. C. und Urth. 275 p. и Bethmann-Hollweg—2 t. § 111, прим. [8]—видятъ въ приведенномъ мѣстѣ, именно въ начальныхъ словахъ его «si quis....., deinde heriditatem petat» лучшее доказательство тому, что законная сила, по Римскому праву, распространялась и на преюдиціальные пункты; позднѣйшей hereditatis petitio, по мнѣнію этихъ писателей, exceptio r. j. угрожаетъ потому, что состоявшееся въ прежнемъ процессѣ опредѣленіе judex'а (pronunciatio) относилась и къ вопросу о наслѣдованіи истца умершему кредитору. На самомъ же дѣлѣ, совсѣмъ иная мысль лежитъ въ основаніи рѣшенія Ульпіана: эта мысль ясно указана имъ самимъ въ заключительныхъ словахъ приведеннаго lex'а:

«Nam cum hereditatem peto et corpora et actiones omnes, quae in hereditate sunt, videntur in petionem deduci».

Ясно, что новый искъ—hereditatis petitio не потому не можетъ имѣть мѣста, что-де въ прежнемъ процессѣ judex разрѣшилъ предварительный вопросъ: наслѣдникъ ли истецъ умершему кредитору—объ этомъ Ульпіанъ не говоритъ ни слова—, а потому, что прежній и теперешній иски находятся другъ къ другу въ отношеніи частичнаго

тождества, и что предъявляя h. p. безъ всякаго ограниченія, истецъ преслѣдуетъ и то требованіе, или ту отдѣльную вещь, входящую въ составъ наслѣдства, которая разъ была уже предметомъ иска. Въ сущности, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ однимъ изъ случаевъ pluspetitio, когда истецъ, требуя болѣе, нежели сколько по праву принадлежитъ ему, терялъ искъ во всей его цѣлости [8]).

Независимо отъ приведеннаго lex'а, Савиньи (435 p.) и нѣкоторые другіе писатели видятъ доказательство законной силы преюдиціальныхъ пунктовъ въ тѣхъ мѣстахъ источниковъ, гдѣ упоминается объ exceptio praejudicialis, полагая именно, что эта послѣдняя эксцепція введена была преторомъ съ цѣлію дать отвѣтчику средство устранить окончательное разрѣшеніе вопроса о юридическомъ отношеніи, условливающемъ настоящее исковое притязаніе. Между тѣмъ истинный смыслъ exceptio praejudicialis открывается изъ самаго понятія praejudicium. Такъ обозначалось у Римлянъ рѣшеніе, къ коему въ позднѣйшемъ процессѣ судья обыкновенно присоединялся, но которое de jure не имѣло для него обязательной силы [9]). Дѣло шло здѣсь не о юридическомъ, а скорѣе фактическомъ вліяніи прецедентовъ,—вліяніи естественно проистекающемъ для каждаго судьи изъ опасенія противорѣчащихъ другъ другу приговоровъ Вліяніе прецедентовъ тѣмъ сильнѣе отражалось на римскихъ

---

8) Ср. и Bekker, Die processualische Consumption, 233 p.; этотъ писатель справедливо замѣчаетъ, что если позднѣйшая h. p. была формулирована такимъ образомъ, что не обнимало того требованія или той вещи, которая уже была предметомъ иска (praescriptio), то ей не могла быть противопоставлена exc. r. j. 235 p.

9) «Praejudicium dicitur res, quae, quum statuta fuerit, affert judic turis e x e m p l u m, quod sequantur» Asconius,

judices, что это были частныя лица, избираемыя особо для каждаго отдѣльнаго процесса, слѣдовательно люди мало свѣдующіе въ правѣ и не имѣющіе навыка къ анализу юридическихъ отношеній, необходимому при разрѣшеніи споровъ о правѣ. Но такое вліяніе предшествующихъ рѣшеній могло расходиться съ интересами правосудія въ тѣхъ случаяхъ, когда право, преслѣдуемое истцомъ въ данномъ процессѣ имѣетъ своимъ предположеніемъ какое либо другое юридическое отношеніе,—особенно, если это послѣднее представляетъ сравнительно большую важность. Въ самомъ дѣлѣ, имѣя собственно въ виду разрѣшить условленный и менѣе значительный искъ, судья могъ разсмотрѣть вопросъ объ условливающемъ юридическомъ отношеніи какъ бы мимоходомъ, безъ надлежащаго вниманія къ его преимущественной важности, между тѣмъ рѣшеніе состоявшееся по настоящему иску могло повлiять на позднѣйшее рѣшеніе о правѣ условливающемъ. Вотъ для предупрежденія-то этого вліянія, столь опаснаго въ подобныхъ случаяхъ для дѣла правосудія, существовалъ въ Римскомъ правѣ институтъ exceptio praejudicialis.

Отвѣтчикъ могъ потребовать, чтобъ вопросъ объ условливающемъ и болѣе важномъ юридическомъ отношеніи былъ разрѣшенъ судомъ ранѣе условленнаго иска. Въ такомъ смыслѣ надлежитъ понимать приведенныя у Савиньи L. 16 D. 44. 1:

---

cit. см. у Planck'a, Die Mehrheit der Rechtsstreitigkeiten § 26. Согласно предложенному понятію praejudicium гласитъ и L. 13, D. 37, 10, гдѣ рѣшеніе, состоявшееся по одному процессуальному спору называется praejudicium въ отношеніи другаго, позднѣйшаго, хотя объ обязательной силѣ этого рѣшенія для другаго процесса не можетъ быть и рѣчи, ибо не достаетъ тождества лицъ.

«Fundum Titianum possides, de cujus proprietate inter me et te controversia est; et dico praeterea viam ad eum per fundum Sempronianum, quem tuum esse constat, deberi; exceptionem quod praejudicium praedio non fiat, utilem tibi fore putavit: videlicet quod non aliter viam mihi deberi probaturus sim, quam prius probaverim fundum Titianum meum esse». [10]) [10] a)

Права отвѣтчика, противопоставляемыя иску въ видѣ возраженія.

3) Римскій judex не рѣшалъ о правахъ отвѣтчика, которыя послѣдній въ формѣ возраженія противопоставлялъ иску (напр. exceptio dominii). Блестящее подтвержденіе тому находимъ мы у Гая:

Si inter me et te controversia de hereditate sit, et quasdam res ex eadem tu possides, quasdam ego; nihil vetat, et me a

---

10) А владѣетъ недвижимымъ имѣніемъ, о собственности въ коемъ идетъ споръ межъ нимъ и В. Кромѣ того А требуетъ признанія за нимъ права прохода къ этому имѣнію чрезъ другой участокъ, находящійся въ безспорномъ владѣніи В. Если онъ выступаетъ теперь съ actio confessoria въ отношеніи къ В, то послѣдній можетъ противопоставить иску exceptio praejudicialis, т. е., потребовать, чтобы сначала разрѣшенъ былъ болѣе важный споръ о собственности.

10) а) Въ этомъ же смыслѣ надлежитъ разумѣть слова Гая: IV, § 133.

te et invicem te a me hereditatem petere. Quod si post rem judicatam a me petere coeperis, interest, utrum meam esse hereditatem pronuntiatum sit, an contra: si meam esse, nocebit tibi rei judicatae exceptio, quia eo ipso, quod meam esse pronuntiatum est, ex diverso pronuntiatum videtur tuam non esse: si vero meum non esse, nihil de tuo jure judicatum intelligitur, quia potest nec mea hereditas ess, nec tua» [11]).

Для правильнаго пониманія настоящаго мѣста надлежитъ замѣтить слѣдующее: право наслѣдства, какъ и собственность и другія вещныя права имѣютъ исключительную природу, такъ что при-

---

11) Между мною и тобою, говоритъ Гай, идетъ споръ о наслѣдствѣ; каждый изъ насъ утверждаетъ, что все наслѣдство принадлежитъ ему исключительно. и каждый владѣетъ нѣкоторыми вещами изъ наслѣдства. Отсюда слѣдуетъ, что какъ я могу вчинить къ тебѣ искъ о наслѣдствѣ, такъ точно и ты—ко мнѣ. Если, теперь, я первый предъявилъ искъ и рѣшеніе по немъ постановлено, а затѣмъ ты хочешь вести новый процессъ противъ меня—спрашивается, можетъ ли быть допущенъ этотъ второй процессъ? Все зависитъ отъ содержанія постановленнаго рѣшенія. Если послѣднее состоялось въ мою пользу, то твой искъ долженъ быть отвергнутъ, ибо когда наслѣдство признано моимъ, отсюда само собою слѣдуетъ, что ты не наслѣдникъ. Если напротивъ судъ нашелъ, что наслѣдство не мое, ничто не мѣшаетъ тебѣ предъявить ко мнѣ искъ о томъ же наслѣдствѣ, и судья можетъ по твоему иску какъ обвинить меня, такъ и отказать тебѣ; ибо въ первомъ рѣшеніи ничего не опредѣлено о твоемъ правѣ».

надлежность права одному лицу исключаетъ возможность существованія его въ другомъ; отсюда если, напр., искъ о собственности присужденъ истцу, то этимъ самымъ признано, что отвѣтчикъ не есть собственникъ; или если истцу удалось провести actio confessoria, то actio negatoria уже не можетъ имѣть мѣста. Отсюда объясняются и слова Гая: «Si meam esse, nocebit tibi rei judicatae exceptio, quod eo ipso, qued meam esse pronuntiatum est, ex diverso pronuntiatum videtur tuam non esse» [12]). Но если рѣшеніе состоялось

12) Не всегда однакоже такъ было; въ старомъ Римскомъ правѣ exceptio rei judicatae въ приведенномъ случаѣ не имѣла мѣста. Эта эксцепція основывалась тамъ на процессуальной консумціи, существо коей опредѣляется слѣдующимъ положеніемъ: ne bis in idem, или: bis de eadem re ne sit actio. «Нельзя два раза вчинать судебнаго иска объ одномъ и томъ же предметѣ; каково бы ни было содержаніе разъ постановленнаго рѣшенія, даже если бы процессъ былъ прекращенъ до постановленія приговора—новый искъ о томъ же предметѣ не может имѣть мѣста,—не можетъ потому, что будучи разъ предъявленъ, онъ уже въ моментъ L. Contestatio косумировался—actio consumta est». Таковъ смыслъ приведеннаго положенія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда искъ направленъ былъ in personam, имѣлъ juris civilis intentio и кромѣ того соединялъ въ себѣ условія legitimi judicii—консумція наступала ipso jure (Gaj. III § 180, 181,—IV § 106, 107, 108); но во всѣхъ другихъ случаяхъ новый искъ устранялся или чрезъ exc. rei in judicium deductae (если процессъ прекращался до постановленія рѣшенія, что, конечно, было рѣдкимъ случаемъ), или чрезъ exceptio rei judicatae. Внутренній мотивъ, побудившій Римлянъ создать институтъ процессуальной консумціи, заключался безъ сомнѣнія въ той же идеѣ законной силы, въ рано сознанной ими необходимости обезпечить авторитетъ судебныхъ рѣшеній,—и нельзя отрицать, что въ большинствѣ случаевъ консумція была средствомъ вполнѣ целѣсообразнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, если рѣшеніе состоялось въ пользу отвѣтчика, то отъ новаго иска послѣдній защищался институтомъ консумціи; если же судъ постановилъ, напротивъ, обвинительный приговоръ, то истецъ не

въ пользу отвѣтчика, вся выгода такого рѣшенія для послѣдняго сводится къ одному оправданію его; и по какимъ бы мотивамъ ни состоялось рѣшеніе—это не дѣлаетъ различія. Представилъ ли отвѣтчикъ положительныя доказательства о при-

---

нуждался болѣе въ искѣ, ибо въ его рукахъ было новое средство для реализаціи своего требованія—actio judicati. Но въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ обнаруживались весьма важные недостатки консумціи: дѣйствіе ея иногда было уже предположенной цѣли—огражденія силы рѣшеній, иногда напротивъ оно выходило за предѣлы этой цѣли. Такъ по иску о собственности судъ постановилъ рѣшеніе въ пользу виндиканта, и въ силу этого рѣшенія послѣдній достигъ риституціи владѣнія. Но что мѣшаетъ теперь отвѣтчику вчинить съ своей стороны виндикаціонный искъ? О консумціи его исковаго права не можетъ быть и рѣчи, ибо онъ не предъявлялъ еще никакого иска. Однако же этотъ новый искъ стоялъ бы въ очевидномъ противорѣчіи съ первымъ рѣшеніемъ, ибо въ одно и то же время возможна лишь одна собственность въ одной и той же вещи, но судья призналъ собственность теперешняго отвѣтчика, а вмѣстѣ съ тѣмъ призналъ, что теперешній истецъ не есть собственникъ. Искъ его былъ бы очевидно направленъ къ тому, чтобы поколебать авторитетъ прежняго рѣшенія, и въ этомъ случаѣ консумція оказывалась безсильною для огражденія этого авторитета. Но иногда, какъ сказали мы, дѣйствіе консумціи выходило за предѣлы указанной ей цѣли. Такъ если по иску отказано вслѣдствіе диляторнаго возраженія, новый искъ о томъ же правѣ отвѣтчикъ могъ отвести ссылкою на консумцію. Сознаніе указанныхъ недостатковъ консумціи побудило Римлянъ ввести новый институтъ, болѣе пригодный для преслѣдуемой цѣли, и вотъ является exceptio rej judicatae, какъ чистый, настоящій органъ законной силы. Названіе извѣстно было и прежде, но старая эксцепція основывалась на консумирующей силѣ L. Contestatio, и при ея примѣненіи содержаніе рѣшенія было безразлично, новая же опирается именно на самомъ содержаніи приговора. Keller, на долю коего выпало раскрыть двоякую форму exceptio r. j. въ Римскомъ правѣ, мѣтко обозначилъ логическое соотношеніе этихъ формъ выраженіемъ *положительной и отрицательной* функціи exceptio rei judicatae (Lit. Cont. 223 p.). Въ самомъ дѣлѣ;

надлежности ему спорнаго права, или только ограничился опроверженіемъ доводовъ, приведенныхъ истцомъ въ пользу иска,—результатъ одинъ: отказъ истцу. Вопросъ о правѣ отвѣтчика остается открытымъ «si vero meam non esse, nihil de tuo jure judicatum intelligitur». Отсюда, если спорная вещь впослѣдствіи перешла во владѣніе истца, отвѣтчикъ долженъ предъявить новый искъ и обязанъ вновь представить доказательства своего права —Наше положеніе находитъ себѣ далѣе подтвержденіе въ L. 17 и 18 D. 212:

между тѣмъ какъ exceptio въ отрицательной функціи служила только къ *устраненію* иска, таже exceptio въ положительной функціи имѣетъ задачею поддержать значеніе самого *содержанія* состоявшагося рѣшенія.—Съ точностію опредѣлить время, когда введенъ былъ у Римлянъ этотъ новый институтъ, едвали возможно. Несомнѣнно лишь то, что онъ былъ уже извѣстенъ имъ во время Гая. Послѣдній, правда, въ своихъ комментаріяхъ занимается исключительно раскрытіемъ отрицательной функціи exc. r. j., совсѣмъ не упоминая о функціи положительной, но L. 15 D. 44. 2, гдѣ мы находимъ примѣненіе положительной функціи, заимствованъ именно у Гая. Даже Юліанъ зналъ этотъ новый принципъ— L. 40 § 2. D. 111. 3.—Какъ бы то ни было, но съ появленіемъ новаго органа законной силы, прежняя эксцепція мало по малу обращалась въ desvetudo; по выраженію Савиньи «никѣмъ и никогда прямо не отмѣненная, она вымерла постепенно, какъ отпадаетъ сухой листъ, когда вырастаетъ новый и достигаетъ полнаго развитія» (277 p.). Точно опредѣлить время совершеннаго изчезновенія процессуальной консумціи и основанной на ней exc. r. j. также едвали возможно. Если Wächter (Erörterungen, Heft 3, 35 p.) Heimbach (Rechtslexikon, II t., 797 p.) и Savigny (279) утверждаютъ, что во времена Юстиніана процессуальная консумція была институтомъ чисто антикварнымъ, не имѣвшимъ никакого значенія въ дѣйствительной жизни, то это мнѣніе едвали можетъ быть принято въ виду цѣлаго ряда мѣстъ въ Юстиніанской компиляціи, относящихся къ отрицательной функціи exc. r. j. (см. напр., L. 9 § 1 D. 44. 2. L. 16 § 5 D. 20. 1. L. 23 D. 27. 3).

Vindicantem venditorem rem, quam ipse vendidit exceptione doli posse summoveri nemini dubium est, quamvis alio jure dominium quaesierit: improbe enim rem a se distractam evincere conatur (L. 17). «Sed etsi exceptio omissa sit, aut opposita ea, nihilominus evictus sit, ex duplae quoque stipulatione, vel ex emto potest conveniri» (L. 18).

Мѣсто гласитъ, что буде кто либо виндицируетъ проданную имъ вещь отъ покупщика, то послѣднiй можетъ противопоставить иску exceptio doli. Судъ конечно долженъ отказать истцу, но если бы даже онъ и отвергъ возраженiе отвѣтчика и обвинилъ его неправильнымъ приговоромъ, все же послѣднiй можетъ новымъ искомъ преслѣдовать свое право.— Тотъ же самый принципъ прилагался въ Римскомъ правѣ къ случаямъ, когда отвѣтчикъ ссылался на свое обратное требованiе къ истцу съ цѣлiю компензацiи. Доказательствомъ служитъ тотъ фактъ, что въ этихъ случаяхъ отвѣтчикъ обыкновенно пользовался exceptio doli, [13]) но эта послѣдняя, какъ мы знаемъ изъ предыдущаго, не была предметомъ окончательнаго рѣшенiя judex'а. Съ теченiемъ времени, однакоже, принятое начáло подверглось модификацiи: опредѣленiю judex'а объ обратномъ требованiи отвѣтчика стали присвоять законную силу, чрезъ чтò exceptio compensationis

13) Ср. Keller, Civ, Process, 145 р., Krüger, Processualische Consumption, 131 р.

сблизилась съ встрѣчнымъ искомъ [14]). «Si rationem compensationis judex non habuerit, говоритъ Ульпіанъ, salva manet petitio: nec enim rei judicatae objici potest; aliud dicami si probaverit pensationem quas, non existente debito: tunc enim rei judicatae mihi nocebit exceptio». L. 7 § 1 D. XVI, 2. Старый принципъ былъ однакоже только ограниченъ въ своемъ приложеніи, но не изчезъ окончательно изъ Римскаго права: если компензируемое требованіе по суммѣ превышало цѣну главнаго иска, отвѣтчикъ долженъ былъ предъявить особый искъ объ излишкѣ и вновь доказывать свое требованіе. Судья, хотя и постановлялъ, вопреки намѣренію отвѣтчика, окончательное рѣшеніе объ обратномъ требованіи его къ истцу, однако же не болѣе, какъ въ размѣрѣ суммы главнаго иска: [15]).

---

14) Cp. Prinz, Das allgemeine Actionenrecht, 288—289 p.

15) Иначе въ современномъ Прусскомъ процессуальномъ правѣ, гдѣ господствуетъ слѣдственный принципъ и гдѣ судъ вопреки волѣ и намѣренію сторонъ, уполномоченъ рѣшать объ обратномъ требованіи отвѣтчика къ истцу, заявленномъ въ видѣ возраженія (exceptio compensationis), совершенно одинаково съ встрѣчнымъ искомъ (см. Allgemeine Ger.—Ordnung, Th. 1 Tit. 19 § 6. Справедливо говоритъ Dernburg—Geschichte und Theorie der Compensation, 68 r.:—«Das Aufgeben der Verhandlungsmaxime in dem Verfahren der Gerichtsordnung, die bevormundende Stellung, welche der Richter den Papteien gegenüber einnahm, fürhte dahin, dem einmal seitens des Verklagten vorgebrachten Anspruch alle Rechtswirkung, die er nach Lage der Sache ausüben konnte, beizulegen, ohne Rüchsicht darauf, ob dieselbe von den Parteien gefordert und gewünscht war. Der Compensationseinwand verlor sich daher nach der Gerichtsordunng (Prenszischen) gewizsermassen in der Widerklage».

«Quod autem contrario judicio consequi quisque potest, id etiam recto judicio, quo cum eo agitur, potest salvum habere jure pensationis. Sed, fieri potest ut amplius esset, quod invicem aliquem consequi oporteat.... dicemus, necessariam esse contrariam actionem» L, 18 § 4 D. 13. 6. [16]).

---

16) Въ нѣмецкой литтературѣ есть мнѣніе, что въ процессѣ, возникшемъ изъ двусторонней сдѣлки, judex *необходимо* рѣшалъ какъ о правѣ истца, такъ и отребованіяхъ, вытекающихъ изъ той же сдѣлки для отвѣтчика въ отношеніи къ истцу. Эти послѣднія уже не могли быть предметомъ самостоятельнаго иска. Таково именно мнѣніе Liebe (Stipulatio, 247 и 248 р.). Этотъ писатель исходитъ изъ природы двусторонних сдѣлокъ, гдѣ обязательство одного контрагента стоитъ въ необходимой синаллагматической связи съ обязательствомъ другаго. Если, теперь, дозволить каждой сторонѣ, независимо отъ другой, преслѣдовать свое право, вытекающее изъ такой сдѣлки, то было бы нарушено внутреннее единство сдѣлки, а взаимныя требованія сторонъ ничѣмъ не отличались бы тогда отъ претензій случайно возникшихъ межъ ними и внутренно не имѣющихъ между собою никакой связи.—Взглядъ Liebe противорѣчитъ прямымъ и безчисленнымъ мѣстамъ источниковъ, свидѣтельствующимъ, что отвѣтчикъ сохранялъ право особаго иска, вытекающаго изъ той же двусторонней сдѣлки. См. L. 13 § 19 D. 19. 1. L. II. ibid. Кромѣ того, мнѣніе Liebe опровергается вытекающими изъ него практическими консеквенціями, которыхъ не могла допустить никакая раціональная система права, всего менѣе Римское право. Изъ него слѣдовало бы, что собственникъ имѣнія, заключившій относительно его арендный контрактъ, буде арендаторъ предъявилъ къ нему искъ о своевременной передачѣ имѣнія, теряетъ съ своей

Сила мотивовъ рѣшенія по Рим. праву.

Въ виду вышеизложеннаго невозможно согласиться съ Савиньи, что его теорія законной силы мотивовъ (объективныхъ) нашла себѣ полное признаніе въ Римскомъ классическомъ правѣ. (§ 291 cit.) Главнымъ аргументомъ его служитъ и здѣсь то общее соображеніе, что безъ изслѣдованія мотивовъ рѣшенія не мыслимо практическое примѣненіе института законной силы, и римскіе юристы, говоритъ Савиньи, дѣйствительно обращались къ мотивамъ, когда надлежало разрѣшить вопросъ о допустимости, въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ, exc. r. j. Такъ въ случаѣ новаго виндикаціоннаго иска exc. r. j. могла имѣть и не имѣть мѣста, смотря по мотиву прежняго рѣшенія—L. D. pr. L. 17 L. 18 D. 44. 2. Такое обращеніе римскихъ юристовъ къ мотивамъ рѣшенія очевидно предполагаетъ въ нихъ мысль о законной силѣ этихъ мотивовъ. (367 p.). Но мы уже видѣли логическую несостоятельность приведеннаго аргумента. (См. выше стр. 26). Что же касается отдѣльныхъ мѣстъ, въ которыхъ видитъ Савиньи прямое подтвержденіе его мнѣнія о силѣ мотивовъ въ Римскомъ правѣ (L. 13 § 2 D. 12. 2; L. 7. § 5 D. 44. 2; L. 16 D. 44. 1 de exc. praejudic), то истинный смыслъ этихъ мѣстъ уже установленъ нами въ предшествующемъ изложеніи. Наконецъ противъ Савиньи говоритъ уже то соображеніе, что рѣшеніе judex'а обыкновенно не мотивировалось. «In sententiis sufficiet, si expresserit judex summam in sententia, so-

---

стороны право иска къ арендатору, получившему потомъ это имѣніе,—право, имѣющее лишь въ будущемъ возникнуть для него изъ того же арендкаго контракта; и вообще отвѣтчикъ, обратнымъ требованіямъ коего не наступилъ еще срокъ, благодаря предъявленному иску, навсегда терялъ бы ихъ.

lviquo jusserit vel praestari, vel quo alio verbo significaverit». L. 59 pr. D. 42. 1. Лишь въ одномъ мѣстѣ изъ Macer'а мы находимъ слѣды мотивированныхъ рѣшеній—L. 1 § 1 D. 49. 8:

> «..veluti si judex ita pronuntiaverit: cum constet, Tilium Sejo ex illa specie quinquaginta item ex illa specie viginti quinque debere; idcirco Lucium Titium Sejo centum condemno».

Но Macer юристъ позднѣйшихъ временъ, и трудно замѣтить что либо подобное въ дошедшихъ до насъ отрывкахъ изъ сочиненій болѣе древнихъ юрисконсультовъ. Если такъ, то мотивы рѣшенія не могли получать законной силы уже по одной неизвѣстности ихъ для позднѣйшаго judex'а [18]).

---

18) Мнѣніе Савиньи о законной силѣ «объективныхъ» мотивовъ въ Римскомъ правѣ раздѣляютъ Bethmann-Hollweg, t. 2. 650 p. Vangerow, Lehrbuch der Pandecten, t. 1, 279 p., Windscheid—Actio des römischen Rechts. На совершенно исключительной точкѣ зрѣнія стоитъ Endemann—Princip der Rechtskraft, 60 r. Этотъ писатель справедливо полагаетъ, что объемъ законной силы опредѣляется въ Римскомъ правѣ соотвѣтственно основному принципу римскаго процесса, но онъ считаетъ таковымъ принципомъ не состязательное, а слѣдственное начало. Judex, по ученію Endemann'а стремился раскрыть матеріальную истину въ дѣлѣ; въ изслѣдованіи подлежащаго спора онъ не былъ связанъ заявленіями сторонъ, напротивъ онъ могъ ex officio восполнять данныя, предложенныя сторонами (стр. 8). Согласно этому законная сила, по мнѣнію Endemann'а, распространялась въ Римскомъ

Ближайшее определеніе объема рѣшенія и законной силы по Римскому праву.

Если въ предшествующемъ изложеніи намъ удалось доказать, что рѣшающая дѣятельность judex'а имѣла своимъ предметомъ не болѣе, какъ вопросъ объ исковомъ притязаніи, то теперь необходимо очертить границы, въ коихъ судья, по Римскому праву, разрѣшалъ самый вопросъ о правѣ истца.

«Cum quaeritur, haec exceptio noceat nec ne, inspiciendum est, an idem corpus sit, quantitas eadem, idem jus; an eadem causa petendi». L. 12 L. 13 L. 14. D. 44. 2.

Приведенныя слова Павла и Ульпіана ясно свидѣтельствуютъ, что рѣшеніе постановлялось judex'омъ въ предѣлахъ указаній истца относительно природы преслѣдуемаго права, физическаго объекта, подлежащаго ему, и юридическаго факта, изъ коего оно возникло; ибо если въ позднѣйшемъ про-

---

правѣ на всѣ фактическіе моменты, служащіе опорою иска, а также и на преюдиціальные вопросы (стр. 18). Но во 1, мѣсто, на которомъ главнымъ образомъ утверждается мнѣніе Endemann'а касательно характера римскаго процесса (L. 9. Cod. 3. 1), относится къ позднѣйшей порѣ въ исторіи послѣдняго, къ порѣ упадка и разложенія его; во 2, тѣ мѣста, которыя, по мнѣнію Endemann'а прямо свидѣтельствуютъ о законной силѣ преюдиціальныхъ пунктовъ (L. 7 § 4, 5. D. 44, 2) въ дѣйствительности, какъ мы видѣли выше, не служатъ доказательствомъ тому, что judex рѣшалъ о преюдиціальныхъ въ дѣлѣ вопросахъ. Правильное воззрѣніе по настоящему предмету см. у Buchka Einflusz des Processes auf das materielle Reehtsverhältnisz t. 1, § II, Wetzell, Civ. Proc. § 47.

цессѣ преслѣдуемое истцомъ право не было одинаково по всѣмъ означеннымъ элементамъ съ прежнимъ, рѣшеннымъ искомъ (idem corpus или eadem quantitas, idem jus, eadem causa), exceptio rei judicatae не могла имѣть мѣста. Это общее положеніе подтверждается, развивается и отчасти модифицируется другими многочисленными мѣстами источниковъ.

1) Judex не рѣшалъ о правѣ, имѣющемъ природу и содержаніе, отличное отъ даннаго притязанія истца. «Si quis iter petierit, deinde actum petat: puto fortius defendendum, aliud videri tunc petitum, aliud nunc, atque ideo exceptionem rei judicatae cessare» L. II § D. 44 2.

Юристъ говоритъ, что если прежній искъ имѣлъ своимъ предметомъ право прохода (iter), а теперь отыскивается по суду право проѣзда (actus), exc. c. j. не можетъ имѣть мѣста, ибо тамъ и здѣсь преслѣдуется не одинаковое по природѣ и содержанію право.

2) Относительно физическаго объекта рѣшеніе judex'а точно также не могло простираться за предѣлы указаній истца [19]). Judex не имѣлъ, слѣдовательно, права отказать или присудить истцу извѣстное цѣлое, если искъ направленъ былъ лишь на ту или другую часть этого цѣлаго. «Si ex testamento actum sit cum herede ab eo, qui, quum totum ar-

19) Нельзя не согласиться, что преторская формула, въ коей обозначалось исковое притязаніе, не во всѣхъ случаяхъ была удобна для того, чтобы точнымъ образомъ опредѣлить физическій объектъ преслѣдуемаго истцомъ права. Такъ именно въ actiones bonae fidei, формула всегда имѣла одинаковую концепцію: quidquid paret Numerium Negidium Aulo Agerio dare facere oportere», и обнимала, слѣдователь-

> gentum ei legatum erat, mensas duntaxat sibi legatas putaret; earumque duntaxat aestimationem in judicio fecisset, postea eundum petiturum de argento quoque legato Trebatius ait nec obstituram ei exceptionem, quod non sit petitum, quod nec actor petere putasset, nec judex in judicio sensisset» L. 20 D. 44. 2.

Но разрѣшая искъ о цѣломъ, судья конечно предрѣшалъ всякій позднѣйшій искъ о части его: «si quis, cum totum petisset, partem petat, exc. r. j. nocet» L. 7 D. 44. 2. Это послѣднее положеніе нашло себѣ въ источникахъ многочисленныя примѣненія. Особую важность представляетъ въ данномъ случаѣ только что цитованный L. 7.

> «...Si quis fundum petierit, deinde partem petat vel pro diviso vel pro indiviso, dicendum erit exceptionem obstare. Proin-

---

но, цѣлый предметъ обязательства, преслѣдуемаго истцомъ; между тѣмъ могло случиться, что послѣдній не желалъ или даже былъ не въ правѣ теперь же требовать ликвидаціи цѣлаго обязательства (такъ при обязательствѣ къ періодическимъ платежамъ истецъ не могъ требовать платежа, коему еще не наступило срока). Но Римское право знало косвенные пути, коими формула приводилась въ соотвѣтствіе съ волею истца. Мы разумѣемъ praescriptiones. Истецъ могъ ограничить содержаніе формулы чрезъ особую оговорку (praescriptio), какъ напр.: «ea res agatur, cujus rei dies erit» Gajus IV, 131 и судія въ такомъ случаѣ рѣшалъ о предметѣ обязательства согласно сдѣланной истцомъ оговоркѣ.

de et si proponas mihi certum locum me petere ex eo fundo, quem peti, obstabit exceptio. Idem erit probandum et si duo corpora fuerint petita, mox alterutrum corpus petatur: nam nocebit exceptio. Item si quis fundum petierit, mox arbores excisas ex eo fundo petat, vel tigna, vel lapides petat; item si navem petiero, postea singulas tabulas vindicem. (§ 1) Si ancillam praegnantem petiero et post litem litem contestatam conceperit et pepererit, mox partum ejus petam: utrum idem petere videor an aliud, magnae quaestionis est. Et quidem ita definiri potest totiens eandem rem agi, quotiens apud judicem posteriorem id quaeritur, quod apud priorem quaesitum est. In his igitur fere omnibus exceptio nocet. (§ 2) Sed in cementis et tignis diversum est: nam is, qui insulam petit, si cementa vel tigna vel quid aliud suum petat, in ea conditione est, ut videatur aliud petere: etenim cujus insula est, non utique et cementa sunt: denique ea, quae juncta sunt aedibus alienis, separata dominus vindicare potest. (§ 3) De fructibus eadem quaestio est et de partu: haec enim nondum erant in rebus humanis, sed ex ea re sunt, quae petita est: magisque est, ut ista exceptio non noceat. Plane si in restitutionem vel fructus vel etiam

partus venerunt aestimatique sunt, consequens erit dicere exceptionem objiciendam *).

Ульпіанъ, коему принадлежитъ настоящее мѣсто, прежде всего примѣняетъ наше положеніе къ fundus и его реальнымъ и идеальнымъ частямъ. Такимъ образомъ если мой искъ о собственности въ недвижимомъ имѣніи отвергнутъ судомъ, то въ послѣдствіи я не могу уже виндицировать какой либо конкретно определенный участокъ этого имѣнія, а также ту или другую идеальную часть его. Тотъ же самый принципъ прилагаетъ онъ затѣмъ къ аггрегату отдѣльныхъ вещей: если искъ о немъ отвегнуть, то не можетъ быть допущенъ позднѣйшій искъ о какой либо отдѣльной вещи, содержащейся въ этомъ аггрегатѣ. Такъ буде кто виндицировалъ стиха и памфила, и судъ отказалъ по иску, то невозможно въ послѣдствіи виндицировать одного стиха или одного памфила. Засимъ Ульпіанъ переходитъ къ тѣмъ случаямъ, когда позднѣйшимъ искомъ виндицируются вещи, которыя теперь имѣютъ совершенно особое, самостоятельное бытіе, но прежде составляли часть какого-либо цѣлаго, и это цѣлое было предметомъ перваго иска. Такъ если сначала предметомъ виндикаціи былъ домъ, а затѣмъ отыскиваются по суду отдѣльныя балки или цементъ; или сначала недвижимое имѣніе, а затѣмъ срубленныя въ немъ деревья; или сперва корабль, а потомъ отдѣльныя доски; или сначала беременная рабыня, а затѣмъ рожденное ею дитя.—Судя по тому, что перечис-

*) Два остальные §§ приведены и объяснены выше.

ленные только что случаи (по крайней мѣрѣ первые три) содержатся въ одномъ и томъ же § съ вышеприведенными примѣрами, будучи соединены съ ними частицею item, можно бы думать, что Ульпіанъ подводитъ эти случаи подъ тотъ же самый принципъ и считаетъ позднѣйшій искъ подлежащимъ устраненію чрезъ exc r j. Между тѣмъ нѣсколькими строками ниже Ульпіанъ говоритъ: «Sed in cementis et tignis diversum est: nam is, qui» et cett. Такое, повидимому, прямое противорѣчіе Ульпіана послужило камнемъ преткновенія для новѣйшихъ изслѣдователей по Римскому праву и вызвало крайне разнообразныя толкованія настоящаго мѣста. Одни писатели полагаютъ [20]), что сначала Ульпіанъ имѣлъ въ виду тотъ случай, когда исковое притязаніе въ томъ и другомъ процессѣ выводится истцомъ изъ одного и тогоже основанія (causa), между тѣмъ какъ позднѣе (§ 2) рѣчь идетъ объ искахъ, гдѣ causa различна; тамъ новый искъ о цементѣ и балкахъ не можетъ имѣть мѣста, здѣсь напротивъ онъ допускается и ему не грозитъ exc. r. j. Но сторонники этого мнѣнія забываютъ что въ цѣломъ нашемъ мѣстѣ Ульпіанъ занимается однимъ вопросомъ: тождественны ли данныя исковыя притязанія по *физическому объекту*,—очевидно предполагая во всѣхъ приведенныхъ имъ примѣрахъ тождество caus'ы [21]). Столь же неосновательно другое мнѣніе, что-де сначала Ульпіанъ разумѣлъ тотъ случай, когда балки и цементъ еще не отдѣлены отъ

---

20) См. Vangerow—Lehrbuch der Pandecten, t. 1, 282 p.;—Buchka—Einflusz der Process. t. 1, 137 p.

21) Ср. Brackenhöft Identität et cett. 209 p. Not. 65.

зданія,—ибо, какъ замѣтилъ еще Hübbe [22]), до момента отдѣленія никакая виндикація была невозможна. Нѣкоторые писатели готовы даже допустить, что затрудненіе, представляемое настоящимъ мѣстомъ, произошло по винѣ компиляторовъ, вложившихъ въ уста одного Ульпіана противорѣчащія воззрѣнія различныхъ юристовъ [23]). Счастливѣе другихъ былъ Савиньи, который устраняетъ противорѣчіе мѣста слѣдующимъ весьма вѣроятнымъ соображеніемъ: по его мнѣнію, словами— «item si quis fundum petierit et cett.—открывается уже первый §, гдѣ Ульпіанъ переходитъ къ случаямъ, которые въ современныхъ ему юристахъ возбуждали сильное сомнѣніе («magnae quaestionis est») и которые онъ разрѣшаетъ не всѣ одинаково [24]). И весьма легко могло статься, что издатели пандектъ ошибочно отнесли слова «item si quis fundum petierit.... postea singulas tabulas vindicem» къ princip., соблазненные частицею item, которую переводили «точно также», но которая во времена классическихъ юристовъ весьма часто употреблялась въ смыслѣ «далѣе», означая даже переходъ къ противоположнымъ понятіямъ [25]). Такимъ образомъ, принимая предложенную Савиньи поправку въ текстѣ, находимъ, что настоящее мѣсто не заключаетъ въ себѣ никакого противорѣчія: перечисливши въ § 1 (по Савиньи) извѣстные намъ случаи, Ульпіанъ говоритъ: «in his fere omnibus exceptio nocet». и засимъ выдѣляетъ именно тотъ случай, когда прежній искъ направ-

---

22) Cit. см. у Brackenhöft, ibid. Ср. также Savigny t. VI, Beil. 16 Nm.

23) Ср. Keller, Lit. Cont. 271 p.

24) Sav. VI t., Beil. cit. Not. e.

25) Ср. напр. L. 27 § 1 D. VI, 1; особенно—L. 93 D. XLVI. 3.

ленъ былъ на цѣлое зданіе, а позднѣе виндицируются отдѣльныя балки или цементъ: этому послѣднему иску не угрожаетъ exc. r. j.. Почему такъ? «etenim cujus insula est, non utique et cementa sunt» [26]). Но этотъ же самый аргументъ примѣнимъ и къ тому случаю, когда сначала виндицируется корабль, а затѣмъ отдѣльные доски, ибо эти послѣднія точно также могутъ быть чужія, т. е. не принадлежать собственнику цѣлаго корабля. Почему Ульпіанъ выдѣлилъ здѣсь лишь тотъ первый случай—понять не трудно; въ немъ наиболѣе рельефно выступаетъ возможность того явленія, что строительные матеріалы, какъ таковые, принадлежатъ одному лицу, между тѣмъ какъ самое строеніе составляетъ собственность другаго [27]).—Что касается, теперь, остальныхъ двухъ

---

26) Рѣшеніе Ульпіана вполнѣ отвѣчаетъ сильно развитому въ Римскомъ правѣ уваженію къ собственности, которая не погибаетъ для лица чрезъ одно соединеніе его вещи съ какою либо чужою вещію; напротивъ хозяинъ вещи могъ требовать чрезъ actio ad exhibendum отдѣленія ея отъ чужой и возвращенія по принадлежности (Ср. L. 7 § 2 D. 10. 4; L. 7 § 1 ibid. L. 6 ibid.). Въ разсматриваемомъ случаѣ actio ad exhib правда не могла имѣть мѣста (L. 6 cit.), но за то едва тѣмъ или другимъ путемъ произошло отдѣленіе балокъ и цемента (напр. при разрушеніи цѣлаго зданія) прежній хозяинъ могъ виндицировать ихъ: «denique ea, quae zuncta sunt aedibus alienis, separata dominus vindicare potest». Иначе разрѣшается настоящій случай по современнымъ законодательствамъ, гдѣ хозяинъ земли признается собственникомъ возведеннаго на ней зданія, а *вмѣстѣ и строительныхъ матеріаловъ, хотя бы послѣдніе—отчасти или сплошь были чужіе*. См. напр. Art, 554 Cod. Nap. (Ср. и Toullier, Le droit civ. francais t. 5, 126 p. Not. 2) Sächs. Gesetzb. § 284. Согласно этому собственникъ матеріаловъ, потерявши искъ о цѣломъ зданіи, не можетъ потомъ виндицировать ихъ, а въ правѣ искать лишь денежнаго вознагражденія.

27) Ср. также Windscheid, Actio des romischen Rechts.

случаевъ, то въ нихъ по мысли Ульпіана, позднѣйшій искъ устраняется чресъ exceptio r. j. [28]). Съ этимъ толкованіемъ не стоитъ въ разрѣзъ дальнѣйшій § (3) разсматриваемаго lex'а, гдѣ Ульпіанъ разрѣшаетъ случай совершенно однородный съ двумя послѣдними. Случай состоитъ въ томъ, что сначала виндицируется производящая вещь, а затѣмъ отыскиваются плоды или приплодъ ея (fructus vel partus). Ульпіанъ, правда, даетъ здѣсь повидимому иное рѣшеніе: «magis que, ut ista exceptio n o n noceat», но для устраненія противорѣчія достаточно предположить, что опредѣленіе суда по первому иску о производящей вещи состоялось въ пользу истца [29]).

«Понятно само собою, продолжаетъ Ульпіанъ, что если судья уже въ прежнемъ процессѣ постановилъ о реституціи плодовъ или же присудилъ истцу цѣну ихъ,—новому иску о нихъ угрожаетъ exc. r. j».

3) Judex постановлялъ рѣшеніе о правѣ въ отношеніи лишь того юридическаго факта (causa), изъ коего оно выводится истцомъ. Здѣсь однакоже Римское право основательно различало между исками вещными и личными:

«Actiones in personam ab actionibus in rem hoc differrunt, quod,

28) Иначе и быть не можетъ, ибо кому не принадлежитъ производящая вещь, тотъ не есть собственникъ и ея произведеній (partus ancillae, arbores excisae), и потому, если отвергнутъ искъ о первой, то виндикація послѣднихъ устраняется чрезъ exc. r. j. (см. выше стр. 34, прим. 17).

29) Ср. Vangerow, Lehrb., t. 1, § 173. Savigny, слѣдуя Accursius'у, читаетъ настоящій §: «...magisque ut ista exceptio noceat», т. е. выбрасываетъ n o n (Ibid. Not. o), но при такомъ чтеніи, какъ справедливо замѣчаетъ Vangerow (ibid) изчезаетъ противоположность, въ какой очевидно стоятъ слова: plane si et cett. къ предшествующей части §.

cum eadem res ab eodem mihi debeatur, singulas obligationes singulae causae sequuntur nec ulla earum alterius petitione vitiatur: at cum in rem ago non expressa causa, ex qua rem meam esse dico, omnes causae una petitione adprehenduntur» L. 14 § 2 D. 44. 2.

Выше замѣчено, что фактъ, изъ коего возникаетъ вещное правоотношеніе, остается безъ вліянія на содержаніе самаго права,—такъ собственность не будетъ иною, какимъ бы способомъ она ни была пріобрѣтена. Отсюда если разъ отвергнутъ судомъ искъ о вещномъ правѣ, новый искъ о немъ не возможенъ, хотя бы истецъ выводилъ теперь это право изъ иной causa; ибо это будетъ искъ все о томъ же правѣ. Конечно, если истецъ явственно выразитъ свою волю, чтобы судъ постановилъ рѣшеніе о спорномъ правѣ лишь въ разсужденіи даннаго, имъ указаннаго основанія, то при состязательномъ характерѣ процесса, рѣшеніе суда не должно идти далѣе этого основанія. Согласно сказанному, въ Римскомъ правѣ относительно вещныхъ исковъ существовало положеніе: «omnes causae una petitione adprehenduntur», но вмѣстѣ съ тѣмъ было признано, что при желаніи истца [30]) ограничить рѣ-

30) Воля истца, по Римскуму праву, должна быть явственно выражена; если же напротивъ, лицо, предъявляя вещный искъ, остается при одномъ внутреннемъ желаніи преслѣдовать данное правоотношеніе, по скольку оно вытекаетъ изъ опредѣленной causa, позднѣйшему иску, во всякомъ случаѣ угрожаетъ exc. r. judicatae. Въ этомъ смыслѣ

шеніе о спорномъ правѣ имъ указаннымъ основаніемъ (causa expressa vel adjecta), опредѣленіе judex'а постановлялось именно въ этихъ предѣлахъ и за истцомъ сохранялись позднѣйшіе иски о томъ же правѣ по всѣмъ инымъ основаніямъ [31]). Иное дѣло—личные или обязательственные иски. Согласно особому свойству обязательственныхъ правоотношеній («singulas obligationes singulae causae sequuntur)» рѣшеніе judex'а по личному иску отнюдь не могло простираться за предѣлы указаній истца относительно юридическаго факта, изъ коего возникло подлежащее обязательство; новый личный искъ, хотя бы направленный на тотъ же физическій объектъ, всегда могъ имѣть мѣсто, едва causa, изъ коей истецъ выводитъ свое притяза-

---

надлежитъ понимать слова Ульпіана: «Mutata opinio petitoris (aliam causam) non facit. Ut puta opinabatur ex causa hereditaria se dominium habere: mutavit opinionem et coepit putare ex causa donationis: haec res non facit petitionem novam: nam et cett.» L. II § 5 D. 44. 2.

31) Пухта отрицаетъ существованіе въ Римскомъ правѣ института «causa expressa»; по мнѣнію его разъ предъявленный виндикаціонный искъ *необходимо* обнималъ всѣ основанія, по коимъ принадлежитъ истцу данная собственность. См. Rheinisches Musäum, II Iahrgang 251 p. и III Iahrgang 467 p. Но это мнѣніе опровергается, независимо отъ приведеннаго въ текстѣ L. 14 § 2, другими столь же прямыми мѣстами источниковъ, какъ, напр., слѣдующее: «Si quis autem petat fundum suum esse eo, quod Titius eum sibi tradiderit, si postea alia ex causa petat causa adjecta, non debet summoveri exceptione». Ср. также возраженія Пухтѣ Heffler'a—Musäum, III, Iahrg. 222 p.; Brackenhöft'a—Identität, 238—249 p.; *Савиньи*, VI т. Beil. XVII. Вообще несостоятельность мнѣнія Пухты можно считать уже фактомъ, вполнѣ доказаннымъ наукою. Ср. и Kleinschrod, Proc. Cons. 204 p.

ніе, неодинакова съ прежнимъ искомъ «nec ulla earum alterius petitione vitiatur» [32]) [33]). Лучшій примѣръ этому находимъ мы у Scaevol'ы и Ulpian'а.

«Semproniae mulieri meae reddi jubeo ab heredibus meis centum avreos, quos mutuos acceperam. Quaesitum est, si hanc pecuniam ut debitam Sempronia petens victa sit, an fideicommissum peti possit. Respondit secundum ea, quae proponerentur

---

32) Объясненіе повидимому проворѣчащаго L. 5 D. 44. 2. см. у Windscheid'a— Actio, 78 p.

33) Говоря, что рѣшеніе судьи по личнымъ искамъ постановлялось всегда въ разсужденіи опредѣленной causa, мы встрѣчаемся съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ писателей, что въ извѣстныхъ случаяхъ формула, гдѣ обозначалось притязаніе истца, вовсе не заключала въ себѣ указанія caus'ы, изъ коей истецъ выводитъ свое право. Сюда относятся именно иски, извѣстные подъ именемъ condictiones certi; формула въ этихъ искахъ состояла изъ двухъ частей: intentio и condemnatio; она не имѣла, слѣдовательно, demonstratio, гдѣ по Гаю (IV, § 40) собственно обозначалась causa. Согласно этому въ condictiones certi рѣшеніе судьи обнимало всѣ притязанія того же истца, идущія на одинъ и тотъ же объектъ, какова бы ни была causa ихъ. См. Groliet, L'autorité de la chose jugée, 29 p. Но противъ этого мнѣнія достаточно говорятъ мѣста, приведенныя у Bethmann—Hollweg'a, II t. 103 § , Not. 65, изъ коихъ видно, что causa могла быть обозначена и въ intentio; (см. особенно мѣсто изъ Гая: «...si quis ex testamento dare sibi oportere intenderit). И нѣтъ сомнѣнія, что именно такъ было во всѣхъ condictiones certi, ибо иначе истецъ терялъ бы всѣ притязанія къ тому же отвѣтчику, направленныя на тотъ же объектъ (предположимъ напр., что отвѣтчикъ долженъ истцу одну и туже сумму по нѣсколькимъ займамъ) что едвали мыслимо въ какомъ либо юридическомъ быту. Ср. Krüger, Proc. Cons. § 12; Kleinschrod § 8.

posse ex sausa fideicommisi peti, quod apparuisset non fuisse ex alia causa debitum» L. 93 § 1 D. XXXII.

Юристъ (Scaevola) говоритъ, что если Sejus приказалъ своимъ наслѣдникамъ выдать женѣ его 100, которые онъ состоялъ ей должнымъ по займу, то жена, потерявшц искъ, предъявленный на основаніи займа, можетъ искать тѣже 100 въ силу fideicommiss'a.

«Non est novum, говоритъ другой юристъ (Ulp.), ut duae obligationes in ejusdem persona, de eadem re concurrant. Cum enim is, qui venditorem obligatum habebat, ei, qui eundem venditorem obligatum habebat, heres extiterit, constat, duas esse actiones in ejusdem persona concurrentes, propriam et hereditariam: et debere heredem institutum, si velit separatim duarum actionum commodo uti, ante aditam hereditatem proprium venditorem convenire; deinde, adita hereditate, hereditarium: quod si prius adierit hereditatem, unam quidem actionem movere potest, sed ita, ut per eam utriusque contractus sentiat commodum. Ex contrario quoqve si venditor venditori heres extiterit, palam est, quas evictiones eum praestare debere». L. 10 D. 19. 1.

Смыслъ мѣста слѣдующій: А продаетъ одну и туже вещь сначала В, а потомъ С. Каждый изъ

покупщиковъ, имѣетъ право требовать отъ А передачи этой вещи. Но не успѣвши предъявить своего иска, В умираетъ, оставивши единственнымъ наслѣдникомъ С. Теперь у послѣдняго въ отношеніи А имѣется два иска:—собственный его искъ и перешедшій къ нему отъ наслѣдодателя В. Ульпіанъ говоритъ, что С, до принятія наслѣдства, можетъ воспользоваться обоими исками; рѣшеніе свое онъ ничѣмъ не мотивируетъ, но основаніе его заключается безъ сомнѣнія въ томъ, что право, которое С станетъ преслѣдовать однимъ какимъ либо изъ означенныхъ двухъ исковъ, по своему основанію (causa) не тождественно съ другимъ исковымъ притязаніемъ. Не извѣстно только, почему Ульпіанъ ограничиваетъ возможность вчинанія обоихъ исковъ моментомъ принятія наслѣдства; настоящія исковыя притязанія и по принятіи наслѣдства остаются неодинаковы по своей causa, а потому рѣшеніе объ одномъ изъ нихъ не должно бы простираться на другое [34]).

---

34) Kleinschrod, Processualische Consumption, r. 210 p.

III.

ФРАНЦУЗСКОЕ ПРАВО.

Какіе вопросы подлежать рѣшенію суда.

Обращаясь къ Французскому праву, мы замѣчаемъ въ немъ, какъ и въ другихъ новѣйшихъ законодательствахъ, крайнюю скудость опредѣленій относительно объема законной силы и основаннаго на ней возраженія (exc. r. j.) Причина этой скудости заключается, можетъ быть, въ особыхъ трудностяхъ, съ коими должно встрѣтиться стремленіе законодателя дать подробныя и точныя указанія по вопросу, столь мало еще разъясненному наукою не только въ частностяхъ, но и въ основныхъ принципахъ. Какъ бы то ни было, въ цѣломъ французскомъ законодательствѣ мы находимъ лишь одну статью, относящуюся къ вопросу объ объективной сторонѣ законной силы. L'autorité de la chose jugée, гласитъ art. 1351 Cod. Civ., n'a lieu qu'a l'egard de ce qui a fait l'objet du jugement. Il faut que la chose demandèe soit la même, que la demande soit fondèe sur la meme cause; que la demande soit entre les memes parties et formèe par elles et contre elles en la même qualité» [1]). Несмотря на всю краткость и от-

1) Приведенная статья не снабжена даже мотивами; редакторы ея, по словамъ Dalloz'a (Repertoire t. 8. 213 p.),

рывочность опредѣленій, содержащихся въ этой статьѣ, едвали однако же возможно сомнѣваться, что настоящій вопросъ рѣшается здѣсь вполнѣ согласно основному характеру (состязательному) гражданской процедуры во Франціи [2]), т. е., что законная сила, въ отношеніи объективномъ, не простирается за предѣлы вопроса о правѣ, которое преслѣдуется въ данномъ процессѣ истцомъ. Статья прямо не говоритъ, что объектомъ рѣшенія и законной силы служитъ этотъ вопросъ; напротивъ, она гласитъ, что судъ рѣшаетъ объ *искѣ* и что возраженіе законной силы имѣетъ мѣсто лишь подъ условіемъ тождества подлежащаго *иска* съ прежнимъ уже рѣшеннымъ (по физическому объекту и основанію)» Il faut que la chose d e m a n d è e soit la meme, que l a d e m a n d e soit fondèe sur la meme

Интерпретація 1351 Art. Cod. Nap.

удержались отъ изложенія мотивовъ «какъ бы пораженные и испуганные великостью задачи, которую имъ предстояло исполнить».

2) Гражданскій процессъ во Франціи безспорно имѣетъ въ своей основѣ состязательный принципъ. Съ одной стороны инициатива по движенію процесса принадлежитъ самимъ тяжущимся (Art. 97, 204, 297, 299 и др. Cod. de proc. civ.); съ другой—судъ обязанъ держаться фактическаго матеріала, предложеннаго тѣми же тяжущимися сторонами: онъ не можетъ ex officio восполнить приведенныя ими доказательства, не въ правѣ принять во вниманіе обстоятельства, хотя бы ему хорошо извѣстныя, но не указанныя тяжущимися (Art. 2223 Cod. civ. Ср. также Pigeau—Procedure civile t. l. 475 p., Bordeaux—Philosophie de la proc civ. 355 p.) Что же касается принадлежащаго суду по Art. 325 Cod. de proc. civ. права предлагать сторонамъ вопросы, относящіеся къ обстоятельствамъ дѣла, то оно (право) не противорѣчитъ состязательному принципу; судъ пользуется имъ лишь для разъясненія неточныхъ и двусмысленныхъ заявленій сторонъ, а не для количественнаго восполненія предложенныхъ ими фактическихъ данныхъ. Ср. Mittermaier—Der gemeine deutsche bürgerliche Process in Vergleichung mit französischen Civilverfahren. Erster Beitrag, 229 p.

cause. Но если принять въ соображеніе, что настоящая цѣль и предметъ всякаго гражданскаго иска состоитъ въ судебномъ признаніи (прямомъ или косвенномъ) извѣстнаго права въ лицѣ истца [3]) и что индивидуализирующіе моменты въ искѣ суть тѣ же самые, что и въ правѣ (Unger t. 2, 362 p.), то нельзя непризнать, что приведенныя слова 1351 art. суть не болѣе, какъ только иное выраженіе того воззрѣнія, что судъ рѣшаетъ о правѣ и что для примѣненія возраженія законной силы необходимо тождество возбужденнаго въ данномъ процессѣ вопроса о правѣ съ прежнимъ уже рѣшеннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, слова: «la chose demandée» «la cause de la demande», коими законодатель обозначаетъ индивидуализирующіе искъ моменты, указываютъ въ тоже время признаки, коими характеризуется право, преслѣдуемое

3) Въ большинствѣ случаевъ истецъ, правда, недовольствуется однимъ лишь опредѣленіемъ суда о существованіи его права, такъ сказать теоретическимъ признаніемъ послѣдняго, онъ проситъ еще судъ о реализаціи права, т. е. чтобы отвѣтчикъ былъ признанъ обязаннымъ къ совершенію извѣстнаго (положительнаго или отрицательнаго) дѣйствія, необходимаго для осуществленія права, иными словами: независимо отъ установленія права, искъ можетъ заключать въ себѣ просьбу объ обвиненіи отвѣтчика (Condemnatio). Но существо дѣла этимъ нимало неизмѣняется; настоящимъ предметомъ иска остается все-же признаніе права,—обвиненіе же отвѣтчика есть не болѣе, какъ практическій результатъ этого признанія. Ср. Unger System, t. 2, (3 Edit) 367—368 p.; Puchta Vorlesungen t. 1. (5 Edit) § 84. Согласно этому и рѣшеніе должно прежде всего и главнымъ образомъ относиться къ вопросу о правѣ. «Das richterliche Urtheil, говоритъ Савиньи—Syst. t. 5, 90 p. —über eine in rem actio zunächst auf das Dasein eder Nichtdasein eines Rechsverhältnisses gehe, und nur mittelbar und folgerungsweize auf der Verurtheilung des Beklaqten zu bestimten Leistungen», Ср. также Bayer—Verträge t. 1. 8 Edit. 406 p.

истцомъ, т. е. физическій объектъ (la chose) и и юридическій фактъ [4]), изъ коего оно вытекаетъ и который служитъ основаніемъ для самаго иска (la cause) [5]).

Итакъ, основываясь на 1351 ст., мы утверждаемъ, что рѣшенію суда въ гражданскомъ процессѣ, по французскому законодательству, подлежитъ не болѣе, какъ только вопросъ о правѣ, которое преслѣдуется въ данномъ процессѣ истцомъ. Согласно этому и практика [6]) признаетъ, что судъ не рѣшаетъ ни о фактахъ, изъ коихъ истецъ выводитъ свое исковое притязаніе [7]), ни о юридичес- Воззрѣніе практики.

4) Недостаетъ третьяго момента: природы права (см. выше), момента одинаково существеннаго для обозначенія какъ права, такъ и иска. Этотъ пробѣлъ произошелъ вслѣдствіе излишняго подчиненія составителей свода авторитету Потье. Настоящая статья (1351) цѣликомъ заимствована ими у этого послѣдняго писателя (Oeuvres de Pothier. 2 t. 470 p.), у котораго она въ свою очередь является почти подстрочнымъ переводомъ 12, 13 и 14 l. l. D. 44. 2). Въ этихъ lex'ахъ Римскіе юристы (Павелъ и Ульпіанъ) даютъ краткое опредѣленіе условій, при коихъ можетъ имѣть мѣсто exc. r. j, требуя именно чтобы въ подлежащемъ процессѣ дѣло шло о томъ же самомъ правѣ *по его природѣ* (idem jus), *физическому объекту* (idem corpus eadem quantitas) и *основанію* (adem causa),—но Потье, въ своемъ переводѣ, неизвѣстно по чему, обозначилъ первыя два понятія (idem jus, idem corpus) однимъ выраженіемъ — la chose demandèe soit la méme.

5) Что слово cause употреблено здѣсь въ смыслѣ юридическаго факта, это доказывается другими мѣстами Cod. civ., гдѣ встрѣчается то же слово—cause, означая именно юридическій фактъ, дающій бытіе правоотношенію. Такъ Art. 1131 гласитъ: obligatio sine cause ou sur une fausse ou sur une cause illicite, ne peut avoir aucun effet.

6) Что же касается мнѣнія по настоящему предмету Французскихъ ученыхъ авторитетовъ, объ этомъ см. выше. Стр. 34 прим. 16.

7) Мы можемъ указать на цѣлый рядъ рѣшеній

комъ отношеніи, условливающемъ это притязаніе [8]); ни о доказательствахъ, приводимыхъ сторонами въ пользу ихъ фактическихъ утвержденій на судѣ [9]), напротивъ, рѣшенію подлежитъ только вопросъ о правѣ, составляющемъ предметъ иска.

Точное опредѣленіе объема рѣшенія и законной силы по Фр. праву.

Понятно само собою, что разрѣшая вопросъ объ исковомъ притязаніи, судъ долженъ строго держаться въ предѣлахъ указаній истца относительно физическаго объекта права (la chose) и основанія его (la cause), ибо иначе онъ рѣшалъ бы объ иномъ правѣ, а не о томъ, которое образуетъ предметъ подлежащаго иска. Согласно этому и практика признаетъ, что если судъ разрѣшаетъ искъ о части извѣстнаго цѣлаго, то это рѣшеніе не преюдицируетъ позднѣйшему иску объ остальныхъ частяхъ того же цѣлаго [10])—точно также рѣшеніе

Французскаго кассаціоннаго суда, гдѣ явственно выражено это начало. Такъ напр. въ Arrét du 28 mars 1849 (Dalloz, 50. 1. 57) признано, что рѣшеніе, постановленное по иску о недвижимости на основаніи даренія, не заключаетъ въ себѣ опредѣленія о дѣйствительности самой дарственной сдѣлки, такъ что возможенъ новый искъ изъ той же сдѣлки, если имъ преслѣдуется недвижимость, небывшая предметомъ прежняго иска. Особенно важно рѣшеніе отъ 13 марта 60 г. (D. 60. 1. 400), гдѣ вообще признано, что факты, отвергнутые судомъ въ одномъ процессѣ, могутъ служить тѣмъ не менѣе основаніемъ другаго позднѣйшаго иска. См. также Arrèt du 8 mai 1839 (D. ch. j. n- 142) 5 mai 1830 (D. ch. j. n- 162).

8) Такъ въ рѣшеніи по дѣлу Boucher (D. ch. j. n-24) выражено, что разрѣшая искъ о %, судъ не предрѣшаетъ вопроса о капитальной суммѣ. См. также рѣшенія, помѣщенныя въ сборникѣ Sirey—Code civ. annoté, Art. 1351, v- Motiv. Contra: cass., 25 pluv. an. 2. (D. ch. j. n- 163).

9) См. напр. рѣшеніе отъ 28 іюня 1858, приведенное у Bonnier—Traité des preuves, t. 2. 441 p. 4 Edit.

10) Въ этомъ смыслѣ состоялся, напр., Arrèt du 27 janv. 1824, гдѣ выражено слѣдующее: если рѣшено, что

по иску объ извѣстной суммѣ, основанному на договорѣ купли-продажѣ не исключаетъ возможности новаго иска о той же суммѣ на основаніи поклажи. [11])

Кромѣ того, практика весьма основательно признаетъ, что возраженіе законной силы не угро-

---

собственникъ недвижимаго имѣнія, извѣстные участки коего окружены чужею дачею, имѣетъ право прохода чрезъ эту дачу къ тѣмъ участкамъ, отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы въ позднѣйшемъ приговорѣ судъ не могъ отказать тому же собственнику въ правѣ прохода къ *другимъ участкамъ того же имѣнія*, не окруженнымъ сосѣднею дачею: объ этихъ послѣднихъ судъ не рѣшалъ въ первомъ процессѣ. См, Dalloz, ch. j. n- 110. См. также Arret du 28, Aout 1849 (D, 50. 1. 57) Arret du 13 Aout, 1851 (D. 51. 1. 281) Не всегда вѣрно разрѣшала практика другой вопросъ —о вліяніи рѣшенія по иску о цѣломъ на позднѣйшій искъ о той или другой части его. Этотъ послѣдній, конечно, уже не можетъ имѣть мѣста (см. выше стр. 35.), между тѣмъ въ рѣшеніи отъ 30 марта, 1831 выражено противное воззрѣніе. Дѣло, по коему состоялось это рѣшеніе, столь любопытно, что считаемъ не лишнимъ хотя вкратцѣ привести его здѣсь. Г-жа Soehnée купила въ Парижѣ мѣсто, находящееся между улицею Ришельё и садомъ, принадлежащимъ продавцу. Актъ пріобрѣтенія позволялъ ей строиться только въ улицѣ Ришельё. Но во время прорѣза улицы Вивьень, позади ея мѣста, Soehnée стала доказывать, что этотъ прорѣзъ совершенно уничтожаетъ ея зависимость отъ означеннаго акта, что теперь она имѣетъ полную свободу надъ своимъ мѣстомъ и что, поэтому, можетъ производить на немъ по улицѣ Вивьень постройки въ *такую высоту и глубину*, какъ ей заблагоразсудится. Претензія была отвергнута рѣшеніемъ суда 11 ноября 1833 г. Въ послѣдствіи Soehnée стала доказывать, что если она не имѣетъ права въ улицѣ Вивьень производить постройки произвольной высоты, то покрайней мѣрѣ она можетъ строиться въ *глубину*, возводя напр., лавки, непревышающія старой оградной стѣны. Эта претензія была принята и уважена какъ первою суд. инстанціею, такъ равно и аппеляціоннымъ и кассаціоннымъ судами. (См. подробно изложеніе дѣла у Dalloz'а ch. j. n- 173).

11) См. рѣшенія, приведенныя у Dalloz'а ch. j. n- 196,

жаетъ иску, если предметомъ его служитъ право по своей природѣ и содержанію различное съ тѣмъ, которое составляло предметъ прежняго иска. Такъ, отказъ по иску о собственности въ недвижимомъ имѣніи не мѣшаетъ отыскивать узуфруктъ въ томъ же имѣніи, [12]) или рѣшеніе по иску о владѣніи не преюдицируетъ иску о собственности [13]). Въ самомъ дѣлѣ, если бы судъ, по поводу подлежащаго иска разрѣшилъ вопросъ о правѣ, имѣющемъ иную природу сравнительно съ означеннымъ въ искѣ правоотношеніемъ, то онъ столько же вышелъ бы за предѣлы иска, какъ если бы рѣшилъ объ иномъ физическомъ объектѣ, ибо тамъ и здѣсь онъ рѣшалъ бы о другомъ правѣ, а не о томъ, которое составляетъ предметъ настоящаго иска; неупоминаніе о природѣ права въ 1351 art. составляетъ очевидный недостатокъ ея, восполненіе коего лежитъ на обязанности здравомыслящей юриспруденціи.

Объемъ законной силы судебнаго рѣшенія по искамъ отрицательнымъ.

Камнемъ преткновенія для практики послужилъ вопросъ объ объемѣ рѣшенія и законной силы по *искамъ отрицательнымъ* (actiones rescissoriae, actiones de nullitate). Здѣсь она видимо уступила вліянію ученыхъ авторитетовъ и, благодаря ему, сбилась съ правильнаго пути, на которомъ первоначально стояла (см. ниже). До конца 60-хъ годовъ, ученые юристы во Франціи полагали, что предметомъ отрицательнаго иска служитъ не то или другое правоотношеніе, а самая недѣйствительность извѣстнаго акта или сдѣлки; согласно этому основаніе отрицательнаго иска (la chose de la demande), они видѣли въ тѣхъ порокахъ, ради коихъ актъ или сдѣлка оспаривается. Но такъ какъ по ст. 1351 рѣшеніе не простирается за предѣлы

---

12) См. Arrêt du 9 juill. 1817 (D. ch. j. n- 110, 5).
13) См. Rej. 6 fev 1811 (D. ch. j. n- 127, 2).

указаннаго истцомъ основанія (il faut que la demande soit fondée sur la meme cause), то при такомъ пониманіи могъ уже казаться допустимымъ всякій новый искъ, если въ немъ указывается какой либо новый порокъ оспариваемаго акта. Такъ, дѣйствительно, и учатъ нѣкоторые писатели, напр. Arntz—Cours de droit civil francais, 2 t., 168—174 p. Однакоже слабая сторона такого воззрѣнія слишкомъ очевидна, чтобы оно могло оказать вліяніе на практику; in fine finale она подрываетъ всякій авторитетъ судебныхъ рѣшеній, открывая возможность безконечнаго повторенія тяжбъ о недѣйствительности одного и того же акта или сдѣлки. Гораздо большій успѣхъ, повидимому, обѣщало ученіе, которое исходя изъ того же воззрѣнія на предметъ отрицательныхъ исковъ, въ тоже время клонилось къ ограниченію возможности новаго оспариванія одной и той же сдѣлки. Мы разумѣемъ теорію Тулье [14]). Этотъ послѣдній сводитъ различные отдѣльные пороки акта или сдѣлки къ извѣстнымъ категоріямъ, такъ сказать, къ порокамъ генерическимъ; всякій спеціальный порокъ есть основаніе иска отдаленное, посредствующее, собственно, способъ доказательства; напротивъ, категорія или порокъ генерическій есть ближайшее, непосредственное основаніе иска,—есть то, что разумѣетъ ст. 1351 подъ cause de la demande. Отсюда, если пороки акта, на которые истецъ ссылается въ прежнемъ и теперешнемъ процессѣ, логически сводятся къ одной и той же категоріи, то позднѣйшему иску угрожаетъ exc. r. judicatae, ибо въ томъ и другомъ искѣ настоящій базисъ одинъ и тотъ же. Такимъ образомъ, если въ прежнемъ искѣ о недѣйствительности завѣщанія истецъ

---

14) Le droit civil francais par Toullier, 5 t., 137—140 p. (6 Edit.)

указывалъ на то, что завѣщатель во время составленія акта находился въ состояніи умственнаго разстройства, то новый споръ о томъ же завѣщаніи не можетъ быть допущенъ, буде истецъ теперь утверждается на принужденіи или обманѣ, подъ вліяніемъ коего написано-де завѣщаніе. Тамъ и здѣсь основаніе иска тождественно, ибо умственное разстройство и принужденіе, равно и обманъ сводятся къ отсутствію воли въ завѣщателѣ, необходимой для дѣйствительности акта. Тоже самое, если въ прежнемъ искѣ истецъ ссылался на несовершеннолѣтіе одного изъ свидѣтелей, подписавшихся на завѣщаніи, а въ настоящемъ указываетъ на участіе межъ свидѣтелями иностранца; въ обоихъ случаяхъ основаніе иска тождественно ибо оно сводится къ нарушенію въ актѣ установленной закономъ формы. «Чего я требовалъ? спрашиваетъ Маркадэ, развивая теорію Тулье [15]),— уничтоженія акта. Почему актъ долженъ быть признанъ ничтожнымъ? потому что неправиленъ въ отношеніи формы. Итакъ общая мысль о неправильности формы была непосредственнымъ основаніемъ моего иска. Но почему актъ неправиленъ по отношенію къ формѣ? Потому что одинъ изъ свидѣтелей несовершеннолѣтенъ. Эта спеціальная причина, служа отвѣтомъ только на второй вопросъ, есть слѣдовательно, ничто иное, какъ основаніе основанія, говоря иначе, есть посредствующее основаніе иска, собственно способъ доказательства неправильности акта. Во второмъ искѣ, гдѣ я сновывался на утверждаемомъ мною участія межъ свидѣтелями иностранца, это участіе есть также причина посредствующая ими способъ доказательства, ближайшее же основаніе есть опять неправильность формы».

---

15) Explication theorique et pratique du code Napoleon par Marcadé, t. 5, 174—181 p.

Ложная мысль оцѣнена въ послѣднее время по достоинству; въ концѣ 60 годовъ нанесенъ ударъ теоріи, которая была принята большинствомъ Французскихъ писателей и даже проникла, въ практику Французскихъ судовъ [16]). Griolet [17]) вскрылъ недостатки конструкціи, указавши во 1, на отсутствіе въ ней твердаго принципа, съ точки зрѣнія коего можно было бы свести извѣстные пороки акта или сдѣлки къ опредѣленной категоріи или группѣ. Отсюда и произошло то, что между тѣмъ какъ Маркадэ относитъ къ порокамъ формы неспособность (incapacitè) свидѣтелей, кассаціонный судъ отнесъ этотъ порокъ къ другой категоріи и далъ ходъ позднѣйшему иску, гдѣ истецъ ссылался на неправильность подписи одного изъ свидѣтелей на завѣщаніи (D—ch. j. n- 199). Во 2, Griolet выставилъ на видъ неправильность господствовавшаго воззрѣнія на самый предметъ отрицательныхъ исковъ. Между тѣмъ какъ Французскіе писатели до сихъ поръ полагали, что предметомъ такого рода исковъ служитъ самая недѣйствительность извѣстнаго акта или сдѣлки, Griolet учитъ, что подобно положительнымъ искамъ, въ нихъ дѣло идетъ о томъ или другомъ правоотношеніи; все различіе межъ тѣми и другими исками состоитъ лишь въ

---

16) См- Rej 2 janvier 1851. 15 decembre 1856, 19 janvier 1864 (Bonnér, des preuves 473 p.)—Любопытно, что ученіе Тулье не осталось безъ вліянія и на отечественную юридическую литературу. Буцковскій въ своемъ «Очеркѣ кассаціоннаго порядка отмѣны рѣшеній» говоритъ между прочимъ слѣдующее: «нельзя дозволить опроверженіе дѣйствительности какого либо способа пріобрѣтенія сначала по причинѣ принужденія, а потомъ по причинѣ подлога, *ибо обѣ эти причины сводятся къ одному ближайшему основанію—къ недостатку свободы произвола и согласія*» 110 р. Ср. и Будзинскій, cit. 39 .р.

17) L'autoritè de la chose jugee, 109—103 p.

томъ, что въ одномъ случаѣ вопросъ о правѣ ставится въ положительной формѣ: истецъ прямо проситъ судъ о *признаніи* въ его лицѣ извѣстнаго права;—въ другомъ—въ формѣ отрицательной: истецъ домогается, чтобы судъ *не призналъ* извѣстнаго права въ лицѣ отвѣтчика и тѣмъ самымъ присудилъ это право ему—истцу. Такъ оспаривая дѣйствительность завѣщанія, истецъ (наслѣдникъ по закону) домогается, чтобы судъ не призналъ за отвѣтчикомъ права на открывшееся наслѣдство. Если такъ, то и вопросъ объ объемѣ рѣшенія по искамъ отрицательнымъ разрѣшается по однимъ и тѣмъ же принципамъ, какъ и для исковъ положительныхъ, т. е. судъ постановляетъ рѣшеніе о спорномъ правоотношеніи *въ разсужденіи того акта или сдѣлки* (cause), изъ коей оно выводится или въ послѣдствіи можетъ быть выводимо отвѣтчикомъ и недѣйствительность которой доказываетъ теперь истецъ,—но отнюдь *не въ разсужденіи тѣхъ доводовъ*, коими послѣдній старается доказать эту недѣйствительность. Въ самомъ дѣлѣ, если въ положительныхъ искахъ вопросъ о правѣ судъ разрѣшаетъ въ разсужденіи извѣстнаго юридическаго факта, изъ коего оно выводится истцомъ, но безъ отношенія къ доказательствамъ, коими истецъ удостовѣряетъ существованіе этого факта, (см. выше стр. 41) то и въ отрицательныхъ искахъ тотъ же судъ разрѣшаетъ вопросъ о несуществованіи права въ лицѣ отвѣтчика точно также въ разсужденіи того акта или сдѣлки, недѣйствительность коей доказываетъ истецъ, но безъ отношенія къ приводимымъ имъ доводамъ, то есть, отдѣльнымъ порокамъ акта или сдѣлки, на которые онъ ссылается. Отношенія вполнѣ аналогичныя. Отсюда слѣдуетъ, что если разъ старанія истца доказать недѣйствительность извѣстнаго акта или сдѣлки остались безуспѣшны, то онъ уже не можетъ снова доказывать недѣйствительность тойже сдѣлки, хотя бы онъ ссылался теперь и на новые пороки: ему угрожаетъ exc. judicatae, ибо дѣло идетъ въ сущности объ

одномъ и томъ же правоотношеніи [18]а) [18]б). Весьма знаменательно, что до появленія теоріи Тулье, оказавшей вліяніе на самую практику, послѣдняя стояла именно на той точки зрѣнія, которая въ ученой литературѣ впервые указана Griolet; доказательствомъ служитъ Arrèt 17 juillet 1816 (D. ch. j. n- 200) «Considerant que par un premier arret, la nullitè pretendue de l'obligation notariée a ete rejetée; qu'ainsi cette obligation est defendue par l'autoritê de la chose jugée;

18а) Къ изложенному мнѣнію Griolet, присоединился Bonnier (Traité des preuves, t. 2, n- 876 5 Edit.), прежній сторонникъ ученія Тулье.

18б) Въ любопытномъ отношеніи къ вопросу стоитъ Будзинскій. Установляя понятіе: cause de la demande, онъ сначала высказываетъ то правильное возрѣніе, что подъ основаніемъ иска надлежитъ разумѣть юридическій фактъ, дающій бытіе преслѣдуемому истцомъ праву. Это основаніе, замѣчаетъ Будзинскій, «часто смѣшиваютъ какъ съ *предметомъ* иска, такъ и *со средствами*, коими оно доказывается. «Основаніе иска, causa petendi, продолжаетъ онъ, есть непосредственное начало права. которое сторона отыскиваетъ путемъ жалобы или встрѣчнаго иска, слѣдовательно основаніе иска есть не это право, но его источникъ т. е. рождающее его начало (principe generateur) Такимъ образомъ основаніемъ вещественнаго иска служитъ не собственность или повинность, но источникъ ихъ пріобрѣтенія (titulus acquirendi) Но въ слѣдъ за этими словами, въ видахъ разъясненія своей мысли, Будзинскій приводитъ примѣръ отрицательнаго иска и здѣсь явно становится на точку зрѣнія Тулье, говоря, что основаніемъ его слѣдуетъ считать тотъ генерическій порокъ (напр. отсутствіе согласія или недостатокъ формы) ради коего оспаривается дѣйствительность извѣстной сдѣлки; основаніемъ иска очевидно здѣсь является у него уже то чтó, есть на самомъ дѣлѣ способъ доказательства. Въ результатѣ онъ повторилъ то смѣшеніе основанія иска со способами доказательства, о которомъ нѣсколькими строками выше говорилъ самъ. См. «О силѣ суд. рѣшеній» 38—39 р.

que l'intimè n'a pu, sans y porter atteinte, remettre en question cette nullitè sans pretexte d'un autre vice de forme que celui qu'il avait d'abord objecté; que la simple proposition d'un nouveau moyen ne constitue pas une nouvelle cause de demande ou d'exception» [19]).

IV.

ПРОЭКТЪ ОБЩЕГЕРМАНСКАГО УСТАВА ГРАЖДАНСКАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1872 г. [1]).

Ни въ одномъ изъ новѣйшихъ законодательствъ не содержится столь прямаго и опредѣлительнаго постановленія по интересующему насъ вопросу, какъ въ пресловутомъ проэктѣ общегерманскаго уст. гр. судопр. 72 г. § 278 проэкта гласитъ: «Urtheile sind der Rechtskraft nur insoweit fähig, als über den durch die Klage oder durch die Widerklage erhobenen Anspruch entschieden ist.

---

19) Прямое постановленіе по настоящему вопросу, изъ всѣхъ современныхъ иностранныхъ законодательствъ, сколько намъ извѣстно, содержится лишь въ Голландскомъ Кодексѣ, гдѣ требуется (Art. 1491), чтобы въ отрицательномъ искѣ были указаны заразъ всѣ пороки оспариваемой сдѣлки, и что новый искъ уже не можетъ имѣть мѣста, исключая лишь тѣ случаи, когда новый порокъ, приводимый въ позднѣйшемъ искѣ былъ не извѣстенъ истцу раньше по винѣ противной стороны. (См. Concordance—par saint Joseph, t. 2 973 p.).

1) Entwurf einer deutschen Civilprocessordnung.

«Die Entscheidung uber das Bestehen oder Nichtbestehen einer mettelst Einrede geltend gemachten Gegenforderung ist der Rechtskraft fähig, jedoch nur bis zur Höhe desjenigen Betrags, mit welchem aufgerechnet werden soll».

И такъ рѣшеніе входитъ въ законную силу не болѣе, какъ по вопросу объ исковомъ притязаніи, причемъ конечно все равно—преслѣдуется ли извѣстное право путемъ иска первоначальнаго, или же встрѣчнаго. Изъ этого положенія допускается единственное изъятіе для exceptio compensationis. Такое возраженіе подлежитъ также окончательному рѣшенію суда, но судъ постановляетъ опредѣленіе объ обратномъ требованіи въ размѣрѣ только исковой суммы (pro cuncurrente summa) Весь же остальной матеріалъ, обсуждаемый судомъ по породу исковаго притязанія, не составляетъ предмета, подлежащаго окончательному рѣшенію суда. Ср. мотивы къ проэкту, 290 и 291 р. Разрѣшая указаннымъ образомъ вопросъ объ объемѣ законной силы, составители проэкта, какъ видно изъ § 278 мотивовъ, исходили именно изъ характера цѣлаго судебнаго процесса,—состязательнаго начала, положеннаго ими же въ основу процедуры гражданской [2]). Совершенно вѣрно замѣчаетъ Kleinschrod: «Entscheidend für den Entwurf war die Rücksicht auf den Willen Parteien, und von diesem Gesichtspunkte aus ist § 278 aufzufassen, der reinste Ausdruck der Verhandlungsmaxime». 250 p. cit.

---

2) Ср. §§ 115—146 проэкта.

V.

РУССКОЕ ПРАВО.

Подобно Французскому законодательству, наше отечественное право заключаетъ въ себѣ не болѣе, какъ только одну весьма сжато изложенную статью по интересующему насъ вопросу: «Рѣшеніе вступаетъ въ законную силу только въ отношеніи *спорнаго предмета*, отыскиваемаго и оспариваемаго тѣми же тяжущимися сторонами и на томъ же основаніи». (Ст. 895 Уст. Гр. Суд.). Выше было замѣчено, что предметомъ спора сторонъ въ каждомъ отдѣльномъ процессѣ служитъ собственно исковое притязаніе или право, преслѣдуемое истцомъ (см. выше стр. 20); согласно этому правильная интерпретація приведенной статьи должна заключаться въ томъ, что законная сила усвояется ею однимъ лишь опредѣленіямъ суда *о правѣ истца*. Всѣ другіе вопросы, возбуждаемые сторонами въ теченіе производства, только *разсматриваются* судомъ и сила рѣшенія не простирается на нихъ [1]).

---

1) Такое пониманіе 895 ст. вполнѣ гармонируетъ и съ строго состязательнымъ характеромъ нашего Гражданскаго Судопр-ства, введеннаго Уставами 20 ноября. По силѣ 4a), 367b), 706c), ст. Уст. Гражд. Суд., Судъ не можетъ ни открывать процесса безъ просьбы о томъ сторонъ, ни выходить за предѣлы матеріала, предложеннаго сторонами. Эти послѣднія опредѣляютъ какъ самый предметъ процесса и судебнаго рѣшенія, такъ и тѣ данныя, на основаніи коихъ должно

Между тѣмъ наша кассаціонная практика держится иного воззрѣнія по настоящему предмету. По мнѣнію ея законная сила распространяется и на преюдиціальные въ дѣлѣ вопросы. Такъ въ сенатскомъ рѣшеніи по дѣлу кн. Барятинскаго (2 мая 1873 г.) выражено, что мировой съѣздъ долженъ былъ уклониться отъ разрѣшенія иска о взысканіи по договогу—въ виду того, что отвѣтчикомъ, въ формѣ возраженія, возбужденъ былъ преюдиціальный вопросъ о правѣ собственности на недвижимое

быть оно постановлено. Статьи 335 и 368 не стоятъ въ разрѣзъ съ состязательнымъ началомъ процесса. Первая предоставляетъ суду право распроса сторонъ, но этимъ правомъ судъ долженъ пользоваться не для *количественнаго восполненія* предложеннаго сторонами матеріала, а только для *разъясненія* представленныхъ ими данныхъ. (Ср. выше стр. 15, прим. 5). Согласно этому и Побѣдоносцевъ: «Распросъ долженъ касаться только тѣхъ обстоятельствъ, которыя положительно утверждаются противною стороною. Въ противномъ случаѣ распространеніе распроса на обстоятельства, прямо не вытекающія изъ объясненій противной стороны, было бы нарушеніемъ 367 ст.» Судебное руководство, № 609. Ср. и № 606. Далѣе, ст. 368 предоставляетъ суду право указывать сторонамъ на недостатокъ доказательствъ, но отъ усмотрѣнія сторонъ все-же зависитъ—привести или не привести недостающія доказательства; самъ судъ не въ правѣ ex officio восполнить этотъ недостатокъ; такимъ образомъ; и при дѣйствіи 368 ст. остается не нарушеннымъ правило состязательнаго процесса, что судъ рѣшаетъ по доказательствамъ, представленнымъ тяжущимися сторонами.

---

a) «Судебныя Установленія приступаютъ къ производству гражданскихъ дѣлъ не иначе, какъ вслѣдствіе просьбы о томъ лицъ, до коихъ тѣ дѣла касаются».

b) «Судъ ни въ какомъ случаѣ не собираетъ самъ доказательствъ или справокъ, а основываетъ свое рѣшеніе исключительно на доказательствахъ, представленныхъ тяжущимися».

c) «Судъ не имѣетъ права ни постановлять рѣшенія о такихъ предметахъ, о коихъ не предъявлено требованія, ни присуждать болѣе того, что требовалось тяжущимися».

мнѣніе [2]). Точно также въ рѣшеніи 67 г. № 216 признано, что мировой судья не могъ входить въ разбирательство дѣла по иску объ истребованіи вещей, такъ какъ отвѣтчикомъ, въ видѣ возраженія, возбужденъ былъ преюдиціальный вопросъ о дѣйствительности брака [3]) Очевидно, что по мнѣнію

2) Существо этого дѣла заключается въ слѣдующемъ: повѣренный князя Барятинскаго предъявилъ искъ о взысканіи съ крестьянъ Коренецкаго и Стружевскаго 425 р. на основаніи заключеннаго ими съ анатоліевскимъ вотчиннымъ управленіемъ князя договора по найму рыбныхъ ловель въ р. Сосикѣ, въ березанскомъ заливѣ и тулигульскомъ лиманѣ. Отвѣтчики возражали, что означенный договоръ заключенъ ими прежде, нежели имъ стало извѣстнымъ, что р. Сосика ни на межевомъ планѣ, ни въ уставной грамотѣ, состоявшейся между княземъ Барятинскимъ и бывшими его крестьянами деревни Козы не значится, а значится сосикскій и березанскій лиманы, которые суть ничто иное, какъ воды чернаго моря, глубоко вдавшіяся въ материкъ, что слѣдовательно, имъ отвѣтчикамъ сданы въ откупъ рыбныя ловли въ морскихъ водахъ, не могущихъ быть предметомъ частной собственности, а составляющихъ общую государственную собственность. Въ виду такого возраженія мировой съѣздъ вошелъ въ разсмотрѣніе вопроса: составляютъ ли воды лимановъ исключительную собственность владѣльца той земли, которая ими омывается. Разрѣшивши отрицательно этотъ вопросъ и не признавши вотчинныхъ князя Барятинскаго, мировой съѣздъ отказалъ въ искѣ повѣренному послѣдняго, какъ истекающихъ изъ договора, который по ст. 1528 X т. 1 ч. не имѣетъ никакой силы. Сенатъ кассировалъ это рѣшеніе съѣзда по нарушенію 1 п. 31 ст. Уст. Гр. Суд. (См. Журналъ Гр. и Угол. Права, 6-я кн. № 237).

3) Дѣло состояло въ слѣдующемъ: нѣкто по довѣренности своей жены просилъ истребовать ея вещи отъ отвѣтчика. Отвѣтчикъ возражалъ, что истица совсѣмъ не жена уполномоченному отъ нея просителю. Послѣдній, въ доказательство того, что онъ мужъ истицы, сослался на свидѣтельство волостнаго управленія. Мировой судья по этому свидѣтельству призналъ, что истица точно жена того, кто за нее проситъ и присудилъ отвѣтчика къ выдачѣ вещей. Сенатъ кассировалъ это рѣшеніе по нарушенію правилъ о подсудности.

Сената преюдиціальные въ дѣлѣ пункты не разсматриваются только, а окончательно разрѣшаются судомъ, ибо иначе (т. е. при ограниченіи предмета рѣшенія и законной силы исковымъ притязаніемъ) мировой судья или мировой съѣздъ оказался бы дѣйствующимъ въ предѣлахъ своей компетенціи и не было бы повода Сенату въ обоихъ указанныхъ случаяхъ признавать дѣло не подсуднымъ мировой юстиціи.

Далѣе, кассаціонная практика распространяетъ силу рѣшенія на факты, имѣвшія значеніе въ дѣлѣ и подлежавшіе судебному обсужденію. Такъ Сенатъ нашелъ нарушеніе 895 ст. въ томъ, что мировой съѣздъ призналъ не наступившимъ срокъ договору, изъ коего вытекало настоящее притязаніе истца, между тѣмъ какъ прежнимъ рѣшеніемъ, состоявшимся по другому исковому притязанію, срокъ договора былъ признанъ наступившимъ [4]).

---

4) См. Рѣш. 71 г. № 354. Намъ извѣстно, впрочемъ, одно рѣшеніе Сената, гдѣ выражено правильное воззрѣніе по настоящему пункту. Дѣло, по коему оно состоялось, заключается въ слѣдующемъ: нѣкто, оспаривая постановленіе съѣзда, основаніемъ къ тому приводилъ нарушеніе законной силы ранѣе состоявшагося рѣшенія. Это послѣднее рѣшеніе было постановлено по иску того же лица къ тому же отвѣтчику за невозвращеніе въ полномъ количествѣ принятой на сохраненіе водки; въ то время истецъ отыскивалъ причитавшуюся цѣнность сей водки, заявляя, что акцизъ съ нея онъ будетъ отыскивать особо, и тѣмъ рѣшеніемъ присуждено ему за водку 115 р.; но за тѣмъ, когда онъ сталъ отыскивать акцизъ, ему отказано въ искѣ за бездоказательностію. Оспаривая это рѣшеніе въ Сенатѣ, проситель указывалъ, что основаніемъ къ иску служитъ въ томъ и другомъ случаѣ одинъ и тотъ же фактъ, и если въ первомъ дѣлѣ этотъ фактъ признанъ судомъ, то надлежало послѣднему и теперь признать его. Но сенатъ правильно разсудилъ, что судъ рѣшаетъ не о фактахъ, а объ исковомъ притязаніи, и такъ какъ въ первомъ дѣлѣ истецъ домогался присужденія ему

Наконецъ, по мнѣнію Сената, рѣшеніе входитъ въ законную силу даже въ отношеніи доказательствъ, представленныхъ сторонами: разъ отвергнутыя судомъ, они уже не подлежатъ новому судебному разсмотрѣнію въ какомъ либо иномъ процессѣ. Такъ по дѣлу объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства, просители не представили никакихъ новыхъ доказательствъ и ссылались только на тѣ, которыя прежде были представлены по другому дѣлу «объ искѣ Маврою Комаровою съ пасынка своего 3,000 руб. по мировой сдѣлкѣ»,— судебная палата не входя вовсе въ разсмотрѣніе этихъ доказательствъ, какъ разъ уже признанныхъ недостаточными, нашла требованіе просителей не подлежащимъ удовлетворенію: Сенатъ одобрилъ это рѣшеніе [5]).

Разрѣшая вопросъ объ исковомъ притязаніи, судъ, само собою разумѣется, обязанъ строго держаться указаній истца относительно природы преслѣдуемаго права, физическаго объекта, ему подлежащаго и юридическаго факта, изъ коего оно выводится истцомъ (см. выше 32 стр.). Въ этомъ послѣднемъ отношеніи нашъ законъ не различаетъ между вещными и личными исками. Въ обоихъ случаяхъ, по силѣ 895 ст., судъ постановляетъ рѣшеніе о правѣ въ разсужденіи того основанія, которое указано истцомъ. Этому вполнѣ отвѣчаетъ и требованіе Уставовъ, чтобы истецъ, будетъ ли искъ личный или вещный, изложилъ въ исковомъ прошеніи тѣ обстоятельства, изъ коихъ искъ проистекаетъ (ст. 257 п. 4 Уст. Гр. Суд.). Между тѣмъ

цѣнности не возвращенной водки, а во второмъ отыскиваетъ акцизъ за эту водку, то при различіи рѣшенія по тому и другому дѣлу не представляется нарушенія 895 ст. (Рѣш. 71 г. № 415).

5) См. Рѣш. 67 г. № 409.

наша кассаціонная практика и здѣсь уклоняется отъ правильнаго воззрѣнія, распространяя, напр. рѣшеніе за предѣлы указаній истца относительно объекта преслѣдуемаго имъ права. Такъ по дѣлу Рудаковой Сенатъ нашелъ, что рѣшеніе по иску о капитальной суммѣ съ % за *извѣстные годы*, исключаетъ возможность новаго иска о % за *другіе годы* незаконнаго владѣнія тою же капитальною суммою. (Рѣш. 25 янв. 1873 г.) [6]).

---

6) Дѣло, по коему состоялось настоящее рѣшеніе, заключается въ слѣдующемъ: умершій въ 1839 году купецъ Михаилъ Рудаковъ назначилъ сыну своему Ивану 40,000 руб. съ тѣмъ, что деньги эти должны находиться въ распоряженіи другаго сына завѣщателя Алексѣя, въ домѣ коего Иванъ долженъ жить, а если Иванъ оставитъ домъ Алексѣя, то на содержаніе его съ семействомъ Алексѣй обязанъ выдавать ему проценты; по смерти же Ивана, буде у него окажутся законныя дѣти, таковыя, по достиженіи совершеннолѣтія, получатъ отъ Алексѣя бывшій у него на процентахъ капиталъ, за выдѣломъ вдовѣ Ивана указной части. Въ 1868 г. двѣ дочери умершаго Ивана предъявили къ Алексѣю Рудакову искъ о причитающейся имъ капитальной суммѣ съ %, со дня смерти завѣщателя Михаила Рудакова; къ этому иску присоединилась вдова умершаго предъ тѣмъ сына Ивана, Семена, Марья Рудакова, прося взыскать изъ того же капитала причитающуюся ей часть *съ процентами со дня смерти Ивана Рудакова*, послѣдовавшей въ 1867 г. По этому иску въ 1869 г. присуждено дочерямъ Ивана Рудакова 9285 р. съ % со дня смерти завѣщателя, а Марьѣ Рудаковой 2142 р. съ % со дня смерти свекра ея, Ивана Рудакова. Послѣ того, въ 1870 г. Марья Рудакова предъявила къ Алексѣю Рудакову искъ о процентахъ накопившихся на причитающійся ей капиталъ за время со *дня смерти завѣщателя Михайла Рудакова по день смерти Ивана Рудакова*, опредѣливъ сумму иска въ 3563 г. Когда дѣло дошло до Сената, послѣдній нашелъ, что этотъ новый искъ касается *того же предмета, который уже былъ окончательно разрѣшенъ судомъ*.

СУБЪЕКТИВНЫЙ ОБЪЕМЪ ЗАКОННОЙ СИЛЫ.

I.

Руководящій принципъ Ключъ къ разрѣшенію настоящаго вопроса надлежитъ искать въ томъ же характерѣ гражданскаго процесса, основномъ принципѣ его, служившемъ для насъ руководящею нитью въ предшествующемъ изложеніи, посвященномъ объективной сторонѣ законной силы. Въ самомъ дѣлѣ, если судъ, при организаціи процедуры по состязательному началу, ограничивается предложеннымъ сторонами матеріаломъ и постановляетъ рѣшеніе на основаніи приведенныхъ ими доказательствъ, то необходимо признать, что рѣшеніе входитъ въ законную силу въ отношеніи только тяжущихся сторонъ. Распространять ее на третьихъ лицъ—значило бы ставить этихъ послѣднихъ въ зависимость отъ произвола, небрежности сторонъ въ дѣлѣ веденія процесса. Спорное право можетъ быть не слишкомъ интересуетъ тяжущагося, и онъ ведетъ процессъ недостаточно внимательно, упуская изъ виду важныя, говорящія въ его пользу обстоятельства, и чрезъ это теряетъ процессъ. При такихъ условіяхъ было бы крайне несправедливо усвоять законную силу рѣшенію и въ отношеніи третьихъ лицъ, интересы коихъ могутъ быть не совмѣстимы съ нимъ. Иное дѣло—въ слѣдственномъ процессѣ, гдѣ судъ не зависитъ отъ сторонъ, не ограничивается ими приведенными доводами, напротивъ

самъ собираетъ доказательства и пользуется всѣми зависящими средствами раскрыть матеріальную истину въ дѣлѣ. Рѣшенію, состоявшемуся въ слѣдственномъ процессѣ естественно имѣть обязательную силу и для третьихъ лицъ, не участвовавшихъ въ тяжбѣ [1]).

Итакъ, при состязательномъ характерѣ гражданской процедуры, возраженіе законной силы можетъ имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, когда новая тяжба возникаетъ между тѣми же сторонами. Это положеніе, по нашему мнѣнію, должно имѣть силу абсолютную, и изъятія изъ него, допускаемыя нѣкоторыми положительными законодательствами и учеными юристами, какъ увидимъ ниже, не имѣютъ за себя достаточныхъ основаній.

II.

РИМСКОЕ ПРАВО.

Общее положеніе.

Едвали какой либо принципъ столь единодушно признанъ Римскими юристами и такъ опредѣлительно выраженъ въ многочисленныхъ мѣстахъ источниковъ, какъ положеніе, что рѣшеніе judex'а должно имѣть силу только для сторонъ [2]).

«Res inter alios judicata aliis prodesse aut nocere non solet, говоритъ юристъ Павелъ. L. 16 D. 20. 4.

1) Ср. Zacharie, cit. см. выше стр. 22 прим. 11.
2) Положеніе это вполнѣ отвѣчало характеру римскаго процесса. См. выше стр. 44 прим. 1.

«Saepe constitutum est, res inter alios judicatas aliis non praejudicare, говоритъ Macer. L. 63 D. 42. 1. Ср. также L 1. L. 14. L. 27 D. 44. 2.

Указанное начало, повидимому, признается Римскими юристами во всей его силѣ, безъ ограниченій; такъ тотъ же юристъ Павелъ говоритъ: «Si cum uno herede depositi actum sit, tamen et cum ceteris heredibus recte agetur nec exceptio rei judicatae eis proderit: nam etsi eadem quaestio in omnibus judiciis vertitur, tamen personarum mutatio, cum quibus singulis suo nomine agitur, aliam atque aliam rem facit. L. 22. D. 44. 2.

Мѣсто гласитъ, что рѣшеніе по иску, предъявленному къ одному изъ наслѣдниковъ умершаго должника не служитъ въ пользу другимъ сонаслѣдникамъ: позднѣйшему иску къ нимъ не угрожаетъ exc. r. j. Тамъ и здѣсь юридическое отношеніе тожественно (eadem quaestio vertitur), но только лица различны, и благодаря лишь различію лицъ exceptio въ позднѣйшемъ процессѣ не имѣетъ мѣста.

На самомъ же дѣлѣ въ Римскомъ правѣ мы находимъ едва ли не болѣе изъятій изъ нашего правила, чѣмъ въ какомъ либо иномъ положительномъ законодательствѣ, хотя нельзя не согласиться, что количество этихъ изъятій обыкновенно преувеличивается писателями, относящими къ нимъ и такого рода случаи, гдѣ собственно изъятія не оказывается. Такимъ образомъ не составляетъ дѣйствительнаго изъятія изъ настоящаго положенія случай универсальнаго, и также и сингулярнаго преемства. Сила рѣшенія распространяется, по Римскому праву, на универсальныхъ наслѣдниковъ

Мнимыя изъятія.

участвующихъ въ дѣлѣ сторонъ, но вѣдь универсальный наслѣдникъ не можетъ быть разсматриваемъ, какъ *третье лицо* въ отношенiи къ процессу, который былъ веденъ оставителемъ наслѣдства. Вступая во всю совокупность имущественныхъ правъ и обязательствъ наслѣдодателя, универсальный преемникъ становится продолжателемъ его юридическаго бытiя и представляетъ вмѣстѣ съ нимъ eamdem personam. Что касается сингулярнаго преемника, (напр. лица, къ коему перешло отъ другаго право собственности чрезъ куплю, даренiе и т. д.) [3]), послѣднiй не есть, конечно, носитель юридической личности ауктора,—однако же, выводя отъ него свою собственность или иное какое либо отдѣльное право, онъ точно также не можетъ быть разсматриваемъ какъ *третье лицо* въ отношенiи къ процессу, который велъ аукторъ объ этомъ правѣ до *момента отчужденiя* его.

Невозможно также относить къ изъятiямъ, по Римскому праву, процессуальные споры, возникшiе изъ корреальныхъ обязательствъ. Дѣйствiе процесса, возбужденнаго противъ одного изъ correi debendi, для прочихъ содолжниковъ, неучаствовавшихъ въ дѣлѣ, или—однимъ изъ correi credendi для другихъ совѣрителей, было связано у Римлянъ, независимо отъ идеи единства обязательства, лежавшей въ основѣ корреалитета, съ институтомъ процессуальной консумпцiи. Въ силу этого института корреальное обязательство, будучи разъ предъявлено ко взысканiю, погашалось уже въ моментъ Lit. Contestatio: всѣ другiе correi (deb.) освобождались отъ отвѣтственности, какой бы ни со-

3) «Exceptio rei judicatae nocebit ei, qui in dominium successit ejus, qui in judicio expertus est». L. 28 D. 44. 2. Ср. также: L. 9 § 2 D 44. 2. L. 11 § 3. 9. ibid.

стоялся приговоръ по иску, предъявленному къ одному изъ нихъ; точно также всѣ прочіе correi (cred.) теряли право иска къ общему должнику, едва одинъ изъ нихъ привлекъ его къ отвѣтственности по обязательству. И такъ весь эффектъ процесса для correi, неучаствовавшихъ въ немъ, сводится не къ силѣ рѣшенія, состоявшагося въ этомъ процессѣ, а къ консумирующему дѣйствію Lit. Cont. [4]). По мѣрѣ того, какъ съ одной стороны, вымиралъ въ Римскомъ правѣ консумціонный принципъ, съ другой—изчезала въ немъ идея единства обязательства, составлявшая, какъ сказано, основу корреалитета,—измѣнялось воззрѣніе и на значеніе для всѣхъ прочихъ correi процесса, веденнаго однимъ или противъ одного изъ нихъ, пока, наконецъ, знаменитымъ закономъ Юстиніана корреальныя обязательства не были приравнены къ солидарнымъ [5]).

---

4) Ср. Keller, Lit. Cont. § 49 и 52; Demangeat, Des boligations solidaires, 64 p.

5) «Generaliter sancimus, quemadmodum in mandatoribus statutum est, ut contestatione contra unum ex his facta alter non liberetur, ita et in fideijussoribus observari. Invenimus etenim, et in fideijussoribus, plerumque ex pacto hujusmodi causae esse prospectum: et ideo generali lege sancimus nullo modo electione unius ex fideijussoribus vel ipsius rei alterum liberari; vel ipsum reum, fideijussoribus vel uno ex his electo, liberationem mereri, nisi satisfiat creditori; sed manere jus integrum, donec in solidum ei pecuniae persolvantur, vel alio modo satis ei fiat. Idem que in duobus reis promittendi constituimus, ex unius rei electione praejudicium creditori adversus alium fieri non concedentes; sed remanere et ipsi creditori actionis integras et personales et hypothecarias, donec per omnia ei satisfiat. Si enim pactis conventis hoc fieri conceditur et in usu quotidiano semper hoc versari adspicimus, quare non ipsa legis auctoritate hoc permittatur,

Всего менѣе, наконецъ, подходитъ къ изъятіямъ случай судебнаго представительства. Если рѣшеніе по дѣлу, веденному чрезъ представителя (cognitor, procurator, tutor, curator), обязательно по Римскому праву для представляемаго лица [6]), то здѣсь не можетъ быть и рѣчи объ изъятіи изъ

ut nec simplicitas suscipientium contractus ex quaqunque causa possit jus creditoris mutilare». L. 28 C. (8. 41). Для правильнаго пониманія настоящаго мѣста необходимо замѣтить, что въ Римскомъ классическомъ правѣ поручитель (fideijussor) разсматривался какъ корреальный должникъ: согласно этому, онъ освобождался отъ отвѣтственности по обязательству однимъ уже предъявленіемъ иска къ главному должнику (см. мѣста, приведенныя у Keller'a Lit. Cont. 436—437 p.). Напротивъ, mandator или тотъ, кто препоручилъ другому ссудить извѣстную сумму третьему лицу, отнюдь не освобождался отъ отвѣтственности чрезъ одно предъявленіе иска къ получателю или главному должнику. Подобно всякому другому *солидарному* должнику, mandator признавался свободнымъ отъ обязательства лишь въ случаѣ полнаго удовлетворенія кредитора (см. L. 25 § 3 D. 46. 1. L. 1 § 10 L. 3 D. 9. 3). Въ настоящемъ мѣстѣ Юстиніанъ исходитъ именно изъ указаннаго различія межъ fideijussor'омъ и mandator'омъ и постановляетъ прежде всего правило, чтобы поручитель, подобно mandator'у, освобождался отъ отвѣтственности по обязательству не однимъ лишь предъявленіемъ иска къ главному должнику, а чрезъ уплату долга этимъ послѣднимъ. Это правило распространяетъ онъ, затѣмъ, и на correi promittendi; всякій correus можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности по обязательству, пока кредиторъ не получитъ полнаго удовлетворенія отъ кого либо изъ нихъ. При этомъ Юстиніанъ замѣчаетъ, что на практикѣ давно уже чувствовалась потребность въ этомъ новомъ правилѣ и что стóроны, при заключеніи обязательства, путемъ особыхъ уговоровъ, стремились къ тому же, чтó установлено настоящимъ закономъ Юстиніана.

6) «Hoc jure utimur, ut ex parte actoris in exceptione rei judicatae hae personae continerentur, quae rem in judicium deducunt; inter hos erunt procurator, cui mandatum est, tutor curator furiosi vel pupilli, actor municipum: ex persona autem rei etiam defensor numerabitur, quia adversus defensorem, qui agit, litem in judicium deducit». L. 11 § 7 D. 44. 2. (Ulp.).

нашего положенія: res judicata jus facit inter partes. Представляемый субъектъ и есть собственно сторона,—представитель же, фигюрируя на судѣ за другое лицо, есть, самъ по себѣ, лицо чуждое процессу и онъ, естественно, не связанъ судебнымъ рѣшеніемъ [7]a) [7]b).

7a) «Inter officium advocationis et rei suae defensionem multum interest: nec propterea quis, si postea cognoverit rem ad se pertinere, quod alii eam viudicanti tunc ignorans suam esse adsistebat, dominium suum amisit». L. 54 D. 6. 1. Ульпіанъ говоритъ здѣсь, что адвокатъ не теряетъ своей собственности, если, полагая, что она принадлежитъ другому, поддерживалъ на судѣ этого послѣдняго.

7b) Не всегда однако же такъ было. Еще во времена Гая дѣйствовалъ въ Римскомъ правѣ старый принципъ, по коему судебный представитель, съ момента Lit. Contestatio, становится dominus litis. Старое Римское право не допускало, чтобы свободный, полноправный гражданинъ, лицо sui juris фигюрировало на судѣ, какъ простое орудіе другаго, но, удовлетворяя неизбѣжной практической потребности въ судебномъ представительствѣ, признавало, что лицо, ведущее процессъ за другаго, съ момента L. Cont., становится дѣйствительнымъ субъектомъ процесса; всѣ судебныя дѣйствія, имъ совершаемыя, не считались исходящими какъ бы отъ самого представляемаго лица, напротивъ послѣднее признавалось чуждымъ процессу. Но такъ какъ противная сторона могла быть снова привлечена къ суду самимъ представляемымъ лицомъ и потерпѣть чрезъ это имущественный ущербъ, то она была въ правѣ требовать отъ представителя обезпеченія въ томъ, что данный процессъ будетъ ратигабированъ представляемымъ субъектомъ. Исключеніе было допущено только для cognitor'a: этотъ послѣдній не былъ обязанъ представлять cautio de rato. «Procurator vero si agat, satisdare jubetur ratam rem dominum gabiturum: periculum enim est: ne iterum dominus de eadem re experiatur; quod periculum non intervenit, si per cognitorem actum fuit: quia de qua re quisque per cognitorem egerit, de ea non mahis amplius actionem habet, quam ipse egerit. Gajus, Comment. VI, § 98. То, что было въ старомъ правѣ изъятіемъ, мало по малу сдѣлалось общимъ

Дѣйствительныя изъятія.

Дѣйствительныя изъятія, допущенныя Римскимъ правомъ, суть слѣдующія: 1) законная сила распространяется на сингулярныхъ преемниковъ даже въ томъ случаѣ, когда процессъ веденъ aукторомъ уже *послѣ* отчужденія права. Съ момента уступки права, aукторъ становится ему чуждымъ; если же, тѣмъ не менѣе, онъ ведетъ процессъ объ этомъ правѣ, не имѣя на то особаго полномочія отъ пріобрѣтателя, послѣдній, очевидно, не можетъ быть связанъ рѣшеніемъ, состоявшимся въ этомъ процессѣ; дѣло аyктора для него чужое дѣло. Но Римское право считало, однако же, рѣшеніе обязательнымъ для пріобрѣтателя, *если послѣдній зналъ объ этомъ процессѣ* и не принялъ въ немъ участія. Внутреннимъ мотивомъ къ такому распространенію законной силы служило предположеніе молчаливаго препорученія аyктору со стороны пріобрѣтателя—быть его представителемъ на судѣ,—предположеніе, какъ мы думаемъ, произвольное и несправедливое въ отношеніи пріобрѣтателя. Въ самомъ дѣлѣ, процессъ, веденный аyкторомъ послѣ уступки права, есть во всякомъ случаѣ чужой для пріобрѣтателя. Пусть онъ случайно узналъ объ этомъ процессѣ, но нѣтъ основанія вынуждать его къ принятію участія въ немъ или же давать мѣсто предположенію молчаливаго препорученія. Пріобрѣтатель въ правѣ игнорировать этотъ процессъ, ктъ и всякую иную тяжбу, какую ведутъ третьи лица [8]).

правиломъ, какъ это видимъ изъ вышеприведенныхъ словъ Ульпіана (L. 11 § 7).

8) О существованіи въ Римскомъ правѣ указаннаго изъятія мы узнаемъ изъ fragment'а, принадлежащаго юристу Macer'у:... scientibus sententia, quae inter alios data est, obest, cum qui de ea re, cujus actio vel defensio primum sibi competit, sequenti agere patiatur: veluti si creditor experiri pas-

Если одинъ изъ со-собственниковъ господствующаго имѣнія вчинаетъ искъ къ владѣльцу имѣнія служащаго, то, какой бы ни состоялся приговоръ, сила его распространяется, по Римскому праву, и на остальныхъ со-собственниковъ, L. 4 § 3 D. 8. 5 L. 11 § 1 D. 39. 3; точно также и наоборотъ: рѣшеніе по иску, предъявленному къ одному изъ совладѣльцевъ служащаго имѣнія, обязательно для прочихъ, неучаствовавшихъ въ тяжбѣ—L. 4 § 4. D. 8. 5. Основаніемъ такому распространенію законной силы служило понятіе недѣлимости предіальнаго сервитута. Эта недѣлимость не есть, однако же, достаточ-

---

sus sit debitorem de proprietate pignoris, aut maritus socerum vel uxorem de proprietate rei in dotem acceptae, aut possessor venditorem de proprietate rei emtae: et haec ita ex multis constitutionibus intelligenda sunt. Cur autem his quidem scientia nocet,.... illa ratio est, quod...., qui priorem dominum defendere causam patitur, ideo propter scientiam praescriptione rei, quamvis inter alios judicatae, summovetur, quia ex voluntate ejus de jure, quod ex persona agentis habuit, judicatum est. L. 63 D. 42. 1. Въ видѣ примѣра, Macer приводитъ здѣсь три случая, гдѣ рѣшеніе, состоявшееся въ процессѣ ауктора, обязательно для пріобрѣтателя. 1) Бывшій собственникъ проданной вещи ведетъ о ней процессъ съ третьимъ лицомъ: рѣшеніе обязательно для покупщика. 2) Отецъ замужней женщины ведетъ тяжбу объ имуществѣ, полученномъ ею отъ него въ приданое: рѣшеніе обязательно для мужа, владѣющаго этимъ имуществомъ. 3) Залогодатель вступаетъ въ процессуальный споръ съ третьимъ лицомъ, претендующемъ на право собственности въ заложенной вещи: рѣшеніе обязательно для кредитора-залогодателя. Основаніе настоящаго изъятія Macer указываетъ въ словахъ: quia ex voluntate ejus de jure et cett. Что Macer говоритъ здѣсь о молчаливомъ препорученіи, это не требуетъ доказательствъ. Cp. Binding, Arch. für civ. Praxis, 47 t. XIII. Толкованіе настоящаго мѣста см. также у Savigny Syst t. VI, 476—478; Keller Lit. Cont. 368—379; Brackenhöft, Identität et cett. 190 p.

ное оправданіе тяжолыхъ послѣдствій, которыя могутъ произойти для остальныхъ совладѣльцевъ, не учавствовавшихъ въ тяжбѣ. Несправедливость въ отношеніи къ послѣднимъ чувствовалась уже и Римскими юристами, и намъ извѣстно одно мѣсто изъ 5-й книги Marcian'а, гдѣ настоящее изъятіе изъ положенія: res judicata jus facit inter partes отвергается, какъ противное требованіямъ справедливости. «Si de communi servitute quis bene quidem deberi intendit, sed aliquo modo litem perdidit culpa sua, non est aequum hoc ceteris damno esse». L. 19 D. 8. 5.

Что касается практическихъ трудностей, могущихъ возникнуть изъ различныхъ приговоровъ объ одномъ и томъ же сервитутѣ [9]), то въ одномъ случаѣ, именно когда отыскивается сервитутъ на имѣніи, состоявшемъ въ нераздѣльномъ владѣніи нѣсколькихъ лицъ, уже самое различіе рѣшеній легко предупреждается другимъ путемъ: предъявленіемъ одного общаго иска ко всѣмъ совладѣльцамъ. Если же, напротивъ, отыскивается сервитутъ однимъ изъ сособственниковъ господствующаго имѣнія, то всѣ другіе, конечно, не могутъ быть вынуждены къ совмѣстному предъявленію иска; здѣсь, слѣдовательно, не устранима возможность различныхъ приговоровъ;—однако же практическія трудности, отсюда вытекающія, не таковы, чтобы ради ихъ можно было пожертвовать справедливостію въ отношеніи къ остальнымъ совладѣльцамъ. Сер-

9) На эти трудности въ особенности напираютъ нѣкоторые писатели, стараясь оправдать настоящее изъятіе. «...auszerdem entstünde auch eine ganz unlosbare Verwickelung, wenn es etwa zu verschieden lautenden Urtheilen Käme» говоритъ, напр., Kleinschrod, Proc. Cons. 194.

витуть, какъ и всякое иное имущественное право, подлежитъ денежной оцѣнкѣ, и намъ кажется всегда возможна денежная разверстка межъ сторонами, въ случаѣ столкновенія приговоровъ.

Третье и послѣднее изъятіе образуютъ процессы о Status, когда въ тяжбѣ принималъ участіе господинъ или патронъ того, кто утверждалъ, что онъ не рабъ по своему происхожденію (ingenuus), или что въ послѣдствіи получилъ свободу (libertinus) [10]). Рѣшеніе, состоявшееся по такому спору, имѣло силу абсолютную. Связанное съ существованіемъ рабства въ древнемъ Римѣ, настоящее изъятіе должно было изчезнуть вмѣстѣ съ разложеніемъ института рабства.

III.

ФРАНЦУЗСКОЕ ПРАВО.

Общее положеніе.

Выше мы видѣли, что въ основѣ французскаго гражданскаго судопроизводства лежитъ состязательное начало, и согласно этому Кодексъ Наполеона постановляетъ, что рѣшеніе суда по дѣламъ гражданскимъ обязательно только для сторонъ: «il faut... que la demande soit entre les memes parties, et formée par elles et contre elles en la même qualité» 1351 art [1]). Это правило су

---

10) См. L. 25 D. 1. 5. L. 14 D. 37. 14.

1) Намъ кажется, что настоящая статья, поскольку ею опредѣляется субъективная сторона законной силы, страдать излишнею полнотою редакціи. Послѣднія слова ея:

ствуетъ во Французскомъ законодательствѣ, однакоже, не безъ ограниченій. Изъятіе изъ него составляютъ процессуальные споры о привиллегіяхъ. Изъятіе.
По закону о привиллегіяхъ 5 іюля 1844 г., государственный прокуроръ (le ministere public) имѣетъ право, въ качествѣ интервента, принять участіе въ процессуальномъ спорѣ о привиллегіи, съ цѣлію уничтоженія ея; состоявшемуся въ этомъ случаѣ рѣшенію суда законъ усвояетъ абсолютную силу, если только рѣшеніемъ признана недѣйствительность привиллегіи. Будучи допущено въ интересахъ свободы промышленности, стѣсняемой учрежденіемъ привеллегій, настоящее изъятіе не простирается на рѣшенія, состоявшіяся въ пользу дѣйствительности привиллегіи. Такимъ образомъ, по справедливому замѣчанію Griolet, общее правило, выраженное въ 1351 art., здѣсь отмѣняется не болѣе, какъ на половину. Однакоже и въ такомъ ограниченномъ видѣ это исключеніе не можетъ выдержать критики. Въ самомъ дѣлѣ, если законодатель разъ допустилъ существованіе привиллегій, несправедливо уже преграждать путь къ новому процессу интересованнымъ лицамъ, не принимавшимъ участія въ прежней тяжбѣ; ибо эти лица, можетъ быть, представили бы новыя доказательства о дѣйствительности спорной привилле-

---

et formée par elles et contre elles en la meme qualité» ничего собственно не прибавляютъ къ тому, что̀ выражено въ предшествующихъ: «que la demande et cett. Въ самомъ дѣлѣ, они значатъ лишь то, что лицо, участвовавшее въ процессѣ въ *качествѣ представителя* (повѣреннаго, опекуна или попечителя), можетъ потомъ вести процесъ о томъ же правѣ отъ *своего собственнаго имени*. Но вѣдь это само собою вытекаетъ изъ опредѣленія, что рѣшеніе обязательно только для сторонъ, ибо представитель не есть сторона, напротивъ, самъ по себѣ, онъ есть лицо чуждое процессу и потому, естественно, рѣшеніе его не касается.

гіи, опущенныя прежнею стороною. Принципъ относительнаго значенія rei judicatae нарушенъ здѣсь совершенно произвольно.

Указанное изъятіе есть единственное, допускаемое Французскимъ законодательствомъ. Всѣ другія исключенія изъ 1351 ст., признаваемыя Французскими писателями, отчасти и практикою, не вытекая изъ внутренней необходимости, не имѣютъ въ тоже время никакой опоры и въ системѣ дѣйствующаго Французскаго права. Сюда принадлежитъ во 1-хъ, изъятіе, содержащееся, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей (Vazeille, Resumé sur les successions t. 1, 208 p., Boncenne, Theorie de la procedupe civ. t. 3, 332—333 p.), въ 800 ст. Cod. civ. [2]) Настоящая статья интерпретируется ими въ томъ смыслѣ, что если, по иску одного изъ кредиторовъ, судъ призналъ наслѣдника таковымъ *безусловно* (pur et simple), то рѣшеніе служитъ въ пользу всѣмъ остальнымъ кредиторамъ. Внутреннимъ основаніемъ къ такому распространенію законной силы служитъ, по мнѣнію названныхъ писателей, понятіе недѣлимости качества универсальнаго наслѣдника (Indivisibilité de la qualité d'heliter pur et simple). Но какъ справедливо замѣчаетъ Тулье [3]), если качество наслѣдника, взятое абстрактно, недѣлимо, ибо абстракція не имѣетъ частей, то права и обязательства, входящія въ составъ наслѣдства, однако же, вполнѣ дѣлимы. Съ другой стороны, если бы по мысли законодателя

---

2) Ст. 800: L'heritier conserve... la facultè de faire encore invaintaire et de se porter heritier beneficiaire, s'il n'a pas fait d'alleurs acte d'heritier, ou s'il n'existe pas contre lui de jugement passé en force de chose jugée, qui le condamne en qualité d'heritier pur et simple».

3) См. Le droit., t. 5, 203 p.

ст. 800 дѣйствительно должна была заключать въ себѣ изъятіе изъ общаго правила, выраженнаго въ 1351 art. то это изъятіе было бы ясно опредѣлено, между тѣмъ наша статья допускаетъ толкованіе, которое даетъ ей Тулье [4]) и которое вполнѣ примиряетъ ее съ общимъ положеніемъ, содержащимся въ 1351 ст.

2) По ученію нѣкоторыхъ Французскихъ писателей (Demolombe, Traité des contrats, t. 3, n- 372—373 p.; Toullier, t. 5, 171—172 стр.; Merlin, Questions de droit, v- Chose jugée § 18) сила рѣшенія, состоявшагося за или противъ одного солидарнаго вѣрителя или должника распространяется на всѣхъ остальныхъ, неучаствовавшихъ въ тяжбѣ, солидарныхъ кредиторовъ или должниковъ. Главнѣйшимъ аргументомъ, приводимомъ въ пользу настоящей доктрины, служитъ мнѣніе, что каждый солидарный вѣритель или должникъ есть представитель (mandataire) всѣхъ другихъ совѣрителей или содолжниковъ [5]). Такое мнѣніе однако же не

4) См. ibid. 201 p.

5) Защитники изложеннаго мнѣнія ссылаются, между прочимъ, на извѣстные тексты изъ Римскаго права, относящіеся собственно къ корреальнымъ обязательствамъ, но, по нашему мнѣнію, корреалитетъ составляетъ исключительную принадлежность Римскаго классическаго права, ибо во 1, существованіе его было связано съ особыми формами римскаго процесса, съ консумирующимъ дѣйствіемъ L. Cont. (Ср. и Bekker, Proc. Consumption, 214 p.); во 2), самая идея единства обязательства, какъ основаніе корреалитета, неизвѣстна новѣйшимъ законодательствамъ. Справедливо говоритъ Demangeat: «En droit francais, c'est une question delicate que de savoir si le debiteur solidaire represente en justice ses co-debiteurs, en sorte que la chose jugée pour ou contre lui serait jugée pour ou contre eux. Il parait naturel d'appliquer ches nous de preference, ce que les Romains decidaient au cas de debiteurs tenus in solidum: car l'idée de l'unité d'obligation, idée fondumentale en matiere de correalité, n'existe point, ches nous. Cit. 99 p. Not. 1,

оправдывается опредѣленіями дѣйствующаго Французскаго права и не имѣетъ, кромѣ того, основаній въ самой природѣ солидарнаго обязательства. Существо послѣдняго состоитъ въ томъ, что каждый вѣритель можетъ требовать *удовлетворенія сполна* (in solidum) и что каждый должникъ обязанъ *платить* также *сполна*. Такимъ образомъ, если возможно считать солидарнаго кредитора или должника представителемъ другихъ совѣрителей или содолжниковъ, то лишь въ отношеніи преслѣдованія или производства платежа. Поскольку каждый кредиторъ требуетъ платежа *свыше* своей части, или поскольку должникъ производитъ платежъ *свыше* своей доли, онъ является представителемъ всѣхъ другихъ совѣрителей или содолжниковъ. Но нѣтъ никакой необходимости предполагать, будто солидарный кредиторъ или должникъ препоручилъ каждому изъ совѣрителей или содолжниковъ вести вмѣсто него процессъ о самомъ существованіи долговаго обязательства. Въ этомъ отношеніи мы вполнѣ раздѣляемъ воззрѣніе Griolet (164 p.): «L'effet essentiel de la solidarité entre creanciers est de permettre á un seul des creanciers de poursuivre le paiement de toute la dette et, en le recevant, de liberer le debiteur. Chaque creancier est ainsi mandataire des autres quand il poursuit le paiement. «Le même raisonnement s'applique aux debiteurs solidaires. Cette solidarité ne comprend que le mandat reciproque d'etre poursuivi pour le tout et de payer la totalité de la dette». Эта точка зрѣнія усвоена и Кодексомъ Наполеона. Изъ сопоставленія ст. 1197 ст. 1365 и 1198 [6]) ясно от-

---

6) «L'obligation est solidaire entre plusieurs creanciers lorsque le titre donne expressement à chacun d'eux le droit de demauder le paiement du total de la creance, et que le paiement fait à l'un d'eux libere le debiteur». Art. 1197.

крывается, что каждый изъ солидарныхъ кредиторовъ разсматривается закономъ какъ представитель всѣхъ другихъ лишь въ разсужденіи требованія и полученія платежа, не болѣе. Такимъ образомъ, присяга, принятая должникомъ по предложенію одного изъ совѣрителей, освобождаетъ его (должника) отъ новаго взысканія по обязательству не болѣе, какъ въ размѣрѣ соотвѣтствующемъ доли этого кредитора. Тоже самое, если бы одинъ изъ кредиторовъ простилъ долгъ должнику: остальные могутъ требовать отъ него удовлетворенія по обязательству—за вычетомъ того лишь, что приходится на долю того кредитора. Ясно, что солидарный кредиторъ разсматривается здѣсь уже дѣйствующимъ отъ своего только имени, а не какъ представитель (mandataire) остальныхъ его кредиторовъ. Точно также и солидарный должникъ является въ глазахъ закона представителемъ другихъ содолжниковъ—поскольку производитъ платежъ свыше своей доли. Всѣ же другія дѣйствія, которыя онъ, по поводу обращеннаго на него взысканія, предпринимаетъ независимо отъ платежа, совершаются имъ отъ его только имени, и онъ одинъ несетъ отъ нихъ имущественный ущербъ [7]); самое рѣшеніе на другихъ не простирается [8]).

«Le serment deferé par l'un des creanciers solidaires au debiteur ne libere celui-ci que pour la part de ce creancier». Art. 1365 n. 2.

«La remise qui n'est faite que par l'un des creanciers solidaires, ne libere le debiteur que pour la part de ce creancier». Art. 1198.

7) «La transaction faite par l'un des interesses ne lie point les autres interesses, et ne peut etre opposée par eux» Art. 2051. Cod. Civ.

8) Cp. Aubry et Rau, Cours de droit civil francais, t. 4, 30 p. (4 Edit.).

3) При недѣлимости спорнаго предмета сила рѣшенія, по ученію нѣкоторыхъ писателей (Toullier cit., n- 206 и 207; Pothier, Traité des obligations, Section—de l'autorité de lu chose jugée, n-59) распространяется на всѣхъ другихъ интересованныхъ лицъ, неучаствовавшихъ въ тяжбѣ. Сюда относятъ именно процессуальные споры о сервитутахъ, а равно и тяжбы, возникающія изъ обязательствъ, недѣлимыхъ по своему предмету (напр. обязательство построить домъ). Но это воззрѣніе не находитъ себѣ никакой опоры въ дѣйствующемъ Французскомъ правѣ. Ст. 1221 Cod. civ., на которую ссылается Тулье, говоритъ лишь о томъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ, по *особому ли свойству предмета обязательства* или же въ силу особаго уговора сторонъ при заключеніи сдѣлки, кредиторъ въ правѣ не принимать *частичнаго* удовлетворенія отъ содолжника, привлеченнаго къ отвѣтственности по обязательству и обвиненнаго суд. приговоромъ, но отсюда, конечно, не вытекаетъ обязанности для другихъ содолжниковъ, при обязательствѣ недѣлимомъ, подчиняться рѣшенію, состоявшемуся противъ одного изъ нихъ, какъ это признаетъ Тулье. Что касается практическихъ затрудненій могущихъ возникнуть изъ различія рѣшеній о недѣлимомъ предметѣ, то способъ устраненія ихъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи недѣлимыхъ обязательствъ, указанъ самимъ закономъ: кредиторъ можетъ требовать отъ обвиненнаго содолжника выполненія цѣлаго обязательства, но онъ долженъ выплатить ему денежную сумму, соотвѣтствующую доли другихъ должниковъ, относительно коихъ состоялся оправдательный приговоръ [9]a) [9]b).

9a) «...Si l'un des heritiers a seul remis la dette ou recu le prix de la chose, son coheretier ne peut demander

4) Въ ученой Французской литтературѣ обращается также мнѣніе, что сила рѣшенія въ дѣлахъ о законномъ происхожденіи, простирается на всѣхъ другихъ интересованныхъ лицъ, не принимавшихъ участія въ процессѣ. «Les jugements rendus en matière d'etat, говоритъ Тулье (cit. n- 217), fixent irrevocablement le sort de celui pour ou contre lequel ils sont rendus. Ils ont contre tous et pour tous l'autorité de la chose jugée». Такое распространеніе законной силы допускается, однако же, въ томъ лишь случаѣ, если въ процессѣ участвовалъ legitimus contradictor. Это послѣднее понятіе одни ученые опредѣляютъ болѣе или менѣе общими признаками; такъ по Argentré [10]) законный противникъ есть лицо ближе всего и главнымъ образомъ заинтересованное въ дѣлѣ,—тотъ кому принадлежитъ въ немъ «le primitif et proche interet». Другіе пытаются точнѣе опредѣлить настоящее понятіе; такъ по Toullier legitimus contradictor есть отецъ, мать и дѣти, существующія во время открытія процесса; всѣ эти лица должны принимать участіе въ процессуальномъ спорѣ, дабы рѣшеніе могло имѣть для нихъ законную силу. *Но дѣти еще не родившіяся ко времени начатія иска обязаны подчиниться по-*

la chose indivisible qu'en tenant compte de la portion du coheretier qui a fait la remise ou qui a recu le prix». Art. 1224, Cod. Civ.

9b) Кассаціонная практика колеблется между различными воззрѣніями по настоящему вопросу: то она признаетъ, что рѣшеніе по иску о предметѣ недѣлимомъ обязательно только для сторонъ (Arret du 15 janvier 1839 г.), то слѣдуетъ противоположной доктринѣ Тулье и Потье, распространяя силу рѣшенія на третьихъ лицъ (Arret de rejet du 19 decembre 1832 г.

10) См. Avis sur les partages des nobles, quest. n- 7.

слѣдствіямъ состоявшагося противъ ихъ родителей приговора.—Все это однако же чисто произвольныя теоріи, не имѣющія корня въ Кодексѣ Наполеона. Въ этомъ послѣднемъ, напротивъ, независимо отъ 1351 art., мы находимъ слѣдующее опредѣленіе: [11]) «Le jugement de rectification (d'un acte d'etat civil) ne pourra, dans aucun temps, etre opposé aux parties interessées qui ne l'auraient point requis, ou qui n'y auraient pas eté appelées» (100 art.). Не находя себѣ никакой опоры въ положительномъ правѣ, подобныя теоріи о leg. contradictor въ высшей степени противорѣчатъ и чувству справедливости. Права̀ законнаго происхожденія до̀роги лицу, и невозможно допустить, чтобы кто либо другой, хотя бы даже родитель даннаго лица, свободно распоряжался этими правами и вмѣсто него велъ о нихъ судебный процессъ [12a]) [12b]).

---

11) «Рѣшеніе суда объ исправленіи акта гражданскаго состоянія никогда не можетъ служить во вредъ сторонѣ, не требовавшей этого исправленія и не призванной къ участію въ дѣлѣ».

12a) Нѣтъ сомнѣнія, что строгое примѣненіе положенія объ обязательности рѣшенія только для участвовавшихъ въ дѣлѣ сторонъ къ процессуальнымъ сторонамъ о законномъ происхожденіи должно вызвать на практикѣ извѣстныя затрудненія, но эти послѣднія не могутъ быть отнесены къ числу не побѣдимыхъ трудностей. Для примѣра укажемъ на одну изъ наиболѣе трудныхъ въ этомъ родѣ гипотезъ, которая, по нашему мнѣнію, вполнѣ удовлетворительно, однако же, разрѣшена французскимъ писателемъ Дюрантономъ. А провелъ успѣшно свой искъ о законномъ происхожденіи, предъявленный къ одному изъ двухъ братьевъ—В, и проигралъ тотъ же процессъ, начатый съ другимъ братомъ—С: какая доля принадлежитъ каждому изъ этихъ лицъ въ наслѣдствѣ, оставшемся послѣ ихъ родителей? С, по отношенію къ коему А не успѣлъ доказать свое законное происхожденіе, имѣетъ только одного брата—В и съ нимъ лишь дѣлитъ наслѣдство. Итакъ, С беретъ половину наслѣдства. Но

Остается упомянуть о двухъ изъятіяхъ, допускаемыхъ исключительно судебною практикою. По мнѣнію этой послѣдней, рѣшеніе, констатирующее существованіе вещнаго права, основаннаго на нотаріальномъ актѣ, вступаетъ въ законную силу въ отношеніи всѣхъ третьихъ интересованныхъ лицъ [13]). Точно также рѣшеніе, состоявшееся противъ предполагаемаго наслѣдника (heuitier apparent) или преполагаемаго собственника (proprietaire apparent) обязательно, по воззрѣнію прак-

---

В, относительно коего А доказалъ свой искъ, а равно и этотъ послѣдній (А) каждый имѣютъ по два брата. Имъ слѣдовательно приходилось бы по 1/3 или по 2/6 изъ наслѣдства, но остается и всего только 1/2 или 3/6 нераздѣленнаго наслѣдства. Очевидно, что А, вслѣдствіе потерянной имъ тяжбы съ С, долженъ получить менѣе, нежели В. Такимъ образомъ, В получаетъ 2/6, а А получаетъ 1/6. (Duranton, Cours de droit francais, t. 13, n- 527).

12b) Практика и здѣсь колеблется между противоположными воззрѣніями: то она слѣдуетъ правилу, что рѣшеніе по искамъ о правахъ состоянія обязательно только для сторонъ участвующихъ въ процессѣ (такъ, напр., въ одномъ кассаціонномъ рѣшеніи выражено: «que les droits de famille sont acquis aux enfants par le seul fait de la naissance en mariage legitime; que respectivement à ces droits, leurs auters ne peuvent ni les obliger par leur fait, ni les representer dans les instances où ces enfants n'ont pas eté personellement appelés»—Arret du 9 mai 1821; ср также Rej. 28 juin 1824—Dalloz, Rep. ch. j. n- 276); то распространяетъ силу рѣшенія на третьихъ лицъ, уступая вліянію доктрины Тулье и др. o leg. contradictor (такъ въ рѣшеніи отъ 6 іюля 1836 г. выражено «que de pareilles actions intentées, exercées et jugées avec les c o n t r a d i c t e u r s l e g i t i m e s, membres de la famille, sans dol et sans fraude au prejudice des tiers, fixent l'etat de la meme famille à l'egart de tous» см. S- 36, 1, 633).

13) См. Cass. 22 juin 1864,—4 julles 1857; 1-er fevrier 1865,—особенно 17 mars 1873—Bonnier, cit., t. 2, n- 508 bis.

тики, для дѣйствительнаго наслѣдника или собственника [14]). Оба эти изъятія, по совершенному отсутствію и внѣшнихъ (коренящихся въ авторитетѣ положительнаго законодательства) и внутреннихъ основаній къ ихъ существованію, не защищаются даже ни однимъ изъ французскихъ писателей.

III.

РУССКОЕ ПРАВО.

Обращаясь, наконецъ, къ отечественному праву, мы находимъ и здѣсь, согласно строго состязательному характеру нашего гражданскаго судопроизводства, ясно выраженнымъ положеніе, что рѣшеніе вступаетъ въ законную силу только въ отношеніи тяжущихся сторонъ (ст. 895 Уст. Гр. Суд.). Это правило имѣетъ въ нашемъ законѣ абсолютную силу, и никакія изъятія изъ него не имѣютъ мѣста. Законъ признаетъ, правда, рѣшеніе обязательнымъ для преемниковъ сторонъ, какъ общихъ (X т. 1 ч. 1258 и 1259 ст.), такъ и частныхъ, если послѣдніе пріобрѣли имущество *послѣ* открытія процесса (X т. 1 ч. 1392 ст.), но, согласно вышесказанному (стр. 100 и 111), здѣсь нѣтъ дѣйствительнаго изъятія изъ нашего правила. Иное дѣло, если бы сила рѣшенія была распространена закономъ на пріобрѣтателя, къ коему имущество перешло *ранѣе* начатія процесса (ср. выше стр. 115), но въ законѣ нѣтъ и слѣдовъ такого постановленія [1]). Кассаціонная практика, однако же, въ от-

---

14) См. Arret du 14 juin 1823—Dalloz n- 264; также—Arret du 16 juillet 1834,—3 mars 1829, 14 août 1840—Bonnier 2 t., 483 p.

1) Римское право, допускавшее таковое изъятіе изъ правила: res judicata jus facit inter partes, исходило изъ

ношеніи этого послѣдняго пункта крайне сбивчива и колеблется между различными воззрѣніями. То она признаетъ, что сила рѣшенія въ настоящемъ случаѣ не распространяется на пріобрѣтателя и что послѣдній всегда можетъ предъявить новый искъ о пріобрѣтенномъ правѣ къ бывшему противнику auктора [2]); то слѣдуетъ прямо противоположному воззрѣнію, находя, что пріобрѣтатель не въ правѣ вчинать новаго иска, а долженъ ходатайствовать объ отмѣнѣ рѣшенія, которое иначе для него обязательно [3]); то опять склоняется къ прежнему воззрѣнію, предоставляя самому пріобрѣтателю рѣшить—вчинать ли ему новый искъ, или же просить объ отмѣнѣ постановленнаго рѣшенія [4]).

Независимо отъ практики, ошибочныя представленія по вопросу о субъективныхъ предѣлахъ законной силы въ отечественномъ правѣ встрѣчаются и у нѣкоторыхъ ученыхъ юристовъ. Такъ Малышевъ [5]) полагаетъ, что «рѣшеніе о правѣ законнаго рожденія, постановленное въ дѣлѣ съ главою семейства, обязательно и для всѣхъ прочихъ членовъ семьи, потому что глава семейства есть legitimus contradictor по такимъ дѣламъ, какъ бы представитель интересовъ цѣлаго рода». Но вникая въ смыслъ статей (1348, 1352 Уст. Гр. Суд.), приводимыхъ въ пользу настоящаго мнѣнія, находимъ, что они совсѣмъ не относятся къ вопросу о

предположенія молчаливаго препорученія со стороны auктора пріобрѣтателю—быть его представителемъ на судѣ; но нашъ законъ не даетъ мѣста такому предположенію, требуя отъ представителя стороны довѣренности на ходатайство (ст. 263 п. 3. Уст. Гр. Суд.).

2) См. рѣшеніе Сен. по д. Арцыбашевой, 70 г. № 1401.

3) См. рѣш. по д. Кузмина, 70 г. № 1934.

4) См. рѣш. по д. Борисова, 73 г., 7 ноября (журналъ Гр. и Уг. права за 1875 г. мартъ—апрѣль).

5) См. Курсъ Гр. Судопр. 436 р.

субъективномъ объемѣ законной силы. На основаніи этихъ статей возможно, конечно, утверждать, что если мужъ матери ребенка оспариваетъ законное происхожденіе его, и судъ въ своемъ рѣшеніи признаетъ законнорожденность младенца, новый искъ о незаконномъ происхожденіи того же лица уже ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ мѣста—однако, не въ силу абсолютнаго авторитета состоявшагося рѣшенія, а потому, что *никто кромѣ мужа* матери ребенка (и, при извѣстныхъ условіяхъ—наслѣдниковъ мужа) *не имѣетъ права иска о незаконномъ происхожденіи его* [6]).

Точно также мы считаемъ ошибочнымъ мнѣніе, что сила рѣшенія по иску о недѣлимомъ предметѣ (напр. предіальномъ сервитутѣ) распространяется на всѣхъ другихъ интересованныхъ лицъ, не участвовавшихъ въ тяжбѣ [7]). Такое воззрѣніе не находитъ себѣ никакой опоры въ нашемъ законодательствѣ; недѣлимость же спорнаго предмета, сама по себѣ, не есть достаточное основаніе къ допущенію настоящаго изъятія изъ правила, выраженнаго въ 895 ст. [8]).

---

6) Ст. 1348 Уст. Гр. Суд.: «Законность младенца, родившагося при существованіи законнаго брака, оспаривать въ правѣ только мужъ матери его, причемъ онъ обязанъ доказать, что находился въ разлукѣ съ своею женою въ теченіе всего того времени, къ коему можно отнести зачатіе младенца.

Ст. 1352: «Если мужъ умеръ до рожденія младенца, или до истеченія предоставленнаго ему срока для начатія спора противъ законности рожденія, то право ничинать или продолжать сей искъ переходитъ къ наслѣдникамъ его по закону».

7) См. Побѣдоносцевъ, Суд. Руководство 92 p., а также Малышевъ, cit. 437 p.

8) Ср. выше стр. 117, 118 и 126.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЦЕХОВЪ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ.

Еще и въ настоящее время, время такихъ капитальныхъ общественныхъ реформъ, какъ реформа 19 февраля 1861 года, земская, судебная, наконецъ, преобразованіе городскаго устройства и управленія, существуютъ, какъ бы забытыя среди шума великихъ общественныхъ реформъ, такъ называемые *цехи* ремесленниковъ, это, поистинѣ странное, явленіе, совершенно чуждое историческому развитію нашей торговой-промышленной жизни. Ненормальность и странность ихъ, кажется, сознаны уже и самимъ правительствомъ, когда оно еще въ пятидесятыхъ годахъ образовало при Департаментѣ торговли и мануфактуръ Министерства финансовъ особую коммиссію для пересмотра фабричнаго и ремесленнаго уставовъ, послѣднему изъ которыхъ положено основаніе еще Петромъ Великимъ. Не смотря на это цеховыя корпораціи живутъ и доселѣ, едва ли для чего либо нужныя; живутъ, идя совершенно въ разрѣзъ съ современнымъ городскимъ устройствомъ и состояніемъ промышленности.

Это, чуждое нашей исторической жизни, явленіе занесено къ намъ, какъ я уже замѣтилъ, великимъ преобразователемъ общественно - государственной жизни нашего отечества, не обошедшимъ своимъ вниманіемъ ни одной, даже самой мелкой, стороны этой жизни. Прошло болѣе полутора-столѣтій со времени введенія цеховой организаціи нашихъ ремесленниковъ и однако она остается такимъ же чуждымъ, лишеннымъ почвы, явленіемъ, какимъ была въ день введенія ея Петромъ Великимъ.

Наша ремесленная промышленность если и ушла впередъ въ эти полтора столѣтія, то вовсе не благодаря «цунфтамъ» съ ихъ «альдерманами», а скорѣе *не смотря* на нихъ.

Гдѣ же причина такого страннаго явленія? Почему цехи не сжились съ промышленной жизнью, не вошли въ плоть и кровь ея; по чему они не оправдали надеждъ законодателя, полагавшаго, что «всякое о развитіи ремеслъ прилагаемое стараніе было бы тщетно и великія иждивенія употреблялись бы напрасно, коль долго ни одинъ цехъ въ надлежащую силу и состояніе приведенъ не будетъ»? Почему, наконецъ, не только осталась жива, но еще значительно ушла впередъ, наша ремесленная промышленность почти при полномъ фактическомъ бездѣйствіи тѣхъ. нормъ и уставовъ, «отъ нарушенія и малыми кажущихся артикуловъ» которыхъ, по мнѣнію Правительствующаго Сената должны были произойти самые печальные результаты для этой промышленности? Потому же, почему внѣшняя форма, чуждая данному тѣлу, никогда не можетъ существенно повліять на содержимое этого тѣла, такъ или иначе измѣнить его. Насильственное приспособленіе формы къ несродному съ ней тѣлу можетъ только стѣснить послѣднее въ его естественномъ ростѣ — *механически* видоизмѣнить его. Если это механическое видоизмѣненіе дойдетъ до полнаго раздробленія составныхъ частей тѣла, уничтоженія всякой связи между ними — тѣло перестаетъ физіологически жить. Если дѣло не доходитъ до этого — жизнь организма продолжается *не смотря* на приданную ему форму, которая только такъ или иначе замедляетъ ростъ его. Наши цехи играли и играютъ роль такой, неубившей ремесленной промыщленности, формы.

Но вѣдь Великій преобразователь переносилъ эту организацію въ свое отечество не какъ слѣпой,

безсознательный заимствователь. Онъ видѣлъ современное ему состоянiе ремесленной жизни въ западно-европейскихъ городахъ, онъ зналъ, что цеховая организацiя этой жизни существовала тамъ не одно столѣтiе. Онъ глубоко былъ убѣжденъ, что эти два факта общественной жизни — въ непосредственной связи: сравнительно высокое развитiе ремесленной промыщленности того времени казалось ему исключительно результатомъ цеховой организацiи ремесленнаго населенiя городовъ и только ей одной. Такого взгляда на значенiе западно-европейскихъ цеховъ держалась и его преемница — Екатерина II; его держались и многiе государственные дѣятели того времени, и частныя лица.

Петръ Великiй упустилъ изъ виду, что современныя ему западно-европейскiя государства относились къ цехамъ ремесленниковъ какъ-то странно: въ извѣстномъ отношенiи, *однѣ стороны* организацiи онѣ поощряли, прилагали даже къ новымъ ремесламъ, другiя же, напротивъ преслѣдовали, уничтожали. Это, такъ сказать, двоякое отношенiе государства XVII ст. къ цехамъ — совершенно понятно. Цехи, какъ естественно — историческое явленiе западно-европейской общественно-государственной жизни, имѣли дѣйствительно *двоякiй* характеръ: это была въ одно и тоже время организацiя и промышленно - экономичнская и *политическая.* Цехъ былъ и факторомъ экономической жизни и элементомъ государственнымъ средневѣковой феодальной жизни. Вторая сторона, политическая, *всегда* преобладала въ цехахъ до XVII ст. Первая т. е. экономическая, стояла всегда на второмъ планѣ: она играла роль средства къ достиженiю цехами политическаго значенiя, значенiя активнаго фактора средневѣковой государственной жизни. Въ извѣстный перiодъ развитiя цехи, какъ увидимъ, становятся даже прямо во враждебныя отношенiя къ развитiю про-

мышленности. Такой характеръ ихъ обусловливался складомъ естественно-исторической жизни западно-европейскаго феодальнаго государства. Они — такое же явленіе феодальнаго строя западно-европейскаго государства, какое представляетъ собою, напр, феодальная поземельная система. Они должны были пасть вмѣстѣ съ паденіемъ феодальнаго строя, какъ существенный элементъ его. Цеховая организація не только чужда, но и *враждебна* всякому свободному развитію прошышленности. Коммиссія, назначенная гамбургскимъ обществомъ для поощренія художествъ и полезныхъ ремеслъ изслѣдованія причинъ, препятствующихъ развитію ремеслъ и улучшенію положенія ремесленниковъ въ Гамбургѣ, пришла къ заключенію, что еслибы, по извѣстнымъ вѣтвямъ промышленности, существовали до сихъ поръ цехи, то городу не пришлось бы узнать многихъ удобствъ современной цивилизованной жизни.

Но обратимся къ посильному очерку исторіи цеховъ въ западной Европѣ.

Глава 1-

Возникновеніе цеховъ.

Въ высшей степени трудно, почти невозможно, установить точное понятіе цеха, такое понятіе, подъ которое можно было бы подвести цехъ въ каждый моментъ его историческаго существованія. Какъ всякое явленіе соціальной жизни, цехи, во весь періодъ ихъ существованія, начиная съ момента возникновенія, кончая настоящимъ временемъ, представляютъ собою явленія далеко не подобныя: едвали можно найти два момента, отстоящіе другъ отъ друга на извѣстномъ разстояніи, въ которые

цехи представляли бы собою совершенно тождественныя явленія. Они постоянно видоизмѣняются. Поэтому, если мы дадимъ формулу для опредѣленія понятія цеха, мы въ сущности дадимъ опредѣленіе этого понятія въ какой либо данный моментъ его историческаго развитія, т. е. составимъ соверщенно ложное цонятіе о немъ въ остальные моменты его существованія. Отсюда, чтобы получить о цехѣ ясное, и точное понятіе, необходимо прослѣдить всѣ періоды историческаго развитія этого явленія общественной жизни феодальнаго строя.

Разумѣется, можно дать понятію цеха такую схему, которая будетъ содержать въ себѣ самыя основныя черты этого явленія, свойственныя ему на всѣхъ ступеняхъ его развнтія. За такую схему можно принять слѣдующее опредѣленіе цеха: ***цехъ есть общество, союзъ свободныхъ людей, занимающихся однимъ и тѣмъ же промысломъ.*** Имѣя въ виду эту схему, время возникновенія цеховъ eo ipso приходится отнести къ извѣстному періоду исторической жизни народа, періоду въ который уже существуютъ условія, причины необходимо вызывающія это явленіе къ жизни, условія не только поддерживающія это явленіе, но и содѣйствующія его развитію.

Такимъ періодомъ жизни общества необходимо долженъ быть періодъ извѣстной степени развитія тѣхъ или иныхъ видовъ промышленности, вопервыхъ, вовторыхъ,—такой періодъ взаимныхъ отношеній, отдѣльныхъ общественныхъ единицъ, группъ, въ которомъ стало возможнымъ существованіе ***свободнаго класса*** людей, занимающихся промыслами. Общество, союзъ, возможны какъ живое, органическое явленіе жизни лишь при условіи личной свободы отдѣльныхъ индивидовъ, входящихъ въ составъ его.

Такъ понимаемый цехъ немогъ существовать въ Европѣ ранѣе опредѣленнаго времени. Это время есть время появленія *свободнаго* торгово-промышленнаго населенія въ городахъ—конецъ XJ и начало XJJ столѣтія [1]) До этого времени промышленность западно-европейская находилась еще въ зачаточномъ состояніи; человѣкъ, добывавшій себѣ средства къ жизни исключительно какимъ либо ремесломъ, не былъ еще человѣкомъ свободнымъ. Не сложныя потребности горсти свободныхъ людей удовлетворялись рабами этихъ свободныхъ; рабы обработываютъ землю, они же обдѣлываютъ сырой матеріалъ добытый, изъ послѣдней. Рабы каждаго собственника дѣлились на рабовъ земледѣльцевъ и рабовъ ремесленниковъ. Съ постепеннымъ развитіемъ и усложненіемъ ремеслъ, трудъ необходимо спеціализируется: ремесленники—рабы распадаются на отдѣльныя группы, изъ которыхъ каждая занимается своимъ ремесломъ. Соотвѣтственно тому и самое управленіе многочисленными рабами—ремесленниками должно было измѣниться, сильно усложнившись. Рабы-ремесленники дѣлятся на группы, какъ я замѣтилъ только что, по характеру ремеслъ, которыми занимаются; во главѣ каждой группы, общины, стоитъ особое должностное лицо, по назначенію владѣльца (MAGISTER VEL—ACTOR) [2]). Это, такъ сказать, административное устройство крѣпостныхъ ремесленниковъ *по формѣ* представляетъ много сходства съ развившимися впослѣдствіи цехами свободныхъ ремесленниковъ; но сходство ограничивается только формой: общаго между тѣми и другими общинами въ сущно-

---

[1]) Otto Gierke J. 244 и—сл. Julio Brentano: Lur Gesch. der Enge Gewerkv. 40.

Maurer: JJ. 356: относитъ къ 12 ст., времени крестовыхъ походовъ. Levasseur. J. 192—193; Mascher. 81 и сл.

[2]) Maurer: JJ, 321—330; Mascher. 60. J. Brentano: 36—37.

сти, въ началѣ, на которомъ каждая изъ нихъ покоилась, небыло ничего. Группа крѣпостныхъ ремесленниковъ имѣла своимъ связующимъ элементомъ начало общей зависимости, подчиненности, начало, если можно такъ выразиться *неволи*; болѣе внутренней, живой связи между ними не было. Вотъ почему нельзя согласитьоя съ тѣми изслѣдователями, которые свободные цехи ремесленниковъ, сложившіеся послѣ XII ст., считаютъ ничѣмъ инымъ, какъ порожденіемъ ремесленныхъ общинъ несвободныхъ, въ этихъ послѣднихъ видятъ корень цеховъ [1]. Можно сомнѣваться даже въ такомъ *формальномъ* вліяніи организаціи несвободныхъ ремесленниковъ на цехи свободныхъ; послѣдніе могли вылиться въ тѣже формы путемъ самостоятельнымъ совершенно, какъ выробатываются одинаковыя соціальныя явленія въ средѣ различныхъ народностей, не имѣвшихъ между собою никакихъ сношеній, могшихъ быть причиной взаимныхъ вліяній этихъ народностей [2]. Нельзя отрицать того факта, что немалая часть свободныхъ цеховъ образовалась путемъ освобожденія крѣпостныхъ ремесленниковъ; но изъ этого всетаки еще не слѣдуетъ, что свободные цехи образовались изъ несвободныхъ ремесленныхъ общинъ. Это можно было-бы допустить лишь въ томъ случаѣ, еслибы до освобожденія крѣпостныхъ ремесленниковъ всѣ ремесла, вся промышленность, были исключительно въ рукахъ, какъ думали это до Эйхорна, этихъ несвободныхъ. Но на самомъ дѣлѣ это было не такъ. Свободные, занимающіеся ремеслами,

---

[1]) Arnold. J. 250—251.

[2]) Едвали можно, въ виду этого, согласиться съ положеніемъ Маурера, что цехи произошли отчасти изъ крѣпостнаго права, отчасти изъ свободныхъ общинъ. Эта мысль можетъ быть справедлива лишь въ томъ смыслѣ, что часть ремесленниковъ образовавшихъ свобсдные цехи, *вышла* изъ среды крѣпостныхъ.

должны были существовать съ самаго момента основанія городовъ. Ихъ число было ничтожно, они, такъ сказать, тонули въ классѣ несвободныхъ; но они существовали, число ихъ постепенно увеличивалось. Они-то положили зачатки свободнымъ цехамъ, которые уже впослѣдствіи приняли въ себя новый элементъ, элементъ несвободный, который и обновился въ нихъ.

Никакъ не болѣе, если еще не менѣе, чѣмъ несвободными корпораціями, сдѣлано было въ исторіи возникновенія промышленныхъ цеховъ, остатками, какъ обыкновенно выражаются, древней римской цивилизаціи. Романисты, объявившіе возникновеніе городской общинной свободы возрожденіемъ римской муниципіи въ средневѣковомъ городѣ, хотятъ видѣть и въ цеховомъ строѣ промышленнаго населенія этихъ городовъ ничто иное, какъ возрожденіе римской организаціи промышленныхъ классовъ, римскихъ collegia opificium [1]) Если даже предположить, что эти collegia opificium представляли явленіе классической спеціальной жизни совершенно однородное съ средневѣковыми цехами и гильдіями, то и въ такомъ случаѣ противъ ихъ вліянія на происхожденіе послѣднихъ можно представить тѣже самые доводы и соображенія, которые представляются противъ теоріи происхожденія городскаго общиннаго строя изъ римской муниципальной организаціи; но они не могли имѣть этого вліянія на цехи, если бы даже, дѣйствительно сохранились подъ развалинами городовъ до XII столѣтія; не могли имѣть его по той же принѣ, что и ремесленныя корпораціи крѣпостныхъ: римскія collegia opificium имѣли своимъ началомъ, какъ

---

[1]) Этотъ взгядъ поддерживали всѣ писатели, производившіе общинное устройство средневѣковаго города изъ римской муниципіи.

и несвободныя корпораціи крѣпостныхъ — начало *подчиненности*, зависимости, хотя уже не частной а *государственной*: со времени Константина Великаго COLLEGIA OPIFICIUM обратились въ NECESSARIUM CORPUS — оффиціальное административное учрежденіе, сдѣлавшись, по выраженію *Эмиля Лорана*, (LE PAUPERISME ET LES ASSOCIATIONS DE PRÉVOYANCE) „мѣстами зачлюченія, въ которыхъ ремесленниковъ приковывали къ опредѣленному ремеслу, какъ куріаловъ къ ихъ куріи.“ [1].)

Промышленные цехи, говоря языкомъ Вильды, вышли *«не изъ подчиненности и зависимости промышленнаго класса, а изъ его свободы»*, путемъ сознанія извѣстныхъ потребностей, необходимости удовлетворенія этихъ потребностей. Они явились есте-

---

[1]) Плутархъ приписываетъ Нумѣ раздѣленіе римскихъ ремесленниковъ на отдѣльныя корпораціи—SODALITIA, за которыми XII таблицъ признали право самостоятельно регулировать свои отношенія, издавая уставы; съ развитіемъ рабства SODALITIA падаютъ; государство преслѣдуетъ ихъ, видя въ нихъ враждебный себѣ элементъ. ALEXANDRE SEVERE организуетъ снова свободныхъ ремесленниковъ въ SODALITIA, многія изъ которыхъ, въ виду обезпеченія римскому населенію продовольствія, ставятся почти въ крѣпостную зависимость отъ государства; крѣпостными же государства являются и корпораціи работниковъ государственныхъ промышленныхъ предпріятій; ремесло было обязательно наслѣдственнымъ. Немногія ремесленныя COLLEGIA не закрѣпощенныя государству, подобно первымъ двумъ, всетаки покоились на началѣ *несвободы:* въ концѣ императорскаго періода ихъ организація совершенно одинакова была съ организаціей куріи. *Внѣшнія формы* этой организаціи имѣютъ много сходнаго съ формами цеховой организаціи: они представляли собою корпораціи, обладавшія собственностью, имѣли своихъ собственныхъ боговъ, отдѣльные алтари, собранія и празднества. Главы корпораціи—DUUMVIRI ET QUATVORVIRI. — избирательны. LEVASSEUR J. 1—78; EM. LAURENT J, LE PAUP. ET LES ASS. DE PRÉV. 123—127. MASCHER: 20—25. HEGEL: GESCH. DER STAEDTEVERF. IN ITALIEN.. I 53—57.

ственнымъ и самобытнымъ результатомъ развитія въ этой жизни духа *единенія*, духа *общности*. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Отто Гирке, что внутреннее основаніе нѣмецкихъ свободныхъ общинъ лежало ни въ чемъ другомъ, какъ въ народной автономіи, народномъ самоуправленіи (Selbsthülfe).[1]) Это стремленіе народныхъ элементовъ сплачиваться въ отдѣльныя общины вызывалось отсутствіемъ въ средневѣковомъ обществѣ прочнаго начала власти, которое могло бы сплотить всѣ отдѣльные элементы этого общества въ одно цѣлое; этотъ духъ единенія явился какъ противоположный полюсъ другаго полюса общественной жизни—полной индивидуальности. Цехъ—ничто иное, какъ одна изъ формъ проявленія взаимнаго отношенія этихъ двухъ полюсовъ. Сначала всѣ общественно-индивидуальныя цѣли достигались путемъ естественно выросшихъ общеній: семья, родъ, марка, гау, народъ одинаково удовлетворяли, какъ политическимъ, такъ и религіознымъ, какъ правовымъ, такъ и нравственнымъ потребностямъ своихъ членовъ. Съ постепеннымъ ростомъ народа этихъ видовъ общеній стало недостаточно для удовлетворенія усложнившимся потребностямъ его общественной жизни, которая вызываетъ на смѣну отжившимъ формамъ новую форму общенія, основанную на началѣ соединенія власти въ лицѣ *одного*, на началѣ господства одного, свободно избираемаго изъ среды всѣхъ. [2]) Когда въ свою очередь и это начало перестало достигать тѣхъ цѣлей, насущная потребность удовлетворенія которыхъ вызвала его къ жизни, все тотъ же, не умершій духъ народной автономіи вызываетъ къ жизни новыя формы общенія для удовлетворенія новыхъ потребностей. Временемъ появленія этихъ

---

[1]) Das deuts. Genos. S. 226.

[2]) Отто Gierke. S. 229.

новыхъ формъ общенія было время отживанія старыхъ общественно-родовыхъ связей [1]; въ первое время новое начало только, такъ сказать, привходитъ въ начало отживающее: къ прежней *основѣ* естественныхъ, какъ ихъ называетъ Гирке, общеній поземельной собственности присоединяется новая *основа—личность*, которая постепенно ее вытѣсняетъ. Промышленные цехи—торжество этого новаго начала. [2]).

---

[1]) Ibid. 224.

[2]) Стремленіе нѣмецкихъ ученыхъ каждое явленіе соціальной жизни разсматривать исключительно какъ юридическій институтъ и константировать между всѣми явленіями этой жизни историческую преемственность, породило въ германской литературѣ массу теорій, имѣющихъ цѣлью объяснить происхожденіе цеховъ какъ *юридическаго* института. Я говорилъ уже о теоріи, производящей этотъ институтъ изъ института *несвободныхъ* ремесленныхъ корпорацій первыхъ столѣтій средневѣковой исторіи. Ученые, производящіе цехи изъ начала *личной свободы* согласны между собою только въ этомъ основномъ началѣ, въ развитіи же его, въ постепенной преемственности институтовъ на немъ основанныхъ согласія уже не существуетъ. Одни устанавливаютъ преемственную связь между цехами и *языческими* народными собраніями для жертвоприношеній и вообще религіозныхъ празднествъ; другіе видятъ начало ихъ въ древнихъ христіанскихъ и церковныхъ институтахъ; третьи хотятъ видѣть въ нихъ проявленіе или развитіе товариществъ, братствъ древнихъ скандинавскихъ героевъ (См. у От. Gierke. I. 222). Wilda въ своей книгѣ Das Deutsche Gildewesen im Mittelalter, чтобы объяснить происхожденіе цеховъ, комбинируетъ оба начала: языческое и христіанское. Зародыши гильдій и цеховъ онъ видитъ въ указываемомъ Тацитомъ важномъ значеніи у германцевъ пировъ всякаго рода; онъ видитъ эти зародыши во всякаго рода собраніяхъ родственниковъ и друзей по поводу радостныхъ и печальныхъ событій (стр. 4—8); онъ видитъ ихъ въ собраніяхъ для общественныхъ жертвоприношеній, съ которыми совпадало время суда и обмѣна произведеніями (8 и 10). Эти зачатки, зародыши развиваются въ цѣлое—гильдіи лишь подъ вліяніемъ христіанскаго элемента. Такъ что въ гильдіяхъ про-

Отъ свободнаго личнаго соглашенія, какъ на-

являются древне-германскіе пиры, въ ихъ христіанской, если можно такъ выразиться, переработкѣ (28 и 92); христіанское начало братской любви служило здѣсь цементомъ для древне-языческихъ общеній (92). Собственныхъ словъ Wilda объ отсутствіи въ разсматриваемыхъ имъ языческихъ собраніяхъ ,,болѣе тѣсной братской связи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова" (28) достаточно совершенно для того, чтобы усомниться въ томъ значеніи этихъ собраній въ исторіи происхожденія цеховъ, какое онъ имъ придаетъ; видя въ нихъ, такъ сказать, отдѣльныя части постройки, ея матеріалъ, Wilda значеніе цемента, скрѣпляющаго эти части, видитъ, какъ только что было замѣчено, въ христіанскомъ началѣ братской любви къ ближнему. Но онъ самъ говоритъ, что несомнѣнные слѣды общеній, основанныхъ на этомъ началѣ, являются лишь съ того времени, когда христіанство пустило **глубокіе корни** во всей германской Европѣ. (90) Едвали можно согласиться съ мыслью, что великій принципъ христіанской религіи, принципъ братской любви къ ближнему, пустилъ такіе глубокіе слѣды, о какихъ говоритъ Wilda, къ концу XI столѣтія.

Извѣстный историкъ **Зибель** (см. у **Гирке** I. 222) видитъ въ цехахъ ничто иное, какъ остатки **родоваго быта;** близко къ этому мнѣнію подходитъ изслѣдователь исторіи англійскихъ ремесленныхъ корпорацій—Brentano—въ своемъ сочиненіи Zur Geschishte der engl. Gewerkvereine. Этотъ ученый прототипъ (Urtipus) цеховой организаціи видитъ въ древне-германской семьѣ, ,,изъ которой въ послѣдствіи времени, на извѣстной степени цивилизаціи, необходимо выработалась промышленная ассоціація" (5). Онъ основываетъ свою мысль на томъ неоспоримомъ фактѣ, что древняя семья была общеніемъ, какъ онъ выражается ,,всеобщаго значенія", т. е. охватывала собою всѣ отдѣльныя стороны индивидуальной жизни человѣка, общеніемъ, въ которомъ эти стороны только и могли свободно развиваться. Описавъ на основаніи данныхъ, собранныхъ у **Вайтца**, въ его Verfassungsgeschichte первоначальную семью, авторъ сравниваетъ эту семью съ описанными, въ нѣкоторыхъ статутахъ, гильдіями англійскихъ городовъ; Abbotsburg, Exeter и Cambridge, и находитъ, въ результатѣ этого сравненія, что всѣ позднѣйшія гильдіи только подражали семьѣ, копировали ее (5—6). Въ семьѣ гильдія существуетъ, какъ выражается авторъ, ,,въ своей высшей возможности" (7.).

чала, на которомъ покоится цехъ, какъ общественный союзъ, необходимо отличать причины, вызвавшія дѣйствіе этого начала, побудившія отдѣльныхъ индивидовъ сплотиться въ одно цѣлое. Эта причина, какъ я уже сказалъ—въ отсутствіи прочной общественной власти, настолько сильной, чтобы держать всѣ элементы общества, ее выработавшаго въ равновѣсіи «Постоянно увеличивавшаяся борьба «въ стѣнахъ городовъ и связанные съ нею безпо«рядки, говоритъ Мауреръ, были первымъ поводомъ «къ образованію свободныхъ цеховыхъ общеній» [1]. Эта борьба различныхъ элементовъ городскаго населенія поставила, продолжаетъ тотъ же ученый, свободное промышленное населеніе городовъ, пожалуй, даже въ болѣе беззащитное положеніе, чѣмъ крѣпостныхъ ремесленниковъ, защитникомъ которыхъ являлся ихъ владѣлецъ. Свободнымъ ремесленникамъ оставалось, навыборъ, одно изъ двухъ: или стать подъ защиту какого либо патрона, достаточно сильнаго, чтобъ дать имъ защиту, и такимъ образомъ обратиться въ полукрѣпостное состояніе; къ этому средству должны были прибѣгнуть, напр., наиболѣе недостаточные и беззащитные ремесленники Стразбурга [2]. Большинство же избрало другой путь, путь объединенія въ свободныя, самостоятельныя общества. Само собою понятно, что время образованія каждаго отдѣльнаго цеха обусловливалось состояніемъ, степенью развитія того промысла, которымъ занимались его отдѣльные члены. Отсюда, самыми древними промышленными союзами были гильдіи купцовъ, занимавшихся по преимуществу внѣшней торговлей. Изъ собственно же ремесленныхъ цеховъ, самымъдревнимъ всюду является

[1]) II 355.

[2]) Ibid.

цехъ *ткачей* [1]). Причины, вызвавшія цеховыя общенія, обусловливали собою самый характеръ вызваннаго ими явленія. Первоначальные цехи не были союзами исключительно ремесленными по цѣлямъ, которыя они преслѣдовали; они являлись таковыми лишь по своему составу: они состояли исключительно изъ ремесленниковъ, занимающихся однимъ и тѣмъ же ремесломъ [2]). Явившись какъ средство самозащиты промышленнаго городскаго населенія противъ нарушенія его общечеловѣческихъ и гражданскихъ правъ, ихъ организація не могла быть выработанной исключительно въ видахъ промышленныхъ: она не должна была игнорировать ни одного изъ этихъ правъ, ни одной изъ сторонъ, въ которой проявляются эти права. Цехи обнимали собою, какъ выражается Гирке, *всего человѣка*, который въ нихъ и только въ нихъ однихъ находилъ удовлетвореніе всѣмъ своимъ потребностямъ: религіознымъ, нравственнымъ, юридическимъ и даже политическимъ; однимъ словомъ, ихъ назначеніемъ «было достиженіе всѣхъ человѣческихъ цѣлей». При этомъ само собою понятно, что та *потребность*, которая послужила *ближайшимъ поводомъ* къ образованію союза eo ipso стоитъ на первомъ планѣ, однако это преобладаніе не простиралось до того, чтобы заслонить собою всѣ остальныя стороны. Въ данномъ случаѣ такою преобладающею стороною являлась сторона промышленная [3]).

---

[1]) Maurer II. 357 — 360. Brentano: 98. Этотъ фактъ имѣетъ мѣсто не въ одной Германіи, но и въ Англіи, во Франціи и Брабантѣ, въ Рейнскихъ городахъ.

[2]) Levasseur. I 195,

[3]) Гирке говоритъ, что въ концѣ концовъ каждое общеніе являлось тѣмъ, что теперь представляютъ общины и государство. I. 228. Ср. Mascher 146.

Глава II.

Организація первоначальныхъ цеховъ.

Первоначальный цехъ представлялъ собою ***во-первыхъ***, союзъ братскій, какъ указываютъ самыя названія союза — FRATERNITAS, CONFRATERNITAS, даже UNANIMITAS [1]), BRUDERSCHAFT, EINIGUNG, INNUNG,—понѣмецки [2]); ***вовторыхъ***, это былъ союзъ, основанный ***на свободномъ соглашеніи*** членовъ, его составляющихъ [3]). Эта черта цеховыхъ корпорацій составляетъ ихъ характеристическую черту, отличающую эти корпораціи отъ несвободныхъ корпорацій владѣльческихъ ремеслениковъ. Иначе быть немогло, такъ какъ самою ***цѣлью*** основанія цеховъ было стремленіе ***сохранить*** свободу отдѣльнаго лица отъ нападенія силы, охранить свободу какъ личную, такъ и имущественную. Эта характеристическая черта и составляла въ глазахъ враговъ цеховъ самую ненавистную черту: она дѣлала цехъ опаснымъ учрежденіемъ въ глазахъ этихъ враговъ. Это былъ образецъ въ глазахъ какъ ремесленниковъ, состоящихъ еще въ крѣпостной зависимости, такъ и тѣхъ, которые, подобно стразбургскимъ сапожникамъ и портнымъ, состояли подъ покровительствомъ патроновъ. Въ этой чертѣ цеховаго устройства видѣли политическую грозу; благодаря ей, какъ справедливо замѣчаетъ ***Гирке***, цеховъ боялись не только какъ ***средства*** къ достиженію самостоятельности, но какъ учрежденій, уже достигшихъ этой самостоятельно-

---

1) MAURER II. 963. Нантскій соборъ называетъ гильдіи COLLECTAE, VEL CONFRATRIA, QUAS CONSORTIA VOCANT. GIERKE: I. 226 п. 8. Члены — FRATRES; ZUNFTBRUDER. MAURER. II. 966.

2) IBID.

3) LEVASSEUR I. 195: LE CORPS DE MÉTIER ÉTAIT UNE INSTITUTION LIBRE. GIERKE. I. 245 и 959 MAURER. II 981.

сти. Наконецъ, *въ третьихъ*, цехи были учрежденіями *промышленными по преимуществу.*

Понятно само собою, что промышленная сторона, какъ *главная* цѣль, какъ *поводъ* къ самому образованію цеховъ, играетъ *главную роль* и въ самомъ внутреннемъ устройствѣ, внутренней организаціи ихъ. Въ силу начала *свободы*, на которомъ основывался вначалѣ цехъ, въ него могъ вступить *всякій свободный* [1]) *ремесленникъ*, занимающійся даннымъ ремесломъ. Вступая въ цехъ, ремесленникъ долженъ былъ дать клятву [2]) — что выразилось и въ самомъ названіи цеховъ; часто ихъ называли Eidgenossenshaft— conjurationes, promissiones [3]) — помогать другъ другу, защищать другъ друга, соблюдать всѣ постановленія цеховъ. Члены цеха должны были, какъ выражается статутъ вецларскаго цеха кузнецовъ — «радость и горе дѣлить» [4]). Эта клятва вытекала, какъ неизбѣжный, логическій результатъ, изъ автономіи цеха.

Такъ какъ занятіе даннымъ ремесломъ составляетъ единственное средство къ жизни отдѣльныхъ членовъ цеха, такъ какъ цехъ имѣетъ цѣлью охранять въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи своихъ членовъ, то, понятно, что одною изъ главныхъ обязанностей его является забота о томъ, чтобы никто изъ членовъ не нарушалъ нравственно-экономическаго кредита цеха въ глазахъ потребителей, чтобы производство совершалось каждымъ изъ членовъ цеха вполнѣ «добросовѣстно и законно». Это было девизомъ каждаго цеха. Отсюда, какъ неизбѣжный результатъ, вытекаетъ, такъ сказать, *ремесленная полиція* цеха; надзоръ его, какъ обще-

---

1) Только *свободный* Maurer II. 448.

2) Massher. 145.

3) Maurer: II. 363.

4) Ibid. 412.

ства, чрезъ своихъ органовъ, за производствомъ каждаго изъ членовъ; отсюда и болѣе или менѣе подробная регламентація самого производства цеховыми статутами [1]); отсюда же вытекаютъ постановленія объ обученіи ремеслу и пріемѣ въ члены цеха. Понятно, что въ виду такой цѣли цехъ можетъ принять въ свою среду лишь того, чья опытность въ ремеслѣ такъ или иначе доказана. Каждый будущій членъ цеха долженъ сначала выучиться ремеслу этого цеха у опытнаго уже ремесленника, самостоятельнаго члена цеха. Каждый ремесленникъ проходитъ сначала школу ученика, отношенія котораго къ мастеру, своему учителю, цеховые статуты опредѣляютъ подробно. Въ ученики цеха принимался далеко ***не всякій*** мальчикъ; цехъ, охранявшій и нравственную сторону своихъ членовъ, допускалъ принимать въ ученики лишь дѣтей такъ называемаго ***честнаго*** происхожденія, т. е. такихъ, которые происходили отъ свободныхъ и честныхъ родителей, состоявшихъ въ законномъ бракѣ; причемъ въ первое время понятіе честнаго рожденія понималось очень широко: ребенокъ не считался ребенкомъ честнаго происхожденія, если онъ, напр., былъ сыномъ пастуха, могильщика, ночнаго сторожа [2]). Выдержавъ съ успѣхомъ Ahnenprobe, какъ выражается Мауреръ, мальчикъ принимается въ ученики и входитъ въ составъ семьи своего хозяина—учителя. Число лѣтъ пребыванія въ ученикахъ обусловливалось въ первое время, разумѣется, только ***сложностью*** и трудностью даннаго ремесла, и потому не было одинаковымъ въ различныхъ цехахъ [3]). Самый пріемъ въ ученики не предоставлялся исключительно усмотрѣнію ремесленника и родителей, а со-

---

1) Levasseur I. Liv. III, ch. V. Brentano: 52.

2) Мауреръ II. 447—448 Wilda. 929—930.

3) Levasseur I. 227. Brentano: 51.

вершался подъ надзоромъ представителей цеховъ и всегда въ общемъ собраніи цеха [1]). Приэтомъ за ученика вносилась его родителями или родственниками опредѣленная, очень скромная, сумма денегъ [2]). Въ первое время существованія цеховъ число учениковъ, живущихъ въ семьѣ ремесленниковъ, было не ограничено [3]). Въ первое время существованія цецовъ едва ли можно предполагать среднее состояніе между состояніемъ ученика и состояніемъ мастера, т. е. члена цеха; отсутствіе этого состоянія можно объяснить самымъ характеромъ ремеслъ, обыкновенно не требовавшихъ еще затраты большихъ капиталовъ, дорогихъ и сложныхъ инструментовъ, нельзя не согласиться также съ *Брентано*, который находитъ подтвержденіе этого факта, между прочимъ, и въ томъ обстоятельствѣ, что до XIУ столѣтія въ цеховыхъ статутахъ *почти* ничего не встрѣчается о ремесленникахъ—работникахъ (Knechten), впослѣдствіи обыкновенно называемыхъ подмастерьями [4]). А это обстоятельство, только и можетъ быть объяснено, что такого состоянія ремесленниковъ или вовсе не было или же, если оно и существовало, то лишь въ зачаточномъ состояніи до XIУ вѣка. Поэтому, можно принять, что ученикъ по окончаніи условленнаго срока обученія дѣлался прямо мастеромъ и самостоятельнымъ членомъ цеха, если же и былъ работникомъ, то на самое короткое время, въ качествѣ, такъ сказать, переходнаго состоянія [5]). При этомъ, разумѣется, такой, кончившій свой учени-

---

[1]) Brentano. 51.

[2]) Ibid. 52 Levasseur. 226.

[3]) За первое время существовонія цеховъ не встрѣчается закона, опредѣляющаго ихъ число. Въ немъ не было нужды: онъ долженъ былъ явиться лишь результатомъ монопольнаго направленія цеховъ.

[4]) Стр. 58.

[5]) Понятно, что это посредствующе состояніе — ремеслен-

ческій искусъ ученикъ, принимался въ члены цеха лишь въ томъ случаѣ, если его имя оставалось незапятнаннымъ [1]).

Число членовъ цеховъ въ первомъ періодѣ ихъ исторіи было неограниченно [2]); въ цеховыхъ статутахъ того времени не встрѣчается постановленій въ ограничительномъ смыслѣ. Цехи не боятся еще конкурренціи: число рукъ еще не такъ велико, чтобы наплыва ихъ можно было бояться [3]). Принудительное начало цеховъ, впослѣдствіи такъ широко развившееся—Zunftzwang—хотя и возникло одновременно съ появленіемъ цеховъ, но однако не носило въ первое время того исключительнаго характера, который пріобрѣло оно впослѣдствіи, въ періодъ паденія цеховъ, какъ промышленныхъ учрежденій. Правда, что современи появленія даннаго цеха ремесломъ этого цеха могли заниматься лишь входившіе въ его составъ, но изъ этого вытекалъ только слѣдующій результатъ: всякій, занимавшійся даннымъ ремесломъ, *долженъ* былъ войти въ составъ цеха этого ремесла—и только [4]). Это принудительное начало стало быть исключительно состояло только въ правѣ опредѣленнаго цеха *заставить* каждаго, занимающагося тѣмъ же ре-

---

ники работники или подмастерья появились въ тѣхъ городахъ, гдѣ, какъ напр., во Фландріи, какой либо видъ промышленности перешелъ изъ *рукомесла* въ форму близкую къ мануфактурному, фабричному производству; въ городахъ Бельгіи въ XIII ст. говорится уже о депутатахъ отъ подмастерьевъ: Brentano. 58.

[1]) При этомъ вносилась небольшая сумма денегъ и опредѣленное количество воска въ церковь. Brentano. 50 Gierke. 368; Wilda: 332.

[2]) Brentano 57.

[3]) Въ качествѣ исключенія въ цехъ допускались иногда даже иностранцы при условіи вноса опредѣленной суммы денегъ Brentano 51. Maurer. II. 396.

[4]) Занятіе ремесломъ на собственную потребу не запрещалось и внѣ цеха Gierke. I. 362.

месломъ, *войти въ составъ* этого цеха и подчиняться его полицейскому надзору [1]). Современи появленія цеховъ абсолютной свободы заниматься любымъ ремесломъ внѣ цеха быть уже не могло: каждый цехъ, получивъ право отъ городскаго совѣта на законное существованіе и занятіе данныхъ ремесломъ, ео ipso, какъ выражается Гирке, обращался въ институтъ уже не частнаго, а *общественнаго права*: каждый ремесленникъ «служитъ теперь своимъ согражданамъ или скорѣе ихъ организованной совокупности, обществу». Каждый ремесленникъ получилъ свое право, черезъ посредство цеха, отъ городской власти, и долженъ былъ подлежать надзору этого цеха, который являлся въ этомъ случаѣ облеченнымъ общественной службой, должностью и имѣлъ право требовать, чтобы каждый, занимающійся даннымъ ремесломъ, ему подчинялся; отсюда — Zunhftzwang [2]) въ смыслѣ вынужденнаго вступленія въ цехъ. Только пользуясь этимъ правомъ и могъ цехъ охранять какъ *честь* своего *ремесла* такъ и интересы общества, потребителей; и то и другое составляло одну изъ самыхъ важныхъ цѣлей первоначальныхъ цеховъ [3]). Благодаря такому *общественному* значенію цеха, самое право участія въ немь въ эту эпоху составляетъ только *личное* право: оно связано съ опредѣленной личностью и потому не отчуждаемо и недѣлимо; о наслѣдственности его точно также не можетъ быть рѣчи [4]).

---

[1]) Gierke. I. 361. Maurer II. 395 и 399: Brentano: 50. Однако, и въ этомъ видѣ zunftzwang не съ перваго момента учрежденія цеховъ вездѣ появился: напр., во Франкфуртѣ на Майнѣ городской совѣтъ запрещаетъ кузнечному цеху заставлять насильно вступать въ его составъ всякаго, занимающагося кузнечнымъ промысломъ. Maurer. II. 396.

2) Gierke. I. 248 — 249; 960—962 пр. 8.

[3]) Ibid. 962 пр. 12. Brentano: 50 — 51.

[4]) Gierke. I. 970.

Я уже говорилъ, что цеховыя общественныя власти наблюдали за производствомъ и продажей членами цеха своихъ произведеній, что статуты входили въ мельчайшія подробности производства. Остановлюсь нѣсколько на опредѣленіяхъ цеховой ремесленной полиціи.

Ремесленникамъ предписывалось употреблять матеріалъ непремѣнно въ опредѣленномъ количествѣ и опредѣленнаго качества; строго наблюдали за тѣмъ, чтобъ въ составъ новой вещи не входили старыя части; чтобы ремесленники не употребляли какихъ либо мѣръ хитрости, чтобы скрыть недостатки сдѣланной ими или продаваемой вещи, или выдать одинъ матеріалъ за другой; слѣдили за мѣрой и вѣсами; заботились даже о томъ, чтобы ***неумышленнаго*** обмана потребителя не могло произойти: отъ недосмотра или излишняго утомленія ремесленника, отъ нѣкоторыхъ неудобствъ, могущихъ встрѣтиться въ самой природѣ. Въ виду этого опредѣлялось количество рабочихъ часовъ, запрещалось работать ночью; такъ какъ въ это время, какъ отъ утомленія, такъ и отъ недостатка свѣта, работа не могла быть такой тщательной и аккуратной, какъ требовалось [1]).

Съ собственно ремесленной полиціей стояла въ тѣсной связи, если можно употребить это выраженіе, ***полиція нравственности***: цехъ заботился о нравствености своихъ членовъ, уровень которой, понятно, вліялъ на самую добросовѣстность цеховыхъ ремесленниковъ въ ихъ сношеніяхъ съ потребителями: чѣмъ выше нравственность производителя вообще, тѣмъ меньше рискуютъ потерпѣть интересы потребителя. Мы уже видѣли, какія мѣры принималъ цехъ въ этомъ отношеніи относительно вновь вступавшихъ учениковъ, дабы не допустить въ составъ

---

1) Levasseur I. 241—246. Brentano. 52. Maurer. II. 394—395. Gieke 388 — 389.

цеха недостойныхъ членовъ. Забота цеха о моральной сторонѣ своего члена не прекращалась и въ томъ случаѣ, когда онъ изъ ученика обращался въ самостоятельнаго мастера. Цехъ требовалъ отъ своего члена безукоризненной нравственности: ни какихъ уступокъ и сдѣлокъ съ совѣстью не допускалось. Разъ нашелъ цехъ, съ своей точки зрѣнія, опредѣленное дѣяніе ремесленника безнравственнымъ, даже въ самомъ общемъ смыслѣ, вообще въ житейскомъ, или въ отношеніи только къ производству— онъ изгонялъ его изъ своей среды. Нарушившій, напр., святость брачной жизни немогъ быть терпимъ въ средѣ цеха; безбожіе и всякіе безнравственныя, грѣховныя, съ религіозной точки зрѣнія, дѣйствія и поступки не могли быть терпимы. Цехъ заботился даже о предупрежденіи такихъ дѣйствій, устраняя условія, ихъ облегчающія, подготовляющія, издавая напр., постановленія въ родѣ ограниченія роскоши. Запрещаются и строго преслѣдуются всякія дѣйствія, направленныя къ нарушенію добраго согласія между отдѣльными сотоварищами, членами цеха и т. п. [1]).

Чтобы всѣ постановленія цеховыхъ статутовъ не остались мертвою буквою, цехъ долженъ быть въ состояніи *заставить* своихъ членовъ исполнять ихъ и *карать* за неисполненіе. Отсюда—право цеховъ на судебную автономію, на то, что ученые излѣдователи называютъ Zunftgerichtsbarkeit. Только это право и давало цехамъ возможность сдѣлать свой нравственно-полицейскій надзоръ не фиктивнымъ, а дѣйствительнымъ средствомъ заставить исполнять свои опредѣленія.

Вотъ почему судебная автономія цеховъ также стара по выраженію Маурера, какъ «самые цехи» [2])

---

[1]) Maurer II. 993 — 994. Brentano: 54.

[2]) Уже съ XII и XIII ст. всѣ цеховыя общества пользовались правомъ собственнаго общиннаго суда Maurer: II. 989—990.

только путемъ общиннаго, цеховаго суда и могъ цехъ защищать какъ свои общинныя права отъ нарушенія ихъ сосотороны отдѣльнаго члена, такъ и права отдѣльныхъ членовъ, какъ личныя, такъ и имущественныя. Компетенція этого общиннаго суда распространялась не только на чисто промышленныя дѣла общины, но и на всѣ вообще дѣла, вытекающія изъ совмѣстной жизни отдѣльныхъ членовъ ея: ему подлежали всѣ нарушенія уставовъ и опредѣленій нравственно-ремесленной полиціи; всякіе споры отдѣльныхъ членовъ цеховъ другъ съ другомъ, столкновенія мастеровъ со своими работниками и учениками и вообще всякое нарушеніе «общественнаго мира» за исключеніемъ смертоубійствъ [1]). Всѣ ***наказанія***, какія могли налагать на провинившихся цеховые суды, состояли лишь ***въ наложеніи пени*** или штрафа: денежнаго или же выражавшагося во взносѣ опредѣленнаго количества воска на церковь, вина или пива въ общество; и въ исключеніи совершившаго проступокъ изъ членовъ цеха. Это была высшая мѣра наказанія, которую могъ судъ наложить; она употреблялась въ случаѣ такихъ проступковъ, какъ клятвопреступленіе или упорное, настойчивое сопротивленіе постановленіямъ цеховой общественной власти [2]).

Я уже говорилъ, что первоначальный цехъ не былъ только промышленно-экономическимъ явленіемъ: онъ былъ общеніемъ составляющихъ его членовъ самымъ всестороннимъ; онъ обхватывалъ всего человѣка; поэтому, ему не были чужды и нравственно-религіозные интересы, стоявшіе, въ періодъ развитія цеховъ, далеко не на послѣднемъ планѣ: съ этой точки зрѣнія цехъ представлялъ собою ***нравственно-религіозное*** общество въ самомъ широкомъ

---

1) Отт. Gierke I. 397. Maurer II. 390 Wilda 337—338.
2) Brentano: 49. Отт. Gierke. I. 398. Wilda 340.

христіанскомъ смыслѣ этого слова. Какъ такое общество, каждый цехъ имѣлъ, въ качествѣ своего защитника, патрона какого либо святаго, именемъ котораго часто и назывался; и въ честь котораго учреждался алтарь, горѣли свѣчи — на общественный счетъ. Въ день памяти этого святаго весь цехъ собирался на торжественное богослуженіе, за которымъ слѣдовалъ пиръ на общественныя средства. Цехъ помогалъ бѣднымъ и больнымъ членамъ своимъ; недостаточныхъ умершихъ хоронилъ на свой счетъ, и т. п. [1]). Съ религіозной стороной въ нераздѣльной связи стояла въ то время и нравственная сторона духовной жизни человѣка; съ религіозной стороной цеха, какъ общества тѣсно связывалось, по этому и его значеніе, какъ нравственно-общественнаго союза, удовлетворявшаго духовнымъ потребностямъ своихъ членовъ. Это значеніе его выражалось въ осуществленіи христіанскаго начала братской любви; каждый цехъ являлся союзомъ людей обязавшихся взаимно помогать другъ другу; дѣлить радость и горе; отсюда общественное благотвореніе и общественныя празднества и развлеченія: при вступленіи въ цехъ новаго члена всѣ сотоварищи — ремесленники собираются на пиръ; въ семейныхъ событіяхъ каждаго отдѣльнаго члена, въ родѣ свадьбы, напр., принимаетъ участіе весь цехъ. Появляются общественныя мѣста отдохновеній и развлеченій, куда во время досуга могли собиратся члены цеха; такое значеніе получаютъ общесвенные трактиры — герберги [2]).

---

[1]) Wilda 46 — 48 и 333 — 335. Отт. Gierke: 984—986; каждый цехъ имѣлъ особый фондъ для благотворительныхъ и религіозныхъ цѣлей, составлявшійся изъ особыхъ взносовъ и управлявшійся какъ особое имущество, составлявшее собственность не цеха а святаго. 985 и пр. 116. Maurer: II 403 — 409; иногда нѣсколько цеховъ соединялись въ одно религіозное общество. 407.

[2]) Отт. Gierke 986 — 987.

Уже и въ періодъ своего основанія цехи имѣли и *политическое* значеніе, которое къ XV столѣтію перешло въ политическое господство въ городскомъ строѣ; организуясь въ совершенно особое самостоятельное цѣлое, имѣвшее свои собственные интересы, цехъ не переставалъ однако, быть въ тоже время частью другаго цѣлаго—города, интересы котораго не были и немогли быть ему совершенно чуждыми. Верховная власть города была общею властью для всѣхъ цеховъ, властью, съ которой послѣднимъ приходилось считаться; какъ *частное* независимое общеніе, цехъ пользовался полной автономіей: городу мало было дѣла до внутреннихъ интересовъ каждаго отдѣльнаго цеха, до тѣхъ поръ, пока эти интересы не приходили въ столкновеніе съ интересами города, не нарушали ихъ. Но какъ часть этого же самаго города, цехъ не былъ въ глазахъ послѣдняго организмомъ ему чуждымъ. Съ этой точки зрѣнія цехъ являлся въ глазахъ города учрежденіемъ *политическимъ*, имѣющимъ по отношенію къ нему извѣстныя обязанности, обязаннымъ заботиться о пользѣ города (pro honore et utilitate civitatis) объ общемъ благѣ его [1]). Самое основаніе цеха стояло въ тѣсной зависимости отъ городской власти: слагаясь въ особое, независимое цѣлое совершенно самостоятельно, по собственной иниціативѣ, цехъ обращался юридически въ самостоятельное и независимое цѣлое лишь послѣ того какъ получалъ юридическую санкцію отъ городской власти [2]), по отношенію къ которой цехъ, такимъ об-

[1]) Ibid. 971. и пр. 62.

[2]) Maurer I: 945—954; на етихъ страницахъ авторъ посвящаетъ цѣлые два параграфа однимъ только примѣрамъ того что если цехъ хотѣлъ существовать законно и мирно, онъ долженъ былъ получить санкцію отъ городской власти (въ началѣ владѣльца, а потомъ, со времени освобожденія городовъ, городскаго совѣта) иначе ему приходилось выдержать борьбу, исходъ которой—всетаки санкція етой власти.

разомъ становился въ зависимое, подчиненное положеніе; какъ ремесленный союзъ, цехъ, какъ объ этомъ уже было говорено, являлся представителемъ возложенной на него полицейской должности, [1]) которую онъ отправлялъ именемъ города; на такихъ же условіяхъ онъ пользовался въ сущности и правомъ собственнаго суда. Цехъ долженъ былъ платить налоги и подати, возлагаемыя на него городомъ. Пользуясь правомъ носить оружіе, каждый отдѣльный членъ цеха въ тоже время обязанъ былъ служить этимъ оружіемъ и для защиты: каждый цехъ, поэтому, составлялъ часть, подраздѣленіе городскаго войска (Burgheer) съ самаго начала своего существованія. [2]). На него возлагалась обязанность охранять не только внѣшнюю, но и внутреннюю безопасность роднаго города [3]). Зависимость цеха отъ городскихъ властей выражалась не въ одномъ только фактѣ его санкціи этими властями. Эта зависимость выражалась постоянно во все время существованія цеха,—при томъ въ большей или меньшей степени, что обусловливалось значеніемъ и силой какъ цеха, такъ и самыхъ властей города. Соединеніе нѣскольких цеховъ въ одинъ или, наоборотъ, раздѣленіе одного на нѣсколько могло состояться всегда лишь съ вѣдома городскихъ властей. Самое избраніе цехами, изъ собственной среды своихъ представителей внутренней администраціи альдермановъ или мастеровъ во многихъ городахъ

---

[1]) Поэтому-то компетенція цеха, относительно производства ремеслъ, вообще ремесленной полиціи, простиралась за предѣлы самаго союза: его ремесленныя статутныя опредѣленія, полицейскія постановленія и судъ захватывали и не принадлежащихъ къ цеху. Gierke. J. 372 пр. 63.

[2]) Во всякомъ случаѣ *до побѣды* цеховъ, т. е. до конца XIV ст. Maurer. II. 417.

[3]) Maurer. J. 415—420, от. Gierke: J. 372. Wilda 340.

стояло въ зависимости отъ городскихъ властей; [1]) точно также, какъ и для каждаго собранія всѣхъ членовъ для обсужденія своихъ дѣлъ необходимо было согласіе, разрѣшеніе городскаго совѣта. [2]) Судебная автономія, какъ мы видѣли не была абсолютной автономіей: цехъ судилъ своихъ членовъ *не во всѣхъ* преступленіяхъ: за убійство ихъ судилъ общe городской судъ, которому они подлежали и въ томъ случаѣ, когда спорныя дѣла возникали между ними и посторонними людьми, не входившими въ составъ цеха. Были даже случаи, въ которыхъ городской общественный судъ являлся какъ бы высшей инстанціей по отношенію къ цеховому суду. [3]). На конецъ городская власть могла „въ необыкновенныхъ» какъ выразился Гирке, случаяхъ, въ родѣ возстанія, уничтожить цеховую организацію даннаго ремесла [4]). Такимъ образомъ въ первый періодъ существованія цеховъ, какъ ихъ возникновеніе, такъ и прекращеніе, смерть, зависѣли не отъ одной ихъ доброй воли, но и отъ городской верховной власти, которая не могла создать цеха, организовать въ эту форму какое либо ремесло *силой*, навязывать цеху тѣ или иныя формы независимо отъ его желанія, не могла удержать цехъ отъ распаденія, если того хотѣли всѣ члены этого цеха; но она могла *недопустить* сложиться тому или иному ремеслу въ желаемую форму, могла кассировать то или иное опредѣленіе цеховаго статута; могла, наконецъ уничтожить цехъ противъ желанія его членовъ.

---

[1]) Рт. Gierke. J. 976 пр. 81. Wilda 922.

[2]) Рт. Gierke: 977.

[3]) Когда цеховой судъ *не могъ* или не хотѣлъ разобрать дѣла, тяжущіеся могли перенести его въ городской судъ. Maurer. JJ. 990 и 991. См. Gierke. J. 997.

[4]) Причемъ символъ корпоративной самостоятельности цеха—его печать разбивалась. Gierke. J. 975—976.

Верховною властью, волею цеха была власть и воля *цехового собранія*, собранія всѣхъ его членовъ, органами этой воли являлись избранные имъ изъ своей среды представители, должностныя лица цеха. Цеховое собраніе собиралось обыкновенно еженедѣльно или, въ большинствѣ цеховъ, по три раза въ годъ. [1]) Участвовать въ собраніи могли *всѣ члены цеха* въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. всѣ, пользующіеся правомъ самостоятельно заниматься ремесломъ, всѣ мастера [2]). Собранія эти носили оригинальныя названія — Colloquia fratrum, Brudersprachen; иногдаже Yahrestag. [3]). На нихъ обсуждались всѣ важнѣйшія дѣла цеха; старыя, отслужившія должностныя лица давали здѣсь отчетъ обществу; въ этихъ же собраніяхъ избиралась новая администрація цеха. [4])—Органами этого собранія, такъ сказать представителями исполнительной власти, были отдѣльные представители цеха, избранные всѣмъ собраніемъ изъ собственной среды. [5]). Эти органы, въ средѣ, предоставленной ими цеховымъ собраніемъ, какъ законодательнымъ учрежденіемъ, являлись совершенно самостоятельными органами [6]) Какъ число ихъ, такъ и время продолженія служ-

[1]) Brentano: 47; Maurer. (II: 382) говоритъ, что они обыкновенно собирались разъ въ годъ или **три**.

[2]) Brentano. ib.; Gierke. I. 398. Только въ Кольнѣ этимъ правомъ пользовались лишь такъ называемые die verdienten Bruder—fratres deserviti; всѣ же остальные, хотя и пользовавшіеся правомъ самостоятельнаго производства, не имѣли никакого участія въ общихъ дѣлахъ цеха. Maurer II. 381.

[3]) Maurer II. 382.

[4]) Мѣстомъ собранія цеха былъ такъ называемый *цеховой домъ*—Zunfthaus.—Maurer. II. 384 и—сл. Открытіе собранія сопровождалось религіозными обрядами. Brentano. 47.

[5]) Не запрещалось, впрочемъ, и изъ непринадлежащихъ къ цеху; иногда избирались представители *родовъ*, наиболѣе богатые. Maurer. II. 374.

[6]) Въ XIII ст. часто встрѣчается рядомъ съ Цунфтмейстеромъ—*Цеховой Совѣтъ*—Zunftrath. Maurer II. 376.

бы небыло одинаковымъ во всѣхъ цехахъ всѣхъ городовъ. Въ этомъ отношеніи общимъ явленіемъ въ первый періодъ существованія цеховъ былъ лишь тотъ фактъ, что ни одна изъ должностей еще не была пожизненною. [1]) Избраніе производилось простымъ большинствомъ голосовъ. [2]) Облеченіе должностію совершалось часто торжественно съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ символическихъ обрядовъ [3]) Названіе представителей цеха заимствовалось отъ самаго слова цехъ или гильдія; поэтому мы встрѣчаемъ въ документахъ *Гильдмейстеровъ* или *Цунфтмейстеровъ*, *Цехмейстеровъ* или же Хандверкмейстеровъ и Ханземейстеровъ, если цехъ назывался Hanse oder Handwerke. Иногда, впрочемъ, они заимствовали свое названіе отъ числа, въ которомъ ихъ избирали — Vierer, Sechser, Achter и т. д. [4]) — Первое время эти представители цеховъ играли подобно владѣльческимъ или общиннымъ судьямъ прежняго времени, только судебную роль и лишь постепенно обратились въ исполнительныхъ органовъ общества съ постепеннымъ развитіемъ и усложненіемъ общественной жизни; съ этого времени на нихъ уже лежала обязанность заботиться объ *всѣхъ* дѣлахъ общества. Они сзывали цеховыя собранія и предсѣдательствовали на нихъ. Они управляли цеховымъ имуществомъ; они были судьями; они были предводителями цеховыхъ отрядовъ на войнѣ; короче, они являлись верховною исполнительною властію цеха. [5])

---

[1]) От. Gierke: I. 399 и пр. 192 и 193. Maurer II. 370—372 и 374.

[2]) Ibid. 372.

[3]) Напр., трирскіе рыбаки передавали вновь избранному цунфтмейстеру букетъ цвѣтовъ, который онъ отдавалъ, слагая съ себя должность. Maurer II. 375.

[4]) Ibid. 375—376. Во франціи ихъ называли; bailes' consuls, prud'hommes, maitres du metier. Levasseur I, 210.

[5]) Maurer II 369—378.

Изъ представленнаго коротенькаго очерка цехоВаго устройства видно, что каждый отдѣльный цехъ представлялъ собою съ самаго момента своего возникновенія то, что на современномъ юридическомъ языкѣ называютъ интеллектуальнымъ или **юридическимъ** лицомъ; или, какъ выражается Гирке, каждый цехъ какъ во внутреннемъ такъ и во внѣшнемъ отношеніи, какъ въ частно такъ и въ общественно-правовомъ смыслѣ, представдялъ собою ***сборную, коллективную*** личность—Gesammtpersoenlickhiet.[1] Эта коллективная личность, это юридическое лицо овеществлялось въ цеховомъ собраніи и его органахъ—представителяхъ цеха, служившихъ органами общей воли. Символическимъ выраженіемъ юридической личности цеха служили цеховая печать и цеховое знамя.[2]

Какъ лицо, имѣвшее различныя потребности, каждый цехъ имѣлъ свою ***общественную*** собственность, совершенно отдѣльную и независимую отъ частной собственности каждаго отдѣльнаго члена его. Въ этомъ фактѣ лежитъ глубокое отличие цеха отъ древне русской артели, экономическая подкладка которой, какъ будетъ указано въ послѣдствіи, была совершенно иная. Общественный капиталъ цеха или лучше, его общественная собственность была собственностью фиктивнаго лица, но несовокупности, всѣхъ членовъ цеха, которые, каждый въ отдѣльности, неимѣли на эту собственность никакого права; точно также, какъ и наоборотъ, фиктивное лицо, цехъ не имѣлъ никакого отношенія къ собственности его отдѣльнаго члена, кромѣ случаевъ, точно опредѣленныхъ цеховыми статутами. Каждый членъ цеха работалъ совершенно незави-

---

[1]) J. 404.

[2]) Maurer: JJ 409—412.

симо отъ всѣхъ остальныхъ членовъ; его заработокъ вполнѣ зависѣлъ отъ количества времени и труда, положеннаго на работу. Вся солидарность членовъ цеха по отношенію собственно къ ремеслу состояла лишь въ томъ, что всѣ члены одинаково должны были подчиняться всѣмъ опредѣленіямъ статутовъ; всѣ получали опредѣленное вознагражденіе за одну и туже работу, вознагражденіе, устанавливаемое тѣми же статутами [1]). Наибольшее проявленіе этой солидарности представляетъ собой слѣдующій фактъ: многіе цеховые статуты опредѣляютъ, что сырыя произведенія, матеріалы,[2]) необходимые для ремесленныхъ работъ, должны пріобрѣтаться не каждымъ членомъ цеха въ отдѣльности, а всѣми вмѣстѣ; для чего избиралась особая коммиссія или представители; купленный матеріалъ дѣлился между отдѣльными членами уже по жребію [3]) Дальше этого экономическая общность между членами цеха уже не шла. Взаимная помощь другъ другу между отдѣльными членами или вспомоществованіе въ извѣстныхъ случаяхъ отдѣльному члену со стороны цеха изъ общественныхъ средствъ, основывались уже не на началахъ равенства, а на началахъ филантротическихъ, началахъ христіанской добродѣтели. Составляя одно цѣлое въ общественно-политическомъ смыслѣ, цехъ слѣдовательно, не составлялъ этого цѣлаго, въ хозяйственно-экономическомъ отношеніи. Потребитель имѣлъ дѣло не съ цехомъ, а съ отдѣльнымъ членомъ его, который одинъ и отвѣчалъ за свою работу; въ случаѣ

---

[1]) Ot. Gierke. I. 395.

[2]) Въ большинствѣ случаевъ не всѣ, а лишь нѣкоторые.

[3]) Ibid. 392. Brentano—53: каждый, купившій то или иное количество сыраго матеріала долженъ былъ подѣлиться имъ съ другими членами цеха, которые хотѣли также пріобрѣсти этого матеріала. См. также Ot Gierke. I. 392.

неисполненія принятыхъ имъ на себя условій по отношенію къ потребителю, всѣ невыгоды ложились на него одного. Вмѣшательство цеха ограничивалось лишь требованіемъ исполнить работу согласно полицейскимъ опредѣленіямъ цеховыхъ статутовъ и наказаніемъ въ случаѣ неисполненія этого требованія.[1]) Каждый членъ цеха пользовался полной самостоятельностью въ своемъ частномъ, экономическо-хозяйственномъ быту, хотя, какъ мы видѣли, въ предѣлахъ такъ или иначе опредѣленныхъ статутными постановленіями цеха.

Иначе и быть не могло: цѣлью цеховъ при ихъ основаніи вовсе не было составить общество совмѣстнаго труда или даже капитала. Эта цѣль, какъ мы видѣли, состояла исключительно въ организованіи изъ всѣхъ, занимающихся въ данномъ мѣстѣ однимъ и тѣмъ же ремесломъ, ***общества самозащиты***; общества, которое не замедлило перейти въ ***общество борьбы***, если можно такъ выразиться. Здѣсь слагались не трудъ или капиталъ отдѣльныхъ членовъ, а лищь ихъ ***сила***, общественно-политическое значеніе, для того чтобы получить такую ***коллективную силу***, которой стало бы на то, чтобы обезпечить каждому отдѣльному индивиду личную и

---

[1]) Brentano (прим. 192.) приводитъ фактъ поручительства товарищей за исполненіе принятыхъ имъ на себя обязанностей изъ статута каменьщиковъ. Этотъ фактъ какъ будто противорѣчитъ высказанному въ текстѣ мнѣнію. Въ опредѣленіи говорится „желающій принять на себя работу по контракту" должен представить ***четырехъ*** поручителей изъ наиболѣе уважаемыхъ людей, которые въ случаѣ его неисправности исполняютъ работу сами. Но здѣсь поручителями является не весь цехъ, какъ юридическое лицо, а лишь нѣсколько человѣкъ по выбору подрядчика и по доброму согласію ихъ самихъ. Это не болѣе, какъ одна изъ полицейскихъ мѣръ для обезпеченія добросовѣстности со стороны членовъ цеха при исполненіи принятыхъ ими на себя работъ.

имущественную безопасность, судъ и расправу. Понятно, что объ экономическомъ равенствѣ членовъ такого общества не могло быть рѣчи. De facto, въ періодъ основанія цеховъ, это равенство болѣе или менѣе существовало, пока каждое ремесло или производство стояло еще на степени *рукомесла;* когда для занятія ремесломъ не было нужно ничего болѣе, какъ здоровыя и дѣльныя руки, когда каждый занимался ремесломъ только *самъ*. Но объ этомъ равенствѣ не можетъ быть рѣчи съ того момента, какъ ремесленная промышленность нѣсколько усложнилась: каждому ремеслу необходимо было учиться уже довольно долгое время — появились ученики, которые играли гораздо большую роль въ исторіи цеховъ, чѣмъ можно подумать съ перваго взгляда. Ученикъ не все время ученія оставался непроизводительнымъ членомъ семьи мастера: годъ два спустя по вступленіи въ обученье, онъ уже оказывалъ значительную помощь хозяину въ ремесленной работѣ. Имѣть, поэтому то или другое число учениковъ—работниковъ для мастера значило очень много: при большемъ числѣ ихъ мастеръ могъ несравненно больше производить; оборотный капиталъ его увеличивался. Цехъ задался мыслью поддержать экономическое равенство между своими отдѣльными членами; но онъ видѣлъ средства къ этому вовсе не тамъ, гдѣ его нужно было искать: полагались исключительно на полицейскія мѣры. Прежде всего обратили вниманіе на учениковъ и, понявъ ихъ значеніе въ хозяйствѣ, мастера-ремесленники постарались ограничить ихъ число; опредѣленъ былъ въ каждомъ цехѣ тотъ или иной максимумъ учениковъ, которыхъ могъ имѣть каждый хозяинъ. [1]) Мѣра эта, разумѣется, не достигала имѣющіеся, при

[1]) Levasseur I. 225 и пр. 1 и 2.

ея установленiи, въ виду цѣли: при опредѣленiи максимума различiе въ количествѣ, какъ бы максимумъ не былъ малъ, все таки допускается. Благодаря такой организацiи цеховъ какъ ремесленныхъ обществъ, а вмѣстѣ подъ влiянiемъ развитiя и усложненiя ремеслъ, которые начинаютъ требовать болѣе или менѣе сложныхъ и дорогихъ инструментовъ и вообще затраты извѣстнаго капитала, незамедлилъ образоваться особый классъ ремесленниковъ, которые въ силу своей экономической несостоятельности, не могли, кончивъ свой ученическiй терминъ, стать самостоятельными ремесленниками хозяевами. Такимъ людямъ оставался двоякiй исходъ: или составить товарищество, артель, или идти въ работники къ ремесленникамъ мастерамъ и такимъ образомъ если не навсегда, то навремя отрѣзать себѣ путь сдѣлаться полноправнымъ членомъ цеховаго общества. Образовать изъ себя общества они не могли иначе, какъ на ***тѣхъ же самыхъ началахъ, на какихъ основывались существующiе уже ремесленные цехи***, т. е. всетаки не на началахъ совмѣстнаго труда или даже капитала, началахъ чисто экономическихъ, а на началахъ исключительно общественно-политическихъ: они могли составить лишь общество, которое обладало бы силами, достаточными для того, чтобы быть признаннымъ въ качествѣ самостоятельнаго общественно-политическаго органа; а какъ могли они составить такую силу? Да, наконецъ, прежде чѣмъ успѣла выработаться мысль въ ихъ средѣ о союзѣ, цехъ успѣлъ обратиться въ почти замкнутое общество, доступъ въ составъ котораго сдѣлался очень и очень труднымъ и которое зорко слѣдило за своими промышленно-ремесленными правами, которые незамедлили обратиться въ монопольныя. Съ этого времени съ цехомъ уже не приходилось тягаться окончившимъ ученическiй терминъ, если бы они да-

же и дозрѣли до мысли составить корпорацію людей труда: эта корпорація не была бы признана за законное проявленіе общественно-промышленной жизни. Оставался одинъ исходъ—поступать, въ качествѣ неполноправныхъ членовъ въ тотъ же цехъ, въ работники—подмастерья къ отдѣльнымъ членамъ его; обратиться такимъ образомъ, въ несамостоятельныхъ членовъ цеха, не пользующихся никакими правами, кромѣ права быть защищенными въ личномъ и имущественномъ отношеніи, откуда и названіе ихъ—Schutzgenossen. [1]) Если я говорилъ, что въ первое время существованія цеховъ переходнаго *состоянія* между учениками и мастерами, какъ полноправными членами цеха, не было, то я не хотѣлъ этимъ сказать, что самаго понятія о *работникѣ*-ремесленникѣ, какъ помощникѣ мастера, не существовало и что такое состояніе было совершенно чуждо самой идеѣ цеховыхъ учрежденій, я хотѣлъ только сказать, что этого состоянія не существовало еще de facto, какъ не выработаннаго еще жизнью. Въ зародышѣ оно существовало съ самаго начала существованія цеховъ: хотя о немъ и очень мало говорится въ статутахъ цеховъ до конца XIII ст., но все таки говорится; оно необходимо должно было современемъ выработаться и притомъ, разростись до солидныхъ размѣровъ съ того времени, какъ Zunftzwang совершенно измѣнило свой первоначальный характеръ, обратившись изъ права цеха требовать, чтобы всякій занимающійся ремесломъ, входилъ въ составъ его, въ право не допускать никого заниматься ремесломъ, если онъ не принадлежитъ къ цеху; сдѣлавшись однимъ изъ могущественныхъ средствъ цеховой монополіи.

---

[1]) От. Gierke. I. 401—404.

Глава III.

Цехи въ періодъ ихъ полнаго развитія.

Время самаго блестящаго состоянія цеховъ, начиная со второй половины XIV столѣтія, время, когда въ занятіи ремесломъ цехъ сталъ видѣть не общественную должность, въ которой понятіе объ обязанности сливалось съ понятіемъ о правѣ, причемъ первая, пожалуй преобладала надъ вторымъ, а свое *частное* право и когда въ ремеслѣ стали видѣть исключительно только право или лучше привилегію, не соединяемую ни съ какимъ понятіемъ объ обязанности; это состояніе цеховъ многіе называютъ временемъ *вырожденія* цеховъ, временемъ обращенія ихъ во что-то такое, что не имѣетъ *ничего общаго* съ тѣмъ, чѣмъ были они въ первое время ихъ существованія. Съ этимъ мнѣніемъ едвали можно согласиться. Это ихъ состояніе было состояніемъ *полнаго развитія* того начала, на которомъ цехи покоились при самомъ ихъ основаніи; это было время самаго всесторонняго, самаго послѣдовательнаго развитія того, что въ первый періодъ ихъ существованія лежало въ нихъ лишь въ зародышѣ; словомъ, это была послѣдняя стадія развитія этого явленія средневѣковаго феодальнаго міра. Совершенно справедлива, на оборотъ, мысль Маурера, что моментъ наибольшаго развитія цеховъ былъ въ тоже время моментомъ паденія ихъ, также какъ моментъ крайняго развитія феодальнаго землевладѣнія было моментомъ его паденія. Это совершенно понятно: учрежденіе, порожденное извѣстнымъ состояніемъ общественнаго строя, постоянно развивается все въ одномъ направленіи, именно въ томъ, какое лежало въ немъ въ моментъ его возникновенія; оно развивается въ этомъ направленіи, *не смотря* на появленіе новыхъ условій и требованій

общественной жизни, оно вступаетъ въ борьбу съ этими требованіями, напрягая всѣ свои силы все *въ томъ же* направленіи, развивая его, такимъ образомъ, до самыхъ крайнихъ предѣловъ возможнаго; но параллельно съ этимъ развиваются и новыя общественныя явленія, которыя, наконецъ, одерживаютъ побѣду надъ вполнѣ разцвѣтшими старыми.

Разъ существованіе несамостоятельныхъ членовъ цеха, ремесленниковъ—подмастерьевъ, допущено—оно постепенно и быстро развивается, достигая въ концѣ концовъ значенія цѣлаго сословія. Разъ при основаніи цеховъ допущено преобладаніе капитала надъ личнымъ трудомъ, это преобладаніе должно было все рости и рости, что необходимо должно было кончиться исключительнымъ господствомъ его и полнымъ порабощеніемъ труда. Всѣ полицейскія мѣры, подъ вліяніемъ такого направленія въ исторіи развитія цеховъ должны быть обратиться изъ средствъ къ охраненію общественныхъ интересовъ въ средства къ развитію и усиленію монополіи.

Цехи обращаются мало по малу въ монопольную организацію капиталистовъ, войти въ составъ которой становится въ высшей степени трудно. Эта организація строится на тѣхъ же началахъ, на какихъ организовались и всѣ остальныя элементы феодальнаго строя и обращается въ замкнутое учрежденіе, принадлежность къ которому съ одной стороны дѣлается наслѣдственнымъ правомъ, съ другой въ высшей степени затрудняется. Постоянно увеличивавшійся контингентъ ремесленниковъ, кончившихъ свой ученическій искусъ, стало быть, могущихъ вступить въ цехъ по своей опытности въ ремеслѣ, но не имѣвшихъ этой возможности по своему экономическому положенію, представлялъ собою

самаго опаснаго конкуррента для старыхъ, состоящихъ въ цехѣ ремесленниковъ. Постоянно развивающіяся потребности и нужды европейскаго общества въ состояніи дать работу все возрастающему и возрастающему количеству рабочихъ рукъ. Цехи торопятся объявить *право* занятія ремесломъ и промысломъ вообще своимъ исключительнымъ правомъ, *частнымъ* правомъ, которое переходитъ отъ отца къ сыну, даже къ дочери. Всякій сынъ ремесленника уже eo ipso принадлежалъ къ составу цеха; всѣ условія пріема въ цехъ, сдѣлавшіяся едва выполнимыми, какъ увидимъ, для постороннихъ, желающихъ вступить въ цехъ, были почти одной формальностью для дѣтей, зятьевъ и мужей вдовъ ремесленниковъ мастеровъ, [1]) до того эти условія стушевывались передъ ихъ, такъ сказать, наслѣдственнымъ правомъ. Иногда дѣти ремесленниковъ *совершенно* освобождались отъ одного изъ какихъ либо условій пріема въ цехъ, напр. [2]), отъ взноса определенной суммы денегъ. Многіе цехи даже прямо не допускали въ свой составъ всѣхъ, кто несостоялъ въ родственныхъ или свойственныхъ связяхъ съ отдѣльными членами этого состава, принимая въ свою среду лишь сыновей и зятьевъ полноправныхъ членовъ цеха и отказывая всѣмъ остальнымъ даже въ правѣ пребыванія въ городѣ. [3]). Это уже крайнее выраженіе *частно-правоваго* взгляда на занятіе ремесломъ. Большинство цеховъ этого состоянія не достигло.

Но исключая изъ состава своего людей посто-

---

[1]) Brentano. 59. Levasseur J. 464—465. Maurer: JJ 459—462.

[2]) Maurer JJ. 461.

[3]) Levasseur. JJ. 465. Нѣкоторымъ цехамъ удалось добиться того, что въ теченіи 30 или 40 лѣтъ, не принимали вовсе въ свою среду ни учениковъ, ни новыхъ мастеровъ ibid 950.

роннихъ, не стоящихъ въ родственныхъ связяхъ съ членами цеха, *всѣ* цехи тѣмъ не менѣе постепенно сдѣлали вступленіе въ свою среду почти невозможнымъ.

Срокъ пребыванія въ обученіи сильно увеличивается, достигая 12-лѣтняго періода [1]); по отбытіи этого срока молодой ремесленникъ не могъ прямо претендовать на право вступленія въ цехъ, хотя бы и удовлетворялъ всѣмъ необходимымъ для этого условіямъ. Онъ прежде всего долженъ былъ пробыть извѣстный срокъ въ работникахъ—подмастерьяхъ. [2]). Вступленіе въ это состояніе затруднялось въ свою очередь многими постановленіями; одного свидѣтельства объ окончаніи ученическаго искуса было недостаточно; претендующій на званіе подмастерья у даннаго хозяина—мастера даннаго цеха долженъ былъ доказать, клятвой или свидѣтелями, что онъ учился именно въ томъ городѣ, въ которомъ онъ хочетъ устроиться [3]); онъ долженъ былъ имѣть опредѣленное количество платья и бѣлья. [4]) Работа *на себя*, а не на хозяина, во время пребыванія въ работникахъ—подмастерьяхъ строго запрещалась, [5]) чѣмъ пресѣкалась для нихъ почти всякая возможность къ скопленію необходимой для вступленія въ цехъ суммы; если гдѣ подмастерья могли быть женатыми, то ихъ женамъ точно также запре-

---

[1]) Ibid. 225.

[2]) Ibid. 233—234; Maurer. II. 367—448: ученикъ окончившій свой срокъ, получалъ такъ наз. Lehrbrief, который и давалъ ему право на вступленіе въ подмастерья; послѣднее происходило торжественно, въ присутствіи мастеровъ и подмастерій при соблюденіи различныхъ обрядностей и символическихъ дѣйствій. 449.

[3]) Levasseur. I. 234.

[4]) Ibid. 235; нѣкоторые цехи требовали отъ подмастерья *пять* паръ платья.

[5]) Brentano. 62.

щалось работать. [1]). Въ континентальной Европѣ мало по малу сдѣлалось необходимымъ условіемъ для вступленія въ цехъ обязательное странствованіе подмастерья по различнымъ городамъ съ цѣлью ремесленнаго образованія, усовершествованія [2]) Лишь по окончанін этого долгаго искуса ремесленникъ могъ претендовать на право вступленія въ цехъ въ качествѣ самостоятельнаго члена его: но и теперь, какъ я сказалъ, онъ получалъ лишь *право претендовать на вступленіе*, а не право вступить; чтобъ получить послѣднее, претендующій на него долженъ былъ *во первыхъ*, представить образецъ своей работы, *во вторыхъ*, внести опредѣленную сумму въ цеховую кассу, и *въ третьихъ*, сдѣлать угощеніе нѣкоторымъ членамъ цеха. Исполненіе этихъ условій соединялось почти всегда и вездѣ съ громадными затратами, едва возможными для очень небольшаго числа претендовавшихъ на званіе мастера. Обычай требовать отъ вступающаго въ цехъ образчика его работы развился въ XIV столѣтіи [3]) только въ это время онъ сдѣлался закономъ, какъ выражается Levasseur. Основною мыслью этого обычая въ первое время было, разумѣется, желаніе испытать искусство претендующаго на званіе масте-

---

[1]) Ibid.. Въ большинствѣ цеховъ подмастерьямъ запрещалось жениться; между тѣмъ какъ мастеръ *долженъ* былъ быть женатымъ и притомъ на дѣвушкѣ, принадлежащей къ ремесленному сословію. Ibid. 72.

[2]) Срокъ этаго странствованія иногда до 5 лѣтъ. Brentano 71. Оно сдѣлалось необходимымъ условіемъ лишь въ XVII ст. От. Gierke I. 404; Maurer. II; 451.

[3]) Maurer II. 451. Levasseur I. 456. Впрочемъ этотъ обычай упоминается въ статутахъ одного изъ цеховъ Парижа отъ XII ст.; но этотъ фактъ *Левассеръ* принимаетъ *за единичный*. Levasseur I. 204 и 456.

ра, [1]) но современъ этотъ обычай получилъ совершенно иной характеръ, сдѣлавшись однимъ изъ средствъ къ поддержанію монополіи: стали стараться сдѣлать испытаніе наивозможно болѣе труднымъ для исполненія съ цѣлью затормозить доступъ въ цехъ. Обыкновенно испытываемому задавали, въ теченіи опредѣленнаго срока, совершить опредѣленную работу, безъ всякой посторонней помощи; причемъ работа давалась по возможности самая непроизводительная, не могущая получить никакого сбыта и притомъ требующая затраты огромныхъ средствъ, силъ, времени. [2]). Назначалась особая коммиссія присяжныхъ (JURES), которые назначали самую работу и судили объ ея удовлетворительности. Испытываемый совершенно изолировался на все время испытанія; для чего онъ помѣщался въ домѣ одного изъ присяжныхъ или же вообще въ помѣщеніи, избранномъ этими послѣдними [3]); причемъ помѣщеніе это должно было оплачиваться экзаменующимся. Понятно, что все дѣло было въ рукахъ нѣсколькихъ мастеровъ, назначенныхъ въ присяжные судьи, которые рѣшали вопросъ о свойствѣ работы исключительно подъ вліяніемъ личныхъ соображеній; о безпристрастномъ рѣшеніи вопроса не могло быть и рѣчи; случалось что образцовыя работы самой тонкой и совершенной отдѣлки отвергались, какъ

---

[1]) Levasseur J. 457: въ 1408 году въ статутѣ одного изъ амьенскихъ цеховъ мы встрѣчаемся еще съ фразой, изъ которой видно, что цехъ оправдываетъ новый обычай требовать отъ вступающаго въ цехъ исполненіе CHEF—D'OEUVRE POUR LE BIEN ET PROUFFIT COMMUN.

[2]) Иногда ремесленникъ за работой надъ „образцомъ" проводилъ болѣе года. Levasseur JJ. 95. Предметомъ работы была вещь неупотребляемая въ общежитейскомъ обиходѣ и притомъ очень дорогая. Ibid. 96. и т. J. 469.

[3]) Ibid J 459.

неудовлетворительныя [1]); имѣли мѣсто разумѣется и явленія обратныя. При этомъ сыновья мастеровъ пользовались всякими послабленіями: ихъ chef-d'oeuvre (Muesterstueck) отличался уже несравненно меньшей трудностью и чаще всего требовалъ просто только обыкновенной опытности. [2]). Тѣже, въ комъ присяжные видѣли опасныхъ конкуррентовъ, раззорялись совершенно, на выполненіе заданнаго имъ chef-d'oeuvre. [3]). Если результаты испытанія признавались коммиссіей присяжныхъ удовлетворительными, испытываемый получалъ, наконецъ, право на вступленіе въ цехъ въ качествѣ самостоятельнаго мастера; но для осуществленія этого права оставалось сдѣлать еще очень и очень много; получившій его долженъ былъ внести опредѣленную сумму въ цехъ „на свѣчи" въ церкви (pour l'entretien du cierge); сумма эта въ сравненіи съ первоначальной возрасла до очень солидныхъ размѣровъ; онъ долженъ былъ оплатить потерянное на его испытаніе время присяжными судьями; внести извѣстную сумму за вписку его въ цехъ; мало того, во многихъ цехахъ поступающій долженъ былъ отдать свою образцовую работу въ пользу цеха или, если хотѣлъ сохранить — выкупить ее по очень высокой оцѣнкѣ; всего этого было не еще недостаточно; вновь посвященный долженъ былъ задать пиръ присяжнымъ, которые обыкновенно не разъ угощались во время производства работы [4]); само собою понятно, что этотъ пиръ XVI или XVII столѣтія далеко не былъ такъ простъ и скроменъ какъ пирушка цеховыхъ при вступленія въ ихъ среду новаго члена въ XII или XIII столѣтіяхъ. [5]).

---

[1]) Ibid. 463.
[2]) Ibid. 464.
[3]) Ibid. II 95—97.
[4]) Ibid. I. 461—62.
[5]) Maurer II 457.

Глава IV.

Внутреннее разложеніе цеховъ.

Можно себѣ представить какую круглую сумму составляли всѣ эти расходы въ ихъ общей сложности! Многимъ ли, послѣ этого, доступно было право вступленія въ цехъ. Что же оставалось дѣлать большинству работниковъ—подмастерій, экономическое положеніе которыхъ лишало ихъ всякой надежды стать когда либо самостоятельными мастерами? Примириться съ своей участью и озаботиться лишь о посильномъ ея облегченіи. *О борьбѣ* съ могущественными цехами пока не приходилось и думать. Все, чего могли достигнуть подмастерья—организоваться въ правильныя общины, чтобы быть въ состояніи представить хоть какой нибудь отпоръ силѣ цеха, хоть сколько нибудь пріобрѣсти въ его глазахъ значенія. Образуются общества ремесленниковъ—работниковъ, подмастерьевъ, Gesellenbruederschaften, compagnonnages, которыя появились уже въ концѣ XIV столѣтія, а въ XV и XVI вѣкахъ, уже покрывали собою всю Германію [1]). Само собою понятно, что эти общества распространились въ средѣ подмастерьевъ именно въ то время, когда монопольный духъ цеховъ достигъ наибольшей степени развитія, когда между мастеромъ и подмастерьемъ не могло быть рѣчи ни о какихъ другихъ отношеніяхъ, кромѣ открыто-враждебныхъ, замѣнившихъ собою первоначальныя, полусемейныя; когда между мастеромъ и подмастерьемъ не существовало другаго различія, кромѣ различія, выражаясь словами Гирке, возраста и техническаго развитія.« Понятно, что въ это первое время образованія состо-

---

1) Ibid 968.

янія подмастерьевъ, ихъ организація общинная необходимо отличалась отъ такой организаціи, выработавшейся впослѣдствіи. Общины подмастерьевъ этого времени представляли собою неболѣе, какъ общины съ благочестивою цѣлью, которая какъ и религіозныя общины мастеровъ, стояли въ извѣстной зависимости отъ цеховыхъ собраній [1]. Но съ постепеннымъ развитіемъ частно-правоваго монопольнаго духа въ цехахъ эти общины совершенно измѣняютъ свой характеръ: классъ подмастерьевъ вырабатывается въ особое сословіе, интересы котораго діаметрально противоположны интересамъ цеховъ; организація этого сословія крѣпнетъ постепенно, не смотря на враждебныя отношенія къ нему городскихъ властей, которыми въ это время стали уже власти цеховыя. Подмастерья организуются въ болѣе или менѣе самостоятельныя общины, но совершенно по образцу цеховыхъ [2]. Эти общества представляли самостоятельныя юридическія лица, обладавшія собственностію, какъ движимой, такъ и недвижимой [3]. Во главѣ ихъ стояли представители подмастерьевъ, органы общей воли, выражавшейся въ общихъ собраніяхъ всѣхъ подмастерьевъ [4] (Lantag; Friedenstag въ Германіи); представители юридическаго лица, избираемыя ими въ своихъ общихъ собраніяхъ изъ собственной среды Altgesell—судья и предсѣдатель въ общихъ собраніяхъ и другія общественныя должностныя лица. [5]) Эти общины пользуются автономіей въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, подобно цеховымъ обществамъ [6].

---

1) От Gierke. J. 404.

2) Jbid. 405.

3) Jbid: Maurer JJ: они имѣли свои Rathaeuser и трактиры. 440 и капиталы. Jbid. 449.

4) Maurer JJ. 496.

5) Jbid. 498; От. Gierce J. 405.

6) От Gierke Jbid,—Maurer. JJ 499.

Цѣли этихъ общинъ, подобно цеховымъ, въ высшей степени разнообразны: и въ нихъ мы встрѣчаемся и съ религіозной, и филантропической, и съ нравственной, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, сторонами [1]). Но понятно само собою, что главная основная цѣль ихъ лежала во взаимной поддержкѣ другъ друга противъ произвола мастеровъ [2]); въ этомъ отношеніи въ нихъ выступали на первый планъ интересы чисто-экономическіе. Въ Германіи эти общества, не смотря на враждебныя отношенія къ нимъ, были все таки санкціонированы и существовали, какъ законное явленіе общественно-промышленной жизни Во Франціи же эти общества приняли совершенно иное направленіе; они не остановились здѣсь только на мѣстныхъ, въ данномъ только городѣ существующихъ братствахъ, признанныхъ закономъ; сильное развитіе обычая странствованія вызвало нѣсколько болѣе сложную организацію рабочихъ союзовъ; организацію, которая, благодаря враждебному отношенію къ ней властей цеховыхъ и обще-государственной, не замедлила вылиться въ формы тайныхъ союзовъ, внѣшность которыхъ представляла собою много таинственнаго, маловяжущагося съ дѣломъ; сущность ихъ состояла во взаимной помощи путешествующихъ ремесленниковъ подмастерьевъ [3]).

Замѣчанія Lavasseur'а, что compacnonage представляетъ собою форму чисто рабочей организаціи [4]) вѣрно; но эти ассоціаціи все таки отличаются отъ цеховыхъ вовсе не въ принципѣ, не по началу, на

---

1) Maurer. JJ. 449—444. Ср. Gierke. ib. Они какъ и цехи, имѣли своего патрона между святыми.

2) Levasseur. J. 468. Ср. Gierke ib.

3) Levasseur. J. 501.

4) Jbid. 503.

которомъ основывались, а лишь по составу: въ последнихъ соединяются представители исключительно капитала въ последнее время ихъ существованія, а въ первыхъ—представители труда. Основное же начало этихъ *рабочихъ* союзовъ, союзовъ представителей труда, ничѣмъ не отличалось отъ начала, на которомъ строились цехи. На другомъ началѣ, на началѣ совмѣстнаго труда, они и не могли построиться, такъ какъ никто изъ нихъ не имѣлъ права на самостоятельный трудъ. Но и эта организація ремесленниковъ—подмастерьевъ все таки представляла собою нѣкоторую силу, съ которой цехамъ приходилось вѣдаться. Обладая нѣкоторымъ хотя и скромнымъ, капиталомъ, имѣя возможность оказывать помощь изъ этого капитала отдѣльнымъ членамъ общества, поомастерья рабочіе уже не представляди собою по отношенію къ мастерамъ—хозяевамъ ту безпомощную рабочую силу, оплата и содержаніе которой было совершенно въ рукахъ этихъ хозяевъ. До организованія подмастерьевъ въ отдѣльныя общества единственной защитой ихъ противъ притѣсненій отдѣльныхъ хозяевъ являлась вся совокупность этихъ хозяевъ—цехъ; но на безпристрастіе этой защиты можно было сколько нибудь полагаться лишь до тѣхъ поръ, пока цехъ не обратился еще въ замкнутое общество монополистовъ; пока городское управленіе не было еще исключительно цеховымъ. Но съ того момента, какъ цеховое устройство стало въ тоже время и городскимъ, когда управленіе города перешло въ руки нѣскольких, наиболѣе богатыхъ, членовъ цеховъ; когда, такимъ образомъ, изчезла всякая возможность обжалованія рѣшенія цеховыхъ властей по вопросу объ отношеніи рабочихъ-подмастерьевъ къ мастерамъ-хозяевамъ, первымъ осталось единственное средство обратиться къ собственнымъ силамъ. Союзы рабочихъ пускаютъ въ ходъ, для измѣненія своихъ отношеній къ хозяевамъ,

своей выгодѣ тѣже средства, которыя практикуются ихъ потомками еще и до настоящаго времени Общинная организація давала имъ возможность устраивать стачки съ цѣлью добиться того или инаго измѣненія своего положенія. Настаетъ время постоянной, упорной борьбы труда съ капиталомъ. Третейскимъ судьей въ этой борьбѣ является верховная власть, разумѣется тамъ, гдѣ она настолько сильна, что бы быть въ состояніи привести въ исполненіе свое рѣшеніе. Во второй половинѣ XVI ст. частыя стачки парижскихъ рабочихъ — булочниковъ, желавшихъ измѣнить условія найма по отношенію къ сроку и вознагражденію, стачки, лишавшія совершенно мастеровъ рабочихъ рукъ угрожавшія иногда ихъ личной безопасности, вызвали со стороны цеховыхъ жалобу королевскому прокурору. Королевская власть стала на сторону цеховъ [1]. Въ началѣ того же столѣтія наборщики ліонскихъ типографій стакнулись съ цѣлью увеличить заработную плату, улучшить содержаніе, выдаваемое имъ хозяевами. Дѣло, пройдя чрезъ инстанцію парламентскаго суда, дошло до короля, который издалъ по этому поводу въ 1541 году спеціальный ордоннансъ, которымъ уничтожались союзы этихъ рабочихъ, и всякія собранія ихъ, свыше пяти человѣкъ, безъ разрѣшенія судебной власти строго запрещались. За нарушенія отдѣльныхъ постановленій этого ордоннанса угрожали суровыми штрафами тюремнымъ заключеніемъ и даже изгнаніемъ [2]. Однако подобнаго рода ордонансы не достигали своей цѣли: королевская власть, даже во Франціи, не была еще на столько сильна, чтобы заставить исполнять ихъ. Борьба продолжалась; цехи и союзы рабочихъ затрачивали на нее не малыя силы.

---

1) Levasseur. II. 89.
2) Ibid. 91—92.

Эта борьба кипитъ не внутри только отдѣльныхъ цеховъ; она идетъ и между этими цехами. Съ развитіемъ промышленности, съ постепеннымъ возникновеніемъ новыхъ видовъ ея, съ быстрымъ развитіемъ начала раздѣленія труда—установить границы между отдѣльными цехами становится все труднѣе и труднѣе. Старые цехи во всѣхъ вновь возникающихъ, стоящихъ, по характеру ремесла, въ тѣсной связи съ ними, видятъ нарушеніе своихъ привилегій; возникаетъ борьба, тянутся безконечные процессы, непрерывающіеся въ теченіи цѣлыхъ столѣтій [1]). Понятно, какъ должно было это вліять на развитіе промышленности вообще. Каждая новая отрасль должна была завоевывать, такъ сказать, съ бою право на самостоятеллное существованіе; а между тѣмъ вмѣстѣ съ усложненіемъ и развитіемъ общественной жизни, усложнялись и развивались потребности этой жизни, вызывавшія на свѣтъ новыя виды ремеслъ и промышленности.

Глава V.

Отношеніе къ цехамъ государственной власти.

Усиливающаяся верховная власть не могла относиться пассивно къ цеховой организаціи съ ея

---

1) Ibid. 83. Такъ процессъ между портными и старьевщиками *тянулся* цѣлыхъ *три столѣтія*: портные доказывали, что старьевщики не могутъ *чинить* скупаемаго ими для перепродажи стараго платья, такъ какъ это составляетъ исключительное право ихъ, портныхъ; старьевщики же доказывали на оборотъ, что право портныхъ ограничивается лишь *монополіей* производить *новое платье*. Подобнаго же рода процессъ тянется *въ теченіи столѣтія* между торговцами *жареной дичью и мясомъ* и торговцами *живой дичью*. Цехъ мелочныхъ торговцевъ ведетъ процессъ о нарушеніи своихъ привилегій чуть не совсѣми цехами... Ibid. 83—88.

привилегіями и монопольной замкнутостью. Мы видѣли, какъ эта верховная власть относилась къ цехамъ. Она вездѣ лишаетъ цехи ихъ политическаго значенія, обращаетъ ихъ исключительно въ ремесленныя корпораціи, которыхъ если и не уничтожаетъ, то потому только, что убѣждена въ ихъ пользѣ для развитія промышленности подъ надзоромъ и регламентаціей ея правительственныхъ органовъ, т. е. при условіи уничтоженія даже и промышленной автономіи, если можно такъ выразиться, права самостоятельнаго регулированія своихъ внутреннихъ, исключительно ремесленныхъ отношеній.

Вотъ почему въ XVIII столѣтіи, въ періодъ перенесенія цеховой организаціи промышленности въ Россію, эта организація далеко уже не представляла собою того, чѣмъ она была въ XV столѣтіи и даже въ XVI. Теперь это не самостоятельныя, независимыя корпораціи, какими они были до паденія городскаго устройства, теперь они вмѣстѣ съ автономіей лишаются въ извѣстной степени своихъ *исключительно* монопольныхъ тенденцій, хотя свободы промышленность еще и несуществуетъ. [1]).

Теперь цехъ могъ возникнуть не иначе, какъ съ разрѣшенія верховной власти. [2]). Онъ представлялъ, такимъ образомъ, закономъ признанную корпорацію или общество, обладающее всѣми свойствами юридическаго лица; [3]) т. е., ему принадлежало право общихъ собраній всѣхъ членовъ, какъ средство выраженія воли цеха, право имѣть своихъ предста-

---

[1]) Я говорю здѣсь о цеховомъ устройствѣ XVIII вѣка исключительно въ Германіи; такъ какъ наша цеховая организація заимствована изъ этой страны.

[2]) Mascher. 392.

[3]) Ibid.

вителей, какъ органовъ воли, право имѣть движимую и недвижимую собственность и распоряжаться ею. Но это юридическое лицо не обладаетъ уже никакими политическими правами, не составляетъ государства въ государствѣ, а является не болѣе, какъ корпораціей, строго регулируемой общегосударственной властью въ видахъ охраненія государственныхъ интересовъ. Цеховыя собранія, имѣющія мѣсто два или четыре раза въ годъ, смотря по разстоянію, на которомъ разбросаны отдѣльные члены цеха, происходили подъ надзоромъ агента верховной власти, на нихъ присутствующаго; всѣ постановленія собранія имѣли силу лишь по утвержденіи ихъ этимъ агентомъ [1]. Представители цеха, его административныя власти, избирались на этихъ собраніяхъ изъ членовъ цеха и вступали въ отправленіе своей должности лишь по утвержденіи ихъ въ ней верховной властью [2]. Эти власти—обермейстеры, гильдмейстеры, алтмейстеры или алтменнеры—избирались въ большинствѣ цеховъ лишь **на одинъ годъ**. Для завѣдыванія спеціальными дѣлами избирались особыя **коммиссіи**. Этими единоличными и коллегіальными учрежденіями и исчерпывались всѣ **общецеховыя** должности. Власть цеховъ носитъ двоякій характеръ—судебный и административный. Судебная автономія цеховъ точно также ограничена надзоромъ агента верховной власти [3]. Судъ отправлялся выборными отъ цеха подъ предсѣдательствомъ обермейстера; дѣла, подлежащія его вѣденію, состояли исключительно только изъ проступковъ членовъ цеха противъ нарушенія цеховыхъ статутовъ. Наказанія ограничивались лишь денежнымъ

---

[1]) Ibid. 393.

[2]) Ibid. 392. Иногда они даже прямо назначались верховной властью изъ членовъ городскаго совѣта (Ratnsglieder).

[3]) Ibid. 396.

штрафомъ—не свыше двухъ гульденовъ, взносомъ въ цехъ опредѣленнаго количества пива или вина и изгнаніемъ изъ цеха, какъ самой высшей мѣры наказанія [1]). На рѣшеніе цеховыхъ судовъ можно было аппеллировать *въ обыкновенный судъ*.

Что касается власти законодательно-административной, то ея объемъ, какъ выраженіе автономіи цеховъ, былъ ограниченъ до NEC PLUS ULTRA; цеховое собраніе не могло собственной властью ни установить вновь, ни подтвердить уже существующую привилегію цеха; оно не могло ни распространить, ни ограничить ни одной статьи цеховаго статута; то есть оно не могло ни соединить нѣсколько цеховъ въ одинъ, ни раздѣлить одинъ на нѣсколько; не могло такъ или иначе измѣнить число членовъ цеха; не могло сдѣлать по собственному усмотрѣнію тѣ или иныя послабленія или затрудненія для желающихъ поступить въ цехъ; цеховое собраніе не могло исключительно по собственному желанію прекратить существованіе цеха, какъ юридическаго лица; оно не пользовалось правомъ избирать такъ называемыхъ шаумейстеровъ—надзирателей за продажей ремесленныхъ произведеній; оно, наконецъ, не могло по собственному усмотрѣнію установлять рыночные цѣны для этихъ произведеній. Всѣ эти права принадлежали исключительно государственной власти [2]). Такимъ образомъ, цеховыя власти могли самостоятельно дѣйствовать лишь въ строго опредѣленныхъ предѣлахъ, установленныхъ цеховыми статутами и опредѣленіями, изданными верховной властью въ теченіи XVI и XVII столѣтій; старинныя цеховыя обычаи имѣли силу лишь по стольку, по скольку они были признаны этой властью. Распоряженіе общественною цеховою собственностью не принадлежало безгранично цеховымъ властямъ:

1) Ibid.

2) Ibid. 395—396.

всякаго рода пріобрѣтенія и отчужденія этой собственности могло состояться лишь съ согласія верховной власти [1]). Оно было необходимо и для установленія всякаго рода новыхъ сборовъ съ членовъ цеха. [2]). Въ этомъ ограниченіи автономіи цеховъ и состояла сущность цеховъ Германіи въ XVIII столѣтіи: въ нихъ причина того, что если цехи, во преки мнѣнію государственной власти, и не содѣйствовали развитію торговли и промышленности; если они, на оборотъ, и тормозятъ это развитіе, то вовсякомъ случаѣ не такъ сильно, какъ прежде; прежнія злоупотребленія значительно смягчены; проявленіе исключительно монопольнаго духа стало невозможнымъ: цеховое право изъ *частнаго* права опредѣленной группы, обратилось въ *привилегію*. дарованную этой группѣ государствомъ.

Въ силу такого измѣненія цеховой автономіи и отношенія между мастерами—хозяевами и ремесленниками—подмастерьями и учениками значительно измѣнились къ выгодѣ послѣднихъ; хотя, разумѣется не въ самомъ принципѣ, а лишь въ его проявленіяхъ.

Цехъ представляетъ собою въ сущности *цѣлое*, въ составъ котораго входятъ не только мастера хозяева, но и ремесленники—подмастерья съ учениками [3]). Положеніе въ немъ тѣхъ, другихъ и третьихъ само-собою понятно, было далеко не одинаково. Положеніе первыхъ было положеніемъ активныхъ членовъ общества, принимавшихъ непосредственное участіе въ управленіе дѣлами цеха; положеніе вторыхъ было положеніемъ пассивныхъ членовъ общества, не принимавшихъ никакого уча-

[1]) Ibid. 394.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid. 392.

стія въ дѣлахъ общества. Законодательство, съ цѣлью устранить злоупотребленія мастеровъ, подробно регулируетъ отношенія къ мастерамъ хозяевамъ, какъ учениковъ, такъ и работниковъ—подмастерьевъ.

При вступленіи мальчика въ обученіе какому либо ремеслу къ данному члену цеха всѣ условія, на которыхъ онъ поступалъ въ домъ мастера, подробно вносились въ особую шнуровую книгу [1]). Плата за обученіе установлялась по добровольному соглашенію мастера съ родителями или родственниками ученика; maximum времени, на которое поступалъ ученикъ, опредѣлялся въ *шесть* лѣтъ—срокъ обученія очень не многимъ ремесламъ [2]); наиболѣе обыкновеннымъ срокомъ былъ трехъ-четырехъ лѣтній срокъ; отъ усмотрѣнія мастера зависѣло лишь сокращеніе условнаго срока, максимумъ на полгода, если ученикъ оказывалъ особенно быстрые успѣхи. Законъ не забылъ опредѣлить случаи нарушенія заключенныхъ условій по винѣ той или другой стороны; опредѣляется положеніе ученика въ случаѣ смерти хозяина и наоборотъ права родственниковъ ученика въ случаѣ его смерти, на внесенную ими плату за обученіе. Хотя и въ общихъ, слишкомъ неопредѣленныхъ, выраженіяхъ, законъ регулируетъ отношенія хозяина къ ученику, обязывая послѣдняго „повиноваться“ первому, запрещая хозяину обременять своего ученика излишней работой и уполномочивая его и старшаго подмастерья наказывать его, „смотря по обстоятельствамъ.“ [3]).

По окончаніи срока обученія, бывшій ученикъ вступалъ въ сословіе подмастерьевъ—ремесленни-

---

[1]) Ibid. 398.

[2]) Ibid. 399.

[3]) Ibid. 399—400.

ковъ, имя которыхъ присвоивается ремесленникамъ кончившимъ ученическій искусъ, пока они не получили права на самостоятельное занятіе ремесломъ и записаннымъ въ особую книгу (Gesellen—oder Brüderschaftsbuch) [1]). Поступивши къ извѣстному мастеру, подмастерье долженъ былъ повиноваться ему [2]) и работать исключительно только на него или по смерти его, на вдову—ремесленницу [3]). Законъ обязываетъ подмастерья не покидать хозяина до конца срока, если онъ нанялся на опредѣленный срокъ или до окончанія опредѣленной вещи, если онъ работаетъ поштучно; причемъ за нарушеніе этого постановленія подмастерью угрожаетъ опредѣленный денежный штрафъ. Законъ регулируетъ даже нравственную жизнь подмастерья, наказывая его за такія проступки, какъ позднее возвращеніе домой или заночеваніе безъ разрѣшенія мастера внѣ дома; онъ вмѣшивался даже въ такія, чисто личныя дѣла, какъ бракъ которому которому старался ставить всевозможныя препятствія [4]). Фактически допускалось существованіе *общинъ* или *братствъ* подмастерьовъ подъ ближайшимъ надзоромъ правительственной власти, цѣлью этихъ братствъ могла быть лишь взаимная помощь членовъ въ случаѣ нужды [5]). Собраніе всѣхъ членовъ братства подмастерьевъ регулировалось аналогично съ собраніями цеховыми; въ нихъ избирались власти общества—Altgesell, Ladengesell и Jnngesell.—На нихъ

---

1) Ibid. 401.

2) Ibid. 403.

3) Ibid. 404.

4) Ibid.

5) Ibid. 401. Съ этою цѣлью на общественный счетъ содержались особые домы, для помѣщенія гербергов, въ которые принимали подмастерьевъ и содержали ихъ въ теченіи опредѣленнаго срока.

присутствовалъ особенно назначенный для этого мастеръ, членъ цеха, безъ присутствія котораго собраніе не могло состояться. Распоряженіе общественными суммами находилось подъ непосредственнымъ надзоромъ особаго *мастера*, председателя, которому Altgesell долженъ былъ давать отчеты о приходахъ и расходахъ [1]). Главною цѣлью этихъ братствъ была въ сущности поддержка подмастерьями другъ друга во время ихъ странствованій по различнымъ городамъ, что, какъ мы видѣли, сдѣлалось повсемѣстнымъ обычаемъ въ Германіи въ теченіи XVII столѣтія. Вести борьбу съ мастерами за заработную плату эти общества теперь уже не могли, такъ какъ стояли подъ сильнымъ надзоромъ верховной власти, которая зорко слѣдила, чтобы они не преступали закономъ опредѣленныхъ границъ.

Какъ въ періодъ неограниченнаго господства цеховъ ихъ монополія поддерживалась затрудненіемъ вступать въ составъ ихъ всѣхъ и обращеніемъ права заниматься ремесломъ въ частную наслѣдственную собственность; такъ теперь лишеніе ихъ замкнутаго монопальнаго характера совершается обратнымъ путемъ: облегченіемъ и упрощеніемъ условій вступленія въ цехъ для всѣхъ желающихъ и путемъ постепеннаго обращенія права на занятіе какимъ либо ремесломъ изъ частнаго въ общественное, что необходимо влекло за собою устраненіе принципа наслѣдственности этаго права. .

Уже первая ступень по дорогѣ къ самостоятельному занятію даннымъ ремесломъ нѣсколько облегчалась у упрощалась: отъ вступающаго въ ученики требуется лишь законность происхожденія и принадлежность къ одному изъ христіанскихъ вѣроиспо-

---

[1]) Ibid. 402.

вѣданій. Дѣти крѣпостныхъ и крестьянъ могутъ поступить въ ученье съ тѣмъ условіемъ, однако что они представятъ, выражаясь юридическимъ языкомъ, свидѣтельство объ увольненіи, письменное согласіе на вступленіе ихъ въ обученье ремеслу; первые—отъ господина, вторые отъ мѣстной судебной власти (въ Гессенѣ). [1]). Сроки ученія, какъ мы видѣли, значительно сокращены.

Чтобы вступить въ данный цехъ въ качествѣ его самостоятельнаго члена, необходимо прежде всего быть гражданиномъ того города, въ которомъ находится этотъ цехъ [2]); далѣе, пройти искусъ ученичества и состоянія кочующаго подмастерья и наконецъ, представить образцовую работу. Сталобыть условія все тѣже по своей сущности, но сильно смягченныя въ своихъ формахъ. Время кочеванія нѣсколько сокращено; въ тѣхъ случаяхъ, когда подмастерье по какимъ либо очень уважительнымъ причинамъ немогъ вовсе посвятить времени на путешествіе, ему не отрѣзывался путь въ цехъ; онъ освобождался правительственными органами отъ этой обязанности, если въ замѣнъ вносилъ опредѣленную сумму денегъ [3]). Приготовленіе образца дѣлается возможнымъ дѣломъ для многихъ подмастерьевъ, если не для всѣхъ. Выборъ и назначеніе работы не зависитъ уже отъ усмотрѣнія и произвола присяжныхъ, а опредѣляется, до мелочей цеховымъ уставомъ. Запрещается заставлять и дѣлать такую вещь, въ качествѣ „образца", которая требовала бы громадныхъ денежныхъ затратъ, затраты неимовѣрной силы и времени; и притомъ представляла бы собою вещь безполезную, никому ненужную и

---

1) Jbid. 397—398.
2) Jbid. 405.
3) Jbid. 406;

потому немогущую найти сбыта [1]). Вопросъ о достоинствѣ „образца“ рѣшается особой коммиссіей мастеровъ подъ предсѣдательствомъ обермейстера и *въ присутствіи правительственнаго чиновника.* „Образецъ“ оставался собственностью испытываемаго. Угощенія запрещались [2]). Слѣдовательно, денежные расходы по вступленію въ цехъ значительно сокращались, покрайней мѣрѣ de jure. Все это вмѣстѣ значительно должно было облегчать доступъ подмастерьямъ къ самостоятельному занятію ремесломъ, если только имѣло мѣсто и de facto.

Съ другой стороны преимущества и привилегіи родственниковъ и свойственниковъ мастеровъ—хозяевъ нѣсколько сократились. Мастерамъ во многихъ городахъ удавалось для своихъ сыновей нетолько сокращать время обученія, но даже прямо записывать ихъ въ подмастерья [3]); однимъ словомъ, этотъ періодъ представлялся усмотрѣнію отца; но состоянія подмастерья дѣти мастеровъ не могли обойти ни въ какомъ случаѣ и прямо стать мастерами. Относительно ихъ до 1731 года позволялось сокращать время путешествія по чужимъ городамъ до одного года; но съ 1731 года этотъ обычай уничтоженъ и почти вездѣ дѣти мастеровъ должны были путешествовать, прежде, чѣмъ получить званіе мастера, въ теченіи того же времени, какъ и всѣ остальные [4]). А если въ Берлинѣ, Потсдамѣ, Фран-

---

1) Ibid.

2) Ibid. и 407 Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кромѣ того требовалось отъ желающихъ получить право на самостоятельное занятіе ремесломъ еще слѣдующее: а) принадлежность къ опредѣленному вѣроисповѣданію; в) извѣстная собственность; с) женитьба на вдовѣ или дочери мастера; d) опредѣленный возрастъ. Ibid. 405.

3) Ibid. 400.

4) Только Вюртембергѣ, въ нѣкоторыхъ цехахъ, этотъ срокъ былъ **нѣсколько** короче обыкновеннаго. Ib. 406.

кфуртѣ на О., Штетинѣ, Магдебургѣ и Кёнигсбергѣ путешествіе для сыновей мастеровъ было вовсе необязательно, то они обязаны были въ теченіи всего времени, которое должно бы было уйти на путешествіе, оставаться въ подмастерьяхъ [1]). При производствѣ же „образца“ всѣ условія для дѣтей и родственниковъ мастеровъ значительно еще облегчались, если не опускались вовсе.

Слѣдовательно, хотя и неособенно значительныя, измѣненія къ лучшему, въ смыслѣ ограниченія произвола мастеровъ, были сдѣланы въ цеховыхъ статутахъ XVIII ст.; въ смыслѣ же облегченія доступа въ цехъ для постороннихъ измѣненія, сдѣланныя въ этихъ статутахъ, уже довольно значительны.

Самый Zunftzwang въ XVIII столѣтіи значительно измѣняется: исключительное право цеховъ на производство данныхъ предметовъ ограничивается; хотя ограниченіе совершается не путемъ ограниченія, суживанія, самаго понятія Zunftzwang'а, вообще, но путемъ привилегій, исключеній; путемъ изъятія нѣкоторыхъ ремесленниковъ отъ обязанности входить въ составъ цеха, путемъ дарованія этимъ ремесленникамъ права самостоятельно заниматься даннымъ ремесломъ, не принадлежа къ составу цеха этого ремесла и, стало быть, не подчиняясь цеховымъ законамъ и опредѣленіямъ. Эти привилегіи даровались, въ качествѣ особаго благоволенія, милости (откуда и самое названіе такихъ ремесленниковъ—Gnadenmeister) отдѣльнымъ лицамъ ***верховною властью;*** причемъ привилегія выдавалась или на вполнѣ свободное производство, на правахъ совершенно одинаковыхъ съ правами цеховыхъ ма-

[1]) Ibid.

стеровъ; или же эти права были нѣсколько ограничены въ сравненіи съ послѣдними [1]). Полной свободой производства пользовались, на основаніи выданной верховной властью привилегіи, лишь очень не многіе; всѣ ихъ права обыкновенно точно выяснялись и опредѣлялись въ выданномъ имъ патентѣ; они стояли **внѣ всякой** связи съ цехами и пользовались правомъ свободнаго сбыта своихъ произведеній кому угодно, правомъ работать на всякаго. Они носили названіе **свободныхъ мастеровъ**—Freimeister [2]). Большинство же привилегированныхъ, не цеховыхъ ремесленниковъ, непользовались такой неограниченной свободой по отношенію **къ сбыту** своихъ произведеній, по отношенію къ кругу лицъ, на которыхъ могли работать. Къ этому послѣднему роду **не цеховыхъ** ремесленниковъ принадлежали почти исключительно **придворные ремесленники**, поставщики двора. Во Франціи, гдѣ королевская власть усилилась и развилась въ верховную государственную власть гораздо раньше, чѣмъ въ Германіи, гдѣ король еще въ XIV вѣкѣ продавалъ «право названіе мастера»—

---

[1]) Ibid. 440.

[2]) Къ этимъ свободнымъ мастерамъ можно отнести и слѣдующихъ не вполнѣ свободныхъ — по отношенію къ сбыту своихъ произведеній—ремесленниковъ: вполнѣ освобождались отъ всякой зависимости отъ цеха **ремесленники, работавшіе** спеціально на университеты, но они могли работать лишь на профессоровъ и студентовъ; сюда принадлежали **французскіе бѣглецы** съ ихъ потомствомъ; **солдаты**, которые пользовались правомъ работать для себя; **евреи** — могли сами убивать скотъ для собственнаго потребленія и продавать тѣ части убитой скотины, которыхъ они согласно правиламъ своей религіи не могли употреблять въ пищу. Mascher. 441. Сюда же можно отнести и тѣхъ ремесленниковъ, которые, благодаря ихъ небольшому числу, **не могли** составить цеха, или миновать цеховыхъ привилегій, получили однако право заниматься ремесломъ при извѣстныхъ ограниченіяхъ. Ibid. 410.

(LA MAÎTRISE), устраняя тѣмъ для покупавшаго это право необходимость исполнять условія, требуемыя для поступленія въ цехъ; гдѣ уже въ XV столѣтіи королевская власть регулируетъ цеховые статуты, посылаетъ своихъ представителей на цеховыя собранія, въ качествѣ предсѣдателя; во Франціи, говорю я, эти привилегированные, не подчиненные цеховымъ постановленіямъ ремесленники, въ силу королевскаго пожалованья, появляются несравненно раньше чѣмъ въ Германіи. Уже въ XV столѣтіи королевская власть Франціи, выражаясь языкомъ LEVASSEUR'А, разрушаетъ въ пользу своихъ поставщиковъ тѣ преграды, необходимости разрушенія которыхъ въ виду интересовъ всѣхъ ремесленниковъ, въ виду развитія промышленности вообще, она еще несознавала. Массы придворныхъ поставщиковъ перекочевывали вмѣстѣ съ дворомъ во время его передвиженій; пользовались во всякомъ городѣ, гдѣ останавливался дворъ, правомъ совершенно свободнаго занятія ремесломъ не только на короля и дворъ вобще, но и для всего городскаго населенія, причемъ не несли никакихъ налоговъ въ пользу цеховъ, права которыхъ они такимъ образомъ нарушали [1]). Такимъ образомъ, хотя и путемъ привилегій, безусловная монополія цеховъ подрывалась. Въ Германіи эти GNADENMEISTER не пользовались, какъ я уже замѣтилъ, такой широкой свободой; они не могли работать на всѣхъ желающихъ, а только, на государя и членовъ его фамиліи, вообще только для двора [2]).

---

[1]) LEVASSEUR. J. 524. Количество такихъ ремесленниковъ достигало солидныхъ размѣровъ. Одинъ король имѣлъ по **три** человѣка на каждое ремесло; своихъ отдѣльныхъ ремесленниковъ имѣла королева и дѣти.

[2]) MASCHER 410.

Несмотря на всю свою пальятивность, такъ сказать, частность своего характера, всѣ эти мѣры все-таки, въ концѣ концовъ, глубоко подтачиваютъ корень цеховой организаціи и носятъ въ себѣ зародышъ будущей свободы ремеслъ, полагаютъ основаніе новой организаціи ремесленной промышленности.

Такое отношеніе верховной власти и ея правительственныхъ органовъ въ XVIII ст. идетъ все crescendo. Тюрго въ 1776 году, исходя изъ исповѣдуемаго имъ начала свободы по отношенію къ торговлѣ и промышленности, особымъ эдиктомъ уничтожаетъ во всей Франціи цехи, исключая четырехъ (типографщиковъ и книгопродавцевъ, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, цирюльниковъ, аптекарей). Объявлялась полная свобода ремесленнаго производства [1]). Однако этого удара было недостаточно, чтобъ устранить съ арены общественнаго строя отжившее явленіе; оно еще разъ какъ бы ожило въ предсмертной агоніи. Лишь только Тюрго сошелъ съ политической сцены, какъ цехи были, въ томъ же 1776 году, возстановлены и протянули свое существованіе до великой революціи 1789 года. Эта страшная гроза, которою разразилась страшная туча политическаго горизонта Франціи XVIII ст., смыла, вмѣстѣ со многими другими уродливыми явленіями общественной жизни, и цехи.

Крѣпче засѣла цеховая организація въ Германіи, благодаря большему политическому значенію цеховъ въ этой странѣ. Ни одно изъ германскихъ правительствъ не рѣшилось въ теченіи прошлаго столѣтія, на уничтоженіе цеховой организаціи реме-

---

[1]) Levasseur. II 587—596. Englaender S. 91.

сленной промышленности. Они пустили въ ходъ, чтобъ не убить окончательно возможность всякаго развитія промышленности, систему такъ называемыхъ концессій, т. е. систему органиченій цеховыхъ статутовъ путемъ выдачи спеціальныхъ патентовъ, разрѣшеній на занятіе тѣмъ или инымъ ремесломъ внѣ цеха. Создавая подобную систему, правительства категорически высказываются противъ цеховъ, признавая ихъ вредное значеніе относительно развитія промышленности.

Представители мысли ратовали противъ цеховъ еше въ XVII ст.. Голландскій публицистъ XVII ст. Pieter de-la-Court высказался противъ нихъ еще въ 1659. Школа Кэне возстала противъ нихъ, какъ тормаза торговаго и промышленнаго развитія общественной жизни. Пресловутый Mercier-Lariviere, этотъ *вулгаризаторъ*, по мѣткому выраженію Blanqui идей Кэне, категорически заявлялъ (въ своемъ сочиненіи Ordre naturel et essentiel de sociètès politiques), что отсутствіе свободы въ занятіяхъ ремеслами неизбѣжно должно повести къ разрушенію государства. Одна изъ французскихъ Академій (въ Амьенѣ) увѣнчала въ 1757 году преміей сочиненіе, основанной мыслью котораго было доказать, что главнѣйшая причина царившей въ то время во Франціи нищеты—цеховая организація ремесленной промышленности [1]). Такого рода взглядъ на значеніе цеховъ высказываетъ въ 1780 году и итальянецъ Филанджьери въ своей извѣстной «наукѣ о законодательствѣ». Съ господствомъ политико-экономической школы Ад. Смита этотъ взглядъ дѣлается еще въ концѣ XVIII ст. господствующимъ.

Въ предложеннаго краткаго очерка нельзя не

---

[1]) Levasseur II, liv. VII., ch. III. Englaender I. 91.

заключить, мнѣ кажется, что цехъ даже и на родной своей почвѣ, начиная съ XV ст., періода господства цеховъ въ городскомъ строѣ Германіи, никакъ не содѣйствовалъ ни развитію ремесленной промышленности, ни устраненію антагонизма между представителями труда и капитала. Онъ не могъ содѣйствовать ни тому, ни другому не въ силу, какихъ либо, прившедшихъ въ него впослѣдствіи, особыхъ причинъ, а по самой своей *сущности*, въ силу того начала, на которомъ онъ покоился при самомъ своемъ возникновеніи.

Его цѣлью, даже въ первый періодъ его историческаго существованія, не были собственно промышленно-экономическіе интересы: онъ не былъ обществомъ, имѣвшимъ въ виду общее, союзное занятіе тѣмъ или инымъ промысломъ, какъ мы видимъ это въ нашей промысловой артели; его главною, преобладающею цѣлью было — организовать промышляющихъ тѣмъ или другимъ промысломъ въ такое общеніе, которое, среди феодальной безурядицы, было бы въ состояніи охранить каждаго члена общенія отъ послѣдствій этой безурядицы, доставило бы ему большую или меньшую возможность спокойно заниматься своимъ ремесломъ. Отсюда—политическая роль цеховъ. Разъ добившись—въ XV ст.—важнаго политическаго значенія, разъ войдя въ составъ феодальнаго строя въ качествѣ самостоятельной политической силы, цехъ eo ipso долженъ былъ стать на дорогѣ промышленнаго развитія, вооружиться противъ новыхъ требованій общественной жизни. Немногіе разбогатѣвшіе члены цеховъ необходимо должны были отстаивать замкнутость своего цеха: дѣйствовать иначе, значило бы потерять политическую власть, покоившуюся на ихъ богатствѣ. Отсюда—безпощадное преслѣдованіе свободнаго занятія промысломъ.

Этимъ же характеромъ цеха объясняется и то обстоятельство, что онъ не только не противодѣйствовалъ, но даже прямо содѣйствовалъ образованію пролетаріата, антагонизму между трудомъ и капиталомъ. Въ цеховой организаціи, при самомъ зарожденіи ея, лежали всѣ условія къ развитію этого антагонизма. Цехъ не былъ, еще разъ говорю, союзомъ отдѣльныхъ производителей, равноправныхъ de jure и de facto, союзомъ, имѣющимъ цѣлью занятіе даннымъ ремесломъ сообща. Въ немъ со дня его появленія представлялось широкое поле къ борьбѣ личныхъ интересовъ. Онъ—средство дать торгово-промышленному сословію, въ лицѣ экономически состоятельныхъ членовъ его, занять въ общественномъ строѣ положеніе, аналогическое съ положеніемъ другихъ полноправныхъ членовъ феодальнаго государства. Онъ и далъ это, предоставивъ будущимъ столѣтіямъ разрѣшеніе вопроса о пролетаріатѣ, отношеніи труда къ капиталу.

И. Дитятинъ.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Ярославль. Въ тип. Г. Фалькъ.

ПОСОБІЕ
ПРИ
ИЗУЧЕНІИ
ВНѢШНЕЙ ИСТОРІИ РИМСКАГО ПРАВА.

СОСТАВИЛЪ

В. Сокольскій,

ОРДИНАРНЫЙ ПРОФЕССОРЪ ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ЛИЦЕЯ.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Типографія Г. В. Фалькъ.

1876.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Января 7 дня 1876 г.

М. Капустинъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издавая въ свѣтъ настоящій очеркъ внѣшней исторіи Римскаго права, я считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о цѣли, которая при этомъ имѣлась мною въ виду Недостатокъ въ краткомъ элементарномъ учебникѣ исторіи римскаго права, могущемъ служить руководствомъ для студентовъ и вообще для всѣхъ начинающихъ, давно уже у насъ сознается, но, не смотря на это, до сихъ поръ не было попытокъ пополнить этотъ пробѣлъ нашей учебной академической литературы. Въ настоящемъ трудѣ я предпринялъ по мѣрѣ силъ удовлетворить потребности въ подобномъ начальномъ руководствѣ. При этомъ я старался не упускать изъ виду, что начинающій прежде всего долженъ быть ознакомленъ съ господствующими въ наукѣ воззрѣніями. Эти воззрѣнія и помѣщены въ составленномъ мною учебникѣ въ текстѣ въ видѣ послѣдовательнаго изложенія [1]), отклоняющіяся же отъ господствующихъ мнѣнія указаны только въ примѣчаніяхъ для тѣхъ, которые пожелали бы заняться болѣе подробнымъ изученіемъ нашей науки. Кромѣ того я счелъ необходимымъ въ виду того, что у насъ весьма трудно имѣть постоянно подъ руками всѣ источники исторіи римскаго права, привести наиболѣе характерныя мѣста изъ источниковъ цѣликомъ а не ограничиться простыми ссылками.

Настоящее пособіе обнимаетъ собою внѣшнюю исторію римскаго права, т е. ту часть, въ которой излагается общій ходъ развитія государственнаго и общественнаго строя и образованія права, и разсматриваются отдѣльные источники права. Впрочемъ я нашелъ не лишнимъ сдѣлать нѣкоторыя заимствованія изъ области науки римскихъ дре-

---

[1]) Тамъ, гдѣ я позволилъ себѣ уклониться отъ господствующихъ въ наукѣ воззрѣній, мною подробно указаны причины этого уклоненія.

вностей, ибо исторія развитія государства и права можетъ быть вполнѣ понята только при извѣстномъ знакомствѣ съ другими явленіями и условіями народной жизни, при которыхъ это развитіе совершалось [2]).

Я почту себя счастливымъ, если изданіемъ настоящаго пособія хоть сколько нибудь облегчено будетъ первоначальное знакомство съ внѣшней исторіей римскаго права. Замѣчанія спеціалистовъ будутъ приняты мною съ благодарностью.

Проф. *В. Сокольскій.*

---

[2]) Въ такомъ объемѣ и видѣ излагается внѣшняя исторія римскаго права напр. въ учебникѣ Данца.

ВВЕДЕНІЕ.

§ 1. Задача исторіи римскаго права состоитъ въ научномъ изложеніи постепеннаго развитія римскаго общественнаго и правоваго строя. Громадное значеніе, которое имѣли римскіе элементы въ міровомъ развитіи права, дѣлаетъ основательное изученіе исторіи римскаго права необходимостью для всякаго образованнаго юриста. Въ особенности важно знакомство съ исторіей римскаго гражданскаго права. Сіе послѣднее, представляя въ началѣ комплексъ племенныхъ своеобразныхъ обычаевъ, мало по малу въ слѣдствіе внутренняго развитія а равнымъ образомъ въ слѣдствіе ассимиляціи элементовъ права другихъ народовъ, подпавшихъ подъ власть римской державы, получило болѣе общій характеръ и такимъ образомъ сдѣлалось способнымъ послужить матеріаломъ для чисто научныхъ построеній. Римское право кодифицировано было въ VI вѣкѣ по Р. X. при Юстиніанѣ (Corpus juris civilis). Кодификація эта въ слѣдствіе стеченія различныхъ обстоятельствъ получила подъ конецъ среднихъ вѣковъ значеніе дѣйствующаго законодательства почти во всѣхъ западноевропейскихъ государствахъ. Вообще римское право есть одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ права народовъ новой Европы.

§ 2. Обыкновенно доводятъ исторію римскаго права до Юстиніана, при чемъ Юстиніаново законодательство уже не разсматривается въ подробностяхъ, такъ какъ подробное его изложеніе относится большею частію къ догмѣ римскаго права. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ изслѣдователей [1]) заканчиваютъ исторію римскаго права срединой 3 столѣтія по Р. X., когда послѣ смерти Модестина началъ вымирать мощный духъ римской юриспруденціи.

[1]) Напр. Esmarch. Römische Rechtsgeschichte (1856). Kuntze. Cursus des römischen Rechts § 65.

§ 3. Свѣдѣнія о римскомъ правѣ на разныхъ ступеняхъ его развитія мы почерпаемъ изъ различныхъ источниковъ [2]): a) изъ дошедшихъ до насъ текстовъ самихъ законовъ b) изъ сочиненій древнихъ писателей c) изъ разныхъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о примѣненіи какого-нибудь правоваго правила къ извѣстнымъ лицамъ, отношеніямъ и сдѣлкамъ.

§ 4. Дошедшее до насъ число текстовъ древнихъ законовъ, сохранившихся отчасти въ сочиненіяхъ древнихъ писателей отчасти же въ надписяхъ на камнѣ, мѣди и воскомъ покрытыхъ таблицахъ (cerae), весьма незначительно; напротивъ того изъ законовъ позднѣйшаго времени (т. н. Constitutiones principum) до насъ дошла бо́льшая часть.

§ 5. Между сочиненіями древнихъ писателей слѣдуетъ различать сочиненія писателей юристовъ отъ сочиненій писателей не-юристовъ. Изъ оныхъ первыя дошли до насъ къ несчастію въ отрывочномъ видѣ, главнымъ образомъ въ позднѣйшихъ компиляціяхъ [3]). Писатели не юристы, сообщающіе свѣдѣнія о древнемъ римскомъ правѣ, суть слѣдующіе: a) поэты. Для древнѣйшаго времени въ особенности важны комедіи Плавта. Затѣмъ свѣдѣнія о правѣ содержатъ сочиненія Горація, Овидія, Тибулла, Катулла, Марціала и Ювенала. Изъ позднѣйшихъ авторовъ слѣдуетъ указать на Авзонія и Клавдіана. Свѣдѣнія о римскомъ правѣ, находящіяся въ твореніяхъ поэтовъ, собраны у Henriot. Eug. Moeurs juridiques et judiciaires de l'ancienne Rome. 3 vol. Paris. 1865. b) историки римскіе и греческіе (т. е. писавшіе по гречески). Изъ первыхъ заслуживаютъ особаго вниманія α. Ливій (695 — 771 u. c.) Historiae. β. Тацитъ (52 — 134 по Р. Х.) Annales et historiarum libri. γ. Светонъ, бывшій

[2]) Изъ собраній источниковъ римскаго права упомянемъ: a. Corpus juris Romani antejustiniani. Consilio professorum Bonnensium E. Boeckingii, A. Bethmann-Hollwegii etc. Fasc. I — VI. b. Iurisprudentiae antejustinianae quae supersunt. In usum maxime academicum composuit, recensuit, adnotavit Ph. Eduardus Huschke. Изданіе наиболѣе удобное для академическаго употребленія.

[3]) О сочиненіяхъ писателей юристовъ будетъ сказано ниже при разборѣ дѣятельности римскихъ юристовъ вообще.

Magister epistolarum при Адріанѣ. Vitae XII Caesarum и de viris illustribus. Между историками, писавшими по гречески, богаты свѣдѣніями о древнемъ римскомъ правѣ: α. Polibius (549—631 u. c.), сынъ ахейскаго государственнаго мужа Ликорта, бывшій съ ахейскими заложниками 17 лѣтъ въ Римѣ (587—603 u. c.). Ιστορία καθολική. β. Diodorus Siculus (715 u. c.). Βιβλιοθήκη ἱστορική. γ. Dionysius Halicarnassensis (725 u. c). Ρωμαϊκή Ἀρχαιολογία. δ. Plutarchus Chaeronensis (50 — 120 по Р. Х). Βίοι παράλληλοι. c) грамматики. Что подразумѣвалось у древнихъ подъ занятіемъ грамматикой, явствуетъ изъ Cic. de oratore I. 41: in grammaticis poëtarum pertractatio, historiarum cognitio, verborum interpretatio, pronuntiandi quidem sonus. Замѣчательнѣйшіе изъ грамматиковъ α Sextus Pompeius Festus, de significatione verborum β. Aulus Gellius, жившій при Антонинахъ. Въ Noctium Atticarum libri XX собраны драгоцѣнныя свѣдѣнія о римскихъ юридическихъ древностяхъ. d) философы и ораторы. Сюда относятся α. Цицеронъ (648 — 711 u. c.). Въ юридическомъ отношеніи въ особенности важны рѣчи и риторическія сочиненія, менѣе важны Epistolae и философскія творенія (изъ сихъ послѣднихъ по предмету ближе всего привлекаютъ вниманіе историка юриста трактаты de legibus и de Re publica, а равнымъ образомъ Topica ad Trebatium [Сравни Rudorff. R. Rechtsg I. s. 244.]). β. M. Annaeus Seneca († 32) Libri X causarum. γ. M. Fabius Quintilianus (42—118). Libri XII de institutione oratoria. e) Scriptores rei rusticae et agrariae 1. rei rusticae. α. M. Porcius Cato (520 — 605 u. c.) de re rustica β. M. Terentius Varro (638 — 727 u. c) de re rustica ad Fundaniam uxorem etc. Сочиненія этихъ писателей содержатъ между прочимъ образцы встрѣчающихся въ сельско-хозяйственномъ быту контрактовъ. 2) rei agrariae s. agrimensores s. gromatici α. Frontinus († 106) de agrorum qualitate и de controversiis agrorum β. Hyginus de limitibus и de conditionibus agrorum. Сочиненія агримензоровъ (землемѣровъ), на значеніе которыхъ для исторіи права впервые указалъ Нибуръ, важны для опредѣленія общинныхъ территоріальныхъ отношеній.

§ 6. Памятники, въ которыхъ свидѣтельствуется о примѣненіи какого — нибудь правоваго правила къ извѣстнымъ лицамъ, отношеніямъ и правовымъ сдѣлкамъ, въ свою очередь могутъ быть раздѣлены на три группы: а) надписи, въ кото-

рыхъ говориться о явленіяхъ и событіяхъ обыденной жизни древнихъ, и которыя такимъ образомъ пополняютъ картину древняго быта, составляемую нами на основаніи свидѣтельства древнихъ писателей и древнихъ законовъ [4]) b) документы и грамоты о различныхъ юридическихъ сдѣлкахъ. Отъ древнѣйшаго времени совсѣмъ не сохранилось памятниковъ подобнаго рода, отъ временъ имперіи весьма не значительное число. Но въ этомъ отношеніи съ успѣхомъ можно пользоваться документами и грамотами, составленными въ Италіи въ первыя времена германскаго господства, ибо при заключеніи юридическихъ сдѣлокъ руководствовались еще нѣкоторое время римскими формами [5]) c) монеты. Изученіе нумизматики важно для исторіи императоровъ провинцій и городовъ.

§ 7. Исторію права дѣлятъ обыкновенно a) на *внѣшнюю*, въ которой излагается общій ходъ развитія общественнаго строя и образованія права, и разсматриваются источники права, и b) на *внутреннюю*, или исторію отдѣльныхъ правовыхъ ученій, понятій и институтовъ.

§ 8. Возможны два метода изложенія исторіи права a) *Синхронистическій*, согласно которому вся исторія права дѣлиться на опредѣленные періоды, и въ каждомъ періодѣ предлагается полная картина всѣхъ одновременныхъ явленій общественной и правовой жизни, b) *хронологическій*, по которому всѣ правовыя институты разсматриваются отдѣльно, при чемъ исторія каждаго института излагается отъ начала до конца. Большинство придерживается при изложеніи внѣшней исторіи права синхронистическаго, при изложеніи же внутренней исторіи права хронологическаго метода. Подобная традиція установилась не безъ основанія: во внѣшней исторіи права, по самому характеру предмета, весьма легко указать

---

[4]) Замѣчательнѣйшія изъ изданій надписей: Inscriptionum latinarum amplissima collectio. Edidit. Io. Casp. O r e l l i u s vol I и II. Tur. 1828 (собраніе это продолжено Генценомъ). Th. Mommsen. Inscript. regni Neapolitani. Ritschl Priscae latinitatis monumenta epigraphica 1860. Corpus inscriptionum latinarum. Vol 1. Berol. 1862.

[5]) Лучшее собраніе римскихъ документовъ и грамотъ. Iuris Romani negotiorum sollemnium, modo in aere, modo in marmore, modo in charta superstites. Collegit. Ern. Spangenberg. Lipsiae 1822.

на общіе всѣмъ разсматриваемымъ явленіямъ моменты развитія, между тѣмъ какъ во внутренней исторіи права установленіе такихъ общихъ моментовъ дѣло весьма трудное, такъ какъ развитіе отдѣльныхъ правовыхъ институтовъ не всегда совершалось одновременно, и невсегда даже можно опредѣлить съ точностію время возникновенія или видоизмѣненія даннаго института.

§ 9. Самое простое и наглядное дѣленіе внѣшней исторіи права то, по которому различаются слѣдующія 4 періода: 1 періодъ. Времена царей (до 244 г. u. c. или до 510 г. до Р. X). 2 періодъ. Времена республики (до 725 г. u. c. или до 29 г. до Р. X). 3 періодъ. Отъ паденія республики до единодержавія Константина Великаго (отъ 725 — 1078 г. u. c. или отъ 29 г. до Р. X —325 г. по р. X) 4 періодъ. Отъ единодержавія Константина Великаго до смерти Юстиніана (отъ 1078—1318 u. c. или отъ 325 — 565 по Р. X). Большинство дѣленій, встрѣчающихся въ учебникахъ или почти тождествены съ этимъ дѣленіемъ [6]) или легко могутъ быть къ нему сведены Совершенно своеобразное дѣленіе предлагаетъ Кунце [7]). Этотъ ученый основываетъ свое дѣленіе не на внѣшнихъ, а на внутреннихъ моментахъ развитія. Но, не смотря на всѣ достоинства, которыя это дѣленіе имѣетъ въ научномъ отношеніи, оно, что касается наглядности, уступаетъ принятому выше дѣленію, придерживаться котораго по этому и рекомендуется при первоначальномъ изученіи внѣшней исторіи римскаго права.

§ 10. *Литература.*

Уже древніе занимались изученіемъ и изложеніемъ исторіи права [8]). У новыхъ народовъ историческія изысканія въ области римскаго права начинаются со времени возрожденія наукъ и искусствъ т. е. съ 16 столѣтія, вполнѣ же научное

---

[6]) Такъ напр. дѣленіе, предлагаемое Кленце, и дѣленіе, котораго придерживается Данцъ. Сравни также приведенное ниже (§ 10) сочиненіе Ортолана.

[7]) Cursus des roem. Rechts. § 68. Кунце излагаетъ всю исторію права по синхронистическому методу.

[8]) Cicero de orat. 1. 42. Nam sive quem antiqua studia delectant: plurima est, et in omni jure civili et in pontificum libris, et in XII tabulis, antiquitatis effigies, quod et verborum prisca vetustas cognoscitur et actionum genera quaedam majorum consuetudinem vitamque declarant. Сравни frag 1 и 2. Dig. de origine juris. I. 2.—

и систематическое изложеніе исторіи римскаго права началось съ прошлаго столѣтія. Замѣчательнѣйшія изъ изложеній исторіи римскаго права суть: Hugo. Lehrbuch der Geschichte des roem. Rechts. Berlin 1790. Zimmern. Geschichte des roemischen Privatrechts 1826—1829. Ortolan Explications historiques des Institus de l'empereur Justinien. Tome I. Histoire de la législation Romaine. Paris 1827. 8-е изданіе 1870. Walter. Römische Rechtsgeschichte 1834—40 3 изданіе 1866 Klenze Lehrbuch d. Geschichte des roem. Rechts 1827. 2 изданіе 1835. Danz Lehrbuch der Geschichte des roem. Rechts 1840—46 2 пополненное изданіе 1871. Laferrière Histoire du droit civil de Rome 1846. Esmarch Roemische Rechtsgeschichte 1856. Rudorff. Römische Rechtsgeschichte 1857—59. Rein. Das Privatrecht und Civilprocess der Römer 1858. Ihering Geist des roem. Rechts auf verschiedenen Stufen seiner Entwickelung. Th I—III (Abth. 1). Kuntze. Cursus des roem. Rechts. 1869.

ВНѢШНЯЯ ИСТОРІЯ РИМСКАГО ПРАВА.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ

ОСНОВАНІЕ РИМА И ВРЕМЕНА ЦАРЕЙ.

(— 244 u. c. или до 510 г до Р. Х.).

Ortolan 1—87, Walter §§ 8—39,
Danz §§ 7—22, Esmarch 1—10.

§ 11. *Населеніе древней Италіи.*

Согласно новѣйшимъ эпиграфическимъ и лингвистическимъ изслѣдованіямъ все древнее населеніе Италіи распадается на слѣдующія пять племенныхъ группъ: Галловъ (обитавшихъ въ долинѣ По), Этрусковъ (занимавшихъ долину Арно), Италиковъ (поселившихся по берегамъ Тибра и Вольтурно) [9]), Япиговъ и Грековъ [10]). Изъ нихъ Этруски, Италики и Япиги составляютъ основное населеніе Италіи, пришедшее въ эту страну ранѣе двухъ другихъ упомянутыхъ племенъ. Въ свою очередь племя Италиковъ дѣлилось на a) Латиновъ и b) Умбро-Сабелловъ, къ которымъ принадлежали Умбры, Сабинцы и Оски (Самниты) [11]).

§ 12 *Основаніе Рима.*

Древній Римъ расположенъ въ мѣстности, гдѣ постоянно соприкасались различныя изъ вышеупомянутыхъ (§ 11) древне-италійскихъ племенъ, а потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что римскій народъ возникъ изъ *сліянія различныхъ племенныхъ элементовъ.* Начало римскому общественному организму положено было соединеніемъ въ одно цѣ-

---

[9]) Такъ называетъ эту группу Момзенъ.
[10]) Всѣ эти племена арійскаго происхожденія.
[11]) Сравни Kuntze § 48.

лое двухъ разноплеменныхъ союзовъ родовъ (tribus), латинскаго (Ramneis = Romaneis = Romani) и сабинскаго (Taties или Tities) [12]). Къ нимъ присоединился еще третій союзъ родовъ, извѣстный подъ именемъ Luceres, по всей вѣроятности Этрусскаго происхожденія [13]). И такъ про первыя времена Рима можно было уже сказать то, что сказалъ Флоръ (Ш 18) про позднѣйшее время: quippe cum populus romanus Etruscos, Latinos, Sabinosque miscuerit et unum ex omnibus sanguinem ducat, corpus fecit ex membris et ex omnibus unus est.

§ 13. *Первоначальное дѣленіе римскаго народонаселенія и народныя собранія.*

Вышеупомянутыя три трибы Ramnes, Tities и Luceres, изъ которыхъ составился римскій народъ, въ свою очередь разпадались на gentes, т. е. роды: подраздѣленіями gentes были familiae т. е. семьи. Это дѣленіе можетъ быть названо *естественнымъ* дѣленіемъ римскаго народа, такъ какъ оно основано на происхожденіи. Когда чуждые дотолѣ союзы родовъ составили одно цѣлое, одну общину, тогда установилось новое *искусственное* дѣленіе народонаселенія, приспособленное къ цѣлямъ *военной организаціи народа.* Согласно этому новому дѣленію каждая триба распадалась на 10 курій, каждая курія на 10 декурій, а въ составъ декуріи входило нѣсколько gentes соединенныхъ для отправленія сообща воинской повинности [14]). Изъ воиновъ, поставляемыхъ этими поздраздѣленіями трибы, составлялась та тысяча воиновъ, которую обязана была выставить въ поле каждая триба. Такимъ образомъ, первоначальное войско— legio дѣлилось въ свою очередь на три части, а эти части подраздѣлялись на куріи (Curia = Coviria) и декуріи. Кромѣ

---

12) Cic. de rep. II. 7. Cum Tatio rege Sabinorum foedus icit (sc. Romulus)..... quo foedere et Sabinos in civitatem adscivit, sacris communicatis et regnum suum cum illorum rege sociavit. Сравн. Liv. I. 13. Dion. II. 46.

13) Относительно происхожденія Luceres существуетъ споръ: нѣкоторые изслѣдователи считаютъ ихъ переселенными изъ Альбы Латинами. Высказанное въ текстѣ мнѣніе подтверждается между прочимъ собранными Ортоланомъ въ § 10 его исторіи данными.

14) Смотри приведенное Данцомъ (Theil I. seite 237 Nachtrag zu § 11. S. 17) мнѣніе италіянскаго ученаго Lattes.

того каждая курія выставляла 10 всадниковъ (celeres), такъ что изъ контингентовъ тридцати курій составлялась конница въ 300 всадниковъ. Роды, вмѣстѣ отправлявшіе воинскую повинность, вмѣстѣ же собирались для рѣшенія общественныхъ дѣлъ по декуріямъ. Декуріи соединялись въ куріи и составляли такъ называемыя comitia curiata (т. е. народное собраніе по куріямъ): каждая курія имѣла одинъ голосъ въ народномъ собраніи, и то предложеніе считалось принятымъ, за которое подало голосъ большинство курій [15]). Такимъ образомъ дѣленіе на куріи пріобрѣло и политическое значеніе. Далѣе, такъ какъ всякое общеніе между людьми въ первыя времена исторіи влекло за собой и религіозное общеніе, то для всякой куріи установлены были особыя sacra. Эти sacra считались на равнѣ съ тѣми, quae pro populo fiunt, — publica sacra, между тѣмъ какъ тѣ, quae pro familiis, gentibus fiunt, разсматривались какъ sacra privata: въ этомъ ясно выразилось различіе между дѣленіемъ на gentes и familiae и дѣленіемъ на curiae: первое имѣетъ *естественный*, второе *искусственный характеръ* [16]).

Относительно предметовъ вѣдомства куріатскихъ собраній въ первыя времена Рима имѣется немного свѣдѣній. Главнымъ образомъ имъ принадлежало избраніе царя (creatio regis). Созванному по куріямъ народу магистраты на основа-

---

15) Dion. II. 14. ἔφερε δὲ τὴν ψῆφον οὐχ ἅμα πᾶς ὁ δῆμος, ἀλλὰ κατὰ τὰς φράτρας (куріи) συγκαλούμενος. ὅ, τι δὲ ταῖς πλείοσι δόξειε φράτραις, τοῦτο επὶ τὴν βουλὴν ανεφέρετο.

16) Изложенное въ текстѣ мнѣніе оспаривается нѣкоторыми учеными, а именно Нибуръ положилъ основаніе ученію, по которому gentes считаются не естественными союзами, основанными на единствѣ происхожденія, а политическими подраздѣленіями курій, тождественными съ декадами или декуріями. Такимъ образомъ дѣленіе на gentes относится къ искусственному дѣленію римскаго народонаселенія. Мнѣнія Нибура придерживается и Вальтеръ (Theil I s. 20. Anmerkung 21). Но большинство новѣйшихъ изслѣдователей считаетъ правильнымъ воззрѣніе противоположное воззрѣнію Нибура, и не безъ основанія. Рѣшающее значеніе въ этомъ отношеніи имѣетъ показаніе Феста о характерѣ sacra gentilitia, изъ котораго мы сдѣлали заимствованія въ текстѣ, далѣе этимологія слова gens (отъ санскритскаго dschan т. е. рождаться), и наконецъ вся организація gens, указывающая на то, что это была ассоціація людей, основанная на единствѣ происхожденія (сравни Ihering. Geist des roem. Rechts. I. § XIV).

нія сенатскаго постановленія предлагали избрать царя: совершившееся избраніе вступало въ законную силу по одобреніи сенатомъ [17]). За тѣмъ новый царь посредствомъ lex curiata de imperio — новаго торжественнаго постановленія курій — облекался подобающею царскому сану властію. Далѣе, къ вѣдомству куріатскихъ собраній относилось cooptatio in patricios (натурализація, принятіе новыхъ чуждыхъ родовъ въ общеніе съ древними родами патриціата). Собраніе курій имѣло также право суда надъ преступниками [18]), имъ избирались по предложенію царя duumviri perduellionis и quaestores parricidii, къ нему обращались съ provocationes на рѣшенія duumviri perduellionis [19]) и въ извѣстныхъ случаяхъ на рѣшенія царскія [20]). Царь могъ предоставить курі-

---

17) Ливій I. 17. Decreverunt enim (patres) ut, quum populus regem jussisset, id sic ratum esset, si patres auctores fierent. Tum interrex concione advocata: «Quod bonum, faustum felixque sit, inquit, Quirites, regem create; ita Patribus visum est. Patres deinde, si dignum, qui secundus ab Romulo numeretur, crearitis, auctores fient.

18) По мнѣнію Іеринга I. 214. 215. 257.

19) Festus. V. Sororium tigillum: Horatius interfecit eam (sc. sororem); et quamquam a patre absolutus sceleris erat, accusatus tamen parricidii apud Duumviros, damnatusque provocaverit ad populum. Сравни Liv. I. 26.

20) Относительно существованія provocatio ad populum на рѣшенія царскія между учеными существуетъ разногласіе. Такъ нѣкоторые, основываясь на словахъ Цицерона (de rep. II. 31—) „Provocationes autem etiam a regibus fuisse declarant pontificii libri, significant nostri etiam augurales“, признаютъ существованіе provocatio, другіе же отвергаютъ оное, ссылаясь на то, что въ frag 2 § 16. D. de O. I. (I. 2) на допущеніе provocatio противъ рѣшеній консуловъ прямо указывается, какъ на видоизмѣненіе перешедшей къ нимъ власти царской. Эти противорѣчущія показанія Іерингъ примиряетъ слѣдующимъ образомъ: въ первыя времена Рима цари имѣли главнымъ образомъ только значеніе военноначальниковъ, а потому имъ принадлежало только право суда по преступленіямъ противъ военной дисциплины и по преступленіямъ, совершеннымъ воинами во время нахожденія подъ знаменами. Всѣ остальныя преступленія судились народнымъ судомъ. По усиленіи царской власти цари стали разсматривать иногда преступленія, подсудныя народному суду. И вотъ въ такого рода случаяхъ допускалась provocatio ad populum, т. е. просьба о пересмотрѣ дѣла, такъ какъ оно рѣшено было не компетентнымъ судьею. Когда же Царь судилъ въ качествѣ военноначальника, provocatio не могла имѣть мѣсто. Къ этимъ соображені-

атскимъ комиціямъ, постановить рѣшеніе о принятіи или не принятіи извѣстнаго закона, онъ могъ созывать ихъ для того, чтобъ узнать желаніе народное относительно предполагаемой войны (Dion. II. 14). Наконецъ народъ созывался иногда для торжественнаго присутствія и свидѣтельства при извѣстныхъ актахъ публичнаго или частнаго права: такъ народъ присутствовалъ и былъ свидѣтелемъ при inauguratio членовъ жреческихъ коллегій и жрецовъ, при составленіи testamentum, которымъ измѣнялся традиціонный порядокъ наслѣдованія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ куріатскія комиціи носили названіе: comitia calata. Изъ сказаннаго видно, что власть куріатскихъ собраній съ ранняго времени ограничивалась властію царской и вліяніемъ сената: къ этому присоединялось еще то обстоятельство, что все участіе народа въ общественныхъ дѣлахъ ограничивалось простымъ изъявленіемъ согласія или несогласія на извѣстное предложеніе. Далѣе, при народныхъ собраніяхъ постоянно наблюдались проявленія воли боговъ посредствомъ auspicia. Эти наблюденія производились царемъ или магистратомъ, собравшимъ комиціи, съ помощью авгуровъ. Слѣдовательно, если упомянутыя лица замѣчали, что рѣшеніе курій небудетъ согласно съ ихъ желаніемъ, они всегда могли пріостановить рѣшеніе и распустить собраніе подъ предлогомъ неблагопріятныхъ auspicia.

Право созванія куріатскихъ комицій принадлежало исключительно царю, и только въ случаѣ крайней необходимости курія созывались трибуномъ—предводителемъ всадниковъ (tribunus celerum). Во времена междуцарствія народное собраніе созывалъ interrex.

§ 14. *Царь и Сенатъ.*

Въ первыя времена Рима власть царская отличается преимущественно *военнымъ* [21]) характеромъ. Первоначально цари были предводителями войска, облеченными посредствомъ lex curiata de imperio пожизненною неограниченною властію надъ

ямъ Іеринга можно еще прибавить, что provocatio ad populum, существовавшая въ началѣ царскаго періода, могла подъ конецъ этого періода быть совершенно устранена усилившеюся царскою властію.

[21]) Іерингъ (I. c. I 259).

подчиненными имъ воинами. Но мало по малу власть царей получаетъ значеніе и *политическаго* главенства въ римской общинѣ. А такъ какъ всякое главенство въ первобытныя времена соединялось и съ религіознымъ главенствомъ, то цари и получили право собирать народъ — войско и приносить за него и отъ его имени богамъ жертвы [22]).

Съ теченіемъ времени неограниченный характеръ царской власти, возникшій относительно войска, сообщился и внутреннему управленію. Первое мѣсто послѣ царя въ войскѣ занималъ tribunus celerum — предводитель конницы, въ городѣ praefectus urbi s. custos urbis, назначавшійся въ тѣхъ случаяхъ, когда царь покидалъ городъ. Кромѣ того, между должностными лицами царскаго періода упоминаются duumviri perduellionis (судьи въ дѣлахъ по преступленіямъ противъ государства) и quaestores paricidii (судившіе смертоубійцъ).

Царя окружалъ сенатъ, состоявшій изъ декуріоновъ т. е. представителей декурій, и имѣвшій первоначально значеніе военнаго совѣта. Сенаторы въ первые времена римской исторіи избирались народомъ (по 100 отъ каждой трибы, по одному отъ каждой декуріи), а потомъ по усиленіи монархическаго начала стали назначаться царемъ. Сенатъ собирался только по призыву царя и не имѣлъ никакой инициативы въ общественныхъ дѣлахъ: онъ былъ исключительно совѣщательнымъ собраніемъ. Но, въ началѣ царскаго періода установился обычай, согласно которому цари обо всѣхъ важныхъ дѣлахъ спрашивали мнѣніе сената: Тарквиній Гордый первый нарушилъ этотъ обычай [23]). Когда же тронъ бывалъ не занятъ, то власть царская переходила на время междуцарствія въ руки сената. Составлялась коммиссія изъ decem primi se-

---

22) Іерингъ (I. c. I. 254). На то, что сакральный характеръ въ царской власти былъ послѣдствіемъ военнаго указываетъ Serv. Maur. Honoratus (ad Virg. III. 80): Majorum haec erat consuetudo, ut rex esset etiam sacerdos et pontifex.

23) Liv. I. 49. Hic enim regum primus (sc. Tarq. Superbus) traditum a prioribus morem de omnibus senatum consulendi solvit; domesticis consiliis rempublicam administravit; bellum, pacem, foedera societates per se ipse, cum quibus voluit, injussu populi ac senatus, fecit diremitque.

natus [24]), изъ которыхъ попеременно каждый въ продолженіи 5 дней исправлялъ должность царскую: такъ продолжалось вплоть до избранія новаго царя, который по предложенію интеррекса избирался куріатскими комиціями.

§ 15. *Патриціи, Кліенты и Плебеи.*

Полноправными членами древней римской общины могли быть только лица, принадлежавшія къ римскому патриціату [25]), къ одной изъ gentes, составлявшихъ трибы, изъ соединенія которыхъ возникъ римскій народъ. Слѣдовательно, лица, не принадлежавшія къ этимъ gentes, не могли считаться полноправными римскими гражданами. А между тѣмъ въ Римѣ существовало значительное число такихъ лицъ. Сюда относятся какъ жители покоренныхъ Римомъ городовъ (впрочемъ не всѣ, ибо высшій классъ покореннаго города обыкновенно принимался въ общеніе съ patres, а gentes, изъ которыхъ состоялъ этотъ классъ причислялись къ первоначальнымъ gentes римскаго патриціата) [26]), территорія которыхъ присоединена была къ римской, такъ и чужеземцы, добровольно поселившіеся въ Римѣ.

Изъ этихъ пришельцевъ и переселенцевъ составилось два класса народонаселенія: кліенты и плебеи. Кліентами [27]) считались тѣ, которые поручили себя защитѣ какого нибудь патриція и въ слѣдствіе этого отдались подъ его власть. Между кліентомъ и принявшимъ его подъ свою защиту и власть патриціемъ (патрономъ) устанавливалось правильное, опредѣленное обычаемъ, и освященное религіей и правомъ отношеніе. За представительство интересовъ кліента на судѣ и

---

24) Весь сенатъ дѣлился на 30 декурій (по 10 отъ каждой трибы). Decem primi senatus были старшины сенатскихъ декурій изъ древнѣйшей трибы т. е. Ramnes. —

25) Слово патрицій слѣдующимъ образомъ объясняется Фестомъ v. Patricios, Cincius ait in libro de comitiis, eos appellari solitos, qui nunc ingenui vocentur. Патриціемъ считалось такое лицо, предки котораго отъ вѣка были patres т. е. полноправные римскіе граждане.

26) Liv I. 30. Roma interim crescit Albae ruinis; duplicatur civium numerus... principes Albanorum in patres, ut ea quoque pars rei publicae cresceret, legit (sc. Tullus Hostilius).

27) Слово cliens производится обыкновенно отъ cluere, κλύειν, слушать (въ смыслѣ слушаться, повиноваться).

вообще во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ самъ дѣйствовать не могъ, а равнымъ образомъ за правовыя поученія, даваемыя ему патрономъ, кліентъ долженъ былъ въ свою очередь помогать патрону деньгами въ различныхъ случаяхъ жизни: при выдачѣ дочерей патрона замужъ, при выкупѣ изъ плѣна самаго патрона или его домашнихъ, при платежѣ денежныхъ пеней, наложенныхъ на патрона и т д Патроны и кліенты не могли свидѣтельствовать другъ противъ друга или обвинять другъ друга на судѣ. Нарушившіе это правило посвящались богамъ и объявлялись внѣ закона: всякій могъ убить ихъ [28]). Кліентела была обще—италійскимъ учрежденіемъ, и въ первыя времена Рима всѣ пришельцы и переселенцы вступали въ положеніе кліентовъ и распредѣлялись между родами патриціата [29]). Но, съ теченіемъ времени поступленіе въ кліенты перестало быть обязательнымъ для переселенцевъ, и историки начинаютъ упоминать о новомъ классѣ поселенныхъ на римской территоріи чужеземцевъ — о плебеяхъ. Этотъ классъ въ особенности умножился послѣ покоренія Римомъ значительнаго числа сосѣднихъ племенъ и городскихъ общинъ. Положеніе плебеевъ было слѣдующее: они были свободными жителями Рима, пользовавшимися нѣкоторыми гражданскими, но не политическими правами. Они имѣли jus commercii (т. е. способность вступать въ юридическія отношенія по имуществу съ патриціями), но не имѣли jus connubii (права заключать брачные союзы съ членами патриціата) и jus suffragii et honorum (т. е. права голоса въ народныхъ собраніяхъ и права быть избираемымъ въ магистраты). Плебеи, собственно говоря, не составляли части populus Romanus: они рѣзко противополагались правильно организованному и распадавшемуся на gentes populus Romanus и представляли собою неорганизованную, не имѣющую gentes, массу.[30]) Офиціальныя сношенія между ними и патриціями происходили посредствомъ феціа-

---

[28]) Dion II. 10.

[29]) Cic. de rep. II. 9 ...et habuit (sc. Romulus) plebem in clientelas principum descriptam.

[30]) Отсюда и ихъ названіе: plebs отъ pleo, подобно тому какъ Πλῆθος отъ Πλέω.

ловъ, коллегіи жрецовъ, которой поручено было веденіе между-народныхъ и между-племенныхъ дѣлъ. Плебеи не были участниками римскихъ sacra. Плебеи съ теченіемъ времени стали стремиться измѣнить свое положеніе. Побудительною причиною было привлеченіе плебеевъ къ отправленію воинской повинности и обложеніе ихъ податями: неся эти тягости наравнѣ съ патриціями, они начали требовать и одинаковаго съ ними участія въ дѣлахъ управленія.

§ 16. *Попытка Тарквинія Приска слить плебеевъ съ патриціями.*

Первая попытка доставить новымъ гражданамъ Рима — плебеямъ участіе въ управленіи сдѣлана Тарквиніемъ Прискомъ: онъ предполагалъ создать три новыя плебейскія трибы и сопоставить ихъ съ древними трибами патриціата. Попытка эта не привела ни къ какимъ результатамъ вслѣдствіе сопротивленія патриціевъ, и царь долженъ былъ удовольствоваться включеніемъ значительнаго числа плебейскихъ родовъ въ существующія древнія трибы[31]). Съ этого времени различаются primi Ramnes, Tities и Luceres (patres majorum gentium) и secundi Ramnes, Tities и Luceres (patres minorum gentium).

§ 17. *Реформы Сервія Туллія.*

Вторую попытку сліянія плебеевъ съ патриціями сдѣлалъ Сервій Туллій. Прежде всего онъ раздѣлилъ весь городъ Римъ и всю территорію, принадлежавшую Риму на участки (regiones) или *мѣстныя* трибы (4 tribus urbanae и 26 tribus rusticae [Dion. IV. 15.]). Къ этимъ мѣстнымъ трибамъ одинаково приписаны были какъ патриціи такъ и плебеи. Каждая триба имѣла своего старшину—трибуна, главнѣйшая обязанность котораго состояла въ веденіи и храненіи списковъ, въ которые заносились имена жителей трибы, дома и поземельные участки, лежавшіе въ предѣлахъ трибы. На основаніи этихъ списковъ составлялись реестры со свѣдѣніями объ имуществѣ гражданъ, и производилась каждыя пять лѣтъ (lustrum) таксація этого имущества (census). Точное опредѣленіе имущества частныхъ лицъ необходимо было для *новой военно—политической* организаціи

[31]) Слич. Walter. Roemische Rechtsgeschichte. Theil I. S. 44. § 27.

римскаго народонаселенія, задуманной Сервіемъ Тулліемъ. Налоги и повинности распредѣлены были пропорціонально имуществу гражданъ (прежде они распредѣлялись viritim т. е. поголовно). Согласно этому всѣ граждане дѣлились на имущихъ (locupletes), отправлявшихъ воинскую повинность и платившихъ налоги (assidui отъ assem duere sive dare), и на неимущихъ, не платившихъ никакихъ налоговъ, а отправлявшихъ только личную воинскую повинность въ резервахъ, или даже не отправлявшихъ воинской повинности, свободныхъ отъ всякихъ общественныхъ тягостей, умножавшихъ только народонаселеніе государства посредствомъ прокреаціи дѣтей (proletarii)[32]). Личная воинская повинность соединена была для assidui съ обязанностью пріобрѣсти на собственный счетъ необходимое вооруженіе; тѣ изъ пролетаріевъ, которые несли воинскую повинность, слѣдовали за войскомъ безъ оружія и служили для замѣны въ битвѣ падшихъ assidui, вооруженіе которыхъ тогда и надѣвали [33]). Богатѣйшія изъ assidui должны были отбывать воинскую повинность на конѣ и выставляли 18 centuriae equitum (изъ нихъ шесть центурій поставлялись патриціями, по двѣ центуріи отъ каждой изъ древнихъ племенныхъ трибъ, и двѣнадцать центурій богатыми плебеями). За тѣмъ по состоянію всѣ assidui дѣлились на пять классовъ. Первый классъ, къ которому принадлежали граждане съ цензомъ въ 100,000 ассовъ, выставлялъ 80 центурій тяжело—вооруженныхъ пѣшихъ воиновъ, каждый изъ трехъ слѣдующихъ классовъ съ цензомъ въ 75, 50 и 25000 ассовъ по 20 центурій менѣе тяжело — вооруженной пѣхоты, и наконецъ пятый классъ съ цензомъ въ 10 или 12 тысячъ ассовъ 30 легко вооруженныхъ пѣшихъ центурій. Изъ пѣшихъ центурій половину составляли centuriae juniorum (т. е. состоящія изъ лицъ недостигшихъ 45 лѣтняго возраста) и половину centuriae seni-

---

[32]) Cicero, De rep. II. 22. Quum locupletes assiduos appellasset ab aere dando; eos qui aut non plus mille quingentum aeris aut omnino nihil in suum censum praeter caput attulissent proletarios nominavit; ut ex iis quasi proles, id est quasi progenies civitatis expectari videretur.

[33]) Сравни: Festus v. Adscripticii и v. Velati а равнымъ образомъ Varro. de lingua latina VII. 56.

orum (т. е. состоящія изъ лицъ старше 45 лѣтъ). Centuriae juniorum предназначались для наступательныхъ дѣйствій, centuriae seniorum для обороны Рима. Кромѣ того въ войскѣ насчитывалось еще 4 centuriae fabrum, cornicinum et tibicinum. Пролетаріи [34]) составляли всего одну центурію (centuria accensorum [velatorum]). Вся пѣхота состояла такимъ образомъ изъ 175 центурій, а всѣхъ центурій вмѣстѣ съ центуріями всадниковъ было 193.

Организація политическая римскаго народонаселенія соотвѣтствовала организаціи войска: народное собраніе по центуріямъ (comitia centuriata) дѣлилось на подобіе войска. Каждый классъ имѣлъ въ народномъ собраніи столько центуріатскихъ голосовъ, сколько онъ выставлялъ центурій для войска. Войсковыя центуріи и центуріи народнаго собранія не были тождественны [35]): центурія народнаго собранія состояла изъ гражданъ, обязанныхъ общими усиліями выставить и вооружить войсковую центурію. Далѣе, такъ какъ въ народномъ собраніи должны были участвовать всѣ граждане, не исключая и тѣхъ, которые никогда не привлекались къ отправленію воинской повинности (сюда главнымъ образомъ относятся такъ называемые capite censi), то для цѣлей голосованія изъ всѣхъ тѣхъ, которые не могли войти въ составъ центурій, выставлявшихъ войсковыя центуріи, составлена была особая центурія. Кромѣ того упоминается еще такъ называемая «ni quis scivit centuria», въ которой подавали голоса граждане, не успѣвшіе по чему либо сдѣлать этого въ своей центуріи [36]).

---

34) Изъ пролетаріевъ воинскую повинность отправляли только тѣ, которые хотя и не были внесены въ списки имущихъ гражданъ, платящихъ подати, но все таки имѣли извѣстное состояніе (свыше 1500 ассовъ), они назывались adcensi т. е. пріобщенными къ лицамъ съ цензомъ, отправляющимъ воинскую повинность. Пролетаріи, имѣвшіе менѣе 1500 ассовъ состоянія назывались capite censi. Въ древнія времена они никогда не входили въ составъ войска.

35) Сличи Puchta. Cursus der Institutionen. Band. I. s. 146 (7-te Auflage. Lepzig 1871).

36) Фестъ такимъ образомъ опредѣляетъ значеніе «ni quis scivit centuria»: Ni quis scivit centuria est, quae dicitur a Serv. Tullio rege constituta, in qua liceret ei suffragium ferre, qui non tulisset in sua, ne quis civis suffragii jure privaretur; nam sciscito significat sententiam

Comitia centuriata собирались на марсовомъ полѣ [37]), избирали высшихъ магистратовъ [38]), постановляли рѣшенія относительно принятія или непринятія предлагаемыхъ имъ законопроектовъ, а равнымъ образомъ относительно объявленія войны и заключенія мира; къ нимъ также обращались provocationes въ случаяхъ perduellio. Подача голосовъ въ comitia centuriata происходила слѣдующимъ образомъ. Сперва подавали голосъ 18 центурій всадниковъ, за тѣмъ по порядку центуріи пяти классовъ до тѣхъ поръ, пока за или противъ извѣстнаго предложенія не насчитывалось абсолютнаго большинства (97 или 98) центуріатскихъ голосовъ. Между центуріями одного и того же класса порядокъ подачи голоса опредѣлялся жребіемъ: та изъ центурій извѣстнаго класса, которая подавала голосъ первая называлась centuria praerogativa. Въ нѣдрахъ каждой центуріи голосованіе происходило viritim. Такимъ образомъ рядомъ съ comitia curiata, собраніями первоначальнаго populus Romanus, возникли comitia centuriata, собранія всего римскаго свободнаго народонаселенія, не исключая и пришлаго его элемента—плебы. Первоначальное отношеніе этихъ новыхъ комицій къ старымъ куріатскимъ комиціямъ опредѣлить

---

dicito ac suffragium ferto, unde scita plebis; sed in ea centuria neque censetur quisquam, neque centurio praeficitur neque centurialis potest esse, quia nemo certus est ejus centuriae; est autem ni quis scivit, nisi quis scivit.

[37]) Въ этомъ по всей вѣроятности выражается то обстоятельство, что comitia centuriata собирались первоначально преимущественно для военныхъ цѣлей т. е. были собраніями войска (тогда само собою разумѣется и центуріи этого собранія были тождественны съ войсковыми центуріями), и что только впослѣдствіи они преобразовались въ народныя собранія съ политическимъ характеромъ. На это указываетъ слѣдующее мѣсто изъ Геллія (XV. 27): «Centuriata comitia intra pomoerium fieri nefas esse; quia exercitum extra urbem imperari oporteat; intra urbem imperari jus non sit propterea centuriata comitia in Campo Martis haberi.

[38]) Пухта. l. c. pag 147 думаетъ, что уже Сервій Туллій предполагалъ замѣнить царскую власть властію консуловъ и предоставилъ избраніе этихъ консуловъ собранію центурій. Въ подтвержденіе своего мнѣнія Пухта указываетъ на то, что Ливій (I. 60), повѣствуя о дѣйствительно совершившейся впослѣдствіи замѣнѣ царей консулами, выражается слѣдующимъ образомъ: duo consules inde comitiis centuriatis a praefecto urbis e x c o m m e n t a r i i s S e r v i i T u l l i i creati sunt.

трудно: по всей вѣроятности законопроекты, принятые центуріями, получали силу закона по одобреніи куріями, а избранные центуріями магистраты облекались присущею ихъ должности властію посредствомъ торжественнаго постановленія курій —lex curiata de imperio. Во всякомъ случаѣ реформами Сервія Туллія права куріатскихъ собраній были ограничены, а права плебеевъ расширены чрезъ дарованія имъ jus suffragii въ центуріатскихъ собраніяхъ. Законодательство Сервія Туллія не могло быть пріятно патриціямъ, а потому царь этотъ встрѣтилъ со стороны ихъ сильное сопротивленіе его предначертаніямъ, недопустившее его провести свою реформу во всѣхъ деталяхъ. Послѣ Сервія Туллія царствовалъ Тарквиній Гордый, возбудившій противъ себя въ одинаковой степени ненависть какъ патриціевъ такъ и плебеевъ. Патриціи не могли простить ему того, что онъ, добившись верховной власти съ ихъ помощью, не допускалъ ихъ до участія въ общественныхъ дѣлахъ, а управлялъ совершенно самовластно и произвольно: плебеи негодовали на него за новыя тягости, наложенныя имъ на народъ, за то, что онъ заставлялъ ихъ работать сверхъ силъ надъ колоссальными общественными сооруженіями, производимыми имъ въ Римѣ. Общественное неудовольствіе имѣло послѣдствіемъ изгнаніе Тарквинія, уничтоженіе царской власти въ Римѣ и учрежденіе республики.

§ 18. *Сакральныя учрежденія царскаго періода.*

Въ древнія времена всякое общеніе между людьми предполагало и религіозное общеніе между ними: весь общественный строй проникался религіозной идеей. Каждая gens имѣла свой культъ [39]), связывавшій отдѣльныя семьи въ одно цѣлое и выражавшійся въ отправленіи *родовыхъ* священнодѣйствій и жертвоприношеній (sacra gentilitia). Когда gentes различныхъ трибъ соединились въ одну общую римскую общи-

---

[39]) Культъ этотъ первоначально состоялъ главнымъ образомъ въ поклоненіи умершимъ предкамъ. Абстракція и персонификація силъ и явленій природы, случаевъ и отношеній жизни, поклоненіе имъ въ видѣ человѣкоподобныхъ существъ (антропоморфныхъ божествъ), появляется позднѣе культа умершихъ предковъ (Fustel de Coulanges. La cité antique. стр. 138 слѣд.). У древнихъ италійскихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ римскаго народа, встрѣчаемся какъ съ тѣмъ такъ и съ другимъ культомъ.

ну, тогда установился один общій римскій культъ. Соединившіяся племена передали одно другому своихъ боговъ, свои религіозныя воззрѣнія, свои обряды и свои сакральныя учрежденія: изъ религій отдѣльнымъ племенъ возникла одна общая римская религія, выражавшаяся въ отправленіи *общественныхъ* священнодѣйствій и жертвоприношеній (sacra publica). Въ отличіе отъ этого новаго общественнаго культа, старые родовые культы стали называться *частными* (sacra privata). Общественный культъ производился на государственный счётъ, ибо все государство заинтересовано было въ поддержаніи благоволенія боговъ, такъ какъ отъ этого зависѣло его благосостояніе: народъ, отъ котораго отступились его національныя божества, былъ обреченъ гибели, напротивъ того богобоязненныя и любимыя богами племена могли расчитывать на великую будущность [40]). Обязанность отправлять общественныя священнодѣйствія и приносить общественныя жертвы главнымъ образомъ лежала на куріяхъ, такъ что на каждую изъ нихъ возложено было чествованіе извѣстныхъ божествъ и геніевъ. Каждая курія имѣла особое зданіе, называвшееся также куріей, въ которомъ справлялись религіозныя празднества и имѣли мѣсто религіозныя пиршества. Сакральными учрежденіями куріи завѣдывали старшины куріи (curiones). Для покрытія расходовъ по содержанію этихъ учрежденій куріи получали вспомоществованіе изъ общественной казны (aerarium).

Лица, вообще представляющія государство, представляютъ его и передъ богами: магистраты въ силу своей должности имѣютъ жреческія функціи. Царь въ разсматриваемый нами періодъ приноситъ жертвы и наблюдаетъ auspicia какъ во время войны, въ походѣ, такъ и въ мирное время, въ Римѣ. Кромѣ того въ Римѣ существовалъ и особый классъ жрецовъ [41]).

---

[40]) Cicero de natura deor. II. 2. Civitas, quae nunquam profecto sine summa placatione deorum immortalium tanta esse potuisset. На существованіе у римлянъ изложенныхъ въ текстѣ воззрѣній указываетъ также переданная намъ Макробіемъ (Ш. 9.) молитвенная формула, посредствомъ которой римляне при осадѣ городовъ старались побудить боговъ осажденнаго города покинуть его и тѣмъ предать въ ихъ руки.

[41]) Жреческій классъ въ Римѣ никогда не имѣлъ кастическаго характера. Допускалось даже соединеніе въ одномъ лицѣ духовной и свѣтской должности.

Между членами этого класса различались занимавшіеся внѣшнимъ управленіемъ въ дѣлахъ культа [42]) отъ занимавшихся совершеніемъ литургическихъ дѣйствій и церемоній. Къ первымъ принадлежали слѣдующія жреческія коллегіи: а Коллегія понтифексовъ или понтифовъ (pontifices), учрежденіе которой относится къ законодательной дѣятельности Нумы Помпилія [43]). Понтифексы должны были наблюдать за тѣмъ, чтобы все въ культѣ совершалось согласно предписаніямъ и формуламъ, занесеннымъ въ древнія книги; они были такъ же верховными блюстителями сакральнаго права: къ нимъ надлежало обращаться въ сомнительныхъ случаяхъ и спорныхъ вопросахъ. Такъ какъ сакральное право во многихъ частяхъ соприкасалось, а въ другихъ даже сливалось съ правомъ свѣтскимъ, то понтифексы начали заниматься и вопросами свѣтскаго права, сперва по всей вѣроятности тѣми, которые имѣли отношеніе къ сакральному праву, а потомъ всѣми вообще. Вскорѣ ихъ вліяніе на право и на общественную жизнь сдѣлалось весьма значительнымъ. Этому не мало способствовало то обстоятельство, что понтифексамъ поручено было постоянное исправленіе недостатковъ римскаго календаря посредствомъ интеркалацій. Римскій годъ, такъ какъ установилъ его Нума, содержалъ 355 (или 354) дней, значитъ не соотвѣтствовалъ астрономическому году и разнился отъ него на десять (или 11) дней. Для уравненія римскаго года съ астрономическимъ надлежало согласно предписанію Нумы Помпилія вставлять каждые два года добавочный мѣсяцъ (mensis intercalaris въ 24 или 23 дня). Но вскорѣ порядокъ этихъ интеркалацій предоставленъ былъ усмотрѣнію понтифовъ, которые начали совершенно произвольно относиться къ исчисленію времени, а между тѣмъ это исчисленіе находилось въ близкомъ отношеніи къ праву публичному и частному: имъ опредѣлялись сроки, на которые избирались магистраты, на немъ основывалась классификація дней на праздничные и не праздничные, на такіе въ которые можно было созывать комиціи (dies co-

[42]) Momsen (Roem. Gesch. I. 172) называетъ этотъ отдѣлъ жреческаго класса „die religiösen Sachverstaendigen“.

[43]) Титъ Ливій (I. 20). Numa omnia publica privataque sacra pontificis scitis subjecit.

mitiales) и такіе, въ которые созваніе комицій не допускалось. Сюда относилось такъ же дѣленіе дней на такіе, когда допускалось отправленіе правосудія (dies fasti) и такіе, когда отправленіе правосудія не могло имѣть мѣста (dies nefasti) [44]). b. Коллегія авгуровъ, занимавшихся предсказаніями объ исходѣ общественныхъ предпріятій на основаніи auspicia [45]), т. е. наблюденія небесныхъ знаменій и другихъ необыкновенныхъ явленій природы, полета птицъ, клеванія пищи курицами и т д Предъ всякимъ общественнымъ предпріятіемъ магистратъ, представитель народа, предпринималъ наблюденія посредствомъ auspicia, при чемъ различалось наблюденіе знаменій — проявленій воли боговъ и истолкованіе этихъ знаменій. Наблюденіе производилъ обыкновенно магистратъ, истолкованіе давалъ авгуръ. Иногда магистраты сами истолковывали видѣнные ими знаменія [46]), но за коллегіею авгуровъ признавалось право протеста, въ случаѣ если при наблюденіи auspicia что либо упущено было изъ вида: принятые законы и состоявшіеся выборы объявлялись первые недѣйствительными, а вторые несостоявшимися на основаніи заявленія авгуровъ, что предшествовавшія имъ auspicia произведены были несогласно съ традиціонными правилами. c. Коллегія феціаловъ, которой поручено было веденіе всѣхъ между-народныхъ и между-племенныхъ дѣлъ и рѣшеніе вопросовъ между-народнаго права. Что дѣла подобнаго рода подлежали вѣдомству жреческой коллегіи объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что между-народныя отношенія основывались главнымъ образомъ на получившихъ религіозную санкцію трактатахъ. Договоры скрѣплялись торжественною клятвою, боги обѣихъ договаривающихся сторонъ призывались во свидѣтели этой клятвы, а состоявшееся соглашеніе поставлялось подъ ихъ защиту. Слѣдовательно вопросъ объ

---

[44]) О римскомъ календарѣ подробныя свѣдѣнія сообщаютъ Ortolan. l. c. 46—50. и Walter § 162—178 incl. О значеніи dies fasti и dies nefasti смотри Varro. de lingua latina VI. § 3. Hinc fasti dies quibus verba certa legitima sine piaculo praetoribus licet fari. Ab hoc nefasti quibus diebus ea fari jus non est, et si fati sunt, piaculum faciunt.

[45]) Фестъ слѣдующимъ образомъ выражается о знаменіяхъ, наблюдаемыхъ авгурами: Quinque genera signorum observant augures publici: ex coello, ex avibus, ex tripudiis, ex quadrupedibus, ex diris.

[46]) Livius VIII. 23.

объявленіи войны такому народу, съ которымъ существовалъ подобнаго рода договоръ, становился религіознымъ вопросомъ: требовалось изрѣченія религіозной власти о томъ, что противная сторона первая нарушила вѣру и клятву, что, слѣдовательно, предпринимая война должна считаться purum piumque bellum [47]). Торжественное объявленіе войны происходило при посредствѣ феціаловъ.

Литургическія дѣйствія и церемоніи совершались отчасти отдѣльными жрецами отчасти конгрегаціями (sodalitates) жрецовъ Къ первымъ принадлежали a) тридцать curiones и flamines curiales, съ curio maximus во главѣ. Они приносили жертвы божествамъ, чевствованіе которыхъ возложено было на отдѣльныя куріи, b) flamines отдѣльныхъ божествъ, между которыми первое мѣсто занимали flamines Юпитера. Марса и Квирина. Между жреческими конгрегаціями выдаются главнымъ образомъ слѣдующія: 1) конгрегація дѣвственницъ весталокъ (virgines vestales), посвященныхъ служенію Весты. Весталки пользовались большими преимуществами и личными привиллегіями, но въ тоже самое время находились подъ строгимъ надзоромъ коллегіи понтифексовъ 2) Salii (скакуны) жрецы Марса, плясавшіе въ Мартѣ мѣсяцѣ священную военную пляску. 3) Luperci для совершенія великаго празднества очищенія (lupercalia) 4) fratres Arvales, приносившіе торжественныя жертвы въ Маѣ мѣсяцѣ «великой богинѣ» (Dea Dia), подъ которой подразумѣвалась мать-земля, благословляющая трудъ людей и дарующая имъ богатыя жатвы.

Жреческія коллегіи пополнялись посредствомъ cooptatio (т. е. замѣщенія вакантнаго мѣста самими членами коллегіи). Прочіе жрецы выбирались первоначально по предложенію царя куріатскими комиціями. Какъ избирались весталки въ царскій періодъ неизвѣстно: первую весталку, согласно преданію, из-

---

47) Подобныя воззрѣнія отразились и на формулѣ объявленія войны Одна изъ подобныхъ формулъ сохранилась у Геллія (XVI. 4.): Quod populus Hermundulus hominesque populi Hermunduli adversus populum Romanum bellum fecêre derelinquêreque, quodque populus Romanus cum populo Hermundulo hominibusque Hermundulis bellum jussit: ob eam rem ego populusque Romanus populo Hermundulo hominibusque Hermundulis bellum indico facioque.

браяъ самъ царь Нума Помпилій [48]). Inauguratio жрецовъ совершалась всегда въ собраніи курій.

Что касается имущества сакральныхъ учрежденій, то оно состояло a) изъ храмовъ и священныхъ мѣстъ, предназначенныхъ для культа боговъ, и b) изъ позёмельныхъ участковъ, доходами отъ которыхъ содержались жрецы и покрывались расходы на жертвоприношенія и т. д.

§ 19. *Государственные доходы въ царскій періодъ и распредѣленіе налоговъ.*

Въ древнія времена для покрытія государственныхъ расходовъ устанавливался по мѣрѣ надобности налогъ (tributum), распредѣлявшійся поголовно (viritim) между всѣми гражданами государства. Со временъ Сервія Туллія этотъ поголовный налогъ замѣненъ былъ tributum ex censu, т. е. податью соразмѣрявшеюся съ имуществомъ отдѣльныхъ лицъ [49]).

§ 20. *Аграрныя отношенія въ царскій періодъ.*

Первоначальная территорія Рима (ager Romanus) распадалась на 1) земли, предназначенныя для содержанія царя и сакральныхъ учрежденій, [50]). 2) земли, отданныя во владѣніе куріямъ [51]), 3) земли, предоставленныя отдѣльнымъ gentes [52]) или же распредѣленныя viritim между частными лицами, [53]) и 4) ager publicus, составлявшій общее достояніе всего народа. За тѣмъ съ расширеніемъ римскихъ владѣній возникли

---

[48]) Gellius I. 12. De more autem rituque capiundae virginis (sc. vestalis) litterae quidem antiquiores non extant, nisi, quae capta prima est, a Numa rege esse captam.

[49]) Говоря объ учрежденіи ценза, Ливій (I. 42.) выражается слѣдующимъ образомъ: Censum instituit, ex quo belli pacisque munia non viritim, ut ante, sed pro habitu pecuniarum fierent.

[50]) Dion II. 7. ἐξελὼν (т. е Ромулъ) τὴν ἀρκοῦσαν ἐις ἱερὰ καὶ τεμένη, καὶ τινα καὶ τῷ κοινῷ γῆν καταλιπών. Dion III. 1. χώραν εἶχον ἐξαίρετον οἱ πρό αὐτοῦ βασιλεῖς πολλήν καὶ αγαθὴν, ἐξ ἧς ἀναιρούμενοι τὰς προσόδους ἱερά τε θεοῖς ἐπετέλουν καὶ τὰς ἐις τὸν ἴδιον βίον ἀφθόνους εἶχον εὐπορίας:

[51]) Dion II. 7. διελὼν (т. е. Ромулъ) τὴν γὴν εἰς τριάκοντα κλήρους ἴσους, ἑκάστῃ φράτρᾳ κλῆρον ἀπέδωκεν ἕνα.

[52]) Momsen Roem. Gesch. I. 13.

[53]) Varro de re rustica I. 10. Bina jugera a Romulo primum divisa viritim, quae quod heredem sequerentur, heredium appelarunt.

новыя аграрныя отношенія. При завоеваніи извѣстной земли жители оной лишались или всего принадлежащаго имъ поземельнаго имущества или части онаго. Собственникомъ такихъ конфискованныхъ земель становился римскій народъ, который распредѣлялъ ихъ по своему усмотрѣнію. Обработанная земля измѣрялась и отчасти раздавалась присланнымъ въ новопріобрѣтенную территорію coloni (agri divisi et assignati), отчасти же продавалась (agri quaestorii) или отдавалась въ наемъ съ обязанностью платить извѣстную поземельную подать (agri vectigales). Необработанная земля не раздѣлялась сразу, но относительно ея издавалось постановленіе, въ силу котораго всякій могъ съ цѣлью обработки временно овладѣвать ею подъ условіемъ платежа государству десятины отъ жатвы и пятины отъ плодовъ фруктовыхъ деревьевъ. Вступленіе во владѣніе необработанною землею происходило посредствомъ простой occupatio, которой не предшествовали ни измѣреніе ни assignatio со стороны государства: каждый при занятіи извѣстнаго участка руководствовался естественными границами, представляемыми мѣстностью. Такимъ образомъ отдѣльныя лица, занявшія эту часть новопріобрѣтенной земли, находились къ разработаннымъ ими участкамъ въ отношеніи владѣльцевъ. Далѣе, это владѣніе не вело никогда къ пріобрѣтенію права собственности вслѣдствіе usucapio: государство всегда имѣло право лишить владѣльцевъ предоставленнаго имъ пользованія и распорядиться землею по своему усмотрѣнію. Впрочемъ, за исключеніемъ указаннаго случая, отношеніе владѣльцевъ къ разработаннымъ ими участкамъ разсматривалось и защищалось государствомъ какъ нѣчто прочное и постоянное: занятый поземельный участокъ могъ быть проданъ или переданъ посредствомъ даренія другому лицу, онъ могъ переходить по наслѣдству. Отъ обработанной и занятой для обработки земли отличались еще общинные выгоны и пастбища новопріобрѣтенной территоріи: они оставались при этомъ назначеніи, и лица, выгонявшія сюда свои стада, должны были платить извѣстную подать.

Право занятія необработанной земли въ новопріобрѣтенныхъ территоріяхъ принадлежало исключительно римскимъ гражданамъ, слѣдовательно первоначально только патриціямъ: плебеи не имѣли этого права, имъ дозволено было только

пользоваться общинными выгонами. Патриціи очень дорожили этимъ преимуществомъ, ибо они такимъ образомъ могли обогащаться, не увеличивая въ то же время количества платимыхъ ими податей, такъ какъ подати платились только за то имущество, которымъ извѣстное лице владѣло на правѣ собственности. Реформами Сервія Туллія ничего не было сдѣлано для уравненія правъ плебеевъ съ правами патриціевъ въ этомъ отношеніи [54]).

§ 21. *Деньги въ первыя времена римской исторіи.*

Первобытными деньгами въ древнемъ Римѣ былъ скотъ [55]). Затѣмъ, въ слѣдствіе большаго спроса на металлъ въ Италіи, мѣдь пріобрѣла значеніе денегъ. Сперва металлъ и здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, сталъ обращаться не въ видѣ монеты, но въ слиткахъ и принимался на вѣсъ (aes rude). Согласно повѣтствованію Плинія, Сервій Туллій приказалъ отлить мѣдныя плитки одинаковой формы и одинаковаго вѣса (въ фунтъ или 12 унцій) и снабдилъ ихъ клеймомъ, изображавшимъ овецъ и быковъ (aes signatum) [56]). Плитки эти, являются такимъ образомъ предвозвѣстниками литыхъ, снабженныхъ правильнымъ штемпелемъ монетъ. Сихъ послѣднихъ не было во все продолженіе царскаго періода исторіи Рима: онѣ появляются только въ позднѣйшее время [57]).

---

[54]) Сличи Walter. Roemische Rechtsgesch. I. § 37—39 incl.

[55]) Сравни Varro de L. L. (V. 95). Pecus ab eo quod perpascebant (a quo pecunia universa, quod in pecore pecunia tum consistebat pastoribus).....

[56]) Plin. H. N. XXXIII. 3. Servius rex primus signavit aes. Antea rudi usos Romae Timaeus tradit. Signatum est nota pecudum, unde et pecunia appellata. Varro de R. R. II. 1. Et quod aes antiquissimum, quod est flatum, pecore est notatum.

[57]) Таково мнѣніе Момзена. Вальтеръ (R. Rechtsg. I. § 186. s. 278. Anm. 100) придерживается совершенно другаго воззрѣнія: онъ предполагаетъ, что монета существовала съ незапамятныхъ временъ, что мѣдныя плитки обращались одновременно съ монетой, снабженной правильнымъ штемпелемъ, и преимущественно отливались частными лицами для своихъ цѣлей, въ особенности для сохраненія металла при храмахъ и для опредѣленій, необходимыхъ при цензѣ. Но то обстоятельство, что мѣдныя плитки обращались и при существованіи литой, снабженной штемпелемъ монеты, никакъ не противорѣчитъ тому, что онѣ обращались и прежде, ибо въ первобытныя времена

§ 22. *Характеръ и источники права въ царскій періодъ.*

A. Fas и Jus.

У всѣхъ народовъ въ первыя времена исторіи право находится въ близкой связи съ религіей, дарующей ему высшую санкцію и гарантирующей его отъ произвола грубой силы: положенія права объявляются предписаніями Божества, а потому считаются непреложными. Такъ было главнымъ образомъ у древнихъ восточныхъ народовъ, религіозному чувству которыхъ повсюду слышался голосъ Божества: на Востокѣ сферы права, нравственности и религіи никогда не достигли самостоятельности, такъ какъ идея одинаковаго въ каждой изъ нихъ проявленія божественной воли препятствовала ихъ обособленію. Болѣе спокойный и холодный духъ западныхъ народовъ различаетъ рядомъ съ правовыми и нравственными положеніями, установленными божественною волею, такія положенія права и нравственности, которыя признаются продуктомъ человѣческаго творчества. У греческаго народа это дѣленіе правовыхъ нормъ совершилось только въ историческое время, римскому же народу оно извѣстно при первомъ его появленіи на сценѣ исторіи: римляне постоянно различали fas отъ jus. Откровенное религіозное право называется fas, право же установленное людьми jus [58]). Правда, fas кромѣ сакральнаго права содержитъ въ себѣ и право свѣтское (публичное и частное), *но только, насколько сіе послѣднее относится къ религіи.* Значитъ не все право имѣетъ религіозный характеръ, религіозная субстанція проникаетъ не весь правовой организмъ: однимъ словомъ уже произошло разграниченіе между религіей и государствомъ. Про-

---

одна денежная система не вдругъ вытѣсняла предъидущую, но постепенно: съ новыми деньгами часто обращались и старыя. Положительныхъ данныхъ противъ мнѣнія Моизена Вальтеръ не приводитъ: у него остается необъясненнымъ относящееся сюда мѣсто Плинія, необъясненнымъ употребленіе вѣсовъ при манципаціи (Сравни мое сочиненіе «о нарушеніяхъ уставовъ монетныхъ» Кіевъ. 1873. стр 13. прим. 1).

[58]) Isid. Orig. V. 2. Fas lex divina, jus lex humana est. Serv. ad Georg. I. 266. «Fas et jura sinunt» i. e. divina humanaque jura permittunt, nam ad religionem fas, jura pertinent ad homines.

исхожденіемъ fas и jus объясняется и ихъ характеръ. Fas покоится на волѣ боговъ, слѣдовательно положенія его не могутъ быть измѣняемы, за исключеніемъ того случая, когда нововведеніе дѣлается съ соизволенія самихъ боговъ. Напротивъ того, jus, какъ установленіе человѣческое, постоянно можетъ измѣняться, а поэтому въ большей степени чѣмъ fas способно къ развитію: jus, слѣдовательно, представляетъ прогрессивную сторону римскаго права [59]).

В Памятники древняго сакральнаго права (fas).

Понтифексы были, какъ замѣчено выше (§ 18. стр. 21), верховными блюстителями сакральнаго права (fas). По этому неудивительно, если сакральное право обязано имъ своей разработкой и систематизаціей. Сакральная правовая доктрина изложена въ твореніяхъ понтифексовъ. Къ симъ послѣднимъ принадлежатъ: 1) libri pontificales (s. pontificum s. pontificii), содержавшіе положенія о ритуалѣ и церемоніалѣ культа, объ относящихся къ богослуженію должностяхъ, лицахъ и вещахъ, и 2) Commentarii pontificum (мемуары коллегіи понтифексовъ), заключавшіе въ себѣ собраніе спорныхъ дѣлъ и вопросовъ древняго сакральнаго и государственнаго права вмѣстѣ съ рѣшеніями, постановленными понтифексами. Эти творенія понтифексовъ имѣютъ въ извѣстной степени значеніе и для свѣтскаго права, если принять во вниманіе то вліяніе, которое имѣло право сакральное на нѣкоторые институты свѣтскаго права. Далѣе, необходимо замѣтить, что понтифексы при разработкѣ сакральнаго права, выработали ту технику и тотъ методъ, которые примѣнены ими были впослѣдствіи къ праву свѣтскому, и на которыхъ покоится вся римская юриспруденція [60]).

С. Источники и памятники свѣтскаго права (jus).

Между источниками свѣтскаго права (jus) въ царскій періодъ различаются: 1) Mores majorum т. е. древнее обычное

---

[59]) Различіе между jus и fas мастерски изложено Іерингомъ (Geist des Roem. Rechts. Band. I. § 18). Въ текстѣ мы придерживались этого изложенія. Сравни также: Kuntze. Excurse ueber Roem. Recht Leipzig. 1869. S. 91 ff. Esmarch. Roem., Rechtsgeschichte. S. 14. Walter. Roem. Rechtsg. Band I. § 160.

[60]) Сравни Ihering Geist d. Roem. R. II. Ab. II § 42.

право, основа всего общежитія въ началѣ разсматриваемаго нами періода 2) leges т. е законы. Закономъ называлось формальное опредѣленіе собранія римскихъ гражданъ, устанавливающее извѣстное правовое правило. Такъ какъ цари предлагали народному собранію законопроекты, то законы разсматриваемаго времени называются leges regiae: между ними различаются leges curiatae и leges centuriatae, смотря потому какимъ народнымъ собраніемъ они были приняты. Свѣдѣнія о законодательной дѣятельности тогдашняго времени, а равнымъ образомъ указанія на содержаніе нѣкоторыхъ изъ leges regiae находятся въ сочиненіяхъ римскихъ писателей, юристовъ и историковъ [61]). Приводятся законы Ромула, Нумы и Сервія Туллія [62]). Преданіе говоритъ, что во времена Тарквинія

---

[61]) Fr. 2 § 2. D. de O. J. (I. 2). Et ita leges quasdam et ipse curiatas ad populum tulit (sc. Romulus), tulerunt et sequentes reges, quae omnes conscriptae extant in libro Sexti Papirii, qui fuit illis temporibus, quibus Superbus, Demarati Corinthii filius, ex principalibus viribus. Tac. Ann. III, 26. nobis Romulus, ut libitum, imperitaverat, dein Numa religionibus et divino jure populum devinxit repertaque quaedam a Tullo et Anco. Sed praecipuus Servius Tullius sanctor legum fuit.

[62]) Между законами Ромула слѣдуетъ упомянуть а) объявленіе стоящими внѣ закона и посвященными вмѣстѣ со всѣмъ имуществомъ богамъ (т. е. подлежащими смерти и конфискаціи имущества) патроновъ, нарушившихъ свои обязанности относительно кліентовъ. и дѣтей, оскорбившихъ родителей (Serv.. ad Aen. 6. 609, Dion II. 10. Fest. v. plorare flere nunc significat,—sed apud antiquos plane inclamare. In regis Romuli et Tatii legibus: si nurus [plorassit] sacra Divis parentum estod). b) опредѣленіе имущественныхъ отношеній супруговъ, права домашняго суда надъ женою и причинъ развода. Dion II. 25. Festus v. osculum. Plut. Rom. 22). c) опредѣленіе правъ отца надъ дѣтьми, въ особенности права троекратной продажи сына (Dion II. 26. 27. Papinianus in coll. legum Mosaicarum et Romanarum IV. 8. Cum patri lex regia dederit in filium vitae necisque potestatem). Изъ законовъ Нумы приведемъ слѣдующіе: а. постановленія, относящіяся къ сакральному праву: вообще законодательная дѣятельность Нумы Помпилія проявилась главнымъ образомъ въ этой области права. Сравни Dion II. 63—64 Περιλαβὼν ἅπασαν τὴν περὶ τὰ θεῖα νομοθεσίαν γραφαῖς διεῖλεν εἰς ὀκτὼ μοίρας, ὅσαι τῶν ἱερῶν ἦσαν αἱ συμμορίαι (κουρίωνες, φλάμινες, ἡγεμόνες τῶν κελερίων, αὐγόρες, ἑστιάδες, σάλιοι, φετιάλες, ποντίφικες). b. опредѣленіе наказанія смертію за умышленное убійство и вознагражденія за убійство не умышленное. Ср. Fest v. parrici. Serv. in Virg. buc. IV. 43 In Numae legibus cautum est, ut si quis

Гордаго составлено было Секстомъ Папиріемъ собраніе царскихъ законовъ, извѣстное въ древности подъ названіемъ «Jus Papirianum». Новѣйшіе изслѣдователи относятъ это собраніе къ гораздо позднѣйшему времени а именно, къ 3-му или 2-му столѣтію до Р. X. Составлено оно по всей вѣроятности понтифексами, желавшими придать хранимымъ имъ древнимъ сакральнымъ, ритуальнымъ и нравственнымъ положеніямъ болѣе авторитета чрезъ отнесеніе ихъ къ законодательной дѣятельности древнихъ царей. Собраніе это пользовалось даже въ послѣднія времена республики большимъ уваженіемъ: Granius Flaccus снабдилъ его пространнымъ комментаріемъ (frag 144. D. de verborum significatione) [63]). 3) Судебныя рѣшенія, постановленныя царями и сравниваемыя съ законами [64]). Этотъ источникъ въ особенности имѣлъ значеніе въ разсматриваемое нами время на томъ основаніи, что правовыя положенія не были еще преданы письму: почти все право было jus non scriptum. 4) Commentarii regum, собранія различныхъ инструк-

---

imprudens occidisset hominem, pro capite occisi agnatis ejus in concione offerret arietem. c. Опредѣленіе наказанія смертію за повреждение межевыхъ знаковъ. F. v. termino. d. Запрещеніе хоронить умершихъ беременныхъ женщинъ, не сдѣлавъ предварительно попытокъ спасти ребенка. Ср. L. 2. Dig. de mort. inf. (XI. 8). e Ограниченіе права продажи отцомъ сына, если сей послѣдній находится въ дозволенномъ отцомъ бракѣ. Dion II, 27. О Сервіѣ Тулліѣ повѣтствуется, что онъ, кромѣ извѣстнаго его законодательства о военно-политической организаціи римскаго народонаселенія, издалъ около 50 законовъ о договорахъ и о преступленіяхъ. Насколько постановленія, здѣсь приведенныя, дѣйствительно принадлежатъ царямъ, которымъ они приписываются, рѣшить трудно. Во всякомъ случаѣ они носятъ на себѣ отпечатокъ глубокой древности. Многіе изъ законовъ царей имѣютъ характеръ не конститутивный, а декларативный, т. е. представляютъ не болѣе не менѣе какъ формулированіе положеній обычнаго права. Ср. Bruns. Fontes juris Romani antiqui. pag 1. Nota 1.

[63]) Сравни. Kunzte. Excurse s. 78. Слѣдуетъ замѣтить, что съ начала 16 столѣтія сдѣлано было множество попытокъ востановить это апокрифическое собраніе. Къ этимъ попыткамъ принадлежитъ загадочная по своему происхожденію Tabula Marliani (названная по имени ученаго впервые ее распространившаго), содержащая будто бы законы Ромула. Сравни. Dirksen. Verzuch zur Kritik der Quellen d: R. R. 1823. p. 234—58.

[64]) Сравн. Dion X. 1. « . . οὐδ ἐν γραφαῖς ἅπαντα τὰ δίκαια τεταγμένα ἀλλα τὸ μὲν ἀρχαῖον οἱ βασιλεῖς ἐφ αὐτῶν ἔταττον τοῖς δεομένοις τὰς δίκας, καὶ τὸ δικαιωθὲν ὑπ' ἐκείνων, τοῦτο νόμος ἦν.

цій и указаній, относящихся къ порядку отправленія извѣстныхъ должностныхъ функцій и выбору извѣстныхъ должностныхъ лицъ [65]).

Весь наличный правовой матеріалъ, по указаннымъ выше причинамъ, съ очень ранняго по всей вѣроятности времени началъ разработываться понтифексами, которые вообще принимали дѣятельное участіе въ общественной жизни древняго Рима. Римскій народъ смотрѣлъ на лѣтопись, которую вели понтифексы (Annales Pontificum или annales Maximi), какъ на самый вѣрный источникъ своей исторіи: отсюда почерпались также самыя достовѣрныя свѣдѣнія о древнемъ правѣ [66]).

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

ВРЕМЕНА РЕСПУБЛИКИ.

(Отъ 244—725 г. u. c. или отъ 510 до 29 г. до Р. X).

Ortolan 88—264, Walter §§ 40—270. Danz § 23—49 Esmarch 11—222. Puchta. Cursus der Institutionen § 54—85. Kuntze § 78—265.

§ 23. *Первыя времена республики.*

Владычество царей было уничтожено совокупными уси-

---

65) Сравни § 18. стр. 18. прим. 38.

66) Cic. de orat. II. 12. Erat enim historia nihil aliud quam annalium confectio, cujus rei memoriaeque publicae retinendae causa ab initio rerum Romanarum usque ad P. Mucium, pontificem maximum, res omnes singulorum annorum mandabat litteris pontifex maximus efferebatque in album et proponebat tabulam domi, potestas, ut esset populo cognoscendi, iique etiam nunc annales maximi nominantur. Serv. ad Aen. I. 377. Ita autem annales conficiebantur: tabulam dealbatam quotannis Pontifex Maximus habuit, in qua praescriptis cons. nominibus et aliorum magistratuum digna memoratu notare consueverat domi militiaeque terra marique gesta per singulos dies. Cujus diligentiae annuos com-

ліями патриціата и плебы [67]). Нѣтъ, слѣдовательно, ничего удивительнаго въ томъ, что тотчасъ по учрежденіи республики воспослѣдовало востановленіе законодательства Сервія Туллія—этого перваго компромисса между плебеями и патриціями. Приведено было прежде всего въ исполненіе предположеніе Сервія Туллія относительно устройства верховной въ государствѣ власти, которая перешла къ двумъ, избиравшимся на годъ магистратамъ (annua imperia binis imperatoribus). Эти магистраты назывались въ разсматриваемое нами время praetores и judices: въ послѣдствіи они стали называться консулами [68]). Первые консулы облечены были полнотой царской власти: они предводительствовали войскомъ, отправляли правосудіе, созывали народныя собранія, приносили за народъ и отъ его имени жертвы богамъ и наблюдали auspicia [69]). Но, въ то же самое время, въ слѣдствіе того, что они избирались на годъ, характеръ переданной имъ верховной власти значительно измѣнился. Царь подобно консуламъ принадлежалъ къ римскому патриціату, но то обстоятельство, что должность его была пожизненная, дѣлало его независимымъ отъ патриціевъ и сената. Онъ даже иногда опирался на плебейскіе элементы и съ ихъ помощью въ значительной

---

mentarios in LXXX libros veteres retulerunt eosque a Pontificibus Maximis annales Maximos appelarunt. Liv VI. 1. Gellius II. 28. Paul. Diac. v. Maximi annales.....

[66]) Момзенъ (Roemisch Geschicht. Band I. Abtheil. 1. s. 261) сравниваетъ этотъ союзъ патриціевъ съ плебеями противъ Тарквинія съ союзомъ англійскихъ торіевъ и виговъ (въ 1688 г.) противъ Якова Втораго. Въ обоихъ случаяхъ двѣ политическія партіи, сознающія, что борьба между ними далеко еще не кончилась, соединились въ минуту опасности, для того, чтобъ, по устраненіи оной, снова распасться и снова продолжать борьбу.

[67]) Cic. de legib. III. 3. Regio imperio duo sunto: iique praeeundo: judicando, consulendo praetores, judices, consules appellantur. Varro de lingua latina V. 14. Praetor dictus, qui praeiret jure et exercitu. Слово consul по мнѣнію Момзена (l. c. s. 250. Nota ††) означаетъ вмѣстѣ скачущаго или вмѣстѣ пляшущаго, подобно тому какъ praesul означаетъ скачущаго впереди.

[69]) Только для нѣкоторыхъ совершавшихся прежде царями священнодѣйствій учреждена новая жреческая должность: rex sacrificulus. Fest. v. sacrificulus.

степени ограничивалъ вліяніе патриціата на общественныя дѣла. Консулы, получавшіе власть на короткое время, не могли выдѣлиться изъ того сословія, къ которому принадлежали, сдѣлаться самостоятельною политическою силою: они были послушными орудіями своего сословія и фактически зависѣли отъ сената, въ которомъ преобладали элементы патриціата. Съ учрежденіемъ республики значеніе сената de jure не измѣнилось, но de facto сенатъ пріобрѣлъ громадное вліяніе на общественныя дѣла: сравнительно съ постоянно мѣняющимися консулами, сенатъ представлялся постояннымъ учрежденіемъ, а потому сталъ играть гораздо болѣе видную роль чѣмъ при пожизненныхъ царяхъ. Въ сенатѣ преобладали патриціи. Правда, плебеи получили также доступъ въ сенатъ, но не на равныхъ съ патриціями правахъ. Допущенные въ сенатъ плебеи не назывались даже сенаторами а conscripti т. е. приписанными, не участвовали въ преніяхъ, а только въ голосованіяхъ. Далѣе, необходимо замѣтить, что плебейскіе члены сената по всей вѣроятности устранены были отъ всякаго участія въ дѣлахъ, относящихся къ отправленію должностныхъ функцій сената (auctoritas), и допускались къ голосованію только въ тѣхъ случаяхъ, когда сенатское постановленіе имѣло значеніе простаго совѣта (consilium). Наконецъ, какъ сенаторы такъ и conscripti назначались консулами, а сіе последніе, находясь подъ вліяніемъ патриціата, избирали въ сенатъ только тѣхъ лицъ и членовъ тѣхъ плебейскихъ фамилій, къ которымъ благоволи патриціи. Такимъ образомъ de facto ограничена была власть верховныхъ магистратовъ, и увеличилось значеніе сената, а чрезъ него усилилось вліяніе патриціата на общественныя дѣла.

Кромѣ того, согласно преданію, непосредственно послѣ изгнанія Тарквинія (во второмъ году республики т. е. въ 245 г. u. c.) закономъ Валерія Публиколы (Lex Valeria de provocatione) была опредѣлена и чрезъ это опредѣленіе ограничена власть консуловъ относительно суда надъ преступниками. Во время похода, внѣ Рима и его округа, власть эта признана безграничною, а приговоры консуловъ ни въ какомъ случаѣ неподлежащими обжалованію; въ мирное же время, въ предѣлахъ Рима и его округа (intra urbis milliarium), каждому гражданину, приговоренному консулами къ смерти или тѣ-

лесному наказанію предоставлено неотъемлемое право обращенія съ provocatio къ народу [70]). Опредѣленная такимъ образомъ власть консуловъ можетъ быть сравнена съ властію царей въ первыя времена Рима, когда неограниченный характеръ царской власти, возникшій относительно войска, не сообщился еще внутреннему управленію [71]). Далѣе, въ то же самое время, другимъ закономъ Валерія Публиколы, опредѣлено было, что всякая попытка востановить старые порядки и превратить annuum imperium консуловъ въ пожизненную царскую власть, влечетъ за собою смертную казнь и конфискацію имущества (lex Valeria de sacrando cum bonis capite ejus, qui regni occupandi consilia inisset). Наконецъ тотъ же Валерій Публикола подалъ первый примѣръ выдѣленія изъ консульской власти различныхъ функцій и порученія ихъ особымъ вновь создаваемымъ магистратамъ, ибо ему приписываютъ предложеніе народу закона объ учрежденіи quaestores aerarii, хранителей общественной казны, поручавшейся до этого времени консуламъ, подобно тому какъ прежде она поручалась царямъ [72]).

---

70) Сравни Cicero. de re publ. (II. 31): idemque (sc. Valerius Publicola), in quo fuit Publicola maxime, legem ad populum tulit eam, quae centuriatis comitiis prima lata est, ne quis magistratus civem Romanum adversus provocationem necaret. Pomponius (in frag. 2 § 16. D. de O. J. I. 2) выражается слѣдующимъ образомъ объ ограниченіи власти консуловъ: Qui (т. е. consules) ne per omnia regiam potestatem sibi vindicarent, lege lata factum est, ut ab iis provocatio esset, neve possent in caput civis Romani animadvertere injussu populi; solum relictum est illis, ut coercere possent, et in vincula publica duci juberent.

71) Смотри что сказано на стр. 10 (примѣчаніе 20) о допущеніи provocatio на рѣшенія царскія

72) Сравни Pomp. (frag 2 § 22 Dig. de O. J. I. 2.): Deinde cum aerarium populi auctius esse coepisset, ut essent, qui illi praeesent, constituti sunt quaestores, qui pecuniae praeessent; dicti ab eo, quod inquirendae et conservandae pecuniae causa creati erant. Нѣкоторые изслѣдователи относятъ къ Валерію Публиколѣ законъ, которымъ дозволено было всѣмъ патриціямъ искать консульскаго званія, а у правящихъ консуловъ отнято было право безусловнаго выбора кандидатовъ для представленія народному собранію (Lex Valeria de candidatis seu de petitione consulatus). Сравни Kunze Excurse. s. 72.

Всѣ эти ограниченія консульской власти въ пользу народнаго собранія сдѣланы были по инициативѣ дружелюбно относившагося къ народу консула Валерія Публиколы. Они имѣли цѣлію парализировать вліяніе сената и патриціата на консуловъ, о которомъ упомянуто выше. Тому же Валерію Публиколѣ приписывается и полное востановленіе законодательства Сервія Туллія. Съ проектами своихъ законовъ онъ обратился не къ куріатскимъ а къ центуріатскимъ комиціямъ и этимъ призналъ за ними полноту правъ, дарованныхъ Сервіемъ Тулліемъ. Право избранія магистратовъ признано было за ними уже прежде: первые консулы избраны были въ центуріатскихъ комиціяхъ. Такимъ образомъ народное собраніе по центуріямъ является съ самыхъ первыхъ временъ республики носителемъ державныхъ правъ римскаго народа. Кромѣ избранія магистратовъ и законодательной функціи, оно постановляетъ рѣшенія относительно объявленія войны и заключенія мира, и къ нему обращаются съ provocatio на рѣшенія магистратовъ [73].

Но, не смотря на всѣ эти права, предоставленныя состоявшему изъ патриціевъ и плебеевъ народному собранію, патриціи пріобрѣли явный перевѣсъ надъ плебеями и стали даже угнетать ихъ. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что патриціи господствовали въ comitia centuriata: такъ какъ большинство патриціевъ было богато, большинство же плебеевъ бѣдно, то первый классъ, имѣвшій 80 центуріатскихъ голосовъ, состоялъ преимущественно изъ патриціевъ, располагавшихъ кромѣ того шестью голосами (sex suffragia) древнихъ центурій equitum. Слѣдовательно, для того, чтобъ имѣть перевѣсъ надъ плебеями, патриціи должны были набрать всего еще 11 (или 12) центуріатскихъ голосовъ, что всегда имъ удавалось, тѣмъ болѣе, что 12 плебейскихъ центурій equitum (состоявшихъ изъ обогатившихся плебеевъ) часто вотировали вмѣстѣ съ ними. На этихъ же основаніяхъ и

---

[73]) Нѣкоторые изслѣдователи (напр. Walter (R. Rechtsg. I. § 40 Anm. 7) думаютъ, что въ началѣ республики съ provocationes обращались къ comitia curiata.

jus provocationis было фиктивнымъ правомъ для плебеевъ и дѣйствительнымъ только для патриціевъ. Далѣе, все участіе комицій въ законодательствѣ состояло по прежнему въ простомъ изъявленіи согласія или несогласія на предложенія магистратовъ, вносившихъ въ народное собраніе проекты законовъ, выработанные или одобренные сенатомъ. Затѣмъ, въ большинствѣ случаевъ постановленія центурій должны были получить одобреніе сената и курій, а избранные центуріями магистраты облекались присущею ихъ должности властію по прежнему посредствомъ lex curiata de imperio. Могли быть избираемы въ магистраты только патриціи. Наконецъ, плебеямъ по прежнему не дозволена была occupatio agri publici, такъ что они не имѣли возможности обогащаться подобно патриціямъ, владѣвшимъ громадными поземельными участками, за обладаніе которыми они не платили ни какихъ податей [74]). Кромѣ того, въ слѣдствіе постоянныхъ воинъ большинство плебеевъ окончательно разорилось и подпало подъ власть патриціевъ кредиторовъ. Все это служило поводомъ къ недовольству и причиной къ продолженію начавшейся уже въ царскій періодъ сословной борьбы.

Въ то же самое время для подавленія внутренняго броженія а равнымъ образомъ для отраженія внѣшнихъ враговъ, сенатъ принялъ весьма энергическую мѣру: установлена была новая заимствованная у Латиновъ должность диктатора. Въ 258 г. u. c., по постановленію сената, консулы избрали изъ среды патриціевъ диктатора, облеченнаго на шесть мѣсяцевъ неограниченною властію, подобною той, которая присуща была царямъ въ послѣднія времена царскаго періода. Власть диктатора одинаково проявлялась какъ относительно войска, во время похода, такъ и относительно гражданъ, въ Римѣ: сѣкиры снова появились въ fasces его ликторовъ, чѣмъ наглядно выражалось, что онъ можетъ приговаривать гражданъ къ смерти и тѣлесному наказанію sine provocatione ad

---

[74]) Патриціи успѣли даже отдѣлаться отъ десятины и пятины, обыкновенно взимавшихся за пользованіе участками въ ager publicus.

populum [75]). Такъ повѣствуетъ преданіе объ учрежденіи диктатуры [76]).

Посредствомъ назначенія диктатора патриціатъ, когда ему было надобно, могъ устранять введенныя закономъ Валерія ограниченія консульской власти, облекать этою расширенною властію одного изъ своихъ и посредствомъ него властвовать надъ плебой. Диктаторъ могъ назначить себѣ помощника, который носилъ названіе magister equitum, и соотвѣтствовалъ царскому трибуну—предводителю конницы.

§ 24. *Борьба плебеевъ съ патриціями и постепенное уравненіе въ правахъ обоихъ сословій.*

Послѣ оставшихся безплодными попытокъ соглашенія, могущественное движеніе охватило всѣ плебейскіе кварталы: плебеи съ оружіемъ въ рукахъ удалились по ту сторону Аніо и заняли Авентинскую гору (260 u. c.). Чрезъ это удаленіе плебы изъ города (prima secessio plebis) патриціи принуждены были сдѣлать уступки и заключить съ плебеями торжественный договоръ съ соблюденіемъ всѣхъ формъ феціальнаго права, точь въ точь какъ это практиковалось при заключеніи договоровъ съ чужими народами (по этому договоръ этотъ и названъ lex sacrata) [77]). Согласно договору патриціи не только согласились отказаться отъ взиманія долговъ съ неимущихъ плебеевъ и освободить всѣхъ находившихся у нихъ въ данное время въ рабствѣ должниковъ, но принуждены были допустить учрежденіе самостоятельнаго представительства

[75]) Frag 2. § 18. D. de O. J. (I 2). Populo deinde aucto, quum crebra oririentur bella, et quaedam acriora a finitimis inferrentur, interdum re exigente placuit, maioris potestatis magistratum constitui, itaque Dictatores proditi sunt, a quibus nec provocandi jus fuit et quibus etiam capitis animadversio data est. Hunc magistratum, quoniam summam potestatem habebat, non erat fas ultra sextum mensem retinere.

[76]) Исторія учрежденія диктатуры не совсѣмъ ясна. По мнѣнію Ине (Ihne. Forschungen auf d. Gebiete d. Roem. Verfass. 9. 1847. S. 42 ff.) посредствомъ диктатуры совершился переходъ отъ монархіи къ консулату, подобно тому какъ это имѣло мѣсто въ другихъ латинскихъ городахъ. Гипотеза эта развита впослѣдствіи Швеглеромъ (II. S. 92. ff. 131).

[77])Dion VI. 89. Τῇ ἑξῆς ἡμέρᾳ παρῆσαν μὲν οἱ περὶ τὸν Βροῦτον, πεποιημένοι τὰς πρὸς τὴν βουλὴν συνθήκας διὰ τῶν εἰρηνοδικῶν, οὓς καλοῦσι Ῥωμαῖοι Φητιαλεῖς.

плебы — плебейскихъ трибуновъ (tribuni plebis). Эти трибуны избирались изъ среды плебевъ собраніемъ центурій [78]). Сперва ихъ было 2, потомъ 5 и наконецъ 10. Они не имѣли imperium, *не считались магистратами, а только защитниками плебеевъ* противъ всякаго насилія и всякой несправедливости (in auxilium plebis; contra vim auxilium, auxilii latio contra consules). [79]) Для того, чтобъ трибуны безпрепятственно могли выполнять свою задачу, lex sacrata провозгласила неприкосновенность особы трибуна (трибунъ былъ sacrosanctus): всякій покусившійся на жизнь трибуна подвергался смертной казни, а familia его продавалась въ пользу храма богини Цереры [80]). Въ извѣстной степени правовое положеніе трибуновъ можетъ быть сравнено съ положеніемъ пословъ, имѣющихъ также право личной неприкосновенности и имѣвшихъ прежде право убѣжища, въ силу котораго всякій могъ избѣгнуть судебнаго преслѣдованія, укрывшись въ жилищѣ посланника и отдавъ себя подъ его защиту. Трибуны проявляютъ свою протекціонную дѣятельность посредствомъ veto (intercessio), предъявляемаго противъ рѣшеній консуловъ и другихъ магистратовъ и даже противъ постановленій сената [81]). Кромѣ того трибунамъ было предоставлено разбирательство споровъ между плебеями въ ярморочные дни [82]). Когда должностныя обязанности трибуновъ умножились, то

---

[78]) Сличи. Niebuhr Roem. Gesch. Band. I. s. 687. Kuntze § 79. Нѣкоторые изслѣдователи (Walter Roem. Rechtsg. Band. I. § 44. Schwegler I. S. 548. Danz I. S. 39. § 28. Anm. b. 1.) полагаютъ что трибуны съ самаго начала избирались трибутскими комиціями, но этому противорѣчитъ показаніе Ливія (II. 58) что трибуны только съ 283 года u. c. въ силу lex Publilia Voleronis стали избираться трибами: „Tunc primus tributis comitiis tribuni creati sunt. Существуетъ также мнѣніе, что трибуны избирались куріатскими комиціями (Ortolan. p. 93. § 104 Momsen. Roem. Gesch Buch II. Cap. 2 [прежде Момзенъ былъ другаго мнѣнія Roem. Tribus S. 83]).

[79]) Gell. XIII. 12.

[80]) Liv. III. 55.

[81]) Сличи Gellius. l. c. ... tribuni plebis antiquitus creati videntur non juri dicundo, nec causis quaerelisque de absentibus noscendis, sed intercessionibus faciendis, quibus praesentes fuissent, ut injuria quae coram fieret, arceretur.

[82]) Сравни Hartmann, Ordo judiciorum S. 87—94.

они предоставили этотъ надзоръ за рынкомъ вмѣстѣ съ сопряженной съ нимъ юрисдикціей своимъ помощникамъ, плебейскимъ эдиламъ (aediles plebis) [83]).

Послѣ того какъ плеба получила въ лицѣ трибуновъ постоянныхъ представителей и руководителей, произошло быстрое ея развитіе какъ политической силы. Это выразилось прежде всего въ правильной организаціи плебейскихъ собраній, установленной трибунами. Трибуны собирали плебейскія собранія (concilia plebis) *по мѣстнымъ трибамъ* и предлагали этимъ собраніямъ для обсужденія и разрѣшенія различныя общественныя дѣла. Опираясь на эти собранія и согласно духу leges sacratae, трибуны упрочили за плебой независимое и самостоятельное положеніе: отношенія плебевъ къ патриціямъ начали походить на отношенія одной самостоятельной націи къ другой. Согласно этому плебеи стали требовать, чтобъ имъ предоставлено было право привлекать къ отвѣтственности въ своихъ плебейскихъ собраніяхъ посягнувшихъ на ихъ вольности патриціевъ, какъ нарушившихъ вѣру и клятву торжественнаго договора, каковымъ считались вышеупомянутыя leges sacratae: подобное требованіе было совершенно согласно съ воззрѣніями тогдашняго международнаго права. Усилія плебеевъ увѣнчались успѣхомъ: изданъ былъ законъ, по которому плебеямъ даровано было право суда надъ патриціями въ вышеупомянутыхъ случаяхъ. Трибуны примѣняли этотъ законъ даже къ консуламъ, притѣснявшимъ и оскорблявшимъ плебеевъ во время своей магистратуры. Другой проведенный трибунами законъ далъ плебеямъ право, обращаться съ provocationes на рѣшенія консуловъ къ своей собственной плебейской общинѣ, которая и произносила окончательное рѣшеніе: консулъ не могъ привести своего приговора въ исполненіе прежде изъявленія на оный согласія со стороны плебейскаго собранія, о чемъ онъ извѣщался при посредствѣ трибуновъ [84]).

---

[83]) Должность плебейскихъ эдиловъ учреждена одновременно съ трибунатомъ.

[84]) Исторія развитія общественныхъ отношеній отъ изданія leges sacratae до leges Publiliae изложена согласно воззрѣніямъ, высказаннымъ Вальтеромъ въ его исторіи римскаго права (§ 43).

Добившись такимъ образомъ самостоятельнаго представительства въ лицѣ трибуновъ, плебеи стали стремиться устранить неравномѣрность въ распредѣленіи между ними и патриціями военной добычи и въ особенности территоріи покоренныхъ племенъ. Въ этомъ отношеніи они встрѣтили сочувствіе со стороны одного патриція Спурія Кассія, предложившаго (въ 268 г. u c.) законъ, въ силу котораго одна часть ager publicus должна была быть раздѣлена между неимущими, а другая часть отдаваться въ наемъ подъ непремѣннымъ условіемъ платежа узаконенной подати въ пользу общественной казны Это предложеніе Спурія Кассія, не смотря на сильное противодѣйствіе со стороны патриціевъ принято, было центуріатскими комиціями [85]) и получило силу закона (prima lex agraria). Но вскорѣ происками патриціевъ Спурій Кассій былъ обвиненъ въ perduellio, признанъ виновнымъ, присужденъ къ смерти и казненъ, законъ же о раздѣлѣ ager publicus не приведенъ въ исполненіе. Въ послѣдующіе годы трибуны постоянно требовали исполненія этого закона, но усилія ихъ оставались тщетными въ слѣдствіе того, что патриціи различными способами склоняли постоянно нѣкоторыхъ изъ трибуновъ въ свою пользу, а сіи послѣдніе посредствомъ intercessio парализировали дѣйствія своихъ коллеговъ. Борьба приняла ожесточенный характеръ въ особенности въ 281 г. u. c, когда въ трибуны избранъ былъ Gn. Genucius. Онъ обвинилъ предъ concilium plebis консуловъ предшествовавшаго года въ томъ, что они сопротивлялись раздѣлу ager publicus. Патриціи съ своей стороны въ виду грозившей опасности явно нарушили lex sacrata и въ ночь передъ днемъ суда убили трибуна. Всѣ эти событія выяснили необходимость новыхъ гарантій а равнымъ образомъ необходимость устраненія патриціевъ отъ участія въ избраніи трибуновъ. Въ виду этого трибунъ Публилій Волеронъ (Publilius Volero) предложилъ въ 282 и 283 г. u. c. слѣдующіе законопроекты (rogationes): 1) tribuni plebis и плебейскіе эдилы должны выбираться не центуріатскими комиціями а въ concilia plebis, которыя начинаютъ называться *трибутскими*

[85]) То, что предложеніе Кассія не осталось простымъ предложеніемъ, а обращено было въ законъ, доказано по нашему мнѣнію Швеглеромъ (Roem. Gesch. II. Buch XV, 13 Anm. 3).

комиціями 2) плеба получаетъ право въ своихъ собраніяхъ по предложенію трибуновъ совѣщаться и постановлять рѣшенія относительно общественныхъ дѣлъ. Оба эти законопроектэ, внесенные въ concilium plebis были приняты этимъ собраніемъ, не смотря на всѣ происки и сопротивленіе патриціевъ [86]) Такимъ образомъ эти leges Publiliae Voleronis были не болѣе какъ плебисциты, а потому de jure не обязательны для всей римской общины, но фактичести, чрезъ то, что сенатъ не протестовалъ, а консулы послѣдующихъ годовъ въ lex curiata de imperio стали поименовывать между лицами, изъятыми изъ ихъ власти, трибуновъ, выбранныхъ въ comitia tributa, они получили общеобязательный характеръ [87]). Вскорѣ за симъ, закономъ Ицилія (lex Icilia 284), обезпечено было спокойствіе плебейскихъ собраній отъ нарушеній со стороны патриціевъ: всякій помѣшавшій трибуну при совѣщаніяхъ его съ народомъ подлежалъ денежному штрафу и долженъ былъ немедленно выставить поручителей въ уплатѣ онаго, или подвергнуться смертной казни [88]). Такимъ образомъ только Lex Cassia не приводилась въ исполненіе, не смотря на то, что на осуществленіи постановленій этого закона настаивалъ въ 284 (u. c.) консулъ Тиберій Эмилій, а въ слѣдующемъ году этого требовали народные трибуны [89]),

Наконецъ для улучшенія положенія плебеевъ рѣшено было прибѣгнуть къ радикальной мѣрѣ: съ цѣлію уравненія сословныхъ правъ сочли необходимымъ кодифицировать, исправить и предать письму существующія правоположенія [90]).

---

[86]) Сравни Schwegler (II. Buch XVI. 6. s. 539).

[87]) Исторія движенія по поводу аграрныхъ отношеній и законодательство Публилія Волерона прекрасно изложены у Ланге (Roemische Alterthuemer Erster Band § 71. S. 521 ff.).

[88]) Относительно того, что Діонисій ошибся въ годѣ изданія lex Icilia, сравни: Швеглеръ. XXIV. 9. и Walter. § 45. Anm. 41. Напротивъ того Ланге (I. S. 518) думаетъ, что lex Icilia въ дѣйствительности состоялась въ 262 году, какъ повѣтствуетъ Діонисій.

[89]) Сравни: Schwegler. Roem. Gesch. XV. 14. (Band. II).

[90]) Преданіе письму законовъ и обнародованіе ихъ являлось необходимостью для того, чтобъ положить конецъ произволу патриціевъ и ихъ консуловъ, въ свою пользу толковавшихъ правоположенія, что они могли дѣлать совершенно безнаказанно, такъ какъ до разсматриваемаго нами времени

Въ 292 г. (u. c) трибунъ Терентилій Арза предложилъ трибутскимъ комиціямъ избрать комиссію изъ пяти членовъ для написанія законовъ и для ограниченія чрезъ опредѣленіе консульской власти [91]). Но это предложеніе встрѣтило такое сопротивленіе въ сенатѣ, что Терентилій принужденъ былъ взять его назадъ. Въ слѣдующемъ году вся коллегія трибуновъ возобновила предложеніе Терентилія Арзы. Чтобъ помѣшать исполненію замысловъ трибуновъ, консулы рѣшились объявить войну Волскамъ и стали собирать войско. Этому набору воспротивились трибуны. Тогда патриціи прибѣгли къ единственному оставшемуся средству недопустить плебеевъ до постановленія о написаніи законовъ: они стали нарушать спокойствіе трибутскихъ собраній и мѣшать голосованію. Не смотря на все это, плебеи упорно преслѣдовали разъ задуманное. Сперва трибуны надѣялись добиться желанной цѣли чрезъ постоянно повторяющееся ежегодное возобновленіе предложенія Терентилія Арзы, но, убѣдившись наконецъ, что патриціи никогда не согласятся на регулированіе посредствомъ плебисцита отношеній плебы къ патриціату, они обратились къ сенату съ предложеніемъ о назначеніи смѣшанной законодательной коммиссіи изъ плебеевъ и патриціевъ [92]). Сенатъ, въ свою очередь, сознавъ невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, согласился на предложеніе трибуновъ: преданіе правоположеній письму было рѣшено, и съ этою цѣлію предполагалось избрать въ центуріатскихъ комиціяхъ десять мужей, которые въ тоже самое время должны были быть облечены высшею въ государствѣ властію и замѣнить собою консуловъ (decemviri consulari imperio legibus scribendis). При этомъ замѣчательно въ особенности то, что плебеи наравнѣ съ патри-

---

весьма немногіе законы и правоположенія были преданы письму, да и тѣ записаны были въ книгахъ жреческихъ коллегій, доступъ къ которымъ имѣли только патриціи (Dion. X. 1.). Значеніе кодификаціи для плебеевъ вѣрно охарактеризовано Эсмархомъ (Roem. Rechtsg. S. 45).

[91]) Liv III. 9. 10... legem se laturum, ut quinque viri creentur, legibus de imperio consulari scribendis.

[92]) Liv. III. 32. Tum abjecta lege, quae promulgata consenuerat, tribuni lenius agere cum patribus: „finem tandem certaminum facerent. — Communiter legum latores et ex plebe et ex patribus, qui utrisque utilia ferrent aequandaeque libertatis essent, sinerent creari".

ціями могли быть избираемы въ децемвиры. Такимъ образомъ плебеямъ открытъ былъ доступъ къ одной изъ магистратуръ [93]). Въ замѣнъ этой уступки, патриціи потребовали, чтобъ на время существованія децемвирата уничтожено было jus provocatio ad populum и не избирались плебейскіе трибуны. Избраніе децемвировъ состоялось въ 303 г u c., когда возвратилось изъ Греціи посольство, посланное туда для ознакомленія съ тамошнимъ общественнымъ и правовымъ строемъ. Въ томъ же самомъ году децемвиры составили 10 таблицъ законовъ, внесли ихъ по одобреніи сенатомъ въ собраніе центурій, которымъ онѣ и были приняты. Но кодификація эта оказалась не полною, такъ что пришлось на слѣдующій годъ для окончанія начатаго дѣла учредить снова коммиссію изъ десяти членовъ, при чемъ новые децемвиры облечены были такою же властью, какую имѣли децемвиры предъидущаго года. Въ числѣ новыхъ децемвировъ, по свидѣтельству Діонисія были и плебеи. Во время втораго децемвирата составлены были еще двѣ дополнительныя таблицы законовъ, которыя также приняты были центуріатскими комиціями и пріобщены къ прежде составленнымъ, почему все законодательство и называется lex или leges XII tabularum [94]).

Исполнивъ свою задачу, decemviri должны были сложить свои полномочія и уступить мѣсто ординарнымъ властямъ, но они этого не сдѣлали, напротивъ того они продолжали и по окончаніи законодательныхъ работъ править государствомъ. Тогда для плебеевъ стало ясно, что патриціи желаютъ посредствомъ постоянно повторяемыхъ отстрочиваній востановленія консульства и трибуната, сдѣлать децемviратъ постояннымъ учрежденіемъ Успѣхъ замысловъ патриціевъ грозилъ на всегда подчинить имъ плебеевъ. Правда плебеи имѣли доступъ къ новоучрежденной магистратурѣ, но они ни когда не могли разсчитывать на то, что плебейскіе децемви-

---

[93]) Правда эта магистратура была учрежденіемъ не постояннымъ а только временнымъ.

[94]) Здѣсь разсматривается законодательство XII таблицъ только относительно его значенія въ исторіи борьбы плебеевъ съ патриціями: какъ источникъ и памятникъ права оно разсмотрѣно будетъ ниже.

ры будутъ имѣть какое бы то не было вліяніе на ходъ дѣлъ, а въ тоже самое время они лишались своего представительства и своей защиты т. е. у нихъ не должно было быть болѣе трибуновъ. Къ этому присоединялось еще то обстоятельство, что децемвиры были magistratus sine provocatione. Все это а равнымъ образомъ и деспотизмъ децемвировъ побудили плебу снова удалиться изъ города и прервать сношенія съ patres (secunda secessio plebis) [95]). Послѣдствіемъ этого удаленія было паденіе децемвирата, востановленіе консульства и изданіе трехъ благопріятныхъ для плебеевъ законовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ leges Valeriae et Horatiae (305 u. c). Въ первомъ изъ этихъ законовъ гарантировалось jus provocationis противъ рѣшеній всѣхъ магистратовъ даже противъ рѣшеній диктатора [96]), во второмъ повторялись подъ стрэхомъ наказанія всѣ запрещенія нарушенія неприкосновенности трибуновъ и плебейскихъ эдиловъ [97]), а въ третьемъ plebiscita по извѣстнымъ дѣламъ объявлены были обязательными и для патриціевъ. До этого времени патриціи считали плебис-

---

95) Такъ обыкновенно объясняются причины втораго удаленія плебеевъ изъ города и излагается исторія паденія децемвирата. Иное воззрѣніе проводится у Момзена (Band. I. Buch II. S. 286), предполагающаго, что патриціи, недовольные тѣмъ, что плебеи имѣли право быть избираемыми въ децемвиры, низвергли децемвиратъ, а плебеи съ цѣлью гарантіи своихъ правъ послѣ устраненія единственной магистратуры, къ которой они имѣли доступъ, удалились изъ города.

96) Сравни Livius. III. 55: aliam deinde consularem legem de provocatione, decemvirali potestate eversam, non restituunt modo, sed etiam in posterum muniunt sanciendo novam legem "ne quis ullum magistratum sine provocatione crearet: qui creasset, eum jus fasque esset occidi: neve ea caedes capitalis noxae haberetur. Cic. de re publ. II. 31. 54. Valerii Potiti et M. Horatii Barbati consularis lex sanxit, ne quis magistratus sine provocatione crearetur (законъ этотъ ошибочно относится Ортоланомъ l. c. page 96. къ законодательной дѣятельности Валеріи Публиколы). Относительно допущенія provocatio на рѣшенія диктатора сравни что говоритъ Швеглеръ (Band III. 30, 7. S. 71).

97) Liv. III. 55 Ipsis tribunis ut sacrosancti viderentur, cujus rei prope jam memoria aboleverat, relatis quibusdam ex magno intervallo caerimoniis renovarunt, et quum religione inviolatos eos tum lege etiam fecerunt, sanciendo, ut qui tribunis plebis, aedilibus judicibus decemviris nocuisset, ejus caput Jovi sacrum esset, familia ad aedem Cereris Liberi Liberaeque venum iret.

циты постановленіями плебейской общины, обязательными только для членовъ этой общины, и соглашались подчиняться имъ только тогда, когда они на основаніи воспослѣдовавшей auctoritas senatus внесены были въ comitia centuriata и приняты этимъ собраніемъ [98]). Lex Valeria et Horatia присвоиваетъ плебисцитамъ самостоятельное значеніе въ извѣстныхъ случаяхъ *и полагаетъ основаніе сравненію оныхъ съ* leges [99]).

Черезъ 150 лѣтъ послѣ принятія leges Valeriae et Horatiae плебеи, пріобрѣтая одно за другимъ различныя гражданскія и политическія права, являются равноправными съ патриціями поч-

---

[98]) Начиная съ lex Valeria et Horatia, въ извѣстныхъ случаяхъ для общеобязательной силы плебисцитовъ не нужно было принятія ихъ центуріатскимъ собраніемъ: требованіе auctoritatis senatus оставлено было по всей вѣроятности въ силѣ.

[99]) Относительно объема и значенія lex Valeria и Horatia существуютъ въ наукѣ самыя различныя мнѣнія. Дѣло въ томъ, что древніе писатели повѣтствуютъ объ этомъ законѣ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. Такъ напр. Ливій (III. 55): Omnium primum, quum in controverso jure esset, tenerenturne patres plebiscitis, legem centuriatis comitiis tulere, ut quod tributim plebs jussisset, populum teneret, qua lege tribuniciis rogationibus telum acerrimum datum est. За тѣмъ въ послѣдующія времена два раза встрѣчаются совершенно тождественныя постановленія въ lex Publilia Philonis (415 u. c.) и въ lex Hortensia (467. u. c.). При отсутствіи положительныхъ данныхъ и лаконичности выраженій историковъ трудно точно опредѣлить отношеніе этихъ законовъ другъ къ другу: ясно только, что lex Publilia и lex Hortensia не были по всей вѣроятности простыми повтореніями legis Valeriae et Horatiae, такъ какъ по свидѣтельству Авла Геллія и знаменитаго юриста Гая плебисциты окончательно сравнены съ leges только въ lex Hortensia. Вотъ показанія этихъ писателей: Gell. XV 27. 4. Ita ne leges quidem proprie, sed plebiscita appellantur, quae tribunis plebis ferentibus accepta sunt, quibus rogationibus ante patricii non tenebantur, donec Q. Hortensius dictator eam legem tulit, ut eo jure, quod plebes statuisset omnes Quirites tenerentur. Gai I, 3. Lex est, quod populus jubet atque constituit. plebiscitum est, quod plebs jubet atque constituit. plebs autem a populo eo distat, quod populi appellatione universi cives significantur, connumeratis etiam patriciis, plebis autem appellatione sine patriciis ceteri cives significantur; unde olim patricii dicebant, plebiscitis se non teneri, quia sine auctoritate eorum facta essent, sed postea lex Hortensia lata est, qua cautum est, ut plebiscita universum populum tenerent: itaque eo modo legibus exaequata sunt. Сравни: Lange. Roem. Alterthuemer. Band I. S. 551. Band II. S. 48 ff u S. 100 ff. Schwegler. Band III. 30. 9. S. 75 ff. Walter. Band I § 65. Ortolan. l. c. §§ 178—179.

ти во всѣхъ отношеніяхъ Ходъ развитія правъ плебеевъ былъ слѣдующій: a) въ 309 г. u. c. плебисцитомъ, состоявшимся по предложенію трибуна Канулея (Lex Canuleia), уничтожено было существовавшее до сихъ поръ и подтвержденное даже законами 12 таблицъ запрещеніе connubium между патриціями и плебеями. Родственныя связи, установившіяся въ слѣдствіе этого закона между родами плебы и патриціата не мало способствовали умиротворенію обоихъ сословій. b) въ 311 году u. c. плебеямъ открытъ былъ доступъ къ высшей въ государствѣ магистратурѣ. Впрочемъ, патриціи не допустили сразу плебеевъ къ выбору въ консулы: когда плебеи стали неотступно требовать этого права, патриціи объявили, что вмѣсто консуловъ будутъ избраны военные трибуны съ консульской властію (tribuni militares consulari potestate), и что они согласны допустить плебеевъ къ занятію такимъ образомъ видоизмѣненной верховной магистратуры. Но въ тоже самое время одна изъ важнѣйшихъ функцій консульской власти была выдѣлена и поручена особымъ вновь учрежденнымъ магистратамъ. Древніе консулы производили каждые пять лѣтъ народную перепись и таксацію имущества гражданъ, распредѣляли гражданъ по классамъ, записывали ихъ въ сословіе всадниковъ (equites) и составляли списки, въ которые вносились имена сенаторовъ. Такимъ образомъ посредствомъ этой переписи они опредѣляли политическія права и положеніе въ государствѣ отдѣльныхъ гражданъ[100]). Все это перешло теперь къ избираемымъ изъ патриціевъ цензорамъ. Кромѣ того патриціи не окончательно замѣнили консулатъ военнымъ консульскимъ трибунатомъ. Каждый годъ народному собранію предоставлялось рѣшить, желаетъ ли оно избрать на предстоящій срокъ консуловъ или же военныхъ трибуновъ съ консульскою властію. Патриціи часто добивались избранія консуловъ, да и въ военные трибуны имъ не рѣдко удавалось

100) Магистратъ, производившій цензъ, могъ по своему усмотрѣнію исключать лицъ, которыхъ онъ считалъ недостойными, изъ высшихъ классовъ и переносить ихъ въ нисшіе или даже причислять къ стоящимъ внѣ классовъ capite censi. Эта власть получила еще большое развитіе въ рукахъ цензоровъ, къ которымъ она теперь перешла. Сравни Ortolan l. c. § 152. Puchta l. c. § 56.

проводить своихъ. Наконецъ, одинъ изъ консульскихъ трибуновъ [101]) постоянно долженъ былъ избираться изъ патриціевъ, и ему поручались всѣ судебныя функціи, которыя прежде принадлежали консуламъ[102]). c) Въ 378 году послѣ безуспѣшныхъ попытокъ соглашенія трибуны Гай Лициній и Луцій Секстій предложили слѣдующіе законопроекты (rogationes): 1) чтобъ впредь не избирались болѣе военные трибуны, а консулы, изъ которыхъ одинъ постоянно изъ плебеевъ [103]). 2) чтобъ никто не имѣлъ права владѣть болѣе чѣмъ 500 jugera земли въ ager publicus Лица, владѣющія большимъ чѣмъ указанное количествомъ, должны возвратить излишекъ государству для распредѣленія между неимущими. Плебеи объявляются способными къ пріобрѣтенію possessiones въ ager publicus[104]). 3) чтобъ во всѣхъ долговыхъ обязательствахъ неимущихъ лицъ уплоченные до изданія настоящаго закона проценты были вычтены изъ капитала, остающійся же за этимъ вычетомъ долгъ раздѣленъ на три части и уплоченъ въ три года

---

101) Всѣхъ консульскихъ трибуновъ было 3, за тѣмъ 4 и наконецъ 6. Цензоры причислялись къ консульскимъ трибунамъ какъ коллеги. Объ измѣненіяхъ въ числѣ консульскихъ трибуновъ сравни: Швеглеръ (III. Buch 31. 5.).

102) Кромѣ того съ должностью этого консульскаго трибуна изъ патриціевъ соединялось мѣсто перваго въ сенатѣ и право созванія куріатскихъ комицій. Онъ называется custos religionum, comitiorum, legum, rerum omnium urbanarum.

103) Livius VI. 35: ne tribunorum militum comitia fierent, consulumque uti alter ex plebe crearetur

104) Liv. l. c. ne quis plus quigenta jugera agri possideret. По обще принятому прежде ученію настоящее ограниченіе относится только къ землямъ, принадлежащимъ отдѣльнымъ лицамъ на правѣ собственности (Huellmann. Grundverf. § 20. Ortolan. l. c. § 268. Puchta § 57.), а не къ possessiones въ ager publicus. Но въ настоящее время большинство ученыхъ придерживается мнѣнія Нибура (III. 14 ff), по которому разбираемый нами законопроектъ имѣлъ въ виду только possessiones въ ager publicus (Сравни: Walter. § 62. Lange. § 78. Momsen. Buch II. Kap. III. S. 298). Рудорфъ (Band I § 15) думаетъ, что lex Licinia Sextia относилась какъ къ частной собственности такъ и къ possessiones въ ager publicus, но утверждаетъ въ то же самое время, что въ этомъ законѣ не нарушены были основы права собственности, на томъ основаніи, что за нарушеніе постановленій закона грозилось не конфискаціей излишка а денежною пенею.

(по трети въ каждый годъ) [105]). Очевидно, что подобныя предложенія должны были вызвать сильное противодѣйствіе со стороны патриціевъ[106]). И въ дѣйствительности они приняты были только въ 387 г. u. c. послѣ ожесточенной борьбы. При этомъ патриціи, допустивъ плебеевъ къ участію въ консулатѣ, передали всѣ судебныя функціи консуловъ особому, избираемому только изъ патриціевъ магистрату, городскому претору (praetor urbanus) [107]). Кромѣ того была учреждена новая должность курульскихъ эдиловъ (aediles curules), которая также могла замѣщаться только патриціями, и къ функціямъ которой относилась вся высшая полиція d) Въ 413 году plebs возстала и добилась полнаго сложенія долговъ. e) Въ 415 году плебеямъ открытъ былъ доступъ къ цензурѣ а въ 417 году къ претурѣ. f) Въ 454 году учреждены были въ коллегіи понтифексовъ четыре а въ коллегіи авгуровъ пять новыхъ мѣстъ, и эти мѣста замѣщались плебеями. g) Въ 502 году избранъ былъ на должность верховнаго понтифа плебей Тиверій Корунканій.

Въ тоже самое время постоянно росло значеніе трибутскихъ комицій. Въ 415 г. u. c. диктаторъ Publilius Philo предложилъ и провелъ законъ (lex Publilia Philonis), расширившій значеніе плебисцитовъ въ смыслѣ leges Valeriae et Horatiae. На этотъ разъ по всей вѣроятности во всѣхъ отношеніяхъ устранена была необходимость утвержденія плебисцитовъ центуріатскими собраніями. Къ тому же самому диктатору относится законъ, въ силу котораго у куріатскихъ комицій отнято было право отказывать въ своей санкціи постановленіямъ центуріатскихъ комицій, ибо куріи впередъ (ante initum suffragium) должны были одобрить имѣющее состояться рѣшеніе центурій [108]). Наконецъ закономъ диктатора Гортензія (467 u. c.)

---

105) Ut deducto eo de capite, quod usuris pernumeratum esset, id, quod superesset, triennio aequis portionibus persolveretur.

106) Livius. l. c. Называетъ эти предложенія cuncta ingentia et quae sine certamine maximo obtineri non possent.

107) Въ походѣ, относительно войска консулы сохранили по прежнему судебную власть и съ прежнимъ характеромъ.

108) Liv. VIII. 12. Aemilius, cujus tum fasces erant collegam (Q. Publilium) dictatorem dixit. Dictatura popularis—fuit,—quod tres leges secun-

изданнымъ для примиренія съ удалившейся снова изъ города плебою (tertia secessio plebis), плебисциты окончательно сравнены съ законами[109]). Такимъ образомъ окончилась борьба плебеевъ съ патриціями полнымъ уравненіемъ въ правахъ обоихъ сословій и ихъ сліяніемъ.

§ 25. Factio forensis. *Реформа центуріатскихъ собраній.* Ordo senatorius и ordo equester. *Борьба оптиматовъ съ популярами. Послѣднія времена республики.*

Когда окончилась борьба плебеевъ съ патриціями, третій недавно сформировавшійся и несравненный съ остальными въ правахъ классъ римскаго народонаселенія т. н. libertini (вольноотпущенные) грозилъ нарушить только что возстановленное спокойствіе. Эти вольноотпущенные не были cives optimo jure т. е. не пользовались всѣми политическими правами, а именно они не имѣли jus honorum и jus suffragii въ народныхъ собраніяхъ[110]). Партія, составившаяся изъ этихъ libertini и желавшая добиться такихъ же правъ, какими пользовались плебеи, получила названіе factio forensis, на томъ основаніи, что libertini, жившіе почти всѣ въ городѣ, участвовали во всѣхъ сборищахъ, сходкахъ и conciones на площадяхъ и улицахъ. Около половины V столѣтія послѣ основанія Рима партія эта пріобрѣла ловкаго руководителя въ лицѣ Гнея Флавія писца цензора Аппія Клавдія Цека (Appius Claudius Caecus). Гней Флавій убѣдилъ Аппія Цека внести вольноотпущенниковъ въ списки трибъ и такимъ образомъ даровать имъ право голоса въ comitia tributa. Соглашаясь па

---

dissimas plebei, adversas nobilitati tulit, unam, ut plebiscita omnes Quirites tenerent: alteram, ut legum, quae comitiis centuriatis ferrentur, ante initum suffragium patres auctores fierent: tertiam, ut alter utique ex plebe, cum eo ventum sit, ut utrumque plebeium consulem fieri liceret, censor crearetur.

[109]) Plin. H. N. l. 16 § 15. Q. Hortensius dictator, quum plebs secessisset in Janiculum, legem in Esculeto tulit, ut quod ea statuisset, omnes Quirites teneret.

[110]) Пухта (I. § 60. S 193) думаетъ, что libertini вотировали въ comitia centuriata. Противъ подобнаго мнѣнія высказывается не безъ основанія Вальтеръ (l. c. Cap. IV. Anm. 101. Cap. XIV. Anm. 66).

это, Аппій, принадлежавшій къ искони враждебной плебеямъ gens Claudia, надѣялся чрезъ включеніе въ плебейское сословіе презрѣнныхъ личностей оскорбить это сословіе и внести въ него элементы разложенія. Но при этомъ онъ не сообразилъ, что вредитъ въ тоже самое время и своему сословію, придавая государству совершенно демократическій характеръ. Онъ пошелъ еще далѣе; внуковъ вольноотпущенниковъ онъ не отказывался принимать въ сенатъ. Тогда factio forensis подняла голову и избрала даже своего руководителя Гнея Флавія въ 449 г. u. c. въ курульскіе эдилы. Чтобы задержать развитіе этой новой соціальной силы и отвратить опасность охлократіи, Q. Fabius Rullianus, бывшій цензоромъ въ 449 г. u. c., записалъ всѣхъ libertini (приписанныхъ до сихъ поръ къ разнымъ трибамъ) въ списки четырехъ городскихъ трибъ. Такимъ образомъ съ этого времени factio forensis могла имѣть вліяніе только на четыре голоса въ трибутскихъ комиціяхъ.

Вскорѣ послѣ только что описанныхъ происшествій проявилась, въ слѣдствіе перемѣнъ какъ въ организаціи войска такъ и въ имущественныхъ и сословныхъ отношеніяхъ, необходимость измѣненій во внѣшнемъ устройствѣ центурій и въ самомъ процессѣ голосованія. Между 513 и 536 г. u. c. произошла реформа центуріатскихъ комицій [111]). Реформа эта состояла, согласно обоимъ главнымъ источникамъ, изъ которыхъ мы почерпаемъ свѣдѣнія объ исторіи разсматриваемаго времени (Dion. IV. 21 и Ливій I. 43): a) въ уничтоженіи права центурій equitum подавать голосъ прежде другихъ центурій и b) въ установленіи внутренней и органической связи между центуріями и трибами. Уже прежде между сими послѣдними существовала извѣстная связь, а именно descriptio centuriarum производилась на основаніи регистровъ трибъ [112]); съ разсматриваемаго же времени дѣленіе на 35 трибъ [113])

---

[111]) Относительно времени этой реформы центуріатскихъ комицій существуетъ нѣсколько противорѣчущихъ одно другому мнѣній. У Ланге (II. § 123. S. 466 ff) приведены доводы въ пользу принятаго нами въ текстѣ времени.

[112]) Сравни выше § 17. Стр. 15.

[113]) Дѣленіе на 35 трибъ окончательно установлено было въ 513 году.

было перенесено на устройство центурій такимъ образомъ, что члены каждой трибы съ означенной цѣлью дѣлились на два разряда старшихъ и младшихъ (seniores и juniores), и центуріи являлись въ слѣдствіе этого частями трибъ. Число центурій, такъ какъ оно установлено было Сервіемъ Тулліемъ, измѣнилось, а именно (согласно господствующему нынѣ мнѣнію) центурій стало болѣе чѣмъ прежде. По новому дѣленію въ каждомъ изъ классовъ было одинаковое число центурій, классы же точно такъ какъ центуріи сдѣлались подраздѣленіями трибъ, изъ которыхъ каждая содержала 10 центурій (по двѣ центуріи каждаго класса). При семъ 18 центурій equitum продолжали существовать независимо отъ классовъ, точно также какъ и четыре centuriae tibicinum et cornicinum и centuria capite censorum. Слѣдовательно всѣхъ центурій насчитывалось 373. Это устройство центуріатскихъ комицій, демократическій характеръ котораго сравнительно съ прежнимъ не подлежитъ сомнѣнію, просуществовало вплоть до конца республики[114].

Разсматриваемое время вообще можетъ быть названо временемъ великихъ соціальныхъ преобразованій. Подобно тому какъ въ низшихъ классахъ общества появились новые элементы (factio forensis), и высшіе классы принимаютъ отличный отъ прежняго характеръ. По уравненіи правъ плебеевъ въ правами патриціевъ, богатые и именитые плебейскіе роды[115]) сливаются въ одно цѣлое съ родами патриціата и составляютъ новую аристократію (nobilitas). Къ этой новой аристокра-

---

когда цензорами были Aurelius Cotta u Fabius Buteo. Сравни Lange II. § 123. S. 467.

114) Реформа центуріатскихъ комицій изложена согласно высказаннымъ еще въ 16 стол. Октавіемъ Пантагатомъ и признаваемымъ нынѣ большинствомъ ученыхъ воззрѣніямъ (Сравни Lange II. § 123. Kuntze. Cursus § 164. Excurse. S. 167—170. Ortolan. l. c. § 316). Совершенно своеобразнаго воззрѣнія придерживается Пухта (l. c. § 61.).

115) Образованіе плебейской аристократіи на основаніи происхожденія отъ предковъ, занимавшихъ курульскія должности, могло произойти конечно только послѣ допущенія плебеевъ къ выбору въ консулы, но элементы сложенія этой аристократіи существовали и прежде въ видѣ тѣхъ плебейскихъ фамилій, изъ которыхъ избирались члены въ сенатъ. Сравни Momsen I. Buch III. Cap. XI. S. 745.

тія принадлежали всѣ происходившіе отъ предковъ, занимавшихъ курульскія должности, и имѣвшіе т. н. jus imaginum т. е. право выставлять въ своемъ жилищѣ изображенія этихъ именитыхъ предковъ и торжественно показывать ихъ народу при погребальныхъ процессіяхъ. Въ отличіе отъ nobiles всѣ лица, не бывшія въ состояніи привести между своими предками занимавшихъ курульскія должности, считались не благородными (ignobiles), а тѣ изъ нихъ, которые первые въ своемъ родѣ достигали курульской должности, назывались homines novi. Новая аристократія стремилась подобно древнему патриціату удержать въ своихъ рукахъ всѣ высшія должности. Съ этою цѣлію принята была уже во времена первой пунической войны одна мѣра, посредствомъ которой бѣдные косвенно, но за то почти совершенно, устранены были отъ занятія курульскихъ должностей. Постановлено было, что публичныя празднества и игры устраиваются не на счетъ казны а на счетъ курульскихъ эдиловъ. Слѣдовательно въ курульскіе эдилы могли избираться только богатые люди, а для избранія въ высшія курульскія должности необходимо было побывать сперва курульскимъ эдиломъ. Такимъ образомъ богатство сочеталось съ благородствомъ, а въ отличіе отъ нихъ бѣдная презрѣнная часть народонаселенія стала называться плебой, при чемъ этому слову придано было новое значеніе. Главнымъ органомъ новой аристократіи является сенатъ: правда de jure не благородные на равнѣ съ благородными имѣли доступъ въ сенатъ, но de facto они рѣдко туда попадали и не имѣли тамъ никакого значенія. Такимъ образомъ сословіе сенаторовъ (ordo senatorius) можетъ считаться подраздѣленіемъ сословія благородныхъ.

Среднее между благородными и не благородными сословіе составляли такъ называемые всадники. Уже по законамъ Сервія Туллія они являются какъ бы особымъ отличнымъ отъ другихъ гражданъ сословіемъ, ибо они выбирались изъ именитѣйшихъ родовъ, получали отъ государства боеваго коня и голосовали въ народныхъ собраніяхъ отдѣльно отъ другихъ гражданъ. Включеніе въ сословіе всадниковъ происходило посредствомъ дарованія общественнаго коня (equus publicus) царемъ, въ послѣдствіи цензорами. Зачисляться въ всадники могли только имѣвшіе извѣстный цензъ, въ четыре раза пре-

вышавшій цензъ перваго класса. Въ началѣ къ сословію всадниковъ причислялись только лица, въ дѣйствительности отправлявшія воинскую службу и получившія съ этою цѣлію общественнаго коня, за тѣмъ всадниками стали считаться всѣ имѣвшіе тотъ цензъ, который необходимъ былъ для включенія въ сословіе всадниковъ. Такимъ образомъ въ разсматриваемое время между всадниками появляются богатые спекулянты, бравшіе государственныя доходныя статьи и различныя поступленія на откупъ (publicani) [116]) и составлявшіе съ этою цѣлію различныя товарищества. Сословіе всадниковъ (ordo equester) все болѣе и болѣе стремиться обособиться отъ другихъ сословій и перенести центръ тяжести государственной жизни въ сферу матеріальныхъ и эгоистическихъ интересовъ, что совершенно объясняется преобладаніемъ въ этомъ сословіи класса спекулянтовъ.

Исторія послѣднихъ временъ римской республики представляетъ борьбу двухъ высшихъ сословій ordo senatorius и ordo equester другъ съ другомъ и съ народомъ, о которомъ въ дѣйствительности мало кто заботится. Правда являются люди, которые противодѣйствуютъ развитію олигархическаго начала, но ихъ усилія не привели ни къ какому результату. Безсильными оказались также всѣ попытки посредствомъ leges sumptuariae et cibariae [117]) положить предѣлъ распространенію роскоши, которая начала замѣнять собою прежнюю первобытную простоту нравовъ. Эти leges явно не соблюдались.

Страшная борьба возгорѣлась по поводу такъ называемаго аграрнаго вопроса. А именно большинство попытокъ реформъ направлено было къ тому, чтобъ посредствомъ отвода земель бѣдной части населенія въ ager publicus создать

---

116) Ps. Asconius in divinationem § 33. Mancipes sunt publicanorum principes, Romani homines, qui quaestus sui causa si decumas redimunt, (decumani appellantur), si portum aut pecua publica, portitores aut pecuarii, quorum ratio scriptura dicitur. Hi enim exigenda a sociis exigunt et rei publicae repraesentant, providentes etiam in illa redemptione commodis suis.

117) Сравни Rudorff. Rechtsg. I. § 14, гдѣ приведены важнѣйшіе изъ этихъ законовъ.

зажиточный и независимый классъ поселянъ. Такъ Тиверій Семпроній Гракхъ, избранный въ трибуны, предложилъ въ 621 г u. c. слѣдующій основанный на lex Licinia de modo agrorum законопроектъ: Никто не можетъ владѣть болѣе чѣмъ 500 jugera земли въ ager publicus, впрочемъ на каждаго filius familias полагается еще по 250 jugera. Излишекъ за извѣстное вознагражденіе отбирается у настоящихъ владѣльцевъ, распредѣляется между неимущими гражданами (по 30 jugera каждому) и отдается имъ въ неотчуждаемое наслѣдственное владѣніе съ обязанностью платежа государству умѣренной ренты. Приведеніе въ исполненіе закона возлагается на избранныхъ 35 трибами трехъ мужей (tres viri agris dandis assignandis). Противъ этого предложенія воссталъ трибунъ Октавій Цецина (Octavius Caecina) и посредствомъ intercessio не допустилъ принятія законопроекта комиціями. Тогда Гракхъ, видя невозможность провести свою rogatio законнымъ порядкомъ, пошелъ по опасному пути революціи. Онъ предложилъ комиціямъ низложить противящагося ему трибуна. Подобное низложеніе противно было основнымъ законамъ Рима: не смотря на это оно вотировано было комиціями. По удаленіи Октавія Цецины Гракхъ немедленно снова предложилъ свой аграрный законъ, который и принятъ былъ трибами (Lex Semprонia argraria 621 г. u. c.)[118]). Когда Тиверій Гракхъ былъ низвергнутъ и убитъ, то приведеніе въ исполненіе его закона замедлилось происками сенатской партіи. Правда самъ законъ не былъ отмѣненъ, но въ 625 г. u c. издано было сенатское постановленіе (senatus consultum), отнимающее jurisdictio у tresviri agris dandis assigandis и упраздняющее слѣдовательно эту комиссію. Сія послѣдняя востановлена была въ 631 г. u. c. закономъ Гая Семпронія Гракха. Тогда сенатъ употребилъ хитрость и предложилъ чрезъ трибуна М. Ливія Друза законы, которые повидимому были еще болѣе благопріятны для народа чѣмъ законы Гракха: сдѣлано это было съ цѣлію лишить Гракха народной любви. Послѣ паденія Гракха изданъ былъ законъ, отмѣнившій находившееся

118) Исторія Гракховъ мастерски изложена Момзеномъ (Band II. Buch IV. Kap. II и III.).

въ lex Sempronia 621 г запрещеніе отчужденія отведенныхъ неимущимъ въ ager publicus земельныхъ надѣловъ. Законъ этотъ, доставившій развращенной плебѣ возможность получить за землю деньги, былъ принятъ ею съ большимъ удовольствіемъ: она не сознавала, что этимъ же закономъ давалась богатымъ снова возможность завладѣть всею землею въ ager publicus и окончательно вытѣснить оттуда нисшіе классы. Второй законъ, изданный около того же времени (Lex Thoria 635 г. u. c.), запретилъ отводъ надѣловъ изъ земель, находящихся во владѣніи частныхъ лицъ, слѣдовательно совершенно отмѣнилъ Семпроніевъ законъ 621 г., но въ то же самое время постановилъ, что плата взимаемая государствомъ за пользованіе землями въ ager publicus, будетъ дѣлиться между бѣдными. Наконецъ закономъ 643 года владѣльцы земель въ ager publicus освобождены были отъ всякой платы такъ какъ всѣ possessiones обращены были въ частную собственность владѣльцевъ (ager privatus esto) [119]. Но, не смотря на этотъ законъ 643 г, аграрный вопросъ возбуждался снова при каждомъ удобномъ случаѣ во время политическихъ неурядицъ. Нашлось не мало трибуновъ, которые разсматривали ager publicus какъ легкую добычу для себя и приверженныхъ имъ нисшихъ классовъ народонаселенія и не заботились при этомъ, чтобъ отъ подобнаго раздѣла общественной земли государство получило дѣйствительную пользу. Быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ различные аграрные законы (lex Marcia 650 г. u c., Apuleia 654, Titia 655, Livia 663, Servilia Rulli 691) до тѣхъ поръ пока Юлій Цезарь не положилъ конецъ всѣмъ спорамъ по аграрному вопросу, из-

---

119) Исторія аграрнаго законодательства отъ lex Sempronia 621 года до lex agraria 643 года изложена согласно взглядамъ Момзена (Bericht. der saechsischen Gesellschaft 1850. S. 92 и Roem. Geschicht. II. Buch IV. Cap. IV). Подобное же воззрѣніе высказано Рудорфомъ (Rechtsg I. § 16. S. 40 и 41. Сличи также Puchta. Cursus der Institutionen. Band I. 7-te Auflage. Leipzig 1871. S. 244. Anm. 1. [примѣчаніе, сдѣланное издателемъ т. е. Рудорфомъ]) и Брунсомъ (Fontes juris Romani antiqui. S. 54. Anm. 2). Прежняго мнѣнія, что аграрный законъ 643 года и есть lex Thoria, упоминаемый Цицерономъ (Brutus § 63), придерживаются Пухта (l. c. въ текстѣ) и Ortolan (l. c. § 270). Сравни также Walter. l. c. § 252.

давъ въ 695 году законъ (lex Julia agraria), согласно которому вся принадлежавшая государству въ Италіи земля подверглась раздѣлу.

Одновременно съ только что описанными событіями борьба между оптиматами и популарами[120]) происходила и въ дру-

---

[120]) Такъ назывались консервативная и прогрессивная партіи въ Римѣ. Cic. p. Sest. 45. Duo genera semper in hac civitate fuerunt eorum, qui versari in republica, atque in ea se excellentius gerere studuerunt: quibus ex generibus alteri se populares, alteri optimates et haberi et esse voluerunt. Qui ea, quae faciebant, quaeque dicebant, multitudini jucunda esse volebant, populares; qui autem ita se gerebant, ut sua consilia optimo cuique probarent, optimates habebantur. Эти партіи собственно, говоря, не слѣдуетъ отождествлять съ nobiles съ одной и съ плебой съ другой стороны. Правда оптиматы главнымъ образомъ состояли изъ nobiles, но между ними могли быть и лица изъ нисшихъ классовъ народонаселенія, которые примыкали къ нимъ въ слѣдствіе однородности интересовъ и политическихъ убѣжденій. Въ этомъ отношеніи сравни. Cic. p. Sextio. 45. Quis ergo iste optimus quisque? — Sunt principes consilii publici; sunt, qui eorum sectam sequuntur; sunt maximorum ordinum homines, quibus patet curia; sunt municipales rusticique Romani; sunt negotia gerentes; sunt etiam libertini optimates. Velleius Paterculus II. 3. Tum optimates, senatus atque equestris oidinis pars melior et maior, et intacta perniciosis consiliis plebs, irruere in Gracchum. Точно такъ же между популярами могли быть лица, принадлежавшія къ высшей аристократіи, но опиравшіяся не на сенатъ, а на народныя массы. Что касается характеристики этихъ партій, то надо замѣтить, что партія оптиматовъ является необходимымъ противовѣсомъ противъ демогогическихъ стремленій тогдашняго времени. Вспомнимъ съ какимъ уваженіемъ отзывается объ оптиматахъ Цицеронъ (l. c. 45) „Omnes optimates sunt, qui neque nocentes sunt, nec natura improbi, nec furiosi, nec malis domesticis impediti“ и въ другомъ мѣстѣ (l. c. 66), qui autem praecipue suis cerviciibus tanta munia atque rempublicam sustinent habiti sunt optimatium principes, auctores et conservatores civitatis. Впрочемъ въ обѣихъ партіяхъ, какъ между оптиматами такъ и между популярами, мы встрѣчаемъ не мало людей, въ дѣйствительности любившихъ свою родину, добросовѣстныхъ и добромыслящихъ. Въ разложеніи же государства и его паденіи виноваты крайнія фракціи этихъ партій, изъ которыхъ однѣ желали во чтобы то не стало установить полную олигархію (тѣ о которыхъ Цицеронъ [p. Cluent. 55] говоритъ: ii, qui se volunt posse omnia, neque praeterea esse quidquam aut in homine ullo, aut in ordine), другія же стремились къ охлократіи и проявили грозившую анархіей демагогическую дѣятельность (тѣ, въ слѣдствіе необузданности которыхъ слово popularis отождествлено было со словами seditiosus et turbulentus). Въ послѣднія времена республики крайнія партіи вступили на опасный путь революціонныхъ дви-

гихъ областяхъ государственной жизни. Политическимъ движеніямъ седьмаго столѣтія (u. c.) обязаны своимъ возникновеніемъ множество законовъ, долженствовавшихъ служить орудіемъ борьбы между партіями. Сюда относятся: 1) такъ называемыя leges frumentariae (lex Sempronia 631 г. u. c., Cassia Terentia 681, Clodia 696) о раздачѣ хлѣба бѣднымъ классамъ народонаселенія, посредствомъ которыхъ предводители партіи движенія надѣялись привлечь на свою сторону городской пролетаріатъ и съ его помощью господствовать въ комиціяхъ. 2) leges tabellariae (lex Gabinia 615 г. u. c., Cassia 617, Papiria 623 и Caelia 647) о тайной подачѣ голосовъ въ народныхъ собраніяхъ. Этими законами populares разсчитывали ослабить вліяніе оптиматовъ на рѣшенія комицій, гдѣ большинство членовъ изъ нисшихъ классовъ находилось въ матеріяльной зависимости отъ оптиматовъ и кромѣ того доступно было подкупу. 3) leges judiciariae о составѣ questiones perpetuae. Здѣсь съ особою силою и своеобразнымъ образомъ проявляется борьба между оптиматами и популярами. Какъ извѣстно въ седьмомъ столѣтіи для суда по нѣкоторымъ преступленіямъ стали назначаться постоянныя коммиссіи (quaestiones perpetuae), замѣнявшія собою судъ народныхъ собраній. Онѣ состояли изъ претора и извѣстнаго числа сенаторовъ, исправлявшихъ обязанности присяжныхъ судей. При всеобщемъ пониженіи нравственнаго уровня оказалось, что въ этихъ судахъ проявляется пристрастіе къ nobiles и членамъ ordo senatorius. Въ слѣдствіе этого populares стали требовать исключенія сенаторовъ изъ этихъ quaestiones perpetuae и избранія присяжныхъ судей изъ сословія всадниковъ. Въ тоже самое время они надѣялись склонить такимъ образомъ всадниковъ на свою сторону и перессорить ихъ съ ordo senatorius. За тѣмъ, когда и всадники оказались пристрастными (въ особенности къ принадлежащимъ къ ихъ сословію publicani), проявилось стремленіе сдѣлать судебную должность доступною и нисшимъ классамъ народонаселенія. Быстро смѣняющіе другъ друга

женій и государственныхъ переворотовъ и привели государство въ то хаотическое состояніе, которымъ характеризуются послѣднія времена республиканскаго Рима, и изъ котораго не было уже выхода.

законы о составѣ quaestiones perpetuae (leges judiciariae) указываютъ на торжество то той то другой партіи. Такъ lex Sempronia 632 г u. c. постановила избирать судей изъ всадниковъ, lex Servilia Caepionis изъ сенаторовъ, lex Servilia Glauciae repetundarum снова устранила сенаторовъ, lex Livia 663 u. c. узаконила смѣшанный составъ quaestiones perpetuae изъ сенаторовъ и всадниковъ, lex Plautia 665 предписала избирать безъ обращенія вниманія на сословіе, къ которому принадлежатъ избираемые, по 5 присяжныхъ отъ каждой трибы, lex Cornelia 673 востановила порядокъ, существовавшій до lex Sempronia 632 г. (т. е. избраніе судей изъ сенаторовъ), lex Aurelia 684 года отмѣнила предшествующій законъ и постановила избирать присяжныхъ судей изъ сенаторовъ, всадниковъ и tribuni aerarii [121]), наконецъ согласно lex Julia judiciaria снова только сенаторы и всадники стали заноситься въ album judicum selectorum (списокъ присяжныхъ судей).

Подъ конецъ 7-го и въ первой четверти 8 го столѣтія борьба партій достигаетъ своего апогея, и политическіе кризисы, почти непосредственно слѣдуя одинъ за другимъ, способствуютъ скорѣйшему разложенію древняго общественнаго строя, учрежденію диктатуръ и наконецъ окончательному сосредоточенію власти въ рукахъ одного императора.

§ 26. *Общественныя власти въ послѣднія времена республики.*

Въ концѣ разсматриваемаго періода мы встрѣчаемся съ тѣми же тремя факторами римской государственной жизни, съ которыми мы познакомились въ началѣ: народными собраніями, сенатомъ и магистратурой, но значеніе ихъ, кругъ дѣятельности и отношеніе другъ къ другу значительно измѣнились въ слѣдствіе указанныхъ выше соціальныхъ переворотовъ.

Расмотримъ каждую изъ общественныхъ властей отдѣльно.

---

[121]) Tribuni aerarii, выбиравшіеся изъ самыхъ зажиточныхъ гражданъ перваго класса и занимавшіеся взиманіемъ податей, составляли переходное сословіе между всадниками и плебой. Lex Aurelia создаетъ, собственно говоря, изъ нихъ особый ordo.

А. Народныя собранія.

По прежнему существуетъ три вида народныхъ собраній: Comitia curiata, comitia centuriata и comitia tributa.

Comitia curiata не имѣли болѣе никакого политическаго значенія. Собственно говоря, всѣ члены почти никогда не собирались, а сходились только 30 ликторовъ, представлявлявшихъ 30 курій, и три авгура. Въ подобномъ то составѣ они облекали верховныхъ магистратовъ присущею ихъ должности властію (lex curiata de imperio), пророгировали власть провинціальныхъ магистровъ и присутствовали при inauguratio жрецовъ. Очевидно, что здѣсь comitia curiata имѣли только формальное значеніе и созывались только изъ уваженія къ преданіямъ древняго государственнаго права [122]). Большее значеніе сохранили куріи относительно актовъ гражданскаго права. Такъ напр., въ ихъ присутствіи по прежнему имѣла мѣсто arrogatio hominis sui juris, представлявшая впрочемъ иногда и политическій интересъ, ибо со временъ второй пунической войны часто встрѣчаются arrogationes съ цѣлію transitio ad plebem; дѣлалось это для того, чтобы получить право быть избраннымъ въ плебейскіе трибуны [123]). Для присутствованія при актахъ частнаго права собирались по всей вѣроятности всѣ члены: по крайней мѣрѣ здѣсь встрѣчается promulgatio per trinundinum какъ и относительно другихъ народныхъ собраній [124]).

Comitia tributa послѣ изданія lex Hortensia 467 г. имѣютъ почти тѣ же предметы вѣдомства что и comitia centuriata. Такъ въ области законодательства оба рода комицій, какъ мы видѣли выше, объявлены были равно компетентными. Съ этого времени начинается развитіе законодательной дѣятельности трибутскихъ собраній, и ослабѣваетъ законодательная дѣятельность центурій. Большинство законовъ 7-го столѣтія плебисциты. Изъ законовъ, относящихся къ государственному устройству,

---

122) Сравни Cicero adv. Rull. II. 12. Sint igitur decemviri, neque veris comitiis, hoc est populi suffragiis, neque illis ad speciem, atque ad usurpationem vetustatis, per XXX lictores, auspiciorum causa, adumbratis, constituti.

123) Kuntze. Cursus. § 163.

124) Lange, Roem. Alterth. I § 54. S. 355.

только законъ Валерія (lex Valeria) 672 года u. c. о диктатурѣ Суллы вотированъ центуріями. Далѣе, избраніе магистровъ имѣло мѣсто какъ въ тѣхъ такъ и въ другихъ комиціяхъ: высшіе магистраты (консулы, преторы, цензоры) избирались центуріями, а нисшіе (курульскіе эдилы и квесторы) трибами. Наконецъ порядокъ засѣданій былъ также одинаковъ въ обоихъ собраніяхъ. Различіе же замѣчается главнымъ образомъ во внутреннемъ строѣ тѣхъ и другихъ комицій и подачѣ голосовъ. Не смотря на упомянутую выше реформу центуріатскихъ собраній, сіи послѣднія представляются собраніемъ съ гораздо болѣе консервативнымъ характеромъ чѣмъ comitia tributa. Въ собраніяхъ трибъ каждая триба имѣла одинъ голосъ, а въ каждой трибѣ голоса подавались поголовно безъ различія сословія и возраста: бѣдные и богатые, сенаторы и простолюдины, старшіе и младшіе вотировали на одинаковыхъ правахъ. Совсѣмъ не то видимъ въ центуріатскихъ комиціяхъ: здѣсь (правда въ измѣненномъ видѣ) продолжаютъ существовать древнія установленныя Сервіемъ Тулліемъ различія по состоянію, возрасту и сословію. Такимъ образомъ перенесеніе центра тяжести государственной жизни изъ центуріатскихъ комицій въ трибутскія является дальнѣйшимъ торжествомъ демократическаго начала [125]).

B. *Сенатъ.*

Это высшее государственное учрежденіе освобождается въ разсматриваемое время окончательно отъ вліянія магистратуры. А именно избраніе сенаторовъ переходитъ отъ верховныхъ магистратовъ, консуловъ, къ цензорамъ. Далѣе, посредствомъ lex Ovinia (законъ этотъ изданъ вскорѣ послѣ leges Liciniae Sextiae) рѣшительнымъ образомъ ограничено было право магистратуры по произволу пополнять составъ сената, такъ какъ постановлено было, что всякій занимавшій должность курульскаго эдила, претора или консула, получаетъ право голоса въ сенатѣ. Цензоры должны были, при производ-

---

[125]) На консервативный характеръ центуріатскихъ комицій указываетъ и Цицеронъ (de leg. III. 19), когда онъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: D e s c r i p t u s enim populus censu, o r d i n i b u s a e t a t i b u s, plus adhibet ad suffragium consilii quam f u s e i n t r i b u s c o n v o c a t u s

ствѣ ими ближайшаго послѣ поступленія подобнаго лица въ сенатъ ценза, или формально включить новопоступившаго въ списокъ сенаторовъ или же отказать ему въ этомъ, впрочемъ по тѣмъ же причинамъ, по которымъ они исключали изъ списка сенаторовъ уже внесенныхъ въ оный лицъ. Правда, бывшихъ магистратовъ недостаточно было для замѣщенія всѣхъ вакансій въ сенатѣ, а по этому цензоры кромѣ нихъ назначали сенаторовъ по своему усмотрѣнію, но избранные такимъ образомъ цензорами сенаторы участвовали только въ голосованіяхъ а не въ преніяхъ. Наконецъ въ plebiscitum Atinium 540 г. u. c. постановлено было, что цензоры, не внося бывшихъ магистровъ въ списокъ сенаторовъ или исключая изъ онаго уже внесенныхъ, должны были посредствомъ такъ называемой subscriptio censoria мотивировать свой образъ дѣйствій [126]). Такимъ образомъ сенатъ состоялъ преимущественно изъ бывшихъ магистратовъ и косвенно пополнялся народнымъ собраніемъ. Что касается предметовъ вѣдомства сената, то de jure здѣсь непроизошло никакихъ перемѣнъ, но de facto сенатъ получилъ громадное вліяніе на государственныя дѣла. Такъ всякій законопроектъ, прежде предложенія его комиціямъ, вносился для обсужденія въ сенатъ, и рѣдко магистраты или трибуны рѣшались противъ мнѣнія сената предлагать rogationes комиціямъ. Если же иногда магистраты и не обращали вниманія на мнѣніе сената, то сей послѣдній всегда имѣлъ возможность воспрепятствовать принятію непріятной для него rogatio посредствомъ intercessio со стороны другихъ, преданныхъ ему магистратовъ, или же кассаціи со стороны жрецовъ, а въ крайнемъ случаѣ сенатъ, какъ высшее административное мѣсто, приводящее въ исполненіе постановленія народныхъ собраній, могъ задерживать осуществленіе непріятныхъ ему законовъ Впрочемъ, сенатъ не удержался на высотѣ своего положенія вплоть до конца республики, такъ какъ главы партій становились въ то же самое время и повелителями сената: на это ясно указываетъ исторія временъ Марія, Суллы, Помпея и Цезаря.

---

126) Lange II. § 111. S 339 (2-te auflage).

C. *Магистратура.*

Вмѣсто сосредоточенія всѣхъ функцій въ одной магистратурѣ, какъ то было въ началѣ разсматриваемаго періода, въ концѣ онаго мы встрѣчаемся съ цѣлою системою должностей, что какъ было указано выше, произошло чрезъ выдѣленіе отдѣльныхъ функцій изъ консульской власти. Выдѣленіе это произошло отчасти въ слѣдствіе дѣйствительной необходимости, какъ полагаетъ Помпоній (frag 2 §§ 17, 22, 27 Dig. de O. J. I, 2), отчасти же въ слѣдствіе нежеланія патриціевъ, сразу предоставить плебеямъ, избраннымъ въ консулы, всѣ права, заключавшіяся первоначально въ консульской власти

Что касается отдѣльныхъ должностей, то въ 507 году u c. назначенъ былъ кромѣ городскаго претора еще одинъ praetor peregrinus (quod plerumque inter peregrinos jus dicebat), съ 527 года стали выбирать четырехъ, а съ 557 года шесть преторовъ, наконецъ во времена Суллы мы встрѣчаемся съ 8, а во времена Цезаря съ 16 преторами. Квесторовъ во времена Цезаря было 40, а эдиловъ 6. Послѣ Сервилія Гемина (Servilius Geminus), бывшаго диктаторомъ въ 552 г. u. c., мы не встрѣчаемся болѣе съ диктаторами belli gerendi: вмѣсто того, чтобъ назначать диктаторовъ, сенатъ, когда государство находилось въ опасности, расширялъ консульскую власть посредствомъ такъ называемаго Senatus Consultum ultimum: videant consules, ne quid detrimenti respublica capiat (Caes. bell. civ. 1, 5). Въ подобномъ сенатскомъ постановленіи imperium summum сообщался консуламъ и относительно города Рима и его округа [127]).

§ 27. *Сакральныя учрежденія республиканскаго Рима.*

Въ первой половинѣ разсматриваемаго времени мы встрѣчаемся еще съ непоколебимою вѣрою въ то, что все римское государственное устройство установлено по указаніямъ боговъ (auspicato), и что оно пользуется ихъ особымъ покровительствомъ и защитою. По этому sacra попрежнему играютъ важную роль въ общественной жизни Рима, а жрецы и члены жреческихъ коллегій пользуются всеобщимъ уваженіемъ. Когда плебеи сдѣлались полноправными членами римской об-

---

[127]) Сравни Kuntze. Cursus §§ 171.

щины, то они окончательно приняты были и въ религіозное общеніе съ патриціями: lex Ogulnia (454 г. u. c.) открыла имъ доступъ въ жреческія коллегіи понтифовъ и авгуровъ. Только должности т. н. rex sacrorum и трехъ flamines majores (Dialis, Martialis и Quirinalis) остались исключительно за патриціями. Впрочемъ значеніе этихъ жреческихъ должностей постоянно падаетъ. Онѣ часто не замѣщались, потому что лица, ими облеченныя, не могли занимать никакой магистратуры. Согласно lex Domitia de sacerdotiis (650 г. u. c.) члены жреческихъ коллегій, назначавшіеся прежде посредствомъ cooptatio, стали, подобно магистратамъ, избираться народомъ въ комиціяхъ [128]).

Подъ конецъ разсматриваемаго періода традиція сакральныхъ дѣйствій и церемоній утрачивается, храмы пустѣютъ, и наконецъ вся древняя религія и значеніе древнихъ sacra почти изчезаютъ.

§ 28. *Государственные доходы и расходы республиканскаго Рима.*

Главнѣйшими доходами государственной казны въ первыя времена республики были:

a) Tributum ex censu, налогъ, установленный еще Сервіемъ Тулліемъ, замѣненный во времена Тарквинія Гордаго поголовною податью, и востановленный Валеріемъ Публиколою, b) Vectigalia т. е. оброчная плата и десятинный сборъ за пользованіе общественными землями (ager publicus) и пастбищами, c) portoria т. е. таможенныя пошлины, d) доходы отъ соляныхъ варницъ и e) Vicesima manumissionum т. е. пошлина, взимавшаяся при освобожденіи рабовъ и равнявшаяся 20 части стоимости раба. Пошлина эта установлена въ 398 г. закономъ Гнея Манлія [129]).

128) 17 трибъ, указанныхъ жребіемъ, производили этотъ выборъ. Сравни Cic. de leg. agrar II. 7. De ceteris sacerdotiis Cn. Domitius, Tribunus plebis, vir clarissimus, tulit: quod populus per religionem sacerdotia mandare non poterat, ut minor pars (i. e. XVII tribus) vocaretur; ab ea parte qui esset factus, is a collegio cooptaretur.

129) Liv VII. 16. Ab altero consule (sc. Cn. Manlio) nihil memorabile gestum: nisi quod legem, novo exemplo, ad Sutrium in castris tributim de vicesima eorum, qui manumittentur, tulit. Patres, quia ea lege haud parvum vectigal inopi aerario additum esset, auctores fuerunt.

Послѣ того, какъ Римъ обогатился добычею, взятою въ покоренныхъ провинціяхъ, всѣ прямые налоги были отмѣнены въ Италіи. Произошло это между окончаніемъ македонской войны (586 u. c.) и 711 г. u. c. [130]).

Изъ пріобрѣтенныхъ Римомъ провинцій во вторую половину разсматриваемаго времени казна получала значительные доходы. Въ большинствѣ провинцій при завоеваніи ихъ Римлянами существовали налоги похожіе на tributum ex censu, кромѣ того поземельная подать. Сія послѣдняя состояла или изъ разъ на всегда опредѣленной суммы (stipendium, populi stipendiarii), уплачивавшейся непосредственно государству, или же изъ извѣстной части плодовъ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ государство отдавало взиманіе подати на откупъ. Значительны были такъ же таможенныя пошлины, взимавшіяся республикой.

Расходы государственные состояли, кромѣ содержанія войска, главнымъ образомъ въ уплатѣ по поставкамъ предметовъ, необходимыхъ различнымъ общественнымъ учрежденіямъ [131]). Всѣ эти поставки отдавались съ торговъ. Кромѣ того государственная казна отпускала деньги на поддержаніе существующихъ и постройку новыхъ общественныхъ зданій, храмовъ, мостовъ, путей сообщенія и водопроводовъ. Эти постройки такъ же отдавались съ торговъ.

Государственною казною (aerarium), находившеюся въ храмѣ Сатурна, завѣдывали со временъ Валерія Публиколы квесторы, которые вели счеты всѣмъ государственнымъ доходамъ, расходамъ, долговымъ требованіямъ и обязательствамъ. Впрочемъ сенатъ и здѣсь имѣлъ верховный надзоръ: за исключеніемъ консуловъ, квесторы никому не могли отпустить денегъ безъ предписанія сената [132]).

---

[130]) Cic. de off. II. 22. Omni Macedonum gaza, quae fuit maxima, potitus est Paullus: tantam in aerarium pecuniam invexit, ut unius imperatoris praeda finem attulerit tributorum.

[131]) Сюда относилась также поставка всего необходимаго для содержанія священныхъ гусей на Капитоліи, поставка жертвенныхъ животныхъ и т. д.

[132]) Polyb. VI. 13. „Καὶ μῆν ἡ Σύγκλητος πρῶτον μὴν ἔχει τήν τοῦ ταμείου κυρίαν, καὶ γάρ τῆς εἰσόδου πάσης αὕτη κρατεῖ, καὶ τῆς ἐξόδου παραπλησίως.

§ 29. *Деньги во времена республики.*

Уже въ первыя времена республики появляются снабженныя правильнымъ штемпелемъ мѣдныя деньги, а въ 485 году воспослѣдовала чеканка серебряной монеты. Сперва на серебряную монету смотрѣли только какъ на монету вспомогательную, главной монетой по прежнему оставалась мѣдная, но въ послѣдствіи серебряная монета пріобрѣла самостоятельное значеніе. Введеніе серебряной монеты важно еще въ другомъ отношеніи: одновременно съ нею все монетное дѣло поставлено было въ завѣдываніе особыхъ органовъ управленія т. н. tresviri monetales [133]). Прежде этимъ дѣломъ завѣдывали квесторы. И такъ отношеніе правительства къ денежному дѣлу становится гораздо сосредоточеннѣе: изъ рукъ общихъ органовъ финансоваго управленія монетное дѣло поступаетъ въ руки спеціально для сего учрежденнаго органа. За тѣмъ проявляется стремленіе правительства сосредоточить въ Римѣ чеканку серебряной монеты для всего государства. У муниципальныхъ городовъ право это вскорѣ отнимается, оно оставляется за Капуей, Ателлой и Калатіей: впрочемъ серебряную монету города эти обязаны были чеканить съ именемъ Рима, свое клеймо имъ дозволялось накладывать только на мѣдную монету (Walter § 212. стр. 314). Въ нарбонской Галліи монетное право осталось за Марселемъ (Momsen, Band II. S. 406). Между тѣмъ, въ слѣдствіе особенностей торговли съ Востокомъ золото пріобрѣтаетъ значеніе денегъ. Однакожъ въ Римѣ долгое время не чеканили золотой монеты: золото обращалось въ торговлѣ въ невыдѣланномъ видѣ и принималось на вѣсъ. Впрочемъ, съ отдѣльными случаями чеканки золота мы встрѣчаемся въ римской исторіи. Такъ во времена затрудненій, вызванныхъ войною съ Ганибаломъ, отчеканена была золотая монета. Сулла приказалъ выбить золотую монету, которая выпущена была впрочемъ въ небольшомъ количествѣ и предназначалась главнымъ образомъ для подарковъ по случаю тріумфа. Правильная чеканка золотой монеты относится уже къ послѣдующему періоду. Въ древнемъ Римѣ мы встрѣчаемся и съ условной монетой, соотвѣтствующей въ извѣстной степени на-

---

133) Frag 2 § 30. Dig. de O. J. I. 2.

шимъ бумажнымъ деньгамъ. Такое условное значеніе имѣли денаріи изъ мѣди, покрытые серебряными пластинками и долженствовавшіе представлять цѣнность денаріевъ изъ чистаго серебра [134]).

§ 30. *Устройство Италіи и провинцій.*

А. Италія [135]).

Съ распространеніемъ римскаго владычества въ Италіи установились между Римомъ и другими италіянскими племенами различныя степени политической принадлежности, зависимости и союзныхъ отношеній. Необходимо различать слѣдующія три системы государственнаго и международнаго права:

I. Систему инкорпорацій.

a) Нѣкоторыя изъ вновь пріобрѣтенныхъ территорій совершенно присоединялись къ римскимъ владѣніямъ, а населеніе оныхъ получало всѣ права римскаго гражданства (civitas cum suffragio). Въ такомъ случаѣ въ началѣ разсматриваемаго періода народъ и земля распредѣлялись между существующими уже трибами (съ 259 г. u. c. такихъ трибъ было двадцать одна) [136]), а съ 368 г. u. c. (послѣ побѣдъ Камилла надъ Этрусками и Волсками) стали по мѣрѣ надобности учреждать новыя трибы, до тѣхъ поръ пока въ 513 г. u. c. число трибъ не достигло 35 и организація оныхъ признана была законченною.

b) Другія племена и общины, присоединенныя къ римской державѣ, получили (около 401 г. u. c.) только civitas sine suffragio (et jure honorum). Нѣкоторымъ изъ подобныхъ общинъ, называвшихся municipia [137]), предоставлено было

---

[134]) Сравни мое сочиненіе «о нарушеніяхъ уставовъ монетныхъ» стр. 13 — 15.

[135]) Отношенія италіянскихъ населеній къ Риму нигдѣ, по нашему мнѣнію, не изложены съ такою простотою и ясностью какъ у Kuntze (Cursus § 110 и 173—174), почему мы и придерживаемся этого изложенія въ текстѣ.

[136]) Въ 259 году отмѣнено было древнее дѣленіе римской територіи на 30 трибъ, установленное Сервіемъ Тулліемъ, и введено новое дѣленіе на 21 трибу. Сравни въ этомъ отношеніи: Walter. Roem. Rechtsgeschichte § 28. Anm 30 и § 102.

[137]) Municipia назывались города, населенные municipes т. е. лицами

право самоуправленія относительно внутреннихъ дѣлъ: онѣ имѣли свой сенатъ, своихъ магистратовъ, свои народныя собранія, и, какъ выражается Фестъ, semper rempublicam separatim a populo Romano habebant. Напротивъ того у другихъ общинъ отнята была всякая корпоративная самостоятельность [138]). Рядомъ съ municipia упоминаются praefecturae, т. е. городскія общины, которымъ хотя и дарована была извѣстная самостоятельность въ дѣлахъ внутренняго управленія, но въ которыя для отправленія правосудія посылались префекты изъ Рима

II Федеративную систему.

Система эта основана на идеи равноправности договаривающихся сторонъ, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что заключенный для обоюдной обороны союзъ часто приближался скорѣе къ типу инкорпораціи чѣмъ федераціи. Въ догорныхъ отношеніяхъ различаются:

1) foedera aequa. Таковъ былъ древній союзъ съ латинами и герниками, которымъ установленъ былъ commercium, connubium и municipium [139]) въ древнемъ значеніи этого слова между договаривающимися сторонами. Возобновленный въ 396 г. u. c. съ латинами союзъ такъ же называется aequum foedus, но, собственно говоря, онъ подчинилъ латиновъ римлянамъ.

2) foedera iniqua съ главенствомъ Рима. Въ такомъ отношеніи къ Риму находились напр. воставшіе въ 414 году и побѣжденные латинскія города.

наравнѣ съ римскими гражданами несущими различныя повинности, а въ слѣдствіе этого и пользующимися всѣми правами римскаго гражданства за исключеніемъ политическихъ (cives sine suffragio et jure honorum). Положеніе municipes напоминаетъ положеніе плебеевъ въ древнее время. Впрочемъ, значеніе слова miniceps было различно въ различныя времена. Сравни Danz. § 32 1. I. 1. a. Ortolan § 192. Note 1. § 196 p. 175. Note 4.

138) О нихъ Paul Diac. выражается слѣдующимъ образомъ: quorum civitas universa in civitatem romanam venit.

139) Древнее значеніе слова minicipium было тоже, что и греческаго «изополитія». т. е. право пользованія въ союзномъ государствѣ всѣми гражданскими правами, а равнымъ образомъ право вчинанія исковъ въ судахъ союзнаго государства. Сравни Walter. Roem. Rechtsgeschichte § 85.

Находившіяся въ союзномъ отношеніи къ Риму городскія италіянскія общины назывались civitates liberae s. foederatae, а обитатели ихъ, socii [140]).

III) Систему колонизацій.

Для упроченія римскаго могущества служило учрежденіе колоній частію внутри страны частію же по берегамъ. Основаніе колоній имѣло мѣсто главнымъ образомъ между 404 и 504 годомъ u. c. Колоніи распадаются на:

a. Coloniae Romanae s. civium romanorum, состоявшія главнымъ образомъ изъ римскихъ плебеевъ, сохранившихъ и здѣсь тѣ же права, которыя они имѣли въ Римѣ. Такимъ образомъ, когда плебеямъ въ Римѣ открытъ былъ доступъ къ магистратурѣ (jus honorum), это же право получили и плебейскіе обитатели колоній [141]).

b. Coloniae latinae. Сюда относились колоніи, основанныя латинскимъ союзомъ; а впослѣдствіи равнымъ образомъ колоніи, выведенныя римлянами изъ латинскихъ общинъ Отношенія этихъ coloniae latinae къ Риму походило на отношенія къ нему т. н. socii (foederati).

Coloni повсюду составляли въ мѣстныхъ общинахъ господствующее сословіе гражданъ У нихъ были свои собранія, свой сенатъ, свои магистраты, которымъ обязано было повиноваться и остальное народонаселеніе. Coloniae romanae называются весьма вѣрно Авломъ Гелліемъ (lib 16. Cap. 13) effigies parvae simalacraque Рима.

Съ полнымъ подчиненіемъ Италіи изчезаетъ совершенно федеративная система и всѣ италіянскія общины и колоніи становятся непосредственно подвластными Риму и утрачиваютъ характеръ civitates liberae. Въ послѣдующей исторіи этихъ подчиненныхъ Риму городскихъ общинъ мы различаемъ два періода: а) до изданія т. н. lex Iulia de civitate so-

---

140) Свободными считались всѣ находящіяся въ союзномъ отношеніи городскія общины безъ различія заключившихъ foedus aequum отъ заключившихъ foedus iniquum.

141) Что римскіе граждане, поселившіеся въ колоніяхъ, не теряли jus suffragii et honorum въ Римѣ доказалъ Мадвигъ (opuscula academica. Havn. 1834. p. 205—314). Прежняго мнѣнія, по которому обитатели колоній не имѣли jus suffragii et honorum придерживается Ortolan § 186.

ciorum (664 г. u c.). Здѣсь различаются слѣдующіе два вида городскихъ общинъ: 1) municipia, жители которыхъ въ началѣ по прежнему имѣли только civitas sine suffragio, нò потомъ мало по малу пріобрѣли и jus suffragii et honorum: вскорѣ послѣ пунической войны большинство латинскихъ и сабинскихъ городскихъ общинъ пріобрѣли civitas optimo jure. Въ тоже самое время въ римскихъ колоніяхъ первоначальное населеніе слилось съ римскими колонистами, сіи послѣдніе утратили характеръ военнаго поселенія на чужой территоріи, и римскія колоніи сравнялись съ municipia новаго типа. Эти municipia и колоніи вошли въ систему римскихъ трибъ, такъ что, какъ вѣрно замѣтилъ Цицеронъ (de pet. cons. 8, 30), вся Италія была tributim descripta. Многія изъ municipia и coloniae сохранили прежнее подчиненное значеніе префектуръ, въ которыхъ вмѣсто собственныхъ duumviri отправляли правосудіе присланные изъ Рима префекты. 2) Coloniae latinae, жители которыхъ не имѣли, какъ то было въ древнемъ латинскомъ союзѣ, jus connubii и jus commercii (по квиритарному праву) и сравнивались въ этомъ отношеніи съ peregrini: все преимущество ихъ передъ сими послѣдними состояло въ томъ, что тѣ изъ нихъ, которые были магистратами въ своемъ городѣ, получали права римскаго гражданства. b) Послѣ изданія lex Iulia 664 года. Согласно этому закону и lex Plautia Papiria (конца 664 или начала 665 года) всѣ италіянскія общины пріобрѣли civitas romana. Закономъ консула Помпея Страбона 665 года города циспаданской Галліи были объявлены муниципальными городами, а города транспаданской Галліи латинскими колоніями. Наконецъ въ слѣдствіе т. н. lex Iulia municipalis 709 установилось во всѣхъ италіянскихъ городахъ однообразное муниципальное устройство.

B. Провинціи.

Съ нѣкоторыми изъ побѣжденныхъ внѣиталіянскихъ странъ Римъ вступилъ въ союзное отношеніе и договорами пріобщилъ ихъ къ своей политической системѣ, но большинство изъ нихъ обращено было въ провинціи [142]). Первыми

142) Этимологія слова provincia слѣдующимъ образомъ объясняется Фестомъ „Provinciae appellantur, quod populus romanus ea provicit, id est ante vicit“. Другія объясненія приведены у Данца (§ 33. I a).

изъ римскихъ провинцій были: Сицилія (513 u. c.), Сардинія (526 u. c.), Галлія цисальпинская, Иллирія, Испанія и принадлежавшая Карѳагену Африка (608 u. c.). Провинціи были непосредственно подчинены господству Рима и управлялись римскими магистратами согласно закону или сенатскому постановленію, регулирующему ихъ положеніе (formula provinciae). Собственникомъ земли въ провинціяхъ даже той части, которая оставлялась во владѣніи прежнихъ детенторовъ, объявлялся римскій народъ. Провинціальная земля становилась ager publicus populi romani [143]), а прежніе собственники обращались въ простыхъ владѣльцевъ, обязанныхъ платить ежегодно государству за предоставленное имъ право пользованія извѣстную подать (vectigal). Кромѣ этого поземельнаго налога провинціалы платили еще такъ называемый tributum. Вообще же они считались не римскими гражданами а подданными Рима.

Впрочемъ, въ устройствѣ различныхъ провинцій замѣчаются различія, установленныя законами, опредѣлившими ихъ отношеніе къ Риму. Даже права городовъ и общинъ одной и той же провинціи не были тождественны. Въ этомъ отношеніи мы различаемъ: a. Города, получившіе т. н. jus italicum. Это право относится не къ личности гражданъ подобныхъ городовъ, а состоитъ въ привилегированномъ положеніи городской территоріи, согласно которому земля, находящаяся въ предѣлахъ этой территоріи, становится способною состоять въ квиритарной собственности. Владѣльцы подобной земли имѣли, значитъ, на нее право полной собственности и не обязаны были платить vectigal. b. civitates liberae et foederatae. Подобные города не лишались независимости, съ ними заключался договоръ, гарантирующій имъ древнее ихъ устройство. c. Civitates liberae et immunes т. е. города, получившіе отъ Римлянъ послѣ своего покоренія въ видѣ дара востановленіе своей независимости, что иногда соединялось съ полнымъ освобожденіемъ отъ всякой дани, податей и повинностей въ пользу Рима. d. города и общины, не получившіе привиле-

---

143) Сравни. Cic. in Verr. III. 6. Perpaucae Siciliae civitates sunt bello a majoribus nostris subactae: quarum ager quum esset publicus populi Romani factus, tamen illis est reditus. Is ager a censoribus locari solet.

гій и состоявшіе по этому въ непосредственной зависимости отъ римскихъ правителей. Кромѣ того въ провинціяхъ учреждены были римскія и латинскія колоніи. Наконецъ, нѣкоторые провинціальные города объявлены были латинскими колоніями и получили права оныхъ. Въ этомъ разнообразіи правъ, дарованныхъ провинціальнымъ городамъ, проявляется политическая мудрость Римлянъ, ибо чрезъ то, что они изъяли многіе города посредствомъ привилегій изъ непосредственной власти правителей, они разъединили интересы побѣжденныхъ, сдѣлали для привилегированныхъ подчиненіе менѣе непріятнымъ и пріобрѣли въ нихъ приверженцевъ своему владычеству.

Провинціи управлялись сперва магистратами, нарочно съ этою цѣлію избираемыми римскими комиціями и называвшимися преторами. Когда же число провинцій увеличилось, то принята была новая система управленія. А именно провинціи стали поручатся бывшимъ консуламъ и преторамъ: когда кончался срокъ ихъ должности въ Римѣ, они отправлялись управлять провинціями съ титуломъ проконсуловъ и пропреторовъ. Первоначально проконсулы и пропреторы назначались только на одинъ годъ, а срокъ ихъ власти могъ быть продленъ только особымъ постановленіемъ комицій. Это измѣнено было посредствомъ закона Корнеліева о провинціяхъ (lex cornelia de provinciis 673 года u. c.), постановившаго, что пропреторы и проконсулы сохраняютъ свою власть до назначенія имъ преемниковъ. Впрочемъ Lex julia de provinciis (708 г. u. c.) снова ограничила срокъ должности проконсуловъ двумя годами а пропреторовъ однимъ годомъ.

Въ рукахъ пропреторовъ и проконсуловъ сосредоточивалась полнота власти, всѣ функціи, которыя въ Римѣ распредѣлялись между различными магистратами. Армія, администрація, правосудіе, все находилось въ завѣдываніи правителя: изъ гражданъ подчиненныхъ ему мѣстностей онъ составлялъ списки recuperatores, судей, которые подъ его предсѣдательствомъ творили судъ и расправу.[144]). Подъ его начальствомъ

---

[144]) При этомъ примѣнялись провинціальные законы, конечно въ томъ·

находились т. н. проконсульскіе легаты (legati proconsulis), имъ самимъ избираемые (сенатъ опредѣлялъ только ихъ число) и представлявшіе особу правителя тамъ, гдѣ онъ не находился: легаты отправляли всѣ функціи, поручавшіяся имъ правителемъ.

§ 31 *Характеръ и источники права во времена республики.*

А. Общее обозрѣніе.

Во времена республики происходитъ въ области права постоянная усиленная работа. Уже въ самомъ началѣ разсматриваемаго нами періода основныя положенія права предаются письму (законодательство XII таблицъ), что составляетъ переходъ отъ прежней неопредѣленности и неясности правовыхъ понятій и идей къ полному ихъ выясненію и опредѣленію посредствомъ интерпретаторской дѣятельности понтифексовъ и позднѣйшихъ юрисконсультовъ. Законодательство пополняется также цѣлымъ рядомъ законовъ и плебисцитовъ, сенатскія постановленія пріобрѣтаютъ мало по малу значеніе источниковъ права, преторы въ своихъ эдиктахъ развиваютъ и видоизмѣняютъ согласно требованіямъ времени положенія древняго права, наконецъ рядомъ съ juscivile Рима возникаетъ и становится однимъ изъ главныхъ элементовъ образованія права jus gentium Сей послѣдній видъ права образуется въ слѣдствіе расширенія международныхъ сношеній и завоеванія чужихъ странъ: посредствомъ обычая и преторскаго эдикта положенія juris gentium начинаютъ примѣнятся и между римскими гражданами.

Цицеронъ знакомитъ римлянъ съ философскими представленіями грековъ о правѣ и устанавливаетъ различіе между правомъ положительнымъ, заключающимъ въ себѣ какъ jus civile такъ и jus gentium, и правомъ естественнымъ (φυσει δικαιον грековъ).

а. Право положительное. Оно распадается въ свою очередь на: α. jus civile, заключающее въ себѣ свойственныя только

только случаѣ, если обѣ тяжущіяся стороны принадлежали къ мѣстному населенію.

Cic. in Verr. II. 13. Siculi hoc jure sunt, ut, quod civis (sc. Siciliae) cum civi agat, domi certet suis legibus.

одному какому нибудь народу (въ данномъ случаѣ римскому) положительныя правовыя истины. Право это предназначается только для гражданъ даннаго государства и не для кого болѣе, оно слѣдующимъ образомъ опредѣляется Цицерономъ (Top. 2.): jus civile est aequitas constituta iis, qui ejusdem civitatis sunt, ad res suas obtinendas. β. jus gentium т. е. право, примѣнявшееся въ римскомъ государствѣ ко всѣмъ свободнымъ людямъ, какъ къ peregrini такъ и къ римлянамъ. Оно образовалось подъ римскимъ вліяніемъ изъ національныхъ правъ отдѣльныхъ чужихъ народовъ въ то время, когда въ слѣдствіе различныхъ соприкосновеній Рима съ чужими народами стала сознаваться необходимость установленія такихъ правовыхъ правилъ, которыя могли бы быть положены въ основу международныхъ сношеній. Praetor peregrinus извлекъ изъ правъ чуждыхъ народовъ, находившихся въ сношеніяхъ съ Римомъ, тѣ принципы права, которые онъ предполагалъ примѣнять при разрѣшеніи имъ тяжебныхъ дѣлъ между перегринами или же между перегринами и римлянами, и составилъ на основаніи этихъ принциповъ особый эдиктъ, который въ скоромъ времени пріобрѣлъ вліяніе на эдиктъ городскаго претора и посредствомъ онаго на jus civile. b) право естественное (jus naturae s. naturale), заключающее въ себѣ по мнѣнію Цицерона нравственный законъ, установленный самою природою т. е. Божествомъ [145]), и предназначенный для всѣхъ людей. Необходимо однакожъ замѣтить, что подобное значеніе естественное право имѣло только въ теоріи а не въ дѣйствитель-

---

[145]) Сравни Cic. de invent. II. 53 Naturae jus estquod nobis non opinio, sed quaedam innata vis inseruit. Cic. de legib. II. 4. Neque esse mens divina sine ratione potest, nec ratio divina non hanc vim in rectis pravisque sanciendis habere..... nec si regnante Tarquinio nulla erat Romae scripta lex de stupris, idcirco non contra illam legem sempiternam Sex. Tarquinius vim Lucretiae attulit. Erat enim ratio profecta a rerum natura et ad recte faciendum impellens et a delicto avocans: quae non tum denique incipit lex esse, quum scripta est, sed tum, quum orta est. Orta autem simul est cum mente divina. II. 6. Lex autem illa neque tolli neque abrogari potest. Cic. p. Mil. 4. 10. Est enim haec—non scripta, sed nata lex, quam non didicimus, accepimus, legimus, verum ex natura ipsa arripuimus, hausimus, expressimus, ad quam non docti, sed facti, non instituti, sed imbuti sumus.

ности. Впрочемъ, иногда оно доставляло правовѣдамъ матеріалъ для новыхъ образованій.

Такимъ образомъ Цицеронъ различаетъ jus civile и jus gentium съ одной и jus naturae съ другой стороны. Для уразумѣнія отношенія этихъ различныхъ видовъ права въ юридической доктринѣ разсматриваемаго нами времени, необходимо не упускать изъ виду, что отождествленіе jus gentium съ jus naturae, встрѣчающееся у великихъ юристовъ первыхъ столѣтій имперіи [146]), чуждо Цицерону и его времени. У Цицерона jus gentium является однимъ изъ видомъ положительнаго исторически возникшаго права [147]).

B. Отдѣльные источники права временъ республики.

I. Законодательство XII таблицъ.

1) Исходною точкою всего праваго развитія разсматриваемаго періода является законодательство XII таблицъ. Ex his, говоритъ Помпоній (frag 2 § 6. Dig. de O. J.), fluere coepit jus civile. Въ законахъ XII таблицъ собраны были уже формулированныя правоположенія, формулированы и опредѣлены народныя правовыя воззрѣнія, проявлявшіяся дотолѣ въ видѣ обычаевъ, и весь такимъ образомъ собранный правовой матеріалъ приведенъ въ извѣстную систему. Далѣе, на законодательство децемвировъ имѣло несомнѣнно извѣстное вліяніе греческое законодательство [148]), для ознакомленія съ ко-

---

146) Отождествленіе это произошло отъ того, что, когда философское мышленіе подвергло своему изслѣдованію понятіе jus gentium и изучило источники права, то стало ясно, что большинство положеній juris gentium основывается на общемъ всему человѣчеству правовомъ сознаніи (naturalis ratio). Въ слѣдствіи этого стали считать jus gentium не чѣмъ инымъ какъ jus naturae, приведеннымъ въ положительныя формы.

147) Сравни Hugo. R. G. p. 463 f. Изъ новыхъ главнымъ образомъ Voigt. Die Lehre vom jus naturale, aequum et bonum und jus gentium der Roemer. Leipzig 1856. I. Theil. § 13. S. 64 ff. § 79. S. 399 „In dem jus gentium der ersten Periode erkannten wir ein Recht, dessen Wesenbestimmung und dessen Materie einzig und allein durch historische Bildung und frei von aller wissenschaftlich speculativen Reflexion gegeben war.

148) Это вліяніе, о которомъ повѣтствуетъ большинство древнихъ писателей, начало, впрочемъ совершенно безосновательно, отвергаться въ последнее время изслѣдователями. Гофманъ (въ Beitraege zur Geschichte des griechischen und roemischen Rechts. I. Ueber den Einfluss des griechischen

торымъ предъ назначеніемъ законодательной коммиссіи отправлено было посольство въ Нижнюю Италію и Грецію. Такимъ образомъ въ законахъ XII таблицъ находились всѣ эле-

---

Rechtes auf die Abfassung des Zwoelftafel — Gesetzes) не мало способствовалъ востановленію правильныхъ воззрѣній на занимающій насъ вопросъ. Этотъ ученый говоритъ, что отрицаніе всякаго вліянія греческаго права на законы 12 таблицъ явилось какъ реакція противъ преувеличенія значенія этого вліянія со стороны нѣкоторыхъ изъ позднѣйшихъ латинскихъ писателей. Всѣ повѣтствованія древнихъ, относящіяся къ нашему предмету, Гофманъ раздѣляетъ на двѣ группы; къ первой принадлежатъ показанія Тита Ливія, Діонисія Галикарнасскаго и Цицерона, а ко второй Помпонія (въ l. 2 Dig. de O. J.) и Орозія (hist. II. c. 13). Показанія писателей первой группы отличаются простотой и вполнѣ соотвѣтствуютъ историческимъ обстоятельствамъ разсматриваемаго времени. Римляне желаютъ формулировать дѣйствующее у нихъ право, но при этомъ возникаютъ различныя затрудненія, проистекающія главнымъ образомъ отъ непривычки римлянъ къ юридическимъ опредѣленіямъ, объясняющейся въ свою очередь неразвитостью тогдашней правовой жизни Рима. Нѣтъ ничего удивительнаго, что для устраненія подобныхъ затрудненій, римляне, прежде чѣмъ приступить къ составленію законовъ, послали пословъ въ Нижнюю Италію и въ Грецію для ознакомленія съ болѣе развитымъ греческимъ законодательствомъ. Когда послы возвратились, то, само собою разумѣется, они были назначены въ законодательную коммисію, такъ какъ своими познаніями въ чужеземныхъ законодательствахъ они могли принести пользу при составленіи законовъ. Законодательная коммиссія эта выработала новый сводъ законовъ (знаменитыя 12 таблицъ) на основаніи римскаго обычнаго права и греческихъ законовъ (тамъ, гдѣ они не противорѣчили основамъ римскаго юридическаго быта). Вотъ все, о чемъ повѣтствуютъ древніе писатели. Такъ Ливій говоритъ: missi legati Athenas.... jussique inclitas leges Solonis describere, et aliarum Graeciae civitatum mores iuraque noscere (III. c. 31). За тѣмъ, когда эти послы вернулись, они включены были въ число децемвировъ legibus scribundis „simul ut pro legatione tam longinqua premio esset honos, simul peritos legum peregrinarum ad condenda nova jura usui fore credebant. О томъ же самомъ общемъ вліяніи и заимствованіи отдѣльныхъ постановленій говорятъ Діонисій Галикарнасскій (X. Cap. 51. 52, 56 и 57), и Цицеронъ (pro Flacco. C. 26 и de legibus II, cap. 25) Первоначальный разсказъ изкаженъ уже, хотя весьма незначительно, у Помпонія. Съ полнымъ же искаженіемъ мы встрѣчаемся у Аврелія Виктора, и Орозія. Эти писатели утверждаютъ, что децемвиры просто перевели законы Солона. Вотъ слова Аврелія Виктора (loco citato): Populus romanus.... decemviros legibus scribundis creavit, qui eas ex libris Solonis translatas duodecim tabulis exposuerunt. Эти то позднѣйшія преувеличенія и побудили нѣкоторыхъ изслѣдователей къ отрицанію вообще всякаго вліянія греческаго права на законодательство XII таблицъ.

менты для дальнѣйшаго развитія права, и въ дѣйствительности всѣ позднѣйшіе источники права находятся въ извѣстномъ отношеніи къ этой основѣ всего праваго порядка древняго Рима. По этому насъ не должно удивлять, что законы XII таблицъ не утратили своего значенія и по прошествіи нѣсколькихъ столѣтій, что во времена гораздо болѣе развитыя дѣти заучивали ихъ на память въ школахъ [149]), ученые юристы составляли къ нимъ комментаріи [150]), а историки и философы превозносили ихъ въ своихъ твореніяхъ [151]).

2) Текстъ законовъ XII таблицъ дошелъ до насъ въ отрывкахъ, помѣщенныхъ въ сочиненіяхъ различныхъ писателей (такихъ фрагментовъ насчитывается около 107) [152]), такъ что мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній о системѣ, въ которой изложены были положенія разсматриваемаго нами законодательства. Впрочемъ, на основаніи нѣкоторыхъ указаній, находящихся у древнихъ писателей, система [153]) это можетъ быть

---

[149]) Cic. de legib. II. 23. Discebamus enim pueri XII ut carmen necessarium.

[150]) Такъ напр. Sext. Aelius Catus, L. Acilius, Valerius Messala, Servius Sulpicius Rufus, Antistius Labeo, Gajus. Комментарій сего послѣдняго состоитъ изъ 6-ти книгъ, изъ которыхъ 20 отрывковъ помѣщены въ дигестахъ.

[151]) Cic. de or. I. 43, 44. dicam quod sentio, bibliothecas mehercule omnium philosophorum unus mihi videtur XII tabularum libellus, si quis legum fontes et capita viderit, et auctoritatis pondere et utilitatis ubertate superare. Tac. Ann. III. 27. XII tabulae finis aequi juris

[152]) Какую часть всего законодательства XII таблицъ составляли эти 107 фрагментовъ опредѣлить трудно. Все что можно сказать это то, что до насъ дошло большинство положеній XII таблицъ, признававшихся во времена имперіи имѣющими значеніе.

[153]) Такъ находятся указанія на то, что правила о „in jus vocatio“ находились на первой таблицѣ (Cic. de legib. II, 4), причины продленія процессуальныхъ сроковъ на второй (Fest. sub voce „Reus“), опредѣленіе о томъ, что троекратно проданный отцомъ сынъ становится свободнымъ на четвертой (Dion. II. 27), законы о церемоніалѣ погребальныхъ процессій на десятой (Cic. de leg. II. 25), а запрещеніе connubium между плебеями и патриціями на одной изъ послѣднихъ таблицъ. Далѣе при востановленіи системы XII таблицъ обращено было вниманіе на то, что Гай раздѣлилъ свой комментарій на 6 частей, слѣдовательно, каждая изъ его частей содержитъ въ себѣ, по всей вѣроятности, двѣ таблицы. Дирксенъ вывелъ изъ этого еще дальнѣйшее заключеніе, что по всей вѣроятности и первоначально все зако-

приблизительно востановлена. Начиная со временъ возрожденія наукъ (т. е. съ 16 столѣтія) мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ попытокъ востановленія системы XII таблицъ и распредѣленія дошедшихъ до насъ фрагментовъ согласно этой системѣ. Первая имѣющая научный интересъ попытка этого рода относится впрочемъ къ началу 17 столѣтія, когда въ 1616 году знаменитый ученый Яковъ Готофредъ издалъ «Fragmenta XII tabularum, suis nunc primum tabulis restituta, probationibus, notis et indice munita». Недостатки изданія Готофреда сосоятъ въ томъ, что онъ иногда на основаніи совершенно неясныхъ указаній римскихъ или греческихъ писателей предполагалъ существованіе какого нибудь правоположенія въ законахъ XII таблицъ, составлялъ текстъ этого правоположенія и относилъ его къ какой нибудь изъ таблицъ. Даже въ законахъ, текстъ которыхъ дошелъ до насъ, онъ замѣнялъ иногда выраженія, казавшіяся ему искаженными, другими болѣе подходившими, по его мнѣнію, къ смыслу всего постановленія. Послѣ Готофреда не мало ученыхъ трудились надъ востановленіемъ текста XII таблицъ, первое же мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ Кенигсбергскому профессору Генриху Эдуарду Дирксену, издавшему въ 1824 году свое классическое сочиненіе «Uebersicht der bisherigen Versuche zur Kritik und Herstellung des Textes der Zwoelf-Tafel Fragmente». Въ этомъ сочиненіи Дирксенъ видоизмѣнилъ текстъ, востановленный Готофредомъ его и послѣдователями, въ томъ отношеніи, что вмѣсто утерянныхъ положеній XII таблицъ, на которыя находятся указанія у римскихъ и греческихъ писателей, онъ просто привелъ въ своемъ трудѣ въ надлежащемъ мѣстѣ эти указанія: кромѣ того текстъ его гораздо полнѣе, такъ какъ онъ воспользовался данными, находящимися во вновь открытомъ сочиненіи Цицерона о республикѣ и въ институціяхъ Гая. Замѣчательны также: трудъ Шёля (Schoell, legis XII tabularum reliquiae 1866) и возстановленіе текста XII таблицъ, сдѣлан-

---

нодательство XII таблицъ дѣлилось на 6 отдѣловъ, и на каждый отдѣлъ приходилось по двѣ таблицы съ однороднымъ содержаніемъ. Сравни Dirksen. Uebersicht der bisherigen Versuche zur Kritik der XII Tafel Fragmente 1823. S. 15 и 108.

ное Ортоланомъ въ его Explications historiques des Instituts de l'empereur Justinien (Tome I. pag 102—122), при которомъ онъ пользовался и указаніями, находящимися въ Fragmenta Vaticana. На основаніи изслѣдованій этихъ ученыхъ можно предположить, что постановленія XII таблицъ изложены были въ слѣдующей системѣ, а именно: первая таблица содержала постановленія о призывѣ въ судъ (de in jus vocando), вторая о производствѣ въ судахъ (de judiciis), третья о приведеніи въ исполненіе судебныхъ приговоровъ и о взысканіяхъ съ признавшагося должника (de aere confesso rebusque jure judicatis), четвертая о правахъ отца семейства (de jure patrio), пятая о наслѣдствѣ и опекѣ (de hereditatibus et tutelis), шестая о правѣ собственности и о владѣніи (de dominio et possessione), седьмая о легальныхъ сервитутахъ (de jure aedium et agrorum), восьмая о преступленіяхъ и проступкахъ (de delictis), девятая о правѣ публичномъ (de jure publico) и десятая о правѣ сакральномъ (de jure sacro). Въ послѣднихъ двухъ таблицахъ находились по всей вѣроятности дополненія къ первымъ десяти.

Изъ этой системы явствуетъ, что законодательство XII таблицъ имѣетъ значеніе въ исторіи Римскаго права и въ томъ отношеніи, что оно окончательно установило различіе между правомъ свѣтскимъ и сакральнымъ, а въ правѣ свѣтскомъ положило основаніе различію между публичнымъ и частнымъ правомъ [154]).

3) Разработка основныхъ правовыхъ началъ, изложенныхъ въ законахъ XII таблицъ, выпала на долю понтифексовъ, такъ какъ въ тѣ времена они одни могли выполнить эту трудную задачу, ибо только они обладали необходимой подготовкой и созданнымъ вѣковой работой методомъ [155]). Слѣдовательно понтифексы могутъ быть названы творцами римскаго jus civile, на что указываетъ и то обстоятельство, что разработанная ими на основаніи законовъ XII таблицъ юридическая доктрина называется jus civile по преимуществу [156]). Понти-

[154]) Сравни Puchta. Cursus d. Inst. Theil I. § 54. S. 166 и 167.

[155]) Сравни выше § 22. B. Стр. 28.

[156]) Frag 2 § 5 Dig. de O. J. Haec disputatio et hoc jus, quod sine scripto venit compositum a prudentibus, propria parte aliqua non appel-

фексы обратили свое вниманіе и на право формальное, установили правильную систему исковъ и посредствомъ оной не дали, такъ сказать, расплыться народнымъ юридическимъ представленіямъ, а пріучили народъ къ точности и опредѣленности въ правѣ. Вотъ какъ по этому поводу выражается Помпоній (frag. 2. § 6 Dig, de O. J): quas actiones, ne populus, prout vellet, institueret, certas solemnesque esse voluerunt. Долгое время все ученіе права, заключавшее въ себѣ догму законодательства XII таблицъ, jus civile въ вышеозначенномъ смыслѣ и теорію исковъ, составляло [157]), такъ сказать, монополію коллегіи понтифексовъ. Ежегодно одинъ изъ членовъ этой коллегіи отряжался для того, чтобъ давать несвѣдущимъ людямъ наставленія о формулированіи legis actiones [158]). Изъ повѣтствованія Ливія видно, что таково было положеніе вещей даже въ половинѣ пятаго столѣтія Рима. А именно, описывая событія этого времени, Ливій называетъ jus civile — repositum in penetralibus pontificum (IX. 46). Съ теченіемъ времени эта монополія утрачивается, и разработкой права начинаетъ заниматься все большій и большій кругъ лицъ, получившихъ названіе juris consulti, juris periti, prudentes, дѣятельность которыхъ будетъ изложена ниже.

II. Изданные послѣ законодательства XII таблицъ законы.

Послѣ законовъ двѣнадцати таблицъ римское право не только развивается интерпретаторскою научною дѣятельностью коллегіи понтифексовъ, но и цѣлымъ рядомъ законодательныхъ актовъ центуріатскихъ и трибутскихъ комицій. Постановленія центуріатскихъ комицій, какъ общеримскаго народнаго собранія, называются leges, трибутскихъ же plebiscita. Закономъ

---

latur, ut ceterae partes juris suis nominibus designantur, datis propriis nominibus ceteris partibus, sed communi nomine appellatur jus civile.

157) Помпоній (frag 2. § 6. Dig. de O. J.) именно указываетъ на то, что тогдашнее право распадалось на эти три составныя части: Et ita eodem pene tempore tria haec jura nata sunt: leges duodecim tabularum, ex his fluere coepit juscivile; ex iisdem legis actiones compositae sunt.

158) Omnium tamen harum (т. е. legum) et interpretandi scientia, et actiones apud collegium Pontificum erant, ex quibus constituebatur quis quoque anno praeesset privatis.

Гортензія (lex Hortensia 467 г. u. c.) различіе между leges и plebiscita уничтожается. Съ этого времени мы начинаемъ встрѣчаться съ выраженіемъ lex s. plebiscitum. Что касается порядка изданія законовъ, то въ этомъ отношеніи различаются слѣдующіе три момента: приготовительныя дѣйствія (legem ferre), самый законодательный актъ (legem rogare) и обнародованіе закона (legem figere).

Latio legis содержитъ въ себѣ 1) предварительное обнародованіе проекта (promulgatio) [159]) и 2) защиту его (suasio) въ совѣщательныхъ народныхъ собраніяхъ (conciones) лицемъ, его предлагающимъ (legis lator), и его сторонниками (auctores) противъ возраженій оппозиціи (dissuasio).

Съ цѣлію предотвращенія возможности принужденія народнаго собранія къ принятію какого нибудь законопроекта посредствомъ насилія, обмана или внезапности и неожиданности самаго предложенія, въ lex Caecilia Didia (656 г. u. c.) воспрещено было соединеніе въ одно нѣсколькихъ предложеній (ne quid per saturam ferretur) [160]) и подтверждена необходимость предварительнаго обнародованія закона въ три предшествующіе комиціямъ ярморочные дня [161]),

Рѣшающій весь вопросъ актъ (agere cum populo) состоитъ: 1) въ предложеніи народному собранію со стороны вносящаго проектъ магистрата, одобрить и принять этотъ проектъ, и 2) въ принятіи или непринятіи въ узаконенной формѣ этого предложенія со стороны народнаго собранія. Предложеніе начиналось всегда словами: «Velitis jubeatis, Quirites, uti etc (слѣдуетъ самое предложеніе). Затѣмъ, по выслушаніи

---

159) Paul. Diac. v. Promulgari leges dicuntur, quum primum in vulgus eduntur, quasi provulgari.

160) Законопроектъ, соединившій въ одно нѣсколько различныхъ предложеній, назывался lex satura (собственно говоря satura называлось кушанье, составленное изъ смѣси разныхъ припасовъ) Fest. v. Satura et cibi genus ex variis rebus conditum est, et lex aliis legibus conferta. Cic p. dom. c. 20. объясняетъ запрещеніе предложеній т. н leges saturae слѣдующимъ образомъ: ne populo necesse sit in conjunctis rebus compluribus aut id, quod nolit accipere, aut id, quod velit, repudiare.

161) Cic. p. domo. 16 .... in legibus ferendis trinundinum esse oportet

предложенія народнымъ собраніемъ, сіе послѣднее приглашалось приступить къ голосованію посредствомъ возгласа «discedite», послѣ чего народъ дѣлился по трибамъ. Голосованіе происходило въ видѣ отвѣта на предложеніе: Uti rogas означало согласіе, antiquo несогласіе.

Въ изложеніи принятаго законопроекта (lex perlata, perrogata) различаются три отдѣла: 1) Введеніе, заключающее въ себѣ наименованіе предложившаго законъ магистрата или плебейскаго трибуна (напр. Titius Quinctius Crispinus Cos. populum jure rogavit populusque jure scivit in foro pro rostris aedis D. Julii. или въ плебисцитахъ M. Acilus Glabrio, ... f[ilius], tr[ibunus] pl[ebei], plebem ioure rogavit, plebesque ioure scivit .... [cf. lex (Acilia) repetundarum въ Bruns Fontes juris Romani antiqui p. 40.]), первой подавшей голосъ трибы (напр. tribus ..... principium fuit) и перваго принявшаго участіе въ голосованіи лица (pro tribu ..... primus scivit). 2) rogatio т. е. самое содержаніе закона въ повелительныхъ выраженіяхъ. Иногда содержаніе закона дѣлилось на нѣсколько главъ. 3) Sanctio т. е. предусмотрѣніе послѣдствій нарушенія закона и опредѣленіе той правовой формы, въ которой законъ долженъ примѣняться въ судахъ (legis actio). Смотря по характеру этой санкціи, законы дѣлятся на a. leges perfectae т. е. снабженные такой санкціей, согласно которой всѣ противныя закону дѣйствія кассируются, b. leges minus quam perfectae т. е. съ санкціей, не грозящей кассаціей всѣмъ противнымъ закону дѣйствіямъ, а устанавливающей только извѣстное наказаніе или извѣстную пеню за нарушеніе закона, c. leges plus quam perfectae, съ санкціей, содержащей и кассацію всѣхъ противныхъ закону дѣйствій и угрозу наказаніемъ. Законы, не имѣвшіе никакой санкціи, назывались leges imperfectae.

Publicatio legis, т. е. обнародованіе принятаго закона, имѣло мѣсто посредствомъ начертанія его на деревянныхъ впослѣдствіи на мѣдныхъ таблицахъ и выставки этихъ таблицъ въ публичныхъ мѣстахъ для общаго свѣдѣнія. Таблицы эти прибивались къ зданіямъ на форумѣ и къ храмамъ (отъ этого выраженіе legem s. tabulam figere).

Законодательная дѣятельность комицій (въ особенности трибутскихъ) проявилась во всѣхъ областяхъ права, какъ от-

носительно права государственнаго такъ и относительно права уголовнаго, гражданскаго и процессуальнаго [162]).

III. Senatus consulta.

Въ началѣ разсматриваемаго нами періода сенатъ de jure не имѣлъ законодательной власти, хотя косвенно въ слѣдствіе того, что законопроекты, вносимые въ куріатскія или центуріатскія комиціи, должны были быть одобрены сенатомъ, онъ въ значительной степени вліялъ на законодательство. Долгое время и для плебисцитовъ необходимо было одобреніе со стороны сената. Далѣе, сенатъ могъ въ слѣдствіе нарушенія формъ и узаконеннаго порядка изданія законовъ кассировать принятые народными собраніями законы. Во всѣхъ же дѣлахъ, относящихся къ администраціи, веденію войны и внѣшнимъ сношеніямъ, постановленія сената имѣли безспорно значеніе общеобязательныхъ правилъ.

Подъ конецъ республики Senatusconsulta *становятся источниками права*. Цицеронъ прямо приписываетъ имъ это значеніе [163]), а кромѣ того находятся прямыя указанія на правоположенія, установленныя посредствомъ Senatusconsulta. Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что во время республики встрѣчается весьма незначительное число Senatus consulta съ частноправнымъ содержаніемъ [164]).

IV. Edicta magistratuum и auctoritas prudentum.

Съ измѣненіемъ соціальныхъ отношеній измѣняется и характеръ источниковъ права. Ослабѣваютъ законодательные импульсы народныхъ собраній, дряхлѣетъ построенная главнымъ образомъ на leges XII tabularum юридическая доктрина понтифовъ. Право стремится къ обновленію, ищетъ новыхъ путей для новыхъ образованій. Дѣло созданія права перехо-

---

[162]) Важнѣйшіе изъ законовъ, изданныхъ въ разсматриваемое время, перечислены у Kuntze Cursus § 115 и Excurse S. 180—186.

[163]) Сравни Cic. top. 5, гдѣ перечисляются слѣдующіе источники jus civile: leges, senatusconsulta, res judicatae, juris peritorum auctoritas, edicta magistratuum, mos, aequitas.

[164]) Эти Senatus consulta приведены у Kuntze. Curs. § 179. На то, что Senatusconsulta уже въ періодъ республики имѣли значеніе источниковъ частнаго права, указалъ впервые Hugo. Rechtsgeschichte S. 406 ff. Противоположное мнѣніе изложено у Рейна (Privatrecht der Roemer. S. 70).

дитъ въ руки отправляющихъ правосудіе магистратовъ и тѣхъ представителей новой юридической науки, о которыхъ мы говорили выше, и которые назывались jurisperiti, juris consulti и prudentes. Такимъ образомъ *органомъ формаціи* права является *сословіе юристовъ*. Право, созданное сословіемъ юристовъ, проявилось въ эдиктахъ магистратовъ и въ ученіи юрисконсультовъ.

1. Edicta magistratuum

Судебныя функціи выдѣлены были, въ 387 г. н. е. какъ мы видѣли выше, изъ власти консульской и поручены особому самостоятельному органу, городскому претору, а въ 507 учреждена была должность т н. praetor peregrinus. Кромѣ того правосудіе отправляли курульскіе эдилы, а въ провинціяхъ правители оныхъ. Съ этого времени начинается исторія jus honorarium т. е. права, основаннаго на инипіативѣ должностныхъ лицъ, преторовъ, эдиловъ и правителей провинцій. Jus honorarium часто называется такъ же jus pretorium въ слѣдствіе того, что въ его созданіи главнымъ образомъ участвовали преторы [165]), и jurisdictio въ отличіе отъ jus [166]).

Положеніе только что упомянутыхъ магистратовъ было среднее между положеніемъ судьи и законодателя. Они, собственно говоря, прямо непосредственно не могли дѣлать никакихъ измѣненій въ законахъ, но въ предѣлахъ ихъ юрисдикаціи имъ предоставлено было полное право безусловно-свободнаго толкованія, пополненія и исправленія jus civile. Въ дѣятельности магистратовъ проявляется прогрессивное начало римскаго права, приспособляющее древнія правоположенія къ новымъ требованіямъ жизни. Такимъ образомъ мы рѣдко встрѣчаемся съ рѣзкими перемѣнами въ исторіи римскаго гражданскаго права: законы обыковенно не отмѣнялись сразу, но мало по мало перерабатывались дѣятельностью претора, причемъ преторъ примѣнялъ и новыя возникшія рядомъ со старыми формы. Древніе хорошо сознавали только

---

165) Frag 7 § 1. Dig de Justit. et jure (I, 1) Jus praetorium est, ... quod et honorarium dicitur, ad honorem praetoris sic nominatum.

166) Здѣсь слово jurisdictio выражаетъ, такъ сказать, право, развившееся при отправленіи правосудія, въ отличіе отъ права, установленнаго законами или дѣятельностью юрисконсультовъ.

что указанное значеніе jus honorarium По этому они и говорятъ про него, что оно введено adjuvandi (въ особенности характеристично это выраженіе) vel supplendi, vel corrigendi juris civilis gratia [167]), и называютъ его viva vox juris civilis [168]).

Эта созидающая право дѣятельность преторовъ проявлялась слѣдующимъ образомъ: установился обычай, по которому преторы при вступленіи въ должность публиковали извѣстныя основныя начала, которыхъ они намѣревались придерживаться при отправленіи правосудія. Публикація эта происходила посредствомъ выставки на форумѣ на видномъ мѣстѣ (unde de plano recte legi possit) выбѣленныхъ деревянныхъ досокъ (album praetoris) на которыхъ черными буквами [169]) начертаны были установленныя преторомъ правоположенія. Такія formae jurisdictionis назывались такъ же edicta и издавались какъ городскимъ преторомъ такъ и преторомъ, разбиравшимъ дѣла перегриновъ. Упоминается такъ же edictum aedilitium и edictum provinciale. При перемѣнѣ должностныхъ лицъ вновь избранный магистратъ торжественно пересматривалъ эдиктъ своего предшественника, дѣлалъ необходимыя измѣненія, пополненія и улучшенія, большинство же постановленій оставлялъ неприкосновенными и объявлялъ ихъ частями *своего эдикта*. Такимъ образомъ съ теченіемъ времени выработался цѣлый комплексъ положеній jus honorarium, изъ года въ годъ повторяемый магистратами (edictum tralatitium), и къ которому дѣлались только нѣкоторыя дополненія. Далѣе, обычай требовалъ, чтобъ магистратъ, разъ установивъ извѣстныя правила, придерживался ихъ во все время отправленія имъ должности. Этотъ обычай въ 687 г. u c. облеченъ былъ въ обязательную форму закона (lex Cornelia de edictis perpetuis) [170]). Съ этого времени различаются edicta perpetua отъ

---

167) Frag 7 § 1. Dig. de justit et jure I. 1.

168) frag. 8 eod.

169) Рубрики (rubricae) писались въ отличіе отъ текста красными буквами.

170) Asconius. arg. in orat. Cornelianam (Ciceronis): Legem Cornelius, etsi nemo repugnare ausus est, multis tamen invitis tulit, ut praetores ex edictis suis perpetuits jus dicerent: quae res cunctam gratiam ambitiosis praetoribus, qui varie jus dicere solebant, sustulit.

edicta repentina, т. е. постоянный установленный на весь срокъ должности эдиктъ отъ отдѣльныхъ эдиктовъ или декретовъ, издаваемыхъ магистратами въ непредвидѣнныхъ постояннымъ эдиктомъ случаяхъ (prout res incidebat).

Вліяніе претора на образованіе права въ особенности усиливается послѣ изданія lex Aebutia (въ VI столѣтіе р. u. c.), закона, установившаго процессъ per formulas и дозволившаго претору на основаніи заявленій сторонъ самому составлять письменныя формулы въ руководство присяжнымъ judices при рѣшеніи дѣла.

Матеріалъ, изъ котораго составился jus honorarium, распадается на двѣ части: a. новые правовые обычаи, выработавшіеся при дальнѣйшемъ развитіи римской жизни, выясненные и формулированные преторомъ [171]) b. право чужестранцевъ, пребывавшихъ въ Римѣ и подчиненныхъ юрисдикціи praetoris peregrini. Эдиктъ сего послѣдняго является слѣдовательно главнымъ проводникомъ положеній juris gentium. Въ этомъ отношеніи важны такъ же эдикты, издававшіеся провинціальными властями (edicta provincialia). Но, не смотря на то, что такимъ образомъ значительная часть элементовъ jus honorarium почерпнута была изъ чужеземныхъ обычаевъ, эта новая система права безспорно должна быть признана продуктомъ римскаго правоваго творчества, ибо заимствованное у другихъ народовъ совершенно свободно и самостоятельно переработано было въ эдиктахъ римскихъ магистратовъ.

Что касается времени сложенія преторской системы права, то ее можно считать законченной во времена Цицерона, когда введены были въ эдиктъ двѣ имѣющія громадное значеніе формулы: въ 680 г. u. c. formula Octaviana quod metus causa, а въ 688 г. formula Aquiliana de dolo [172]).

---

[171]) Cic de invent. II. 22 Consuetudinis autem jus esse putatur id, quod voluntate omnium sine lege vetustas comprobarit. In ea autem jura sunt quaedam ipsa jam certa propter vetustatem; quo in genere et alia sunt multa et eorum multo maxima pars, quae praetores edicere consueverunt

[172]) Formula Octaviana относится къ actio quod metus, которую Ульпіанъ (frag. 9. § 8 Dig. quod m. c. IV. 2) называетъ actio in rem scripta на томъ основаніи, что „in hac actione non quaeritur, utrum is,

2. Auctoritas prudentum.

Въ продолженіи болѣе ста лѣтъ послѣ изданія leges XII tabularum юридическая доктрина составляла монополію коллегіи понтифовъ. Монополія эта, необходимая и совершенно естественная въ началѣ, поддерживалась впослѣдствіи всѣми средствами со стороны патриціевъ, видѣвшихъ въ ней орудіе противъ усиленія плебы. Въ слѣдствіе этого съ теченіемъ времени юриспруденція пріобрѣла въ извѣстной степени характеръ тайной доктрины. Но всѣ усилія патриціата не привели ни къ какому результату. Около половины пятаго столѣтія u. c. знаменитый писецъ цензора Аппія Клавдія, Гней Флавій, опубликовалъ составленный Аппіемъ Клавдіемъ сборникъ т. н. legis actiones и tabula fastorum (т. е. росписаніе dies fasti et nefasti), а въ началѣ слѣдующаго столѣтія Тиверій Корунканій, первый плебейскій pontifex maximus, дозволилъ всѣмъ желающимъ присутствовать при даваемыхъ имъ правовыхъ поученіяхъ, сдѣлалъ слѣдовательно свои consultationes публичными. Этимъ дана была возможность всѣмъ и каждому изучить наглядно юридическую практику. Около середины VI-го столѣтія Sextus Aelius издалъ т. н. Jus Aelianum, (пополненное собраніе legis actiones), и руководство къ изученію права, называемое tripertita, такъ какъ оно заключало въ себѣ текстъ XII таблицъ, интерпретацію и соотвѣтствующія legis actiones. Съ этого времени разработкой права начинаетъ заниматься все большій и большій кругъ лицъ, и знаніе права становится самостоятельной независимой отъ jus pontificium доктриной. Въ исторіи этой доктрины можно различить два періода: первый отличается казуистическимъ характеромъ, во второмъ проявляется стремленіе къ систематической обраткѣ и законченности. На рубежѣ этихъ двухъ періодовъ стоитъ Q Mucius Scaevola (+ 671 u. c.) учитель Цицерона.

---

qui convenitur, an alius metum fecit, sufficit enim hoc docere, metum sibi illatum vel vim, et ex hac re eum, qui convenitur, etsi crimine caret, lucrum tamen sensisse (frag. 14. § 3. D. eod). Formula Aquiliana относится къ actio de dolo, принадлежащей къ категоріи личныхъ исковъ. О значеніи обѣихъ формулъ сравни: Kuntze. Cursus §§ 473 и 482. Rudorff II. 126 и 170. Walter § 590.

Дѣятельность сословія юристовъ въ первомъ періодѣ была преимущественно практическая. Въ этомъ отношеніи различаютъ: a. Cavere т. е. наставленіе о формальномъ обезпеченіи юридическихъ сдѣлокъ и составленіе инструкцій и формулъ разнаго рода. b. respondere. Такъ называлась подача мнѣній о спорныхъ вопросахъ права, имѣвшая мѣсто какъ для поученія частныхъ лицъ такъ и для уясненія дѣла магистратамъ и судьямъ [173]). c. scribere т. е. письменное проявленіе обоихъ предшествующихъ видовъ дѣятельности юристовъ. Начало теоретическимъ и систематическимъ трактатамъ о правѣ положено по всей вѣроятности посредствомъ scribere, ибо въ письменныхъ мнѣніяхъ обыкновенно весьма пространно излагались мотивы даннаго рѣшенія предложеннаго вопроса [174]).

Итоги древней казуистической юриспруденціи подведены, такъ сказать, Публіемъ Муціемъ Сцеволою (P. Mucius Scaevola), M. Юніемъ Брутомъ (M. Junius Brutus) и Маниліемъ (Manilius), въ твореніяхъ которыхъ собранъ богатый юридическій матеріалъ, послужившій въ послѣдствіи для систематическихъ построеній. Помпоній (frag 2 §§ 39 Dig. de O. J. I. 2) говоритъ про только что упомянутыхъ юристовъ, что они fundaverunt jus civile: т. е. положили прочную основу для системы права. Творцемъ же этой системы, разработавшимъ матеріалы, собранные его предшественниками, считается Q. Mucius Scaevola. Въ его сочиненіи, состоящемъ изъ 18 книгъ, мы встрѣчаемся впервые съ полной, цѣлостной и научно разчлененной системой права. О немъ Помпоній выражается слѣдующимъ образомъ (frag 2 §§ 41 Dig de O. J. I. 2): Quintus Mucius, Publii filius, pontifex Maximus, jus ci-

---

[173]) Впрочемъ, подъ respondere подразумѣвается не только разрѣшеніе вопросовъ права, а вообще всѣ поученія, которыя юрисконсульты давали частнымъ лицамъ, такъ какъ за совѣтомъ къ нимъ прибѣгали въ самыхъ различныхъ обстоятельствахъ жизни. Cic. de orat. III. 33. ad quos olim et ita ambulantes, et in solio sedentes domi, sic adibatur, non solum ut de jure civili ad eos, verum etiam de filia collocanda.... de omni denique aut officio, aut negotio referretur .... iidemque et in causis amicorum, et domi et militiae consilium suum fidemque praestabant.

[174]) Цицеронъ называетъ практическую дѣятельность юрисконсультовъ urbana militia.

vile primus constituit, generatim in libros decem et octo redigendo. Другое его творенie liber singularis ὅρων s. Definitionum послужило образцемъ для всѣхъ позднѣйшихъ руководствъ и libri regularum [175]). Далѣе, Сцевола младшiй замѣчателенъ не только какъ первый юридическiй писатель высшаго типа, но и какъ учитель права, имѣвшiй не мало учениковъ (auditores). Самый извѣстный изъ сихъ послѣднихъ былъ Aquilius Gallus, бывшiй преторомъ въ 688 г. u. c., творецъ знаменитой formula Aquiliana de dolo, указывающей на значительный успѣхъ въ разработкѣ jus honorarium.

Вполнѣ литературный характеръ и художественную законченность юриспруденцiя прiобрѣтаетъ въ творенiяхъ Сервiя Сульпицiя Руфа (Servius Sulpicius Rufus). Цицеронъ называетъ его princeps in jure civili и утверждаетъ, что никто не можетъ съ нимъ сравниться. Онъ оставилъ послѣ себя 180 libri, положилъ въ составленныхъ имъ 2 книгахъ ad edictum и въ reprehensa Scaevolae capita основанie критическому направленiю въ наукѣ права, и наконецъ создалъ цѣлую юридическую школу. Дѣятельность его учениковъ была весьма продуктивна: компиляцiя изъ ихъ сочиненiй, составленная Ауфидiемъ Намузою (Aufidius Namusa) содержала въ себѣ 140 томовъ.

Ученикъ Сервiя G. Aullus Ofilius считается творцомъ литературной обработки эдикта (edictum praetoris primus diligenter composuit). Въ томъ положенiи, которое онъ занялъ относительно современнаго ему юриста Требацiя Тесты (C. Trebatius Testa) проявляются зачатки будущаго различiя юридическихъ школъ. Къ воззрѣнiямъ Тесты примкнулъ знаменитый юристъ Лабеонъ, глава т. н. Proculeiani, къ воззрѣнiямъ же Офилiя основатель школы т. н. Sabiniani или Cassiani Капитонъ (C. Ateius Capito). Оба только что упомянутыхъ юриста открываютъ длинный рядъ юристовъ временъ имперiи, въ отличiе отъ которыхъ предъидущiе jurisconsulti называются «Veteres».

---

175) Въ тоже самое время этотъ liber singularis ὅρων младшаго Сцеволы древнѣйшее юридическое сочиненiе, изъ котораго находятся непосредственныя заимствованiя въ дигестахъ Юстинiана.

Своей разработкой римское право главнымъ образомъ обязано сословію юристовъ, стараніями этого сословія создается та блестящая и грандіозная юридическая литература, остатки которой, сохраненные въ дигестахъ, послужили матеріаломъ для возсозданія юридической науки у народовъ новой Европы.

§ 32. *Попытки кодифицировать право, относящіяся къ послѣднимъ временамъ республики.*

Въ послѣднія времена республики мы встрѣчаемся съ попытками кодифицировать право. Уже Gnaeus Pompeius Magnus въ 702 году изъявилъ желаніе составить кодексъ законовъ, но желаніе это не приведено было имъ въ исполненіе. Онъ даже не началъ задуманнаго имъ дѣла [176]). Напротивъ того, Цезарь, при посредствѣ Офилія, приступилъ къ составленію кодекса законовъ, и только смерть правителя положила конецъ его начинанію. Кодексъ, предполагавшійся къ изданію Цезаремъ, долженъ былъ содержать главнымъ образомъ jus civile [177]), по всей вѣроятности потому, что начало фиксаціи преторскаго права положено уже было вышеупомянутымъ закономъ Корнелія (lex Cornelia de edictis perpetuis).

§ 33. *Дошедшіе до насъ въ текстѣ законы и сенатскія постановленія временъ республики.*

Дошедшее до насъ число текстовъ законовъ временъ республики весьма незначительно (сравни выше § 4), такъ что относительно большинства оныхъ мы принуждены довольствоваться свѣдѣніями о ихъ содержаніи, находящимися въ сочиненіяхъ древнихъ писателей, и позднѣйшими парафразами. Изъ сохранившихся въ первоначальномъ текстѣ законовъ и сенатскихъ постановленій мы упомянемъ здѣсь только важнѣйшіе.

A. Leges.

a) Lex tribunitia prima sacrata отъ которой у Феста (v.

---

176) Isid. Origines V. 1. leges redigere in libris primus consul Pompejus instituere voluit, sed non perseveravit obtrectatorum metu.

177) Suet. vita Caes. 44. jus civile ad certum modum redigere atque ex immensa diffusaque legum copia optima quaeque et necessaria in paucissimos conferre libros destinavit (sc. Caesar).

sacer, sacratae) сохранилась sanctio, устанавливающая наказаніе за нарушеніе закона.

b) Lex agraria 643 г. u. c. Отъ текста этого закона, объявившаго possessiones въ ager publicus частною собственностью, дошли до насъ только фрагменты, находящіеся на оборотной сторонѣ мѣдной плиты, на лицевой сторонѣ которой начертанъ былъ Сервиліевъ законъ de repetundis. Шесть кусковъ отъ этой доски (верхняя часть, около трети всего закона) сохранились до нашего времени, два изъ нихъ находятся въ Вѣнѣ, а четыре въ Неаполѣ. Попытка востановленія текста по этимъ фрагментамъ сдѣлана Рудорфомъ. Долгое время законъ этотъ смѣшивался съ lex Thoria agraria 635 г. u. c.

c) Lex Galliae Cisalpinae (705—711 u. c.), законъ, содержащій уставъ судопроизводства для городовъ цисальпійской Галліи. Значительный фрагментъ этого закона (§ 19—23) найденъ въ 1760 г. въ развалинахъ Веллеи (Velleia) и находится въ настояшее время въ Пармѣ. Многіе ученые считаютъ этотъ законъ тождественнымъ съ упоминаемой въ немъ самомъ lex Rubria, что впрочемъ, какъ справедливо замѣчаетъ Danz (Lehrbuch. 2-te Auflage. § 47. S. 81), далеко не доказано.

d) Lex Julia municipalis. 709 г. u. c. объ основахъ общаго для всѣхъ муниципальныхъ городовъ устройства. Законъ этотъ начертанъ на оборотной сторонѣ мѣдной плиты, на лицевой сторонѣ которой находится греческая надпись временъ независимости Гераклеи. Нижняя часть этой доски найдена была недалеко отъ древней Гераклеи въ руслѣ рѣки Саландреллы въ 1732 г. и отослана въ королевскій неаполитанскій музеумъ, верхняя же часть открыта была три года спустя и продана въ Англію, откуда она обратно доставлена была, по просьбѣ короля неаполитанскаго Карла III, въ Неаполь. Верхняя часть этой tabula Heracleensis (наименованной такимъ образомъ по мѣсту нахожденія) называется въ слѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ «Aes Britanicum», а нижняя «Aes Neapolitanum».

B. Senatus Consulta.

e) Senatus consultum de Bacchanalibus (568 u. c.) вмѣстѣ съ консульскимъ посланіемъ къ союзному съ Римомъ городу Terrina о запрещеніи подъ страхомъ наказанія во всей Ита-

ліи Вакханалій [178]). Плита съ этимъ закономъ найдена въ 1640 г. въ маленькомъ мѣстечкѣ Калабріи «Terra di Teriolo» и находится теперь въ Вѣнѣ.

b) Senatus consultum Lutatianum, изданный 21 Мая 676 г. u. c. и содержащій почетную отставку трехъ греческихъ капитановъ кораблей, служившихъ во флотѣ съ 664 г. во время соціальной войны. Постановленіе это начертано на плитѣ, хранящейся въ «museo Borbonico» въ Неаполѣ.

c) Senatus Auctoritates de provinciis consularibus 29 Сентября 703 года о предложеніи Катоновой партіи отозвать проконсула Гая Цезаря и распустить ветерановъ войскъ, находившихся въ Галліи.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

ВРЕМЕНА ДО-ХРИСТІАНСКИХЪ ИМПЕРАТОРОВЪ.

(отъ 725 — 1078 г. u. c. или отъ 29 г. до Р. Х. — 325 г. по Р. Х).

Ortolan. 265 — 371. Walter. §§ 271 — 358 (у Вальтера настоящій періодъ оканчивается Діоклетіаномъ), Danz. §§ 50—70 Esmarch. S. 223 ff. Puchta § 86 — 118. Kuntze. § 266 — 351.

§ 34. *Новыя основы государственнаго и общественнаго строя. Власть Императоровъ.*

Послѣ битвы при Акціумѣ и послѣдовавшихъ за оной побѣдъ и тріумфовъ Caesar Octavianus не объявилъ сразу,

---

[178]) Запрещеніе это воспослѣдовало въ слѣдствіе извѣстныхъ, разсказанныхъ Ливіемъ (XXXIV. 8—18) происшествій. Подъ видомъ празднованія Вакханалій въ Римѣ и во всей Италіи различныя тайныя общества разврата предавались неслыханному распутству. Сравни Lange. Roem. Alth. II. § 107. S. 228—229.

что республиканская форма правленія отмѣняется, а власть сосредоточивается въ рукахъ одного человѣка т е. его самаго. Напротивъ того, онъ сохраняетъ всѣ республиканскія формы и незамѣтно подъ ихъ сѣнью упрочиваетъ свое владычество. Власть его слагается чрезъ сообщеніе ему правомочій, присущихъ прежде различнымъ республиканскимъ магистратамъ. Казалось сенатъ и народъ добровольно отказываются отъ древней свободы и подчиняются мудрому властителю. Такъ, въ 724 году Октавіанъ облекается присущею древнимъ трибунамъ властію, въ 725 году сенатъ одобряетъ, подтверждаетъ и клянется соблюдать изданныя правителемъ постановленія, въ 727 году сенатъ подноситъ Октавіану титулъ отца отечества и Августа (augustus, священный) и поручаетъ ему верховную власть на десять лѣтъ съ титуломъ «princeps», въ 731 году народъ сообщаетъ ему на все время его жизни власть трибуна и власть проконсула во всѣхъ провинціяхъ государства, въ 735 г. онъ облекается пожизненною консульскою влатью, а въ 737 г. сенатъ возобновляетъ неограниченную власть Августа еще на 10 лѣтъ [179]). Наконецъ онъ возводится народомъ въ санъ верховнаго понтифа. Въ то же самое время республиканскія магистратуры не были уничтожены, по прежнему избирались консулы, проконсулы, преторы и трибуны: они считались коллегами правителя, хотя были въ дѣйствительности только первыми изъ его подданныхъ. Таковъ былъ характеръ государственнаго устройства во все продолженіе перваго періода имперіи (т. е. до Діоклетіана и Константина): сохраненіе de jure республиканской формы правленія и существованіе de facto неограниченной монархіи. Преемникамъ Августа власть собщаласъ въ тѣхъ же размѣрахъ, въ какихъ она была сообщена ему [180]). Такимъ образомъ въ лицѣ императоровъ сосредоточены были

---

179) При Тиверіѣ возобновленіе черезъ каждые десять лѣтъ верховной власти потеряло всякое внутреннее значеніе и превратилось въ простое торжество и народный праздникъ, имѣвшій мѣсто каждые 10 лѣтъ. Walter § 276.

180) Въ этомъ отношеніи замѣчателенъ дошедшій до насъ законъ о сообщеніи верховной власти Веспасіану (lex de imperio Vespasiani); сравни Bruns. Fontes juris romani antiqui. S. 92.

правомочія всѣхъ древнихъ магистратовъ и на нихъ перенесена majestas populi romani. Въ слѣдствіе этого за ними признано было важное право, *согласно которому ихъ указы уравнены были съ* leges *и* Senatusconsulta [181]). Наконецъ, декретами сената императоры освобождены были отъ обязанности подчиненія извѣстнымъ опредѣленнымъ законамъ [182]).

Что касается преемства власти, то обыкновенно верховнымъ правителемъ назначалось указанное предшественникомъ лицо. Это указаніе совершалось посредствомъ усыновленія [183]), дарованія титула цезаря и пріобщенія въ качествѣ коллеги къ отправленію власти трибуна или проконсула. Со временъ Адріана и Антонина Пія Цезари часто становятся настоящими соправителями избравшихъ ихъ императоровъ. Въ случаѣ, если умершій императоръ не назначилъ себѣ преемника, право избранія новаго правителя принадлежало сенату. Впрочемъ, право это вскорѣ было присвоено пріобрѣтающими все большее и большее значеніе преторіанцами и легіонами. Однако, самый актъ облеченія титулами и правами происходилъ постоянно посредствомъ сенатскаго декрета и составленнаго на основаніи онаго закона de imperio, при чемъ голосованіе не имѣло мѣста, а замѣнялось т. н. acclamatio со стороны собраннаго на Марсовомъ полѣ народа.

При императорѣ состоялъ совѣтъ (consilium), начало которому положено было уже Октавіаномъ, и который подавалъ мнѣнія въ вопросахъ государственнаго управленія и при от-

---

181) Frag. 1. princ. D. de constit. princ (I. 4.): Quod principi placuit, legis habet vigorem: utpote quum lege regia, quae de imperio ejus lata est, populus ei et in eum omne suum imperium et potestatem transtulit. Такъ выражается знаменитый юристъ Ульпіанъ.

182) Что правитель не былъ освобожденъ отъ подчиненія всѣмъ законамъ, а только нѣкоторымъ, явствуетъ изъ употребленной въ lex de imperio Vespasiani формулы: utique quibus legibus plebeive scitis scriptum fuit, ne divus Augustus, Tiberiusve Julius Caesar Augustus, Tiberiusque Claudius Caesar Augustus Germanicus tenerentur, iis legibus plebisque scitis imperator Caesar Vespasianus solutus sit.

183) О значеніи этой „adoptio regia" сравни Ihering. Geist d. Roem. Rechts III. 1. S. 290 ff.: усыновленіе это по мнѣнію Іеринга имѣетъ только значеніе государственнаго акта и не относится къ сферѣ частноправныхъ отношеній.

правленіи правосудія. До Адріана вѣдомство этого consilium principis не было строго опредѣлено. Совѣтъ имѣлъ характеръ кружка, составленнаго преимущественно изъ приближенныхъ къ императору лицъ (amici et comites principis), съ которыми правитель обыкновенно совѣщался въ важныхъ дѣлахъ. Вліяніе этихъ consiliarii зависѣло слѣдовательно главнымъ образомъ отъ личности императора. Только при Адріанѣ consilium получаетъ извѣстную форму, а предметы вѣдомства его опредѣляются. Consiliarii съ этихъ поръ избираются съ одобренія сената изъ сенаторовъ, всадниковъ и юрисконсультовъ и составляютъ совѣщательное учрежденіе, окружающее правителя не только въ Римѣ, но и въ провинціяхъ [184]).

§ 35. *Народонаселеніе и его права.*

А. Народныя собранія.

Права народныхъ собраній несовмѣстимы были съ новымъ порядкомъ вещей. Прежде всего комиціи перестали созываться для постановленія рѣшенія относительно объявленія войны и заключенія мира: въ этомъ отношеніи неограниченная власть предоставлена была правителю [185]). Точно также Октавіанъ нашелъ, и не безъ основанія, что комиціи не способны къ зрѣлому и спокойному обсужденію обвиненій въ преступленіяхъ. Избраніе магистратовъ оставлено было Октавіаномъ за народомъ. Впрочемъ, онъ вліялъ на избирателей посредствомъ рекомендаціи извѣстныхъ кандидатовъ [186]). Тиверій сдѣлалъ въ этомъ отношеніи дальнѣйшее измѣненіе, постановивъ, что настоящее избраніе производится сенатомъ (при чемъ должно въ особенности обращать вниманіе на рѣкомендованныхъ правителемъ кандидатовъ), комиціямъ же центурій или трибъ только объявляется имя избраннаго для номинальнаго утвержденія per acclamationem [187]). Наконецъ

---

184) Сравни Danz. Lerhbuch (2-te Auflage. § 51).

185) Сравни lex de imperio Vespasiani: foedusve cum quibus volet facere liceat ita, uti licuit Divo Augusto и т. д.

186) Иногда онъ помимо комицій назначалъ магистратовъ.

187) Что утвержденіе это имѣетъ совершенно номинальный характеръ, свидѣтельствуетъ Тацитъ, повѣтствующій (Ann 1. 16.), что во времена Тиверія „comitia e campo ad patres translata sunt“. Такъ же номинально было

въ III столѣтіи по Р. Х. избраніе магистратовъ стало всецѣло зависѣть отъ правителей. Точно такъ же законодательная функція народныхъ собраній мало по малу превратилась въ номинальное право утвержденія предлагаемыхъ народному собранію сенатскихъ постановленій.

В. *Составныя части народонаселенія.*

a) Все народонаселеніе дѣлится въ разсматриваемое нами время на свободныхъ и несвободныхъ. Свободные въ свою очередь распадаются на свободорожденныхъ и вольноотпущенниковъ.

b) Свободорожденные подраздѣляются на три класса 1) Cives romani 2) Latini и 3) peregrini.

Cives romani считались въ началѣ императорскаго періода всѣ свободорожденные обитатели Италіи, за тѣмъ въ провинціяхъ жители большинства муниципальныхъ городовъ и колоній и тѣ лица, которыя спеціально получили право римскаго гражданства. Дарованіе этихъ правъ въ періодъ имперіи исходило отъ императора. Всѣ граждане въ равной степени имѣли jus connubii et commercii, и могли обращаться къ императору съ provocatio на рѣшенія магистратовъ, но доступъ въ сенатъ не былъ открытъ для всѣхъ [188]). Latini назывались жители тѣхъ провинціальныхъ городовъ, которые получили jus Latii, а peregrini всѣ обитатели провинцій. Всѣ эти различія мало по малу сглаживаются, civitas перестаетъ считаться особымъ преимуществомъ, и наконецъ императоръ Антонинъ Каракалла (211—217 по Р. Х.) объявляетъ всѣхъ живущихъ въ то время въ римскомъ государствѣ свободныхъ людей римскими гражданами [189]).

и утвержденіе народнымъ собраніемъ избраннаго сенатомъ верховнаго правителя — императора. Сравни въ этомъ отношеніи: Vopis. Tacit. 7: Inde itum ad Campum Martium; ibi praefectus urbis Aelius Cesetianus sic locutus est: Vos sanctissimi milites et sacratissimi vos Quirites habetis principem, quem de sententia omnium exercituum senatus elegit, Tacitum dico... A d c l a m a t u m e s t a populo: „Felicissime Tacite, Auguste, dii te servent" et reliqua, q u a e s o l e n t d i c i.

188) Такъ до Клавдія всѣ римскіе граждане въ Gallia comata не могли дѣлаться сенаторами, точно такъ же этого права лишены были Египтяне. Walter § 352. Anm. 11.

189) Frag. 17. de statu hominum I. 5. In orbe romano qui sunt, ex

c) Вольноотпущенники въ свою очередь дѣлились также на гражданъ, латиновъ и перегриновъ.

Гражданами считались тѣ изъ вольноотпущенниковъ, которые отпущены были на волю (manumissi) римскимъ гражданиномъ съ соблюденіемъ извѣстныхъ формъ и при извѣстныхъ опредѣленныхъ закономъ условіяхъ. Они имѣли jus connubii съ свободорожденными (за исключеніемъ сенаторовъ и ихъ дѣтей) и числились подобно симъ послѣднимъ въ трибахъ: имъ закрытъ былъ только доступъ къ магистратурѣ какъ въ Римѣ такъ и въ муниципальныхъ городахъ. Латинами считались отпущенные на волю свободорожденными Латинами. Кромѣ того постановленіями lex Junia Norbana (772) созданъ былъ особый искусственный классъ вольноотпущенниковъ-латиновъ (Latini Juniani). Согласно этому закону рабъ, отпущенный на волю римскимъ гражданиномъ безъ соблюденія извѣстныхъ формъ и условій, получалъ jus Latii и становился латиномъ-вольноотпущенникомъ, а его потомство свободорожденными латинами. Упомянутая выше constitutio Каракаллы не измѣнила постановленій lex Iunia Norbana, а именно и послѣ этой constitutio могли имѣть мѣсто такія manumissiones, которыя не сообщали отпущеннымъ на волю civitas romana, а только jus Latii. Наконецъ, къ классу peregrini принадлежали тѣ изъ вольноотпущенниковъ, которые получили свободу отъ господъ — перегриновъ.

§§ 36. *Сенатъ*, Ordo senatorius *и всадники*.

Во времена имперіи сенатъ становится послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правителей, которые въ свою очередь окружаютъ его внѣшнимъ блескомъ и номинально расширяютъ его права. Такъ законодательство и избраніе магистратовъ переходитъ отъ народныхъ собраній къ сенату; сенатъ объявляется верховнымъ уголовнымъ судилищемъ по всѣмъ преступленіямъ противъ государства и особы правителя, по преступленіямъ противъ должности (сюда относится напр. противозаконное управленіе провинціей), и по всѣмъ преступленіямъ, влекущимъ за собою смертную казнь, въ которыхъ подсуди-

---

constitutione imperatoris Antonini cives romani effecti sunt. Эта constitutio Каракаллы подробно разсмотрѣна Ортоланомъ (l. c. § 402 — 417).

ными являются сенаторы, члены сената, ихъ жены и дѣти; наконецъ сенатъ даетъ торжественныя аудіенціи иностраннымъ посламъ.

Пополнялся сенатъ императоромъ, который въ силу ему присущей цензорской власти самъ избиралъ сенаторовъ. Въ сенаторы могли быть избираемы лица, достигшія 25 лѣтняго возраста и имѣвшія сенаторскій цензъ, который въ началѣ правленія Октавіана опредѣленъ былъ въ 800 т. сестерцій, а подъ конецъ въ 1.200,000 сестерцій.

Ordo senatorius окончательно пріобрѣтаетъ во времена имперіи характеръ родоваго благороднаго сословія, такъ какъ преимущества и почести, присущія сенаторамъ, стали сообщаться ихъ женамъ и переходить къ ихъ потомству по мужеской линіи.

Всадники по прежнему занимали первое мѣсто послѣ сенаторовъ, а состоявшій изъ нихъ ordo equester по прежнему можетъ быть названъ денежной аристократіей. Цензъ всадниковъ опредѣленъ былъ въ 400,000 сестерцій. Между привилегіями этого сословія укажемъ на предоставленное всадникамъ еще во времена республики (lex Roscia 687 г. u. c.) право, занимать мѣста въ театрѣ около сенаторовъ въ первыхъ 14 рядахъ, и на т. н. jus aureorum annulorum, т. е. право носить золотыя кольца, которое, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, только во времена имперіи получили всѣ члены сословія всадниковъ [120]).

§§ 37. *Должностныя лица временъ имперіи.*

Между должностными лицами различаются въ разсматриваемое нами время древніе magistratus populi romani и агенты правителя.

Изъ магистратовъ консулы по прежнему стояли во главѣ управленія, но только номинально, ибо изъ ихъ власти выдѣлены были всѣ политическія функціи, затѣмъ эта высшая республиканская магистратура лишена была правителями всякаго значенія посредствомъ учрежденія т. н. consules suffecti (называвшихся такъ въ отличіе отъ consules ordinarii): а именно для того чтобъ удовлетворить честолюбію прибли-

120) Walter. Roemische Rechtsgeschich. I. § 356. S. 531.

женныхъ къ нему знатныхъ лицъ, princeps часто побуждалъ консуловъ, избранныхъ въ началѣ года (consules ordinarii), слагать съ себя послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ должность, чтобы уступить мѣсто другимъ, такъ же желавшимъ побывать консулами (consules suffecti) и получить почетное званіе консуларовъ (viri consulares). Consules ordinarii отличались отъ consules suffecti только тѣмъ, что по нимъ назывался годъ[191]). Такъ же и цензура продолжала существовать, но съ 752 г. u. c. однимъ изъ цензоровъ былъ постоянно самъ правитель, а съ теченіемъ времени избраніе цензоровъ совсѣмъ прекратилось: только при производствѣ ценза princeps именовалъ себя цензоромъ. Tribuni plebis получаютъ иное значеніе чѣмъ прежде: съ одной стороны времена ихъ независимой и самостоятельной дѣятельности прошли безвозвратно, но за то съ другой стороны званіе ихъ пріобрѣтаетъ болѣе почета и внѣшняго блеска, такъ какъ самъ princeps облекается правомочіями трибуна (tribunicia potestas) и считаетъ это право основаніемъ, на которомъ покоится вся его власть. Трибуны начинаютъ избираться только изъ сенаторовъ, а кругъ ихъ вѣдомства расширяется: они преобразовываютъ присущее имъ jus prendendi въ судебную власть по извѣстнымъ преступленіямъ и присвоиваютъ себѣ jus vocandi т. е. право чрезъ посредство пристава (per viatorem) требовать явки къ себѣ на судъ[192]). Квесторы потеряли уже при Августѣ т. е. въ самомъ началѣ разсматриваемаго нами времени свое прежнее значеніе, ибо завѣдываніе общественной казной (aerarium), принадлежавшее прежде городскимъ квесторамъ, перешло теперь къ т н. praefecti aerarii, избиравшимся сперва сенатомъ а потомъ самимъ princeps. Съ этого времени квестура превратилась въ средство достиженія высшихъ магистратуръ, ибо назначенные правителемъ квесторы считались кандидатами въ высшія должности и въ сенатъ (questores principis,

---

[191]) Dion. Cass. XLIII. 46. ἐπεὶ νῦν γε οὐδεὶς οὔτε ἐπ' ἐνιαυτὸν, οὐδέ ἐς πλείω διμήνον χρόνον ὡς πλήθει, συν ἑτέρῳ τινὶ ἄρχει· καὶ τὰ μέν ἄλλα οὐδὲν διαφέρομεν ἀλλήλων. τὴν δε ἐξαριθμησιν τῶν ἐτῶν οἱ κατὰ πρώτας αὐτῶν ὑπατεύοντος καρποῦνται.

[192]) Право это имѣли прежде только лица, облеченныя imperium. Ср. Gellius. XIII. 12.

quaestores candidati). Впрочемъ, во время своей квестуры они служили правителю для того чтобъ прочитывать его посланія (orationes) сенату. Изъ всѣхъ республиканскихъ магистратуръ одно только претура, благодаря своей связи съ отправленіемъ правосудія, сохранила свое прежнее значеніе Во главѣ всего института по прежнему стоятъ praetor urbanus и praetor peregrinus, и только для облегченія ихъ создается еще нѣсколько преторскихъ мѣстъ, къ вѣдомству которыхъ относятся извѣстнаго рода тяжебныя дѣла При Тиверіѣ было всего 16 преторовъ, затѣмъ учреждены были Клавдіемъ два praetores fideicommissarii, Нервою одинъ praetor fiscalis и Маркомъ Антониномъ praetor tutelaris.

Изъ агентовъ императорской власти (praefecti), провомочія которыхъ зависятъ отъ даннаго имъ императорскаго мандата, первое мѣсто занимаютъ praefectus urbi и praefectus praetorio.

Prefectus urbi упоминается въ самыя древнія времена исторіи. Такъ называлось должностное лице, оставляемое въ Римѣ для завѣдыванія городомъ и отправленія правосудія въ тѣхъ случаяхъ, когда цари, а въ послѣдствіи консулы, отправлялись на войну. Августъ облекъ этимъ древнимъ наименованіемъ установленную имъ новую постоянную мѣстную городскую власть. Praefectus urbi долженъ былъ вмѣстѣ съ консулами extra ordinem производить судъ по извѣстнымъ преступленіямъ: кромѣ того ему переданы были нѣкоторыя функціи, присущія прежде должности курульскихъ эдиловъ. Власть этого praefectus urbi ростетъ вмѣстѣ съ властью императоровъ, и съ теченіемъ времени онъ получаетъ юрисдикцію почти относительно всѣхъ преступленій.

Создавъ себѣ отрядъ тѣлохранителей преторіанцевъ, Августъ поставилъ во главѣ ихъ двухъ praefecti изъ всадниковъ Число этихъ praefecti praetorio то увеличивалось то уменьшалось. Сначала характеръ ихъ власти былъ чисто военный, но потомъ они получили вліяніе и на гражданское управленіе и сдѣлались первыми послѣ императора лицами въ государствѣ Должность praefecti praetorio получаетъ особое значеніе и окружается особымъ блескомъ, когда она начинаетъ замѣщаться знаменитыми юрисконсультами.

Кромѣ только что упомянутыхъ высшихъ чиновъ Августъ

учредилъ еще должность т. н. praefectus anonae, наблюдавшаго за подвозомъ хлѣба и praefectus vigilum, завѣдывавшаго ночною стражей и облеченнаго извѣстною юрисдикціей относительно incendiarii, effractores, raptores, fures etc.

§ 38. *Сакральныя учрежденія при языческихъ императорахъ.*

Древняя языческая религія во все продолженіе разсматриваемаго періода признается государственной религіей: императоръ считается верховнымъ понтифомъ этого культа. Къ божествамъ, которымъ до сихъ поръ поклонялись римляне, сенатъ пріобщаетъ обоготворенныхъ имъ императоровъ: эти правители облекаются наименованіемъ божественныхъ (divi, divini); имъ какъ новымъ божествамъ воздвигаются храмы, и для служенія имъ устанавливаются новыя жреческія должности.

Однакожъ, не смотря на это, христіанство быстро распространяется и вопреки всѣмъ гоненіямъ, вопреки объявленію принадлежности къ христіанству преступленіемъ [193]), пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе приверженцевъ. Приближается время торжества Креста, когда древній политеизмъ долженъ былъ потерять единственную оставшуюся ему точку опоры и силы— покровительство со стороны государства.

§§ 39. *Государственное хозяйство въ разсатриваемый періодъ.*

Какъ въ должностяхъ такъ и въ управленіи государственнымъ имуществомъ проявляется извѣстная двойственность: различается настоящая государственная казна (aerarium populi Romani), находящаяся подъ верховнымъ наблюденіемъ Сената, отъ пользовавшагося различными привилегіями частнаго имущества императора т. н. fiscus Caesaris, куда отдавалась также извѣстная часть государственныхъ доходовъ. Впрочемъ въ 3-мъ столѣтіи по Р. Х. надзоръ за государственной казной былъ изъятъ изъ вѣдомства сената и порученъ особому прокуратору, которому подчинены были praefecti

---

[193]) Какъ враждебно относились даже нѣкоторые изъ представителей языческой интелигенціи къ христіанству видно изъ словъ Светона (Nero. 16): Afflicti suppliciis christiani, genus hominum superstitionis novae ac maleficiae.

aerarii. Такимъ образомъ съ этого времени aerarium наравныхъ условіяхъ съ фискомъ de jure поступилъ въ полное распоряженіе императора (de facto эту перемѣну можно считать совершившейся гораздо ранѣе), и оба выраженія fiscus и aerarium начинаютъ употребляться одно вмѣсто другаго.

Въ началѣ разсматриваемаго времени главною статьею государственныхъ доходовъ были поступавшія изъ провинцій подати, такъ какъ, вплоть до раздѣла государства между Діоклетіаномъ и Максиміаномъ, Италія пользовалась свободой отъ прямыхъ налоговъ [194]). Косвенные же налоги постоянно взимались въ Италіи, равнымъ образомъ установленная еще въ предъидущемъ періодѣ vicesima manumissionum и вновь введенная vicesima hereditatum, состоявшая въ 20 й части наслѣдствъ и легатовъ (Lex Julia vicesimaria 759 г u. c)

§§ 40. *Деньги во времена имперіи.*

Въ разсматриваемое время начинается правильная чеканка золотой монеты, и съ этихъ поръ чеканка эта становится однимъ изъ важнѣйшихъ правъ императорской власти. Вообще все монетное дѣло сосредоточивается въ рукахъ императора. Этимъ обстоятельствомъ и объясняются страшныя казни, установленныя за нарушенія уставовъ монетныхъ и совершившееся въ послѣдующій періодъ, въ 389 году, признаніе всѣхъ поддѣлывателей монеты оскорбителями Величества [195]).

§§ 41. *Устройство отдѣльныхъ частей государства.*

А Италія.

Центромъ всего государства по прежнему является Римъ, и по прежнему Италія пользуется различными преимуще-

---

194) Какъ мы видѣли выше (§ 28 стрн. 64), освобожденіе Италіи отъ податей произошло между 586 и 711 г. u. c. Въ 711 году u. c. триумвиры установили налоги, но эти налоги не имѣли значенія постояннаго правильно распредѣленнаго tributum ex censu: они могутъ скорѣе быть сравнены съ tributum temerarium древнихъ временъ (примѣры котораго приводитъ Фестъ [v tributorum].) т. е. единисвременнаго налога, установляемаго въ тяжелыя для государства времена. Таково по крайней мѣрѣ господствующее нынѣ въ наукѣ мнѣніе. Напротивъ того Вальтеръ (§ 325) думаетъ, что въ 711 г. tributum былъ востановленъ для Италіи.

195) Относительно того, какъ развился взглядъ на поддѣлывателей монеты какъ на оскорбителей Величества, сравни мое сочиненіе „о нарушеніяхъ уставовъ монетныхъ“ стр. 19—35.

ствами сравнительно съ провинціями. Эти преимущества Италіи заключаются въ способности ея почвы состоять въ квиритарной собственности и въ болѣе свободныхъ городскихъ учрежденіяхъ, согласно которымъ у италіянскихъ городовъ были свои народныя собранія, свой сенатъ и свои муниципальныя власти. Въ общихъ чертахъ lex Julia municipalis остается основой италіянскихъ муниципальныхъ учрежденій, а высшею въ муниципальныхъ городахъ властію считается собраніе гражданъ, издающее обязательныя для общины постановленія и избирающее магистратовъ. Впрочемъ, согласно измѣненіямъ, происшедшимъ во всемъ государственномъ строѣ, права народныхъ собраній мало по малу переходятъ къ общественнымъ совѣтамъ или сенатамъ, учрежденіямъ, соотвѣтствующимъ римскому сенату. Такъ эти муниципальные сенаты облекаются мѣстною законодательною властію и получаютъ право избранія муниципальныхъ магистратовъ [196]). Муниципальный сенатъ (Senatus, Curia, Decuriones, Patres, Conscripti) состоялъ изъ опредѣленнаго въ муниципальномъ статутѣ (lex municipii) числа пожизненныхъ членовъ. Для зачисленія въ число decuriones необходимъ былъ цензъ въ 100,000 сестерцій, и требовалось достиженія 25 лѣтняго возраста. Кромѣ того не могли быть декуріонами вольноотпущенники а равнымъ образомъ infames. Муниципальные сенаты пополнялись посредствомъ lectio per magistratum въ послѣдствіи посредствомъ cooptatio [197]). Права и преимущества декуріоновъ были распространены на ихъ сыновей и такимъ образомъ было положено основаніе сословію декуріоновъ (ordo decurionum). Рядомъ съ сословіемъ декуріоновъ приводится сословіе т. н. Augustales (ordo Augustalium), ассоціація, имѣвшая цѣлію поклоненіи обоготворенному Августу [198]). Augustales составляли на подобіе римскаго ordo equester

---

196) Эта передача правъ совершилась, по мнѣнію нѣкоторыхъ, посредствомъ lex Petronia 772 г. u. c. (сравни Kuntze. Cursus. § 290). Впрочемъ другіе изслѣдователи приписываютъ lex Petronia болѣе ограниченное значеніе (Walter § 300).

197) Puchta § 91. S. 344 (7-te Auflage)

198) Kuntze (Cursus. § 291) думаетъ, что Augustales были, можетъ быть, организованною свыше монархическою партіею.

средній классъ народонаселенія. Они изчезаютъ подъ вліяніемъ христіанства.

Между избираемыми на годъ муниципальными магистратами упоминаются: 1) IV viri, а именно duoviri juri dicundo (называющіеся иногда и преторами, но никогда консулами) и два эдила (aediles) для надзора за производствомъ общественныхъ работъ и для отправленія другихъ полицейскихъ функцій 2) quaestores, завѣдывавшіе муниципальной кассой. Изъ поименованныхъ должностныхъ лицъ только Duoviri juri dicundo были магистратами въ точномъ смыслѣ этого слова, они имѣли jurisdictio, предсѣдательствовали въ куріи и при ихъ посрѣдствѣ каждыя пять лѣтъ производился цензъ: duoviri того года, въ которомъ производился цензъ, назывались Quinquennales [199]).

Мало по малу подготовляется бóльшая зависимость муниципальныхъ городовъ. Такъ во времена Трояна муниципальное финансовое управленіе передается изъ вѣдомства муниципальныхъ магистратовъ въ завѣдываніе т. н. curatores reipublicae (λογισταί), которыхъ назначаетъ самъ императоръ, а при Адріанѣ ограничиваетя юрисдикція муниципальныхъ магистратовъ посредствомъ подчиненія ихъ т. н. consulares т. е. агентамъ императора, поставленнымъ имъ во главѣ дистриктовъ, на которые онъ раздѣлилъ всю Италію [200]).

Вообще проявляется стремленіе сравнить управленіе Италіи съ управленіемъ провинціями.

В. Провинціи.

Провинціи дѣлятся, начиная со временъ Августа, на provinciae populi Romani и provinciae Caesaris.

Provinciae populi Romani управлялись проконсулами, имѣвшими высшую jurisdictio послѣ императора. Проконсулы назначались изъ бывшихъ магистратовъ правителями провинцій срокомъ на одинъ годъ. Подъ ихъ начальствомъ находились

---

199) Festus. Quinquennales in coloniis appelabantur qui lustrum conderent quinto quoque anno, a quo nominari coeptos. Сравни Kuntze. Cursus. § 291.

200) Такихъ дистриктовъ было пять. Consulares стояли во главѣ четырехъ дистриктовъ, пятый дистриктъ подчиненъ былъ претору. Walter § 299.

проконсульскіе легаты, которымъ поручалось отправленіе извѣстныхъ, присущихъ правителю провинціи функцій, но которые не могли никогда имѣть судебной власти въ дѣлахъ по уголовнымъ преступленіямъ [201]). Для взиманія доходовъ, поступающихъ въ aerarium, по прежнему посылались въ provinciae populi Romani квесторы.

Provinciae Caesaris управлялись т. н. императорскими легатами (legati caesaris) т. е. представителями императора, облеченными высшею юрисдикціей. Срокъ, на который назначались императорскіе легаты, не былъ опредѣленъ закономъ. Квесторы не посылались въ императорскія провинціи, но вмѣсто нихъ т. н. procuratores Caesaris s. rationales для завѣдыванія дѣлами фиска. Легатъ императорскій въ Египтѣ пользовался особымъ почетомъ: ему присвоенъ былъ титулъ: praefectus Aegypti Augustalis. Кромѣ того въ Александрію посылался для отправленія правосудія особый juridicus.

Оба рода правителей, какъ проконсулы такъ и императорскіе легаты, назывались praesides provinciae [202]).

Что касается устройства провинціальныхъ городовъ, то по прежнему различаются города, не получившіе никакихъ привилегій и состоящіе слѣдовательно въ непосредственной зависимости отъ римскихъ правителей, отъ городовъ, находящихся въ привилегированномъ положеніи. Между сими послѣдними упоминаются: 1) всѣ категоріи привилегированныхъ провинціальныхъ городовъ, существовавшія во времена республики т. е. civitates liberae et foederatae, civitates liberae et immunes и города съ jus italicum (сравни § 30. B. стр. 70), 2) города, получившіе муниципальное устройство, подобное муниципальному устройству италіянскихъ городовъ. Сюда относятся учрежденныя въ провинціяхъ колоніи и муниципіи.

Въ провинціяхъ ранѣе чѣмъ въ Италіи проявляется стремленіе правительства ограничить самоуправленіе привилегированныхъ городскихъ общинъ и поставить ихъ въ болѣе непосредственную зависимость отъ своихъ агентовъ.

---

201) Frag. 11. Dig. de offic. proconsulis et legati I. 16.

202) Frag 1. Dig. de officio praesidis I. 18: Praesidis nomen generale est, eoque et proconsules, et Legati caesaris, et omnes provincias regentes, licet senatores sunt, Praesides appelantur.

§ 42. *Характеръ и источники права въ разсматриваемый періодъ.*

А. Общее обозрѣніе.

Всякое коренное измѣненіе въ государственномъ устройствѣ влечетъ за собою обыкновенно измѣненія и въ источникахъ права. Такъ было и въ древнемъ Римѣ, когда власть государственная сосредоточилась въ рукахъ императора. Прежде всего совершившаяся въ государствѣ перемѣна проявляется въ умноженіи числа источниковъ права. Рядомъ съ древними источниками права начинаютъ упоминаться constitutiones principis s. sacrae т. е. императорскія повелѣнія. Но перемѣна эта, какъ вѣрно замѣчаетъ Кунтце (Cursus. § 296), имѣла не только квантитативный но и квалитативный характеръ. А именно вся законодательная дѣятельность комицій и сената поставлена была въ полную зависимость отъ императора, такъ что въ дѣйствительности leges, senatus consulta и constitutiones являются по формѣ только отличающимися одинъ отъ другаго продуктами единой верховной воли императоровъ. Вліяніе императорской власти проявляется и относительно преторскаго эдикта: объ этомъ свидѣтельствуетъ офиціальная редакція Edictum perpetuum.

Только научная дѣятельность юрисконсультовъ развивается совершенно самостоятельно и проявляется столь величественно и столь художественно, что сообщаетъ всему періоду свой оригинальный отпечатокъ. Разсматриваемое нами время смѣло можетъ быть названо періодомъ юриспруденціи, тѣмъ болѣе, что юридическая доктрина получила громадное вліяніе на законодательство, такъ какъ, начиная съ Адріана, императоры стали окружать себя представителями науки и испрашивать ихъ мнѣнія при разрѣшеніи различныхъ вопросовъ права и изданіи constitutiones. Такимъ образомъ право, основанное на изданныхъ императоромъ повелѣніяхъ, въ значительной степени можетъ быть признано продуктомъ дѣятельности юрисконсультовъ [203].

Разсмотримъ отдѣльно различные только что упомянутые источники права.

---

203) Весьма мѣтко замѣчаетъ Эсмархъ (Rechtsgeschichte, S. 310), что наука была „gesetzgebend durch das Organ der fuerstlichen Macht".

А. Древній циклъ источниковъ права.

1) Leges. Законодательная власть римскаго народа не только признавалась теоретически при Августѣ и его преемникахъ, но и проявлялась въ изданіи leges. Императоры въ началѣ разсматриваемаго періода часто прибѣгали къ этой древней формѣ установленія правовыхъ правилъ: объ этомъ свидѣтельствуетъ значительное число leges, изданныхъ въ правленіе Августа, и на это указываютъ законы, относящіеся ко временамъ Тиверія и Клавдія. Правда, что въ дѣйствительности законодательная власть вскорѣ сосредоточилась въ рукахъ императора, а законы только ради формы стали предлагаться народнымъ собраніямъ. Во второй половинѣ перваго столѣтія предложеніе leges комиціямъ совершенно выходитъ изъ употребленія, хотя возможность подобнаго законодательства не устраняется во все продолженіе перваго періода имперіи [204]), и leges признаются устарѣвшей формой образованія права только въ послѣдующемъ періодѣ.

2. Senatus consulta.

Въ первый періодъ имперіи къ сенату мало по малу переходятъ всѣ функціи народныхъ собраній. Законодательная дѣятельность этого высшаго государственнаго учрежденія усиливается, а senatus consulta окончательно сравниваются съ leges: они, какъ выражается Гай (III. 32), legis vicem obtinent [205]). Императоры часто проявляютъ свою законодательную дѣятельность посредствомъ сената. А именно большинство senatus consulta состоялось на основаніи т. н. Orationes principum т. е. императорскихъ предложеній. Эти orationes principum составляютъ, по вѣрному замѣчанію Кунце [206]), переходъ къ самостоятельному и въ формальномъ отношеніи

---

204) Сравни Puchta § 106. Въ этомъ отношеніи замѣчательно, что Гай говоритъ о легислативной дѣятельности народа какъ о чемъ то существующемъ (lex est, quod populus jubet atque constituit), между тѣмъ какъ въ институціяхъ Юстиніана о leges говорится какъ о существовавшей прежде формѣ образованія права (constituit Гая замѣнено constituebat).

205) Kuntze. Cursus § 302.

206) Знаменитый юристъ Ульпіанъ (frag. 11. Dig. de legibus senatusque consultis et longua consuetudine I. III) прямо признаетъ за сенатомъ право установленія права: non ambigitur senatum jus facere posse.

проявленію законодательной дѣятельности со стороны императоровъ, къ т. н. constitutiones. Изданіе senatus consulta прекращается подъ конецъ 3-го столѣтія по Р. Х., когда созрѣвшая власть императоровъ проявляетъ стремленіе отрѣшиться отъ всѣхъ традицій республиканскаго Рима.

3) Jus honorarium.

Образованіе права преторами продолжается и въ разсматриваемое нами время, но далеко не съ тою энергіей, которая проявлялась этими творцами права во времена республики. Такимъ образомъ и viva vox juris civilis, согласно съ тенденціями времени, уступаетъ, подобно leges и senatuconsulta, мѣсто новой формѣ образованія права, императорскимъ повелѣніямъ. Содержаніе эдикта мало по малу становится совершенно неподвижнымъ, такъ что во времена Адріана дѣлается возможною официальная редакція положеній онаго. Впрочемъ, въ данное время редакція эта представлялась необходимою и въ значительной степени полезною. Правда, сдѣлавъ установленный такимъ образомъ свыше эдиктъ обязательнымъ для послѣдующихъ преторовъ, она окончательно и официально пресѣкла дальнѣйшее развитіе права преторами [207]), но при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду: 1) что творчество преторовъ изсякло въ дѣйствительности еще до изданія официальной редакціи эдикта, и 2) что фиксація эдикта въ значительной степени облегчила научную разработку изложенныхъ въ немъ правовыхъ началъ юрисконсультами.

Составленіе официальной редакціи эдикта поручено было императоромъ Адріаномъ знаменитому юристу Сальвію Юліану (Salvius Julianus) въ 131 г. по Р. Х. Съ этою цѣлію соединены были въ одно цѣлое эдикты городскаго претора, претора для перегриновъ, курульскихъ эдиловъ и правителей

---

207) Эдиктомъ Сальвія Юліана, изданнымъ по порученію императора, и получившимъ императорскую санкцію и санкцію сената, положенъ конецъ дальнѣйшему развитію права преторами, такъ какъ ихъ jus edicendi ограниченъ пополненіемъ пробѣловъ официальнаго эдикта. Характеръ этого jus edicendi виденъ изъ oratio divi Hadriani приведенной въ const 3 § 18 Cod. I. 17, гдѣ императоръ постановляетъ что пробѣлы должны пополняться „κατα τὴν ἐκ τῶν ἤδη διατεταγμένων ἀκολουθείαν“.

провинцій [208]). Составленный такимъ образомъ сводъ пополненъ былъ заимствованными изъ jus civile ученіями объ опекѣ, приданомъ (dos), духовныхъ завѣщаніяхъ и легатахъ, безъ сопоставленія съ которыми относящіяся къ нимъ положенія эдикта имѣли бы слишкомъ фрагментарный характеръ, за тѣмъ весь собранный правовой матеріалъ приведенъ былъ въ извѣстную систему и наконецъ подъ названіемъ «Edictum perpetuum», т. е. разъ на всегда установленнаго эдикта [209]), по предложенію императора, утвержденъ сенатомъ какъ общій обязательный для всей имперіи законъ. При семъ jus edicendi магистратовъ ограничено было случаями, не предусмотренными въ «Edictum perpetuum [210]).

Такимъ образомъ фиксированный эдиктъ сдѣлался любимою темою работъ юрисконсультовъ и послужилъ основаніемъ богатой литературы, относящейся къ jus honorarium. Какое значеніе приписывалось въ древности составленному Юліаномъ «edictum perpetuum» видно изъ того, что императоръ Юстиніанъ въ т. н. constitutio Deo auctore (l. 1. C. de vet. jure enucl. I. 17) называетъ составленные имъ пандекты, важнѣйшую часть предпринятой имъ кодификаціи, «imitatio Edicti perpetui».

---

[208]) Сперва изъ эдиктовъ различныхъ правителей провинцій былъ составленъ сводъ (Edictum provinciale) и за тѣмъ этотъ сводъ внесенъ въ „Edictum perpetuum“.

[209]) Здѣсь терминъ „edictum perpetuum“ въ примѣненіи къ компиляціи Сальвія Юліана принимаетъ иное противъ прежняго значеніе, такъ какъ прежде подъ „edictum perpetuum“ подразумѣвался установленный магистратомъ на весь срокъ своей должности эдиктъ въ отличіе отъ такъ называемыхъ edicta repentina (сравни выше стр. 84. слѣд.).

[210]) Относительно значенія „Edictum perpetuum“ и исторіи его составленія мы придерживаемся въ текстѣ мнѣнія Рудорфа (Rechtgeschichte § 97). Противоположнаго мнѣнія, по которому за преторами и послѣ изданія компиляціи Сальвія Юліана осталось jus edicendi во всей своей полнотѣ придерживается Рейнъ (Privatrecht der Roemer S. 83). Циммернъ (Geschichte des roem. Privatrechts I. § 40. S. 155) отклоняется отъ изложеннаго въ текстѣ мнѣнія въ томъ отношеніи, что онъ полагаетъ, что эдикты городскаго претора, претора для перегриновъ, курульскихъ эдиловъ и провинціальныхъ правителей не были соединены въ одно цѣлое, но продолжали существовать отдѣльно.

B. Новый возникшій въ императорское время источникъ права — Constitutiones.

На первый планъ мало по малу выдвигается новый источникъ права — constitutiones principum. Между этими императорскими повелѣніями различаются: a Edicta, т. е. офиціальныя объявленія, посредствомъ которыхъ princeps, въ силу присущей ему, какъ императору, трибуну и верховному магистрату [211]), государственной власти, устанавливаетъ общія правовыя положенія и публикуетъ ихъ въ формѣ общаго для всей имперіи закона. b) Mandata т. е. инструкціи должностнымъ лицамъ, въ особенности посылаемымъ въ provinciae Caesaris императорскимъ легатамъ. Въ этихъ инструкціяхъ передается получающимъ ихъ должностнымъ лицамъ юрисдикція и указывается на извѣстныя правовыя положенія. Содержаніе mandata относится главнымъ образомъ къ уголовному и полицейскому праву: частноправныхъ положеній въ нихъ весьма немного c. Decreta т. е. рѣшенія императора, какъ верховнаго въ имперіи судьи. За этими decreta только при извѣстныхъ условіяхъ можетъ быть признанъ законодательный, создающій право характеръ, а именно только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ нихъ устанавливается новое правовое правило: примѣненіе уже существующаго правоваго правила при отправленіи правосудія императорами относится къ категоріи судебныхъ рѣшеній а не законодательныхъ актовъ. d) epistolae, rescripta, litterae т. е отвѣты и объясненія на вопросы по поводу спорныхъ пунктовъ права. Съ подобными вопросами обращались къ императору какъ частныя лица (въ формѣ просьбы [libellus, preces]) такъ и должностныя лица и судьи (въ формѣ relationes et consultationes). Импе-

---

[211]) Princeps въ силу того, что онъ считался магистратомъ, началъ, подобно другимъ магистратамъ, издавать эдикты, но вскорѣ эти эдикты пріобрѣтаютъ отличный отъ эдиктовъ другихъ магистратовъ характеръ на томъ основаніи, что эдикты обыкновенныхъ магистратовъ были обязательны только въ той мѣстности, которая была подсудна магистрату, между тѣмъ какъ императорскіе эдикты были обязательны для всей имперіи, ибо власть императора распространялась на все государство. Впрочемъ, princeps могъ издавать edicta не только потому что онъ считался магистратомъ, но и въ силу переданной ему посредствомъ lex regia (de imperio) законодательной власти.

раторъ отвѣчалъ или посредствомъ надписи на самомъ прошеніи (subscriptiones или adnotationes) или посредствомъ формальнаго рескрипта или посланія (rescripta, epistolae, litterae).

Древними юристами всѣ эти форма проявленія императорской законодательной воли приравниваются къ leges, на томъ основаніи, что въ lex de imperio императору сообщается на будущее время законодательная власть, а всѣ его предъидущія повелѣнія утверждаются и объявляются общеобязательными наравнѣ съ leges. Только что упомянутое воззрѣніе такъ ясно и опредѣленно высказанно юристами перваго періода имперіи [212]), что всѣ сомнѣнія, приводимыя новѣйшими изслѣдователями относительно общеобязательности въ разсматриваемое время декретовъ, рескриптовъ и мандатовъ лишены всякаго основанія. Конечно общеобязательны были и сравнивались съ законами только такъ называемыя «generales constitutiones» а отнюдь не «constitutiones personales (т. е такія императорскія повелѣнія, въ которыхъ примѣненіе высказаннаго правила прямо ограничивается извѣстнымъ разсматриваемымъ случаемъ). Все изданное императорами право называется jus extraordinarium, такъ какъ въ императорскихъ constitutiones проявилась новая неизвѣстная до учрежденія принципата форма образованія права: при сохраненіи (хотя и номинальномъ) республиканскихъ учрежденій прежнія формы считались обыкновенными (jus ordinarium).

С. Юриспруденція и ея представители.

I. Общее обозрѣніе.

Дѣятельность юрисконсультовъ проявляется въ тѣхъ же различныхъ направленіяхъ, о которыхъ упомянуто было при резсмотрѣніи исторіи предъидущаго періода, только теперь литературная дѣятельность ихъ становится все блестящѣе и

---

[212]) Сравни: Гай (I. 5): „Constitutio Principis est, quod Imperator decreto vel edicto vel epistola constituit; nec unquam dibitatum est, quin id legis vicem obtineat, cum ipse Imperator per legem imperium accipiat". Ульпіанъ называетъ даже всѣ виды императорскихъ повелѣній законами (frag. 1. § 1. Dig. de const. princ. I. 4): Quodcunque Imperator per epistolam et subscriptionem statuit, vel cognoscens decrevit, vel de plano interlocutus est, vel edicto praecipit, legem esse constat; haec sunt, quas vulgo constitutiones appellamus.

блестящѣе и выдвигается на первый планъ. Сочиненія римскихъ юристовъ, собственно говоря, сдѣлали римское право тѣмъ, чѣмъ оно есть. Всѣ страннымъ образомъ распредѣленные въ древней системѣ элементы образовали подъ научнымъ давленіемъ учителей права новое соединеніе высшаго порядка. При этомъ разрозненныя части были собраны, разнородныя понятія, которыя прежде смѣшивались, болѣе строго различены, негодные элементы исключены и наконецъ сдѣланы необходимыя сравненія и обобщенія. Послѣ такой предварительной работы возможно было и приведеніе въ исполненіе великаго дѣла сближенія обѣихъ различныхъ по источникамъ и формуламъ системъ права: jus civile въ тѣсномъ значеніи этого слова (право, введенное законами) [213]) и jus honorarium. Хотя юристы, придерживаясь по формѣ древнихъ традицій, и отвели въ своихъ сочиненіяхъ этимъ системамъ особое мѣсто, но посредствомъ объясненія и переработки основныхъ идей они соединили jus civile и jus honorarium въ одно идеальное цѣлое. «Мы чувствуемъ, говоритъ Кунце (Cursus §§ 309), что это (т. е. juscivile и jus honorarium) два вращающіяся около одного центра тѣла, и что ихъ совмѣстное существованіе, какъ напр. оно выразилось въ двухъ главныхъ сочиненіяхъ Ульпіана ad Sabinum и ad Edictum, представляетъ не борьбу сопротивляющихся другъ другу началъ но свободную игру двухъ однородныхъ силъ.

II. Преподаваніе юридической науки.

Съ тѣхъ поръ какъ consultationes юристовъ сдѣлались публичными, на нихъ обыкновенно присутствовало значительное число лицъ, приходящихъ туда для нагляднаго ознакомленія съ юридической практикой и съ истинами права. Молодые люди, приготовлявшіеся къ юридической дѣятельности,

---

[213]) Jus civile вообще означаетъ комплексъ свойственныхъ только римскому народу правовыхъ истинъ въ отличіе отъ jus gentium т. е. права, примѣнявшагося ко всѣмъ свободныхъ людямъ въ римскомъ государствѣ. Кромѣ того jus civile имѣетъ еще одно болѣе спеціальное значеніе: а именно въ отличіе отъ jus honorarium (jurisdictio) подъ jus civile подразумѣвается право, установленное законами. Въ этомъ то послѣднемъ смыслѣ и употребленъ нами этотъ терминъ въ текстѣ. Сравни выше стр. 83. прим. 166. и Rudorff. Roem. Rechtsgesch. I. § 4.

становились постоянными посѣтителями такихъ consultationes, постоянными слушателями (auditores) какого нибудь знаменитаго юриста, и вступали съ нимъ въ болѣе близкую связь. Юристы, въ свою очередь обращали особое вниманіе на своихъ auditores и не только допускали ихъ къ присутствію на своихъ consultationes, но и посвящали ихъ обученію все свободное отъ занятій время. Съ особымъ рвеніемъ занимался преподаваніемъ знаменитый юристъ Лабеонъ: шесть мѣсяцевъ въ году онъ проводилъ въ Римѣ и все это время занимался съ своими учениками, а шесть мѣсяцевъ онъ посвящалъ въ своемъ загородномъ уединеніи составленію юридическихъ сочиненій [214]). Такимъ то образомъ юридическая доктрина передавалась отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Преподаваніе имѣло первоначально преимущественно практическій характеръ Впрочемъ, практическимъ занятіямъ и практическому обученію (instrui) обыкновенно предшествовалъ краткій теоретическій курсъ (institui). Мало по мало это теоретическое преподаваніе совершенно отдѣляется отъ практическаго и дѣлается профессіей лицъ, нечувствовавшихъ призванія къ составленію сочиненій или занятію практикой. Подобно риторамъ тогдашняго времени они читали лекціи въ нѣсколькихъ мѣстахъ города Рима (stationes jus publice docentium) и получали за труды извѣстный гонораръ, котораго, впрочемъ, не могли требовать судебнымъ порядкомъ.

Училища во все разсматриваемое время являются исключительно частнымъ предпріятіемъ. Постоянныя общественныя учебныя заведенія появляются только въ позднѣйшее время.

III. Юридическія школы. Proculeiani и Sabiniani s. Cassiani.

При томъ развитіи, котораго достигла юридическая наука въ началѣ разсматриваемаго періода, должны были проявиться въ ней различныя направленія, высказаться различные взгляды па право и возникнуть различныя ученія. И въ дѣйствительности во времена Августа мы встрѣчаемся съ двумя знаменитыми юристами, Лабеономъ и Капитономъ, основате-

214) Frag. 2 § 47. Dig. de O. J. I. 2. . . . . totum annum ita diviserat ut Romae sex mensibus cum studiosis esset, sex mensibus secederet, et conscribendis libris operam daret.

лями двухъ различныхъ школъ. Въ ученіи Лабеона преобладаетъ идеальное воззрѣніе на право, въ ученіи же Капитона проявляются болѣе реальныя начала. Кромѣ того доктрина Лабеона отличается прогрессивнымъ, доктрина же Капитона консервативнымъ характеромъ. Капитонъ обращалъ все свое вниманіе на положительный матеріалъ и придерживался традиціонныхъ воззрѣній и пріемовъ, Лабеонъ же часто, гдѣ того требовала, по его мнѣнію, послѣдовательность, прибѣгалъ къ нововведеніямъ [215]). Помпоній слѣдующимъ образомъ описываетъ различіе воззрѣній Лабеона и Капитона (frag. 2 §§ 47 Dig. de O. J. I. 2): Hi duo primum veluti diversas sectas fecerunt; nam Ateius Capito, in his, quae ei tradita fuerant, perseverabat; Labeo ingenii qualitate et fiducia doctrinae, qui et ceteris operis sapientiae operam dederat, plurima innovare instituit.

Различіе между школами проявилось въ особенности рѣзко въ сочиненіяхъ послѣдователей Лабеона и Капитона, Прокула съ одной и Сабина съ другой стороны, почему по ихъ имени и названы были адепты упомянутыхъ ученій. Помпоній приводитъ длинный рядъ Proculeiani и Sabiniani, заканчивающійся во времена Адріана и Антонина Пія. Послѣдователи обѣихъ школъ противополагаются другъ другу упомянутымъ юристомъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Pproculeiani.	Sabiniani.
M. Antistius Labeo.	C. Ateius Capito.
M. Cocceius Nerva pater.	Massurius Sabinus.
Sempronius Proculus.	Caelius Sabinus.
Nerva filius.	C. Cassius Longinus.
Pegasus.	Javolenus Priscus.
P. Iuventius Celsus pater.	Aburius Valens.

---

[215]) Kuntze (Cursus § 316.) указываетъ на то, какъ оба упомянутыя въ текстѣ направленія проявлялись въ отдѣльныхъ ученіяхъ. Такъ наприм. Proculeiani расширяютъ кругъ res nec mancipi, чтобъ увеличить область примѣненія простой и удобной при оборотахъ traditio. Но нигдѣ различіе воззрѣній не высказалось такъ характеристично какъ въ ученіи о спецификаціи. Proculeiani, обращая главнымъ образомъ вниманіе на производительную силу и новую форму, признаютъ за т. н. specificator'омъ право собственности на nova species, что отвергается Sabiniani, принимающими въ соображеніе только матеріалъ, изъ котораго сдѣлана nova species.

Celsus filius. Tuscianus.
Neratius Priscus. Salvius Iulianus.

Кромѣ того къ Sabinani должны быть причислены знаменитый юристъ Гай и, по всей вѣроятности, такъ же Секстъ Помпоній.

При Адріанѣ различіе между школами начинаетъ сглаживаться, и вскорѣ мы встрѣчаемся съ примиреніемъ противоположныхъ ученій въ т. н. періодъ корифеевъ.

IV. Времена корифеевъ римской юридической науки.

Апогея своего развитія римская юридическая наука достигаетъ вскорѣ послѣ того, какъ примирены были противоположныя ученія школъ Прокула и Сабина. Все то, чему было положено основаніе въ предшествовавшія времена быстро развивается въ промежутомъ времени между Адріаномъ и Александромъ Северомъ и достигаетъ въ сочиненіяхъ великихъ юристовъ Папиніана, Ульпіяна и Павла высшаго совершенства и законченности. Но, вскорѣ за этимъ блестящимъ проявленіемъ древней языческой культуры, слѣдуетъ упадокъ творческой силы, и вмѣстѣ съ Модестиномъ умолкаетъ вѣщій голосъ древней римской юридической науки.

V. Знаменитые юристы разсматриваемаго періода.

1. Sabiniani.

a) C. Ateius Capito, основатель школы († 775 г. u. c.), изъ возвысившагося, благодаря цезаризму, рода, почему онъ и былъ всецѣло преданъ Августу, который возвелъ его въ 759 въ званіе consul suffectus. О направленіи его и всей школы сказано было выше. Не смотря на то, что онъ обладалъ значительною эрудиціей, въ пандектахъ не находится извлеченій изъ его сочиней.

b. Massurius Sabinus, давшій свое имя всей школѣ. Онъ получилъ отъ Тиверія, безъ всякаго искательства съ съ своей стороны, jus respondendi ex auctoritate principis.

Знаменитѣйшее изъ его сочиненій озаглавлено «libri tres juris civilis» и представляетъ руководство, въ которомъ онъ свелъ положенія права древней формаціи. На это сочиненіе составлены комментаріи Помпоніемъ въ 35 книгахъ, Ульпіаномъ въ 51 книгѣ и Павломъ въ 17 книгахъ. Эти комментаріи составляютъ основаніе такъ называемой Сабиновой серіи (Sabinusmasse, какъ ее называетъ Bluhme. Zeitschrift fuer ge-

schichtl. Rechtswissenschaft IV. 6. S. 257 f) источниковъ Пандектовъ.

c. Сальвій Юліанъ (Salvius Julianus), дѣдъ съ материнской стороны императора Дидія Юльяна, принималъ участіе въ управленіи имперіи въ качествѣ претора, консула и praefectus urbi и въ законодательствѣ въ качествѣ члена императорскаго совѣта при Адріанѣ, Антонинѣ Піѣ и при Divi fratres (Маркѣ Авреліѣ и Луціѣ Верѣ). Знаменитое его сочиненіе «Digestorum libri XC». составляетъ основаніе той части источниковъ пандектовъ Юстиніана, которая называется «серіей эдикта (Edictsmasse)».

d. Секстъ Помпоній, современникъ Юліана, составилъ значительное число сочиненій, изъ которыхъ для насъ наибольшее значеніе имѣетъ т. н.» Enchiridii liber singularis», такъ какъ помѣщенный изъ него въ Дигестахъ отрывокъ (frag 2. Dig de O. J I. 2) является однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ исторіи римскаго права до Адріана. Кромѣ того изъ сочиненій Помпонія упомянемъ: Ad. Q. Mucium Lectionum libri XXXIX, Ad Sabinum libri XXXV, Epistolarum libri XX, Variarum lectionum libri XV, Libri ad Edictum XXIX.

e) Gajus, послѣдній юристъ, прямо признающій себя послѣдователемъ ученія Сабина и Кассія (nostri praeceptores) и противникомъ Прокула (diversae scholae auctores). Даже наименованіе этого знаменитаго учителя права не дошло до насъ въ полномъ составѣ (мы не знаемъ какъ онъ назывался Titus Gajus, или Gajus Bassus). Точно также мы не имѣемъ никакихъ прямыхъ свѣдѣній о его жизни: знаемъ только, что онъ жилъ во времена Адріана, Пія и Марка Аврелія. Далѣе, по нѣкоторымъ намекамъ, находящимся въ его сочиненіяхъ, можно предположить, что полемъ его дѣятельности былъ какой нибудь греческій городъ малой Азіи [216]). На это указываетъ и то обстоятельство, что о Гаѣ не упоминаютъ историки его времени и вообще періода классической юриспруденціи. Сочиненія Гая распространяются сперва на востокѣ и только въ послѣдующемъ періодѣ пріобрѣтаютъ общую

216) На это указываютъ и проявляемыя Гаемъ свѣдѣнія въ греческихъ законодательствахъ.

извѣстность и начинают пользоваться равнымъ съ сочиненіями великихъ юристовъ временъ Александра Севера авторитетомъ. Вплоть до изданія въ 426 г. императорами, Θеодосіемъ II и Валентиніаномъ III, закона объ источникахъ права (часть котораго, относящаяся къ праву юристовъ, названа Гуго Citirgesetz) имя Гая не приводится между именами авторитетовъ науки, но въ этомъ законѣ онъ причисленъ такъ сказать къ лику корифеевъ.

Важнѣйшимъ изъ его сочиненій несомнѣнно должны быть признаны открытые въ 1816 году комментаріи институцій «Institutionum commentarii libri quatuor». Въ нихъ Гай впервые излагаетъ право въ той системѣ, которая съ теченіемъ времени сдѣлалась господствующей въ римскомъ правѣ. Согласно этой системѣ все право vel ad Personas pertinet, vel ad res vel ad actiones. Такимъ образомъ у Гая формулируется ученіе о субъектѣ объектѣ и защитѣ правъ. Институціи Гая легли въ основаніе институцій императора Юстиніана, а системы Гая придерживались, какъ справедливо замѣтилъ Рудорфъ (I §§ 68, S 175), и при составленіи пандектовъ. Наконецъ, институціи Гая важны и по историческимъ обозрѣніямъ, часто предпосылаемымъ изложенію отдѣльныхъ институтовъ и проливающимъ свѣтъ не только на исторію права, но и на нравы и учрежденія, однимъ словомъ на весь внутренній строй общества тѣхъ временъ.

Кромѣ институцій, Гай составилъ еще не мало сочиненій, отрывки изъ которыхъ (въ числѣ 535) помѣщены въ пандектахъ Юстинана. Важнѣйшія изъ нихъ суть: 1) Ad legem XII tabularum libri VI, ad legem Juliam et Papiam libri XV, 2) Ad Edictum urbicum, ad Edictum aedilium curulium libri II, ad Edictum provinciale libri XXXII 3) libri ex Q. Mucio 4). Liber singularis Regularum 5). Libri III de verborum obligationibus, libri III de Manumissionibus, libri II fideicomissorum.

2. Proculeiani.

a. M. Antistius Labeo, основатель школы, сынъ несчастнаго юриста Квинтія, погибшаго послѣ сраженія при городѣ Филиппи. Вѣрный традиціямъ своего древняго рода, Labeo постоянно и открыто высказывалъ свое мнѣніе о томъ, что древнее республиканское устройство de jure продолжаетъ быть законною формою правленія въ Римѣ.

Подобная оппозиція не могла при отличавшемся терпимостью Августѣ навлечь преслѣдованія на проявлявшаго ее Лабеона, но тѣмъ не менѣе при дворѣ оказывали предпочтеніе молодому противнику Лабеона, вышеупомянутому основателю школы Sabiniani, Капитону.

Объ ученіи и направленіи Лабеона мы упомянули выше; его литературная дѣятельность была крайне продуктивна: онъ оставилъ послѣ себя 400 volumina сочиненій, пользовавшихся громаднымъ авторитетомъ между юристами. Замѣчательнѣйшія изъ этихъ сочиненій суть: 1) около 40 libri posteriorum (система jus civile, изданная послѣ смерти автора). 2) Probabilium (πιθανῶν) libri VIII. 3) Commentarii ad Legem XII tabularum 4) Libri ad Edictum praetoris urbani et peregrini 5) Libri responsorum и 6) Commentarii de jure pontificio. Изъ сочиненій Лабеона 63 отрывка помѣщены въ пандектахъ Юстиніана.

b. Sempronius Proculus, жившій при Клавдіѣ и его преемникахъ, одинъ изъ выдающихся представителей ученія школы, къ которой онъ принадлежалъ, и которая названа была по его имени.

Изъ его сочиненій упоминаются 1) Epistolarum libri XI и 2) Libri III ex posterioribus Labeonis. По всей вѣроятности сочиніе это тождественно съ Notae къ сочиненіямъ Лабеона.

c) P. Juventius Celsus, бывшій преторомъ при Нервѣ (въ 101 г. п. с), консуломъ при Трояне и во второй разъ при Адріанѣ, отличался въ совѣтѣ этого императора своимъ всестороннимъ юридическимъ образованіемъ. Онъ написалъ: Digestorum libri XXXIX, сочиненіе составленное по системѣ Адріановой кодификаціи. 2) Commentariorum libri VII 3) Epistolarum libri XI 4) Questionum libri XIX.

d) Прискъ Нерацій (Priscus Neratius), бывшій такъ же консуломъ и предназначавшійся Адріаномъ въ преемники своей власти, написалъ нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ важнѣйшія: 1) Responsorum libri III 2) Regularum libri XV и 3) Libri de nuptiis Этотъ юристъ былъ послѣднимъ изъ школы Прокула.

3) Великіе юристы первой половины 3-го столѣтія послѣ Р. Х.

Какъ мы замѣтили выше, апогея своего развитія римская юридическая наука дастигаетъ послѣ примиренія различ-

ныхъ школъ подъ конецъ 2-го и въ первой половинѣ 3-го столѣтія послѣ Р. X. Первое мѣсто между юристами разсматриваемаго времени занимаютъ:

a) Aemilius Papinianus, advocatus fisci при Маркѣ Авреліѣ, libellorum magister и praefectus praetorio при Септиміѣ Северѣ, былъ такъ близокъ къ сему послѣднему императору, что тотъ поручилъ ему своихъ сыновей Каракаллу и Гету. Папиніянъ былъ убитъ по повелѣнію Каракаллы, разгнѣвавшагося на него за то, что онъ не хотѣлъ оправдать совершенное этимъ императоромъ братоубійство. Папиніанъ считается первымъ изъ корифеевъ. Главнѣйшія его творенія сутъ: Quaestionum libri XXXVII и Responsorum XIX libri, въ которыхъ научно разработанное право новѣйшей формаціи было изложено такъ искуссно и съ такою примѣрною ясностью, что эти сочиненія долгое время полагались въ основу всего преподаванія въ юридическихъ школахъ. Въ послѣдующіе вѣка изрѣченія Папиніяна пользовались почти равнымъ авторитетомъ съ законами. Третья серія источниковъ пандектовъ названа «серіей Папиніяна», такъ какъ основаніемъ оной послужили фрагменты, заимствованные изъ сочиненій Папиніяна.

b) Ульпіянъ (Domitius Ulpianus), уроженецъ г. Тира въ Финикіи, бывшій ассесоромъ Папиніяна, по паденіи сего послѣдняго впавшій въ немилость при Каракаллѣ, снова призванный ко двору матерью Александра Севера, Маммеею, достигъ наконецъ званія префекта преторіанцевъ. Въ этомъ званіи онъ стремился ограничить вліяніе военнаго элемента на управленіе имперіей и обуздать подчиненный ему корпусъ тѣлохранителей. Ульпіянъ былъ убитъ въ 228 г. по Р. X. въ присутствіи своего державнаго покровителя недовольными своимъ начальникомъ взбунтовавшимися преторіанцами. Къ замѣчательнѣйшимъ твореніямъ Ульпіяна относятся кромѣ составленныхъ имъ двухъ небольшихъ руководствъ (Regularum Liber I. и Institutionum libri II): 1) ad Sabinum libri LI. и 2) ad Edictum libri LXXXIII. Эти и другія сочиненія послужили основаніемъ пандектамъ Юстиніана: изъ нихъ заимствовано 2462 фрагмента, составляющихъ 3-ю часть всего собранія.

c) Юлій Павелъ (Julius Paulus), бывшій подобно Ульпіяну ассесоромъ Папиніяна, и достигшій, такъ же при Александрѣ Северѣ, званія praefectus praetorio. Изъ его сочиненій нахо-

дится 2080 фрагментовъ въ пандектахъ Юстиніана, равняющихся одной шестой названной компиляціи. Знаменитѣйшее изъ его твореній составляютъ т. н. «sententiarum receptarum libri V, содержащіе сводъ т. н. jus receptum, т. е. признаваемыхъ всѣми авторитетами и никѣмъ не оспариваемыхъ положеній jus civile, honorarium и extraordinarium. Сочиненіе это названо было Константиномъ (l. 2 C. Theod. I. 4) «libri plenissima luce et perfectissima locutione et justissima juris ratione succincti», и признано чѣмъ то въ родѣ законнаго кодекса. Въ Breviarium Alaricianum, сдѣланной Вестготфами компиляціи римскаго права, sententiae receptae Павла являются главнѣйшимъ и почти единственнымъ источникомъ права дохристіанскаго времени. Кромѣ только что упомянутаго сборника приводится еще значительное число твореній Павла. Главнѣйшія изъ нихъ суть: 1) Regularum libri VII Начало этого сочиненія сохранилось въ учебникѣ Досиоея, почему и цитируется обыкновенно какъ «Fragmentum Dositheanum» 2) Institutionum libri II 3) Ad Sabinum libri XVII 4) Ad Edictum libri LXXX.

d) Гереннiй Модестинъ (Herennius Modestinus) ученикъ Ульпіана, бывшій въ 244 г. praefectus vigilum въ Римѣ, послѣдній и наименѣе замѣчательный изъ корифеевъ. Изъ его сочиненій упомянемъ: 1) Differentiarum libri IX 2) Regularum libri X. 3) Pandectarum libri XII 4) Responsorum libri X и 5) Excusationum libri VI (по гречески). Послѣ Модестина начинается паденіе юридической науки. Изъ жившихъ одновременно съ нимъ и непосредственно послѣ него юристовъ упомянемъ Тертульяна (по всей вѣроятности одно и то же лицо съ отцомъ церкви) и изъ переходнаго къ христіанскому времени Гермогеніана (по всей вѣроятности творца т. н. Codex Hermogenianus) и Харизія.

VI Jus respondendi ex auctoritate principis.

При Августѣ нѣкоторые изъ юрисконсультовъ пріобрѣтаютъ важное право, на предложенные имъ вопросы давать отвѣты отъ имени и по порученію императора. Чрезъ это юридической наукѣ и ея представителямъ сообщается съ формальной точки зрѣнія еще большій авторитетъ. Съ этихъ поръ установился обычай испрашивать у императоровъ jus publice respondendi, и только мнѣнія облеченныхъ такимъ правомъ со стороны императора юристовъ могли быть приводимы въ

судахъ для доказательства правильности какого нибудь правоваго воззрѣнія. Если приведенныя такимъ образомъ цитаты изъ сочиненій и responsa юристовъ, имѣвшихъ jus publice respondendi (juris conditores, jurisconsulti, quibus permissum est jura condere), представляли однообразное рѣшеніе даннаго вопроса, то судья обязанъ былъ придерживаться этого рѣшенія *какъ закона:* только въ случаѣ противорѣчій въ приведенныхъ мнѣніяхъ судьямъ дозволялось поступать по своему усмотрѣнію. Подобное отношеніе суда къ мнѣніямъ юристовъ окончательно опредѣлено было рескриптомъ императора Адріана [217]).

Мнѣнія юристовъ, не получившихъ jus publice respondendi, ни въ какомъ случаѣ не были *формально обязательны* для судей. Въ слѣдствіе этого юристы, не имѣвшіе упомянутаго права, отступаютъ все болѣе и болѣе на задній планъ. Впрочемъ и между ними появляются великіе учители права, какъ напр. Гай.

§ 43. ***Дошедшіе до насъ непосредственно въ томъ видѣ, въ какомъ они были опубликованы, законы,*** senatusconsulta ***и*** constitutiones principum.

A. Leges.

a) Lex de imperio Vespasiani (823 г. u. c.). Отъ этого закона до насъ дошло окончаніе, начертанное на мѣдной плитѣ, найденной въ Римѣ въ 1340 году. Что этотъ законъ, относится къ категоріи leges а не senatusconsulta видно изъ sanctio онаго, гдѣ различаются plebiscita и senatusconsulta, а между тѣмъ самъ законъ постоянно называется «haec lex». Текстъ этого закона напечатанъ у Брунса (Fontes juris Romani antiqui p. 92 seq.).

b) Lex (Flavia) Salpensana et Malacitana (т. н. Aes Salpensanum et Malacitanum). Въ 1851 году въ испанскомъ городѣ Малагѣ открыты было двѣ мѣдныя плиты съ начертанными на нихъ памятниками права, именующими сами себя «leges».

---

[217]) Gai I. 7. Responsa prudentium sunt sententiae et opiniones eorum, quibus permissum est jura condere; quorum omnium si in unum sententiae concurrant, id quod ita sentiunt, legis vicem obtinet; si vero dissentiunt, judici licet quam velit sententiam sequi: idque rescriptio divi Hadriani significatur.

Эти leges суть не что иное какъ изданныя при императорѣ Домиціанѣ (между 82 и 84 годамъ по Р. Х.) положенія объ устройствѣ городовъ Salpensa и Malaca въ провинціи «Baetica». Первое *критическое* изданіе этихъ законовъ принадлежитъ Момзену. Относительно подлинности этого памятника долго существовалъ въ наукѣ споръ. Противъ подлинности высказались: Laboulaye (въ Revue historique de droit français et étranger. Cah. 6. 1855) и Asher, Notice sur l'époque et la méthode de la fabrication des tables de Malaga. Paris 1866. За подлинность можно привести мнѣнія Момзена, Жиро (Giraud. Les tables de Salpensa et Malaga. Paris1856) и Арндца (Zeitschrift fuer Rechtsg. VI. S. 393 ff:)

B. Senatus consulta.

Изъ сенатусконсультовъ разсматриваемаго времени только два дошло до насъ въ томъ видѣ, въ которомъ они были опубликованы, а именно: a) Sconsultum Hosidianum (48 г. по Р. Х.). и b) Sconsultum Volusianum (56 г. по Р. Х.). Оба сенатскія постановленія относятся къ одному и тому же предмету (de aedificiis negotiationis causa non diruendis), а.равнымъ образомъ оба найдены на одной и той же мѣдной плитѣ въ развалинахъ Геркуланума. О правилахъ, установленныхъ этими сенатусконсультами, упоминается въ пандектахъ какъ о дѣйствующемъ правѣ (frag 52. Dig. de contrah. empt. XVIII. 1).

C. Constitutiones principum.

Изъ Constitutiones до христіанскихъ императоровъ до насъ дошло непосредственно въ видѣ надписей нѣсколько рескриптовъ Веспасіана, одинъ рескриптъ императоровъ Валеріана и Галіена и эдиктъ Діоклетіана de pretiis rerum 303 г. по Р. Х.

§ 44. *Дошедшія до насъ сочиненія юристовъ разсматриваемаго періода.*

1) Gai Institutionum commentarii libri IV, извѣстные до начала настоящаго столѣтія въ сокращенномъ видѣ (Cajus epitomatus), т. е. такъ какъ они сохранились въ Breviarium Alaricianum. Подлинный текстъ открытъ Нибуромъ въ 1816 году въ библіотекѣ веронскаго Капитула. Въ большей части рукописи, на которой начертано было это твореніе Гая (палимпсестовый Codex n. 13), первоначальный текстъ былъ смытъ и соскобленъ и вмѣсто онаго написаны посланія Св. Іеронима.

Но это уничтоженіе первоначальнаго текста къ счастію сдѣлано было не совсѣмъ удачно, такъ что можно разобрать то что было сперва написано. Кромѣ того одинъ листъ, содержащій § 134 . . . 144 четвертой книги Гая, неподвергся вышеозначенной операціи. Для разбора находки посланы были берлинскою академіею наукъ ученые Гёшенъ и Беккеръ, къ которымъ присоединился и Бетманъ Гольвегъ. Стараніями этихъ ученыхъ рукопись была разобрана и въ 1820 году издана въ совѣтъ. О значеніи институцій Гая упомянуто быбо выше при разборѣ дѣятельности этого юриста.

2) Отрывки изъ сочиненія Ульпіяна «liber singularis regularum» (Tituli ex corpore Ulpiani, Ulpiani Fragmenta) изданы впервые въ 1549 году въ Парижѣ ученымъ Иваномъ du Tillet по т. н. ватиканской рукописи (Codex Vaticanus), написанной въ 10 столѣтіи по Р. Х, но, не смотря на это, содержащей твореніе Ульпіяна безспорно въ первоначальномъ видѣ безъ всякихъ измѣненій. Въ рукописи не достаетъ начала и конца.

3) Julii Pauli Sententiarum receptarum ad filium libri V дошли до насъ въ видѣ составной части т. н. lex Romana Visigothorum. Текстъ намъ извѣстный значительно искаженъ. Это твореніе впервые издано въ 1525 году Бушаромъ въ Парижѣ.

4) Кромѣ только что указанныхъ дошли до насъ слѣдующіе незначительные фрагменты a) изъ институцій Ульпіяна b) изъ Pauli regularum libri VII и c) такъ называемый fragmentum de jure fisci (Dantz. Lehrbuch I. § 67. Anhang).

ПЕРІОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ОТЪ КОНСТАНТИНА ВЕЛИКАГО ДО СМЕРТИ ЮСТИНІАНА.

(отъ 1078 — 1318 г. п. с. или отъ 325 — 565 г. по Р. Х.).

Ortolan. 371 — 479. Walter. §§ 359 — 454. Danz. §§ 71 — 86. Puchta §§ 118 — 149. Kuntze. § 942 — 983.

§ 45. *Исторія государственнаго устройства и управленія въ разсматриваемый періодъ.*

I. Государственная власть. Центральное управленіе и устройство провинціальнаго управленія.

Государственное устройство со временъ Константина принимаетъ весьма простую и несложную форму: императоръ начинаетъ прямо признаваться единственнымъ и неограниченнымъ государемъ, въ рукахъ котораго сосредоточиваются всѣ власти. Съ принятіемъ христіанства устанавливается ученіе о божественномъ происхожденіи верховной императорской власти, что и выражается въ начинающемъ входить въ употребленіе торжественномъ вѣнчаніи на царство. Воля императора поставляется выше законовъ, ибо самъ императоръ признается живымъ закономъ (viva lex) [216]). При этомъ права народа и сената отступаютъ на заднiй планъ. Правда, сенатъ города Рима и учрежденный на подобіе онаго сенатъ новой столицы Константинополя пользуются еще нѣкоторыми преимуществами, но преимущества эти относятся исключительно къ внѣшнему оказываемому членамъ сената почету. Избираются такъ же сенатомъ консулы, должность которыхъ считается даже выше должности т. н. praefecti praetorio, и по которымъ по прежнему называется годъ, но эти консулы положительно утрачиваютъ всякое значеніе и всякую власть. Послѣ 541 г. по Р. Х., когда консуломъ былъ нѣкій Василій, избраніе консуловъ прекратилось, а лѣтосчисленіе производилось слѣдующимъ образомъ: такой то годъ «post consulatum Basilii» т. е. послѣ того какъ Василій былъ консуломъ.

Въ разсматриваемое время гражданское управленіе вполнѣ отдѣляется отъ военнаго, и устанавливается цѣлая система чиновной іерархіи съ строгимъ проведеніемъ начала субординаціи и различія ранговъ. Должности получаютъ наименованіе «dignitates» и распадаются на: A. Dignitates palatinae (т. е. придворныя должности). Сюда относятся:

1) Praepositus sacri cubiculi (родъ оберъ каммергера), отправляющій службу непосредственно при особѣ императора. Подъ его начальствомъ находятся другіе кубикуляріи, кромѣ того primicerius sacri cubiculi, comes sacrae vestis и т. д.

2) Оба Comites domesticorum (equitum et peditum), т. е. начальники тѣлохранителей.

---

[216]) Nov. 105. c. 2. § 3. Ab omnibus vero, quae a nobis dicta sunt, imperator eximatur, cui ipsas etiam leges deus subjecit, et quem, tamquam vivam legem (νόμον ἔμψυχον) hominibus misit.

3) Члены императорскаго совѣта т. н. consistorium principis, мало по малу образовавшагося изъ древняго consilium principis. Въ этомъ императорскомъ совѣтѣ различаются:

a) постоянные ординарные члены:

α) quaestor sacri palatii, составлявшій доклады по всѣмъ дѣламъ, относящимся къ законодательству и юстиціи.

β) magister officiorum (нѣчто въ родѣ Гофмаршала), завѣдывавшій всѣмъ придворнымъ управленіемъ. Со временъ Аркадія ему подчинены были такъ же почтовыя учрежденія.

γ) comes sacrarum largitionum, глава финансоваго управленія.

δ) comes rerum privatarum, завѣдывавшій частнымъ имуществомъ императора.

ε) Comites consistoriani. Дѣйствительные члены совѣта, избираемые изъ различныхъ чиновъ.

b) Экстраординарные члены совѣта т. н. vacantes, приглашавшіеся только въ извѣстныхъ случаяхъ въ засѣданія совѣта.

Къ придворному штату принадлежала такъ же государственная канцелярія, состоявшая изъ т. н tribuni et notarii и находившаяся въ завѣдываніи т. н. primicerius notariorum, который равнымъ образомъ велъ списки гражданскимъ и военнымъ чинамъ и вѣдомости о составѣ войскъ. Кромѣ того существовало еще 4 бюро (scrinia) для дѣлопроизводства по другимъ отраслямъ управленія, которыми завѣдывали magistri scriniorum.

B. Dignitates civiles.

1) Praefecti Praetorio. Въ предъидущемъ періодѣ, какъ мы видѣли выше, praefecti praetorio были первыми послѣ императора лицами Они завѣдывали какъ гражданскимъ такъ и военнымъ управленіемъ. При Константинѣ проявляется стремленіе ограничить власть этихъ сановниковъ. Изъ вѣдомства преторіанскаго префекта изъемлются всѣ дѣла военнаго управленія, и кромѣ того учреждаются вмѣсто одного 4 praefecti praetorio, изъ которыхъ каждый поставляется во главѣ одной изъ 4 префектуръ, на которыя Константинъ раздѣлилъ всю имперію (Zosim. II. 33). Эти префектуры были слѣдующія:

1) Praefectura Orientis 2) Praefectura Illyrici 3) Praefectura Italiae 4) Praefectura Galliae.

2) Vicarii (sc. praefecti), т. е. представители префектовъ, завѣдывавшіе подраздѣленіями префектуръ діоцезіями (dioeceses)[219]. Тѣ діоцезіи, въ которыхъ имѣлъ свое мѣстопребываніе императоръ, подчинялись непосредственно самому praefectus praetorio

3) Praesides provinciarum, находившіеся во главѣ провинцій, на которыя распадались діоцезіи, и подчиненные викаріямъ. Они представляли собою первою судебную инстанцію для всѣхъ дѣлъ провинціаловъ: аппеляція на ихъ рѣшенія подавалась викаріямъ. Рядомъ съ ними упоминаются агенты финансоваго управленія съ юридикціей по дѣламъ фиска (т. н. rationales sacrarum lagitionum и rerum privatarum).

C. Dignitates militares.

Военное управленіе отдѣлено было Константиномъ отъ гражданскаго, и во главѣ онаго поставлены два magistri militum (equitum et peditum). Съ теченіемъ времени вся имперія была раздѣлена на нѣсколько военныхъ округовъ, а число magistri militum умножено. Съ Θеодосія Великаго такихъ magistri militum было на Востокѣ пять (двое изъ нихъ находились при императорскомъ дворѣ [in praesenti s. in comitatu]; а остальные трое завѣдывали восточными провинціями [oriens], Θракіей и Иллиріей), а на западѣ три (двое in praesenti и одинъ per Gallias). Эти magistri имѣли главное начальство надъ военнымъ населеніемъ подчиненныхъ имъ округовъ и были высшими военными судьями. Военные округа дѣлились на участки, совпадавшіе въ большинствѣ случаевъ съ провинціями, во главѣ этихъ участковъ находились duces и comites, имѣвшіе jurisdictio относительно подчиненныхъ имъ воиновъ. На рѣшенія duces аппеляція подавалась самому императору, и только въ позднѣйшее время въ Восточной части имперіи образована была аппеляціонная коммиссія изъ кве-

---

[219]) Такихъ діоцезій въ praefectura Orientis было пять (Oriens, Aegyptus, Asia, Pontus et Thracia), въ praefectura Illyrici двѣ (Macedonia et Dacia) въ Praefectura Italiae три (Italia, Illyricum et Africa) и въ praefectura Galliae три (Gallia, Hispania et Britannia).

стора sacri palatii и магистра officiorum Чтобъ понять существо этого военнаго управленія необходимо указать на характеръ организаціи войска. Вся армія, состоявшая изъ сыновей и потомковъ ветерановъ, обязанныхъ съ извѣстнаго возраста военною службою, изъ рекрутъ, поставляемыхъ сенаторами, высшими чинами и вообще поземельными собственниками, изъ варваровъ, добровольно или въ слѣдствіе одержанной надъ ними побѣды поступившихъ въ римскую военную службу, и наконецъ изъ волонтеровъ, распредѣлялась по разнымъ провинціямъ имперіи [220]). Здѣсь воины составляли такъ сказать особое народонаселеніе, судившееся по особымъ законамъ (jus militum [221]) и подчиненное во всѣхъ отношеніяхъ своимъ властямъ — вышеупомянутымъ magistri militum, duces и comites. Однимъ словомъ во всемъ законодательствѣ, относящемся къ арміи, проявляется стремленіе создать изъ воиновъ совершенно отличное отъ остальнаго народонаселенія самостоятельное сословіе, долженствовавшее служить главною опорою имперской власти.

Каждая изъ вышеупомянутыхъ должностей, какъ военныхъ такъ и гражданскихъ, принадлежала къ извѣстному классу чиновной іерархіи, въ слѣдствіе чего занимающія оную лица состояли въ извѣстномъ рангѣ. Въ этомъ отношеніи различаются: a) Illustres. Въ этомъ рангѣ состояли: Praefecti praetorio, magistri militum, praepositus sacri cubiculi, quaestor sacri palatii, magister officiorum, comes largitionum, comes rerum privatarum, comes domesticorum и изъ городскихъ должностныхъ лицъ praefectus urbi (смотри ниже). b) Spectabiles. Къ этому рангу относились: Magistri scriniorum, primicerius notariorum, proconsules, comes Orientis, praefectus Augustalis, vicarii, comites rei militaris и duces. c) Clarissimi Сюда принадлежатъ: Rectores provinciarum и senatores. Разъ заслуженный рангъ сохранялся и по сложеніи должности.

Всѣ должностныя лица имѣли свой officium и своихъ officiales т. е. извѣстный составъ агентовъ-исполнителей. Пре-

---

[220]) Положеніе военнаго народонаселенія въ Галліи мастерски описано Фюстель де Куланжемъ (Histoire des Institutions politiques de l'ancienne France Tome I. Paris 1875. p. 361 S.).

[221]) Kuntze Cursus § 927 — 941. Excurse. S. 585 ff и 613 ff.

жде всего подобныя officia возникли въ военномъ управленіи, откуда были заимствованы и для гражданскаго управленія. Officiales военныхъ властей состояли изъ прикомандированныхъ къ officium военноначальника солдатъ и назывались въ слѣдствіе присущаго имъ военнаго характера «milites, στρατιῶται, cohors, cohortales, τάξις и т. д. Всѣ officia дѣлились на нѣсколько департаментовъ для дѣлопроизводства по различнымъ отраслямъ управленія, находившимся въ завѣдываніи даннаго должностнаго лица. При officium состояли такъ называемыя scholae отчасти для чисто механическаго писанія и для счетной части (Exceptorum s. Chartulariorum schola), отчасти для такихъ служебныхъ функцій, для которыхъ не требовалось никакихъ знаній напр. для исполненія рѣшеній (schola singulariorum). При частыхъ перемѣнахъ въ составѣ дожностныхъ лицъ традиція дѣлопроизводства покоилась въ этихъ officia, такъ что въ случаѣ ошибки со стороны какого нибудь должностнаго лица, его officium подлежалъ вмѣстѣ съ нимъ извѣстному взысканію. Для опредѣленія на службу въ извѣстный officium требовалось утвержденіе со стороны императора, въ слѣдствіе котораго новопоступающій и его потомство вступали въ неразрывную свясь съ даннымъ officium и обязаны были на вѣчныя времена службою въ ономъ: происходило въ извѣстной степени прикрѣпленіе извѣстнаго officialis къ officium.

II. Финансовое управленіе.

Въ настоящемъ періодѣ aerarium окончательно сливается съ фискомъ. Симъ послѣднимъ наименованіемъ называется все *государственное* имущество, находящееся подъ управленіемъ т. н. comes sacrarum largitionum въ отличіе отъ patrimonium principis т. е. имущества, принадлежащаго императору въ качествѣ частнаго лица. Patrimonium principis находилось въ завѣдываніи т. н. Comes rerum privatarum.

Доходы состояли изъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ. Между прямыми налогами различается поземельная подать и подать поголовная. Поземельную подать (capitatio s. jugatio terrena) платилъ отчасти деньгами отчасти натурой каждый землевладѣлецъ по количеству capita своего имущества. А именно посредствомъ ценза опредѣлялась стоимость поземельнаго участка, каждая тысяча solidi стоимости считалась единицей обложеніе (caput или jugum), съ которой взималось

извѣстное каждый годъ опредѣляемое императоромъ число solidi. Поголовная подать (capitatio humana s. plebeia) платилась всѣми, не платившими поземельныхъ налоговъ; т е. ремесленниками, поденщиками, колонами и рабами.

III. Дѣленіе народонаселенія.

Подданные императора дѣлились по прежнему на свободорожденныхъ, вольноотпущенниковъ и не свободныхъ Свободорожденные большею частію были cives romani, вольноотпущенники же распадались, какъ и въ предъидущемъ періодѣ, на cives romani и latini. Только Юстиніанъ уничтожилъ сіе послѣднее различіе, узаконивъ, что manumissio или сообщала отпускаемому на волю права civis romani или же считалась недѣйствительной, если имѣла мѣсто безъ соблюденія предписанныхъ формъ и условій. Съ этихъ поръ во всемъ римскомъ государствѣ различаются только граждане и рабы.

Между тѣмъ мало по малу образовался новый совершенно своеобразный классъ народонаселенія т. н. coloni, поселенные на земляхъ крупныхъ поземельныхъ собственниковъ. Отношеніе ихъ землѣ, на которой они жили сходно было съ отношеніемъ арендатора къ арендуемому имъ участку, разница же между колономъ и арендаторомъ состояла въ томъ, что колонъ неразрывно на вѣки связанъ былъ съ своимъ участкомъ. Равнымъ образомъ плата, которую колонъ ежегодно платилъ собственнику земли не могла быть произвольно возвышаема симъ послѣднимъ, не имѣвшимъ также права согнать колона съ занимаемой имъ земли. Колоны находились въ извѣстной зависимости отъ поземельнаго собственника, хотя юридически они считались свободными. Колоны относительно платежа податей причислялись къ разряду лицъ, платившихъ поголовную подать, но эта подать не взималась съ нихъ непосредственно государствомъ: она уплачивалась поземельнымъ собственникомъ, которому предоставлялось взыскивать ее потомъ съ отдѣльныхъ колоновъ. Какъ возникъ колонатъ, трудно опредѣлить [221]). Во всякомъ случаѣ въ этомъ учре-

221) Различныя высказанныя въ наукѣ мнѣнія о возникновеніи колоната сведены и указаны у Данца (Lehrbuch. I. § 75. S. 115).

жденія проявляется стремленіе законодательства оградить въ интересахъ земледѣлія и взиманія податей низшее сельское населеніе отъ произвола крупныхъ поземельныхъ собственниковъ. Такъ же плѣненные варвары часто обращались въ положеніе колоновъ и распредѣлялись императоромъ между поземельными собственниками [222]).

Рядомъ съ колонами существовало и такое низшее сельское населеніе, которое владѣло землей на правѣ собственности. Но оно такъ было обременено налогами, что часто покидало свои дворы и селилось въ качествѣ колоновъ на земляхъ богатыхъ землевладѣльцевъ.

Что касается сословныхъ образованій въ родѣ древнихъ ordines, то слѣдуетъ не упускать изъ виду, что время развитія такихъ образованій изъ нѣдръ народной жизни давно прошло. Сословія, какъ напр. военное, образовывались въ разсматриваемое время съ выше, по волѣ правительства, для какой нибудь извѣстной опредѣленной цѣли.

IV. Городское устройство.

Устройство городовъ отличается съ одной стороны однообразіемъ въ томъ отношеніи, что во всѣхъ городахъ мы встрѣчаемся съ ordo decurionum, между тѣмъ какъ съ другой существуетъ различіе между городами, имѣющими своихъ магистратовъ, и городами, непосредственно подчиненными правителямъ провинцій. Къ первой категоріи принадлежатъ всѣ италіянскіе города и тѣ изъ провинціальныхъ, которые относились прежде къ разряду civitates liberae et foederatae, civitates liberae et immunes, муниципій и колоній. Города второй категоріи, т. е. не имѣвшіе своихъ магистратовъ, въ особенности сильно терпѣли отъ притѣсненій со стороны провинціальныхъ правителей. Для прекращенія этихъ злоупотребленій провинціальныхъ властей, императоръ Валентиніанъ учредилъ въ 364 году должность т. н. defensores civitatis s. plebis s. loci, на которыхъ была возложена обязанность защищать городское народонаселеніе противъ правителей провинцій и сборщиковъ податей и въ случаѣ

222) Исторія колоната изложена по Вальтеру § 422.

надобности доносить императору. Эти defensores избирались всѣмъ городомъ сперва на 5, а потомъ (со временъ Юстиніана) на 2 года, имѣли jurisdictio въ гражданскихъ искахъ на сумму не свыше сперва 50 а потомъ 300 солидовъ, пользовались правомъ назначенія опекуновъ и составленія «acta» и производили слѣдствія по уголовнымъ преступленіямъ. Такимъ образомъ въ тѣхъ провинціальныхъ городахъ, гдѣ не было муниципальныхъ магистратовъ, они заступали ихъ мѣсто и представляли собою первую судебную инстанцію: на рѣшенія ихъ въ судебныхъ дѣлахъ подавалась аппеляція провинціальному правителю. Кромѣ того, Юстиніанъ предоставилъ христіанскимъ епископамъ благодѣтельное вліяніе на ходъ городскихъ дѣлъ.

Совершенно своеобразное устройство получили столичные города Римъ и Константинополь. Въ Римѣ, во главѣ всего гражданскаго управленія стоялъ съ непосредственнымъ подчиненіемъ императору praefectus urbi, являющійся теперь ординарнымъ судьею первой инстанціи по всемъ уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ и для всѣхъ жителей города; кромѣ того ему подаются аппеляціи на рѣшенія judices minores, отправляющихъ правосудіе въ его судебномъ округѣ, состоявшемъ кромѣ города Рима изъ четырехъ пограничныхъ провинцій (regiones suburbicariae, лежавшія intra centesimum miliarium). Рядомъ съ такимъ образомъ опредѣлившеюся властію Praefectus urbi не могла, само собою разумѣется, существовать съ прежнимъ значеніемъ власть преторовъ, и въ дѣйствительности jurisdictio преторовъ начиняетъ походить на jurisdictio муниципальныхъ магистратовъ. Praefectus urbi имѣлъ не только судебную власть, онъ былъ также верховнымъ представителемъ власти полицейской, а потому ему подчинены были всѣ городскіе чины, корпораціи и учрежденія. Во главѣ городскаго финансоваго управленія стоялъ съ юрисдикціей по дѣламъ фиска Rationalis urbis. Въ Константинополѣ Константинъ учредилъ двухъ преторовъ, затѣмъ учреждено было 3 и наконецъ 8 преторовъ. Эти магистраты имѣли извѣстную jurisdictio, которая въ значительной степени была ограничена учрежденіемъ въ Константинополѣ должности городскаго префекта, соединившаго въ своемъ лицѣ высшую судебную и полицейскую власть.

§§ 46. *Христіанская церковь въ Римской имперіи.*

Христіанство, прежде гонимое, становится въ разсматриваемое время государственной религіей. Это событіе имѣло громадное вліяніе на государственное устройство и управленіе а равнымъ образомъ и на право. Сакральное право древняго Рима падаетъ а вмѣстѣ съ нимъ и та часть публичнаго и частнаго права, которая была съ нимъ связана. Flamines, pontifices, virgines vestales замѣняются придворѣ священниками и епископами. Полною правоспособностью пользуются только лица, исповѣдующія христіанскую религію, правоспособность же язычниковъ ограничивается во многихъ отношеніяхъ. Къ язычникамъ приравниваются послѣдователи еретическихъ ученій.

Вліяніе христіанства проявляется не только на институтахъ публичнаго права: христіанство и въ право частное вноситъ новый двухъ и новыя тенденціи.

§§ 47. *Раздѣленіе имперіи на западную и восточную. Паденіе западной римской имперіи.*

Съ извѣстнаго время мы встрѣчаемся съ нѣсколькими императорами, одновременно правящими различными провинціями имперіи, что сперва имѣло видъ временнаго учрежденія, имѣвшаго цѣлью облегченіе бремени правленія. Начиная съ Θеодосія, раздѣлившаго свои владѣнія между своими двумя сыновьями, управленіе имперіей двумя императорами становится правиломъ, и начинаетъ различаться Восточная часть имперіи отъ западной; но тѣмъ не менѣе имперія продолжаетъ считаться нераздѣльною, единымъ государствомъ съ двумя легальными представителями [225]). Съ 476 г. имперія снова имѣетъ только одного представителя т. е. восточнаго римскаго цезаря. А именно, въ этомъ году Одоакръ, предводитель германскаго племени Геруловъ, низложилъ послѣдняго западнаго римскаго императора Ромула Августула и провозгласилъ себя королемъ Италіи. Въ слѣдствіе этого событія императорская власть не была упразднена на западѣ:

---

[223]) Весьма мѣтко замѣчаетъ Фюстель де Куланжъ (l c. p. 374): Ces deux hommes (т. е. императоръ западной и императоръ восточной части имперіи) n'etaient qu' un seul souverain en deux personnes.

Одоакръ былъ далекъ отъ мысли открыто объявить себя независимымъ отъ цезарей властителемъ, онъ желалъ только, чтобъ вблизи отъ него, въ Италіи, не было представителей этой власти. И вотъ въ 476 году, по всей вѣроятности подъ давленіемъ состороны Одоакра, римскій сенатъ посылаетъ посольство въ Византію къ императору Зенону, чтобъ объявить ему, что имперія нуждается только въ одной главѣ, и что онъ признается императоромъ Востока и Запада [224]). Такимъ образомъ въ 476 году de jure власть императорская не была уничтожена на западѣ: произошло только возсоединеніе обѣихъ половинъ имперіи. Это видно изъ того, что Одоакръ отослалъ къ Зенону «insignia imperii», формально призналъ его верховенство, испрашивая у него званіе патриція и право управлять италіянскими населеніями. Верховенство византійскихъ цезарей de jure номинально признавалось всѣми властителями запада до начала 9 столѣтія по Р. Х., когда мы снова встрѣчаемся съ западнымъ римскимъ цезаремъ—Карломъ Великимъ [225]).

§§ 48. *Характеръ и источники права разсматриваемаго періода.*

А. Источники права до Юстиніана.

Въ началѣ IV столѣтія положеніе источниковъ права было слѣдующее. Въ теоріи источниками права считались всѣ древнія leges и quae legis vicem obtinent, эдикты магистратовъ, responsa юрисконсультовъ, получившихъ отъ императоровъ jus publice respondendi, и constititutiones principum. Въ дѣйствительности же, на практикѣ, несправлялись непосредственно съ болѣе древними изъ этихъ источниковъ, а обращались къ комментаріямъ юристовъ, въ которыхъ сведены и истолкованы были всѣ положенія древнихъ источниковъ, имѣвшія практическое значеніе. Но пользованіе твореніями юристовъ сопряжено было съ немалыми затрудненіями. По установленному въ упомянутой нами выше constitutio

---

[224]) Смотри приведенное у Фюстель де Куланжа (l. c. стр. 375. прим. 2) мѣсто изъ Мальха (Fragment. 10): ὅτι ἰδίας αὐτοῖς βασιλείας οὐ δέοι, κοινὸς δὲ ἀποχρήσει μόνος αὐτοκράτωρ ἐπ' ἀμφοτέραις πέρασι.

[225]) Смотри статью Фюстель де Куланже о Карлѣ В. въ Revue des deux Mondes (1 Janvier 1876).

Адріана порядку, при однообразномъ рѣшеніи извѣстнаго вопроса всѣми авторитетами, судья былъ связанъ ихъ мнѣніемъ, которое считалось непреложнымъ правовымъ правиломъ (jus receptum), но, при отсутствіи подобнаго однообразнаго рѣшенія, полная свобода предоставлялась судьямъ: они могли выбрать то мнѣніе, которое признавали наиболѣе правильнымъ. Но подобный выборъ былъ крайно затруднителенъ для судей разсматриваемаго періода при всеобщемъ упадкѣ юридической науки. Вслѣдствіе этого въ законодательствѣ проявляется стремленіе искусственными средствами облегчить судьямъ рѣшеніе спорныхъ вопросовъ права. Уже въ 321 г. Константинъ В. издаетъ законъ, которымъ воспрещается руководствоваться. примѣчаніями къ сочиненіямъ Папиніана (Notae). составленными Ульпіаномъ и Павломъ [226]), но окончательное опредѣленіе способа пользованія твореніями юристовъ воспослѣдовало въ изданномъ въ 426 г. императорами Θеодосіемъ II и Валентиніаномъ III законѣ (т. н. «Citirgesetz»). Въ этомъ законѣ признаны были безусловно авторитетными всѣ сочиненія Папиніана, Павла, Ульпіяна, Модестина и Гая (за исключеніемъ вышеозначенныхъ notae Павла и Ульпіяна къ сочиненіямъ Папиніяна), мнѣніями же другихъ древнихъ авторовъ дозволено было руководствоваться только въ томъ случаѣ, если на ихъ сочиненія находятся ссылки въ твореніяхъ одного изъ упомянутыхъ 5 корифеевъ. Далѣе, постановлено было, что, въ случаѣ разногласія въ мнѣніяхъ авторитетовъ, судья долженъ придерживаться мнѣнія большинства, въ случаѣ раздѣленія мнѣній по равну, рѣшающее значеніе имѣетъ мнѣніе Папиніана, если же относительнаго даннаго вопроса не существуетъ мнѣнія Папиніяна, то тогда (и только тогда) судьямъ предоставляется право руководствоваться своими воззрѣніями [227]).

---

[226]) Мнѣнія, высказанныя въ этихъ „notae“, часто противорѣчили съ мнѣніямъ Папиніана. Законъ 321, называемый нѣмцами „Cassirgesetz“, изданъ былъ для того, чтобъ эти разногласія не сбивали судей при отправленіи правосудія.

[227]) Таковъ, по мнѣнію Пухты (Rhein. Museum. Bd. V. S. 141 f. VI. S 87 ff), котораго придерживаются въ общихъ чертахъ Вальтеръ (§ 443) и.

Рядомъ съ этими древними источниками права дѣйствуютъ constitutiones principum. Вновь создается право только посредствомъ сихъ послѣднихъ; такъ какъ въ разсматриваемое время законодательная функція окончательно сосредоточивается въ рукахъ императора, а всѣ прежніе органы созданія права прекращаютъ свою дѣятельность. Изъ constitutiones значеніе leges generales остается только за edicta, относительно же rescripta и decreta устанавливается въ 398 г, правило (l. 11. Cod. Theod. 1, 2), по которому они только въ томъ случаѣ признаются leges generales, когда они формально признаны таковыми состороны издавшихъ ихъ императоровъ. При постоянно умножающемся числѣ constitutiones principum. пользованіе ими сдѣлалось крайне затруднительнымъ. Въ слѣдствіе этого начинаютъ составляться сборники подобныхъ императорскихъ повелѣній.

Первые изъ этихъ сборниковъ составлены были частными лицами. Сюда относятся: а) собраніе constitutiones Марка Аврелія и Луція Вера, составленное юристомъ Папиріемъ Юстомъ. 16 фрагментовъ изъ этого собранія помѣщены въ Дигестахъ. е) Codex Gregorianus, составленный юристомъ Грегоріяномъ не раньше 295 г. до Р. Х., содержитъ въ себѣ императорскія повелѣнія отъ Септимія Севера до Діоклетіана и Максиміана т. е 196—295 г. по Р. Х. [228]) с) Codex Hermogenianus, составленный юристомъ Гермогеніаномъ, заключаетъ въ себѣ constitutiones principum отъ Діоклетіана до Валента и Валентиніана I (т. е. отъ 290—365 г. по Р. Х.) [229]).

Данцъ (Lehrbuch I § 78), смыслъ закона Θеодосія II и Валентиніана III. Господствующее же въ наукѣ мнѣніе, установленное Савиньи (Roem. R. im Mittelalter I. Kap. 1. S. 8 ff [ausgabe von 1815]), учитъ, что дозволено было ссылаться только на мнѣнія пяти корифеевъ и на тѣ мнѣнія другихъ юристовъ, которыя включены были какъ составныя части въ сочиненія корифеевъ. Ученые, придерживающіеся этого мнѣнія, приведены у Данца (l. c.): только Вальтеръ ошибочно отнесенъ Данцомъ къ послѣдователямъ Савиньи въ этомъ отношеніи. Мы придерживаемся воззрѣнія Пухты на томъ основаніи, что оно наиболѣе соотвѣтствуетъ, по нашему мнѣнію, тексту самаго закона. Изъ французскихъ ученыхъ подробно разбираетъ нашъ законъ Ortolan (§ 500—501). Онъ высказываетъ мнѣніе, схожее съ мнѣніемъ Савиньи.

[228]) Лучшее изданіе Codex Gregorianus сдѣлано Haenel'емъ въ боннскомъ Corp. jur. Antejust. pag 1*—56*: Codicis Gregoriani fragmenta. 1837.

[229]) Лучшимъ изданіемъ и этого памятника мы обязаны Haenel'ю (Боннскій Corp. jur. Antej.pag. 60*—80*.

Эти сборники дошли до нас въ фрагментарномъ видѣ, такъ что ихъ объемъ и время изданія не могутъ быть точно опредѣлены.

Въ первой половинѣ V столѣтія по Р. Х. мы встрѣчаемся и съ офиціальнымъ сборникомъ constitutiones. А именно въ 429 году восточный римскій императоръ Ѳеодосій II поручилъ коммиссіи, состоявшей изъ восьми придворныхъ должностныхъ лицъ и одного ученаго юриста, собрать всѣ изданныя со временъ Константина В. императорскія constitutiones, имѣющія значеніе leges generales, привести ихъ въ порядокъ по содержанію, подѣлить на нѣсколько отдѣльныхъ постановленій тѣ изъ constitutiones, въ которыхъ смѣшаны рѣшенія различныхъ вопросовъ права, и наконецъ, строго придерживаясь хронологическаго порядка, отличить новѣйшіе дѣйствующіе указы отъ древнихъ и измѣненныхъ или отмѣненныхъ. Подобное же порученіе дано было въ 435 г. новой по тому же поводу составленной коммиссіи изъ шестнадцати членовъ. Составленный этою коммиссіею въ 438 году кодексъ обнародованъ былъ какъ офиціальное собраніе законовъ. Въ томъ же самомъ году произошло принятіе и обнародованіе этого кодекса на западѣ императоромъ Валентиніаномъ III [230]. Учреждая коммиссію 429 года для составленія свода императорскихъ повелѣній, Ѳеодосій II обѣщалъ въ тоже самое время составленіе въ ближайшемъ будущемъ такого собранія, въ которомъ должны были быть сведены какъ constitutiones principum такъ и сочиненія юристовъ, но это предпріятіе не приведено было имъ въ исполненіе: по крайней мѣрѣ до насъ не дошло объ этомъ никакихъ свѣдѣній

Впрочемъ, по изданіи кодекса Ѳеодосія законодательная дѣятельность императоровъ не прекратилась: еще при жизни императоровъ, по повелѣнію которыхъ составленъ былъ упомянутый сборникъ, издано было значительное число constitutiones, извѣстныхъ подъ наименованіемъ «Novellae». При семъ приняты были мѣры, чтобъ единство права, установленное введеніемъ этого кодекса, не было нарушено изда-

---

[230]) Лучшее изданіе Кодекса Ѳеодосія сдѣлано Haenel'емъ (Боннскій Corp. jur. antej. Band II pag 81* sequentes).

ніемъ этихъ новыхъ повелѣній. Съ этою цѣлію въ самомъ кодексѣ постановлено было, что всѣ constitutiones, которыя впредь будутъ изданы въ одной изъ половинъ имперіи, должны немедленно пересылаться императору другой половины для публикаціи съ соотвѣствующими мѣстнымъ условіямъ измѣненіями [231]). Правило это практиковалось вплоть до 476 года, когда пресѣкся рядъ западныхъ римскихъ цезарей.

B. Законодательство Юстиніана.

Задуманное Өеодосіемъ II дѣло соединенія въ одинъ офиціальный сборникъ *всего права*, какъ установленнаго императорскими указами такъ и находящагося въ твореніяхъ юристовъ, приведено было въ исполненіе иллирійскимъ славяниномъ Управдою, занявшимъ тронъ восточныхъ цезарей подъ названіемъ Флавія Юстиніана I. Компиляція, составленная этимъ императоромъ распадается на двѣ части: первая заключаетъ въ себѣ императорское указное право, а вторая право юристовъ. Къ первой относится кодексъ съ новеллами, а ко второй институціи и пандекты или дигесты.

I. Такъ называемый Justinianeus Codex vetus.

Дѣло сведенія правоваго матеріала началось собраніемъ constitutiones. Съ этою цѣлію Юстиніанъ назначилъ 13 Февраля 528 г. коммиссію изъ 10 членовъ и поручилъ ей составить сборникъ какъ изъ находящихся въ codices Gregorianus, Hermogenianus и Theodosianus императорскихъ повелѣній такъ и изъ позднѣйшихъ constitutiones, при чемъ всѣ устарѣвшія, излишнія и противорѣчущія одно другому постановленія должны были быть опущены или измѣнены, а пробѣлы, въ случаѣ необходимости, дозволено было пополнить посредствомъ вставокъ и прибавленій. Чрезъ четырнадцать мѣсяцевъ этотъ «Justinianeus Codex» былъ оконченъ и обнародованъ какъ общій для всей имперіи законъ, при чемъ воспрещено было употребленіе въ судахъ всѣхъ прежнихъ компиляцій, а также воспрещены были и ссылки на constitutiones, изданныя до публикаціи настоящаго кодекса. Кодексъ этотъ не дошелъ до насъ: въ отличіе отъ позднѣй-

---

[231]) Ortolan даже думаетъ, что constitutiones, не опубликованныя въ другой половинѣ имперіи, не имѣли силы закона (l. c. § 507).

шей, извѣстной намъ редакціи, онъ называется обыкновенно «Codex Justinianeus vetus».

II. Quinquaginta Decisiones.

При обнародованіи кодекса Юстиніанъ предписалъ руководствоваться при судебныхъ рѣшеніяхъ этимъ новымъ кодексомъ и сочиненіями древнихъ юристовъ. Но при такомъ соединеніи древней юриспруденціи съ новѣйшей компиляціей скоро возникли разныя затрудненія и обнаружилось не мало противорѣчій: по совѣту приближеннаго своего Трибоніана, Юстиніанъ рѣшился законодательнымъ путемъ разрѣшить эти противорѣчія. Такимъ то образомъ и возникли знаменитыя Quinquaginta decisiones, опубликованныя потомъ въ видѣ особаго сборника [232]).

III. Digesta s. Pandectae.

За тѣмъ приступлено было къ сведенію правоваго матеріала, находящагося въ твореніяхъ юристовъ. Съ этою цѣлію 15 Декабря 530 года назначена была коммиссія изъ 16 членовъ подъ предсѣдательствомъ квестора sacri palatii Трибоніана. Задача этой коммиссіи слѣдующимъ образомъ опредѣлена была законодателемъ (§ 4 et 5 const. «Deo auctore»): «Jubemus igitur vobis antiquorum prudentium, quibus auctoritatem conscribendarum interpretandarumque legum sacratissimi principes praebuerunt, libros ad jus pertinentes et legere et elimare, ut ex his omnis materia colligatur, nulla (secundum quod possibile est) neque similitudine neque discordia derelicta, sed ex his colligi, quod unum pro omnibus sufficiat». Cumque haec materia .... collecta fuerit, oportet eam pulcherrimo opere extruere et quasi proprium et sanctissimum templum justitiae consecrare, et in libros quinquaginta et certos titulos totum jus digerere tam secundum nostri constitutionum Codicis quam edicti perpetui imitationem. Ограниченія, установленныя въ законѣ Θеодосія II и Валентиніана III относительно пользованія сочиненіями юристовъ, отмѣнялись для редакціонной коммиссіи, и, кромѣ того ей предоставлено было право дѣлать по соб-

[232]) Что подобный сборникъ въ дѣйствительности существовалъ доказано т. н. туринской глоссой къ институціямъ (временъ VI столѣтія) въ которой дѣлается ссылка на этотъ сборникъ. Сравни Danz. Lehrbuch I. § 82.

ственному усмотрѣнію различныя необходимыя для избѣжанія противорѣчій измѣненія (этимъ объясняются т. н. interpolationes s. Emblemata Triboniani).

Коммиссіи предстояло сдѣлать извлеченіе изъ 2000 libri и около трехъ милліоновъ versus s. στίχα. Весь матеріалъ для облегченія труда былъ раздѣленъ между тремя особыми комитетами, которые должны были составить извлеченія изъ указанныхъ имъ сочиненій и подвести подъ извѣстныя рубрики то, что признано было ими пригоднымъ для пандектовъ. Первому комитету порученъ былъ разборъ различныхъ commentarii на jus civile Сабина, второму разсмотрѣніе сочиненій, относящихся къ эдикту и третьему составленіе извлеченій изъ сочиненій Папиніяна и нѣкоторыхъ другихъ юристовъ. Извлеченія изъ этихъ различныхъ сочиненій съ означеніемъ творенія, откуда они были почерпнуты (inscriptio), относились къ соотвѣтствующей рубрикѣ собранія, и отдѣльныя титулы составлялись такимъ образомъ, что въ большинствѣ случаевъ въ нихъ приводились сперва извлеченія изъ «серіи Сабина», и за тѣмъ слѣдовали извлеченія изъ другихъ серій, въ порядкѣ опредѣлявшемся количествомъ извлеченій (вообще та серія, изъ которой въ извѣстномъ титулѣ сдѣлано было болѣе извлеченій чѣмъ изъ другихъ и приводилась прежде другихъ).

Черезъ три года компиляція была окончена, и такимъ образомъ офиціально сведенъ правовой матеріалъ, находящійся въ твореніяхъ юристовъ. Все собраніе раздѣлено было на VII частей (partes) и 50 книгъ (libri) слѣдующимъ образомъ:

I.	πρῶτα.	lib	I	—	IV
II.	de judiciis	»	V	—	XI
III.	de rebus.	»	XII	—	XIX
IV.	umbilicus.	»	XX	—	XXVII
V.	de testamentis	»	XXVIII	—	XXXVI
VI.			XXXVII	—	XLIV
VII.			XLV	—	L

Каждая книга, за исключеніемъ libri XXX—XXXII, составляющихъ одинъ титулъ de legatis et fideicommissis, заключаетъ въ себѣ нѣсколько титуловъ, содержащихъ въ свою очередь нѣсколько извлеченій изъ авторовъ (иногда только одно).

Эти извлеченія называются fragmenta или leges и обыкновенно состоятъ изъ введенія (principium) и параграфовъ[288]).

Несмотря на предосторожности, принятыя для избѣжанія противорѣчій и повтореній, составителямъ пандектовъ не удалось избѣжать оныхъ, и мы встрѣчаемся съ извѣстнымъ числомъ т. н. antinomiae s. leges inter se pugnantes (противорѣчущихъ одно другому постановленій), leges fugitivae s erraticae (т е. постановленій, занесенныхъ не въ надлежащую рубрику) и leges geminatae (т. е повтореній).

Утвержденіе пандектовъ воспослѣдовало 16 Декабря 533 года съ примѣчаніемъ, что собраніе это получаетъ силу закона съ 30 числа того же мѣсяца и вмѣстѣ съ кодексомъ и т. н. институціями (о которыхъ ниже) составляетъ единственный источникъ дѣйствующаго права. Въ то же самое время подтверждено было запрещеніе, высказанное уже въ повелѣніи о составленіи пандектовъ, составлять комментаріи къ обнародованному официіальному сборнику права: допускались только т. н. παράτιτλα или краткія изложенія содержанія отдѣльныхъ титуловъ съ указаніемъ соотвѣтствующихъ мѣстъ въ другихъ титулахъ, а равнымъ образомъ переводы на греческій языкъ.

IV. Institutiones.

Одновременно съ составленіемъ пандектовъ Юстиніанъ поручилъ Трибоніану и двумъ antecessores (преподавателямъ права) Өеофилу и Досиөею составить официіальное руководство для преподаванія права. Въ этомъ руководствѣ должны были быть сведены «totius eruditionis prima fundamenta atque elementa» ex omnibus antiquorum institutionibus et praecipue ex commentariis Gai tam Institutionum quam rerum Cotidianarum aliisque multis commentariis. Равнымъ образомъ предписано было указать всѣ измѣненія, введенныя законодательствомъ императоровъ. 21 Ноября 533 г. руководство это подъ названіемъ «Institutionum s. Elementorum libri IV утверждено было Юстиніаномъ не только какъ учебникъ для школъ, но и какъ

f (s. l.) 2 Dig. de O. J. I. 2, что означаетъ второй фрагментъ (fragmentum s. lex) втораго титула первой книги Дигестовъ.

[288]) Примѣръ способа цитированія дигестовъ: слѣдующимъ образомъ:

общій для всей имперіи законъ, долженствовавшій воспріять одновременно съ дигестами законную силу. Отдѣльныя книги институцій распадаются на титулы, сіи послѣдніе на параграфы безъ всякой «inscriptio».

V. Codex repetitae praelectionis.

Послѣ изданія институцій и пандектовъ поручено было коммиссіи изъ пяти членовъ подъ предсѣдательствомъ Трибоніана составить новую редакцію кодекса, при чемъ должны были быть приняты во вниманіе изданныя послѣ «т н. prima praelectio» императорскія повелѣнія, сдѣланы необходимыя исправленія, и вся система сборника принаровлена къ системѣ Дигестовъ. Эта новая редакція, названная «codex repetitae praelectionis», опубликована была 16 Ноября 534 г. и воспріяла силу закона 29 Декабря того же года, она распадается на 12 libri, которыя въ свою очередь дѣлятся на tituli, содержащіе отдѣльныя constitutiones въ хронологическомъ порядкѣ.

E. Novellae (constitutiones), νεαραὶ διατάξεις.

Не смотря на состоявшуюся такимъ образомъ кодификацію, вскорѣ стала чувствоваться необходимость въ изданіи новыхъ законовъ. Такихъ повелѣній издано Юстиніаномъ 166 на латинскомъ и отчасти на греческомъ языкахъ. Офиціальное собраніе этихъ «Novellae constitutiones post codicem» было обѣщано (Const Cordi § 4), но предпріятіе это не приведено въ исполненіе. Недостатокъ подобнаго офиціальнаго собранія возмѣщался въ извѣстной степени собраніями, составленными частными лицами.

Кодификація Юстиніанаиграетъ видную роль въ послѣдующей исторіи европейскаго права, такъ какъ подъ конецъ среднихъ вѣковъ въ слѣдствіе стеченія различныхъ обстоятельствъ она получила значеніе дѣйствующаго законодательства почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ.

§§ 49 *Юридическая литература разсматриваемаго періода.*

А. до Юстиніана.

Въ разсматриваемое время исторія юридической науки и дѣятельности юристовъ представляетъ картину полнаго упадка творческой силы. Дошедшія до насъ сочиненія юристовъ этого періода заключаютъ въ себѣ не болѣе какъ сопоставленіе источниковъ. Замѣчательнѣйшія изъ этихъ сочиненій суть: 1)

т. н. Fragmenta vaticana, открытые Angelo Maio въ 1820 г. въ ватиканской библіотекѣ, содержатъ въ себѣ отрывки изъ составленной съ практической цѣлью по всей вѣроятности въ пятомъ столѣтіи компиляціи изъ сочиненій юристовъ и императорскихъ constitutiones (лучшее изданіе въ боннскомъ Corp. jur. Antej.) 2) Lex Dei s. collatio legum Mosaicarum et Romanarum содержитъ сопоставленіе правоположеній пятикнижія съ извлеченіями изъ римскихъ юристовъ и императорскихъ повелѣній 3) consultatio veteris jurisconsulti de pactis, сборникъ, составленный въ началѣ шестаго столѣтія и содержащій извлеченія изъ Pauli sententiae receptae (въ слѣдствіе чего онъ и имѣетъ извѣстное для насъ значеніе) и изъ codices Gregoriani et Hermogeniani.

B. во времена Юстиніана.

Изъ временъ Юстиніана дошло до насъ только два сочиненія, имѣющія извѣстное значеніе:

a) Θεοφίλου ἀντικήνσωρος τά εὑρισκόμενα s Theophili antecessoris paraphrasis graeca Institutionum Caesarearum. По всей вѣроятности лекціи, читанныя однимъ изъ составителей институцій Θеофиломъ.

b. Ioannis Laurentii Lydi de magistratibus reipublicae Romanae (περὶ ἀρχῶν τῆς Ῥωμαιων πολιτειας), содержитъ въ себѣ исторію римскихъ магистратовъ до Юстиніана и вовремена этого императора.

§§ 50 *Преподаваніе права въ разсматриваемый періодъ.*

Преподаваніе права имѣло мѣсто въ разсматриваемое время въ правильно организованныхъ юридическихъ училищахъ, находившихся въ Беритѣ (основано въ 3 столѣтіи) въ въ Константинополѣ и Римѣ (обѣ школы основаны въ 5 столѣтіи): въ другихъ кромѣ этихъ городахъ запрещено было преподаваніе права подъ страхомъ удаленія изъ города и денежной пени. Учебный курсъ распредѣлялся на пять лѣтъ въ слѣдующемъ опредѣленномъ Юстиніаномъ (Const. omnem reipublicae ad antecessores 16 декабря 533 г.) порядкѣ.

1 годъ. Институціи и т. н. Πρωτᾶ (libri I—IV). Слушатели этого года назывались Justinianei novi вмѣсто прежняго прозвища dupondii [234]).

---

[234]) Объясненіе этого прозвища смотри у Ортолана § 573. p. 468.

2 годъ. Здѣсь предоставлялся выборъ между 7 книгами de judiciis и 8 de rebus. Кромѣ того преподавались 4 libri singulares изъ 4 и 5 части пандектовъ (de dotibus, de tutelis et curationibus, de testamentis. de legatis et fideicommissis). Названіе слушателей «Edictales» (потому что прежде въ этомъ году преподавался эдиктъ).

3 годъ. Необъясненныя во 2-мъ году libri de judiciis (или же de rebus) и liber singularis ad hypothecariam formulam, ad Aedilitium Edictum и 22 книга пандектовъ. Названіе студентовъ «Papinianistae» (прежде изучались въ этомъ году творенія Папиніана).

4 годъ. Остальныя 10 книгъ 4 и 5 части Дигестовъ. Названіе студентовъ: λύται (такъ какъ въ этомъ году не было преподаванія и студенты занимались самостоятельно. Danz Lehrbuch I. §§ 86 S. 140).

5 годъ. 6 и 7 часть Дигестовъ и Codex constitutionum. Названіе студентовъ: προλύται.

КОНЕЦЪ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ.

Стран.	*Строк.*	*Напечатано.*	*Читай*
1.	1.	Задача исторіи римскаго права.	Задача преподаванія исторіи римскаго права
4.	1.	говориться	говорится
16.	17.	Богатѣйшія	Богатѣйшіе
38.	29.	primus	primum
43.	5.	jus provocatio	jus provocationis
60.	2.	магистровъ	магистратовъ
61.	12.	магистровъ	магистратовъ
86.	21.	Jus Aelianum, (пополненное собраніе legis actiones),	Jus Aelianum (пополненное собраніе legis actiones)
113.	23.	Pproculeiani.	Proculeiani.
114.	3.	Sabinani	Sabiniani
116.	17.	институцій	институцій
120.	10—11.	Адріана.	Адріана
121.	36.	Капитула.	капитула.

БЮШЕ.

ГОСУДАРСТВО И ПРОГРЕССЪ.

[Переводъ съ Французскаго].

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типографія Г. Ѳ. Фалькъ.
1876.

Печатано по определенiю Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
5 Декабря 1875 года.

Директоръ *М. Капустинъ*.

ГОСУДАРСТВО И ПРОГРЕССЪ.

Отъ переводчика.

Характеръ сочиненія Бюше, часть котораго мы предлагаемъ въ переводѣ, совершенно опредѣляется начальными словами его введенія къ этому сочиненію: «политическая или соціальная наука, говоритъ авторъ, есть безспорно наиболѣе опытная часть философіи». Ясно, что авторъ науку объ обществѣ прямо относитъ къ категоріи такъ называемыхъ положительныхъ знаній. Такой взглядъ его на науку объ обществѣ и государствѣ — въ тѣсной связи съ его спеціальнымъ образованіемъ, его близкимъ знакомствомъ съ опытными, естественными науками (см. его біографію, составленную Оттомъ и приложенную къ первому тому сочиненія; а также—статью проф. Градовскаго «Государство и Прогрессъ» въ Сборникѣ «Политика, Исторія и Администрація» стр. 141—152). Благодаря этому взгляду автора, мы и остановились на его сочиненіи. Мы остановились на немъ потому, что авторъ, не смотря на то, что нѣкогда игралъ не послѣднюю роль въ политическомъ круговоротѣ своего отечества, остается почти на каждой страницѣ своего произведенія на строго ученой почвѣ, не увлекаясь страстями партіи; мы остановились на немъ еще и потому, что въ Бюше соединяются: умъ, талантъ, положительныя знанія, опытность и знанія практическаго дѣятеля.

Со многимъ въ «Трактатѣ о политикѣ» вообще и въ ученіи о правительствѣ въ особенности, едвали можно согласиться; но отъ этого книга не теряетъ своего значенія. Можно ли указать хоть на одно произведеніе, не страдающее тѣмъ или инымъ недостаткомъ?

Мы переводимъ наиболѣе интересную, быть можетъ и не лучшую, часть сочиненія. Чтобы сдѣлать ее совершенно по-

нятною для читателя, чтобы не оставить въ ней темныхъ мѣстъ, мы предпосылаемъ нашему переводу, въ качествѣ введенія, сжатое изложеніе основныхъ началъ сочиненія Бюше—«Трактата о политикѣ».

Изложеніе содержанія первыхъ трехъ книгъ «Трактата о политикѣ».

Въ третьей главѣ первой книги своего сочиненія Бюше даетъ опредѣленіе прогресса, выработанное имъ гораздо раньше въ другомъ его произведеніи [1]). Согласно этому опредѣленію, понятіе прогресса совершенно отлично отъ понятія усовершенствованія. Прогрессъ есть ничто иное какъ математическая прогрессія, въ которой каждое послѣдующее равно своему предъидущему плюсъ нѣкоторая величина; прогрессія, въ которой цифры замѣняются періодами исторіи; вмѣсто ряда цифръ, математическихъ величинъ, является рядъ періодовъ, моментовъ исторіи, изъ которыхъ каждый послѣдующій содержитъ въ себѣ все, завѣщанное ему предъидущимъ, плюсъ нѣчто новое, привходящее къ завѣщанному; новое, которое не есть непремѣнно и болѣе совершенное. Прогрессъ, такъ понимаемый, есть міровой законъ и, какъ таковой — законъ исторіи человѣчества, цѣль и назначеніе послѣдняго.

Опредѣленіе соціальной науки или науки о политикѣ.

Органами прогресса по отношенію къ человѣчеству, его орудіемъ, являются тѣ политическіе организмы, на которые послѣднее распадается.

Что бы быть въ состояніи исполнить такое свое назначеніе, эти политическіе организмы нуждаются въ совокупности извѣстныхъ установленій, отправляющихъ, ради осуществленія прогресса, извѣстныя функціи. Такія установленія суть основы общества (constantes sociales). Форма этихъ основъ

---

[1]) Introduction à la science de l'histoire. Первое изданіе этого сочиненія, въ одномъ томѣ, появилось въ 1833 году.

подъ вліяніемъ условій времени, мѣста и т. п. постоянно измѣняется; но самое ихъ содержаніе, функціи, остается постояннымъ, неизмѣннымъ. Это содержаніе—служеніе прогрессу. Соціальная наука есть абстрактное знаніе, изученіе этихъ основъ каждаго политическаго общества. — Но наука стоитъ въ неразрывной связи съ жизнью, практикой; отсюда, наука соціальная, наука о политикѣ — въ тѣсной связи съ практической политикой. Эта послѣдняя связь устанавливается чрезъ посредство практической теоріи, такъ называемаго конституціоннаго искусства; это послѣднее есть переходъ отъ абстрактнаго къ конкретному, отъ науки къ практикѣ. Отсюда и планъ сочиненія. Первыя три книги посвящаются соціальной наукѣ четвертая — практической теоріи и пятая — практической политикѣ.

Планъ сочиненія.

Основное начало соціальной науки.

Основной принципъ соціальной науки есть общая цѣль дѣятельности: общество появляется лишь тогда, когда люди сознаютъ общую цѣль дѣятельности, которой посвящаютъ всѣ свои мысли, всѣ свои силы. Отсюда общественное состояніе есть ничто иное, какъ система отношеній, возникающихъ между людьми въ тотъ моментъ, когда они соединяются для достиженія одной общей цѣли. Безъ такой цѣли никакое общество не возможно; эта общая цѣль — отлична отъ цѣли индивидуальной, личной; она требуетъ отъ индивида извѣстныхъ жертвъ.

Достиженіе этой цѣли возможно лишь при дисциплинированномъ содѣйствіи многихъ: необходимо, чтобы разнообразныя по формѣ дѣйствія были сродны по своей сущности, т. е. сродны по стремленіямъ. Только эта общая цѣль дѣятельности и дѣлаетъ общество силой, необходимо прогрессивной; потому что понятіе прогресса—въ неразрывной связи съ понятіемъ цѣли; наличность послѣдней — conditio sine qua non прогресса.

Выводы изъ основнаго начала науки о политикѣ.

Изъ этого основнаго начала политическаго организма Бюше выводитъ слѣдующія два положенія положенія—1) охраненіе общества прямо зависитъ отъ охраненія этого начала, 2) реализація, развитіе этого начала — задача

общества. Другими словами, общество для собственной безопасности, во первыхъ должно передавать выработанное имъ понятіе о цѣли изъ рода въ родъ въ его первоначальной чистотѣ; а этого можно достигнуть путемъ воспитанія. Во вторыхъ, необходимо охранять эту цѣль отъ нападеній, что достигается путемъ судебной организаціи; наконецъ необходимо, чтобы люди, связываемые этою цѣлью, росли количественно и качественно; а для этого необходимы такія установленія, какъ — бракъ, собственность, гигіена и покровительственная юстиція. Всѣ эти установленія Бюше называетъ установленіями охранительными (constantes de conservations). Но для существованія общества этого мало: необходимо движеніе, которое функціонируется въ обществѣ спеціальнымъ установленіемъ прогрессивнымъ (const de progression); такимъ установленіемъ является у Бюше правительство. Однако, наличности въ обществѣ консервативныхъ и прогрессивныхъ установленій еще недостаточно: необходимо нравственное начало, которое связывало бы людей. — чувство обязанности. Началу обязанности должна соотвѣтствовать «реальность правъ». Это нравственное начало устанавливается религіей, которая такимъ образомъ, дѣлается, по выраженію Бюше, «вѣнцомъ соціальной системы».

Національность.

Прежде чѣмъ приступить прямо къ разсмотрѣнію консервативныхъ и прогрессивныхъ установленій, Бюше останавливается на наиболѣе характеристическомъ, какъ онъ выражается, результатѣ общей цѣли дѣятельности; такой результатъ этой дѣятельности онъ видитъ въ національности. Національность по опредѣленію Бюше ничто иное какъ «результатъ общности вѣрованій, традицій, надеждъ, обязанностей, интересовъ, предразсудковъ, страстей, языка и наконецъ — привычекъ какъ нравственныхъ, такъ и интеллектуальныхъ и даже физическихъ». А эта общность въ свою очередь — результатъ общей цѣли дѣятельности, которая прежде всего полагается въ вѣрованіи и обязанности, за тѣмъ слагаются традиціи, интересы, а отсюда — страсти, а тамъ, съ вѣками, вырабатываются—общій языкъ. обычаи. Короче, національность — результатъ долгой исторической жизни народа. Національность — такое прочное, естественное явленіе, что

не перестаетъ существовать даже и тогда, когда общая цѣль забывается. Чѣмъ долѣе жила національность, тѣмъ существованіе ея прочнѣе [1]).

Придавая такое громадное значеніе общей цѣли дѣятельности какъ по отношенію къ прогрессу, такъ и къ образованію національности, Бюше подробно останавливается на вопросѣ о возникновеніи, сформированіи, о самой природѣ общихъ цѣлей дѣятельности. Этотъ вопросъ онъ считаетъ, по его сущности, вопросомъ чисто историческимъ; другими словами, онъ ищетъ его разрѣшенія путемъ положительнымъ, естественно историческимъ, путемъ изученія и разъясненія фактовъ. Путемъ такого изученія нашъ мыслитель приходитъ къ положенію, что прошлое каждаго цивилизованнаго народа — ничто иное, какъ рядъ цѣлей, ставимыхъ себѣ, если можно такъ выразиться, народомъ въ каждый данный моментъ его исторической жизни. Всѣ эти цѣли — только частныя цѣли общей дѣятельности, берущія свое начало «à priori въ сознаніи народомъ болѣе общей, всѣ ихъ охватывающей, цѣли». Эти частныя цѣли вытекаютъ изъ общей путемъ «логической дедукціи». Апріорная общая цѣль выводится «изъ общей идеи, лежащей внѣ всякой дѣйствительности даннаго времени; идеи, предшествующей, такъ сказать, данному общественному состоянію, всякимъ общественнымъ переворотамъ, которые совершаются ради ея осуществленія и при томъ подъ ея вліяніемъ.

Отсюда понятно, что прогрессъ возможенъ лишь какъ стремленіе къ осуществленію такихъ апріорныхъ цѣлей. Цѣли, ставимыя путемъ апостеріорнымъ, грозятъ поставить об-

---

[1]) Цѣлую главу почти во второй книгѣ (гл. IV) Бюше посвящаетъ опроверженію теоріи школы естественнаго права, по ученію которой соціальное состояніе признается состояніемъ, врожденнымъ человѣку. Въ этой же главѣ онъ доказываетъ несостоятельность теоріи общественнаго договора (Contrat social Руссо). Онъ доказываетъ, что обѣ эти теоріи несовмѣстимы съ идеей прогресса. Здѣсь же онъ старается доказать, что не общность языка создаетъ національность, а наоборотъ, національность — общность языка. Возстаетъ онъ также и противъ смѣшенія понятія расы съ понятіемъ національности, послѣдняя по его мнѣнію вліяетъ на образованіе первой.

щество въ тотъ заколдованный кругъ революцій, который такъ вѣрно очерченъ еще Аристотелемъ, такъ какъ апостеріорная цѣль всегда является простымъ отрицаніемъ существующаго и утвержденіемъ прямо противоположнаго этому существующему, т. е. въ большинствѣ случаевъ уже нѣкогда существовавшаго. А прогрессъ вовсе не есть ни полное отрицаніе настоящаго, ни тѣмъ менѣе возвращеніе къ прошедшему.

Если это такъ, если двигателемъ прогресса дѣйствительно являются лишь такія общія, апріорныя цѣли, то вопросъ о возникновеніи и развитіи послѣднихъ является однимъ изъ важнѣйшихъ. Путемъ историческихъ наблюденій Бюше приходитъ къ мысли, что «каково бы ни было политическое общество, возникновеніе котораго нами изучается, его цѣль является всегда облеченною религіозной и нравственной санкціей». Ни одно общество не знаетъ общей цѣли, не окрашенной религіозно-нравственной окраской. Нѣтъ ни одного общества, которое жило бы безъ религіи, котораго практическая дѣятельность не была бы, въ большей или меньшей степени, отраженіемъ послѣдней. Отсюда Бюше, «съ величайшей вѣроятностью, почти увѣренностью», выводитъ заключеніе, что съ такимъ фактомъ мы встрѣтимся и у тѣхъ обществъ, начало которыхъ нельзя уловить; а если это такъ, то общая цѣль дѣятельности есть слѣдствіе какого-нибудь религіознаго начала. Такой же характеръ носятъ и отдѣльныя, частныя цѣли. Отсюда понятно, что разъ лишена цѣль этого религіозно-нравственнаго характера — она теряетъ часть своей прогрессивной силы. Прогрессивное значеніе политическаго общества пропорціонально плодотворности его общихъ цѣлей,—другими словами—той доктрины, изъ которой вытекаетъ эта цѣль и которая является ея санкціей. А если это такъ, то сама собою понятна необходимость поддержки тѣхъ религіозно-нравственныхъ началъ, которыя порождаютъ общія цѣли дѣятельности. Съ этихъ послѣднихъ никогда не слѣдуетъ стирать ихъ первоначальной окраски. Другое дѣло цѣли частныя, апостеріорныя, которыя съ общей цѣлью — только въ косвенномъ соотношеніи; по отношенію къ нимъ желательно, чтобъ они покоились на иномъ началѣ.

Общая дѣятельность.

Рѣшивъ такимъ образомъ вопросъ о происхожденіи и характерѣ общихъ цѣлей дѣятельности, Бюше перехо-

дитъ къ вопросу о самой дѣятельности, направляемой къ достиженію цѣлей. Идея дѣйствія въ такомъ полномъ соотношеніи съ идеей цѣли, ихъ связь такъ неразрывна, что, говоря объ одной, немыслимо игнорировать другую. Этотъ вопросъ — ничто иное, какъ вопросъ о раздѣленіи труда.

Фактъ раздѣленія труда является слѣдствіемъ закона непрерывности и одновременности человѣческаго труда, направленнаго къ удовлетворенію человѣческихъ потребностей. Самый трудъ не есть только простое физическое усиліе; онъ есть дѣйствіе, направленное къ достиженію общей цѣли. Отсюда, всѣ виды труда не должны быть непремѣнно подобны, одинаково трудны или легки.

Непосредственнымъ результатомъ раздѣленія труда является тотъ фактъ, что общій интересъ, незамѣтно для индивида, обращается въ интересъ частный; причемъ характеръ послѣдняго грозитъ часто сдѣлаться преобладающимъ и совершенно заслонить въ глазахъ индивида, интересы общественные. Но эта опасность устраняется тѣмъ обстоятельствомъ, что кромѣ профессіональной дѣятельности существуетъ дѣятельность гражданская или политическая: поскольку граждане разъединяются въ силу своихъ профессіональныхъ занятій, постольку они объединяются, сходятся въ силу своей гражданской, политической дѣятельности, а эта дѣятельность—прямо въ виду общихъ интересовъ и всегда требуетъ большихъ или меньшихъ пожертвованій личными интересами.

Консервативныя и прогрессивныя установленія.

Установивъ основное начало общественнаго состоянія—общую цѣль дѣятельности, опредѣливъ ея происхожденіе и характеръ, Бюше переходитъ къ тѣмъ установленіямъ, которыя имѣютъ своимъ назначеніемъ или охраненіе и укрѣпленіе этого основнаго начала, или установленіе и улучшеніе нравственныхъ, интеллектуальныхъ и физическихъ условій существованія людей, живущихъ подъ его господствомъ т. е. консервативнымъ и прогрессивнымъ установленіямъ. Первымъ онъ посвящаетъ третью книгу своего труда а вторымъ—четвертую, которую мы предлагаемъ въ полномъ переводѣ.

Задачею первыхъ, консервативныхъ, установленій, какъ уже было сказано, является охраненіе и развитіе принципа цѣли общей дѣятельности даннаго общества. Сообразно тѣмъ средствамъ, которыя служатъ къ достиженію цѣли консервативныхъ установленій Бюше дѣлитъ ихъ на пять категорій. Къ первой онъ относитъ всѣ установленія, задачей которыхъ является воспитаніе въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Ко второй—установленія, имѣющія своимъ назначеніемъ «сохраненіе индивида, усовершенствованіе и количественное распространеніе расы». Къ этой категоріи онъ относитъ: трудъ, семью, и все, что обезпечиваетъ благо индивида: собственность, права, соотвѣтствующія обязанностямъ. Къ третьей категоріи Бюше относитъ судебныя и военныя установленія, назначеніе которыхъ—поддержаніе и распространеніе цѣли посредствомъ силы въ виду обезпеченія безопасности всѣхъ и каждаго. Четвертую категорію составляютъ всѣ административныя установленія, цѣль которыхъ — установленіе согласія, гармоніи въ обществѣ, всѣхъ его частяхъ. Пятую категорію, наконецъ, составляютъ религіозныя установленія.

Воспитаніе, какъ средство сохраненія общей цѣли дѣятельности.

Установивъ эти категоріи во введеніи къ третьей книгѣ, Бюше переходитъ къ разсмотрѣнію каждой изъ нихъ въ отдѣльности, начиная съ установленій первой категоріи, т. е. съ воспитанія.

Въ воспитаніи Бюше видитъ первое и самое главное условіе существованія политическаго общества. Путемъ воспитанія изъ рода въ родъ передается общая цѣль дѣятельности, это «драгоцѣннѣйшее наслѣдіе, которое могутъ завѣщать отцы своимъ дѣтямъ». Путемъ воспитанія такъ сказать создается человѣкъ, который родится съ однимъ только инстинктомъ—отыскать грудь матери. Всему остальному человѣкъ долженъ выучиться; отсюда — необходимость для него общества.

Индивидуальное развитіе людей коренится въ различіи получаемаго ими воспитанія. По этому, личныя качества, даже геній, сравнительно играютъ небольшую роль въ прав-

ственной и интеллектуальной жизни: если сравнить сдѣланное геніальнымъ человѣкомъ съ тѣмъ, что онъ получилъ путемъ воспитанія, какъ результатъ человѣческой интеллигенціи, окажется что сдѣланное прибавило очень немного къ этой общей работѣ.

Цѣль воспитанія — двояка: сдѣлать человѣка, вопервыхъ; гражданина, вовторыхъ. Древніе—Греки и Римляне—воспитывали лишь гражданъ: воспитаніе гражданина поглощало собою воспитаніе человѣка. Двоякая цѣль воспитанія установилась лишь подъ вліяніемъ христіанства, которому Бюше вообще придаетъ громадное значеніе въ исторіи цивилизаціи. Въ этомъ фактѣ онъ видитъ великій шагъ впередъ. Этотъ двоякій характеръ воспитанія, по мнѣнію мыслителя, будетъ имѣть мѣсто до тѣхъ поръ пока всѣ націи не достигнутъ одинаковой степени прогресса, пока не образуется одинъ народъ.

Придавая такое громадное значеніе воспитанію вообще, совершенно понятно, почему Бюше предлагаетъ важное значеніе материнскому воспитанію, «воспитанію дѣтства». Мать и кормилица—эта вторая мать—первыя воспитательницы и учительницы: ими внушаются первыя начала нравственности, первыя привычки, симпатіи и антипатіи. Отсюда, совершенно логически вытекаетъ положеніе Бюше, что общество должно приложить величайшее стараніе къ вопросу объ образованіи женщины.

Лучшимъ и главнымъ средствомъ воспитанія является у Бюше искусство, которое обращеетъ его въ безпрерывное (continuée). Онъ указываетъ на значеніе различныхъ видовъ искусства у древнихъ, ссылаясь на Аристотеля, придававшаго такое воспитательное значеніе музыкѣ. Такую роль искусства Бюше объясняетъ физіологически.

Содержаніе воспитанія—общая цѣль дѣятельности, которая слагается, какъ мы видѣли, подъ вліяніемъ нравственныхъ началъ, освящаемыхъ религіей; отсюда громадное значеніе послѣдней въ дѣлѣ воспитанія. Только религія, увѣряетъ Бюше, даетъ абсолютныя, неизмѣнныя, строго обязательныя понятія

истины, блага, справедливости; только она способна санкціонировать эти понятія. Стремленіе замѣнить религію философіей авторъ находитъ несостоятельнымъ: почему и какимъ образомъ надо остановиться на той, или на другой философской доктринѣ, спрашиваетъ Бюше. Исходя изъ своего основнаго положенія, что воспитаніе создаетъ человѣка и гражданина, Бюше находитъ, что оно должно быть дано всѣмъ, изъ кого хотятъ сдѣлать людей и гражданъ, т. е. что оно должно быть обязательнымъ. Если, говоритъ онъ, законъ заботится о матеріальной жизни дѣтей, то онъ обязанъ озаботиться и объ интеллектуальной.

Государство должно обезпечить средства къ образованію, сдѣлавъ его обязательнымъ: оно открываетъ школы; но вмѣстѣ съ этими школами необходимо допустить школы частныя: оно не имѣетъ причинъ не довѣрять выбору родителей. На государствѣ лежитъ обязанность устраивать образцовыя школы и по возможности большее число безплатныхъ школъ. Свободной конкурренціи Бюше требуетъ не только по отношенію къ низшимъ и среднимъ учебнымъ заведеніямъ, но и къ высшимъ [1].

Семья какъ средство сохраненія общества.

Нѣтъ такого человѣческаго общества, которое не знало-бы установленій, имѣющихъ цѣлью сохраненіе человѣка какъ физическаго существа. Отсюда, нѣтъ общества, которое не знало бы брака и института семьи. Первый—средство; вторая—цѣль. Семья—первичная форма общества, соціальной жизни, ея основа, Бюше подтверждаетъ это положеніе фактами изъ исторіи народовъ и современнаго быта нѣкоторыхъ дикихъ племенъ. Такимъ образомъ, семья является «исходнымъ пунктомъ гражданскаго и политическаго общества. Въ ней впервые сознаетъ человѣкъ общественныя обязанности. Это—основная и вѣчная истина».

---

1) Въ 1875 году опредѣленіемъ національнаго собранія во Франціи установлена свобода высшаго образованія, т. е. допущены такъ называемые вольные университеты. Извѣстно, кто прежде всѣхъ воспользовался этимъ закономъ. Увидѣлъ ли бы Бюше въ этомъ законѣ осуществленіе своей идеи?

Бюше энергически возстаетъ противъ такъ называемой свободы половыхъ сношеній, доказывая что она ведетъ къ безплодности женщины, а слѣдовательно и уменьшенію народонаселенія, ссылаясь между прочимъ, на тотъ фактъ, что проститутки въ огромномъ большинствѣ случаевъ отличаются безплодіемъ. Онъ возстаетъ противъ теоріи полнаго равенства людей, въ этомъ отношеніи, съ животными. Возстаетъ также и противъ ученія, по которому бракъ находятъ не совмѣстимымъ съ понятіемъ о свободѣ любви. Онъ находитъ, что цѣль брака не въ одной любви, а также и въ стремленіи со стороны брачущихся стать отцомъ, матерью, т. е. произвести дѣтей. Этою цѣлью обусловливается и самая организація семьи. Эта цѣль, и только она одна, придаетъ и самой половой любви характеръ чего-то священнаго. Эта цѣль лишаетъ бракъ того индивидуальнаго характера, изъ котораго исходятъ сторонники опровергаемыхъ взглядовъ; она придаетъ ему общественное значеніе.

Бракъ есть корень, основа семьи, которая изъ него вытекаетъ. Какъ цѣль брака—рожденіе дѣтей, такъ цѣль семьи воспитаніе и сохраненіе послѣднихъ, созданіе изъ нихъ людей и гражданъ. Въ осуществленіи цѣлей, назначенія семьи, принимаютъ участіе всѣ ея члены, т. е. какъ родители такъ и дѣти; участіе послѣднихъ въ началѣ носитъ пассивный; а въ послѣдствіи и активный характеръ; благодаря такому назначенію семьи организація основы ея, брака покоится не на интересахъ только мужа и жены, но и на интересахъ дѣтей. Отсюда, бракъ, съ точки зрѣнія политическаго общества, является одною изъ первыхъ обязанностей каждаго изъ членовъ послѣдняго; обязанностью, исполненіе которой—одна изъ величайшихъ заслугъ гражданина.

Разъ лица, заключившія бракъ, произвели на свѣтъ дѣтей, между ними устанавливается eo ipso неразрывная связь. Разводъ такихъ супруговъ можетъ оказаться, по мнѣнію Бюше, преступленіемъ не только передъ закономъ, но и передъ самимъ Богомъ. И если государство, уступая человѣческой слабости, допускаетъ разводъ, то оно должно озаботиться объ участи дѣтей, которыя теряютъ тѣ блага и преимущества, какія даются имъ семьей, отцомъ, матерью.

Семья, какъ бы она не была немногочисленна, какъ и всякое общество, нуждается во власти, въ правительствѣ Субъектами этой власти Бюше признаетъ одинаково какъ отца, такъ и мать; съ тою лишь разницею, что въ періодъ дѣтства преобладаетъ власть матери, а въ періодъ юношества - отца. Что же касается воспроса о власти въ между супружескихъ отношеніяхъ, то Бюше предоставляетъ его разрѣшеніе самой жизни: пусть она принадлежитъ тому изъ супруговъ, который обладаетъ дѣйствительнымъ превосходствомъ надъ другимъ. Это положеніе имѣетъ мѣсто лишь по отношенію къ внутреннимъ семейнымъ отношеніямъ; по отношенію же къ обществу, при современной общественной организаціи, при той роли, которую играетъ въ ней женщина, главой семьи является только мужъ.

Эта организація семьи значительно видоизмѣняется въ томъ случаѣ, когда самое политическое общество покоится на семейныхъ началахъ: власть отца получаетъ характеръ абсолютной власти, обладающей правомъ жизни и смерти надъ дѣтьми и женой Въ этомъ случаѣ семья не является уже только средствомъ къ сохраненію человѣческаго рода; а вмѣстѣ и административно-государственнымъ элементомъ. По этому, такая семья со смертью отца или матери не признается рушившейся: ей придается, по скольку это возможно, характеръ вѣчности. Не то съ семьей, неиграющей такой политической роли; эта семья теряетъ характеръ таковой или со смертью одного изъ родителей, или, логически, даже съ того момента, когда дѣти становятся самостоятельными гражданами: ибо въ этомъ послѣднемъ случаѣ изчезаетъ цѣль семьи; но это только логически: родственныя чувства, справедливость и обычай не допускаютъ этого.

Всякая обязанность должна порождать право: обязанность исполненная родителями по отношенію къ дѣтямъ, даетъ имъ право на уваженіе, поддержку и помощь со стороны послѣднихъ. Это право санкціонируется закономъ каждой страны.

Мало того, въ дѣйствительной жизни семейныя связи не исчезаютъ совершенно даже и со смертью родителей; ихъ

вліяніе признается всѣми европейскими законодательствами по отношенію къ наслѣдству и браку. По закону наслѣдство переходитъ къ нисходящимъ родственникамъ даже въ боковой линіи. Бракъ запрещается между родственниками извѣстныхъ степеней. Послѣднее опредѣленіе сложилось подъ вліяніемъ церкви; но оно спасаетъ общество отъ очень плачевныхъ результатовъ: браки между близкими родственниками ведутъ къ вырожденію. Какъ на доказательство послѣдняго положенія Бюше ссылается на фактъ вырожденія высшихъ классовъ, гдѣ браки заключаются въ такомъ тѣсномъ кругу, что часто послѣдній состоитъ уже изъ однихъ родственниковъ.

Фактъ вырожденія какъ результатъ заключенія браковъ между родственниками констатированъ наукой лишь въ новѣйшее время; такъ что нравственность, замѣчаетъ Бюше, опередила въ этомъ случаѣ науку; и здѣсь, какъ во многомъ другомъ, законодатель руководился закономъ нравственности.

Нравственная семейная связь обыкновенно олицетворяется почти вездѣ въ Европѣ еще и въ родовомъ имуществѣ, фамиліи, которая, даже въ низшихъ слояхъ общества, составляетъ предметъ большей или меньшей гордости.

Придавая такое громадное значеніе семьѣ, Бюше приходитъ къ заключенію, что тѣхъ нравственныхъ мотивовъ и цѣлей, о которыхъ говорилось выше, недостаточно для прочнаго существованія семьи. Необходима санкція закона, который «даетъ поддержку нравственнымъ чувствамъ». Эта санкція всегда имѣла и имѣетъ мѣсто во всѣхъ политическихъ обществахъ, по отношенію ко всѣмъ полноправнымъ членамъ ихъ [1]). Бюше даже высказываетъ слѣдующее положеніе: чѣмъ сильнѣе легальныя гарантіи существованія семьи, тѣмъ глубже привязанности, соединяющія ея членовъ.

Всѣ законодательныя системы, регулирующія семейныя

1) Бракъ рабовъ не санкціонировался закономъ.

отношенія, Бюше дѣлитъ на двѣ категоріи: одна—система древнихъ и восточныхъ народовъ—покоится на началахъ авторитета, другая—система современныхъ цивилизованныхъ народовъ—на началѣ ассоціаціи. По первой семейная власть —деспотическая власть и принадлежитъ только мужу; по второй она—въ рукахъ мужа и жены.

Логическимъ послѣдствіемъ первой системы является деспотическая окраска самыхъ чуствъ и страстей: ревность допускается только со стороны деспота—мужа, вѣрность считается обязанностью только жены. Отсюда—гинекеи классической древности, гаремы современнаго востока; отсюда—полигамія, существованіе которой діаметрально противоположно интересамъ общества: число рожденій въ полигамической семьѣ всегда ниже числа смертностей. Послѣ этого понятно, что полигамія противорѣчитъ самой цѣли и назначенію семьи [1]). Она противорѣчитъ имъ и въ нравственномъ отношеніи, лишая дѣтей возможности получить то воспитаніе, которое они получаютъ въ семьѣ моногамической. Они научаются въ данномъ случаѣ лишь ненавидѣть, притворяться, льстить, повелѣвать. Словомъ, полигамія не обезпечиваетъ нравственной цѣлости дѣтей; она не обезпечиваетъ и ихъ физической цѣлости [2]).

Только полигамія обезпечиваетъ женщинѣ то положеніе въ обществѣ, которое назначено ей самой природой. Только она обезпечиваетъ ей нравственное и интеллектуальное равенство съ мущиной.

---

1) Въ концѣ главы о семьѣ Бюше высказываетъ положеніе, что *число рожденій въ семьѣ вообще пропорціонально* «извѣстной *степени цѣломудрія супруговъ*,» какъ онъ выражается. Отсюда онъ требуетъ, въ виду общественныхъ интересовъ, не только «извѣстной степени цѣломудрія супруговъ» въ ихъ половыхъ отношеніяхъ, но и возможно поздняго вступленія въ бракъ. Двадцатипятилѣтній возрастъ для женщины и тридцати-лѣтній для мущины онъ считаетъ наиболѣе удовлетворяющимъ требованіямъ брачной жизни.

2) Фактъ населенности Китая, на который часто указываютъ, какъ на фактъ, опровергающій изложенный въ текстѣ взглядъ на полигамію, Бюше объясняетъ тѣмъ, что defacto полигамія въ Китаѣ — исключеніе. Она имѣетъ мѣсто лишь въ богатыхъ классахъ.

Если это такъ, если таковы дѣйствительно роль и значеніе моногамической семьи, то почему, спросятъ, она такъ поздно, только въ періодъ новѣйшей цивилизаціи, осуществилась вполнѣ? Потому, отвѣчаетъ Бюше, что только въ этотъ періодъ осуществились начала христіанской нравственности. Только подъ вліяніемъ христіанской нравственности, объявившей всѣхъ людей равными между собой, а стало быть и женщину мущинѣ, могла сложиться семья, покоящаяся на началѣ общенія, а не деспотизма. Только христіанство обезпечило жизнь дѣтей съ самаго момента ихъ появленія на свѣтъ; только оно обезпечило ихъ интеллектуальное и нравственное развитіе, восклицаетъ Бюше. Однимъ словомъ, христіанство источникъ семьи новаго времени.

Само собою разумѣется, что въ силу такого своего взгляда какъ на назначеніе общества, такъ въ особенности семьи, Бюше долженъ былъ возстать противъ всѣхъ тѣхъ, которые вмѣстѣ съ Мальтусомъ, боятся, что «настанетъ день, когда поверхности земнаго шара не будетъ достаточно для человѣчества», и потому изыскиваютъ средства къ уменьшенію размноженія послѣдняго. Онъ доказываетъ, наоборотъ, что избытокъ населенія не зло, а благо для страны: въ немъ наиболѣе могущественное средство развитія національности.

Охраненіе индивида есть охраненіе самаго общества.

Къ этой же, второй, категоріи охранительныхъ установленій, какъ мы видѣли, Бюше относитъ и кромѣ семьи все, что обезпечиваетъ индивидуальныя безопасность и благо, индивида вообще, какъ «человѣка со всѣми его нуждами, потребностями, инстинктами, физическими и духовными способностями, дѣлающими его существомъ, назначеннымъ къ общественной жизни». Обезпеченіе существованія индивида, его свободы, Бюше считаетъ однимъ изъ условій существованія самаго государства. То политическое общество, которое отрицаетъ одно изъ существеннѣйшихъ качествъ индивида, его свободу, работаетъ прямо во вредъ себѣ. Оно убиваетъ въ этомъ случаѣ индивидуальную иниціативу, а стало быть и иниціативу общественную, такъ какъ послѣдняя—только результатъ первой; общество умираетъ, государство дѣлается всѣмъ; отъ него только и ждутъ всего. Но и оно само, при

такомъ порядкѣ вещей, если и совершаетъ что въ интересахъ прогресса, то совершаетъ лишь путемъ подражанія, заимсвованія того, что оно видитъ у сосѣдей. Этотъ порядокъ погубилъ Римскую Имперію.

Точно также какъ одно изъ условій своего существованія политическое общество должно обезпечить «каждому индивиду собственность, какъ вознагражденіе за его труды», этого мало. сила политическаго общества, его внутреннія достоинства прямо пропорціональны силѣ и внутреннимъ достоинствамъ входящихъ въ составъ его индивидовъ.

Изъ всего этого совершенно яснымъ становится самый характеръ, сущность тѣхъ консервативныхъ установленій, которыя имѣютъ своимъ назначеніемъ охраненіе индивида, т. е. охраненіе его свободы, права на собственность, какъ результата труда, наконецъ здоровья и силъ.

Придавая такое огромное значеніе индивидуальной свободѣ, Бюше долго останавливаетъ вниманіе читателя на этомъ вопросѣ, посвящая ему цѣлую главу въ пятьдесятъ страницъ. Находя, что съ одной стороны всѣ данныя до него опредѣленія индивидуальной свободы слишкомъ запутаны и темны, и что, съ другой стороны, едва ли можно найти вопросъ, опредѣленіе котораго болѣе уступало бы простому здравому смыслу, Бюше даетъ дѣйствительно очень нетуманное опредѣленіе этой свободы: «въ практической жизни говоритъ онъ, т. е. въ сферѣ политики, нравственности, гражданскихъ правоотношеній свобода есть ничто иное какъ право выбора»; а какъ таковое, она «только «внѣшнее проявленіе способности человѣческой души», способности, которую обыкновенно называютъ свободной волей. Свобода съ индивидуальной и общественной точекъ зрѣнія.

Такимъ образомъ съ теоретической, философской точки зрѣнія, основой свободы человѣка Бюше считаетъ свободную волю, почему солидную часть главы о свободѣ вообще и посвящаютъ установленію самаго понятія свободной воли. Начало свободной воли онъ считаетъ наиболѣе отличительнымъ признакомъ человѣка, который „одинъ получилъ власть при-

нять или отказаться отъ законовъ ему предложенныхъ". Это начало онъ ставитъ, какъ отличительный признакъ, выше начала разума, по отношенію къ которому оно является исходной точкой. Въ принципѣ свободной воли видитъ Бюше основаніе желаній, нравственности, таланта, даже генія. Несмотря, однако, на все это, свобода воли имѣетъ свои предѣлы, которыми въ сферѣ мысли, отвлеченномъ мірѣ, является наше сознаніе, а въ реальномъ—понятіе возможнаго. По отношенію къ самой дѣятельности условіями проявленія свободной воли, являются: поводъ къ выбору и мотивы его. На вопросѣ о предѣлахъ, границахъ свободной воли, какъ непредставляющемъ никакихъ сомнѣній, Бюше не остонавливается и переходитъ прямо къ вопросу объ условіяхъ ея дѣятельности, который и составляетъ „всю сущность теоріи практической свободы". Онъ пускается въ „метафизическій анализъ" самыхъ: „повода" къ выбору и „мотива" къ нему. Источникъ того и другаго Бюше видитъ въ нравственности, которая, такъ сказать, порождаетъ классификацію всѣхъ дѣяній на добрыя и злыя, запрещенныя или позволенныя, полезныя, вредныя, безразличныя. Безъ нравственности человѣческая свобода воли не имѣла бы возможности проявиться. Это только наиболѣе общій, наиболѣе плодотворный источникъ мотивовъ. Бюше допускаетъ и существованіе другихъ: научныхъ опредѣленій, извѣстныхъ привычекъ, правилъ, большая часть которыхъ вытекаетъ изъ цѣли дѣятельности человѣка; этого рода источники онъ называетъ второстепенными.

Проявленіе этой-то, такъ обусловливаемой, свободы воли, какъ мы уже видѣли, Бюше и называетъ свободой человѣка вообще или практической свободой. Практическая свобода точно также опредѣляется извѣстными условіями, имѣетъ извѣстные предѣлы, перейти которыхъ безнаказанно она не можетъ. Эти условія ея проявленія, эти границы есть „та человѣческая среда, въ которой мы живемъ". Вотъ почему объемъ сферы дѣятельности личной свободы прямо пропорціоналенъ росту цивилизаціи. Здѣсь лежитъ и доказательство того, что человѣкъ никакого употребленія изъ своей свободы внѣ общественнаго состоянія сдѣлать не можетъ: изъ чего онъ будетъ выбирать? Вотъ почему дѣйствительно

естественнымъ, природнымъ состоянiемъ человѣка является общественное состоянiе, которое одно—реальная почва проявленiя его свободной воли.

Каковы же эти границы, которыя полагаетъ „человѣческая среда“ личной свободѣ индивида?

Въ реальномъ мiрѣ общественной жизни одно начало возможности уже не можетъ служить ограниченiемъ личной свободы: многое возможное будучи осуществлено въ соцiальной жизни, можетъ повести ко злу, даже преступленiю, къ нарушенiю всякой обязанности, словомъ—къ отрицанiю всѣхъ условiй существованiя человѣческаго общества. Вотъ почему необходимо установить другiе предѣлы, но притомъ такiе, которые не нарушали бы самой свободы.

Бюше и старается установить такiе предѣлы. Онъ начинаетъ съ доказательства несостоятельности существующихъ попытокъ этого рода. Онъ съ одинаковою страстностiю, одинаковою убѣдительностью возстаетъ противъ двухъ господствующихъ въ философской доктринѣ взглядовъ, взглядовъ, дiаметрально противоположныхъ другъ другу. Онъ не соглашается съ ученiемъ, по которому государство имѣетъ будто бы неограниченное право на ограниченiе свободы индивида, какъ бы въ вознагражденiе за то, что оно даетъ этому индивиду. Онъ справедливо видитъ олицетворенiе этой теорiи въ знаменитомъ изрѣченiи Людовика XIV l'etat c'est moi Эта теорiя привела Montesquieu къ его опредѣленiю свободы, по которому послѣдняя является правомъ дѣлать то, что незапрещено закономъ, т. е , если законъ найдетъ нужнымъ запретить все, недѣлать ничего. Несостоятельность этой теорiи по мнѣнiю Бюше въ томъ, что она въ государствѣ видитъ все, а въ индивидѣ ничего. Она не ставитъ никакихъ предѣловъ праву государства. Такiя предѣлы школа утилитаристовъ хочетъ видѣть въ принципѣ пользы; но гдѣ предѣлы самому началу пользы? Находя эту теорiю несостоятельной теоретически Бюше находитъ, что она можетъ повести къ безконечному злу и въ практической жизни.

Такіе же, если еще не большіе, недостатки видитъ Бюше и въ противоположной теоріи, теоріи, явившейся въ качествѣ реакціи противъ первой. Это теорія „защитниковъ абсолютной свободы индивида" или лучше, ничемъ неограничиваемой индивидуальной свободы. Эта теорія прямое отрицаніе всѣхъ началъ общественной жизни Не соглашается Бюше и съ ученіемъ той школы, которая избрала золотую середину между двумя крайностями, школы, единственнымъ основаніемъ, началомъ которой является страхъ передъ злоупотребленіями, крайностями свободы.

Свою собственную теорію предѣловъ, если можно такъ выразиться, индивидуальной свободы Бюше строитъ, исходя изъ того положенія, что человѣкъ, какъ членъ общества, eo ipso, вступаетъ въ двоякія отношенія: [1]) индивидуальныя или частно-гражданскія (civiles), вытекающія изъ его личной цѣли дѣятельности, сго страстей, нуждъ интересовъ; [2]) политическія или государственно-гражданскія (civiques), отношенія его съ обществомъ или государствомъ. Политическія отношенія выражаются въ формѣ обязанностей, которыя должны быть исполнены и правъ, которыя должны быть осуществлены. Такъ что политическая обязанность чаще всего является жертвой; политическое же право, на оборотъ удовлетвореніемъ извѣстныхъ стремленій. Общество одинаково заинтересовано какъ въ исполненіи обязанностей, такъ и въ реализаціи правъ.

Изъ каждой политической обязанности логически вытекаетъ родственное съ нею право; притомъ, какъ по отношенію къ индивиду, такъ и по отношенію къ государству: если отъ подданнаго требуется содѣйствіе въ дѣлѣ защиты общества, то этимъ самымъ ему дается право носить оружіе и участвовать въ дѣлѣ управленія страной. И наоборотъ: если на государство возлагается обязанность охранять всѣхъ его членовъ, то необходимо, чтобы оно было вооружено властью налагать на каждаго изъ нихъ напр. такія обязанности, какъ воинская, присяжныхъ засѣдателей и т. п.

Общество или государство можетъ къ чему либо обязы-

вать индивида лишь по стольку, по скольку оно само къ этому обязано. Отсюда границами правъ государства являются границы обязанностей: гдѣ кончается его обязанность, тамъ кончается его право. Вотъ почему общество имѣетъ право принужденія по отношенію къ индивидамъ настолько, насколько принуждаетъ само себя; иначе: оно должно дѣлать для нихъ то, что оно хочетъ, чтобы они дѣлали для него.

И такъ предѣлами политической свободы индивида являются его общественныя обязанности.

Что касается частно-гражданской свободы индивида, то ея предѣлами является такая же свобода другихъ. Гарантія этихъ предѣловъ обезпечивается системой уголовныхъ наказаній. Судебныя установленія поэтому, являются охранителями частной свободы индивида.

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что только что изложенное ученіе не представляетъ собою чего либо новаго; Бюше самъ говоритъ, что оно—не больше какъ результатъ работъ французскихъ публицистовъ XVIII столѣтія и что оно составляетъ основу главнѣйшихъ конституцій новѣйшей Франціи. Не смотря на все это, Бюше убѣжденъ что это его ученіе нисколько не противорѣчитъ началамъ нравственности; что оно только развитіе двухъ положеній: „поступай относительно другихъ такъ, какъ ты хотѣлъ бы, чтобы поступали относительно тебя“; „не дѣлай другимъ того, чего ты не хочешь, чтобъ дѣлали тебѣ.“

Параграфъ девяносто шестой Бюше посвящаетъ опроверженію всѣхъ возраженій, дѣлаемыхъ противъ принятаго имъ ученія о предѣлахъ индивидуальной свободы Противъ всѣхъ этихъ возраженій онъ выступаетъ въ сущности съ однимъ доводомъ: всѣ онѣ касаются лишь деталей и основываются на обычаяхъ, привычкахъ, укоренившихся въ соціальной жизни, которая, разумѣется, несовершенна и вѣроятно когда нибудь измѣнится: многіе изъ привычекъ и обычаевъ изчезнутъ, другіе въ корнѣ измѣнятся.

Установивъ, такимъ образомъ, границы свободной воли

индивида, Бюше устанавливаетъ и средства, которыя могли бы гарантировать эту свободу въ опредѣленныхъ ей границахъ. Въ разсматриваемой нами главѣ Бюше отыскиваетъ такія средства лишь по отношенію къ свободѣ, проявляющейся въ частно-правовыхъ индивидуальныхъ сношеніяхъ, отлагая вопросъ о гарантіяхъ политической свободы индивида до четвертой книги (которую мы перевели).

Бюше дѣлитъ всю совокупность гарантій на двѣ системы: систему предварительную, которую онъ опредѣляетъ, какъ запрещеніе извѣстнаго дѣянія въ виду устраненія злоупотребленій: напр. въ виду охраненія добродѣтелей женщины ее запираютъ въ гаремы, съ цѣлью избѣжать злоупотребленій свободы печати изобрѣтаютъ цензуру и т. п.; систему репрессивную, карательную, сущность которой—наказаніе за совершенное уже дѣяніе.

Первая система—достояніе государствъ деспотическихъ Вторая единственная, соотвѣтствующая свободному режиму страны. Эта система соотвѣтствуетъ ученію христіанства, которое допускаетъ полную свободу дѣйствій, но объявляетъ, что добро будетъ вознаграждено, а зло наказано.

И такъ, стало быть, установленіями, охраняющими индивидуальную свободу, являются судебныя установленія данной страны.

Охраненіе и улучшеніе человѣческой жизни

Охраненіе одной только личной свободы еще недостаточно для полнаго охраненія индивида: что будетъ съ нимъ, если онъ будетъ оставаться рабомъ голода, жертвой отсутствія безопасности; можно ли назвать его свободнымъ, если его преслѣдуютъ нищета и полная неувѣренность въ будущемъ? Онъ продается за кусокъ хлѣба и малѣйшую дозу безопастности: доказательство средніе вѣка нашей исторіи.

Необходимо найти средства спасти индивида отъ такого состоянія, обезпечить ему этотъ „кусокъ хлѣба". Средство, придуманное въ новѣйшее время—„обезпечить каждому пра-

во на трудъ,“ Бюше находитъ вполнѣ несостоятельнымъ. Этого права, какъ существенный элементъ личной свободы, никто въ настоящее время ни у кого и не отрицаетъ Задача — въ томъ, чтобы дать средство осуществить это право. Если государство разъ устанавливаетъ право на трудъ, тѣмъ самымъ оно возлагаетъ на себя обязанность доставить работу, а это значитъ лишить свободы всѣхъ и каждаго, обративъ его въ орудіе администраціи. Къ такому порядку вещей въ дѣйствительности и приходятъ всѣ сторонники теоріи „права на трудъ.“

Въ глазахъ Бюше трудъ есть не только право, но обязанность; первымъ онъ является съ точки зрѣнія индивидуальной, второй—съ точки зрѣнія общественной. Это вопервыхъ, а во вторыхъ, право на трудъ ни въ какомъ случаѣ не есть эквивалентъ права на жизнь. По отношенію къ этому послѣднему праву индивида Бюше ставитъ слѣдующее общее правило: „съ истинно соціальной точки зрѣнія власть и администрація отвѣтственны за смерть человѣка, умершаго съ голода“. Но если это такъ, то какимъ образомъ можетъ государство обезпечить каждому изъ индивидовъ, входящихъ въ составъ его, удовлетвореніе его насущнѣйшихъ потребностей?

Сдѣлавъ коротенькій очеркъ мѣръ, предпринимавшихся классическимъ и средневѣковымъ государствами противъ нищеты, Бюше находитъ, что въ настоящее время эти мѣры не могутъ болѣе практиковаться, какъ несовмѣстныя съ современной общественно-государственной организаціей. Въ настоящее время могутъ, по его мнѣнію, практиковаться двоякаго рода мѣры: во первыхъ, мѣры, чисто временнаго, преходящаго характера, такъ сказать пальятивныя; во вторыхъ, мѣры рѣшительныя, коренныя, мѣры, могущія быть осуществленными въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

Къ средствамъ первой категоріи Бюше относитъ: a) опредѣленіе minimum'а заработной платы, ниже котораго никто не могъ бы ни предложить, ни взять; b) особо организованныя установленія, имѣющія цѣлью дать возможность нуждающим-

ся, въ случаяхъ строго опредѣленныхъ, получить работу отъ администраціи, которая имѣла бы въ такомъ случаѣ право располагать этими людьми какъ «солдатами—промышленниками»; c) такое распредѣленіе общественной помощи, чтобы всякій нуждающійся могъ найти ее вездѣ, гдѣ его застанетъ нужда. Всѣ эти мѣры [1]) дѣйствительно практикуются почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ. Что же касается дѣйствительнаго, кореннаго средства противъ нищеты, этого средства „будущаго," Бюше видитъ его въ повсемѣстномъ распространеніи рабочихъ обществъ, артелей; обществъ, совершенно отличныхъ отъ современныхъ коммерческихъ и промышленныхъ. Это общества труда, а не капитала. Члены такого рода обществъ обязываются: a) образовать капиталъ, имѣющій быть орудіемъ ихъ труда, капиталъ общій, неотчуждаемый и недѣлимый и я постоянно возростающій; b) соединить свои силы, чтобы увеличивать цѣнность этого капитала подъ руководствомъ правленія ими самими, въ интересахъ всѣхъ, выбраннаго. Этимъ обязанностямъ участниковъ общества соотвѣтствуютъ слѣдующія права: a) право на полученіе вознагражденія, достаточнаго для удовлетворенія потребностей, обусловливаемыхъ профессіей и бытомъ страны; b) право на участіе въ выгодахъ предпріятія пропорціонально вложенному въ него труду. Существенное условіе существованія артелей подобнаго рода—образованіе, сохраненіе и увеличеніе общественнаго капитала [2]) Для реализаціи подобнаго рода обществъ необходимо измѣненіе многаго въ нравахъ и обычаяхъ. Моментъ осуществленія этихъ мѣръ аналогиченъ по своему значенію съ моментомъ перехода отъ рабства въ индивидуальной свободѣ.

Рѣшивъ такимъ образомъ вопросъ о мѣрахъ противодѣйствія нищетѣ массъ, Бюше переходитъ къ вопросу объ усовершенствованіи человѣческой жизни „съ физіологической точки зрѣнія."

---

[1]) Исключая развѣ послѣдней.

[2]) Начала этого рода ассоціацій подробно излагаются учениками Бюше Feugueray и Ott'омъ въ ихъ сочиненіяхъ: L'association ouvrière, agricole et industrielle;—Traité d'economie sociale; а также въ его собственныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ теченія 1832 года въ журналѣ «Европеецъ».

Критеріумомъ совершенства жизни въ этомъ отношеніи Бюше принимаетъ долготу ея. Нормальной долготой человѣческой жизни Бюше считаетъ 100, 150 лѣтъ. Причину паденія, если можно такъ выразиться, этой нормальной долготы до обыкновенной въ наше время Бюше видитъ „въ злоупотребленіи человѣка самимъ собой и другими,“ во вліяніи матеріальной среды, въ которой онъ живетъ и наконецъ, того и другаго вмѣстѣ.

Для устраненія этихъ вліяній необходимы, кромѣ, такъ сказать, индивидуальной гигіены, извѣстныя общественныя установленія, которыя гарантировали бы гигіеническія условія. Во главѣ этихъ установленій должно стоять специальное учрежденіе—ученое—которое обладало бы правомъ инициативы по данному вопросу.

Усовершенствованіе индивидуальной гигіены прямо пропорціонально степени образованія, свободы etc.; словомъ, степени нравственнаго и интеллектуальнаго развитія свободнаго индивида.

Все это, однако, поведетъ къ улучшенію организма человѣка лишь послѣ долгаго и долгаго времени: когда искоренены будутъ—нищета, безнравственность, невѣжество, пагубныя привычки; когда, наконецъ, побѣждено будетъ присущее всѣмъ, наслѣдственное предрасположеніе, а для этаго нужны вѣка.

Институтъ собственности, какъ уже было замѣчено, Бюше также относитъ къ охранительнымъ установленіямъ. Седьмую главу третьей книги онъ посвящаетъ ученію о правѣ собственности, пытаясь установить «его принципы и границы». Собственность.

Трудъ есть только проявленіе, приложеніе извѣстныхъ, врожденныхъ человѣку способностей, которыя ставятъ его въ опредѣленныя отношенія съ внѣшнимъ міромъ. Продуктъ есть, въ свою очередь, проявленіе, результатъ труда. Отсюда продуктъ — нѣчто врожденное личности производителя, какъ и

самая продуктивная способность. Отсюда—право собственности. Въ присвоеніи себѣ лично человѣкомъ всего имъ про-произведеннаго Бюше видитъ проявленіе «логическаго инстинкта» человѣка, инстинкта на столько сильнаго, что сила его часто, почти всегда, преобладаетъ надъ правомъ и справедливостью: завоеванный или рабъ считался собственностью господина въ древнемъ мірѣ, таковою же считались и дѣти по отношенію къ отцу, произведшему ихъ на свѣтъ. Во всемъ этомъ — только проявленіе начала, что все, во что человѣкъ вложилъ свой умъ, свой трудъ, принадлежитъ ему. Бюше на столько считаетъ это положеніе истиннымъ, что не знаетъ, какимъ образомъ можно доказывать противное.

Если это такъ, если продуктъ труда есть собственность субъекта этого труда, то сами собою являются вопросы: а) въ какой степени продуктъ принадлежитъ производителю; в) продуктъ ли только можетъ быть предметомъ собственности и с) имѣетъ ли право собственности какія либо предѣлы?

Такъ какъ въ производствѣ, кромѣ личныхъ усилій индивида - производителя участвуетъ, и притомъ въ очень значительной степени, все то, что получаетъ этотъ индивидъ отъ общества — «языкъ, опытность, профессіональное образованіе и т. п» — то участіе этого общества въ продуктѣ труда является естественнымъ послѣдствіемъ. Еще менѣе спорнымъ фактомъ необходимо признать права отца и матери на участіе въ продуктѣ ихъ дѣтей; ихъ право Бюше ставитъ даже выше права общества въ силу того, что именно родители являются посредниками въ передачѣ тѣхъ интеллектуальныхъ и физическихъ средствъ, которыя, какъ сейчасъ было замѣчено, даетъ индивиду общество. Это право родителей на участіе въ производимомъ дѣтьми выражается въ правѣ ихъ на поддержку со стороны послѣднихъ.

Изъ того обстоятельства, что трудъ человѣка не создаетъ самой матеріи, а лишь форму ея, Бюше заключаетъ, что на матерію производитель получаетъ лишь право владѣнія, пропорціональное самой цѣнности формы, т. е. тѣмъ качествамъ или полезностямъ, которыя ею создаются: земледѣлецъ полу-

чаетъ право на землю пропорціонально тѣмъ затратамъ и улучшеніямъ, которыя онъ вложилъ въ нее. Отсюда Бюше заключаетъ, что права на самую землю быть не можетъ, такъ какъ она не создается трудомъ человѣка. Но вслѣдъ за этимъ выводомъ онъ говоритъ, что механикъ, создавшій машину изъ металла, получаетъ на эту машину полное право собственности; потому что здѣсь форма, такъ сказать, поглощаетъ матерію, послѣдняя какъ будто изчезаетъ въ первой [1]). Благодаря такому соотношенію между трудомъ человѣка и матеріей, наиболѣе чистой, совершенной собственностью человѣка необходимо должны быть идеи, научныя формулы, доктрины» [2]).

Съ точки зрѣнія существующаго факта объектомъ права собственности можетъ быть и бываетъ далеко не продуктъ только личнаго труда. Основываясь на своихъ теоретическихъ началахъ Бюше, не соглашается съ такимъ фактическимъ рѣшеніемъ вопроса. По его взгляду на данный вопросъ все, чего не въ состояніи произвести человѣкъ, не можетъ принадлежать ему въ качествѣ собственности: отсюда, земля, напр., какъ уже было говорено, не можетъ принадлежать человѣку въ полную собственность. Но такъ какъ она такой же необходимый въ жизни человѣка элементъ, какъ и воздухъ, напр., то Бюше и приходитъ къ заключенію, что въ принципѣ, она можетъ принадлежать лишь обществу, которому и принадлежитъ право опредѣлять участіе каждаго отдѣльнаго члена его въ пользованіи землей [3]) Отсюда, отдѣльный индивидъ

---

1) Странное противорѣчіе. Какъ будто и съ землей нельзя произвести такіе эксперименты, что и она будетъ давать въ результатѣ то, чего никогда не дала бы безъ труда человѣка, какъ и тотъ металлъ, изъ котораго создана механикомъ машина; какъ будто въ этомъ случаѣ земля не обращается въ нѣчто неузнаваемое.

Прим. перев.

2) А между тѣмъ, именно этого рода собственность, замѣчаетъ Бюше, наименѣе гарантирована въ современномъ обществѣ.

3) Нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ г. Градовскаго (Пол., ист. и админ. 205), что „автора трудно заподозрить въ соціалистическихъ стремле-

пользуется, по отношенію къ землѣ, лишь правомъ владѣнія, которое — совершенно отлично отъ права собственности.

Право собственности — результатъ труда, право владѣнія вытекаетъ изъ факта завладѣнія, пользованія вещью. Полагая такое различіе между этими двумя правами относительно ихъ происхожденія, Бюше устанавливаетъ это различіе и въ отношеніи ихъ содержанія: право собственности даетъ его субъекту неограниченное право распоряженія; содержаніе права владѣнія опредѣляется закономъ.

Такъ понимаемое право собственности Бюше считаетъ не произведеніемъ общества, а «личнымъ правомъ производителя». Общество только признаетъ это право, покровительствуетъ ему. Отсюда неизбѣжный выводъ, что право собственности не должно быть наслѣдственнымъ, каковымъ можетъ быть только владѣніе [1]).

Если право собственности такъ суживается по отношенію къ объектамъ, то, на оборотъ, право владѣнія въ этомъ отношеніи въ высшей степени растяжимо: оно простиралось нѣкогда даже на людей. Только развитіе цивилизаціи, началъ нравственности положило извѣстные предѣлы въ этомъ отношеніи «ненасытной жадности человѣка». Предѣлы эти — въ правѣ собственности, которое и является началомъ, ограничивающимъ права владѣнія.

Прежде чѣмъ перейти отъ этого вопроса къ слѣдующему — о границахъ права собственности — Бюше останавливается

ніяхъ“ а между тѣмъ выводы его о поземельной собственности — „почти тѣже до какихъ дошелъ Прудонъ“ (ib.). Какъ примирить этотъ взглядъ автора съ его же взглядомъ на личную свободу человѣка, какъ согласить послѣднюю съ исключительнымъ правомъ общества «опредѣлять участіе каждаго» въ пользованіи землей? Прим. пер.

[1]) Отсюда, владѣніе землею можетъ быть наслѣдственнымъ. Но какъ же примирить въ этомъ случаѣ право наслѣдственностя съ исключительнымъ правомъ общества распредѣлять это владѣніе между отдѣльными членами его? Прим. пер.

на вопросѣ о наслѣдствѣ, которое въ настоящее время «является», по словамъ мыслителя, «могущественнѣйшимъ элементомъ владѣнія». По мнѣнію Бюше общество по смерти индивида заступаетъ личность послѣдняго и въ силу этого получаетъ право на все, оставленное умершимъ послѣ себя; его права на владѣніе Бюше выводитъ изъ того что самое владѣніе имъ установляется; право же его на собственность — изъ того, что, какъ выше было говорено, общество участвовало въ произведеніи объекта этого права въ качествѣ производителя. Когда общество гарантируетъ дѣтямъ право наслѣдства, оно, говоритъ Бюше, «лишь повинуется желанію родителей», соображаясь въ тоже время и съ началами общественной пользы; но оно отступается отъ этихъ послѣднихъ, по его мнѣнію, когда гарантируетъ это право родственникамъ по боковой линіи Оно дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ, вѣроятно въ силу традицій, дошедшихъ до насъ изъ далекаго прошлаго. Установивъ извѣстный уже взглядъ на права собственности, Бюше долженъ былъ придти къ такому взгляду на наслѣдство. Онъ къ нему и пришелъ и притомъ со всѣми его логическими выводами, мало отличными отъ выводовъ тѣхъ школъ, противъ которыхъ онъ самъ же ратуетъ. Тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ, онъ все таки защищаетъ право наслѣдства, покрайней мѣрѣ по отношенію къ дѣтямъ.

Опредѣливъ объемъ права собственности по отношенію къ его объекту, Бюше переходитъ къ опредѣленію ограниченій его въ нравственномъ и политическомъ отношеніяхъ.

Предѣлами права собственности съ этой точки зрѣнія Бюше полагаетъ «предписанія нравственнаго закона, политическія обязанности и общественные интересы».

Свое ученіе о собственности Бюше заключаетъ разсмотрѣніемъ вопроса «о цѣли законодательства по отношенію къ собственности и владѣнію». Онъ требуетъ вмѣшательства со стороны государства въ отношенія владѣнія къ собственности, отношенія, подобныя отношеніямъ капитала къ труду Онъ находитъ, что прежде всего необходимо гарантировать уваженіе къ собственности, по отношенію къ которой владѣніе—

только лишь средство. Онъ не останавливается на этомъ вопросѣ по отношенію къ фабричной промышленности, гдѣ вся суть, по его выраженію — «въ вопросѣ о кредитѣ»; онъ переходитъ къ земледѣльческой промышленности. Въ этомъ случаѣ онъ является сторонникомъ общиннаго землевладѣнія и задачу современной Франціи видитъ въ возстановленіи послѣдняго. Онъ дѣлаетъ суровый упрекъ первой имперіи за ея посягательство, подъ вліяніемъ финансовыхъ затрудненій, на общинныя земли. Онъ не соглашается съ тѣмъ взглядомъ политико-экономовъ, по которому при общинномъ землевладѣніи не возможны улучшенія. Онъ указываетъ на Бельгію, гдѣ общинныя земли воздѣлываются съ замѣчательнымъ стараніемъ и совершенствомъ.

Индивидуальныя права и обязанности.

Права и обязанности, «обнимающія всю жизнь человѣка въ обществѣ», являются, въ силу этого, однимъ изъ «охраняющихъ установленій» Въ принципѣ доктрина правъ и обязаностей, по мнѣнію Бюше, — ничто иное какъ нравственная доктрина»; различіе лишь въ формѣ и источникѣ происхожденія: первая — человѣческое установленіе, вторая — божеское.

Бюше ставитъ въ прямую зависимость отъ большаго или меньшаго осуществленія обществомъ доктрины правъ и обязанностей большую или меньшую степень совершенства, если можно такъ выразиться, самаго общества, которому eo ipso грозитъ гибель, если въ немъ эта доктрина вовсе не имѣетъ мѣста.

Приступая къ анализу установленія правъ и обязанностей, Бюше прежде всего ставитъ вопросъ, такъ сказать, о первенствѣ: о томъ, предшествуетъ ли право обязанности или, наоборотъ, обязанность праву; а если ни то, ни другое—то не есть ли онѣ явленія одновременныя въ отношеніи ихъ происхожденія. Бюше рѣшаетъ вопросъ въ смыслѣ первенства, въ этомъ отношеніи, обязанности. Такое рѣшеніе вопроса прямо вытекаетъ изъ его ученія объ общихъ цѣляхъ дѣятельности: разъ эта цѣль поставлена, обязанности какъ индивидуальныя, такъ и политическія eo ipso дѣлаются первымъ, насущнымъ

условіемъ существованія общества. Онъ возстаетъ противъ ученія индивидуалистовъ, видящихъ въ обществѣ лишь средство обезпечить личныя права индивида и выводящихъ идеи объ обязанности изъ столкновенія правъ отдѣльныхъ индивидовъ. Онъ недостатки общественно-государственнаго строя Сѣверо-Американскихъ штатовь видитъ въ томъ, что въ конституціи этого государства политическія обязанности стоятъ. въ сравненіи съ общинными индивидуальными правами, на второмъ планѣ.

Бюше самое назначеніе человѣка и общества видитъ въ исполненіи ими, относительно другъ друга, обязанностей, по отношенію къ которымъ права играютъ лишь второстепенную роль средства. Такимъ образомъ, цѣль является источникомъ обязанностей, а эти послѣднія — источникомъ или мотивомъ правъ. Каждая обязанность порождаетъ соотвѣтствующее право: предписывая уваженіе къ собственности другихъ, доктрина тѣмъ самымъ освящаетъ, порождаетъ право собственности.

Это логическое построеніе оправдывается и исторіей: ча-что очень поздно, но все таки, въ концѣ концовъ, всегда принципъ обязаности признается всѣми. Осуществленіе этого начала привело къ уничтоженію рабства. Средневѣковые города Франціи добились политическихъ правъ путемъ возложенія на себя обязанностей защищать общину. Наоборотъ, разъ общество отказывается отъ своихъ обязанностей, оно отказывается отъ правъ: средневѣковое высшее сословіе лишилось всякаго политическаго значенія, благодаря тому, что политическую обязанность свою — защищать націю и общественный миръ — обратило въ какую-то личную привилегію.

Какъ обязанность предшествуетъ праву, такъ начало нравственности предшествуетъ свободѣ: всѣ законодательства не признаютъ отвѣтственнымъ за преступленіе, т. е. отрицаютъ свободу у человѣка, неусвоившаго себя началъ нравственности. Рабъ перестаетъ быть рабомъ, когда развивается на столько, что усвоиваетъ себѣ извѣстныя начала нравственности. Каждый слой общества, получаетъ извѣстныя политическія права лишь по достиженіи такого развитія. На оборотъ,

общества, ставшія жертвой деспотизма, стали таковою лишь послѣ того, какъ въ нихъ ослабло чувство нравственности. Если это такъ — ясно, что нравственность создаетъ свободу.

Это начало первенства нравственности передъ свободой, обязанности предъ правомъ играетъ громадное значеніе при рѣшеніи всѣхъ общественныхъ вопросовъ. Для утвержденія этой мысли Бюше не ограничивается тѣми историческими указаніями, которыя онъ дѣлалъ до сихъ поръ и посвящаетъ цѣлый параграфъ фактамъ изъ общественной жизни, которые, по его мнѣнію ставятъ его положеніе внѣ всякаго сомнѣнія.

Такъ единственное спасеніе угнетаемыхъ подданныхъ деспота или меньшинства, тѣснимаго всемогущимъ большинствомъ — въ той нравственной связи, которая существуетъ между сильнымъ и слабымъ, угнетателемъ и жертвой. Обязанность (сильныхъ) единственная защита слабыхъ.

Это начало нравственной обязанности проникаетъ всѣ общественныя функціи и частныя профессіи. Оно дѣлаетъ человѣка менѣе звѣремъ: оно напоминаетъ ему, что не все — въ его правѣ, что онъ—не одинъ. Это начало—высшая и основная гарантія разумныхъ отношеній государства къ обществу и отдѣльнымъ индивидамъ. Что можетъ удержать, напр., хлѣбнаго торговца во время голода отъ продажи хлѣба въ три дорога? Только нравственное начало обязанности—«не дѣлать того, другимъ, чего не желаешь себѣ».

Къ числу такихъ обязанностей, порождающихъ соотвѣтствующія имъ права, Бюше относитъ и обязанности индивида по отношенію къ себѣ, обязанности его охранять свое человѣческое достоинство, независимость, твердость убѣжденій и т. п. Только соблюденіе индивидомъ этихъ обязанностей даетъ ему право на такое отношеніе къ нему со стороны государства, чтобы ни одно изъ этихъ свойствъ личности не нарушалось послѣднимъ. Уваженіе государства къ личности человѣка должно быть прямо пропорціонально уваженію послѣдняго къ самому себѣ.

Разсмотрѣвъ вопросъ о правахъ и обязанностяхъ индивидуальныхъ съ точки зрѣнія ихъ отношенія другъ къ другу, Бюше переходитъ къ вопросу о правахъ и обязанностяхъ самаго общества. Основнымъ правомъ-обязанностью общества онъ ставитъ право-обязанность самосохраненія, изъ котораго вытекаютъ различныя соціальныя установленія. Не только отрицанія но и самаго сомнѣнія, вопроса объ этомъ правѣ общества, этой его обязанности авторъ не допускаетъ. Но это — только главное право-обязанность общества: оно обязано и имѣетъ право преслѣдовать активно свою цѣль. Изъ этихъ двухъ основныхъ правъ-обязанностей «логически вытекаетъ» говоритъ Бюше, «вся серія политическихъ обязанностей и правъ, съ правомъ суверенитета во главѣ. Общество съ этой точки зрѣнія является «іерархической совокупностью функцій, обязанностей и соотвѣтствующихъ послѣднимъ правъ». Это опредѣленіе общества [1]) авторъ считаетъ не дѣломъ только чистаго разума, воображенія, а такъ сказать, формулой всякаго «совершеннаго или иначе говоря, вполнѣ законченнаго общества».

Приэтомъ, первоначальныя политическія права общества, къ которымъ Бюше относитъ права верховной власти, отличаются отъ второстепенныхъ не только по объему и присущей имъ власти, но и тѣмъ, что принадлежатъ они—всему обществу (государству) и не могутъ быть делегированы вполнѣ и на всегда. Каждое общество имѣетъ извѣстныя права и обязанности и по отношенію къ другимъ обществамъ; отсюда — вопросъ о его правахъ обязанностяхъ съ точки зрѣнія внѣшнихъ, международныхъ отношеній.

Каждое общество обязано, а потому и имѣетъ право защищать себя отъ нападеній всякаго другаго общества. Эта

---

[1]) Подъ обществомъ здѣсь Бюше разумѣетъ государство: «я разсматриваю политическое общество», говорилъ онъ, «какъ разсматриваютъ его юри«сты, т е., какъ юридическое лицо. Я буду избѣгать употребленія слова «государство, какъ бы ни было оно выразительно по отношенію къ этого «рода юридическому лицу».

обязанность-право есть результатъ его обязанности-права на самосохраненіе.

Это право-обязанность международной защиты имѣетъ свои предѣлы, выводимые Бюше изъ того же начала нравственности, справедливости, нравственной обязанности. Отношенія націй въ этомъ смыслѣ — аналогичны съ отношеніями индивидовъ; между ними должна существовать такая же взаимность, солидарность какъ и между индивидами. Изъ этой солидарности и вытекаютъ международныя права-обязанности. Въ основѣ этой взаимности всегда лежитъ извѣстная степень сходства въ тѣхъ началахъ, на которыхъ покоится внутренняя организація каждаго отдѣльнаго политическаго организма [1]).

Христіанство—вотъ, по мнѣнію Бюше, основа европейскаго международнаго права.

Всѣ европейскія государства въ международномъ отношеніи составляютъ, по мнѣнію Бюше, «родъ федераціи». Отсюда — его надежды на осуществленіе въ близкомъ будущемъ такого международнаго порядка, при которомъ всѣ столкновенія будутъ рѣшаться мирнымъ путемъ «простаго третейскаго суда или путемъ разбирательства въ особомъ европейскомъ трибуналѣ». Первымъ шагомъ къ учрежденію такого трибунала Бюше считаетъ учрежденіе во всѣхъ государствахъ особыхъ коллегій юристовъ, вродѣ той, къ которой обращается правительство Англіи въ извѣстныхъ трудныхъ политическихъ вопросахъ. Депутаты отъ этихъ коллегій могли бы съѣзжаться для рѣшенія общественныхъ вопросовъ. Рѣшенія этихъ съѣздовъ имѣли бы могущественное вліяніе на общественное мнѣніе.

О равенствѣ, какъ принципѣ общественныхъ установленій.

Заключительная десятая глава перваго тома посвящена

---

[1]) Исходя изъ этого положенія, Бюше не видитъ въ договорахъ европейскихъ государствъ съ азіатскими и африканскими выраженія такой солидарности, основъ международнаго права, доказательствомъ существованія котораго онъ не считаетъ коммерческіе договоры или вообще какіе либо спеціальные временные трактаты. Кн. III. Гл. IX. 390—391.

Бюше вопросу о равенствѣ, начало котораго, по словамъ Бюше во Франціи и нѣкоторыхъ другихъ государствахъ Европы является въ настоящее время закономъ нравственности, справедливости, по отношенію къ людямъ, какъ таковымъ; правомъ, общимъ всѣмъ людямъ. Это—начало, не извѣстное ни классическимъ государствамъ Греціи и Рима, ни тѣмъ болѣе древнему востоку, которымъ были совершенно чужды, какъ идея, такъ и чувство равенства. Платонъ и Аристотель понимали слишкомъ узко идею равенства, разумѣя надъ послѣднимъ лишь равенство матеріальное. У народовъ Индіи и Египта начало равенства могло имѣть мѣсто лишь въ предѣлахъ касты. Въ Аѳинахъ равенствомъ передъ закономъ пользовались только аѳинскіе граждане. Въ Римѣ это начало долгое время имѣло мѣсто лишь по отношенію къ патриціямъ. Греки и Римляне на иностранцевъ смотрѣли какъ на варваровъ, стоящихъ, такъ сказать, внѣ закона: иностранецъ и врагъ назывался у римлянъ однимъ и тѣмъ же именемъ hostis.

Чувство равенства у этихъ народовъ замѣнялось другимъ, предшествующимъ этому чувству, отличнымъ отъ него по своей сущности, но дающимъ въ результатѣ нѣчто въ извѣстныхъ отношеніяхъ аналогичное съ тѣми послѣдствіями, къ которымъ приводитъ идея равенства. Это чувство Бюше называетъ «желаніемъ успѣха», стремленіемъ опередить другихъ. Характеристическое отличіе этого чувства—его исключительно личная, эгоистическая подкладка. Оно не лишается этой характеристической черты даже и въ то время, когда охватываетъ собой цѣлый слой населенія: рабы Греціи или Рима возставали не во имя идей всеобщей свободы, а просто ради того чтобы самимъ стать господами. Это стремленіе было всеобщимъ явленіемъ древности, какъ въ Греціи съ Римомъ, такъ и на Востокѣ.

Въ Индіи и Египтѣ это начало въ тѣсной связи съ религіознымъ ученіемъ: всякій переворотъ оправдывался религіозной легендой.

Цивилизація Греціи и Рима въ этомъ отношеніи была

лишь «послѣднимъ проявленіемъ» цивилизація Индіи и Египта: у древнихъ авторовъ можно найти многое, указывающее на аналогію между доктринами Греціи и Египта, аналогію, которая на самомъ дѣлѣ гораздо значительнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ.

Съ природой человѣка, однако болѣе согласно стремленіе къ господству, чѣмъ чувство равенства. Равенство — есть только одинъ моментъ въ борьбѣ людей за господство; достигнувъ его, человѣкъ не считаетъ себя удовлетвореннымъ и стремится къ господству. Вотъ почему совершенно не вѣрна мысль, будто понятіе о равенствѣ коренится въ природѣ людей, которые родятся равными. О равенствѣ людей въ силу рожденія можно говорить лишь на столько, на сколько можно говорить о равенствѣ отдѣльныхъ видовъ или особей одного и того же рода. Дальше — люди различны во всемъ: какъ по физическимъ, такъ и интеллектуальнывъ способностямъ. Общее всѣмъ людямъ — духовная природа, душа.

Равенство людей есть принципъ нравственный, начало религіозное, впервые прочно поставленное христіанствомъ.

Отсюда, можно говорить лишь о равенствѣ передъ закономъ и черезъ законъ. Осуществленіе этого начала возможно лишь въ обществѣ: только въ немъ можетъ сгладиться природное неравенство людей.

Равенство въ этомъ смыслѣ—двухъ родовъ: а) гражданское и б) политическое. Первое признано во всей Европѣ; второе въ болѣе или менѣе ограниченномъ видѣ [1]).

---

1) Бюше видитъ великое и совершенно естественное преимущество человѣка въ его правѣ носить, въ силу рожденія, «почетное и прославленное имя»; это право не нуждается въ санкціи закона: оно освящается общественнымъ мнѣніемъ. Но Бюше не признаетъ, однако, нужнымъ одарять лицо, пользующееся такимъ правомъ, какими либо привилегіями: это значило бы отрицать тѣ нравственныя обязанности, которыя налагаетъ на человѣка такого рода имя. Наконецъ, эти привилегіи противорѣчили бы началу природнаго неравенства людей. Какъ часто наслѣдникъ великаго имени является отъ природы, недостойнымъ его. А такое вырожденіе «славныхъ» родовъ въ настоящее время — фактъ очень замѣтный.

Равенство передъ закономъ вовсе не есть свобода; оно даже не вытекаетъ изъ нея: въ деспотіи равенство законъ — хотя и правда, что это равенство есть равенство рабства.

Равенство передъ закономъ не есть нравственное, моральное равенство. Люди равны въ нравственномъ отношеніи лишь тогда, когда они питаютъ одинаковое чувство любви и уваженія къ обязанности; когда они одинаково способны на самопожертвованія. Въ этомъ случаѣ они абсолютно равны. Этотъ видъ равенства — выше всякихъ соціальныхъ положеній, и интеллектуальныхъ и физическихъ различій: онъ сглаживаетъ все.

Сила какъ консервативное установленіе.

Въ главѣ о силѣ, какъ консервативномъ установленіи, Бюше ведетъ рѣчь о судебныхъ и военныхъ установленіяхъ, цѣль которыхъ, по его взгляду — охраненіе и защита, а средство употребляемое для этого — принужденіе, т. е. другими словами — сила.

Отсюда видно, что Бюше, по отношенію къ сущности, не полагаетъ разницы между судебными и военными установленіями. Война лишена будетъ нравственной подкладки, если не будетъ носить на себѣ печати справедливости; судъ не будетъ имѣть значенія, если не будетъ опираться на силу. И война и судъ удовлетворяютъ однѣмъ и тѣмъ же потребностямъ, охраняя, одинъ — интересы индивидовъ, другая — національные. Война рѣшаетъ споръ націй; судъ — споръ индивидовъ. Было время, когда война замѣняла судъ и по отношенію къ частнымъ спорамъ отдѣльныхъ лицъ.

Въ историческомъ прошломъ сила являлась совершенно естественнымъ источникомъ права принужденія. Она не нуждалась въ оправданіи, мотивированіи: ею все оправдывалось, все мотивировалось. Этотъ взглядъ отражается и на современномъ порядкѣ вещей. На силу смотрѣли какъ на даръ боговъ. Магометанство считаетъ авторитетъ силы абсолютнымъ, неоспоримымъ. Такой взглядъ на силу возведенъ въ доктрину пантеистами и матеріалистами.

Разсматриваемая сама по себѣ, сила не можетъ быть ни принципомъ, ни абсолютнымъ добромъ или зломъ. Она не имѣетъ никакого нравственнаго значенія. Она—только средство, средство, къ которому слѣдуетъ прибѣгать лишь послѣ того какъ всѣ другія средства будутъ исчерпаны.

Въ общественно-государственной жизни элементъ силы проявляется въ троякой формѣ: въ войнѣ, принужденіи и уголовномъ наказаніи.

Если сила—только средство, могущее быть употребленнымъ лишь въ крайнемъ случаѣ, если она проявляется въ войнѣ, принужденіи, наказаніи, то важность вопроса о томъ, когда это средство можетъ быть употреблено, понятна сама собою. Когда же приложеніе силы законно?

Обязанность по мнѣнію Бюше есть единственный, истинно законный мотивъ обращенія къ силѣ. Этотъ мотивъ обнимаетъ собою всѣ другіе, когда либо предлагаемые той или другой философской школой, полагая имъ въ тоже время предѣлы.

Авторитетъ тѣмъ сильнѣе, могущественнѣе, когда все исходящее отъ него носитъ характеръ исполненія имъ обязанности, возлагаемой на него другимъ, болѣе высокимъ авторитетомъ. Общественная польза — ничто въ глазахъ индивида, если онъ не вѣритъ въ общественную обязанность. Общественный договоръ (contract social Руссо) ни къ чему не можетъ обязать индивида: онъ самъ не заключалъ этого договора. Даже самъ общественный интересъ можетъ перешагнуть предѣлы права; теорія общественнаго договора привела къ Конвенту. Защищая свои общественные интересы, народъ нарушаетъ зачастую интересы другаго народа: вспомнимъ отношенія Рима къ Карѳагену; Англіи къ Франціи; этой послѣдней къ Испаніи (война 1807—1808). Такимъ доказательствомъ не состоятельности одного только общаго интереса, какъ мотива приложенія силы, еще рельефнѣе можетъ служить колонизація Америки: въ виду охраны своихъ общественныхъ интересовъ колонисты истребили почти все туземное населеніе.

Началу обязанности, какъ единственному мотиву приложенія силы противорѣчитъ, по мнѣнію Бюше аксіома старой французской монархіи: — «все исходитъ отъ короля»; аксіома, обратившаяся въ классическое «государство, это я» Людовика XIV. Монархъ или династія — не есть эквивалентъ самаго общества, а лишь олицетвореніе его извѣстнаго интереса. Если подъ сущностью этой аксіомы разумѣть право короля безотчетно управлять, это значитъ обратить его въ мароккскаго императора. Вотъ почему, нельзя, по мнѣнію Бюше, признать за истину и другой аксіомы старой французской монархіи:—«право войны принадлежитъ только королю». Предпринимать войну съ цѣлью занять общественное мнѣніе, съ цѣлью покрыться ореоломъ славы — значитъ совершать общественное злодѣяніе. Не меньшимъ зломъ является, въ глазахъ Бюше, объявленіе страны или ея частей въ осадномъ положеніи среди полнаго мира. Еще горшее зло видитъ Бюше шпіонствѣ, возведенномъ въ принципъ государственной политики [1]).

Соединеніе въ однихъ рукахъ всѣхъ трехъ видовъ силы Бюше считаетъ величайшимъ зломъ; причемъ настаиваетъ на отличіи правительства отъ исполнительной власти, которая есть только орудіе, средство послѣдняго. Вовсе нѣтъ необходимости ввѣрять права принужденія тому же самому лицу или учрежденію, которое обладаетъ правомъ приказывать Это двѣ совершенно различныя функціи. Совершенно достаточно, для обезпеченія повиновенія, чтобы принужденіе считалось неизбѣжнымъ фактомъ. А оно будетъ казаться таковымъ, когда будетъ осуществляться спеціальнымъ учрежденіемъ. Раздѣленіе властей въ этомъ смыслѣ есть существенная черта свободнаго, т. е. наиболѣе прогрессивнаго государства.

Переходя къ спеціальному разсмотрѣнію судебныхъ и военныхъ установленій, Бюше начинаетъ съ первыхъ.

---

1) Все это, видимо, высказывается авторомъ подъ вліяніемъ наполеоновскаго режима.

Существенной стороной въ организаціи судебныхъ установленій Бюше признаетъ такой ихъ характеръ, благодаря которому они являлись бы настоящими органами «истины и закона» и стояли бы внѣ всякаго вліянія «политическаго авторитета, авторитета общественнаго мнѣнія». Лучшую гарантію въ этомъ отношеніи Бюше видитъ въ нравственныхъ качествахъ людей, входящихъ въ составъ этихъ установленій, въ ихъ безкорыстной привязанности къ своимъ обязанностямъ; безъ этихъ условій ихъ дѣятельность не будетъ имѣть опоры. Но подобныхъ качествъ можно требовать лишь отъ идеальныхъ людей: обратныя качества имѣютъ не меньшее вліяніе на людей. Отсюда совершенно понятно стремленіе законодательствъ обезпечить одну изъ существеннѣйшихъ функцій общественно-государственной жизни отъ вліянія «человѣческихъ слабостей».

Очертивъ въ нѣсколькихъ словахъ организацію древне-аѳинскаго суда геліастовъ, Бюше приходитъ къ заключенію, что справедливость суда въ древнихъ Аѳинахъ обезпечивалась двумя началами: смѣняемостью судей и коллегіальностью. Въ послѣднемъ началѣ авторъ видитъ средство, благодаря которому «сумма нравственности» всегда превышаетъ «сумму недостатковъ»; въ началѣ смѣняемости судей онъ также видитъ гарантію противъ извращенія начала справедливости. Но онъ видитъ въ то же время въ этихъ двухъ началахъ широкое поприще для вліянія общественнаго мнѣнія, господства большинства, подчиненія начала справедливости предразсудкамъ массъ.

Обращаясь къ противоположенной системѣ суда, къ системѣ парламентскаго до-революціоннаго суда Франціи, Бюше разсматриваетъ начало несмѣняемости, вызванное во Франціи стараго режима продажностью судей. Въ этомъ началѣ видѣли средство обезпеченія независимости судебныхъ магистратовъ и возвели его въ принципъ, полное строго послѣдовательное проведеніе котораго осталось однако лишь pia desideria: разъ назначенное должностное лицо могло повышаться по службѣ; такъ что въ этомъ отношеніи судьи ни

чѣмъ не отличались отъ должностныхъ лицъ, напр., военнаго вѣдомства.

Бюше не видитъ въ одной только несмѣняемости полной гарантіи совершенства судебныхъ установленій: примѣняя это начало, все таки придется остановиться, въ силу необходимости, на людяхъ, получившихъ спеціальное, юридическое образованіе, слѣдовательно неизбѣжно зараженныхъ, въ извѣстной степени, извѣстными предразсудками. Но съ другой стороны онъ не видитъ ее и въ одномъ только избирательномъ началѣ: избранный будетъ заботиться объ обезпеченіи за собой избранія и на новый срокъ; отсюда—заискиваніе передъ общественнымъ мнѣніемъ. Самый способъ назначенія судей вообще не представляетъ никакой гарантіи: все равно—будетъ ли ихъ назначать правительство или избирать общество, — въ томъ и другомъ случаѣ опасность почти таже, какъ еслибы начала несмѣняемости не существовало вовсе.

Обращаясь къ институту присяжныхъ, какъ коррективу въ отношеніи къ недостаткамъ начала несмѣняемости, Бюше видитъ въ немъ одинаково необходимое условіе безпристрастнаго суда и въ томъ случаѣ, когда организація послѣдняго покоится на началѣ смѣняемости судей.

Считая институтъ присяжныхъ основнымъ началомъ суда по отношенію къ политическимъ и уголовнымъ дѣламъ, Бюше обращается къ вопросу о приложимости этого института въ гражданскомъ судопроизводствѣ. Онъ находитъ, что Франція напрасно боится приложенія его въ этой области.

Безвозмездность суда, его доступность всѣмъ — аксіомы въ глазахъ Бюше, также какъ и право каждаго судиться своими естественными судьями. Судъ присяжныхъ—лучшая гарантія каждаго изъ этихъ началъ.

Наконецъ, послѣдняя аксіома, обезпечивающая истину судебнаго приговора: законъ долженъ быть редактированъ такъ, чтобы подъ него можно было подвести всѣ отдѣльные случаи,

какъ бы они ни были разнообразны. Такой редакціи закона не имѣетъ еще ни одно государство.

Военныя установленія.

Сообразно характеру сочиненія Бюше разсматриваетъ военныя установленія лишь съ политической точки зрѣнія, съ точки зрѣнія соотношенія ихъ съ самой организаціей государства

Бюше ставитъ слѣдующее начало въ качествѣ закона: постоянная армія есть существенная сторона только монархическихъ государствъ; въ государствахъ республиканскихъ она, если не можетъ быть уничтожена, должна быть доведена до возможнаго minimum'a. Въ государствахъ послѣдняго типа каждый гражданинъ не только долженъ но и имѣетъ право носить оружіе, входить въ составъ милиціи. Притомъ, постоянное войско въ монархіяхъ не должно представлять собою цѣлаго народа, а лишь извѣстные классы его.

Подъ милиціей Бюше разумѣетъ совокупность всѣхъ или большей части гражданъ съ цѣлью обученія военному искусству подъ командой офицеровъ, ими самими избранныхъ; причемъ военныя функціи составляютъ для нихъ временную гражданскую обязанность. Подъ постоянною же арміей онъ разумѣетъ такой организмъ, члены котораго посвящаютъ всѣ свои силы и способности исключительно военному дѣлу; организмъ, который составляетъ особое цѣлое, совершенно отдѣльное отъ остальнаго общества.

Бюше сильно возстаетъ противъ теоріи, возводящей принципъ пассивнаго повиновенія солдатъ почти въ религіозный культъ. Онъ находитъ, что абсолютное проведеніе его невозможно, потому что невозможно обратить человѣка въ абсолютную машину. Пассивное повиновеніе — въ полномъ противорѣчіи съ требованіемъ отъ солдата чести, храбрости и тому подобныхъ свойствъ: все это недоступно автомату. Она уничтожаетъ уваженіе къ солдату со стороны общественнаго мнѣнія: нельзя уважать того, кто не болѣе какъ простое колесо сложнаго механизма.

Теорія пассивнаго повиновенія можетъ привести къ болѣе горшему результату: она даетъ возможность командующему войсками возстать противъ страны, закона, верховной власти.

Бюше замѣняетъ начало пассивнаго повиновенія началомъ повиновенія, вытекающаго изъ чувства самоотверженности. Въ этомъ случаѣ повиновеніе приказанію будетъ имѣть мѣсто потому, что само приказаніе есть актъ повиновенія высшему приказанію, которое, въ свою очередь—ничто иное, какъ повиновеніе обязанности.

Обращаясь къ вопросу о значеніи милиціи, Бюше соглашается, что она съ «чисто военной» точки зрѣнія уступаетъ постоянному войску. Но онъ находитъ, что и милиція всегда успѣетъ достаточно приготовиться къ войнѣ. Какъ напримѣръ онъ указываетъ на французскую національную гвардію временъ революціи, гвардію, которая составляла ядро побѣдоносной арміи. Остатки этой гвардіи составляли лучшую часть императорской арміи. Импровизированная національная гвардія оказала наибольшее сопротивленіе иностраннымъ войскамъ въ 1814 году.

Милиція, соглашается Бюше, менѣе постоянной арміи способна къ завоеваніямъ, но она болѣе способна, продолжаетъ онъ, къ защитѣ страны, въ подтвержденіе чего онъ ссылается на ту же Французскую милицію и милицію Испаніи.

Кромѣ того преимущество милиціи надъ постоянной арміей Бюше видитъ и въ томъ, что первая менѣе обременяетъ государственный бюджетъ, чѣмъ послѣдняя, что она не отрываетъ людей отъ производительнаго труда, что она наконецъ, не деморализуетъ страны.

Не смотря на все это, Бюше соглашается, что при современномъ положеніи дѣлъ ни одно государство не могло бы обойтись безъ постоянной арміи, которая является постоянной угрозой миру: «ея инстинктъ—война» Обязанностью и въ нѣкоторомъ родѣ благоразуміемъ является со стороны прави-

тельствъ удовлетвореніе этого инстинкта [1]). Не находя удовлетворенія своимъ инстинктомъ, армія можетъ начать вмѣшиваться во внутренній строй страны. Примѣръ этого авторъ видитъ въ исторіи римской имперіи.

Ничего подобнаго, по мнѣнію Бюше, нельзя ждать отъ милиціи, которая безопасна для внутренняго порядка и сосѣдей страны: матеріальные интересы и побужденія никогда не вызываютъ въ народѣ завоевательныхъ инстинктовъ. Теперь всѣ понимаютъ, что завоеванія дѣйствуютъ одинаково разрушительно какъ на завоеванныхъ такъ и на завоевателей.

Администрація. Ссылаясь на племена Сѣверной Америки, у которыхъ лишь одна семья представляетъ собою установленіе, правильно организованное; между тѣмъ какъ все остальное покоится на преданіи, обычаяхъ, соглашеніи, Бюше утверждаетъ, что націи и притомъ въ достаточной степени большія могутъ существовать при отсутствіи сколько нибудь правильно организованныхъ учрежденій, олицетворяющихъ тѣ или иныя охранительныя начала. Достаточно, чтобы эти начала были сознаны и гарантированы общественнымъ сознаніемъ.

Въ такихъ первобытныхъ обществахъ, каковыми являются американскія племена правильно организованныхъ учрежденій и быть не можетъ: въ нихъ не имѣетъ мѣста начало раздѣленіе труда, которое съ момента проявленія своего прилагается къ началамъ охраненія. Вездѣ начало раздѣленія труда прежде всего проявлялось въ воспитательной дѣятельности жреческой касты; вслѣдъ за послѣдней появлялась каста охранителей чрезъ посредство силы — воиновъ и судей. Такимъ образомъ, консервативныя установленія постепенно организуются, обращаются въ общественныя учрежденія.

Исторія представляетъ намъ по отношенію къ этому вопросу необычайное разнообразіе: извѣстныя установленія вовсе не организованы, другія регулированы до мельчайшихъ подробностей.

[1]) Наполеонъ III отлично понималъ эту свою обязанность.

Съ теоретической точки зрѣнія, по мнѣнію Бюше, во все нѣтъ необходимости въ томъ, чтобы организованныя учрежденія всегда соотвѣтствовали всѣмъ установленіямъ и постоянно вполнѣ олицетворяли собою послѣднія. Другими словами, есть установленія—религія, образованіе, судъ, общая защита и т. п.—которыя не могутъ считаться вполнѣ обеспеченными, если не организовались въ общественныя учрежденія; и на оборотъ, есть такія, которымъ, какъ напр.,—семья, трудъ, собственность, индивидуальныя права-обязанности—достаточно быть лишь признанными и гарантированными.

Но дѣло спеціализаціи, раздѣленія труда на этомъ не останавливается; появляется рядъ не менѣе необходимыхъ учрежденій — административныхъ, которыя появляются одновременно или вслѣдъ за появленіемъ охранительныхъ началъ.

Разъ охранительныя установленія вызвали извѣстныя общественныя учрежденія, спеціальныя профессіи, является необходимость въ обезпеченіи матеріальнаго существованія тѣхъ, кто посвящаетъ имъ свой трудъ. Этотъ трудъ долженъ быть оплаченъ. Отсюда необходимость въ государственныхъ доходахъ, а стало быть въ системѣ налоговъ, которая, въ свою очередь вызываетъ потребность въ новыхъ учрежденіяхъ, новыхъ спеціалистахъ. Все это – дѣло второстепенное, но необходимое для обезпеченія существованія учрежденій первостепенныхъ.

Каждое охранительное установленіе вызываетъ необходиместь двоякой организаціи: одна—для отправленія опредѣленныхъ функцій, другая—для сохраненія этихъ функцій. Такъ въ дѣлѣ воспитанія необходимы во первыхъ — система образованія, профессора и т. п.; во вторыхъ—матеріальное веденіе дѣла, его администрація.

Количество учрежденій этого рода—прямо пропорціонально числу выработавшихся общественныхъ потребностей. Между этими учрежденіями одними изъ важнѣйшихъ Бюше считаетъ общинныя административныя учрежденія — учрежденія департаментовъ и коммюнъ во Франціи; благосостояніе госу-

дарства, по его мнѣнію—въ прямой зависимости отъ состоянія этихъ учрежденій.

Община есть гражданское общество втораго порядка, говоритъ Бюше, общество, цѣль котораго—гарантія извѣстныхъ общихъ матеріальныхъ интересовъ, извѣстныхъ потребностей охранительнаго характера въ особенности индивидуальныхъ. Такими интересами являются—общинная собственность, поля, лѣса, дороги, церкви, воды, общественныя зданія; нужды—все то, что касается общей безопасности и общественнаго здравія.

Община нуждается въ своихъ представителяхъ или своемъ совѣтѣ, въ своей администраціи.

Община какъ учрежденіе — одно изъ древнѣйшихъ явленій; ново только названіе Аѳинскіе демы, римскія муниципіи — ничто иное, какъ общины. Средневѣковая община была, въ періодъ своего образованія. явленіемъ революціоннымъ. Она добилась всѣхъ политическихъ правъ того времени. Смыслъ слова коммюна съузился съ тѣхъ поръ, какъ въ принципѣ политическіе права стали достояніемъ отдѣльныхъ индивидовъ въ смыслѣ гражданъ. Если когда либо настанетъ день, что ассоціація труда станетъ явленіемъ общимъ, связи общины сдѣлаются гораздо болѣе тѣсными, чѣмъ въ настоящее время въ особенности по отношенію къ общинамъ земледѣльческимъ.

Община для человѣка играетъ роль почти второй семьи. Но все сказанное о ней можно сказать и по отношенію ко всякому территоріальному дѣленію.

Авторъ по отношенію къ территоріальному дѣленію государства, выставляетъ, какъ начало громадной важности — чтобы во всей странѣ царила одна и таже система, одинъ и тотъ же режимъ. Въ уничтоженіи разнообразія правъ, обязанностей и обычаевъ Франціи по провинціямъ и общинамъ онъ видитъ огромную заслугу великой революціи.

Онъ возстаетъ противъ мнѣнія, по которому община есть элементъ государственный; таковымъ она являлась по его мнѣнію только въ Греціи и Римѣ. Въ настоящее время съ такимъ характеромъ она является развѣ только въ Англіи, гдѣ національное представительство, парламентъ, организовано изъ представителей отъ общинъ. Характеристической чертой стремленій современнаго общества является по мнѣнію Бюше, совершенно обратное: гражданинъ Франціи является таковымъ не въ силу принадлежности къ той или другой общинѣ, а въ силу своего рожденія. Онъ весь принадлежитъ отечеству прежде всего; а потомъ онъ членъ семьи, общины, промышленной, ассоціаціи и т. п. Если община Франціи не есть элементъ государственный, то не есть ли она элементъ административный?

Въ отвѣтъ на поставленный вопросъ Бюше говоритъ, что община является элементомъ государственной администраціи не болѣе того, какъ имъ являются семья, промышленная ассоціація и т. п.

Но какъ бы то ни было, продолжаетъ Бюше, община во всякомъ случаѣ есть одна изъ тѣхъ основныхъ ассоціацій, которыя, подобно семьѣ, составляютъ часть организма политическаго общества. Она — установленіе, которое нужно отнести къ основнымъ.

Администрація есть органъ охранительныхъ установленій, органъ порядка и исполненія.

Всѣ виды администраціи совершенно сходны по отношенію къ организаціи; по отношенію же къ предмету — между ними полное различіе: нѣтъ ничего сходнаго между воспитаніемъ и судомъ. Отсюда даже въ такомъ централизованномъ государствѣ какъ Франція существуетъ нѣсколько министерствъ.

Существованіе охранительныхъ установленій вовсе не зависитъ отъ централизаціи: для многихъ изъ нихъ, предпочтительнѣе организація обратнаго характера. Чувство

соціальной обязанности, чувство интереса, повиновенія закону можетъ быть совершенно достаточно для всякой дисциплины. Воспитательныя, судебныя учрежденія, мѣстная и коммунальная администрація безъ всякой опасности могутъ пользоваться автономіей. Въ современномъ государствѣ абсолютная централизація можетъ имѣть мѣсто лишь по отношенію къ арміи.

Въ концѣ концовъ центральная власть, по мнѣнію Бюше, можетъ дѣйствовать на охранительныя установленія и мѣстную администрацію лишь путемъ законодательства и надзора.

Религія какъ основа общества.

Не разъ уже было замѣчено, что Бюше придаетъ громадное значеніе религіи, которая характеризуетъ, какъ онъ выражается, цивилизацію каждаго народа. Она—одно изъ охранительныхъ установленій.

Ея значеніе какъ основы общества коренится въ необходимости для общества «такого авторитета, который казался бы человѣку неоспоримымъ». Такой авторитетъ дается только религіей.

Религія—основа свободныхъ государствъ; въ деспотическихъ она замѣняется дисциплиной. Гражданинъ свободнаго государства долженъ носить въ себѣ убѣжденіе о существованіи высшаго нравственнаго авторитета, передъ которымъ онъ отвѣтственъ. Общество умерло если въ этотъ авторитетъ не вѣритъ его правительство.

Указавъ, между прочимъ, на повсемѣстное господство религіи, какъ на доказательство ея необходимости, Бюше доказываетъ, что фактъ различія религій не противорѣчитъ его взгляду па религію: основа всѣхъ религій одна; различіе касается лишь догматовъ и культа.

Бюше не допускаетъ возможности полнаго индеферентизма къ религіи со стороны государства, абсолютной терпимости. Могла ли, спрашиваетъ авторъ, Франція допустить юдаизмъ

съ полигаміей, можетъ ли она терпѣть магометанъ съ ихъ доктриной фатализма, рабствомъ, той же полигаміей.

Изъ этихъ примѣровъ Бюше заключаетъ, что абсолютный индиферентизмъ по отношенію къ религіи ведетъ за собою неизбѣжно гибель цивилизаціи.

ОБЪ УСТАНОВЛЕНІЯХЪ ПРОГРЕССА

ИЛИ

О ПРАВИТЕЛЬСТВѢ.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ политическомъ обществѣ существуетъ только два рода общихъ дѣйствій: дѣйствія, направленныя къ сохраненію общества и дѣйствія движущія, направляющія его къ его цѣли. Содержаніе книги

Въ предшествовавшей книгѣ я установилъ понятіе объ общественныхъ дѣйствіяхъ перваго рода Мнѣ остается изложить основные принципы дѣйствій втораго рода, представляющихъ собою, реализирующихъ стремленіе общества къ цѣли. Мы показали, что институты охраненія, консервативные, логически вытекаютъ изъ понятія цѣли дѣйствія, изъ тройкой необходимости — установить эту цѣль, передать ее, защитить. Теперь мы увидимъ, какимъ образомъ практическія условія или система дѣйствій, приспособленная къ этой цѣли, порождаетъ единство направленія и дѣйствія, а слѣдовательно организацію правительства, которое опытомъ признано въ данное время за лучшее.

Въ виду того, что всѣ истины, добытыя въ области вопроса, которымъ намъ предстоитъ заняться, въ настоящее время снова подвергнуты сомнѣнію, въ виду противоположенія софизма опыту, въ виду того, что наиболѣе твердо установленныя убѣжденія потрясены, дѣлается необходимымъ доказывать даже такого рода начала, которыя, казалось бы, не могли ни для кого представить сомнѣнія. Дѣйствительно, не только смѣшаны понятія о взаимномъ отношеніи отдѣльныхъ властей правитель-

ства, не только оспариваетси парламентское устройство, но и отрицается всякое полезное значеніе правительственной власти; вообще утверждают, что индивидуальныхъ силъ совершенно достаточно для содѣйствія соціальному прогрессу.

Не слѣдуетъ, однако, слишкомъ жаловаться на эту необходимость снова отыскивать сущность понятій и устанавливать то, что, казалось бы, опытъ и обычай поставили внѣ всякаго спора. Новѣйшія отрицанія разрушили почву; они заставляютъ насъ обсуждать вещи въ ихъ естественномъ положеніи, установить за ними ихъ настоящее значеніе, очищенное отъ всякихъ искаженій, наросшихъ въ результатѣ ихъ долголѣтняго примѣненія. Только въ такомъ случаѣ мы достигнемъ истины.

Я вовсе не ставлю себѣ задачей спеціально разбирать только что указанныя заблужденія. Это была бы слишкомъ большая и, безъ сомнѣнія, мало интересная, работа. Я буду сражаться съ ними, лишь когда буду наталкиваться на нихъ. Моя главная цѣль — опредѣлить сущность установленій. Я надѣюсь устранить въ умѣ читателя всякія сомнѣнія, такъ какъ буду имѣть дѣло съ явленіями очевидными, поддающимися опыту.

Настоящая книга дѣлится на двѣ части. Въ первой прежде всего идетъ рѣчь о необходимости правительственной власти; потомъ опредѣляется характеръ правительства, обязательно прогрессивнаго; дальше, устанавливается различіе между администраціей и правительствомъ. Установивъ эти предварительныя понятія, останется вывести понятіе объ организаціи правительства изъ самой его функціи по отношенію къ обществу; и наконецъ, опредѣлить при какихъ условіяхъ такая власть, не будучи ни деспотической, ни узурпированной, является достояніемъ истиннаго главы государства.

Предметомъ второй части будутъ различныя формы правительства и виды общественной свободы.

Что разумѣетъ авторъ подъ выраженіемъ «правительство».

Для избѣжанія всякихъ недоразумѣній, считаю нужнымъ прежде всего заявить, что подъ словомъ правительство я понимаю не исполнительную только власть, но совокупность всѣхъ властей, направляющихъ ходъ общества. Далекій отъ того, чтобъ выдѣлять законодательство изъ сферы дѣйствій правительства, какъ это часто дѣлаютъ, я напротивъ разсматриваю его какъ существенную составную часть правительственныхъ дѣйствій. Развѣ законодательство не есть, въ дѣйствительности-то — самое могущественное средство направлять общество? Развѣ не путемъ законодательства реализируется прогрессъ? Есть ли въ правѣ, въ политическомъ строѣ хоть одна обязанность, хоть одна функція, которая не вытекала бы посредственно или непосредственно изъ закона? Такимъ образомъ эта власть, названная Монтескьё законодательной, стоитъ въ тѣсной связи съ каждымъ явленіемъ общественной жизни. Она проникаетъ во всѣ ея сферы. Достаточно одного голосованія бюджета, закона, формирующаго денежныя отношенія гражданъ къ государству, чтобы сдѣлать власть эту властелиномъ политики дня. Всякая другая власть безъ нея—ничто. Власть исполнительная логически только есть власть подчиненная; чтобы сдѣлать мою мысль болѣе ясною, я прибавлю, что, по моему мнѣнію, правительство въ такой республикѣ, какъ Соединенные Штаты, составляется изъ президента, министерства и двухъ палатъ; а въ такой монархіи какъ Англія правительствомъ является король, министры, парламентъ. Впрочемъ, думаю, что смотря на дѣло такъ, я не расхожусь съ общимъ, по этому вопросу, мнѣніемъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

О необходимости, характерѣ и авторитетѣ правительства.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О единствѣ дѣйствія въ обществѣ и необходимости власти, олицетворяющей это единство.

Всякое общее дѣйствіе предполагаетъ руководителя.

Я уже говорилъ о племенахъ сѣверной Америки, которыя избираютъ предводителей только во время войны и охоты, такъ какъ только въ это время они чувствуютъ необходимость въ единствѣ. Что касается другаго рода общественныхъ дѣлъ, то они рѣшаются въ общихъ собраніяхъ племени. Въ извѣстныхъ случаяхъ, когда, напр, идетъ рѣчь о союзахъ или договорахъ, собраніе представляется особыми депутатами, которые обыкновенно избираются изъ тѣхъ, мнѣніе которыхъ согласуется съ мнѣніемъ собранія.

Такимъ образомъ, какъ въ большихъ такъ и въ малыхъ дѣлахъ, когда люди хотятъ придти къ одному результату, дѣйствовать какъ одинъ, они олицетворяютъ свою волю въ единой власти; они избираютъ президента, депутата, главу или правительство.

Общество, какъ дѣятельное по природѣ, нуждается во власти.

Жизнь общества невозможна безъ дѣйствія; невозможно, чтобы оно чувствовало себя живущимъ, не дѣйствуя. Даже больше: если бы оно и просуществовало

извѣстное время безъ дѣйствія, то оно все таки не жило бы въ этотъ періодъ времени. Такимъ образомъ, дѣйствіе въ обществѣ является въ одно и тоже время и основой этого общества и признакомъ его жизни. Кромѣ того, невозможно, чтобы въ природѣ этого дѣйствія не проявлялся характеръ самаго общества. Но если дѣйствіе въ одно и тоже время есть и доказательство жизни и характеризующій ее признакъ, если оно возможно лишь при наличности власти, разюмирующей въ себѣ, представляющей собою, эту соціальную дѣятельность, то не будетъ безусловнымъ абсурдомъ мысль, что общество живетъ только въ этой власти, или, что тоже, власть есть жизнь общества; неоспоримо, что она по самой своей сущности есть внѣшнее проявленіе жизненности общества, а по своей организаціи — отличительный признакъ его характера или природы.

Сведеніе отдѣльныхъ воль въ единству.

Не думаю, чтобы когда либо, за исключеніемъ нашего времени, нужно было доказывать людямъ, желающимъ достичь чего либо общими силами, необходимость соединенія, сведенія всѣхъ отдѣльныхъ воль въ одну, всѣхъ отдѣльныхъ разсчетовъ, соображеній въ одинъ общій планъ, всѣхъ силъ въ одно усиліе; т. е., доказывать необходимость повиновенія единому авторитету, въ которомъ резюмируется самая ассоціація. Эта истина — на столько ясна, практична, на столько примитивна, что самый фактъ устанавливается совершенно естественно, самъ изъ себя, безъ всякихъ затрудненій; быть можетъ, даже безъ того, чтобъ его сознавали. Какъ бы далеко не углублялись мы въ исторію, мы скорѣе встрѣтимся съ избыткомъ власти, чѣмъ недостаткомъ ея. Это сведеніе къ единству было впрочемъ благопріятствуемо, а первоначально быть можетъ и внушено особенностью, которая свойственна всякаго рода ассоціація, особенностью, доказательства которой мы видимъ ежедневно въ самыхъ мелкихъ фактахъ; эта особенность въ томъ, что во всякомъ дѣлѣ воля, являющаяся общею для всѣхъ, начинается съ воли одного. Кто либо одинъ сознаетъ ее первый и переноситъ на другихъ. Однимъ

словомъ, инициатива была, былъ и вчинатель; потому что быть произведеніемъ одного человѣка есть свойство каждой концепціи, обладающей характеромъ единства. Отсюда, нѣтъ ничего проще и яснѣе того факта, что въ первоначальныя времена тотъ, въ головѣ котораго является мысль, становится и ея проводникомъ, осуществителемъ а вмѣстѣ и главой тѣхъ, которые ее приняли.

Различіе между подобными и общими дѣйствіями.

Я боюсь, что не доказалъ теоретически съ достаточной ясностью, почему въ средѣ людей единство власти, повиновенія является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ ихъ дѣятельности, направленной къ общей цѣли; почему, другими словами, когда люди хотятъ придать ихъ отдѣльнымъ волямъ, ихъ силамъ общее, единое направленіе — они должны олицетворить эти воли и силы въ единой власти и повиноваться этой власти. Но я попытаюсь это сдѣлать въ другой формѣ.

Уже раньше я настаивалъ на томъ различіи, которое существуетъ между дѣйствіями подобными, однородными съ одной стороны и общимъ съ другой. Такъ, въ толпѣ, бѣгущей подъ вліяніемъ паническаго страха, дѣйствія отдѣльныхъ индивидовъ, ее составляющихъ — подобны, ихъ соединяетъ одна и таже причина, но каждый повинуется только себѣ самому, думаетъ только о себѣ Напротивъ, солдаты войска, смѣло идущаго въ битву, совершая однородныя, подобныя дѣйствія, совершаютъ ихъ въ тоже время сообща; это послѣднее обстоятельство вытекаетъ исключительно изъ того, что каждый солдатъ повинуется авторитету, представляющему собою волю и обязанность всѣхъ

Можно безъ труда понять, что всякій разъ, когда мы встрѣчаемся съ однородностью доктрины, начала, мы встрѣчаемъ и однородныя стремленія. Если одинаковы вѣрованія, то ясно, что могутъ быть одинаковы желанія, нужды, дѣйствія. Но до тѣхъ поръ, пока каждый повинуется лишь себѣ самому — нѣтъ никакой общности, нѣтъ дѣйствія сообща. Если это подобіе стремленій не превра-

тилось въ практическое единство посредствомъ положительнаго установленія, изъ котораго вытекали бы — власть, порядокъ, возмездіе до тѣхъ поръ невозможно единство дѣйствія

На самомъ дѣлѣ, такого порядка вещей мы не встрѣчаемъ даже въ самыхъ скромныхъ дѣлахъ. Возьмемъ примѣръ: предположимъ, что дѣло идетъ о какой либо матеріальной работѣ. Прежде всего необходимъ планъ, т. е первоначальное сведеніе къ единству. Мы можемъ согласиться, что всѣ работники, посовѣтовались и усвоили этотъ планъ, но тѣмъ не менѣе, относительно своего возникновенія, онъ единъ, такъ какъ всякій планъ есть дѣло вдохновенія, т. е. продуктъ индивидуальной иниціативы. Точно также онъ единъ и во все продолженіе работы, направленіе, ходъ и цѣль которой опредѣляется имъ Но и это не все: необходимо опредѣлить день, часъ исполненія и способъ дѣйствія. При этомъ я допускаю фактъ совѣщанія и общаго участія въ рѣшеніи дѣла. Это рѣшеніе— новое сведеніе къ единству. Точно такъ, какъ самый день, часъ и способъ предложены были кѣмъ либо однимъ, однимъ же провозглашается и моментъ начала работы. Насталъ моментъ — необходимо еще, чтобы рабочіе были разбиты на группы для производства отдѣльныхъ частей работы, необходимо, чтобы ихъ силы и способности были соразмѣрены; отсюда — необходимость іерархіи, общаго направленія, однимъ словомъ, новое сведеніе къ единству. Наконецъ, вездѣ, гдѣ соединяется большое число людей, гдѣ возможны ошибки, возможны хорошія и дурныя дѣйствія, необходимо правило, порядокъ, дисциплина, судья, т. е. опять таки власть, опять таки единство.

Сомнѣнія относительно пользы правительства.

Новѣйшіе писатели [1]) сомнѣваются въ необходимости и пользѣ правительства. Они предали общему проклятію всѣ авторитеты. Въ противоположность

---

[1]) Именно Прудонъ и его послѣдователи.

Гоббесу, восхвалявшему деспотизмъ изъ ненависти къ анархіи, они провозгласили анархію изъ ненависти къ деспотизму. Я думаю, что эти писатели не вполнѣ высказали свою мысль: они преувеличивали изъ разсчета; они требовали разнузданности, желая получить только свободу. Въ дѣйствительности анархія никогда не была общественнымъ состояніемъ; она даже никогда, ни въ одной странѣ не проявлялась вполнѣ Времена возстаній, которыя историки называютъ временами анархіи, характеризуются только нѣкоторымъ ослабленіемъ, разбросанностью общественныхъ властей, но никогда ихъ полнымъ отсутствіемъ. При самыхъ тщательныхъ изслѣдованіяхъ анархія можетъ быть найдена развѣ только среди дикарей Австраліи, у которыхъ царятъ своеволіе, насиліе и голодъ Было бы несправедливо подобнаго же рода примѣры видѣть и въ жизни гренландцевъ съ лапландцами. Эти племена жили, а отчасти живутъ и до сихъ поръ еще, семейнымъ бытомъ; они знаютъ дисциплину, которая регулируетъ внутренній бытъ этихъ маленькихъ обществъ; они повинуются обычаямъ, регулирующимъ ихъ взаимныя отношенія.

Теоретически очень легко доказать, что отсутствіе авторитета, а въ особенности отсутствіе правительства несовмѣстимо съ общественной жизнью Я не знаю, существуетъ ли хоть одинъ человѣкъ, для котораго было бы необходимо это доказывать; тѣмъ не менѣе я берусь за это доказательство: оно не потребуетъ многаго.

Между цѣлями индивидуальными, неизбѣжно царящими въ состояніи анархіи и цѣлями соціальной природы нѣтъ никакого подобія. Индивидуальный интересъ ограниченъ какъ относительно времени, такъ и предмета, къ которому онъ прилагается. Онъ всегда безразличенъ, а часто и враждебенъ по отношенію къ интересамъ другихъ. Интересъ общественный, напротивъ, обнимаетъ собою всѣхъ; онъ общъ, онъ громаденъ, иногда безконеченъ по отношенію ко времени и силамъ, которыя требуются для его достиженія; часто онъ является жертвой,

приносимой настоящимъ въ пользу будущаго. Для достиженія цѣлей индивидуальныхъ достаточно отдѣльныхъ, другъ другу противорѣчащихъ, воль, усилій разнообразныхъ какъ самыя цѣли; для исполненія же дѣла общаго, соціальнаго необходимо, чтобы всѣ воли, всѣ дѣйствія слились въ одно, т. е. точнѣе въ правительство. Нѣтъ ни одной сколько нибудь значительной эпохи въ исторіи, когда бы это различіе индивидуальныхъ и соціальныхъ интересовъ не проявлялось въ самыхъ рѣзкихъ противоположностяхъ. Попробуйте изслѣдовать величайшія ступени прогресса, составляющія славу протекшихъ вѣковъ и вы постоянно будете видѣть, что все благое этихъ эпохъ было результатомъ кратковременнаго напряженія правительственной силы и подчиненія общей цѣли всякаго сопротивленія, исходящаго изъ индивидуальныхъ страстей и интересовъ. Другой вопросъ-дурно это или хорошо, но такъ оно естъ. Задача науки въ признаніи а не отрицаніи этого факта.

Что касается анархіи, то теорія и примѣры доказываютъ, что это состояніе гораздо болѣе враждебно индивидуальному благу, чѣмъ даже злоупотребленія правительственной власти.

Что она такое въ дѣйствительности? Это — полное и постоянное отсутствіе безопасности для всѣхъ и каждаго; и во всякомъ случаѣ состояніе анархіи ни для кого не обеспечиваетъ ни свободы, ни независимости, такъ какъ она—ничто иное какъ господство сильныхъ надъ слабыми и постоянная борьба между первыми. Покровительство не играетъ въ это время ни какой роли; каждый можетъ разсчитывать лишь на самого себя; а какую защиту можетъ найти человѣкъ въ своихъ собственныхъ силахъ, когда въ дѣйствительности противъ него одного—всѣ? Это такое страшное состояніе, что содрогаешься, лишь подумавъ о немъ! Люди предпочитаютъ анархіи все, даже деспотизмъ, изъ одного страха подобной опасности.

Жалобы на излишества правительственной опеки объясняются смѣшеніемъ понятій правленія и управленія (администраціи)

Политическое общество безъ правительства можетъ быть лишь обществомъ, не имѣющимъ общей цѣли дѣятельности. Вообще, всѣ жалобы на излишнюю опеку правительства, правленія есть ничто иное, какъ результатъ смѣшенія правительства съ администраціей, правленія съ управленіемъ: слѣдуетъ жаловаться на излишнее вмѣшательство управленія, администраціи. Излишняя административная опека какъ увидимъ нѣсколько дальше, приводитъ къ невыносимому деспотизму даже въ странахъ, гдѣ существуетъ политическая свобода. Понятно, само собою, что при такомъ положеніи вещей отчаяніе и злоба (терпящихъ) переходятъ всякіе предѣлы. Однако, смѣшеніе, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, такъ прочно укоренилось въ умахъ, что даже въ специальныхъ политическихъ трактатахъ администрацію называютъ внутреннимъ правительствомъ государствъ. Несмотря на то, что событія не разъ опровергали это мнѣніе, не смотря на очевидныя противорѣчія съ нимъ конституціонной практики, оно все таки, мнѣ кажется, всеобщее явленіе въ средѣ государственныхъ людей и постоянно стремится сдѣлаться таковымъ въ практической жизни вообще. Это очень тяжелое и опасное заблужденіе.

Правительство ни въ какомъ случаѣ не идентично съ администраціей; хотя оно и стоитъ въ главѣ послѣдней и является ея принципомъ, законодателемъ. Правда, существуетъ **видъ** администраціи, которая составляетъ такъ сказать **принадлежность** правительства, стоитъ въ тѣсной связи съ нимъ; это—**центральная** администрація. Но это—не единственный видъ администраціи. Совершенно несправедливо было бы смотрѣть на администрацію какъ на совокупность охраняющихъ учрежденій, съ точки зрѣнія **направленія** и **централизаціи** этихъ послѣднихъ. Есть дѣйствительно страны и эпохи въ исторіи, когда имѣетъ мѣсто такого рода положеніе вещей; но, какъ мы уже говорили, такая централизація направляетъ свои дѣйствія только на извѣстнаго рода дѣла, не касаясь другихъ. Большая часть охранительныхъ учрежденій отлично могутъ управляться сами собой, внѣ всякаго другаго

подчиненія кромѣ подчиненія закону. Центральная администрація не болѣе какъ только средство, чрезъ которое правительство входитъ съ этими учрежденіями въ соприкосновеніе, если только послѣднее необходимо. Впрочемъ, объ отношеніяхъ правительства къ администраціи трактуетъ слѣдующая глава сочиненія, гдѣ, надѣюсь, дѣло будетъ разъяснено

Достаточно ли для прогресса одних индивидуальных усилий

Говорили, также что даже съ точки зрѣнія прогресса вмѣшательство общественной власти, а тѣмъ болѣе правительства, скорѣе вредно, чѣмъ полезно и что индивидуальныхъ силъ, съ этой точки зрѣнія совершенно достаточно. Нѣтъ никакого сомнѣнія что во всякомъ движеніи, развитіи начало всегда вытекаетъ изъ индивидуальной концепціи; но если бы первоначальная идея постоянно оставалась индивидуальною, то развитіе не имѣло бы мѣста: оно почти всегда оставалось бы въ состояніи проэкта, простаго желанія.

Понятно, что научное открытіе, промышленное изобрѣтеніе распространяются отъ одного къ другому и такимъ образомъ дѣлается въ нѣкоторомъ родѣ общественнымъ достояніемъ. Но такой ходъ дѣла далеко не имѣетъ мѣста по отношенію ко всѣмъ общественнымъ явленіямъ и въ особенности къ важнѣйшему изъ нихъ— къ организаціи, устройству самаго общества. Напр., что осталось бы намъ, французамъ, отъ нашей революціи, если бы законодательство не превратило въ дѣйствительность часть ея обѣщаній, ея принциповъ? Только имъ, законодательствомъ, измѣненъ былъ видъ нашего общества. Мы не получили всего, что хотѣли бы получить, всего, къ чему стремились наши отцы, вынесши столько борьбы Мы пользуемся лишь тѣми благами революціи, которыя были гарантированы законодательствомъ; но если мы еще питаемъ надежды и желаніе когда либо получить все, обѣщанное революціей, то это только благодаря реализаціи хотя и немногаго изъ этого обѣщаннаго.

Предположимъ теперь, что того законодательства,

наиболѣе прочную часть котораго составляютъ наши кодексы, вовсе не существуетъ; предположимъ, что все было предоставлено произволу людей и посмотримъ, каковъ же былъ бы окончательный результатъ. Достаточно будетъ одного примѣра, чтобъ доказать, насколько, безъ помощи закона, остались бы сомнительными тѣ начала революціи, которыя наиболѣе энергично провозглашены ею. Ничто не казалось во время революціи болѣе справедливымъ съ индидуальной точки зрѣнія, ничто не казалось болѣе полезнымъ съ точки зрѣнія общественной, ничто не было такъ энергически провозглашаемо ею, какъ равномѣрное распредѣленіе наслѣдства между всѣми дѣтьми; законъ установилъ это начало безъ сомнѣнія скорѣе съ цѣлью осуществленія идеи общаго равенства, которую онъ преслѣдовалъ во всемъ, нежели съ цѣлью удовлетворить индивидуальнымъ требованіямъ, какъ бы они не были справедливы. Дѣйствительно равенство въ раздѣлѣ наслѣдства одно изъ наиболѣе могущественныхъ средствъ искоренить то страшное экономическое неравенство между людьми, которое всегда является причиной политическаго неравенства между ними; въ тоже самое время равномѣрное распредѣленіе наслѣдства—одно изъ лучшихъ средствъ сдѣлать по возможности наибольшее число людей участниками въ собственности, что представляетъ собою лучшую гарантію безопасности и достоинства для всѣхъ. Посмотримъ теперь на результатъ этого законодательнаго акта. Нѣтъ страны, въ которой собственность дробилась бы болѣе, чѣмъ во Франціи; нѣтъ страны, гдѣ было-бы болѣе собственниковъ, гдѣ чувство равенства было бы болѣе господствующимъ и прочнымъ Предположимъ, что законъ, о которомъ идетъ рѣчь—отмѣненъ:—нѣтъ никакого сомнѣнія, что право первородства и субституція возстановятъ, менѣе чѣмъ въ теченіе одного столѣтія, то, что новый режимъ хотѣлъ разрушить.

Мы бы никогда не кончили, еслибъ вздумали указать на всѣ прогрессивныя явленія, вполнѣ осуществившіяся лишь благодаря законодательной санкціи или вмѣ-

шательству государственныхъ властей. Общество какъ цѣлое, во всей его совокупности, и законодатель не изобрѣтаютъ идей или доктринъ, содѣйствующихъ прогрессу, но они ихъ усвояютъ; общество санкціонируетъ ихъ, облекаетъ своею властью, установляетъ ихъ, дѣластъ ихъ источникомъ прогресса.

Есть впрочемъ такія явленія прогресса, осуществить которыя очевидно способно только одно общество. Мы слишкомъ еще близки ко времени революціи, чтобы въ насъ могло зародиться малѣйшее сомнѣніе на этотъ счетъ. Достаточно оглянуться вокругъ себя, вглядѣться такъ сказать въ событія дня, чтобы убѣдиться въ этой истинѣ. Не видѣли ли мы въ 1848 году обращеніе крѣпостныхъ крестьянъ Венгріи въ собственниковъ той земли, которая прежде принадлежала имъ лишь временно; не видимъ ли мы въ настоящее время, какъ въ Россіи милліоны рабовъ обратились въ свободныхъ землевладѣльцевъ и работниковъ? Наконецъ, развѣ не присутствуемъ мы при перерожденіи европейскаго государственнаго права?

Долгое время преуспѣяніе, движеніе впередъ видѣли только по отношенію къ наукѣ, искусству и промышленности. И только для развитія и поощренія этого рода элементовъ общественной жизни, въ особенности науки, созданы спеціальныя установленія. Къ чему же однако эти установленія, гдѣ польза ихъ, если дѣйствительно общественное вмѣшательство не играетъ никакой роли въ прогрессѣ!

Быть можетъ одинаково трудно рѣшить какой либо вопросъ, сдѣлать какое либо открытіе какъ въ чистой или прикладной наукѣ, такъ и въ дѣлахъ общественныхъ; но можно смѣло сказать, что вѣроятность ошибки, заблужденія въ послѣднихъ гораздо болѣе. Какимъ количествомъ лжи въ этомъ отношеніи была опутываема публика, желая или не желая того! Сами ученыя общества ошибались; они впадали въ тяжкія заблужденія; увѣнчивали какъ истину, только отдаленное приближеніе

къ ней; чтоже было бы, еслибъ ихъ несуществовало; еслибы индивиды были вполнѣ предоставлены своимъ только силамъ? Въ этого рода вопросахъ безпрестанно ссылаются на Сѣверную Америку, забывая при этомъ, что о бокъ съ ней — Европа и что сама эта Америка считаетъ дисциплину необходимою. Она создала у себя ученыя общества; безъ сомнѣнія они образовались свободно, но тѣмъ не менѣе они отправляютъ тѣже самыя функціи, которыя у насъ устанавливаются государствомъ. Въ концѣ концовъ я прихожу къ заключенію, что видя въ прогрессѣ фактъ чисто индивидуальный, забываютъ совершенно его специіальную сторону.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О необходимо прогрессивномъ назначенiи правительства.

Опредѣлять характеръ общественной власти можно не иначе, какъ по ея функцiи. И вотъ, сообразно съ этимъ правиломъ, правительство должно быть опредѣляемо не иначе какъ установленiе, органъ прогресса. Таковъ, впрочемъ, выводъ изъ всего до сихъ поръ сказаннаго. Дѣйствительно, въ силу того, что люди соединяются въ общества ради извѣстной цѣли общей дѣятельности, въ силу того, что именно стремленiе къ этой цѣли вызываетъ активное единство, объединяетъ людей, въ силу того, наконецъ, что всякiй шагъ къ цѣли есть актъ прогресса - необходимо заключить, что правительство, т. е. установленiе, олицетворяющее въ себѣ единство дѣйствiя, есть, въ принципѣ, органъ прогресса по преимуществу. Правительство — установленiе, прогрессивное по преимуществу.

Только что данное мною опредѣленiе большинству читателей, не хочу себя обманывать, покажется по меньшей мѣрѣ страннымъ. Въ немъ могутъ видѣть не болѣе, какъ утопiю; могутъ сказать, что до сихъ поръ правительства почти и не подозрѣвали, что на нихъ возложена подобнаго рода миссiя. Я уже доказывалъ, что это воззрѣнiе вовсе не такъ необыкновенно, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда.

Прежде всего замѣтимъ, что только очень немногiя правительства, преслѣдуя даже чисто эгоистическую цѣль, не мотивируютъ своихъ дѣйствiй общественнымъ благомъ Историческое доказательство содѣйствiя правительства прогрессу.

и не претендуютъ на то, чтобъ на ихъ трудъ смотрѣли какъ на трудъ, совершаемый въ интересахъ общества. Безъ всякой другой цѣли, только для виду, они почти всегда вынуждены были говорить о себѣ или разыгрывать изъ себя представителей какой либо общественной потребности или какой либо народной страсти. Даже въ то время, когда они только говорили о себѣ, какъ о представителяхъ такихъ интересовъ, уже въ силу этого только обстоятельства, они давали общественному чувству авторитетъ, который долженъ былъ дать себя почувствовать гораздо позже. Когда же, на оборотъ—что бывало гораздо рѣже—они исполняли свои обѣщанія, они, уже въ силу одного этого факта, выступали на путь прогресса, поскольку содѣйствовали послѣднему потребности и страсти общества, которымъ они удовлетворяли Такимъ образомъ объясняется, какъ правительство, даже чисто эгоистическое, дѣлается, временно, само того не подозрѣвая, рычагомъ прогресса.

Общественное развитіе—неоспоримый фактъ во весь историческій періодъ существованія народовъ; такой же фактъ и участіе правительствъ въ этомъ движеніи. Какъ общество, такъ и власти одинаково игнорируютъ, тотъ фактъ, что таковъ былъ законъ ихъ существованія; но въ силу присущей самому существованію необходимости, они ему повинуются. Такимъ образомъ, для насъ вопросъ не въ томъ, чтобъ знать съ какого момента правительства сознаютъ свои функціи, но въ томъ какъ они отправляютъ ихъ, не давая себѣ въ этомъ отчета.

Необходимость для правительства быть прогрессивнымъ.

Для всякой власти, какова бъ ни была ея сущность, существуетъ, въ силу самаго ея качества, неизбѣжная необходимость проявлять себя, дѣйствовать. Существованіе власти возможно лишь подъ условіемъ дѣйствія; прекращается послѣднее, власть изчезаетъ и немедленно замѣняется новою. Такъ образомъ, обращаясь къ исторіи, мы найдемъ, что правительства, исключая лишь эпохи паденія, совершенно впрочемъ, объяснимыя, никогда не оставались, въ теченіи болѣе или менѣе долгаго періода

времени, совершенно бездѣйствующими. Они всегда стояли во главѣ какого либо движенія или по крайней мѣрѣ принимали въ немъ участіе. Не имѣя ни малѣйшаго понятія о законѣ, которому они повиновались, они искали лучшаго или того, что они принимали за таковое, то въ одномъ только интересѣ своей власти или династіи, то въ интересѣ своего народа въ силу религіознаго или нравственнаго убѣжденія, то въ видахъ величія или славы. Они необходимо искали себѣ цѣль дѣйствія смотря по условіямъ эпохи, въ которую они жили и слѣдовательно работали для будущаго государства, которое оказывалось болѣе способнымъ къ развитію, утвержденію и видоизмѣненію этихъ данныхъ времени.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что очень часто встрѣчаются въ исторіи правительства ошибавшіяся или дурно избиравшія себѣ дорогу. Велика была бы опасность, если бы въ цѣломъ мірѣ существовало только одно правительство. одна цивилизація; но въ дѣйствительности— столько правительствъ, сколько націй и не всѣ ошибаются въ одно и тоже время. Заблужденіе одного препятствуетъ или исправляетъ заблужденіе другаго и вызываетъ противоположную политику, которая оказывается на настоящемъ пути, на пути успѣха, т. е. въ соотвѣтствіи съ прогрессивными потребностями эпохи.

Находились представители верховной власти, которые стремились измѣнить настоящее положеніе дѣлъ, возвратившись къ прошлому; но ихъ неуспѣхъ или то зло, которое вытекало изъ самаго успѣха служили урокомъ для ихъ болѣе способныхъ преемниковъ или сосѣдей.—Такимъ образомъ, возвращеніе вспять или дѣлалось невозможнымъ, или оставалось временнымъ, частнымъ. Правительства, не будучи въ состояніи, безъ опасности для ихъ власти, работать въ пользу регресса, были въ нѣкоторомъ родѣ вынуждены—менѣе способные, содѣйствовать сохраненію настоящаго, болѣе способные или самолюбивые—отысканію лучшаго.

Исторія дала имя великихъ тѣмъ монархамъ, которые могучей рукой давали толчокъ дѣламъ человѣческимъ и которыхъ дѣянія измѣнили въ томъ или иномъ отношеніи состояніе міра. Одни достигали только успѣха, другіе, достигши его, обращались вспять, и разрушали все, что стремились основать. Почему одни успѣли, другіе пали? Причина этого въ томъ, что цѣль первыхъ вполнѣ совпадала съ ходомъ цивилизаціи: тогда какъ вторые или неправильно понимали прогрессъ или вовсе не давали себѣ въ немъ отчета и стремились замѣнить своею личною волею стремленія общества. Къ первымъ нужно отнести Александра Македонскаго, Цезаря, Константина и Карла Великаго; ко вторымъ—Карла V и нашего великаго Наполеона, который въ то время, какъ шла рѣчь о дарованіи народамъ свободы и основаніи на этой свободѣ европейской федераціи, преслѣдовалъ одну идею, подчинить Европу единому властелину.

Правила государственной политики.

Во всѣ времена существовало и существуютъ еще въ настоящее время у правительствъ то, что называется правилами государственной политики. Одни изъ нихъ касаются внѣшнихъ отношеній, другія—внутренней политики. Устанавливаетъ эти правила всегда или какой-либо умный государь или какой нибудь великій министръ въ болѣе или менѣе отдаленную эпоху, какъ общія правила дѣйствій по отношенію къ извѣстнымъ, даннымъ обстоятельствамъ. Ихъ достоинство опредѣляется опытомъ. Государь или министръ, ихъ установившіе извлекаютъ изъ нихъ почетъ и могущество. Преемники подражаютъ имъ и слѣдуютъ установленнымъ правиламъ до тѣхъ поръ, пока вполнѣ ихъ исчерпаютъ, т. е. до тѣхъ поръ, пока эти начала не дадутъ для страны или для ихъ изобрѣтателей, все, что они могутъ дать. Эти правила для каждой страны были однимъ изъ главныхъ элементовъ прогресса въ томъ или иномъ смыслѣ.

Такъ во Франціи правиломъ внутренней политики Капетинговъ было—благопріятствовать революціи коммюнъ, стоять на сторонѣ возставшей противъ сеньоровъ и даже

духовенства буржуазіи. Монархическій авторитетъ обязанъ этой политикѣ значительнымъ усиленіемъ; но имъ одинаково воспользовалась и страна. Однако, едва закончилась общинная революція—начало оказалось исчерпаннымъ. Оно смѣнилось другимъ, авторомъ котораго является Людовикъ Святой [1]). Новое начало—въ призваніи представителей отъ важнѣйшихъ городовъ Франціи въ королевскіе суды, гдѣ прежде имѣли своихъ представителей лишь дворянство и духовенство. Отсюда должны были произойти и дѣйствительно произошли Etats généraux. Но въ то время какъ въ Англіи это начало, благодаря союзу дворянства съ общинами городовъ было послѣдовательно проведено, у насъ оно было какъ бы сглажено союзомъ жалкихъ королей линіи Валуа съ феодальнымъ дворянствомъ. Тѣмъ не менѣе новая идея, не будь страшныхъ англійскихъ или скорѣе феодальныхъ войнъ, восторжествовала бы. Что касается прежняго начала, оно, при Людовикѣ XI преобразилось въ простой принципъ авторитета, который развиваясь долго и строго, привелъ къ монархіи Людовика XIV.

Я могъ бы изъ исторіи нашихъ правительствъ привести еще нѣсколько другихъ государственныхъ началъ, касающихся внутренней политики, началъ того же или меньшаго достоинства, но я граничусь приведеннымъ примѣромъ. Его достаточно, чтобъ показать какимъ образомъ рядъ этихъ началъ, одно за другимъ слѣдующихъ, будутъ ли они относиться къ области правленія или управленія данной страны, даетъ въ результатѣ истинно прогрессивный рядъ. Остается сказать еще нѣсколько словъ о государственныхъ началахъ, касающихся внѣшнихъ отношеній.

Внѣшнія отношенія часто порождаютъ такого рода неизбѣжно совершающія явленія, которыя содѣйству-

1) См. Hist. parlementaire, introd.; Ord. des rois de France t. 1. p. 82—84; 93—94.

ютъ внутреннему прогрессу. Первая обязанность правительства и его первый интересъ — защищать страну, сохранить ее въ цѣлости, а иногда и увеличить. Отсюда вытекаетъ для него необходимость ни въ какомъ отношеніи не стоять, по силѣ, ниже своихъ сосѣдей. А отсюда прямо вытекаетъ обязанность государства не отставать отъ своихъ сосѣдей ни въ чемъ, что увеличиваетъ богатство, возрастаніе и энергію народонаселенія, умственное развитіе общества. Это—государственное правило господствующее надъ всѣми другими. Ему одинаково слѣдуютъ какъ чисто деспотическія, такъ и свободныя правительства. Для доказательства этого факта не нужно ходить далеко.

Мы видѣли, что въ наши дни многія правительства берутъ на себя инициативу въ реформахъ такого рода, о которыхъ народъ, кажется, вовсе не думалъ и которыхъ онъ вовсе не требовалъ. Такъ Турція стремится совершенно измѣнить систему управленія; въ подражаніи европейской администраціи она ищетъ средство возстановить свое могущество, которому грозитъ паденіе. Россія послѣ крымской войны, какъ говорится, опомнилась пришла въ себя и вотъ, мы видимъ, какъ она въ освобожденіи крестьянъ ищетъ средствъ создать изъ себя самой тѣ элементы, силы, которыя даются націямъ западно-европейскимъ индивидуальной свободой, превосходство которыхъ она такъ жестоко испытала. Наконецъ, подъ вліяніемъ подобнаго же рода мотивовъ реакціонная Австрія, чтобы создать несуществующее въ ней единство, уступаетъ своимъ народамъ право представительства. Такимъ то образомъ, явленіе прогресса, возникшее по счастливой инициативѣ въ одной странѣ, распространяется во всѣхъ другихъ.

Исторія началъ государственной политики и ихъ вліянія какъ внутренняго такъ и внѣшняго была бы въ высшей степени любопытна. Книга Монтескье «О величіи и паденіи римлянъ»—образчикъ исторіи этого рода. Но такъ какъ я не имѣю цѣлью писать такую исторію, то и огра-

вичусь тѣмъ, что приведу еще нѣсколько примѣровъ, чтобъ лучше убѣдить читателя въ значеніи и роли государственной политики. Знаменитое завѣщаніе Петра Великаго — ничто иное, какъ принципъ дѣйствія этого рода Англія до сихъ поръ держится въ своей политикѣ относительно континента и особенно Франціи государственныхъ правилъ, установившихся болѣе четырехъ сотъ лѣтъ тому назадъ.

Когда-то и Франція руководствовалась въ своихъ отношеніяхъ къ Германіи однимъ изъ этихъ правилъ, но теперь, кажется, забыла его. Наконецъ, какъ desideratum для Испаніи, Италія, Португаліи, Бельгіи и Франція было бы правило союзной дѣятельности, по крайней мѣрѣ оборонительной; союзъ между всѣми народами, какъ теперь говорятъ, Латинской расы Союзъ этотъ былъ бы прекраснымъ началомъ европейской федераціи.

Реакціонныя правительства.

Мнѣ кажется, я достаточно доказалъ, что правительства могли сдѣлаться или являются теперь, сами того не подозрѣвая, агентами соціальнаго прогресса. Доказавъ это, я думаю, что я вмѣстѣ и оправдалъ, насколько это было необходимо, даже по отношенію къ прошлому мое опредѣленіе правительства.

Безъ сомнѣнія были и реакціонныя правительства; но ихъ реакція не принесла и для нихъ самихъ ничего кромѣ ослабленія власти и всякаго рода зла. Реакція никогда не была продожительна Преемники реакціонеровъ, какъ я уже замѣтилъ, принимаютъ обратное направленіе. Царствованіе Карла VI, о которомъ я говорилъ уже, было типомъ реакціи. Его правительство, повторяю, соединилось съ дворянствомъ противъ городскихъ общинъ. Никогда власть не падала такъ низко. Линія Валуа безъ чудесной помощи Жанны д'Аркъ, была бы замѣщена иностранной династіей. Преемники Карла VI слѣдуютъ другой политикѣ. Карлъ VII создаетъ военную силу — постоянную армію — чуждую феодальной подкладки.

Извѣстно, какого неумолимаго противника феодальныя претензіи встрѣтили въ Людовикѣ XI.

Были и такіе представители королевской власти, которые изъ лѣни, равнодушія, невѣрія ко всякаго рода принципамъ оставались, такъ сказать, неподвижными, находя, что все идетъ прекрасно въ то время, какъ они чувствуютъ себя хорошо. Они хотѣли жить лишь для самихъ себя. Людовикъ XV — образецъ подобнаго рода королей. Но кто же рискнетъ утверждать, что всѣ низости, небрежность, скандальный образъ жизни этого короля не отозвались въ несчастіяхъ Людовика XVI?

Къ несчастію исключенія подобнаго рода были слишкомъ часты; но это только исключенія, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ соціальный прогрессъ. И если бы даже они были многочисленнѣе, они все таки ничего не доказывали бы противъ опредѣленія, которому я отдаю предпочтеніе. Они представляютъ собою зло и ложь въ дѣлѣ правительствъ. Мы обязаны признать ихъ; но мы не должны и не можемъ выводить изъ нихъ общаго правила. Разумно ли при опредѣленіи, постановленіи какого либо понятія принимать за его основаніе или характеристику исключенія и уродливость.

Какимъ образомъ правительства, совершенно естественно, вступаютъ на путь прогресса.

Для совершеннаго удовлетворенія читателя, мнѣ кажется, остается разрѣшить еще одну трудность: какимъ образомъ правительства, игнорирующія даже самое слово прогрессъ, не имѣющія о немъ никакого понятія, могутъ, не ошибаясь слишкомъ часто, все таки найти и дѣйствительно находятъ безъ особаго труда, какъ это кажется теперь по крайней мѣрѣ, настоящій путь развитія. Я займусь этимъ вопросомъ, принявъ въ основаніе, какъ и прежде, исторію Франціи. Достаточно нѣсколькихъ словъ, чтобъ освѣтить вопросъ.

Правительства, о которыхъ идетъ рѣчь, имѣютъ передъ собой двухъ руководителей: прежде всего свои собственныя чувства, а потомъ стремленія массъ. Всѣ они

обладаютъ, въ той или иной мѣрѣ, чувствами національности и религіозными вѣрованіями, которыми и устанавливаются симпатіи между ними и массами; въ нихъ въ особенности преобладаетъ чувство власти. Но, нѣтъ власти, которую не оспаривали бы и которая въ слѣдствіе этого не искала бы силы, необходимой для подчиненія сопротивляющихся. Если она находитъ такой общественный элементъ, въ которомъ не думаетъ видѣть что либо опасное для себя, то въ немъ неизбѣжно она и будетъ искать силы; такъ на самомъ дѣлѣ и дѣйствовали первые короли третьей династіи, о которыхъ я уже говорилъ. Могущество феодальнаго дворянства ставило королямъ препятствія во всемъ. Они должны постоянно считаться съ нимъ. Лишь только они увидѣли, что явился противникъ этому дворянству, они постарались заключить съ этимъ противникомъ родъ союза. Этимъ первымъ противникомъ дворянства была городская община; вторымъ—рабъ, который хотѣлъ освободиться и покупалъ свою свободу у сеньора за деньги. Въ этомъ двоякомъ стремленіи правительство не видѣло никакой опасности; оно видѣло лишь силу, ускользавшую у сеньоровъ; силу, которую оно и позаботилось, путемъ покровительства ей, сдѣлать своею Со стороны правительства въ этомъ случаѣ не было даже инниціативы; оно просто воспользовалось представившимся случаемъ; оно ограничилось тѣмъ, что обобщило явленіе, о которомъ не имѣло вовсе понятія. Что касается собранія депутатовъ большихъ городовъ въ королевскомъ судѣ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что первымъ виновникомъ этого былъ Людовикъ Св Мѣра эта была принята съ отвращеніемъ какъ тяжелая обязанность; кажется, что въ началѣ ею имѣлось въ виду установить извѣстную правильность въ администраціи. Первые Etats généraux были созваны только въ 1302 году, при Филиппѣ Красивомъ, по случаю столкновеній его съ папой Бонифаціемъ VIII [1]).

---

[1]) См. «Франція при Филиппѣ Красивомъ» соч. Едгара Бутарика (Boutaric).

Объяснить народныя стремленія ни сколько не труднѣе, чѣмъ политику королей. Прежде всего эти стремленія внушены были естественными, въ нѣкоторомъ родѣ инстинктивными, чуствами, присущими человѣческому роду. Безъ сомнѣнія можно указать не на одну страну, гдѣ эти чувства, кажется совершенно погасли; въ настоящій періодъ нашей новѣйшей цивилизаціи и во Франціи они были поддерживаемы и безпрестанно возбуждаемы воспитаніемъ. Не слѣдуетъ въ самомъ дѣлѣ забывать качества, присущія христіанскому воспитанію. Вспомнимъ о томъ, чего стремятся достигнуть той формой, подъ которой оно проникаетъ въ массы; и согласимся, что въ христіанскомъ ученіи люди научаются той истинѣ, что всѣ они одинаково отвѣтственны и что, передъ Богомъ, между ними нѣтъ другаго различія кромѣ различія заслугъ. Эта доктрина повторялась изо дня-въ день. Таинства ее утверждали. Одно общее крещеніе, одно общее причастіе были для всѣхъ. А не было ли бы чудовищнымъ притязаніемъ смотрѣть какъ на низшаго себя на того, въ общеніе съ которыми благоволитъ вступать самъ Богъ, которыхъ онъ пріобщаетъ своего Тѣла своей Крови. Прибавьте къ этому ученію ненависть и злоупотребленія привилегіи, которыя естественно заставляютъ стремиться людей къ противоположной системѣ, желать ея. Кто былъ въ средѣ, такъ подготовленной, первымъ виновникомъ проявленія идеи о городской коммюнѣ, кто были первыми выкупившимися рабами—это не имѣетъ значенія. Обѣ инициативы были необходимымъ послѣдствіемъ состоянія вещей. Это достаточно ясно.

Разъ свершилась общинная революція, рушилось рабство — громаднымъ прогрессомъ въ нашей странѣ является фактъ организаціи и установленіе Etats généraux, какъ періодическаго и правильнаго установленія, какъ части правительства. Но въ лицѣ ихъ возникъ контроль; въ нихъ увидѣли власть; стали бояться сопротивленія. Это была неизвѣстная величина, значеніе которой не было разчитано. Благодаря этому, короли, министры, дворянство согласно дѣйствуютъ противъ подобнаго рода учрежденія.

желаніемъ двора была неоспоримая, абсолютная монархическая власть. Представители всѣхъ линій капетингской династіи, восходившіе на престолъ, были согласны въ этомъ отношеніи. Къ созванію Etats généraux прибѣгали лишь въ исключительныхъ случаяхъ, въ случаяхъ грозящей государству опасности; къ нимъ прибѣгали какъ къ высшей необычайной мѣрѣ; и, каждый разъ тотъ авторитетъ, который получала королевская власть въ рѣшеніяхъ этихъ собраній, былъ въ ея глазахъ авторитетомъ самихъ собраній, направленнымъ противъ нее. Въ этомъ — причина, почему не желали обратить этихъ собраній въ правильное учрежденіе. Ихъ откладывали безконечно, не смотря на требованія общественнаго мнѣнія. Это была ошибка, окончательная расплата за которую послѣдовала во французскую революцію.

Я пренебрегъ бы тою цѣлью, которую преслѣдую въ этой главѣ, еслибъ не замѣтилъ, что не смотря на пренебреженіе однимъ изъ самыхъ важныхъ и очевидныхъ стремленій французской цивилизаціи, дѣятельность правительства однако не лишена была всякаго прогрессивнаго характера. Необходимо принять во вниманіе то участіе, которое оно принимало въ европейскихъ дѣлахъ, гдѣ его вмѣшательство не разъ содѣйствовало ходу цивилизаціи; необходимо также принять во вниманіе его участіе къ расширенію территоріи государства, обезпеченію ей могущественныхъ союзниковъ. Что касается его внутренней политики, то если его постоянною цѣлью и было возвышеніе монархической власти, все таки она имѣла своимъ послѣдствіемъ извѣстное количество улучшеній, принесшихъ пользу не одному только правительству, но и странѣ. Всякое феодальное сопротивленіе было сломлено; а это прогрессъ для индивидуальной свободы. Промышленность и торговля покровительствовались. Администрація сдѣлалась болѣе единообразной; но, замѣчательное дѣло, самыя значительныя улучшенія были сдѣланы въ судебной и военной администраціи. Правда, что въ нашихъ глазахъ далеко не все то является улучшеніемъ, что считало таковымъ тогдашнее правительство,

а можетъ быть и общество, въ провинціальной, общественной администраціи, въ организаціи промышленности.

Какъ отлична отъ настоящей была бы судьба Франціи, еслибъ Etats généraux обратились въ правильное установленіе; еслибъ прогрессъ, намѣченный XIV вѣкомъ, развивался рѣшительно, рѣшительно поддерживался, какъ общинная революція, какъ освобожденіе рабовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что были бы необходимы громадныя преобразованія, чтобы сдѣлать изъ Etats généraux такое представительное установленіе, какимъ мы понимаемъ его теперь. Но, за то сколько блага принесло бы ихъ вмѣшательство въ дѣла, сколько было бы спасено богатствъ, сколько войнъ, безполезныхъ для Европы и Франціи, было бы устранено. Не было бы расхищеній казны, не было бы этихъ феодальныхъ войнъ, которыя будто бы ради общественнаго блага, терзали Францію, начиная съ царствованія Людовика XI, кончая царствованіемъ Людовика XIV. Страшныя международныя войны XVI ст скорѣе феодальныя, чѣмъ религіозныя, быть можетъ не имѣли бы мѣста; по крайней мѣрѣ были бы смягчены. Всюду установлено было бы административное, финансовое, законодательное единство. Жестокая система уголовнаго судопроизводства была бы преобразована. Институтъ присяжныхъ безъ сомнѣнія былъ бы установленъ; повсюду проникла бы гласность. Наконецъ, одного только желанія воспользоваться благодѣяніями этихъ учрежденій было бы достаточно для того, чтобы добровольно присоединились къ ихъ первоначальному отечеству тѣ части Франціи, которыя отдѣлились отъ ней благодаря феодальной системѣ и на присоединеніе ничтожныхъ клочковъ которыхъ нужно было столько труда,

Какое различіе произошло бы также и въ судьбѣ королей. Безъ сомнѣнія они были бы обязаны подчиняться контролю Etats généraux; но не лучше ли было бы примириться съ правильной оппозиціей, дѣйствующей во имя національныхъ интересовъ, чѣмъ оставаться добычей, какъ это съ нами и было, придворныхъ интригъ; быть

всегда въ рукахъ одной партіи? Не предпочтительнѣе ли былъ бы мирный контроль Etats généraux, чѣмъ враждебныя дѣйствія великихъ феодаловъ, войны подъ предлогомъ общественнаго блага, вооруженныя сопротивленія, заговоры, мятежи. возстанія городовъ и провинцій? Понятно, пришлось бы отказаться отъ абсолютной власти, которою они такъ кичились; за то какихъ ошибокъ имъ удалось бы избѣжать; сколькихъ тяжкихъ ударовъ избѣгло бы королевское достоинство! Не было бы болѣе фаворитизма, причинившаго столько зла; не было бы болѣе придворныхъ скандаловъ, безчестившихъ корону. Людовикъ XIV не былъ бы тѣмъ абсолютнымъ королемъ, какимъ онъ былъ; однако его царствованіе не лишилось бы ни одной дѣйствительной черты величія; только конецъ его не былъ бы омраченъ многими плачевными мѣрами и жестокостями.

Настанетъ, безъ сомнѣнія, день, когда доктрина прогресса сдѣлается предметомъ серьезнаго и полнаго изученія; когда она станетъ въ число необходимыхъ знаній; когда, наконецъ, на нее будутъ смотрѣть какъ на завершеніе тѣхъ познаній, совокупность которыхъ мы называемъ общимъ образованіемъ. Никакое образованіе не можетъ казаться болѣе выгоднымъ. Оно дастъ одно изъ самыхъ могущественныхъ орудій критики. сужденія и открытій въ наукѣ, философіи, даже искусствѣ. Сколько притязаній, заблужденій будетъ устранено навсегда. Мы, наконецъ, выйдемъ изъ этого круга ложныхъ, уже извѣданныхъ опытомъ и исчерпанныхъ идей, въ которыхъ безпрерывно вращается умъ человѣка, надѣясь, что каждый сдѣланный имъ шагъ ведетъ къ открытію чего-либо новаго, чего либо лучшаго, въ то время какъ на самомъто дѣлѣ онъ лишь перетряхиваетъ въ пятый или шестой разъ по крайней мѣрѣ давно ставшую недостойной его вниманія ветошь. Но преимущества такого воспитанія рѣзче всего выкажутся въ политикѣ.

Когда доктрина прогресса сдѣлается общимъ достояніемъ и будетъ преподана вполнѣ, когда она предстанетъ

во всеоружіи своего положительнаго значенія, своего исторического метода, метода предсказаній и вѣроятности; во всеоружія того долгаго опыта, полученнаго изученіемъ прошлаго, который есть въ одно и тоже время и ея доказательство и ея могущественнѣйшее средство прорицанія; когда она предстанетъ съ чудной совокупностью нравственныхъ послѣдствій, цѣлой массой серьезныхъ книгъ, которыя повидимому написаны для ней и ею; когда, наконецъ, на прогрессъ будутъ смотрѣть не только какъ на законъ человѣчества, но скорѣе какъ на законъ міроваго порядка; тогда уже мы въ политикѣ не будемъ болѣе встрѣчаться съ тѣми вѣковыми сопротивленіями, которыя я только что очертилъ, которыя всегда въ концѣ концовъ действуютъ противъ тѣхъ самыхъ династій, которыя являются ихъ виновниками. Не стало бы больше тѣхъ противодѣйствій, которыя обрекаютъ родъ человѣчскій на страданія и нищету. Когда правительства убѣдятся, что прогрессъ есть законъ общественныхъ явленій, что во всѣ времена то, что создало величіе и силу власти есть ничто иное какъ содѣйствіе, оказанное неизбѣжному или логическому порядку непрерывнаго развитія, ни одно изъ нихъ не предпочтетъ безплоднаго и опаснаго пути сопротивленія дорогѣ прогресса, полезной ему самому и человѣчеству.

Внѣ прогресса не существуетъ никакой специальной функціи правительства.

Спрашивается какова бы была спеціальная функція правительства если бы оно не было органомъ общественнаго прогресса? Въ дѣйствительности, какъ уже было сказано, есть только два вида общественныхъ дѣйствій: одни охраняющія, другія прогрессивныя. Однакоже, мы видѣли и увидимъ еще, что дѣйствія охраняющія—болѣе или менѣе независимы одно отъ другаго и не имѣютъ нужды въ единствѣ, централизующемъ началѣ [1]). Каждое изъ охранительныхъ установленій можетъ найти въ себѣ самомъ все необходимое ему даже для того рода усовершенствованій, которыя, не представляя прогресса, явля-

1) См. стр. 45, 63—64.

ются, благодаря первоначально установленной цѣли, лучшимъ выполненіемъ функціи даннаго установленія. Однимъ словомъ, они могутъ пользоваться извѣстной автономіей. Если это положеніе и не есть лучшее одинаково для всѣхъ, оно является таковымъ для большаго числа и неизбѣжнымъ для многихъ охранительныхъ учрежденій. Семья собственность, торговля, промышленность, земледѣліе, кредитъ нисколько не нуждаются во вмѣшательствѣ правительства, оно было бы здѣсь скорѣе опасно, чѣмъ полезно. Воспитаніе и образованіе пользовались полной автономіей въ средніе вѣка; они пользуются ею, по крайней мѣрѣ отчасти, во многихъ странахъ еще и теперь. Они не стали отъ этого хуже. Основнымъ началомъ политики должно быть такое независимое положеніе судебныхъ установленій, чтобы они могли смотрѣть на правительства, когда оно является стороной, въ процессѣ, какъ на частное лицо. Задачей политики, постоянно разрѣшаемой, но не разрѣшенной, у насъ, хотя и не неразрѣшимой, такъ какъ она рѣшена была въ средніе вѣка и въ нѣкоторыхъ республикахъ настоящаго времени, является задача поставить военныя силы государства въ достаточно независимое положеніе по отношенію къ исполнительной власти, для того, чтобы они никогда не могли быть употреблены противъ націи. Въ свободныхъ странахъ основнымъ началомъ является также такое положеніе финансовой администраціи, чтобы она была достаточно независима, чтобы быть въ состояніи сопротивляться всякому незаконному требованію. Что касается до мѣстной администраціи общинъ,—нѣтъ никакого сомнѣнія, что наиболѣе соотвѣтствующимъ цѣли состояніемъ является полная автономія въ предѣлахъ ихъ функціи.

Что же остается на долю правительства въ государствѣ, менѣе опекаемомъ, чѣмъ наше, въ государствѣ, возможность котораго очевидна, примѣръ котораго представляетъ намъ Сѣверная Америка; что осталось бы правительству этого государства, еслибъ оно не было органомъ общественнаго развитія?

Существуетъ только одно явленіе консервативнаго характера въ общественной жизни, правда, всегда представляющее исключеніе, по отношенію къ которому нація, каково бы ни было ея устройство, нуждается въ олицетвореніи своего единства во власти; это — случай защиты противъ чужеземцевъ, случай войны, завоеванія или союза; но совершаемое въ этихъ обстоятельствахъ дѣйствіе по своему характеру прогрессивно. Оно, въ самомъ дѣлѣ ничто иное какъ новое утвержденіе національнаго единства, дальнѣйшій ростъ традицій и національности, другими словами, оно—проявленіе прогресса.

Считать спеціальной функціей правительства не прогрессъ, а администрацію; считать, что прогрессъ со своей стороны—только исключительный случай въ дѣятельности правительства тогда какъ администрація—его постоянное занятіе,—значитъ согласиться съ мнѣніемъ той школы, которая формируется у насъ и которая не признаетъ за правительствомъ никакой прогрессивной способности, видитъ въ немъ лишь административный центръ и которая, исходя изъ этого взгляда, оспариваетъ его пользу. Эта школа не видитъ, почему общественное единство нуждается, для олицетворенія себя, въ постоянной власти она принимаетъ правительство самое большее за перемежающуюся преходящую функцію, за родъ конгресса, собравшагося для обсужденія случайныхъ и такъ же исключительныхъ, какъ онъ самъ, нуждъ. Общество въ глазахъ этой школы—только федерація индивидовъ или семей. Для существованія общества, по ея словамъ, достаточно одинаковыхъ мнѣній, общаго согласія, привычекъ, общности языка, наконецъ—сосѣдства.

Я не разбираю подробно этого ученія, которое, мнѣ кажется, внушено почтеннымъ чувствомъ индивидуальной свободы или скорѣе ненавистью къ деспотизму, отвращеніемъ къ излишней административной опекѣ. Впрочемъ, благодаря тому, что оно состоитъ изъ однихъ отрицаній, его трудно уловить. Я могъ бы ошибиться относительно его окончательныхъ выводовъ; я упоминаю о немъ

лишь для лучшаго освѣщенія и доказательства положенія, развиваемаго мною въ этой главѣ; но замѣчу, что отрицанія этой школы не могутъ привести ни къ чему новому; въ самомъ дѣлѣ, онѣ стремятся лишь къ тому, чтобы вернуть общество къ тому первобытному состоянію,. въ которомъ оно еще только готовится быть имъ, къ состоянію, съ которымъ европейцы познакомились у дикихъ племенъ Сѣверной Америки, у ирокезовъ и дуронцевъ. Я уже говорилъ [1]) объ обычаяхъ этихъ племенъ, у которыхъ предводители являлись на время войны и охоты и не вернусь болѣе къ этому предмету; но нахожу нужнымъ обратить вниманіе здѣсь на одинъ характеристическій фактъ, на неспособность племенъ этихъ по отношенію къ прогрессу. Они жили тамъ, гдѣ ихъ нашли, въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ: у нихъ исчезли всякія преданія о времени появленія ихъ въ этихъ мѣстахъ. Они имѣютъ свое прошлое, они обладали страной, изъ которой европейцы сдѣлали одну изъ богатѣйшихъ странъ земнаго шара и, тѣмъ не менѣе, остались въ такомъ первобытномъ состояніи. Еще и въ настоящее время на громадной территоріи Америки существуетъ нѣсколько дикихъ племенъ съ тѣми же обычаями и нравами. Павны, сіу, апачи, команчи были многочисленными племенами; они независимы и теперь еще. Многовѣковыя соприкосновенія не научили ихъ ни чему. Они заимствовали лишь оружіе. Въ остальномъ они не проявили никакого прогресса, даже въ той степени, въ какой проявился онъ у племенъ, нравственныя воззрѣнія которыхъ почти не превышали уровня ихъ воззрѣній.

Причину такой неподвижности, индиферентности не трудно отгадать: она ни въ чемъ другомъ, какъ въ отсутствіи правительства у этихъ племенъ. Благодаря тому, что у нихъ нѣтъ прочной власти, олицетворяющей общественное единство съ его интересами, обязанной предвидѣть, обсуждать, организовать, установить поря-

---

1) См. стр. 44 и 57.

докъ и ходъ дѣйствій; благодаря этому племена эти — все еще въ томъ состояніи, въ какомъ они были въ тотъ день, когда ихъ встрѣтили европейцы. Европейцы натолкнулись па извѣстную степень цивилизаціи лишь въ Мексикѣ и Перу; у тѣхъ націй, во главѣ которыхъ стояла правильно организованная власть.

Что же, въ концѣ концовъ, изъ всего сказаннаго слѣдуетъ? Что постоянное вмѣшательство правительства въ администрацію и въ жизнь консервативныхъ элементовъ жизни—безполезно или покрайней мѣрѣ ведетъ къ сомнительнымъ результатамъ; что еслибы оно обладало только качествами администратора, только ими оправдывало свое существованіе, то оно рисковало бы сдѣлать послѣднее сомнительнымъ и потерять, измѣняя свое устройство, одну за другою функціи, которыя оно себѣ приписывало; лишиться тѣхъ мотивовъ, которыми оно думало доказать свою необходимость. Справедливо лишь одно: въ вопросы касающіеся установленій охранительныхъ, т. е. въ администрацію, правительство должно вмѣшиваться лишь въ интересахъ прогресса, т. е. для того, чтобы поддержать установленіе на той высотѣ, на которую оно поставлено, чтобы помѣшать ему идти вспять; безъ сомнѣнія такого рода вмѣшательство будетъ лишь подготовкой къ будущему прогрессу; самое имя свое правительство заимствовало отъ той функціи, которую отправляетъ. Дѣйствительно, оно—представитель и управитель общества въ его движеніи къ цѣли. Отцы наши, создавая слово, чувствовали его содержаніе, они не дали только опредѣленія этого содержанія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Различіе между администраціей и правительствомъ.

Существенное различіе между правительствомъ и администраціей.

Теперь постараюсь установить основное различіе, которое, мнѣ кажется, существуетъ между правительствомъ и администраціей; различіе это—въ томъ, что правительство есть власть, стремленія которой должны быть прогрессивны, въ то время какъ администрація есть установленіе, направленіе котораго естественно неподвижное. Такъ называемая — въ силу своего положенія относительно правительства — центральная администрація выполняетъ тѣ же самыя функціи какъ и административныя установленія, исполняющія общественныя службы низшаго порядка; она—установленіе спеціально-исполнительное, подчиненное, имѣющее своимъ назначеніемъ реализацію цѣлей правительства Она—ничто иное какъ организмъ, съ помощью котораго правительство находится въ соотношеніи со всѣмъ тѣмъ, за чѣмъ оно надзираетъ, что оно направляетъ; организмъ, который, въ свою очередь, отъ правительства заимствуетъ всю ту власть, весь тотъ авторитетъ, которыми онъ обладаетъ. Это - посредникъ, который дѣйствуетъ и распоряжается только потому, что повинуется; однако, посредникъ, который дѣйствуетъ по собственному побужденію всякій разъ какъ правительство не вмѣшивается въ дѣло, чтобы внести въ него что-либо новое. Этотъ посредствующій организмъ, долженъ дѣйствовать самъ собою, какъ только онъ предоставленъ себѣ самому. Каждый день онъ долженъ начинать съ того, что дѣлалъ наканунѣ. Рутина—его правило въ тоже время и его совершенство.

Дѣйствительно, на администраціи не лежитъ обязанности, по собственной инициативѣ, что либо вчинать, дѣлать какія либо нововведенія; ея задача—примѣнять къ жизни данные ей законы или принципы, поддерживать ихъ или самое большое распространять уже разъ опредѣленную, формулированную гармонію уже установленныхъ функцій.

Администрація вовсе не есть одно изъ необходимыхъ условій существованія общественно-государственнаго строя, она вовсе не есть одна изъ тѣхъ функцій, безъ которыхъ невозможно общество; она есть только средство, орудіе этихъ функцій. Она перестаетъ быть этимъ орудіемъ, если получаетъ достаточно силы для самоопредѣленія или самостоятельнаго измѣненія своихъ принциповъ. своего дѣйствія, если и она, наконецъ, имѣетъ власть, не производную, не сообщенную ей, а независимую. Но въ силу того, что она есть живое такъ сказать орудіе, состоящее изъ совокупности людей, невозможно воспрепятствовать ей имѣть дѣйствительно собственное движеніе. Какъ установленіе она идетъ совершенно особо, какъ нѣчто существующее само по себѣ. Такое положеніе администраціи несомнѣнно самое лучшее какъ это скоро будетъ доказано примѣрами. Достаточно, только извѣстной степени зависимости ея отъ правительства, чтобы она не могла причинять замедленія дѣйствіямъ правительства, противодѣйствовать ему.

Исключительное господство администрація не совмѣстимо съ прогрессомъ.

Администрація въ глазахъ правительства должна быть всегда дѣломъ только второстепеннымъ. Разъ она стала преобладающимъ дѣломъ — прогрессъ не имѣетъ мѣста. Правительство, совсѣмъ погрузившееся въ заботы объ административныхъ дѣлахъ, перестаетъ управлять; оно дѣлается неподвижнымъ, т. е. получаетъ консервативный характеръ. Оно безъ сомнѣнія остается еще представителемъ соціальнаго единства, но оно перестаетъ быть правителемъ, а слѣдовательно скоро перестанетъ быть властью. Въ средѣ установленій оно еще носитъ первенствующій характеръ, но оно теряетъ характеръ автори-

тета по отношенію къ нимъ по мѣрѣ того, какъ оно отказывается отъ прогрессивнаго образа дѣйствій. Наконецъ, когда прогрессъ найдетъ другаго истолкователя, правительство потеряетъ авторитетъ окончательно.

А между тѣмъ администрація всегда является въ глазахъ правительства дѣломъ желаннымъ, прежде всего благодаря своей легкости, а также и потому что постоянно представляетъ собою для всякаго желающаго обширное поле дѣйствія.

На самомъ дѣлѣ администрація, какъ и многое изъ дѣлъ человѣческихъ, которыя по природѣ всегда однѣ и тѣже, требуетъ постояннаго усилія, чтобы стоять на томъ уровнѣ, на которомъ она разъ стала, и часто допускаетъ возможность усовершенствованій и полезныхъ расширеній. Но поддерживать усовершенствовать, распространять, если это и значитъ двигаться, если даже это значитъ, какъ принято выражаться, совершенствоваться, то все таки это не значитъ прогрессировать. Говорятъ, на пр., что администрація совершенствуется каждый разъ, когда она увеличиваетъ свое вліяніе, забирая въ свои руки какую нибудь новую область вѣдѣнія или какія либо новые члены общественнаго организма. Но что жъ въ этомъ новаго? Формы установленія, его принципы, его образъ дѣйствія — все одни и тѣже. Однако во всемъ этомъ можно ошибаться. До тѣхъ поръ, пока движеніе, въ смыслѣ расширенія области вѣденія, продолжается, многіе могутъ принять его за прогрессъ. Истина выясняется лишь тогда, какъ, охвативъ все, что было можно, движеніе останавливается; тогда неподвижность дѣла становится очевидной въ глазахъ даже наименѣе прозорливыхъ. Забыть все, зарыться въ однѣ административныя дѣла — постоянная опасность для правительства. Именно въ этомъ то родѣ неподвижности, совершенно отличной отъ состоянія покоя, и кроется причина ослабленія, полнаго паденія величія венеціанской и голландской республикъ, могущества Испаніи и вліянія римскаго двора.

Одинъ изъ самыхъ значительныхъ примѣровъ, какой только мы знаемъ, дурнаго правительства — это, безъ сомнѣнія, римское правительство за три вѣка — отъ Тиверія до Константина. Въ то же время это — эпоха наибольшаго административнаго развитія, какое только можно запомнить. Правительство это руководилось исключительно индивидуальными, грубо, беззастѣнчиво сознаваемыми, интересами: никакой идеи, которую можно бы было назвать полезною, самыя возмутительныя злоупотребленія ничѣмъ неограниченнаго, ни передъ чѣмъ неостанавливающагося деспотизма; наконецъ, всевозможные пороки, какъ прерогатива, исключительное право высшаго авторитета. Въ администраціи, напротивъ, — напряженное, постоянное усиліе подчинить все и всѣхъ волѣ властелина, — неустанная работа объединенія, охватывающая всю имперію и, какъ результатъ — всемогущая и вездѣсущая администрація; всеобщее однообразіе и неподвижность; наконецъ, — паденіе во всемъ; нищета всѣхъ, какъ результатъ обогащенія нѣкоторыхъ; уменьшеніе народонаселенія.

Изъ этого примѣра видно, что управлять вовсе не значитъ править, хотя править и значитъ направлять управленіе. Чтобы окончательно не погрузиться въ дѣло направленія — достаточно, чтобы правительство администраціи касалось только исполнительной стороной своей и лишь на столько, на сколько это полезно, чтобы дать ей необходимый авторитетъ и удержать ее на томъ пути и въ тѣхъ границахъ, которыя намѣчены ей. Достаточно организовать администрацію такимъ образомъ, чтобы она могла дѣйствовать какъ отдѣльная, хотя и зависимая, власть Таково положеніе ея въ государствахъ, обладающихъ дѣйствительно представительнымъ правленіемъ. Въ Англіи, Соединенныхъ Штатахъ, Бельгіи, Голландіи, Пьемонтѣ [1]) административная власть составляетъ функцію, подчиняется исполнительной, но правленіе (правительство),

---

[1]) Книга писана въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Изд. 1866 г.

принадлежитъ законодательной власти. Отъ послѣдней исходитъ всякое движеніе, высшее направленіе. Часто каждое охранительное установленіе, управляется отдѣльно; какъ это было въ средніе вѣка съ духовенствомъ, университетами, общинами. Есть охранительныя учрежденія индивидуальнаго характера, которыя даже въ наше время, несмотря на стремленіе ко всепоглашающей централизаціи, никто не желаетъ подчинить государственному управленію. Таковы, напр.,—непосредственно индивидуальныя охранительныя установленія —семья, трудъ, обмѣнъ. Однако сколько нашлось исцѣлителей, которые предлагали это исцѣленіе.

Ни одна изъ формъ правительства не допускаетъ дѣленія, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь. Такъ, при деспотическимъ режимѣ администрація и правительство составляютъ одно цѣлое, или, скорѣе, при этой формѣ правительства существуетъ только администрація. Въ излишнемъ совершенствѣ послѣдней — безопасность деспота. Тамъ, гдѣ между людьми нѣтъ никакой другой связи, кромѣ страха и силы, необходимо, чтобы эти сила и страхъ проявлялись по всюду; необходимо, чтобы ни что не могло пошевельнуться безъ позволенія власти. Такимъ образомъ, при такомъ режимѣ администрація не имѣетъ границъ, она перестанетъ дѣйствовать лишь тогда, когда подчинитъ себѣ все и всѣхъ.

Ни одна изъ цѣлей не допускаетъ со стороны правительства полнаго игнорированія администраціи. Такъ, тѣ изъ насъ, которые хотѣли бы въ настоящее время, такъ, при посредствѣ государства, организовать трудъ, чтобы обеспечить рабочихъ противъ недостаточности и непостоянства заработной платы, если бы успѣли образовать общественную власть, то создали бы не правительство, т. е. прогрессивное установленіе, но администрацію, т. е. установленіе неподвижное, дѣйствіе котораго неизбѣжно оказалось бы замкнутымъ въ неподвижномъ кругѣ съ самаго того момента, когда общество слагалось въ извѣстный механизмъ. Эта администрація была

бы, впрочемъ, самой худшей изъ администрацій: она централизовала бы все, включая индивидудуальные интересы. Такимъ образомъ, великодушныя стремленія этихъ людей привели бы къ образованію новой формы деспотизма.

Административное единство и централизація.

Мы только что видѣли, что преувеличенное, излишнее расширеніе административнаго единства опасно какъ для прогресса, такъ и для свободы; но однако въ полномъ отсутсвіи этого единства кроется другаго рода опасность Если дурно, когда администрація — все, то не менѣе дурно, когда она — ничего. Несомнѣнно, что, дабы исполнять свои функціи болѣе или менѣе совершенно, различныя охранительныя установленія, различныя части большаго государства должны обладать извѣстною долею свободы извѣстною автономіей; но точно также необходимо, чтобы ихъ зависимость отъ центральной административной власти была достаточна для того, чтобы послѣдняя могла дисциплинировать ихъ и поддерживать въ нихъ единое, общее направленіе. Предположимъ, въ самомъ дѣлѣ, всѣ охранительныя установленія, всѣ территоріальныя подраздѣленія огранизованными въ качествѣ совершенно отдѣльныхъ, независимыхъ, неограниченныхъ въ ихъ сферѣ органовъ; предположимъ, мысленно, что всѣ эти различныя организмы начинаютъ дѣйствовать одинъ подлѣ другаго, со всѣми ихъ естественными стремленіями, интересами, честолюбіемъ, страстями, со всѣми столкновеніями, которыя не замедлятъ наступить; и мы осуществимъ планъ грандіозной анархіи или организаціи постояннаго безпорядка. Эта картина не есть, однако, чистая гипотеза. Это—картина политическаго строя эпохи, которая, не смотря на свою отдаленность отъ настоящаго времени, оставила такіе слѣды въ памяти народа, которыхъ совершенно достаточно, чтобы возбудить непобѣдимое отвращеніе ко всему, ее напоминающему.

Излишняя централизація, является такимъ же зломъ для общества какъ и ея отсутствіе. Едва ли возможно

опредѣленно сказать что хуже Мы встрѣчаемся съ избыткомъ централизаціи, когда послѣдняя проявляется во всемъ; мы имѣемъ дѣло съ отсутствіемъ централизаціи, когда извѣстныя учрежденія не зависятъ, по возможности, непосредственно отъ правительства. Есть такія общественныя услуги и права, которыя непосредственно должны быть подчинены исполнительной власти правительства; такъ, напр., сюда относится все, что касается международныхъ отношеній, права мира и войны; внутреннія отношенія между провинціями или департаментами, общій надзоръ и общія сношенія, право отрѣшенія отъ должности, право преслѣдованія передъ судомъ, управленіе общественнымъ имуществомъ [1]). Но есть другаго рода дѣла и права, на которыя правительство должно дѣйствовать только путемъ закона, по отношенію къ которымъ его вмѣшательство должно ограничиваться простымъ надзоромъ, или только правомъ низложенія и преслѣдованія служащихъ, о чомъ я только что говорилъ. Такова большая часть охранительныхъ установленій, о которыхъ я говорилъ въ предъидущей книгѣ. Каждое изъ нихъ отправляетъ въ своей сферѣ спеціальную функцію. Для лучшаго отправленія этой функціи необходимо твердое положеніе этихъ установленій. Но такое положеніе, во всякаго рода дѣлахъ, состоитъ въ исключительной зависимости, подъ авторитетомъ закона, отъ своего собственнаго долга. Самая функція есть нѣчто спеціальное, обладающее собственною жизнью, своими особыми методами, а слѣдовательно и могущая быть отправляемой лишь такою же спеціальною, какъ она сама, властью. Въ концѣ концовъ, такимъ образомъ, большая часть охранительныхъ установленій, лишь только они дѣйствительно организованы, должны зависѣть исключительно отъ закона и представлять собою, законно и въ извѣстномъ смыслѣ, спеціальную, частную власть и администрацію, для того чтобы они на самомъ дѣлѣ что либо значили и чѣмъ либо управляли. Степень ихъ незави-

---

1) Снимокъ съ коммунальнаго строя Франціи.

симости логически измѣряется степенью ихъ специальности.

Резюмируя все предъидущее, можно сказать, что въ наиболѣе организованномъ государствѣ существуетъ два рода администраціи: общая или центральная, представляющая собою только распространеніе исполнительной стороны правительства и специальныя, свойственныя охранительнымъ установленіямъ и столько же разнообразныя въ ихъ образѣ дѣйствія, какъ и самыя специальности. Каждый изъ этихъ двухъ родовъ администраціи обладаетъ правомъ собственной инициативы, особымъ видомъ автономіи. Ихъ отличительнымъ характеромъ является извѣстный формализмъ въ дѣйствіяхъ, который лучше всего выражается словомъ рутина, понимая это выраженіе въ первоначальномъ т. е. лучшемъ значеніи. Какъ та, такъ и другая администрація получаютъ толчокъ отъ правительства; центральная—отъ исполнительной власти; остальныя—отъ законодательной.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Условія необходимыя для того, чтобы прогрессъ былъ постояннымъ началомъ правительственныхъ дѣйствій.

Правительство обыкновенно — продуктъ общественнаго движенія

Въ организаціи правительства произволъ или свобода выбора заключены въ очень тѣсныя границы. Существуютъ такія абсолютныя условія, внѣ которыхъ функціи направленія и прогрессированія дѣлаются невозможными. Если эти условія отсутствуютъ, то во главѣ общества можетъ быть предводитель, король, императоръ, достаточно могущественные, чтобы заставить себѣ повиноваться, въ немъ можетъ быть администрація, но не будетъ правительства.

Такимъ образомъ, въ большей части политическихъ обществъ окончательная организація правительства была скорѣе продуктомъ извѣстнаго стеченія обстоятельствъ, чѣмъ à priori и заранѣе поставленнаго плана. Къ какой бы желательной формѣ въ началѣ не стремились, подъ вліяніемъ опыта и неизбѣжнаго стеченія обстоятельствъ дѣло сложится такъ, чтобы удовлетворить извѣстнымъ существеннымъ условіямъ, изысканію о которыхъ мы посвящаемъ настоящую и слѣдующую главы. Обстоятельства кажется, всегда были могущественнѣе и искуснѣе самаго человѣка. За сложившіяся подъ ихъ вліяніемъ учрежденія, всегда держались, потому что чувствовали себя при нихъ хорошо. Такъ было въ Римѣ, Англіи, Соединенныхъ Штатахъ, даже у евреевъ, гдѣ обстоятельства измѣнили въ конституціи Моисея все, что онъ внесъ

въ нее слишкомъ абсолютнаго съ теократической точки зрѣнія.

Эти факты легко объясняются съ точки зрѣнія принциповъ, установленныхъ въ началѣ этого труда. Дѣйствительно, что иное представляетъ собою это стеченіе обстоятельствъ, болѣе способное и могущественное, чѣмъ предвидѣніе законодателя, основавшаго общество, какъ не результатъ движенія къ цѣли. И здѣсь, какъ и въ явленіяхъ другихъ порядковъ, цѣль неизбѣжно порождаетъ методъ.

Двѣ существенныя функціи правительства

Не безъ причины я началъ съ этого замѣчанія: оно оправдываетъ путь, которомъ я намѣренъ слѣдовать.

Правительство должно быть организовано въ виду своихъ функцій; этого требуетъ логика, этого требуетъ природа вещей, какъ выражается Монтескьё; на это указываетъ опытъ. Въ этомъ отношеніи не можетъ быть сомнѣнія Дѣйствительно, въ силу того, что правительство есть средство, которымъ общество должно достигать своей цѣли, оно не можетъ быть ничѣмъ другимъ, какъ олицетвореніемъ метода, наиболѣе приспособленаго къ достиженію этой цѣли.

Съ этой точки зрѣнія двѣ первыя основныя функціи правительства суть: во первыхъ, найти и опредѣлить то, что нужно дѣлать и во вторыхъ, исполнить, осуществить найденное. Это фактъ на столько очевидный, что выясненіе его можетъ показаться совершенно празднымъ дѣломъ Еще болѣе празднымъ дѣломъ можетъ показаться отысканіе доказательствъ этого факта. Каждую изъ этихъ операцій я изслѣдую отдѣльно, чтобы видѣть чѣмъ онѣ являются съ общественной точки зрѣнія и какія обычаи или установленія они должны произвести.

Прежде всего должно признать необходимость достиженія цѣли.

Первая изъ этихъ операцій—опредѣлить, что нужно дѣлать, состоитъ ни болѣе ни менѣе какъ въ открытіи одной изъ тѣхъ второстепенныхъ цѣлей, о которыхъ уже

было говорено, которыя составляютъ одно изъ звеньевъ общаго прогресса, и послѣдовательное достиженіе которыхъ составляетъ историческое развитіе цивилизаціи. Выше я изложилъ, что общая цѣль политической дѣятельности можетъ быть достигнута лишь путомъ разрѣшенія ряда ступеней, различныхъ порядковъ, ступеней, которыми общество идетъ къ опредѣленному, желаемому имъ, дѣлу. Вь тоже время я говорилъ, что каждое разрѣшеніе обыкновенно такъ важно, такъ усложнено всякаго рода трудностями и препятствіями, что требуетъ усилій нѣсколькихъ поколѣній. Такъ, сколько нужно было Франціи устранить затрудненій, препятствій, какую длинную серію нужно было ей совершить законодательныхъ, административныхъ, нравственныхъ, матеріальныхъ улучшеній, чтобы перейдти отъ состоянія XII в. до настоящаго положенія вещей — осуществленія равенства передъ закономъ! Необходимо было установить и утвердить повсюду общину; уничтожить рабство; организовать покровительство труда; необходимо было разрушить мѣстныя корпоративныя и кастовыя привилегіи, преобразовать систему судопроизводства, и военную организацію, измѣнить гражданское и уголовное законодательство, основать администрацію, создать совокупность гарантій; и все это не вдругъ, это было бы невозможно — а мало по малу, путемъ послѣдовательныхъ измѣненій; нужно было, наконецъ, для завершенія этой первой прогрессіи, создать правительство, которое соотвѣтствовало бы великому государству, въ которомъ всѣ свободны и равны. Но однако, вотъ уже три четверти вѣка, какъ мы стараемся осуществить представительное правительство и достигли лишь чего-то, едва похожаго на него. Инстинктъ привилегій, все еще живетъ; въ извѣстныхъ сферахъ права царитъ еще неравенство. Титулы дворянскіе, если не само дворянство, еще существуютъ. Администрація избираетъ депутатовъ, которыя должны направлять и контролировать ее; сама исполнительная власть — абсолютна. Какъ далеко еще мы отъ нашей цѣли! Сколько усилій уже совершено, а сколько должно еще совершиться!

При видѣ этого ряда читатель, вспомнивъ нѣкоторые историческіе факты, быть можетъ подумаетъ, что единственными препятствіями были страсти, предразсудки или личные интересы, насилія однихъ, ожесточенныя сопротивленія другихъ, и найдетъ, что, по отношенію къ самымъ цѣлямъ и средствамъ, во всемъ этомъ не могло быть никакого колебанія. Такой взглядъ былъ бы заблужденіемъ. Идея о такого рода ассоціаціи, какъ община, напр., и формула, способная ее реализировать, были не менѣе смѣлыми или трудными, чѣмъ самое осуществленіе. Объ этомъ можно судить теперь по той трудности, которую испытываемъ мы при разрѣшеніи задачи о болѣе равномѣрномъ распредѣленіи продуктовъ труда. Наши предки не искали въ городовой общинѣ только, какъ это утверждаютъ, средства овладѣть муниципіей. Въ началѣ XI ст. существовало уже достаточное количество муниципій во Франціи, но города, благодаря этому вовсе не были болѣе независимыми; они не получили большаго значенія въ политикѣ; однимъ словомъ, они рѣшительно не были тѣмъ, чѣмъ были въ послѣдствіи, когда пріобрѣли то, что позже называли общиннымъ правомъ. Цѣлью городовъ было выдти изъ ихъ политическаго ничтожества, занять мѣсто въ средѣ націи и въ государствѣ, играть въ послѣднемъ роль, которую занимали въ немъ только дворянство и феодальное духовенство; а для этого они стремились пріобрѣсти права, равныя правамъ этихъ сословій, привилегіи, подобныя ихъ привилегіямъ: право присяги, право носить оружіе, право войны, право суда; однимъ словомъ—все, что составляло въ то время политическое право, а слѣдовательно, независимость, личное достоинство и безопасность имущественную и личную. Изъ общинной революціи вышло tiers-état. Наши предки видѣли гораздо дальше, чѣмъ писатели, разсказавшіе ихъ исторію. Что касается уничтоженія рабства, нужно помнить, что въ теченіи семи столѣтій единственно возможнымъ трудомъ считали рабскій трудъ; въ этомъ отношеніи въ средніе вѣка думали подобно грекамъ и римлянамъ Вѣроятно, общая мѣра, подобная мѣрѣ 1317 года, никогда не была бы принята, еслибы индивиду-

альныя усилія, о которыхъ не упоминаетъ исторія, но которыя должны были быть очень тяжелыми, не указали разрѣшенія. Я могъ бы сдѣлать аналогическія замѣчанія о всѣхъ другихъ, о которыхъ я упоминалъ, явленіяхъ прогресса.

Вообще, операція, предшествующая исполненію, т. е. операція опредѣленія того, что должно дѣлать, далеко не проста. Обыкновенно въ ней два дѣйствія: прежде всего необходимо поставить цѣль, а потомъ—найти средство. Это ясно видно, напр. на всѣхъ фактахъ только что приведеннаго мною ряда. Такъ, если рѣчь будетъ идти о средневѣковой коммунѣ, мы увидимъ, что цѣлью движенія было пріобрѣсти въ феодальномъ мірѣ извѣстныя права, играть политическую роль съ ихъ послѣдствіями; средствомъ же была сама община. Однако, идея цѣли существовала, очевидно, гораздо прежде, чѣмъ найдено было средство. Взглянемъ, наконецъ на послѣдній фактъ приведеннаго нами выше ряда, фактъ французской революціи, дѣятелями которой являемся еще мы: очевидно, что цѣлью революціи является основаніе свободнаго народнаго правительства, на законахъ равенства и братства; а средство мы еще ищемъ.

На основаніи этого послѣдняго примѣра, можно было бы подумать, что часто труднѣе найдти средство, чѣмъ опредѣлить цѣль; но это значило бы забыть, что 1789 годъ былъ лишь отраженіемъ цѣли, уже формулированной тремя предъидущими вѣками.

То и другое—одинаково трудно. Это операціи, ничѣмъ не отличающіяся отъ открытій и изобрѣтеній, двигающихъ науку и искусства. Они, кажется, требуютъ столько же, если еще не больше, генія. Такимъ образомъ, совершенно справедливо, что по оцѣнкѣ общественнаго мнѣнія во главѣ всѣхъ установленій общественныхъ, ставится то, функціей чего является изобрѣтеніе и прогрессъ по преимуществу, т. е. правительство.

Методъ изобрѣтенія въ политикѣ—тотъ же, что и въ наукѣ. Онъ состоитъ изъ гипотезы и повѣрки.

Процессъ открытій въ практическихъ дѣлахъ тотъ же, что и въ наукѣ. Существуетъ только одинъ, а не два метода изобрѣтенія. Однако методъ этотъ составляется изъ двухъ отдѣльныхъ операцій, зависящихъ другъ отъ друга; первая изъ нихъ состоитъ въ формулированіи предложенія, первоначальной гипотезы, какъ его называютъ; вторая—въ процессѣ доказательства этого положенія. Если вторая операція — въ согласіи съ первой, — если между ними нѣтъ розни, то первоначальное предложеніе изъ состоянія гипотезы переходитъ къ состоянію пріобрѣтенной истины, истины положительной или, какъ теперь говорятъ, позитивной [1]).

Первоначальное положеніе, каковы бы ни были работы, къ нему приведшіе, всегда является понятіемъ апріорнымъ; это — трудъ исключительно, а слѣдовательно и постоянно, индивидуальный; въ то время, какъ напротивъ, доказательство положенія, какова бы не была его сущность — трудъ апостеріорный; т. е. сложный, въ которомъ обыкновенно принимаютъ участіе многіе. Только въ искусствѣ доказательство, какъ и гипотеза, можетъ принадлежать изобрѣтателю. Здѣсь часто бываетъ достаточно изобрѣтателю реализировать свою мысль, чтобы доказать ея справедливость. Такъ, напр., Jacquard, создавъ гипотезу искусства, носящаго его имя, доказалъ ея истинность самымъ производствомъ ремесла, тѣмъ, что заставилъ его функціонировать.

Естественно, что болѣе изобрѣтается гипотезъ ложныхъ, чѣмъ истинныхъ. Для произведенія первыхъ достаточно воображенія—отсюда невѣрное пониманіе самаго слова гипотеза на обыденномъ языкѣ; нужно нѣчто совершенно иное, чтобы формулировать гипотезу втораго рода; нужны — знаніе, изученіе, размышленіе, геній. Гипотезы въ ихъ соотношеніи съ положительными дан-

---

[1]) Подробное развитіе этой мысли см. въ моей Traité de Philosophie t. II и моей Introduction à l'etude des sciences medicàles.

ными, съ реальностью задачъ, слѣдовательно гипотезы необходимо вызывающія ихъ доказательство, чрезвычайно трудны и рѣдки, даже если онѣ только приблизительны. Законъ тяготенія, прежде чѣмъ былъ доказанъ, былъ не болѣе, какъ гипотезой. Лишь, когда появилось нѣсколько гипотезъ, даже ложныхъ, по какому либо предмету, можно заключить почти навѣрно, что существуетъ задача и потребность ея разрѣшенія.

Въ дѣлахъ политики имя первоначальнаго предложенія, иниціативы мы даемъ тому, что въ наукѣ называютъ гипотезой; а имя принятія, акцептаціи той операціи метода изобрѣтенія, которая тамъ называется доказательствомъ, оправданіемъ

Инищіатива и ея оправданіе или политическая акцептація.

Характеръ инищіативы въ его основаніи одинъ и тотъ же во всемъ, каковы бы ни были порядокъ и сущность предшествовшаго ей умозаключенія. Она всегда—результатъ индивидуальной работы; напротивъ, формы оправданія, доказательства варьируются смотря по предметамъ.

Въ дѣлахъ политическихъ доказательство слагается изъ двухъ операцій повидимому одинаково самостоятельныхъ. Одна состоитъ въ рѣшеніи вопроса стоитъ ли первичное предложеніе въ согласіи съ цѣлями и средствами, заранѣе реализованными, входитъ ли оно въ ихъ рядъ или, другими словами, состоитъ ли оно въ логически прогрессивномъ соотношеніи съ предшествующими актами. Другая операція состоитъ въ рѣшеніи вопроса—соотвѣтствуетъ ли предложеніе настоящему времени, общественнымъ стремленіямъ, дѣйствительному положенію вещей. Отсюда—двѣ системы различныхъ доказательствъ: одна—вытекающая нѣкоторымъ образомъ изъ прошлаго, являющаяся традиціонной логикой политики; другая — представляющая собою дѣйствительность ея страсти, ея интересы.

Инищіатива и акцептація, въ томъ видѣ, какъ мы

опредѣлили ихъ, всецѣло составляютъ первую операцію или начало той работы направленія, которая принадлежитъ правительству. Онѣ неоспоримо, суть функціи его; какъ таковыя онѣ должны быть и организованы, а слѣдовательно, насколько это возможно, должны быть представляемы извѣстными установленіями. Чѣмъ совершеннѣе послѣднія, тѣмъ совершеннѣе будетъ отправленіе функціи.

Исторія, этотъ великій опытъ въ политикѣ, показываетъ намъ, что тамъ, гдѣ эти функціи не отправляются извѣстными установленіями, онѣ постоянно стремятся къ организаціи; что тамъ, гдѣ онѣ организованы не достаточно совершенно, изъ этого обстоятельства вытекаетъ великое зло; что, наконецъ, мы никогда не встрѣчаемся съ фактомъ ихъ полнаго отсутствія. Такъ, напр., въ деспотическомъ государствѣ иниціатива проявляется путемъ революцій, а неусвоеніе того или другаго политическаго начала ведетъ къ возстанію.

Достаточно нѣсколькихъ словъ, чтобы объяснить родъ той необходимости по отношенію къ соціальнымъ явленіямъ, который мы изучаемъ. Достаточно припомнить, что въ обществѣ нѣтъ ничего болѣе общаго, болѣе интереснаго, болѣе важнаго, какъ великія операціи иниціативы и принятія, стоящія въ непосредственномъ соотношеніи со всѣмъ, что есть общаго между гражданами и ихъ потомствомъ, т. е. съ цѣлью активной дѣятельности. Иниціатива стремится стать властью, такъ какъ она сама по себѣ уже сила, потому что лишь только она овладѣла умами — она въ дѣйствительности управляетъ или будетъ управлять обществомъ, какова бы не была фактическая власть, стоящая во главѣ его. Принятіе, усвоеніе—также власть, равная власти иниціативы, потому что безъ нея послѣдняя никогда не перешла бы въ состояніе истины или цѣли. Однако было бы непонятно, какимъ образомъ въ этомъ громадномъ тѣлѣ, въ которомъ всякое соціальное дѣйствіе совершается людьми, только эти двѣ, самыя важныя, операціи не имѣли бы своихъ органовъ.

Въ дѣйствительности въ правительствахъ, на которыя смотрятъ какъ на наименѣе несовершенныя и которыя постоянно изучались публицистами какъ образцовыя—римское у древнихъ, англійское въ настоящее время —мы находимъ эту тройную операцію—иниціативу и два различныхъ вида усвоенія организованною въ формѣ правильныхъ установленій. Въ Римѣ правительство соединяло въ себѣ троякаго рода власти: консуловъ, сенатъ и народъ; первыя являлись совѣтниками; второй представлялъ собою традиціонныя опытность и мудрость; третій — народъ — порывистую, кипучую дѣятельность. Пока я оставляю въ сторонѣ вопросъ объ исполнительной власти. Мы скоро увидимъ какъ связывается эта послѣдняя съ точками отправленія, которыя я стараюсь здѣсь установить. Нѣчто подобное видятъ въ англійской конституціи. Иниціатива вообще функціонировалась короной, принятіе же всегда принадлежало двумъ властямъ: одной наслѣдственной—палатѣ пэровъ, другой избирательной,—представляющей собою большинство гражданъ. Я могъ бы и еще привести примѣры, но достаточно и этихъ.

Здѣсь необходимо припомнить замѣчаніе, сдѣланное въ началѣ этой главы. Не произвольно, à priori, по заранѣе созданному плану, установлено это дѣленіе. Оно вытекаетъ изъ самаго хода историческихъ событій. Повторяю еще разъ, на немъ остановились потому, что нашли его вѣрнымъ. Дѣйствительно установленія эти, въ извѣстномъ смыслѣ — результатъ соціальной необходимости, подъ вліяніемъ извѣстныхъ обстоятельствъ, привели, относительно цѣли каждой націи, къ великому благу—громадному внѣшнему могуществу, и внутреннему, безъ сомнѣнія очень медленному, постоянно оспариваемому, движенію, которое, не стало однако, вслѣдствіе этого менѣе прогрессивнымъ. Видъ этого дѣйствительнаго, несомнѣннаго блага увлекъ новѣйшія націи на поиски правительства такого же рода. Въ поискахъ, однако, почти не успѣли, потому что, стремясь къ смяг-

ченію, улучшенію, смягчили именно то, что составляло специальность каждой власти.

Организація началъ инициативы и принятія.

Инициатива элементъ громаднаго авторитета среди людей. Одобреніе, довѣріе, повиновеніе всякій разъ соединяются тамъ, гдѣ нашли возможнымъ признать возникновеніе инициативы. Вотъ почему всякая власть всегда съ энергіей объявляетъ за собою привилегію на инициативу; но она не принадлежитъ всякому претендующему на нее и только потому, что на нее претендуютъ. Безъ сомнѣнія она — продуктъ воли, но воли генія. Такъ, она часто исходитъ изъ самыхъ низшихъ слоевъ общества, и иногда такъ издалека, изъ такой глубины, что источника ея вовсе и невидятъ. При такой невозможности напередъ опредѣлить, гдѣ проявится геній инициативы, кажется, для организаціи этой функціи, достаточно опредѣлить ту власть, которая была бы ея правильнымъ органомъ.

Для всякаго правительства, каково бы оно ни было, въ высшей степени важно собрать всѣ, возникающія во кругъ него, инициативы, сколько нибудь примѣнимыя; въ этомъ, — его, какъ органа прогресса, обязанность; въ этомъ, съ точки зрѣнія авторитета, прочности — его интересъ. Во многихъ древнихъ республикахъ инициатива могла возникать путемъ публичныхъ обсужденій и на общественныхъ собраніяхъ. Въ настоящее время мы обладаемъ несомнѣнно лучшимъ средствомъ, совершенно замѣняющимъ публичныя совѣщанія; это средство — пресса, но пресса свободная, не привилигированная, доступная каждому. Возможно и другое средство, которое болѣе или менѣе стояло-бы сейчасъ указаннаго, которое слѣдуетъ во всякомъ случаѣ испытать; это — установленіе, обязанное вызывать инициативу въ политикѣ тѣмъ путемъ, какой имѣетъ мѣсто, напр., въ академіяхъ наукъ. Что же касается того, чтобы геній инициативы такъ индивидуальный и такъ рѣдкій, всегда стоялъ во главѣ правительства, то для возможнаго обезпеченія такого счастливаго положенія вещей я знаю одно только средство — частое возобновленіе, въ цѣломъ или по частямъ, лич-

наго состава правительства Организація принятія, усвоенія, съ перваго взгляда, кажется менѣе труднымъ дѣломъ, чѣмъ самая иниціатива. Это такъ и есть; хотя здѣсь и представляется рѣшить не мало задачъ. Напр., этотъ сенатъ, эта палата перовъ, или вообще аналогичныя съ ними власти. которыя когда либо создадутся не представятъ ли собою, если только онѣ способны установить согласіе между традиціоннымъ прошлымъ и движеніемъ настоящаго, непреодолимое препятствіе прогрессу, не обратятся ли онѣ въ центръ, куда будутъ стекаться всѣ ретроградныя интересы? Такое стремленіе властей этого рода такъ очевидно, что въ Римѣ были вынуждены противопоставить имъ институтъ трибуната, а въ Англіи—право короны назначать перовъ Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ существуетъ средство, которое, кажется, устранило всѣ эти неудобства: это — избраніе, путемъ котораго, чрезъ долгіе промежутки времени, возобновляется личный составъ этой власти, въ которой этимъ путемъ и возбуждается чувство современнаго интереса. Впрочемъ опасность сопротивленія и неподвижности, которою вообще упрекаютъ установленія этого рода, можетъ корениться точно также и въ другой власти принятія. Случалось видѣть представителей народа, даже самый народъ, какъ они отказывались сдѣлать малѣйшее усиліе, перенести малѣйшее разстройство, посвятить ничтожное количество времени, чтобы содѣйствовать прогрессу, получить величайшее благо. Случалось, что и народъ и его представители благодаря нетерпѣнію, невѣжеству вѣрили скорѣе своимъ врагамъ, чѣмъ своимъ стремленіямъ и инстинктамъ.

Всюду, гдѣ отсутствуютъ умъ и чувство обязанности, существуетъ извѣстная опасность; но тѣмъ не менѣе «принятіе» остается необходимымъ условіемъ силы правительства; оно существуетъ всегда независимо отъ того, организовано оно или нѣтъ. Даже деспотическія правительства должны, въ этомъ отношеніи, подчиняться неизбѣжному закону. Искусство правительствъ этого рода состоитъ въ умѣньи овладѣть этой силой—ихъ главной

опасностью — осторожно обходиться съ ней, обмануть или направить ее на другой путь; потому что въ непринятіи всегда кроется ихъ гибель. Но между деспотизмомъ и организаціей настоящихъ властей средины нѣтъ. Было бы абсурдомъ отказаться отъ организаціи момента принятія только потому, что еще не нашли совершенной организаціи; было бы абсурдомъ не искать лучшаго потому, что не разсчитываютъ найдти совершенства.

Эта послѣдняя мысль одинаково справедлива какъ по отношенію къ общей организаціи принятія, такъ и ея раздѣленію на двѣ власти. Многіе публицисты сомнѣваются въ пользѣ этого дѣленія, но скептицизмъ въ этомъ отношеніи долженъ изчезнуть не только передъ силой теоріи, но даже и опыта, который дается намъ исторіей а вмѣстѣ и тѣмъ, что мы видѣли.

Исторія говоритъ намъ, что націи, у которыхъ элементъ принятія распадался на двѣ власти, одерживали верхъ надъ тѣми, у которыхъ такого дѣленія не существовало такъ, напр., Спарта одержала верхъ надъ Аѳинами; Римъ— надъ всѣмъ, что его окружало. Всѣ мы видѣли, что увлеченія однопалатнаго собранія, даже всего народа такъ живы и такъ быстры, что, вопреки всякому здравому смыслу, согласіе на что угодно можетъ быть получено отъ того или другаго. Какъ я вмѣстѣ съ другими сожалѣлъ тогда, что не было установленія, организованнаго въ виду олицетворенія собою разума, традиціонной логики, установленія, достаточно уважаемаго и сильнаго, чтобы умѣрить, остановить эти плачевные порывы!

Если существованіе установленія, имѣющаго своей цѣлью принятіе съ точки зрѣнія традиціоннаго порядка и представляетъ собою то неудобство, что можетъ представить сопротивленіе, замедлить дѣло, за то оно приноситъ громадную пользу, упрочивая направленіе. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, что произвело это, быстрое благодаря единству, но слишкомъ подвижное, въ силу быстроты, при-

нятіе въ Аѳинахъ и во Франціи со времени революціи (съ конституціонной точки зрѣнія)? По истинѣ ничего, что походило бы на прогрессъ: но оно дало въ результѣ постоянное движеніе, которое, кажется, обречено приводить постоянно къ тѣмъ же самымъ явленіямъ. При двойной системѣ принятія всѣ ея сопротивленія и замедленія — вовсе не безполезны. Въ интересахъ великаго блага необходимо умѣть согласиться на нѣкоторыя несовершенства.

Я не буду больше говорить о вопросахъ инициативы и принятія; я буду имѣть случай вернуться къ нимъ впослѣдствіи. Теперь нужно заняться второй функціей правительства — исполнительной.

Всегда кажется, что виновникъ инициативы долженъ быть наиболѣе способнымъ управлять приведеніемъ ея въ исполненіе, хотя обыкновенно это не всегда справедливо. Въ обществахъ примитивныхъ, у дикарей Сѣверной Америки по сказанію путешественниковъ, у Германцевъ по свидѣтельству Тацита, во многихъ демократіяхъ Греціи, иногда въ Римѣ, авторъ инициативы является въ то же время и ея исполнителемъ. Но когда правительственныя власти принимаютъ правильную форму, когда заставляетъ себя чувствовать необходимость обширной имперіи, громаднаго управленія, дѣйствіе исполненія уже не можетъ быть актомъ въ нѣкоторомъ родѣ перемежающимся, преходящимъ, какимъ она является въ обществахъ, гдѣ ничего не организовано вполнѣ. Оно организуется въ прочное установленіе, существующее постоянно. Естественно, что на обязанности этой-то постоянной власти, каковъ бы, впрочемъ, ни былъ составъ ея, и лежитъ управленіе, реализація инициативы. Только по чрезвычайному исключенію, въ какихъ нибудь частныхъ случаяхъ исполненіе, при существованіи соціальнаго установленія, переходитъ въ другія руки; но и въ этихъ случаяхъ эта постоянная власть сохраняетъ высшій авторитетъ надзора. Объ исполненіи.

Постоянная наличность исполнительнаго дѣйствія, а

слѣдовательно олицетвореніе его въ прочной формѣ власти, является впрочемъ, необходимымъ условіемъ каждаго организованнаго правительства. Это связано съ самою сущностью его функцій. Инипіатива и принятіе само по себѣ—операціи перемежающіяся. Одна инпціатива, одно принятіе могутъ породить возможность болѣе или менѣе значительнаго движенія. Совсѣмъ не то исполнительное дѣйствіе. Оно по самой природѣ своей дѣйствіе продолжающееся; оно не имѣетъ времени пріостанавливаться, если только само общество не пріостанавливается. Разъ иниціатива дана, перерыва въ дѣлѣ ея реализаціи уже не можетъ быть; если новой иниціативы нѣтъ—необходимо искать, вызывать ее. Такимъ образомъ, въ соціальной жизни ни покоя, ни сна. Движеніе никогда не прекращается. Велика или мала административная работа, но она всегда въ полномъ ходу. Много теряетъ большая часть исполнительныхъ властей, вѣруя въ возможность со своей стороны неподвижности.

Единство исполненія также необходимо, какъ и непрерывность. Нѣтъ сомнѣнія, что въ общественныхъ дѣлахъ при всякомъ исполненіи имѣетъ мѣсто стеченіе нѣсколькихъ дѣятелей, и очень часто даже и крайнсе раздѣленіе труда. Но ни то, ни другое не можетъ повести къ единому результату, если не было единаго плана, единаго направленія; нужно, чтобы множественность и разнообразіе сводилось къ единству. А это невозможно безъ наличности власти, единой въ самой себѣ. Какъ для проведенія извѣстнаго рода мѣръ необходима единая идея такъ точно, для приведенія въ порядокъ ряда работъ, необходимъ руководитель. Я знаю политическихъ дѣятелей, которые оплакиваютъ такое положеніе дѣлъ; но ни имъ и никому вообще не удастся устроить иначе. Это положеніе вещей вполнѣ соотвѣтствуетъ нашей внутренней природѣ. Въ массѣ единство осуществляется лишь подчиненіемъ волѣ или принятіемъ мысли одного, какъ въ самой организаціи человѣка единство осуществляется въ дѣятельности души.

Въ силу этой необходимости единства между исполненіемъ и инициативой существуетъ извѣстное родство Если инициатива никогда не перестанетъ быть дѣломъ индивидуальнаго генія, то исполнительная власть постоянно стремится къ индивидулизаціи, которая составляетъ ея совершенство; этого никто не станетъ оспаривать. Фактъ этотъ настолько сознается людьми, что осуществленіе его—предметъ постоянныхъ стремленій.

Впрочемъ, большая часть исполнительныхъ властей, о происхожденіи которыхъ разсказываетъ намъ исторія, обязаны своимъ авторитетомъ не столько открытію первоначальной цѣли, сколько усилію осуществить уже поставленную цѣль. Ихъ инициатива была исключительно инициативой исполненія. Такъ Хлодвигъ основалъ французскую монархію, давъ мечъ въ руки гальскаго католицизма, повсюду его искавшаго; такую же роль игралъ послѣ него и Карлъ Великій. Могущество этихъ людей, привязанность населенія къ ихъ фамиліи или ихъ именамъ были вознагражденіемъ за оказанную услугу. Чаще всего встрѣчаемся съ явленіями этого рода; что и заставляетъ благоразумно признать, что никогда исполнительная власть, монархическая или республиканская не признается націей таковою за услугу менѣе великую.

Представители исполнительной власти уже въ силу одной опытности, которую даетъ имъ ихъ высокое положеніе, настолько хорошо чувствуютъ, что причина ихъ наибольшаго авторитета—въ инициативѣ предложенія и дѣйствія, что, какъ я уже говорилъ, объявляютъ ее своей исключительной привилегіей. Они настолько ревнивы къ ней, что стремятся всѣхъ лишить на нее права. Объ этомъ фактѣ свидѣтельствуютъ многочисленные дебаты въ новѣйшихъ представительныхъ собраніяхъ. Но, повторяю, нельзя назвать кого либо авторомъ инициативы только потому, что онъ жаждетъ быть имъ. Нуженъ геній, а имъ одаряетъ Богъ.

Кажется, что одаряя имъ такимъ образомъ, Богъ

хотѣлъ показать все ничтожество династическихъ привилегій, составляющихъ постоянные претензіи наслѣдственныхъ монархій.

Но какъ бы то нибыло, кажется, что естественнымъ органомъ инициативы должна быть исполнительная власть. Поэтому то она тотчасъ и становится во главѣ правительства, на виду у всѣхъ. Если она не достигла этого положенія—ея обязанностью а вмѣстѣ и интересомъ является искать его. Но желать сохранить его за собой, какъ естественный аттрибутъ своего положенія и авторитета чаще всего значитъ отказаться отъ него.

Этимъ я кончаю. Прежде чѣмъ резюмировать только что изложенное ученіе, я разсмотрю, въ какомъ пунктѣ согласуется оно съ началомъ суверенитета. Это будетъ предметомъ слѣдующей главы

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О суверенитетѣ.

Суверенитетъ разсматривается какъ наиболѣе существенный аттрибутъ правительствъ. Вообще же, публицисты болѣе занимались сувереномъ, чѣмъ самимъ суверенитетомъ, и благодаря этому приписываютъ суверену болѣе значенія, чѣмъ сколько можно допустить это, изучая самый принципъ суверенитета. Всѣ правительства хотятъ быть абсолютными суверенами—и монархическія и народныя. Это стремленіе—слабость, общая большинству людей.—У правительствъ оно есть въ нѣкоторомъ родѣ инстинктивное послѣдствіе ихъ функціи—постоянно желать. У отдѣльныхъ индивидовъ оно—результатъ ихъ метафизической организаціи. Естественно, что ничего нѣтъ болѣе абсолютнаго, чѣмъ желаніе; необходимы усиліе разума и еще болѣе значительное усиліе воли, чтобы желать только условно. Поэтому, нѣтъ ничего обыкновеннѣе, въ особенности въ настоящее время, какъ встрѣтить людей, даже въ средѣ лучшихъ, склонныхъ къ деспотизму или диктатурѣ въ интересахъ ихъ вѣрованій и ихъ идей. Они жаждутъ абсолютной власти, чтобы побѣдить всѣ сопротивленія, чтобы достичь общаго блага. Чтожъ удивительнаго, если какое либо правительство, изо дня въ день только и занятое борьбой съ сопротивленіями, впадаетъ въ тотъ же грѣхъ? О суверенитетѣ вообще.

Увлеченія этого рода, нестрадающія недостаткомъ ни въ сторонникахъ, ни въ защитникахъ, принадлежатъ къ числу наиболѣе опасныхъ заблужденій, какія только

могутъ существовать въ политическомъ обществѣ. Имъ необходимо противодѣйствовать; съ ними каждый обязанъ бороться всѣми силами Это я и дѣлаю, предлагая читателю аналитическую теорію суверенитета Эта теорія дастъ намъ двоякій результатъ: во первыхъ, твердое убѣжденіе, что обладаніе абсолютной, т. е. непогрѣшимой властью въ сущности невозможно: далѣе стремленія къ ней люди идти не могутъ; во вторыхъ, мы познакомимся съ новымъ взглядомъ на отношеніе инициативы и акцептаціи, о которыхъ шла рѣчь въ предъидущей главѣ.

Функціи суверенитета.

Подъ суверенитетомъ разумѣютъ высшую власть, обладающую правомъ возлагать обязанности, исполненіе которыхъ является въ глазахъ всѣхъ и самого неисполняющаго проступкомъ или преступленіемъ. Власть называется суверенной, когда она господствуетъ надъ всѣми другими властями Тоже самое говорятъ о какомъ либо принципѣ или правѣ, когда оно господствуетъ надъ всѣми другими правами.

Нѣтъ никакой другой власти, которая была бы такъ необходима, какъ власть въ политическомъ обществѣ: послѣднее по крайней мѣрѣ столько же покоится на началѣ обязанности, сколько и на началѣ права, такъ какъ самое право гарантировано лишь на столько, на сколько обезпечено исполненіе обязанности. Власть въ политическомъ обществѣ необходима для покровительства всѣмъ и каждому. Она необходима, какъ средство защиты, она необходима какъ законодатель и какъ дѣятель прогресса. Законъ издается суверенитетомъ. Власть—источникъ всякой справедливости, всякихъ обязанностей, каждаго наказанія, каждаго вознагражденія. Она повелѣваетъ, она опредѣляетъ границы, до которыхъ простирается дозволеніе, съ которыхъ начинается запрещеніе; она, наконецъ, располагаетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, благосостояніемъ, силами и жизнью людей.

Теперь слѣдуетъ опредѣлить въ какихъ размѣрахъ

подобная власть, такія исключительныя права, могутъ принадлежать человѣку или обществу, какимъ образомъ они могутъ быть оправданы и стать полезными?

Абсолютный суверенитетъ.

Идея суверенитета становится ясною и совершенною въ нашемъ умѣ только тогда, когда мы соединимъ ее съ идеей абсолютнаго, т. е. съ идеей непогрѣшимаго и безконечнаго во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ: по отношенію ко времени, знанію, предвидѣнію, могуществу, пространству. Очевидно, что такая власть не можетъ принадлежать человѣку, существу конечному, зависящему отъ многихъ условій, существу, само существованіе котораго есть, такъ сказать, случайность, самая жизнь котораго зависитъ отъ среды, въ которую онъ поставленъ: произойди въ ней малѣйшее измѣненіе—смерть неизбѣжна. Такая власть не можетъ принадлежать человѣку, все вліяніе котораго на природу состоитъ въ подчиненіи ея законамъ, все вліяніе котораго на самого себя выражается въ простомъ слѣдованіи законамъ своего собственнаго организма, т. е. законамъ, не имъ созданнымъ.

Абсолютный суверенитетъ принадлежитъ только Богу. Сущность подобнаго рода властей для насъ понятна лишь какъ вѣнецъ творческаго могущества. Еслибъ мы не имѣли никакого представленія о Богѣ, мы не имѣли бы никакого понятія объ истинно-безконечномъ, безконечномъ въ дѣйствіи, мы не были бы въ состояніи представить себѣ существованіе суверенитета, безграничнаго во времени и пространствѣ, стоящаго внѣ всякихъ условій, вѣчно и безпрерывно дѣятельнаго, вездѣсущаго, непогрѣшимаго; суверенитета, для котораго все возможно, относительно котораго даже самая свобода есть только обязанность и повиновеніе.

Мы должны знать, что существуетъ два рода суверенной власти: одинъ—власть абсолютная, вѣчная, сознаваемая нами также какъ мы сознаемъ Бога, не понимая его; другой—власть человѣческая, необходимо конечная, зависимая, относительная какъ самъ человѣкъ,

какъ само человѣчество. Слѣдуетъ остерегаться смѣшенія этихъ двухъ видовъ суверенной власти. Весь вопросъ только въ томъ, чтобы опредѣлить какимъ образомъ человѣческій суверенитетъ могъ нѣчто заимствовать отъ суверенитета божественнаго, какимъ образомъ онъ могъ получить авторитетъ достаточно сильный не только для того, чтобы налагать обязанности, согласныя съ совѣстью, но и придать этимъ обязанностямъ санкцію, наказывать за неисполненіе ихъ.

Нравственный суверенитетъ и суверенитетъ общей цѣли дѣятельности.

Въ каждомъ человѣческомъ обществѣ существуютъ два начала, абсолютныя по отношенію къ обществу; эти начала — нравственность и общая цѣль дѣятельности.

Начало нравственности причастно божественному авторитету. Повинуясь ему, мы повинуемся волѣ самого Бога. Таково, осмѣливаюсь сказать, вѣрованіе всѣхъ. Каждая религія учитъ, что нравственность есть даръ Бога людямъ, созданнымъ имъ свободными, съ тою цѣлью, чтобы они могли свои дѣйствія привести въ соотношеніе съ ихъ назначеніемъ въ міровомъ порядкѣ; чтобы отъ ихъ воли зависѣло быть награжденнымъ или наказаннымъ. Знаменитѣйшіе представители метафизической философіи смотрятъ на нравственность, какъ на эманацію божественнаго разума; наиболѣе же заблуждающіеся, видя въ нравственности или естественное явленіе, качество нашего организма, или примитивное, неизбѣжное положеніе чувства и разума въ дѣйствительности ставятъ ея источникъ такъ высоко, что она становится въ силу этого выше всякаго посягательства, выше всякаго невѣрія. Въ глазахъ всѣхъ нравственность есть законъ міробзданія.

Ни одинъ человѣкъ со здравымъ смысломъ не станетъ отрицать нравственности. Если даже кто изъ обязанностей, налагаемыхъ законами нравственности, и устраиваетъ выгодную для себя статью, то во всякомъ случаѣ онъ требуетъ отъ другихъ соблюденія этихъ законовъ. И это въ сущности не потому, что нравственность является какимъ то міровымъ закономъ, безъ котораго невозможно бы было

существованіе самаго общества, безъ котораго человѣчество не могло бы стать тѣмъ, что оно есть въ настоящее время — царемъ міра; на это просто потому, что нравственность если и налагаетъ извѣстныя стѣснительныя обязанности, то, на оборотъ, изъ нихъ то именно и извлекаются всѣ права. Въ самомъ дѣлѣ, всякое запрещеніе, налагаемое нравственностью, есть въ тоже время утвержденіе соотвѣтствующаго права. Такъ, когда заповѣди запрещаютъ воровство, они этимъ самымъ утверждаютъ право владѣнія; запрещая убійство, они утверждаютъ право на существованіе.

Авторитетъ общей цѣли дѣятельности подчиненъ авторитету нравственности; но однако онъ имѣетъ не менѣе абсолютное значеніе для общества и его членовъ.

Нравственность есть законъ всего человѣчества; цѣль общей дѣятельности есть законъ только отдѣльной націи; но какой же разумный человѣкъ способенъ отрицать національность, которой одной онъ обязанъ всѣми своими интеллектуальными и матерьяльными благами, которыми онъ обладаетъ, всѣми своими надеждами; безъ которой онъ былъ бы не болѣе какъ несчастный индивидъ, изолированный, безъ всякихъ связей, всюду чуждый, какъ бы отрѣзанный отъ всего человѣчества? Въ дѣйствительности каждая нація, выражаясь математически точно, есть такая функція человѣчества, какою является послѣднее по отношенію къ мировому порядку. Очень не много найдется людей, стоящихъ внѣ національности, къ которой они принадлежатъ, но и эти немногіе всегда люди исключительные, великіе реформаторы, могучіе вчинатели въ политикѣ, наукѣ и искусствѣ и промышленности —единственные люди, которые могутъ иногда сказать о себѣ, что принадлежитъ цѣлому человѣчеству. Но— такихъ исторія насчитываетъ всего нѣсколько. Для громаднаго большинства отечество—все. Разъ мы потеряли отечество, въ которомъ родились, мы не успокаиваемся до тѣхъ поръ, пока найдется другое, найдя которое, мы не перестаемъ жалѣть о первомъ.

Въ концѣ концовъ, нравственность и общая цѣль дѣятельности являются двумя суверенными принципами: одинъ—по отношенію къ человѣчеству и всѣмъ входящимъ въ его составъ обществамъ; другой—для каждаго общества въ частности; они являются принципами, которые связываютъ нашу совѣсть, къ которымъ взываетъ каждый изъ насъ, предъявляя то или иное право, передъ которыми мы обязаны и которымъ не можемъ не повиноваться, не провинившись въ глазахъ всѣхъ и своихъ собственныхъ. Будучи поставлены такъ высоко, они носятъ на себѣ характеръ тѣхъ естественныхъ истинъ въ которыхъ не сомнѣваются никогда, даже когда имъ не слѣдуютъ. Такъ, можно дѣйствовать противно аксіомамъ, дважды два четыре и цѣлое больше своей части, но тѣмъ не менѣе истина этихъ аксіомъ все таки останется несомнѣнной.

О человѣческомъ суверенитетѣ. — Взаимное противорѣчіе началъ власти и свободы.

Нравственность и общая цѣль дѣятельности есть то обязательное основаніе, на которомъ возводится и слагается человѣческій суверенинетъ.

Власть, какова бы она ни была, всегда должна считаться со свободой. Въ дѣйствительности, власть можетъ существовать лишь при томъ условіи, ежели свобода откажется, въ ея пользу, отъ части самой себя. Это двѣ взаимно враждебныя силы, два противорѣчащія одно другому стремленія. Если принять, что власть устанавливается лишь для того, чтобы положить свободѣ извѣстныя границы, потребовать отъ нея извѣстныхъ жертвъ, часто очень значительныхъ и тяжелыхъ, то нельзя будетъ понять, какимъ образомъ оба эти элемента—элементъ власти и элементъ свободы — могутъ когда либо придти къ соглашенію, если нѣтъ посредствующаго общаго по отношенію къ нимъ принципа, одинаково обязательнаго какъ для власти, такъ и для свободы—принципа въ силу котораго власть получила бы право приказывать, а свобода—обязанность повиноваться.

Я долженъ настаивать на естественномъ антогонизмѣ

между властью и свободной волей. Можно сказать, что этотъ антогонизмъ—фактъ экспериментальный; но теоретически онъ еще болѣе очевиденъ, чѣмъ практически. Въ дѣйствительности эти двѣ силы очень рѣдко противопоставляются одна другой во всей ихъ наготѣ, въ то время какъ въ теоріи ихъ. можно предположить въ такомъ состояніи, безъ всякихъ посредствующихъ элементовъ. Въ такомъ случаѣ они являются такими, каковы они по самой своей природѣ, т. е.—непримиримыми между собой. Эти двѣ силы, настолько противоположны, что лишь только которая либо изъ нихъ начинаетъ дѣйствовать, какъ они встрѣчаются и сталкиваются. Свободная воля хочетъ властвовать надъ самой собой, въ то время какъ власть хочетъ чтобъ ей все повиновалось.

Въ виду такого противорѣчія, кажущагося совершенно неустранимымъ, одни теоретики, не видя возможности найти посредствующее начало къ примиренію этихъ элементовъ, надѣляютъ суверинитетомъ только власть, другіе напротивъ, приписываютъ его во всемъ его объемѣ только свободѣ. Я уже говорилъ объ этихъ двухъ школахъ [1]) и небуду больше возвращаться къ нимъ; замѣчу только еще разъ, что проводя свои принципы вполнѣ послѣдовательно до ихъ крайнихъ предѣловъ, т. е. прилагая ихъ вполнѣ, безъ всякихъ ограниченій, обѣ стороны приходятъ къ абсурду. Признавая суверинитетъ лишь за властью, приходятъ къ абсолютному деспотизму, къ отрицанію одной изъ существеннѣйшихъ и необходимѣйшихъ способностей человѣка—свободной воли; говоря же, наоборотъ, о суверенитетѣ свободы приходятъ къ анархіи, къ отрицанію одного изъ необходимѣйшихъ для прогресса и охраненія общества, даже самой свободы, установленій, т е. власти.

Есть и еще теорія, третья, сторонники которой, не видя передъ собой прецедентовъ возможнаго посредни-

---

Стр. 19. и 20.

чества между этими двумя началами, хотѣли однако примирить ихъ. Они предполагаютъ, что свобода при извѣстныхъ обстоятельствахъ и въ извѣстномъ объемѣ, отказывается отъ части самой себя въ силу или ради тѣхъ преимуществъ, которыя она можетъ извлечь этимъ путемъ изъ власти ради того, чтобъ гарантировать извѣстные интересы и чтобы обезпечить полную безопасность тому, что она еще сохранила изъ своей собственной независимости. Это—теорія общественнаго договора. Я о ней уже говорилъ [1]), а скоро о ней снова придется вести рѣчь. Неразрѣшимое затрудненіе въ этой теоріи представляется въ опредѣленіи границы тѣхъ временныхъ уступокъ, на которые должны согласиться эти два элемента—элементъ свободы и элементъ власти. Дѣйствительно, если этой границы не существуетъ если она не представляетъ собою чего либо совершенно независимаго отъ власти и свободы, если она не есть нѣчто очевидное и непреложное, то какъ власть такъ и свобода будутъ стремиться захватить себѣ больше, чѣмъ они обладаютъ, и жизнь общества будетъ состоять въ постоянной борьбѣ этихъ двухъ силъ. Эта жизнь будетъ представлять собою постоянное колебаніе между максимумомъ одной и минимумомъ другой, а суверинитетъ не будетъ ни въ той ни въ другой или лучше, будетъ, такъ сказать, въ воздухѣ, гдѣ-то между ними.

Какъ съ практической, такъ и теоретической точекъ зрѣнія совершенно вѣрно, что власть есть ограниченіе свободы и, взаимно, свобода—ограниченіе власти; но это ограниченіе не можетъ быть мирнымъ, а слѣдовательно и дѣйствительнымъ. Такое взаимное ограниченіе можетъ привести къ согласію этихъ двухъ началъ, изъ котораго можно бы было вывести начало человѣческаго суверенитета, лишь при одномъ условіи: при наличности такого предѣла, такого критеріума или авторитета, который бы опредѣлялъ, какъ далеко можетъ заходить

---

[1]) Стр. 20.

каждая изъ двухъ силъ—свобода и власть. Иначе, повторяю, эти силы будутъ встрѣчаться лишь для того, чтобъ вступить въ борьбу, которая была бы борьбой безъ конца, борьбой, въ которой то та, то другая получала бы временный перевѣсъ, перевѣсъ ничѣмъ необезпеченный, безъ всякаго будущаго.

Нѣтъ сомнѣнія, что только такая борьба этихъ двухъ началъ можетъ привести къ какимъ либо результатамъ, кончиться полезными завоеваніями той или другой стороны, когда въ этой борьбѣ власть не будетъ ставить себѣ исключительной цѣлью обратиться въ абсолютную, а свобода—сопротивленіе во что бы то ни стало; но если эта борьба не представляетъ собою ничего инаго, кромѣ естественнаго антагонизма двухъ силъ, единственнымъ результатомъ ея, какой только можно допустить, будетъ безконечное движеніе въ заколдованномъ кругѣ, движеніе, которое для общества равно по своему значенію, неподвижности и въ которомъ силамъ этого общества грозитъ неминуемая гибель. Однако, всякій разъ, когда въ борьбѣ ставится какая либо цѣль, помимо голаго антагонизма, какъ бы узка цѣль эта ни была, всегда устанавливается предѣлъ отношеніямъ, предѣлъ, выводимый изъ одного изъ тѣхъ двухъ великихъ авторитетовъ, о которыхъ шла рѣчь въ началѣ этого параграфа, т. е. изъ нравственности или цѣли общей дѣятельности. Это постоянно свидѣтельствуется исторіей.

И такъ, нравственность и цѣль общей дѣятельности и представляютъ собою предѣлъ взаимныхъ отношеній власти и свободы Предписанія, вытекающія изъ того или другаго начала, однѣ и тѣже какъ для той такъ и для другой. Это—безпристрастный авторитетъ точно опредѣляющій ихъ взаимныя обязанности и права, основывая тѣ и другія на совершенно одинаковыхъ началахъ. Такимъ образомъ, нравственность и общая цѣль дѣятельности являются критеріумомъ и достаточно совершенной границей.

Необходимость такого начала, въ которомъ могли бы примириться власть и свобода, хотя и неясно, признана и положительно выражена въ большой части нашихъ новѣйшихъ конституцій и притомъ въ лучшихъ изъ нихъ. Каждая изъ этихъ конституцій открывается вообще декларацiей или только правъ или правъ и обязанностей, и хотя ни одна изъ этихъ декларацій не представляетъ собою единаго цѣлаго, на столько совершеннаго, насколько было бы совершенно простое изложеніе началъ нравственности и общей цѣли дѣятельности, тѣмъ не менѣе они приносятъ свою пользу, выражая собою главныя стремленія въ данный моментъ и полагая ихъ въ качествѣ началъ примиряющихъ свободу и власть.

Единеніе власти и свободы.

Каковы, спрашивается, будутъ результаты единенія свободы и власти, что даетъ это единеніе на почвѣ конституціи или на болѣе широкомъ поприщѣ нравственности и общей цѣли дѣятельности? Между этими результатами отмѣтимъ два главные:

Первый результатъ—въ томъ, что обѣ силы, власть и свобода, будутъ повиноваться началамъ, признаннымъ суверенными; но одна изъ нихъ—власть, повинуясь, потребуетъ жертвы отъ свободы, другая—свобода, приметъ предложенное обязательство, а слѣдовательно, подчинится требованіямъ власти, даже ея принужееніямъ; однимъ словомъ, откажется, на сколько это будетъ необходимо, отъ нѣкоторой части самой себя.

Второй результатъ—въ томъ, что власть и свобода принявъ, въ качествѣ ограниченія, правила, только что изложенныя начала, будутъ участвовать въ образованіи человѣческаго суверенитета совершенно въ одинаковой степени хотя и въ различной формѣ. Свобода—узда для власти, которая въ свою очередь играетъ такую же роль для свободы. Гармонія этихъ двухъ силъ одинаково необходима для нихъ въ виду того, чтобы удержать ихъ въ границахъ справедливости. Лишь только одна изъ нихъ откажется отъ такого соглашенія, другая обратится

въ абсолютную. Она будетъ въ дѣйствительности считать себя совершенно независимой отъ тѣхъ принциповъ, которые лежатъ въ основаніи общественнаго состоянія: отъ принциповъ нравственности и общей цѣли дѣятельности Она будетъ могущественнѣе самихъ этихъ принциповъ, т. е. станетъ внѣ всякаго отношенія къ истинѣ и правамъ человѣка. Еще разъ повторяю, что свобода точно также какъ власть, власть также какъ свобода, совершенно въ одинаковой степени являются создателями человѣческаго суверенитета.

Изученіе закона, этого наиболѣе непосредственнаго продукта дѣятельности суверенной власти, дастъ новое подтвержденіе только что изложенныхъ началъ. Законъ.

Мы имѣемъ громадное количество опредѣленій закона. Я обхожу тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ въ виду лишь внѣшнюю характеристику закона или его функціи; и остановлюсь здѣсь лишь на тѣхъ, которыя претендуютъ на опредѣленіе самой сущности закона.

«Законы, въ наиболѣе широкомъ значеніи своемъ», говоритъ Монтескьё, «суть необходимыя отношенія, вытекающія изъ сущности вещей».—Таково же и опредѣленіе закона, данное Цицерономъ. «Существуетъ первоначальная причина», прибавляетъ Монтескьё, «законы—тѣ отношенія, въ которыхъ стоятъ къ ней и другъ къ другу различныя живыя существа. Богъ по отношенію ко вселенной является создателемъ и охранителемъ. «Законы, по которымъ онъ творилъ, есть въ тоже время и законы, по которымъ онъ охраняетъ». Опредѣленіе Бональда не отличается многимъ отъ этого опредѣленія Монтескьё. «Законъ», говоритъ онъ, «есть выраженіе отношеній, вытекающихъ изъ естественнаго состоянія живыхъ существъ»; дальше онъ, впрочемъ, прибавляетъ, что «законъ есть выраженіе началъ справедливости открытыхъ людямъ». Согласно опредѣленію, данному Ж. Ж. Руссо, «законъ есть выраженіе общей воли», вмѣстѣ съ тѣмъ и «принциповъ справедливости, вложенныхъ Богомъ въ сердце человѣка».

Нѣтъ надобности доказывать, что опредѣленія эти вполнѣ аналогичны съ тѣмъ опредѣленіемъ, которое вытекаетъ изъ содержанія предъидущихъ параграфовъ: онѣ въ сущности ничто иное, какъ синтесъ истины или факта, анализъ котораго мы только кончили Мы видѣли, что законъ представляетъ собою посредственно или непосредственно, божественную волю, что онъ другими словами, есть проявленіе или выраженіе той непреложной необходимости, посредствомъ которой Богъ водворяетъ порядокъ въ созданной имъ вселенной, противъ которой никто и не думаетъ возставать. Однако, какъ бы ни были эти опредѣленія справедливы съ этой точки зрѣнія, они не выдерживаютъ критики съ нѣкоторыхъ другихъ.

Во первыхъ, опредѣленія эти недостаточно ясны. Въ дѣйствительности этотъ «законъ отношеній другъ къ другу живыхъ существъ» вообще и людей въ особенности, эти начала справедливости, открытыя человѣку или вложенныя въ его сердце, имѣютъ на языкѣ людей въ исторіи свое особое названіе. Это — ничто иное, какъ нравственность. Не безполезно было бы здѣсь выяснить это названіе, которое тотчасъ дѣлаетъ все понятнымъ. Далѣе, эти опредѣленія можно упрекнуть въ неполнотѣ. Ни одно изъ нихъ, исключая развѣ опредѣленія Руссо, не указываетъ на то, какъ слагается законъ. Однако, нѣтъ ничего полезнѣе какъ указать на это хотя бы только ради отличія человѣческаго закона, подлежащаго усовершенствованію, отъ божественнаго, который—непреложенъ. Но какъ бы тамъ ни было, во всякомъ случаѣ можно говорить лишь о дополненіи, а о не замѣнѣ данныхъ опредѣленій Въ виду этого я предлагаю слѣдующее опредѣленіе закона: «законъ человѣческій, по отношенію къ свободѣ, есть проявленіе или признаніе обязанности или власти подъ вліяніемъ двоякаго суверенитета—нравственности и общей цѣли дѣятельности; а разъ власть существуетъ, законъ является соглашеніемъ свободы и власти подъ вліяніемъ тѣхъ же началъ. Суве-

ренитетъ человѣческій есть результатъ этого проявленія, признанія или этого соглашенія».

Это опредѣленіе можно упрекнуть въ длиннотѣ; но за то оно выражаетъ прежде всего, основной характеръ закона, который всегда состоитъ въ извѣстной долѣ пожертвованія со стороны свободы, благодаря признанію двухъ суверенныхъ началъ, на которыхъ покоится существованіе и развитіе общества. Въ этомъ опредѣленіи заключается сжатое изложеніе всего, что было говорено до сихъ поръ. Оно вовсе не устраняетъ, не отрицаетъ приведенныхъ выше опредѣленій, хотя бы и могло ихъ замѣнить. На оборотъ, оно совершенно согласуется съ ними, устраняя изъ нихъ ту неопредѣденность, въ которой ихъ можно упрекнуть и которая дѣлаетъ возможными ложные выводы изъ нихъ; кромѣ того, это опредѣленіе стоитъ въ непосредственномъ соотношеніи съ дѣйствительностью. Въ самомъ дѣлѣ, провозглашая участіе свободы человѣка въ образованіи законнаго авторитета, человѣческаго суверенитета, оно прежде всего содержитъ въ себѣ данныя стремленія человѣка въ обществѣ; наконецъ, оно дастъ указаніе на лучшую организацію, которую родъ человѣческій изыскиваетъ съ тѣмъ большимъ рвеніемъ, чѣмъ онъ дальше ушелъ по пути прогресса, и къ которой онъ никогда не былъ такъ близокъ, какъ въ наше время.

Суверенитетъ закона.

Законъ съ момента принятія его дѣлается суверенным. Ему должны повиноваться. Только одинъ фактъ принятія даннаго закона уже связываетъ другъ съ другомъ всѣхъ членовъ общества. Эти послѣдніе являются вдвойнѣ обязанными: во первыхъ, въ силу началъ нравственности и общей цѣли дѣятельности, на почвѣ которыхъ имѣло мѣсто самое принятіе закона; и во вторыхъ, въ силу собственнаго желанія. Отказаться отъ этого послѣдняго было бы въ нѣкоторомъ родѣ измѣной. Это признаніе закона — настоящій договоръ и притомъ одинъ изъ священнѣйшихъ. Логика и справедливость требуютъ чтобы всякій договоръ былъ санкціонированъ. Настоящій,

съ которымъ мы имѣемъ дѣло, имѣетъ свою санкцію въ уголовномъ наказаніи.

Меньшинство обязывается закономъ не менѣе большинства. Оно можетъ оставаться при своемъ мнѣніи, желать измѣненія закона; но въ ожиданіи послѣдняго, оно должно ему повиноваться; въ данномъ случаѣ повиновеніе обусловливается вовсе не тѣмъ, что, принимая участіе въ голосованіи, меньшинство молчаливо обязалось, согласившись съ результатомъ, къ которому привело голосованіе; но въ силу участія своего въ общественной солидарности. Дѣйствительно, общество тотчасъ распалось бы, еслибъ одного разногласія достаточно было для выдѣленія изъ него его части, если бы, такимъ образомъ, каждый вопросъ могъ стать причиной разрыва. А не повиноваться въ случаѣ, подобномъ данному, значитъ именно отдѣлиться.

Впрочемъ, о повиновеніи, какъ обязанности можетъ быть рѣчь лишь въ томъ случаѣ, когда самое принятіе закона было **дѣйствительно**. Каково бы ни было приказаніе, всегда имѣетъ мѣсто вопросъ, законно ли оно. Обыкновенно говорятъ, что при простомъ исполненіи полученнаго приказанія объ отвѣтственности не можетъ быть рѣчи. Такой взглядъ—правило, примѣняемое деспотическими правительствами и лежащее въ основѣ пассивнаго повиновенія. Съ нравственной точки зрѣнія нѣтъ ничего фальшивѣе этого правила. Если повелѣніе беззаконно, если оно имѣетъ своею цѣлью нарушеніе самаго закона, если оно, однимъ словомъ, преступно— тотъ, кто ему повинуется—также виновенъ, какъ и тотъ, чье повелѣніе онъ исполняетъ. Онъ является соучастникомъ въ преступленіи. Вотъ почему свобода должна имѣть мѣсто вездѣ и осуществлять свое право судьи, основываясь на троякомъ критеріи—нравственности, цѣли общественной дѣятельности и закона.

Условія соглашенія власти и свободы.

Въ представленной мною теоріи свобода или принятіе, какъ одна изъ ея формъ, есть одинъ изъ созидаю-

щихъ элементовъ въ человѣческомъ суверенитетѣ. Онъ участвуетъ во всѣхъ актахъ послѣдняго. Большая часть теоретиковъ, наоборотъ, видятъ между властью и свободой только радикальное противорѣчіе: одна требуетъ непосредственнаго и постояннаго повиновенія, другая стремится прежде всего сохранить свою автономію. Даже самъ Ж. Ж. Руссо, выводившій начало суверенитета изъ свободно заключеннаго договора, вооружилъ суверена абсолютной властью и непогрѣшимостью, которыя принадлежатъ одному только Богу. Борьба между силами — властью и свободой — имѣетъ мѣсто и кажется неразрѣшимой тулько тогда, когда ихъ противополагаютъ другъ другу. Но единства прежде всего не найдемъ и въ самой акцептаціи, принятіи того или иного закона, когда подумаемъ о томъ громадномъ разнообразіи интересовъ, о тѣхъ страстяхъ и въ особенности о томъ интеллектуальномъ неравенствѣ, которыя разъединяютъ массы, призванныя подавать голоса. Еще менѣе окажется такого единства, когда подумаемъ, что эти массы должны кромѣ того, согласиться со многимъ такимъ, что ихъ стѣсняютъ, что имъ кажется просто противнымъ. Да и сколько вообще въ дѣйствительности затрудненій. Отъ человѣка требуютъ все или часть его имущества: необходимо, чтобы онъ былъ согласенъ отказаться отъ своей собственности; отъ него требуютъ его времени, труда, усилій, даже пожертвованій: нужно, чтобъ онъ согласился дать все это; отъ него требуютъ, чтобъ онъ подвергалъ опасности свою или своихъ дѣтей жизнь; необходимо чтобъ онъ желалъ подвергать себя высокой опасности; и съ такими требованіями обращаются не къ одному человѣку, какому нибудь исключительному, а къ массѣ; необходимо, чтобъ эта масса желала какъ одинъ человѣкъ! Очевидно, что если между властью и народомъ не существуетъ никакихъ иныхъ отношеній, кромѣ выражающихся въ требованіи и принятіи—согласіе никогда не будетъ возможнымъ.

Мы уже видѣли, на чѣмъ покоится это соглашеніе; его основа, повторимъ,—нравственность и общая цѣль

дѣятельности или національность; но теоретики, о которыхъ я говорю, осуществованіи общей цѣли дѣятельности вовсе незнали или, по крайней мѣрѣ, не давали себѣ въ ней отчета, что же касается національности, то ее они уже не игнорировали въ такой степени, однако, и не видѣли въ ней ничего болѣе какъ одно только тщеславіе или предразсудокъ. Нравственности они не отрицали. Но что, говорили они, дѣлать съ нравственностью въ политикѣ? Она—только индивидуальный законъ и ничего больше Въ этомъ отношеніи теологія совершенно согласна съ ними. У нихъ закрыты глаза: они не могутъ видѣть того, что намъ кажется яснымъ.

Актъ, въ силу котораго законъ и власть созидаются на почвѣ нравственности и общей цѣли дѣятельности, есть актъ чисто логическій: въ дѣйствительности въ этомъ отношеніи людьми руководитъ логика. Нѣтъ нужды говорить, что логика есть одна изъ формъ человѣческаго духа, что она также необходима для человѣка, какъ и свобода, что она даже руководитель послѣдней. Ея могущество – неоспоримо. Она направляетъ нашъ умъ; она съ того момента какъ ей подчиняешься, господствуетъ надъ самыми пылкими страстями. Она же руководитъ и той первой отправной точкой политики, о которой здѣсь идетъ рѣчь.

Что такое, въ самомъ дѣлѣ, актъ принятія при тѣхъ условіяхъ, которыя были нами установлены? Это— ни болѣе ни менѣе, какъ результатъ особаго рода силлогизма, въ которомъ нравственность и чувство національности играютъ роль посылокъ и приводятъ къ заключенію.

Въ концѣ концовъ, то, что ставитъ людей въ такое положеніе, въ которомъ они могутъ, въ отношеніи другъ къ другу, одинъ допрашивать другой принимать—ничто иное, какъ общая идея, общее начало, въ которомъ первый черпаетъ свою идею, а второй желаніе принять ее. Такимъ образомъ, истиннымъ сувереномъ является идея,

принципъ. Если силлогизмъ ясенъ, достаточно понятенъ, если иниціатива при данныхъ обстоятельствахъ есть очевидное заключеніе изъ посылокъ, то мысль будетъ принята почти неизбѣжно; форма въ этомъ случаѣ значитъ очень не много. Въ жизни, впрочемъ, съ такимъ совершенствомъ сознается это положеніе, такъ ясно чувствуется необходимость подобнаго оправданія, что часто эту разумную форму придаютъ вступленію въ наиболѣе важныхъ ордоннансахъ, въ особенности во Франціи. Только въ законахъ, вотированныхъ собраніями, мы не находимъ мотивовъ, вызвавшихъ ихъ изданіе. Но эти мотивы, на самомъ то дѣлѣ, достаточно выясняются путемъ преній, предшествующихъ голосованію. Какъ доказательство и примѣръ только что сказаннаго, я процитирую введеніе къ ордонансамъ 1315 и 1318 годовъ, уничтожившимъ рабство во всѣхъ доменахъ французскаго короля. «Такъ какъ по законамъ природы каждый долженъ родиться свободнымъ...... Мы, имѣя въ виду, что наше королевство называется королевствомъ франковъ и желая, чтобы содержаніе дѣйствительно соотвѣтствовало названію по обсужденіи въ большомъ совѣтѣ постановляемъ»....[1]) Развѣ въ этой цитатѣ не содержится истинный силлогизмъ?

Основа законности и власти.

Мы только что видѣли, что человѣческій суверенитетъ, покоясь на началахъ нравственности такъ сказать пріобщается къ суверенитету абсолютному. Опираясь на общую цѣль дѣятельности, человѣческій суверенитетъ пріобрѣтаетъ все значеніе, весь авторитетъ вытекающій изъ самой національности. Приэтомъ, повторяю, нація въ математическомъ смыслѣ есть функція человѣчества, какъ само человѣчество есть функція міроваго порядка. Соединеніе этихъ двухъ условій и составляетъ истинную основу наиболѣе уважаемаго повелѣнія, приказанія; только это соединеніе является величайшимъ суверенитетомъ какой только можетъ принадлежать людямъ; однимъ сло-

1) Ordonnances des rois de France. t. I. p. 583 et 653.

вомъ, оно составляетъ ту власть, неповиновеніе которой невозможно безъ риска совершить преступленіе, явиться виновнымъ въ глазахъ всѣхъ и прежде всего своихъ собственныхъ.

Только что изложенная теорія не есть вовсе чистая гипотеза, которая еще ожидаетъ реализаціи или оправданія. Она ничто иное, какъ аналитическое выраженіе или скорѣе выводъ, сдѣланный изъ тѣхъ характеристическихъ чертъ, которыми всегда и вездѣ отличался суверенитетъ. Во всякомъ обществѣ существовала общая цѣль дѣятельности и прежде всего религія какъ основа нравственности. Только въ такія времена какъ наше нравственность отдѣляютъ отъ религіи. Извѣстныя нормы отношеній между людьми, основа образованія суверенного авторитета существовали всегда, притомъ этотъ авторитетъ всегда черпалъ свой характеръ законности изъ абсолютнаго суверенитета. Что касается вопроса объ отношеніи требованія къ принятію, то предлагаемая теорія есть ни что иное, какъ систематическое правильное изложеніе того, что совершалось во всѣхъ государствахъ, смотря потому, на сколько они были свободны, болѣе или менѣе безсознательно, неправильно, неполно. Отсюда исключить нужно только тѣ государства, въ которыхъ власть организована на чисто военныхъ началахъ и которыя управлялись какъ завоеванныя провинціи. Со стороны арміи еще имѣетъ мѣсто нѣчто въ родѣ общей акцептаціи, которая даетъ авторитетъ власти. Непринятіе проявляется здѣсь путемъ возстаній. Въ военныхъ правительствахъ свобода проявляется только въ замѣнѣ одного деспота другимъ. Исторія римскихъ цезарей представляетъ собою одинъ изъ совершеннѣйшихъ примѣровъ послѣдствій этого рода свободы.

Историческое доказательство.

Чтобы не оставить представленныя положенія совсѣмъ безъ доказательствъ, я попрошу у читателя позволенія напомнить ему нѣсколько фактовъ, которые, вѣроятно, еще не изчезли изъ его памяти. Я буду слѣдовать, какъ лучшему руководителю, историческому ходу вещей.

Въ первоначальныя времена суверенный авторитетъ выводился прямо изъ религіи и ея велѣній, важнѣйшую часть которыхъ составляла всегда нравственность. Правда, что въ періодъ зачаточнаго состоянія общества начала нравственности прилагались только отчасти: они имѣли мѣсто только въ одномъ какомъ либо племени, въ народѣ или даже кастѣ избранныхъ, оставляя внѣ своего вліянія всѣхъ остальныхъ. Правда и то еще, что религіозная доктрина имѣла свои послѣдствія, свои теологическія объясненія, извѣстная часть которыхъ требовала такого же уваженія къ себѣ, какъ и опредѣленія нравственности. Каждая нація имѣла своего бога, свою нравственность, начала которой были обязательны въ ея собственной средѣ, но которая не предписывала ничего людямъ другой расы; почему христіанство, въ самый моментъ своего появленія, и дало этимъ богамъ имя боговъ мѣстныхъ, боговъ языческихъ. Однако, независимо отъ жесткости этой морали, обусловливавшейся ея исключительностью и смѣшеніемъ съ теологическими опредѣленіями несовершенныхъ религій она представляла тѣмъ не менѣе для каждаго народа начала принятія и повиновенія. Предводители народовъ повелѣвали именемъ закона, даннаго самимъ божествомъ, закона, по отношенію къ которому они являлись только объяснителями Каждый предводитель считался сыномъ бога или по крайней мѣрѣ членомъ божественной расы, какъ большая часть предводителей изъ genos Греціи или gentes въ Римѣ. Богъ воплощался въ немъ какъ въ Рамѣ. Онъ повелѣвалъ; но божественный законъ, облекая его извѣстными правами, въ тоже время возлагалъ на него опредѣленныя обязанности (кодексъ Ману).

Въ менѣе отдаленныя времена, о которыхъ исторія даетъ намъ болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія, система суверенитета мною изложенная, проявляется уже совершенно ясно. У аѳинянъ и римлянъ начало принятія проявляется до очевидности, внѣ всякаго сомнѣнія также и то, что имѣютъ мѣсто посылки силлогизма и нормы отношеній. Существуетъ національный интересъ или общая

цѣль дѣятельности, но прежде всего религія. Эта послѣдняя преобладаетъ во всѣхъ актахъ политической жизни. Каждому народному собранію, каждому обсужденію, каждымъ выборамъ предшествуютъ обыкновенно религіозные обряды, обрядъ гаданія. Въ Римѣ достаточно было малѣйшаго признака, который принимался за неблагопріятное предзнаменованіе, чтобы собранія по комиціямъ были отложены. Ни одинъ городъ не закладывался безъ совѣта съ божествомъ страны. Въ Греціи не начинали ни одной битвы безъ предварительнаго гаданія по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ. Въ наиболѣе затруднительныхъ обстоятельствахъ всегда дѣло рѣшали оракулы, сны, авгуры [1].

Никто не осмѣлится утверждать, что просвѣщенный классъ Греціи и Рима былъ, какъ большинство, зараженъ этими суевѣріями; но никто также не осмѣлится утверждать съ другой стороны, что этотъ классъ былъ зараженъ полнымъ невѣріемъ. Ксенофонтъ въ свей «Исторіи отступленія десяти тысячъ» очень серьезно говоритъ объ оракулахъ, предзнаменованіяхъ и жертвахъ; а школа Сократа, искала для нравственности болѣе солиднаго основанія, чѣмъ какое давали ей религіи, на которыя эта школа смотрѣла какъ на смѣсь суевѣрій, готовую пасть подъ разрушительнымъ вліяніемъ сомнѣнія. Платонъ изложилъ свою теорію абсолютныхъ идей, идей, которыми мы одарены Верховнымъ существомъ какъ отраженіемъ его собственнаго разума. Эта доктрина абсолютныхъ идей блага, прекраснаго, справедливаго, доктрина на которую Платонъ смотритъ какъ на важное и неизмѣнное основаніе нравственности, извѣстна всему міру.

Христіанство дало новую почву суверенитету, ини-

---

[1]) См. la Cité antique par Fustel de Coulanges; а также Геродотъ, Ксенофонтъ, Арріонъ, Титъ Ливій; Code de Manou, Ramayana, татарскія династіи у Herbelot.

ціативѣ и принятію. Достаточно вспомнить, какъ единственное доказательство, что изъ доктрины христіанства всѣ новѣйшія европейскія націи заимствовали свою общую цѣль дѣятельности; что оно, въ формѣ католицизма въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ было главнымъ основаніемъ публичнаго права. Никто въ настоящее время не станетъ отрицать, что христіанство положило начало новѣйшей цивилизаціи. Я не буду останавливаться на той эпохѣ, когда католицизмъ еще не оспаривался. Я спѣшу перейти къ нашему времени [1]).

Реформа XVI столѣтія разрушила не одно только церковное единство Она провозгласила суверенитетъ индивидуальнаго разума по отношенію къ толкованію книгъ св. писанія. Я не хочу здѣсь углубляться въ этотъ вопросъ, оспаривать его. Я вовсе не буду разсматривать вопроса о самой сущности индивидуальнаго разума или о томъ не на него ли хотѣлъ отвѣчать Кантъ, или наконецъ о томъ, скорѣе не изъ самаго ли спора, возбужденнаго этимъ философомъ, чѣмъ его рѣшенія, возникъ тотъ рядъ философскихъ системъ, который закончился гегелевскимъ «ничто». Я въ настоящее время имѣю въ виду лишь постепенное развитіе идей по отношенію къ отысканію основы общаго соглашенія въ политикѣ. Реформаторы, выставляя единственнымъ судьей—индивидуальный разумъ, низвергли прежнія основы повелѣнія и принятія; они утвердили начало дѣйствительно анархическое; но они же были и первыми, отказавшимися отъ своего принципа: они изложили свое confession de foi, всѣ слишкомъ уклонявшіеся отъ началъ которой удерживались силой; многіе изъ сторонниковъ и авторовъ этой confession сами погибли отъ меча.

---

1) См. Europeen, вторая серія—Cours de politique progressive и, въ той же коллекціи: de la France envisagée comme instrument des destinées futures de l'Europe, par S. de Boislecomte.

Однако необходима была идея, которая могла бы служить средствомъ соглашенія не только между протестантами всѣхъ сектъ но даже между протестантами и католиками. Вотъ, подъ вліяніемъ этой-то необходимости и появилась доктрина естественнаго права. Эта доктрина, за неимѣніемъ лучшей, послужила Европѣ. Она принята была тѣмъ легче, что, съ одной стороны, стремленія объявленныя ею врожденными человѣку, выведены путемъ наблюденія людей сложившихся подъ вліяніемъ христіанства, а слѣдовательно совершенно соотвѣтствовали дѣятельнымъ чувствамъ народа; между тѣмъ какъ съ другой стороны, соціологическія положенія или истины школы естественнаго права, полученныя точно также путемъ наблюденія, совершенно совпадали съ установившимися уже политическими привычками. Но тѣмъ не менѣе этой доктрины было недостаточно: она прежде всего санкціонировала совершенно противорѣчившіе однѣ другому выводы. Дѣйствительно, между установившимся, существовавшимъ политическимъ строемъ и идеальнымъ, такъ называемымъ естественнымъ состояніемъ или природными стремленіями, выведенными изъ основъ христіанства, существовало полное противорѣчіе. Помимо этого, доктрина естественнаго права, какъ и всякій другой видъ научной дедукціи, которая всегда можетъ быть оспариваема, не была обязательной для совѣсти всѣхъ. Эти то затрудненія и хотѣлъ устранить Руссо своимъ Contrat social Въ этой-то книгѣ онъ и провозгласилъ начала народнаго суверенитета, господство суверённаго народа. Эта идея, безъ сомнѣнія, вовсе не была безусловно новой идеей; она сознавалась многими умами; она не разъ предлагалась и изучалась въ теологическихъ трактатахъ; но никто до Руссо не изложилъ ее такъ ясно, съ такимъ авторитетомъ, въ формѣ единообразной и полной системы. За Руссо остается честь формулированія этого ученія.

Опредѣленіе суверена, данное Руссо ничто иное какъ только заимствованіе опредѣленія, даннаго католической церковью своему собственному суверенитету; и

отличается отъ него развѣ только тѣмъ, что Руссо ни чѣмъ не оправдалъ того авторитета, которымъ онъ облекъ своего суверена. Онъ говоритъ, что общая воля не можетъ ошибаться, но не говоритъ почему. Онъ принимаетъ опредѣленія общей воли обязательными и абсолютными, не мотивируя этого положенія никакими другими, кромѣ общихъ интересовъ, доводами Онъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что всѣ народы далеко не тождественны между собой; но вовсе не говоритъ этого по отношенію къ составу одного и того же народа. Доктрина Руссо была примѣнена къ жизни при Конвентѣ, самимъ Конвентомъ. Быть можетъ она спасла нашу національную независимость, наше будущее; но она могла быть умѣстной только въ необычайное время внѣшнихъ и внутреннихъ войнъ; въ такіе страшные въ этомъ отношеніи года, какъ 1793 и 1794. Противъ нее возстаетъ воспоминаніе о всякаго рода крайностяхъ, всяческихъ жестокостяхъ, всякаго рода деспотическихъ мѣрахъ, составлявшихъ собою зло и необходимость этой страшной эпохи. Только доктрина народнаго суверенитета пережила эту эпоху, потому что одна она во всей системѣ Руссо, содержала въ себѣ истину. Эту доктрину провожу и я въ моемъ сочиненіи. Въ самомъ дѣлѣ, если народный суверенитетъ обосновать на началахъ нравственности и національныхъ, то вовсе не понятно будетъ, какимъ образомъ общая воля могла бы ошибаться или не быть обязательной. Чтобы допустить возможность ошибокъ, нужно предположить, что самая общая воля въ сущности не была таковою или сознательно или благодаря невѣжеству. Но предположить невѣжество нельзя, ибо въ такомъ случаѣ народъ не будетъ сувереномъ; онъ не будетъ составлять націи, а только простую массу людей. Что касается того случая, когда общая воля сознательно не сложилась въ таковую, то допустить возможность такого случая по отношенію къ цѣлой націи не возможно. Сопротивленіе истинѣ исходитъ обыкновенно только изъ личныхъ интересовъ или изъ заблужденія страстей. Но среди огромнаго количества людей многіе не руководятся личными интересами или страстями, противными началамъ нравственности или

національности. Въ другихъ различіе и противорѣчіе ихъ личныхъ, индивидуальныхъ чувствъ таковы, что эти послѣднія въ нѣкоторомъ родѣ уничтожаются однѣ другими, взаимно смолкаютъ. Остается мѣсто лишь для общихъ чувствъ. Впрочемъ, окончательнымъ судьей во всѣхъ случаяхъ является двойной критерій нравственности и національности.

Доктрины другихъ школъ.

Наше время напоминаетъ въ нѣкоторомъ отношеніи время Сократа, Платона и Аристотеля въ Греціи. И мы имѣемъ своихъ философовъ и своихъ софистовъ [1]). О сходствѣ, названной эпохи Греціи съ нашимъ временемъ понятно, можно вести рѣчь по стольку, по скольку оно возможно при такомъ различіи религій и цивилизацій, какое имѣетъ мѣсто между этими двумя эпохами. Мы ушли впередъ гораздо дальше Грековъ, но общія интеллектуальныя явленія нашего времени до извѣстной степени аналогичны съ явленіями такого же рода Греціи въ названную эпоху. И у насъ, какъ и тамъ, часть образованнаго общества, сначала очень небольшая, а потомъ, въ теченіи двухъ послѣднихъ столѣтій, значительно разросшаяся, отпала отъ религіи, относится къ ней или индиферентно или враждебно. Новѣйшій скептицизмъ, какъ нѣкогда пирронизмъ, во всемъ сомнѣвался, на все нападалъ, или покрайней мѣрѣ всему грозилъ. Нравственность лишилась религіозной опоры и санкціи, а также утратила и часть своего авторитета. Философія взяла на себя трудъ аналогичный съ трудомъ Сократа, Платона, Аристотеля. Она, подобно этимъ великимъ людямъ классической древности, хотѣла бороться противъ тезисовъ и софизмовъ скептиковъ, уничтожить ихъ, утверждая, что во всемъ, а въ особенности по отношенію къ нравственности, существуютъ истины, положенія, стоящія внѣ всякаго сомнѣнія, истины очевидныя. Эту работу началъ Декартъ; за нимъ послѣдовалъ Томасъ Ридъ и шотландская школа. Подобную же

---

[1]) См. Les sophistes et la critique par A. Gratry.

работу предпринялъ Кантъ въ Германіи. Школа французскихъ эклектиковъ, основателемъ и главой которой является В. Кузенъ, наслѣдовала результаты этихъ работъ; она комбинировала ихъ, извлекла изъ нихъ доктрину, которая слишкомъ извѣстна, для того чтобы напоминать о ней читателю.

Я назвалъ философскія школы только для того, чтобы имѣть возможность указать, что ни одна изъ доктринъ нравственности этихъ школъ не стоитъ въ противорѣчіи съ тѣми принципами суверенитета, которые только что были изложены; этого противорѣчія не будетъ даже и въ томъ случаѣ, если согласиться съ предположеніемъ этихъ школъ, что мы обладаемъ абсолютнымъ знаніемъ или что мы мыслимъ въ абсолютѣ, какъ это утверждалъ Маллебраншъ. Только наша школа эклектиковъ виновата, мнѣ кажется, въ томъ, что не замѣтила того, что видѣлъ уже самъ Кантъ; а именно, что идеи о благѣ, прекрасномъ, справедливомъ, предшествующія опыту, абсолютныя, какъ ихъ называютъ, нуждаются въ опредѣленіи. Эта школа не замѣтила, что законъ дѣйствій долженъ быть по отношенію къ намъ внѣшнимъ, объективнымъ, говоря ея же собственнымъ языкомъ; благодаря этому-то обстоятельству онъ и касается только свободныхъ существъ, которыхъ и долженъ сохранять всегда свободными. Извѣстно, что въ силу логической необходимости, присущей нашей интеллектуальной организаціи, въ насъ, противъ воли, коренятся понятія о справедливомъ и несправедливомъ, о благѣ и злѣ; но если бы вмѣсто общихъ понятій этого рода, мы обладали только инстинктивнымъ чутьемъ по отношенію къ нашимъ дѣйствіямъ, которыя могутъ быть напр., классифицированы по рубрикамъ—справедливое, благое, совершенно также какъ мы обладаемъ жаждой или голодомъ, тогда мы разумѣется въ извѣстный моментъ были бы также удовлетворены по отношенію, напр., къ справедливому, какъ мы удовлетворяемъ жажду или голодъ; но мы въ такомъ случаѣ не выбирали бы, мы не были бы свободными существами. Благодаря такому заблужденію, школа эклек-

тиковъ не признавала, что если религіозное вѣрованіе служитъ санкціей нравственности, то нравственность въ свою очередь утверждаетъ религію съ такою же, а быть можетъ и большею силой, чѣмъ порядокъ и предвидѣніе, царящіе во всемірномъ цѣломъ какъ одушевленномъ, такъ и неодушевленномъ.

Я знаю только двѣ философскія доктрины, которыя въ принципѣ противорѣчатъ теоріи суверенитета, изложенной въ предшествовавшихъ параграфахъ; это именно доктрины матеріалистовъ и пантеистовъ; приэтомъ все равно, смотрятъ ли послѣдніе на человѣка какъ на нѣчто причастное абсолютной или божественной субстанціи, или они смотрятъ на него, вмѣстѣ съ Гегелемъ, какъ на идею или образъ, въ которомъ проявляется самъ Богъ. Мы видѣли, почему матеріализмъ, еслибъ онъ захотѣлъ быть послѣдовательнымъ, не могъ бы принять доктрины свободы. Онъ не признавалъ въ человѣкѣ свободы воли. Согласно ученію матеріалистовъ всѣ наши желанія суть результатъ независящихъ отъ насъ причинъ. Нравственный и интеллектуальный міръ, какъ и міръ физическій есть только необходимая цѣпь, явленій или движеній, управляющихъ одно другимъ; цѣпь, въ которой каждая причина суть слѣдствіе того, что предшествуетъ ей, и каждое дѣйствіе, въ свою очередь, причина того, что слѣдуетъ за нимъ. Въ такъ построенномъ мірѣ все фатально; свобода въ этомъ мірѣ—только нѣчто кажущееся.

Что касается доктрины пантеизма, то нравственныя послѣдствія, изъ него вытекающія нѣсколько отличны отъ выводовъ матеріализма; но она нисколько не благопріятнѣе послѣднихъ по отношенію къ установленію какого либо суверенитета. Въ глазахъ матеріализма власть есть явленіе, фактъ происхожденія фатальнаго; въ глазахъ же пантеиста она не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только притязаніемъ, желаніемъ. Дѣйствительно, индивидъ непоколебимо вѣрующій въ свою причастность къ божественной субстанціи, очень мало расположенъ вѣрить въ какую либо другую власть, кромѣ своей соб-

ственной—въ какой либо внѣшній критерій,—въ какой либо нравственный законъ, понятіе о которомъ получается человѣкомъ путемъ воспитанія; въ общую цѣль дѣятельности, въ какой либо доводъ; однимъ словомъ, во все то, что привходитъ къ нему извнѣ. Такой индивидъ, былъ бы существомъ, очень мало общественнымъ, чѣмъ-то въ родѣ неизлѣчимаго сумасшедшаго, который, чтобъ избѣжать противорѣчій, замыкается въ самаго себя, изолируется отъ всего міра какъ буддистскій факиръ. Но такая философія не выдержала напора дѣйствительности; она не могла удовлетворить ни одной жизненной необходимости; она всѣмъ имъ противорѣчила. Такъ даже тамъ, гдѣ она обратилась въ религію, огромное большинство людей все таки мыслитъ и дѣйствуетъ, какъ и вездѣ, по началамъ здраваго смысла; а тѣ, кто, какъ факиры, согласилъ свой образъ жизни съ принципами этой философіи—не болѣе какъ исключеніе.

Многіе удивляются, что подобное заблужденіе могло возникнуть и распространиться въ подобное нашему время, когда все, чему мы научились, болѣе чѣмъ когда либо доказываетъ истину словъ Сократа: «чтó я лучше всего знаю, такъ это то, что я ничего не знаю». Дѣйствительно, границы нашего знанія вездѣ очевидны; мы едва едва знаемъ кое что изъ нашего прошлаго и настоящаго; мы не обладаемъ ни одной іиотой будущаго; начала, сущность, конецъ и связь вещей ускользаютъ во всемъ изъ предѣловъ нашего знанія. Что касается нашего воздѣйствія на внѣшній міръ—оно невозможно безъ борьбы и усилій; мы ничего не можемъ произвести внѣ извѣстныхъ условій, измѣнить которыя мы не въ состояніи. Однимъ словомъ, мы во всемъ и вездѣ зависимы, ограничены. Разумъ, свободная воля, составляющіе наше величіе, отличающіе насъ ото всѣхъ насъ окружающихъ живыхъ существъ, и являющіеся въ тоже время наиболѣе чувствительнымъ противорѣчіемъ нашей претензіи на субстанціальное единство съ Богомъ или міромъ; эти способности являются для насъ ничѣмъ инымъ, какъ новыми причинами нашей слабости. Мы—господа нашего будущаго; но благодаря

именно этому-то обстоятельству мы и нуждаемся въ руководящей идеи, въ предвидѣніи, для которыхъ необходимо знаніе. Съ другой стороны, мы ничего не были бы въ состояніи сдѣлать, если бы не соединились добровольно въ одно цѣлое не только въ нашемъ настоящемъ, но и въ прошломъ, даже будущемъ; если бы мы не соединились ради одной и той же цѣли, благодаря вѣрованію въ одинъ и тотъ же законъ дѣйствій, общимъ трудомъ, общими воспоминаніями объ однихъ и тѣхъ же совершившихся фактахъ; однимъ словомъ, еслибъ мы не соединились въ одно цѣлое, получивъ общее наслѣдство, способное безпрерывно увеличивать нашу опытность, наши знанія, наше предвидѣніе. Очевидно, мы представляемъ собою отдѣльныхъ другъ отъ друга индивидовъ, а потому, для того, чтобы все это было возможно, намъ было небходимо въ прошломъ, необходимо и въ настоящемъ отыскать наиболѣ солидный и прочный пунктъ сближенія. Такимъ пунктомъ сближенія и является суверенитетъ. Суверенитетъ этотъ долженъ соотвѣтствовать сущности такихъ существъ, какъ мы, т. е. существъ нравственныхъ, интеллектуальныхъ и свободныхъ. Таковымъ суверенитетомъ и является, суверенитетъ той теоріи которя изложена въ этой главѣ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Прогрессъ и суверенитетъ какъ созидающія начала правительства.

При организаціи правительства нужно исходить скорѣе изъ точки зрѣнія прогресса, чѣмъ суверенитета.

Едва ли не безполезно указывать на то, что между окончательными выводами двухъ предшествующихъ этюдовъ существуетъ почти полное согласіе. По крайней мѣрѣ аналогія очевидна, и не могла ускользнуть отъ вниманія читателя. Мы видѣли, что суверенитетъ человѣческій, практическій, вытекаетъ изъ соглашенія двухъ воль: призванной повелѣвать и призванной повиноваться, соглашенія на двоякой почвѣ началъ нравственности и общей цѣли дѣятельности. Суверевнаго акта не существуетъ, если необходимость предлагаемаго закона не была доказана. Такимъ образомъ, въ этюдѣ о суверенитетѣ мы открыли тѣже самыя условія, которыя были найдены нами въ актѣ изобрѣтенія, составляющемъ прогрессъ. Различіе словъ ничего не измѣняетъ въ сходствѣ самаго существа дѣла. Какъ въ работѣ суверенита такъ и въ работѣ прогресса каждое отдѣльное явленіе есть результатъ двухъ дѣйствій: иниціативы и принятія. Это очевидно; я не буду на этомъ останавливаться.

Отсюда слѣдуетъ, что правительство, хорошо организованное съ точки зрѣнія суверенитета, почти также хорошо организованнымъ можетъ быть и съ точки зрѣнія прогресса. Его организаціи съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія будутъ подобны; въ первой можетъ недоставать одного, правда очень важнаго обстоятельства: въ ней можетъ отсутствовать самое сознаніе о прогрессѣ; тѣмъ

не менѣе, однако, эта организація приводитъ къ тѣмъ же самымъ послѣдствіямъ. Движеніе будетъ носить менѣе общій характеръ, оно будетъ медленнѣе, оно не будетъ такъ радикально; оно не въ состояніи будетъ вполнѣ достигнуть своихъ настоящихъ предѣловъ; но оно будетъ существовать. Такъ, исторія римскаго правительства въ періодъ республики безспорно представляетъ собою примѣръ замѣчательнаго стремленія къ равенству; хотя стремленіе это и пріостановилось на пути. Точно также и исторія англійскаго правительства представляетъ намъ не одинъ примѣръ проявленій частнаго прогресса, изъ которыхъ ни одно не можетъ быть принято за что либо совершенное. Впрочемъ, прогресъ настолько могущественная сила, что проявляется даже въ дѣятельности правительствъ далеко неорганизованныхъ правильно, какъ это имѣло мѣсто, напр., во Франціи.

Однако, когда рѣчь идетъ о формулированіи правильной правительственной организаціи, далеко не все равно будетъ, на которомъ изъ этихъ принциповъ исключительно остановиться—на принципѣ ли суверенитета или на принципѣ прогресса. Въ томъ и другомъ случаѣ точка зрѣнія законодателя не можетъ быть одинаковой. Такъ, исключительно съ точки зрѣнія суверенитета понатіе требуемыхъ условій не можетъ быть ни особенно яснымъ, ни особенно полнымъ. Дѣйствительный характеръ инициіативы, сущность авторитета не могутъ казаться достаточно ясными; привлекать къ себѣ каждую иниціативу, проявляющуюся въ обществѣ не считаютъ нужнымъ; въ этомъ видятъ скорѣе опасность, чѣмъ пользу. Не чувствуютъ точно также необходимости въ общемъ, совершенно свободномъ обсужденіи, которое простиралось бы на всѣ предметы. Однимъ словомъ, не имѣя передъ собою точно опредѣленной цѣли, сильно рискуютъ попасть на ложный путь. Дѣйствительно, можно употреблять различные способы къ осуществленію тѣхъ или иныхъ условій. Такъ напр., согласно съ мнѣніемъ, господствовавшимъ во всей Европѣ такъ сказать наканунѣ, а быть можетъ господствующимъ и до сихъ поръ, правительству достаточно совер-

шенно однихъ консервативныхъ, охранительныхъ задачь и вѣры въ то, что исполненіе этихъ задачь вполнѣ удовлетворитъ потребностямъ принятія, если послѣднее осуществляется чрезъ посредство одного изъ тѣхъ административныхъ совѣтовъ, какія имѣли мѣсто во Франціи до революціи, существовали нѣкогда въ Австріи и почти вездѣ до введенія представительныхъ учрежденій.

Необходимо, наконецъ, указать еще одинъ самый рѣшительный аргументъ противъ организаціи правительства исключительно на принципѣ суверенитета: политическій суверенитетъ опредѣляютъ весьма различными способами; въ то время какъ прогрессъ можно опредѣлить только однимъ. Суверенитетъ то разсматривается какъ необходимый аттрибутъ извѣстныхъ функцій, то какъ простой фактъ, требуемый самымъ существомъ общественнаго состоянія; и отсюда уже выводятъ доктрины правъ: наслѣдственнаго, династическаго или аристократическаго. Однимъ словомъ, всячески злоупотребляютъ идеей суверенитета, чтобы оправдать самыя противоположныя политическія системы. Все это совершенно невозможно по отношенію къ прогрессу. Здѣсь нельзя забыть ни цѣли дѣятельности, для которой и благодаря которой существуетъ общество, ни самыхъ нуждъ и потребностей общества, обусловливаемыхъ этой цѣлью. Совершенствованіе—не въ молчаливомъ повиновеніи и неподвижности, а въ движеніи и смѣлой дѣятельностя.

Итакъ въ заключеніе всего, когда рѣчь идетъ о конституціи, идею прогресса, въ принципѣ, слѣдуетъ предпочесть идеѣ суверенитета; такое предпочтеніе имѣетъ тѣмъ больше основанія, что опираясь на идею прогресса, мы никогда не разойдемся съ условіями существованія самаго суверенитета, такъ какъ иниціатива и принятіе, какъ мы это только что видѣли, суть ничто иное, какъ основныя формы осуществленія того и другаго принципа.

Необходимость организацiи начала принятiя

Каждая власть, какова бы она ни была, теряетъ значительную долю своего авторитета, если не организовано начало принятiя. Всякое правительство, желающее обезпечить за собой силу, а вмѣстѣ съ тѣмъ безопасность и продолжительность своего существованiя, которыя являются слѣдствiемъ силы, должно заключать въ себѣ оба условiя, образующiя собою суверенитетъ. Это его главнѣйшiй и наиболѣе важный интересъ.

Правительство, все содержанiе котораго исчерпывается однимъ только исполнительнымъ авторитетомъ или началомъ приказанiя, всегда игнорируетъ, какъ бы оно не поступало, чувства тѣхъ, которыхъ непосредственно касаются его дѣйствiя. Чѣмъ болѣе оно желало бы узнать, тѣмъ менѣе оно узнало бы; такъ какъ для своихъ сношенiй съ обществомъ, оно имѣетъ въ своемъ распоряженiи только самыя дурныя средства: доносъ и шпiонство. Чѣмъ усерднѣе оно розыскиваетъ, тѣмъ болѣе отъ него скрываются, тѣмъ менѣе оно узнаетъ. Оно обладаетъ всѣми шансами къ тому, чтобъ быть обманутымъ своими собственными агентами и навѣрное всегда будетъ ими обманываемо, все равно, будутъ ли эти агенты скрывать, уменьшать значенiе розысканнаго или даже изобрѣтать небывалое. Такимъ образомъ, оно стоитъ одинаково преданное всѣмъ непостоянствомъ, слабостямъ, свойственнымъ человѣческой природѣ. Хорошо еще, если оно чувствуетъ свое положенiе. Оно находится какъ бы въ состоянiи помѣшательства, которое угрожаетъ всѣмъ тѣмъ, которыхъ ничто не останавливаетъ, которыхъ никто не въ состоянiи оспорить. Это—состоянiе опьяненiя властью. Оно можетъ привести правительство къ неисправимымъ ошибкамъ. Объ немъ можно сказать, quos Jupiter vult perdere dementat. Но и это не все. Каковы бы ни были дѣйствiя или ошибки такого правительства, его отвѣтственность прикрываетъ ихъ. Какъ всезнанiе является главнѣйшимъ интересомъ такого правительства, такъ такимъ же интересомъ и желанiемъ его будетъ обезпечить только за собою деспотическую власть. Приэтомъ послѣднемъ условiи власть такого правитель-

ства все таки будетъ нѣсколько менѣе невыносимой; но каковы бы ни были его желанія, оно все таки неизбѣжно должно породить цѣлую іерархію мелкихъ тирановъ, злоупотребляющихъ, ради собственныхъ выгодъ, его авторитетомъ. Эти мелкіе деспоты пользуются мертвой тишиной, страхомъ, распространяемыми вокругъ себя правительствомъ, чтобы разыгрывать роль представителей власти по его же образцу. Наконецъ, наихудшимъ, но высшимъ результатомъ такого рода образа правленія является такое положеніе вещей, при которомъ правительство можетъ держаться, опираясь лишь на силу и всеобщій страхъ. Оно ломаетъ и разрушаетъ все, что ему препятствуетъ или только противорѣчитъ. При такомъ положеніи дѣлъ покой возможенъ лишь для людей, живущихъ изо дня въ день, чуждыхъ всякой серьозной мысли, ищущихъ исключительно эгоистическихъ удовольствій, лишенныхъ всякой спобности позаботиться сколько нибудь о другихъ или даже о себѣ самихъ; такъ какъ такое попеченіе есть дочь свободы. Когда подобнаго рода режимъ продолжается слишкомъ долго, а есть государства, въ которыхъ господство его кажется вѣчнымъ, родъ человѣческій перерождается въ рабовъ, которые подобно современнымъ туркамъ, необладаютъ ни дѣятельностью, ни умомъ, ни добрыми нравами.

Если уже и для людей, стоящихъ во главѣ правительства важно, чтобы начало принятія имѣло мѣсто въ возможно болѣе полной и совершенной формѣ, то для націи это обстоятельсво еще важнѣе. Я не говорю о правѣ націи, которое абсолютно. Я не говорю о той массѣ индивидовъ, которые составляютъ націю и изъ которыхъ каждый имѣетъ столько же личныхъ правъ, какъ и тѣ, въ рукахъ которыхъ власть. Но мы видѣли, что общество стремится къ цѣли, которая всегда шире интересовъ настоящаго поколѣнія; если это такъ, то съ еще большимъ основаніемъ можно сказать, что общество вовсе не имѣетъ въ виду удовлетвореніе интересовъ какого либо индивида. Оно имѣетъ право знать, куда

и какъ оно идетъ; оно имѣетъ право избирать путь для достиженія своей цѣли; оно имѣетъ право принимать или отвергать извѣстныя средства, гарантировать себѣ будущее; однимъ словомъ, оно имѣетъ право располагать своими силами. Наконецъ, оно имѣетъ полное право на достоинство своихъ дѣйствій, на честь и достоинство своихъ пожертвованій. И однако, тамъ, гдѣ оно не свободно, оно не имѣтъ ни заслугъ, ни чести, ни достоинства. Все это губится въ націи деспотизмомъ.

Различныя формы принятія.

Принятіе настолько необходимое условіе каждаго человѣческаго суверенитета, что оно сознается какъ бы инстинктивно даже тѣми властями, которыя считаютъ себя абсолютными. Быть можетъ, нѣтъ ни одного правительства, въ которомъ это начало не осуществлялось бы какимъ либо учрежденіемъ Даже китайскій императоръ, этотъ сынъ неба, имѣетъ свои шесть совѣтовъ —Наи-ко и Су-поръ. Каждый изъ восточныхъ султановъ совѣщается со своими диванами.

Впрочемъ, принятіе всякаго рода и различныхъ формъ можно понять, только уяснивъ себѣ ту цѣль, которую они себѣ ставятъ. Если ему не ставится ни какой другой цѣли кромѣ администраціи—оно обращается въ административное представительство. Примѣрами такого представительства являются—римскій сенатъ при императорахъ; сенатъ и государственный совѣтъ въ Россіи. Но если на принятіе взглянуть съ законодательной точки зрѣнія, то логически, необходимо придемъ къ понятію о представительствѣ тѣхъ, для кого создается законъ.

Въ высшей степени замѣчательно, что еще до шестнадцатаго столѣтія или лучше, до появленія постояннаго войска, во всѣхъ государствахъ тогдашней Европы существовало, подъ формой болѣе или менѣе совершенной, болѣе или менѣе правильной и вполнѣ надежной, представительство принятія; не менѣе замѣчательно и то, что эти различныя формы представительства устанавливались и практиковались не въ силу какой либо теоріи, но въ

силу самой необходимости вещей, въ силу стеченія обстоятельствъ, вліявшихъ на волю и желанія людей. Въ этомъ отношеніи особенно интересна исторія французскаго правительства.

Начало принятія въ прежней Франціи.

Французская нація была наиболѣе прогрессивной въ Европѣ; она стояла, въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, впереди всѣхъ другихъ народовъ Европы; но вслѣдъ за этимъ она вдругъ остановилась въ своемъ развитіи къ концу XIV столѣтія, въ царствованіе Карла VI и, въ послѣдствіи, въ теченіе слѣдующихъ четырехъ вѣковъ, кажется, что прогрессъ Франціи зависѣлъ не столько отъ нея самой, сколько отъ ея административныхъ учрежденій. Но это явленіе легко объясняется. Въ первый періодъ, при Меровингахъ, Карловингахъ и Капетингахъ во Франціи имѣло мѣсто хотя и неправильное, неорганизованное представительство, какъ это и должно было быть въ тотъ періодъ времени, когда общественно-государственная жизнь слагается исключительно подъ вліяніемъ необходимости и ищетъ своихъ формъ, такъ сказать, ощупью; но тѣмъ не менѣе это представительство было дѣйствительной силой [1]). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Etats généraux не приняли бы правильной формы ежегодныхъ собраній, если бы не имѣли мѣста страшныя бѣдствія безконечнаго ряда феодальныхъ войнъ, войнъ съ Англіей, продолжавшихся, въ два пріема, около ста лѣтъ. Въ первый періодъ этихъ войнъ не было потеряно ничего; но во второй, въ періодъ царствованія сумасшедшаго Карла VI, Франція терпитъ несчастія и страданія, о которыхъ трудно составить себѣ понятіе. Только благодаря иниціативѣ Жанны д'Аркъ или скорѣе Даркъ, дочери народа, принесшей спасеніе и побѣду подъ знаменами Карла VII, Франція была спасена. Благодаря этой побѣдѣ была создана постоянная ар-

---

1) См. мою Histoire de la formation de la nationalité française, Меровинги и Карловинги въ Bibliothèque utile. См. также введеніе въ Histoire parlementaire de la révolution française.

мія; но, странное дѣло, иниціатива относительно этого новаго, въ высшей степени важнаго явленія, идея этой мѣры, давшей непосредственные и такіе счастливые результаты въ началѣ, а впослѣдствіи такіе плачевные, не была ни идеей короля, ни его министровъ. Она была заявлена на собраніи Etats généraux 1436 года (въ Mehun-sur—Yevre) епископомъ.

Съ этого времени начиная, все прогресивное, кажется, исходитъ съ верху и носитъ болѣе административный характеръ. Но тѣмъ не менѣе однако, начало представительства не изчезаетъ совершенно ни по отношенію къ иниціативѣ, ни по отношенію къ принятію: за этотъ періодъ времени имѣютъ мѣсто частныя, гражданскія, внутреннія войны, — подобныя революціямъ новѣйшихъ временъ; въ нихъ то и лежала страшная иниціатива. Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли мѣсто, хотя и далеко не регулярно, собранія Etats généraux и нотаблей. Имѣло мѣсто, наконецъ, и принятіе, которое, какъ бы оно не было ничтожно, все таки производило свое дѣйствіе. Оно проявлялось въ парламентахъ, которые, пользуясь правомъ занесенія всякаго закона въ реестръ и правомъ предостереженія, являлись органами общественнаго мнѣнія. Вообще относительно Франціи справедливо будетъ сказать, что въ ней новое явленіе представляетъ абсолютная власть, свобода же—явленіе изстаринное.

Заключеніе. Кончивъ главу, скажу нѣсколько словъ въ заключеніе. Я показалъ какимъ образомъ, съ точки зрѣнія прогрессивной функціи правительства, логически выводится понятіе о дѣленіи и аттрибутахъ тѣхъ властей, изъ которыхъ оно составляется. Вслѣдъ за этимъ я показалъ, что изслѣдованіе условій, свойственныхъ человѣческому суверенитету, приводитъ къ тому же заключенію. Наконецъ, мы видѣли, что историческія событія — въ полномъ согласіи съ этими логическими выводами. Изъ всего этого слѣдуетъ, что правительство должно, въ принципѣ, состоять изъ власти, представляющей собою политическое единство, являющейся проводникомъ и органомъ иниціативы;

и власти принятія, распадающейся на два представительства: представительство принятія, сообразжающееся съ національными традиціями и представительство принаровленное къ потребностямъ настоящаго времени. Моя работа едвали привела къ чему либо новому, оригинальному по отношенію къ правительственнымъ формамъ; но она дала огромную, по моему мнѣнію, пользу въ томъ смыслѣ, что дала теорію представительства, которой мы не имѣли и доказала, что эта форма правленія одна только и совмѣстна съ прогрессивной политикой.

2.957. WILKEN, F.—Geschichte der Kreuzzüge. 7 Th. Leipzig, 807—32.

2.915. ВОЛЬТЕРЪ.—Лѣтопись царствованія германскихъ императоровъ. Перев. съ франц. Спб, 786.

ШКАФЪ XXI

ПОЛКА 3 in 8-vo.

4.407. DE BARANTE, M.—Histoire de la convention nationale. 6 vols. Bruxelles, 851.

3.030. De la BARRE DE BEAUMARCHAIS, M. A.—Les hollandais ou lettres sur la Hollande ancienne et moderne. Francfort, 738.

5.465. BASTIAN, A.—Der Mensch in der Geschichte. 3 Bde. Leipzig, 860.

5.647. BONNECHOSE, E.—Les réformateurs avant la réforme. 2 vols. Paris, 845.

5.586. De la BORDERIE A.—Les bretons insulaires ct les anglo-saxons du V au VII siécles. Paris, 873.

2.462. ВЕНЮКОВЪ, М.—Очерки Японіи. Спб, 869.

4.695. CASTELREAGH'S—Denkschriften, Depeschen, Shriftenwechsel etc. Sachlich gesichtet und deutsch bearbeitet von S. Frankenburg. 5 Theile in 2 Bücher gebunden. Hamburg, 853—54.

3.179. CRAVEN, E.—Voyage a Constantinople par la Crimée en 1786. Trad. de l'anglais par. M. D. Paris, 789.

2.839. КРАВЕНЪ, Е.—Путешествіе въ Крымъ и Константинополь. въ 1786 г. Перев. съ французск. Москва, 795.

5.809. DELHASSE, F.—Ecrivains et hommes politiques de la Belgique Bruxelles, 857.

3.955. DRAPER, I. W.—Gedankeu über die zukünftige Politik Amerikas. Aus dem englischen von A. Bartels. Leipzig, 866.

4.418. HAUFF, H.—Moden und Trachten. Fragmente zur Geschichte des Costüms. Stuttgart und Tübingen, 840.

3.023. KOCH, K.—Wandrungen im Oriente. 2 Bde. Weimar, 846.

3.091. LOSSIUS, I. C.—Neues philosophisches allgemeines Real-Lexikon. 4 Bde. Erfurt, 804.

5.810. MANAVIT, A.—Précis der cérémonies papales. Rome et Paris, 842.

5.132. MARINER, W. et MATRIN, I.—Histoire des naturels des iles Tonga ou des amis. Trad. de l'anglais par. A. Def. 2 vols. Paris, 817.

5.587. MONTEGUT, E.—Libres opinions morales et historiques. Paris, 858.

4.535. PASSERAN, Albert Radicati comte de.—Recueil de pieces curieuses etc. Londres 749.

2.907. ПЕТРОВЪ, М.—О характерѣ государственной дѣятельности Людовика XI. Харьковъ, 850.

5.128. ПИЛЬНИЦЪ, баронъ.—Похожденіе съ примѣчаніями историческими и географическими. Перев. съ французск. П. Жуковъ. Москва, 767.

3.177. RISBECK, le baron de.—Voyages en Allemagne. 3 vols. Paris, 788

5.811. SAINT-REAL, l'abbé de.—Oeuvres choisies. Paris, 818.

5.812. SAUSSURE, H. B.—Voyages dans les Alpes. Genewe et Paris, 834.

3.179. SAVARY. Lettres sur la Gréce. Paris.

2.814. СЮДРЪ, А.—Исторія коммунизма. Перев. съ франц. Спб, 870.

5.583. THONISSEN, I.—La Belgique sous le règne de Léopold 1-er. 4 vols. Liége, 855—58.

5.584. La BELGIQUE et le roi Léopold en 1857. Réponse a M. Guizot par un homme d'etat belge. Bruxelles, 857.

5.585. WCLZOGEN, A. Freiherr von.—Reise nach Spanien. Leipzig, 857.

ШКАФЪ XXI

ПОЛКА 4 in 8-vo.

3.199. ARTAUD et DE LA SALLE.—Italie et Sicile. Paris, 835.

5291. De BACKER, L.—L'archipel indien. Paris, 874.

2.934. De BEAUMONT-VASSY, le vicomte.—Histoire des états européens depuis le congrès de Vienne. 4 vols. Paris, 843.

2.679. БОРНСЪ, А.—Кабулъ. Путевыя записки, въ 1836—1838 г. 2 ч. въ 1 кн. Москва, 847.

2.678. БОРНСЪ, А.—Путешествіе въ Бухару. 3 ч. Москва, 848—49.

3.184. ВАРРЕНЪ, графъ Эдуардъ.—Англійская Индія въ 1843 году. 3 ч. Москва, 845.

2.798. ДИКСОНЪ, В.—Японія, ея исторія, правительство и внутреннее устройство. Перев. съ англійскаго Н. Кутейниковъ. Спб, 871

2.952. LEO, H.—Geschichte von Italien. 5 B-de. Hamburg, 829.

3.944. MENZEL, W.—Geschichte Europàs vom Sturze Napoleons bis auf die Gegenwart. (1816—1856). 2 B-de. 2 Auflage. Stuttgart, 859.

2.999. ROBERTSON, W.—Te history of the reign of the emperor Charles V. 4 vols. Basil, 793.

4.396. РОБЕРТСОНЪ, В.—Исторія государствованія Карла V. Перев. съ англ. Барышовъ. 4 т. Москва, 839.

2.965. SAALFELD, F.—Allgemeine Geschichte der neuesten Zeit, seit dem Anfange der französischen Revolution. 4 Bde in 8 Bücher gebunden. Leipzig und Altenburg, 815—23.

4.685. STRAUSS, D. F.—Ulrich von Hutten 2. Th. Leipzig, 858.

5.813. VERTOT, Labbé de.—Histoire des révolutions romaines. Paris.

ШКАФЪ XXI

ПОЛКА 5 in 8-vo.

5.635. ARNKIEL, Trogillo.—Cimbrische Heydenreligion. 4 B-de in 2 Bücher gebunden. Hamburg, 702.

3.183. БАРШУ де ПЕНОЭНЪ, баронъ.—Индія подъ англійскимъ владычествомъ. Перев. съ французск. 2 ч. Москва, 848—49.

3.176. BARCHOU de PENHOËN, le baron.—Histoire de la conquete de l'Inde par l'Angleterre. 6 vols Paris, 844.

4.493. CREUZER. F.—Abriss der römischen Antiquitäten. 2 Ausgabe. Leipzig und Darmstadt, 829.

5.420. De CUSSY, le baron F.—Précis historique des événemeuts politiques les plus remarquables qui se sont passés depuis 1814 a 1859. Leipzig, 859.

5.360. DONIOL, H.—La révolution française et la féodalité. Paris, 874.

5.363. GEFFROY, M. A.—Rome et lesbarbares. Paris 874.

3.525. GERVINUS, G.—Geschichte des neunzehnten Iahrhunderts. 8 Bde. Leipzig, 853—66.

4.343. ЗЕДЕРГОЛЬМЪ, К.—Исторія древней философіи. 2 ч. въ 1 кн. Москва, 841—42.

2.683. КУДРЯВЦЕВЪ, П.—Судьбы Италіи. Москва, 850.

5.808. MORGENSTERN, C.—Catalogus mss. et bibliothecae. Pars. I. II. cum supplemento. Dorpati, 868.

5.814. PETZOLD, E.—Historisch geographisch—statistische Tabellen. Leipzig, 863.

5.715. RITTER, C.—Die Vorhalle europäischer Völkergeschichten. Berlin, 820.

1.782. РОСЛАВСКІЙ-ПЕТРОВСКІЙ, А.—Введеніе въ курсъ исторіи цивилизацій. Харьковъ, 865.

5.720. SCHIMECK, M.—Politische Geschichte des Königreichs Bosnien und Rama. (867—741). Wien, 787.

4.792. СМИРНОВЪ, В.—Кучибей Гöмюрджинскій и другіе османскіе писатели о причинахъ упадка Турціи. Спб, 873.

5.807. СОБРАНІЕ статей, относящихся къ наукамъ, искуствамъ и словесности. Москва, 826.

5.310. STRAUSS, L.—La Chine, son histoire—ses rescources. Bruxelles et Paris, 874.

5.320. ТЭЙЛОРЪ, Э. Б.—Первобытная культура. Перев. съ англійск. Изд. редакціи журнала «Знаніе» 2 т. Спб, 872—73.

4.676. ТЬЕРРИ, О.—Разсказы о временахъ меровинговъ. Спб, 864.

5.466. WEBER, G. Zur Geschichte des Reformation—Zeitalters. Leipzig, 874.

2.789. ФИШЕРЪ, Куно.—Исторія новой философіи. 4 т. перев. Н. Страхова. Спб, 862—65.

2.878. ЭЗОВЪ, Г.—Внутренній бытъ древней Арменіи. Спб, 859.

ШКАФЪ XXI

ПОЛКА 6 in 8-vo.

3.518. BAUMGARTEN, H.—Geschichte Spaniens. 3 Th. Leipzig, 865—71.

4.405. GIESEBRECHT, W.—Geschichte der deutschen Kaiserzeit. 2 Bde. Braunschweig, 855—58.

3.526. HAUSSER, L.—Deutsche Geschichte vom Tode Friedrichs des Grossen bis zur Gründung des deutschen Bundes. 3 Auflage. 4 Bde. Berlin, 861—63.

4.398. ИРВИНГЪ, Вашингтонъ.—Жизнь Магомета. Перев. съ англійск. П. Кирѣевскій. Москва, 857.

2.811. ЛОРЕНЦЪ, Ф.—Исторія новѣйшаго времени. (1815—1856). Спб, 871.

4.406. MOTLEY, I. L.—Der Abfall der Niederlande und die Entstehung des Holländischen Freistaats. Aus dem englischen. 3 Bde. Dresden, 857—60.

2.015. PERTZ, G. H.—Das Leben des Ministers Freiherrn vom Stein. 2 Auflage. 6 Bde in 7 Büchergebunden. Berlin, 850.

3.131. РЕЙХЕЛЬ, I. Г.—Исторія о знатнѣйшихъ европейскихъ государствахъ. Перев. съ латинскаго М. Падеринъ. Москва, 788.

5.772. REUCHLIN, H.—Geschichte Italiens. 4 B-de. Leipzig, 859—73.

3.524. ROSEN, G.—Geschichte der Türkei. (1826 1856). 2 Th. in 1 gebund. Leipzig, 866—67.

3.025. De SIVRY, M. L.—Rome et l'Italie méridionale, Paris.

3.519. SPRINGER, A.—Geschichte Oesterreichs seit dem Wiener Frieden 1809. 2 Th. Leipzig. 863—65.

3.024. TOMBLESON.—Rhein Ansichten. London, 832.

4.678. WERNICKE, C.—Die Geschichte der Welt. 5 Bde. Berlin, 858—66.

2.840. ШАТОБРІАНЪ.—Записки о жизни и смерти Карла-Фердинанда Д'Артуа, герцога Беррійскаго. Перев. съ франц. 2 ч. въ 1 кн. Москва, 821.

ШКАФЪ XXI

ПОЛКА 7 in 8-vo

3.009. BELIN, I. L.—Le Simplon et l'Italie septentrionale. 2 edit. Paris, 843.

5.806. БИЛЬБАСОВЪ, В.—Генрихъ IV Распе ландграфъ Турингіи. Кіевъ, 867.

2.681. БЛАГОВѢЩЕНСКІЙ, Н.—Горацій и его время. Спб, 864.

5.805. БУСЛАЕВЪ, Ф.—Испанскій народный эпосъ о Сидѣ. Спб, 864.

2.916. ДЕЛИЦЫНЪ, П.—Святой Левъ, папа римскій. Москва, 849.

5.804. ДЕЛЛЕНЪ, А.—Cornelii Taciti Germania. Кіевъ, 868.

5.803. ЗАВАДСКІЙ-КРАСНОПОЛЬСКІЙ.—Вліяніе греко византійской культуры на развитіе цивилизаціи въ Европѣ. Кіевъ, 868.

2.920. ЗЕРНИНЪ, А.—Жизнь и литературные труды Императора Константина Багрянороднаго. Харьковъ, 858.

2.802. ЗИБЕЛЬ, Г.—Исторія французской революціи и ея времени. (1789—1795). Перев. съ нѣмецк. подъ редакц. В. Ососова и А. Путяты 4 ч. Спб, 863—67.

5.802. ЗИНОВЬЕВЪ, И.—Эпическія сказанія Ирана. Спб, 855.

5.815. КУДРЯВЦЕВЪ, П. Осада Лейдена. Москва, 855.

2.909. КУТОРГА, М.—Колѣна и сословія аттическія, Спб, 838.

5.801. КУТОРГА, М.—Исторія аѳинской республики отъ убіенія Иппарха до смерти Милтіада. Спб, 848.

5.800. КУТОРГА, М.—Персидскія войны. Спб. 857.

5.799. ЛУЧИЦКІЙ, И.—Фаодальная аристократія и кальвинисты во Франціи. Кіевъ, 872.

5.798. MIGNET, F. A.—Histoire de la révolution française. Bruxelles, 839.

3.146. МИЛЛЕРЪ, О.—О нравственной стихіи въ поэзіи на основаніи историческихъ данныхъ. Спб, 858.

3.951. MÜNSTER, Graf G. H. zu—Politische Skizzen über die Lage Europas vom Wiener Congress bis zu Gegenvart. Leipzig, 867.

2.701. НЕЛИДОВЪ, Н.—Обзоръ нѣкоторхххъ существенныхъ вопросовъ, относящихся къ древне-германскому государственному устройству. Казань, 868.

5.797. НИКИТСКІЙ, М.—Эмиръ Низам-Эддинъ Али-Ширъ въ государственномъ и литературномъ значеніи. Спб, 856.

3.124. ОПИСАНІЕ житія и дѣлъ принца Евгенія, герцога савойскаго. Спб, 740.

3.261. OUVAROFF.—Etudes de philologie et de critique. 2 édit. Paris, 845.

2.924. ПЕТРОВЪ, М.—Новѣйшая національная исторіографія въ Германіи, Англіи и Франціи. Харьковъ, 861.

5.796. SCHOEMANN, G. F.—Antiquitates iuris publici graecorum. Gryphiswaldiae, 838.

4.453. SIMONDE DE SISMONDI. - Histoires des républiques · italiennes du moyen age. 5 edit. 8 vols. Bruxelles, 838—39.

2.906. СМИРНОВЪ, А.—Паденіе Остготескаго государства въ Италіи. Спб, 857.

2.439. СТАСЮЛЕВИЧЪ, М.—Опытъ историческаго обзора главныхъ системъ философіи исторіи Спб, 866.

5.795. СТРАШКЕВИЧЪ, К.—Краткій очеркъ греческихъ древностей. Кіевъ, 864.

2.806. ТЬЕРЪ, А.—Исторія консульства и имперіи. Перев. Ф. Кони. 4 т. въ 3 кн. Спб, 846—49.

4.366. WACHLER, L.—Handbuch der. Geschichte der Litteratur. 4 Th. Leipzig, 822—24.

2.691. ШЛОССЕРЪ, Ф. К —Исторія восемнадцатаго столѣтія и девятнадцатаго до паденія французской имперіи. 8 т. Спб, 858.

ШКАФЪ XXI

ПОЛКА 8 in 8-vo.

4.422. APOLLONIUS de TYANE. sa vie, ses voyages, ses prodiges ete. Trad. du grec par A. Chassang. Paris, 862.

3.217. BARCHOU de PENHOEN, le baron.—Histoire de la philosophie allemande depuis Leibnitz jnsqu'a Hegel. 2 vols. Paris, 863.

3.283. BAUTAIN, l.abbé.—Réponse d'un chrétien aux paroles d'un croyant. Strasbourg, 834.

4.354. CARUS, C. G.—Göthe. Zu dessen näherem Verständniss. Leipsig, 843.

3.077. COMPENDIUM hermeneuticae sacrae, Mosquae, 806.

3.235. COUSIN, V.—Introduction a l'histoire de la philosophie, Paris, 828.

5.999. COUSIN, V.—Histoire de la philosophie du XVIII-me siècle. 2 vols. Paris, 829.

6.000. COUSIN, V.—Cours d'histoire de la philosophie morale au XVIII-me siècle. Paris, 840.

3.234. COUSIN, V,—Fragments philosophiques. 3 edit. 2 vols. Paris, 838.

3.233. COUSIN, V.—De la métaphysique d'Aristote. 2 edit. Paris, 838.

4.344. ДАВЫДОВЪ, И.—Опытъ руководства къ исторіи философіи. Москва, 820.

3.249. DURAND, L.—Etude des tempéraments. Marseille, 841.

4.364. EHRLICH, A,—De iudicio ab Aristotele de republica platonica facto. Halis Saxonun, 868.

2.850. ЭККАРТСГАУЗЕНЪ. Ночи или бесѣды мудраго съ другомъ. Изд. 2. Спб. 817.

6.001. ФИХТЕ, И. Г. Яснѣйшее изложеніе въ чомъ состоитъ существенная сила новѣйшей философіи. Перев. съ нѣмецк. Харьковъ, 813.

6002. ЖЕРАРДЪ.—О вкусѣ, Съ пріобщеніемъ разсужденій о томъ же предметѣ Д'Аламберта, Вольтера и Монтескіё. Перев. съ французск. Москва, 803.

4.081. GERUSEZ, E.—Essais d'histoire littéraire. Paris, 831.

4.082. GERUZEZ. E.—Nouveaux essais d'histoire littéraire. Paris, 846.

4.348. КИЗЕВЕТТЕРЪ, І. Г.—Логика. Перев. съ нѣмецк. Я. Толмачовъ. Спб, 831.

6003. КНИГА СИБИЛЛА о перемѣнахъ земли, дополненіе къ Цигеновымъ извѣстіямъ. Спб, 786.

5127. КНИЖИЦА, въ нейже повѣсть о распрѣ Павла и Варнавы съ іудействующими. Москва, 784.

4.349. ЛОДІЙ, П.—Логическія наставленія. Спб. 815.

4.363. MALZOW, S.—De Erinnae Lesbiae vita et reliquiis. Petropoli, 836.

4.080. MENNECHET, E.—Etudes sur les littératures modernes. 4 vols. Paris. 846.

6.004. МИХНЕВИЧЪ, І.—Опытъ простаго изложенія системы Шеллинга. Одесса, 850.

4.351. НОВИЦКІЙ, О.—Руководство къ логикѣ. Кіевъ, 841.

6.005. ОСНОВАТЕЛИ новой философіи: Вольтеръ, Д'Аламбертъ и Дидеротъ. Перев. съ французск. Спб, 809.

3.256. RITTER, H.—Geschichie der Philosophie. 9 Theile. Hamburg, 829—50.

6.006. RIZO, I.—Cours de littérature grecque moderne. 2 edit. Genève, 828.

6.007. RIZO, I.—Histoire moderne de la Gréce. Genéve, 828.

4.352. РОЖДЕСТВЕНСКІЙ, Н.—Руководство къ логикѣ. Изд. 2. Спб, 836.

6.008. STPÜMPELL, .L. H.—De summi boni notione, qualem proposuit Schleiermacherus. Dorpati, 843.

6.009. ТИРШЪ.—Христіанскія начала семейной жизни. Москва, 861.

6.010. WEY, F.—Histoire des revolutions du langage en France. Paris, 848.

2.849. ЮНГЪ-ШТИЛЛИНГЪ. — Апокалипсисъ. Москва 817.

6.011. ЮНГЪ-ШТИЛЛИНГЪ.—Тоска по отчизнѣ. Ч. 1. Москва, 817.

4.346. ЯКОБЪ, Л. Г.—Начертаніе всеобщей логики. Спб, 811.

ШКАФЪ XXI

ПОЛКА 9 in 8-vo.

3.240. BACHMANN, C. F.—System der Logik. Leipsig, 828.

3.934. BAUER, W.—Geschichte der Philosophie. Halle, 863.

3.243. BIUNDE, F. X.—Versuch einer systematischen Behandlung der empirischen Psychologie. 2 B-de in 3 Bücher gebunden. Trier, 831—32.

4.133. BUHLE, I. G.—Geschichte der neueren Philosophie. 6 B-de in 9 Bücher gebunden. Göttingen, 800—805.

3.126. ГАЛИЧЬ, А. Исторія философскихъ системъ. 2 книги въ 1 т. Спб, 818.

3.083. DESCARTES, R.—Oeuvres, publieés par V. Cousin. 11 vols. Paris, 824—26.

3.219. DESCARTES, R.—Principia philosophiae. Amstelodami, 656.

208. DESCARTES, R—Meditationes de prima philosophia. Amstelodami, 658.

6.012. ДМИТРЕВСКІЙ, М.—Политическія рѣчи Исократа о должностяхъ. Москва, 836.

6.013. ФЕРГУСОНЪ, А.—Начальныя основанія нравственной философіи. Перев. съ нѣмец. А. Брянцевъ. Москва, 804.

3.222. KANT, I.—Anthropologie in progmatischer Hinsicht. Leipzig, 833.

3.244. KANT, I,—Critik der practichen Vernunft· 6 Auflage. Leipzig, 827.

3.088. KANT, I.—Critik der reinen Vernunft. 7 Auflage. Leipzig, 828.

3.089. KANT, I.—Critik der Urtheilskraft. 3 Auflage. Berlin, 799.

4.341. КАРПОВЪ, Д.—Введеніе въ философію. Спб, 840.

4.263. КАРУСЪ, Г.—Сравнительная психологія. Перев. съ нѣмецк. А. Смирновъ. Москва, 867.

4.362 KATTERFELD, T.—De Aeschyli Prometheo vincto. Petropoli, 856.

3.094. LORETZ.—Exposition des principes et de fa discipline de l'unité évangelique des freres de la confession D'Augsbourg, Neuwied, 794.

4.347. ЛУБКИНЪ, А.—Начертаніе логики. Спб. 807.

4.361. MERCKLIN, L.—De Iunio Gracchano commentatio. Doprati. 840.

6.014. ОПЫТЪ антропологіи. Спб, 836.

6.015. СТРУВЕ, Г.—Самостоятельное начало душевныхъ явленій. Москва, 870.

6.016. АКСАКОВЪ, Н.—Barbarns antibarbaro. Отвѣтъ Г. Струве. Москва, 870.

6.017. УСОВЪ, С.—По поводу диссертаціи Г. Струве. Москва, 870.

3.093. WINDISCH—GRAETZ, le comte de.—De l'ame, de l'intiligence et de la liberté de la volonté. Strasbourg, 790.

6.018. ШАВАНЪ, Д. А.—Изъясненіе методы Генриха Песталоцци. Спб, 806.

ШКАФЪ XXI

ПОЛКА 10 in 8-vo.

6.019. АРИСТОВЪ, А. О вліяніе народнаго духа на философію. Москва, 839.

1.814. БИЛЬФЕЛЬДЪ, баронъ.—Наставленія политическія. Перев. съ французъ. князь Ф. Шаховской и А. Барсовъ. 2 ч. Москва, 768—75.

6.020. БРАШМАНЪ, Н.—О вліяніи математическихъ наукъ на развитіе умственныхъ способностей. Москва,

6.021. ГУРЛЯНДЪ. I —О вліяніи философіи мусульманской религіи на философію Моисея Маймонида. Спб, 863.

3.123. ЖІТІЕ канцлера франциска БАКОНА. Перев. съ франц. В. Тредіаковскій. Москва, 760.

6.022. ЗИНОВЬЕВЪ, А.—Историческій взглядъ на развитіе теоріи художественно-пректрасно. Москва, 841.

6.023. ИВАНОВЪ, Н. О необходимости содѣйствія философіи успѣхамъ отечественнаго просвѣщенія. Казань, 843.

3.127. ІОСИФЪ ФЛАВІЙ.—Древности іудейскія. Перев. съ латинскаго М. Самуйловъ. 2 ч. въ 1 кн. Спб. 779—81.

5.131. НАДЕЖИНЪ, Ф.—Опытъ науки философіи. Спб, 845.

4.350. НОВИЦКІЙ, О.—Краткое руководство къ логикѣ съ предварительнымь очеркомъ психологіи. Кіевъ, 844.

6.024. ОРНАТСКІЙ, С.—О единствѣ всеобщаго, высшаго закона правды. Москва, 856.

3.128. ПОЛИБІЙ.—Военная исторія. Т. I. Перев. съ французск. С. Волчковъ. Спб, 756.

2.937. ROUSSEAU, I. I.—Oeuvres complètes. 4 vols. Paris. 837—38.

6.025. СМИРНОВЪ, В.—О положительномъ знаніи. Москва, 835.

4.851, СМИРНОВЪ, А.—Философія Беркли. Историческій и критическій очеркъ. Варшава, 873.

4.674. SPRUNER, K. — Historisch — Geographischer Schul-Atlas. Gotha, 860.

4.402. SUETONE, les ecrivains de l'histoire auguste, Eutrope, Sextus Rufus, avec la traduction en français, publiés sous la direction de M. Nisard. Paris, 851.

6.026. VOLTAIRE.—Oeuvres complètes. I—VIII, IX—XIII vols paris, 836—38.

ШКАФЪ XXII

ПОЛКА 1 in 8-vo

3.298. C. I. CAESARIS opera cum lectissimis variorum notis, quibus suas adjicit Eligius Iohanneau. 2 vols. Parissiis, 833.

3.314. M. T. CICERONIS libri tres de officiis. Москва, 812.

6.027. M. T. CICERONIS pro S. Roscio Amerino oratio. Curavit I. Völkel. Mosquae, 871.

3.326. DIOGENIS LAERTII de vitis, dogmatis et apophthegmatis clarorum philosophorum libri decem. 2 vols. Lipsiae, 828—31.

3.327. COMMENTARII in DIOGENEM LAERTIUM. Editionem curavit H. G. Huebnerus. 2 vols. Prostant, 830—33.

3.335. L. Annaei FLORI epitome rerum romanarum. Cum lectissimis variorum notis quibus suas adjecit Langlois. Parisiis, 836.

3.897. HOMERI Ilias, graece et latine. Edidit S. Clarke. Ed. Undecima. 2 vols. Londini, 790.

3.301. Cornelii NEPOTIS opera. Cum lectissimis variorum notis quibus suas adjecerunt El. Iohanneau et I. Mangeart. Parisiis, 833.

3.360. Caii Vellei PATERCULI historiae romanae. Cum lectissimis variornm notis, quibus suas adjicit C. Chardin. Parisiis, 833.

3.372. PLINII SECUNDI epistolarum libri decem et panegyricus. Cum variorum adnotationibus quibus suas addidit E. Gros. 2 vols. Parisiis, 834—36.

3.373. C. PLINII SECUNDI historiae naturalis libli XXXVII. 9 vols. Parisiis, 835—38.

3.303. Q. Curtii RUFI de rebus gestis Alexandri Magni libri superstites cum frenshemii supplementis suis variorumque notis illustravit A. Huguet. 2 vols. Parisiis, 834.

3.399. M. Fabii QUINCTILIANI de institutione oratoria libri duodecim. Edit. I. M. Gesnero. Gottingae, 738.

3.383. Caii SALLUSTII Crispi omnia quae exstant opera. Cum variorum notis, quibus suas adjecit Th. Burette. Parisiis, 835.

4.360. SCHIRREN, C.—De ratione quae inter Iordanem et Cassiodorium intercedat commentatio. Doprati, 858.

6.028 СЛОВАРЬ греческо-русскій. 2 ч. Москва, 848.

6.029, STEINMANNUS, I. E.—Plutarchi symposiacarum quaestionum ultimam, IX. 15. Petropoli, 845.

6.030. STRUVE, I, T.—Emendationes et observationes in Quinti Smyrnaei Posthomerica. Petropoli, 843.

3.385. Caii SUETONII Tranquilli opera. Instruxit E. Gros. 2 vols. Parisiis, 835—36.

3.261. TCHORZEWSKI, C.—De politia Timae Critia ultime Platonico ternione, librorum de legibus praecipua ratione habita. Kazani, 847.

3.396. TICHONOVICZ, P.—De Lucano ejusque carmine epico Pharsalia. Charcoviae, 841.

3.357. VALERII MAXIMI opera cum variorum notis quibus suas adjecit S. de Lennemas. 2 vols. Parisiis, 836—37.

6.031. ВЕЛИКАНОВЪ, А.—О реформѣ, какую произвелъ Сократъ въ философіи. Одесса, 842.

3.903. P. VIRGILIUS MARO, varietate lectionis et perpetua adnotatione illustratus a C. G. Heyne. 4 Vols. Edit. 3. Lipsiae, 803.

3.905. P. VIRGILIUS MARO Werke von I. H. Voss. 3 Ausgabe. 3 Bände. Braunschweig 822.

ШКАФЪ XXII

ПОЛКА 2 in 8-vo.

3.329 EUTROPII breviarum historiae romanae. Ex recens. H. Verheyk. Mosquae, 807.

3.898. HOMER' s Ilias von I. H. Voss. 5 Auflage. Stuttgart und Tübingen, 833.

3.900. HOMER' s Odyssee von I H. Voss. 5 Auflage Stuttgart uud Tübingen, 833.

3.345. Q. HORATIUS Flaccus Werke von I. H. Voss. 3 Ausgabe. 2 B-de. Braunschweig, 822.

3.362. ISOCRATIS, Demetrii Cydone et Michaelis Glycae etc. Edit. C. F. Matthaei. Mosquae, 776.

3.367. P. OVIDIUS NASO Verwandlungen von I. H. Voss. 2 Auflage. 2 Th. Braunschweig, 829.

3.319. PLATON' s Werke von F. Schleiermacher 2 Auflage. 3 B-de in 6 Bücher gebunden. Berlin, 817—28.

3.317. PLATON. Oeuvres, traduites par V. Cousin. 13 vols. Paris, 822—40.

3.318. PENSÉES de PLATON, récueillies et traduites par I. V. Le Clerc. Paris, 819.

6.032. C. PLINI Secundi Naturalis historiae libri XXXVII. Recensuit I. Sillig. 8 vols. Hamburgi, 851—58.

3.387. SCHILINZKY, G.—De Taciti vita Agricolae Petropoli, 848.

3.159. C. C. TACITI Opera. Recens. I. F. Gronovius. 2 vols. Amstelodami, 685.

3.129. ТАЦИТЪ, К. Корнелій.—Лѣтопись. Пер. съ латинскаго Румовскій. 4 т. Спб, 806—809.

ШКАФЪ XXII

ПОЛКА 3 in 8-vo.

3.291. AESCHYLI tragoediae. Lipsiae, 827.

3.292. AESCHINIS oratoris opera. Lipsiae, 817.

3.294. APOLLONII RHODII Argonautica. Lipsiae, 817.

3.297. ARISTOPHANIS Comoediae. 2 vols. Lipsiae, 818.

3.921. CEBES des Thebaner Gemählde. Bearbeitet von I. D. Büchling. Meissen, 796.

3.313. CHRESTOMATIA CICERONIANA. Recensirt von I. M. Gesnern. Leipsig und Zelle, 753.

3.304. COLUTHI raptus Helenae et Tryphiodori expugnatio Trojae. Leipsiae, 823.

3.324. DEMOSTHENIS quae supersunt opera. 5 vols. Lipsiae, 821—22.

3.323. DEMOSTHENIS ET AESCHINIS orationes. Basiliae.

3.333. EURIPIDIS tragoediae. Ex nova recognitione A. Matthiae. 3 vols. Lipsiae, 819.

3.332. GNOMICI poetae graeci. Nova editio accurata e G. H. Schaeferi recognitione. Lipsiae, 826.

3.909. HARLESS, G. C.—Brevior notitia litteraturae groecae in primis scriptorum graecorum. Lipsiae, 812.

3,907. HARLES, T. C.—Brevior notitia litteraturae romanae in primis scriptorum latinorum. Lipsiae, 789.

3.908. HARLES, T. C. Supplementa ad breviorem notitiam litteraturae romanae in primis scriptorum latinorum. 3 vols. Lipsiae, 799—817.

3,910. HOFFMANN, S. F.—Additamenta ad T. C. Harlessii breviorem notitiam litteraturae graece in primis scriptorum Graecorum. Lipsiae, 829.

3.366. HEINSII commentarius in P. Ovidii Nasonis opera omnia addita est eiusdem Ovidii vita auctore I. Massono. Curavit I. T. Fischer. Lipsiae, 758.

3.342. Q. HORATII FLACCI poemata, cum commentariis I. Min-Ellii. Lipsiae et Hafniae, 739.

3.311. ISAEI oratoris-opera. Lipsiae, 822.

3.388. KRJUKOW, D.—Observationes ad Taciti Agricolam. Dorpati Livonorum, 832.

3.355.LYSIAE oratoris operes. Lipsiae, 822.

3.334. ORPHICA. Nova editio accurata. Lepsiae, 818.

3.371. PAUSANIAE Graeciae descriptio. 3 vols. Lipsiae, 819.

3.316. PLATONIS quae supersuut opera. Recognovit G. Stallbaum. 8 vols. Lepsiae, 821—25.

3.315. Ex PROCLI scholiis in Cratylum Platonis excerpta. Edidit. I. T. Boissonade, Lipsiae, 820.

3.370. PLUTARCHI vitae parallelae. 9 vols. Lipsiae, 820.

3.382. SOPHOCLIS Oedipus Tyrrannus et EURIPIDIS Orestes ex optimis exemplaribus emendati. Argentorati, 779.

3.381. SOPHOCLIS tragoediae cum brevi annotatione A. Matthiae. Lipsiae, 825.

3.158. TACITUS C. Cornelius.—Oeuvres. Paris, 594.

3.391. THEOKRITOS Bion und Moschos. von I. H. Voss. Tübingen, 808.

3.394. THUCYDIDIS de bello Peloponnesiaco libri octo, 2 vols. Lipsiae, 827.

3.390. A. TIBULLUS und LYGDAMUS. Uebersetzt und erklärt von I. H. Voss. Tübingen, 810.

3.886. XENOPHONTIS Cyropaedia. Recens. E. Poppo. Lipsiae, 823.

3.888. XENOPHONTIS oeconomicus convivium, Hiero Agesilaus. Lipsiae, 818.

3.889. XENOPHONTIS historia Graeca. Lipsiae, 819.

3.890. XENOPHONTIS opuscula politica equestria et venatica. Lipsiae, 820.

3.891. XENOPHONTIS de expeditione Cyri minoris. Curavit F H. Bothe Lipsiae, 804.

ШКАФЪ XXII

ПОЛКА 4 in 8-vo.

3.296. АНАКРЕОНЪ Теосскій.—Стихотворенія, переведенныя съ греческаго И. Мартыновымъ. Спб, 829.

3.212. АПОѲЕГМАТА т. е. краткихъ витіеватыхъ и нравоучительныхъ рѣчей книги три. Перев. съ польскаго на славянскій языкъ. 5 тисненіе. Спб, 871.

3.306. CLAUDIEN.—Oeuvres complettes, traduites en français avec des notes mythologiques, historiquis et le texte latin. 2 vols. Paris, 798.

3.904. EICHHOFF, F. G.—Etudes grecques sur Virgile. Avec le texte latin. 3 vols. Paris, 825.

3.330. ЕЗОПЪ.—Басни, переведенныя съ греческаго Н. Мартыновымъ. Спб, 823.

3.346. Valerii FLACCI Argonauticon libri octo, cum notis P. Burmannii. Recensuit T. C. Harles. Altenburgi, 781.

3.328. Auli GELLII Noctium Atticarum libri XX. 2 vols. Biponti, 784.

3.341. ГЕРОДОТЪ.—Исторія, переведенная съ греческаго языка И. Мартыновымъ. 5 ч. Спб. 826.

3.899. ГОМЕРЪ.—Иліада, переведенная съ греческаго языка И. Мартыновымъ. 4 ч. Спб, 823—25.

3.901. ГОМЕРЪ.—Одиссея, переведенная съ греческаго языка И. Мартыновымъ. 4 ч. Спб, 826—28.

6.033. HANSEN, A.—De vita Aëtii. Dorpati, 840.

3.300. КАЛЛИМАХЪ Киринейскій.—Гимны. Пер. съ греческаго И. Мартыновъ. Спб, 823.

3.325. ЛОНГИНЪ Діонисій.—О высокомъ. Перев. съ греческаго И. Мартыновъ. Спб, 826.

3.358 M. MANILII Astronomicon ex recensione R. Bentleji. Cura et studio M. E. Stoeber. Argentorati, 765.

6.034. MERCKLIN, L.—De Corneliae P. F. Graechorum matris vita. Dorpati, 844.

3.375. ПИНДАРЪ, переведенный съ греческаго языка И. Мартыновымъ. 2 ч. Спб, 827.

3.398. M. F. QUINCTILIANI opera. 4 vols. Biponti, 784.

3.379. L. A. SENECAE Tragoediae. Biponti, 785.

3.386. C. SILII ITALICI Punicorum libri septemdecim e recensione A. Drakenborch curavit I. P. Schmidius. Mitaviae, 775.

3.380. СОФОКЛЪ.—Трагедіи, переведенныя съ греческаго И. Мартыновымъ. 4 ч. въ 2 кн. Спб, 823—25.

3.392. P. TERENTII AFRI comoediae sex. Edidit C. F. Matthaei. Mosquae, 806.

3.211. ЦИЦЕРОНЪ.—Разсужденіе о добродѣтели. Москва, 820.

3.364. ФЕДРЪ.—Басни, изданныя Кошанскимъ. Спб, 814.

3.363. PHAEDRI Augusti Liberti Fabulae Aesopiae. Biponti, 784.

2.852. ѲЕОФРАСТЪ.—О свойствѣ нравовъ человѣческихъ. Перев. съ латинскаго. Спб, 772.

3.266. THEOPRASTUS Abschilderungen der menschlichen Sitten, herausgegeb. von. H. W. Rotermundt. Hamburg, 791.

ШКАФЪ XXII

ПОЛКА 5 in 8-vo

6.035. BOILEAU N.—Oeuvres. Nouvelle edition par Des Maizeaux. 4 vols. Dresde, 746.

3.208. BOUTERWEK, F.—Lehrbuch der philosophischen Vorkenntnisse. 2 Auflage. Gottingen, 820.

3.210. BOUTERWEK, F.—Lehrbuch der philosophischen Wissenschaften. 2 Auflage. 2 Th. in 1 Bd. gebunden. Göttingen, 820.

6.036. BOUTERWEK, F. Geschichte der Poesie und Beredsamkeit. 12 B-de. Göttingen, 801—19.

3.441. CARUS, F. A.—Nachgelassene Werke. 2 Auflage. 3 Th. Leipzig. 803—23.

5.701. Pomponius MELA traduit en français, sur l'edition d'Abraham Gronovius, par C. P. Fradin. 3 vols. Paris, 804.

3.374. M. Acci PLAUTI comoediae superstites viginti. Biponti, 788.

3.250. TENNEMANN, W. G.—Geschichie der Philosophie, herausgegeben von A. Wendt. 11 Bde. in 12 Bücher gebunden. Leipzig, 819—29.

3.087. TETENS, I. N.—Philosophische Versuche über die Menschlicho Natur. 2 Bde. Leipzig, 777.

ШКАФЪ XXII

ПОЛКА 6 in 8-vo

6.037. AST, F.—Grundriss der Philologie. Landshut, 808.

4.660. C. I. CAESARIS commentarii de bello Gallico. Erklaert von F. KRANER 4 Auflage. Berlin, 863.

3.277. DELARIVIERE, P. F.—Nouvelle logique classique. Paris, 829.

3.230. FRIES, I. F.—Neue oder anthropologische Kritik der Vernunft. 2 Auflage. 3 Bde. Heidesberg, 828—31.

3.228. FRIES, I. F.—System der Methaphysik. Heidelberg, 824.

3.227. FRIES, I. F.—Die mathematische Naturphilosophie. Heidelberg, 822.

2.307. FRIES, I. F.—Politik oder philosophische Staatslehre. Herausg. von Apelt. Iena, 848.

3.229. FRIES, I. F.—Handbuch der psychischen Anthrapologie. 2 Bde in 1 gebund. Iena, 820—21.

3,223. FORICHON, l'abbé.—Le materialisme et la phrénologie. Paris, 840.

3.279. HARTMANN, P. C.—Der Geist der Menschen. 2 Auflage. Wien, 832.

3.280. HINROTHS, I. C.—Pisteodicee oder Resultate freier Forschung über Geschichte, Philosophie und Glauben. Leipzig, 829.

3.079. IACOBI, F. H.—Werke. 6 Bde in 8 Bücher gebunden. Leipzig, 812—25.

3.350. IUSTINI Historiae Philippicae. Ex recensione I. G. Graevii Edidit C. F. MATTHAEI. Mosquae, 809.

3.347. D. I. IUVENALIS satyrarum libri V. Edit. E. Lubini. Hanoviae, 603.

3.218. IOUFFROY, Th.—Mélanges philosophiques. 2 Edit. Paris, 838

3.276. KOEPPEN, F.—Philosophie des Christenthums. 2 Ausgabe. 2 Theile in 1 gebund. Leipzig, 825.

3.216. LAROMIGUIÉRE, M.—Leçons de philosophie. 5 edit. 2 vols. Paris, 833.

3.282. REID, Th.—Essais sur les facultés de l'esprit humain. 4 vols. Paris, 828—29.

3.281. REID, Th.—Recherches sur l'entendement humain d'après les principes du sens commun. Paris, 828.

4.359. RUFI EPHESII veteris at celeberrimi medici opuscula et fragménta graece. Edidit C. F. Matthaei. Mosquae, 806.

6.038. SARTORIUS, E.—Vom höchsten Principe der Wissenschaft. Dorpat., 829.

3.278. SCHMIDT, E.—Erster Versuch einer Theorie des Gefühls. Berlin, 831.

6.039. SHOTT, H. A.—Die Theorie der Beredsamkeit. 3 Th. Leipzig, 824—28.

3.205. SCHULZE, G. E.—Psychische Anthropologie. 3 Ausgabe. Gottingen, 826.

6.040. VOLKMAN, A. W.—Beitrag zur moralischen Würdigung des Zweikampfes. Dorpat, 841.

3.214. WEISS, C.—Untersuchungen über das. Wesen und Wirkeu des menschlichen Seele. Leipzig, 811.

ШКАФЪ XXII

ПОЛКА 7 in 8-vo.

6.041. АСТЪ, Ф.—Обозрѣніе исторіи философіи. Перев. съ нѣмецк. Спб, 831.

2.815. Адамъ СМИТЪ.—Теорія нравственныхъ чувствъ. Спб, 868.

6.042. ВЛАСЬЕВЪ, Н.—Обозрѣніе исторіи философскаго мышленія Грековъ о справедливости и государствѣ до Платона. Одесса, 862.

3.193. ГАВРІИЛЪ архимандритъ. Исторія философіи. 6 ч. въ 1 кн. Казань, 837.

6.043. ГЛИНКА, С.—Исторія ума человѣческаго. Москва, 804.

3.073. HEGEL'S G. W. F. Werke. Vollständige Ausgabe. 18 Bde in 22 Bücher gebunden. Berlin, 832—840.

3.074. KARPE, F. S.—Institutiones philosophiae dogmaticae et moralis. 2 vols. Musquae, 815.

6.044. КОНДИЛЬЯКЪ, аббатъ.—Логика. Пер. съ французск. Т. О. Москва, 805.

3.451. LA-ROCHE, P.—Charakteristik des Polybius. Leipzig, 857.

4.855. ПОЛЕТИКА, И.—Критика философской системы Конта и дополненіе этой системы мыслями Гегеля. Спб, 873.

2.851. ПРЕДМЕТЪ французскаго просвѣщенія ума и противоположныя оному истинны. 2 ч. въ 1 кн. Москва.

4.342. РЕЙНГАДТЪ, Х. Ф.—Система практической философіи перев. съ французск. Кувчинскій. Москва 807.

6.045. РѢЧИ, говоренныя Рейнолдсомъ въ Англійской академіи художествъ въ Лондонѣ. Перев. съ англійск. И. Татищевъ. Спб, 790.

3.078. SALAT, I.—Wahlverwandtschaft zwischen den sogenanten Supernaturalisten und Naturphilosophen. Landshut, 829.

6.046. SCHELLING, F. W. I.—Philosophische Schriften. 1 Bd. Landhut, 809.

3.239. SCHUBERT, G. H.—Die Geschichte der Seele. 2 Auflage. Stuttgart nnd Tübingen, 833.

4.340. СИДОНСКІЙ, Ѳ.—Введеніе въ науку философіи. Спб, 833.

3.917. VIGERUS, Fr.—De praecipuis graecae dictionis idiotismis libellus. Illustravit H. Hoogeveen. Edit. 2. Lugduni Batavorum, 752.

ШКАФЪ XXII

ПОЛКА 8 in 8-vo.

6.047. BRIEFWECHSEL ziwischen Schiller und Goethe in den Iahren 1794 bis 1805. 3 Theile. Stuttgart, 828—29.

3.221. M. Tullii CICERONIS opera omnia. 20 vols Mannhemii, 783—87.

6.048. ВЕЙССЪ.—Основанія философіи нравственной и политической. 2 ч. въ 1 кн. Москва, 837.

3.099. FAUCHE, P. F.—Le chemin du bonheur. Gamburg, 791.

3.027. ГЛАСЪ небесной тверди, возвѣщающей смертнымъ бытіе, премудрость и всемогущество превѣчнаго. Переводъ. Москва, 808.

3.339. HESIODI Ascraei quae extant, cum notis C. Schrevelii. Lipsiae, 703.

3.340. HESIOD'S Werke und Orfeus der Argonaut von I. H. Voss. Heidelberg, 806.

3.397. HIMERII Sophistae oratio qua laudes urbis Constantinopoleos et Iuliani Augusti celebrantur. Erecensione et cum commentario G. Wernsdorfii. Edidit T. Ch. Harles. Erlangae, 585.

3.356. LUCIANI samosateni operum cum G. Cognati et I. Sambuci annotationibus. Basileae.

3.320. PLATONIS Phaedo sive dialogus de animae immortalitate graece et latine versionem Marsilii Ficini emendavit. Edit. I. H. Winkler. Lipsiae, 744.

6.049. РАЗСУЖДЕНІЕ противъ атеистовъ и натуралистовъ. Перев. съ латинскаго. Изд. 2. Москва, 781.

3.377. Annaei SENECAE opera omnia, Genevae, 665.

3.265. SEXTI AVRELII VICTORIS historia romana, ex recensione I. F. Gruneri. Coburgi, 757.

3.209. SUABEDISSEN, T. A.—Resultate der philosophischen Forschungen über die Natur der menschlichen Erkenntniss von Plato bis Kant. Marburg, 805.

2.791. УЭВЕЛЛЬ, В. — Исторія индуктивныхъ наукъ отъ древнѣйшаго и до настоящаго времени. Перев. съ 3 англійск. изданія Антоновича и Пыпина. 3 тома. Спб, 867—69.

2.848. ЮНГЪ-ШТИЛЛИНГЪ, I. Т.—Угрозъ свѣтовостоковъ. 8 т. въ 7 кн. Спб, 806—815.

6.050. ЮНГЪ.—Духъ или нравственныя мысли. Перев. съ франц., А. Андреевъ, Спб, 798.

3.892. XENOPHONTIS memorabilium Socratis dictorum libri IV. Edidit I. A. Ernesti.

ШКАФЪ XXII

ПОЛКА 9 in 16-vo.

3.290. Cl. AELIANI sophistae variae historiae libri XIV. Graece et latine. Basileae, 774.

3.911. ARISTOTELIS artis rhetoricae sive de arte dicendi libri III. Spirae, 698.

6.051. AUDOENI Cambro-Britanni epigrammata. Cura A. Renuard. 2 vols Parisiis, 794.

161. BALTZER, E.—Die Reform der Volkswirthschaft. Nordhausen, 867.

3.922. BIBLION (на греческ. языкѣ). Venetiis, 557.

6.052. BROUGHAM, H.—Discours sur la théologie naturelle. Trad. de l'anglais par I. C, Tarver Bruxelles. 836.

3 263. Ioannis CLERICI ars critica, in qua ad studia linguarum latinae, graecae et hebraicae. 3 vols. Lugduni Batavorum, 778.

1.551. DUPIN, le baron Ch.-Harmonies des intérés industriels. Paris, 833.

3.915. EPIGRAMMATA graeca (на греч. языкѣ). Coloniae, 528.

1.550. GILBART, I. W.—Lectures sur l'histoire et les principes du commerce ches les anciens. Paris, 856.

3.255. GOLDSMITH.—The citizen of the world. 2 vols. Edinburgh, 809.

3.913. I. GRESTERI rudimenta linguae graecae. Coloniae, 621.

2.972. HERODIANI Historiarum Lib. VIII. Edit. cura I. H. Boecleri. Argentorati, 644. Idem tertia editio. Argentorati, 694.

3.361. ISOCRATIS orationes tres. Quedlinburgi, 648.

3.895. КСЕНОФОНТЪ. О достопамятныхъ дѣлахъ и разговорахъ Сократовыхъ четыре книги. Перев. съ греческ. Г. Полетика. Спб, 762.

4.415. LEJAY, G. F.—Ars rhethorica. Petropoli, 797.

6.053. LETTRES portugaises. 2 vols. rel en 1. Paris, 796.

3.353. T. LUCRETII Cari De rerum natura libri sex. Cura et labore D. Parei. Francofurti, 631.

3.354. LUCRECE. Oeuvres, traduites en francais par le baron de Coutures. 2 vols. Paris, 692.

6.054. P. MELA.—De situ orbis libri III. I. SOLINI Polyhistor etc. Florentiae, 526.

3.368. OVIDII NASONIS opera (безъ заглавнаго листа).

6.055. PENSEES philosophiques. Amsterdam, 779.

3.369. PLUTARCHI libellus de superstitione et DEMOSTHENIS oratio funebris. Graece et latine. Mosquae, 778.

3.155. POLYBII Megalopolitani historiarum libri priores quinque. Lugduni, 554.

3.919. Ausonii POPMAE Frissii, De differentiis verborum libri IV et de usu antiquae locutionis libri duo. Cura B Musculo. Marpurgi, 635.

3.912. REINECCII, Ch. syllabus memorialis vocum graecarum Nov. Test. Lipsiae, 734

5.178. SAINT-SIMON.—Exposition de la doctrine. 2 Edit. Bruxelles, 831.

3.384. SALLUSTII Catilinaria et Jugurthina bella. Parisiis, 801.

3.918. SCUFFI, F.—Arte di retorica. Venetia, 571.

2.429. СОБРАНІЕ коренныхъ словъ греческаго языка. Изд. Огинскаго. Спб, 823.

3.378. STATII opera. Venetiis, 519.

5.130. THEODORETI Episcopi dialogus primus. Tiguri, 593.

3.393. THEOPHRASTI characteres graece ethiic, cum versione latina I. Casauboni. Trajecti ad Rhenum, 737.

